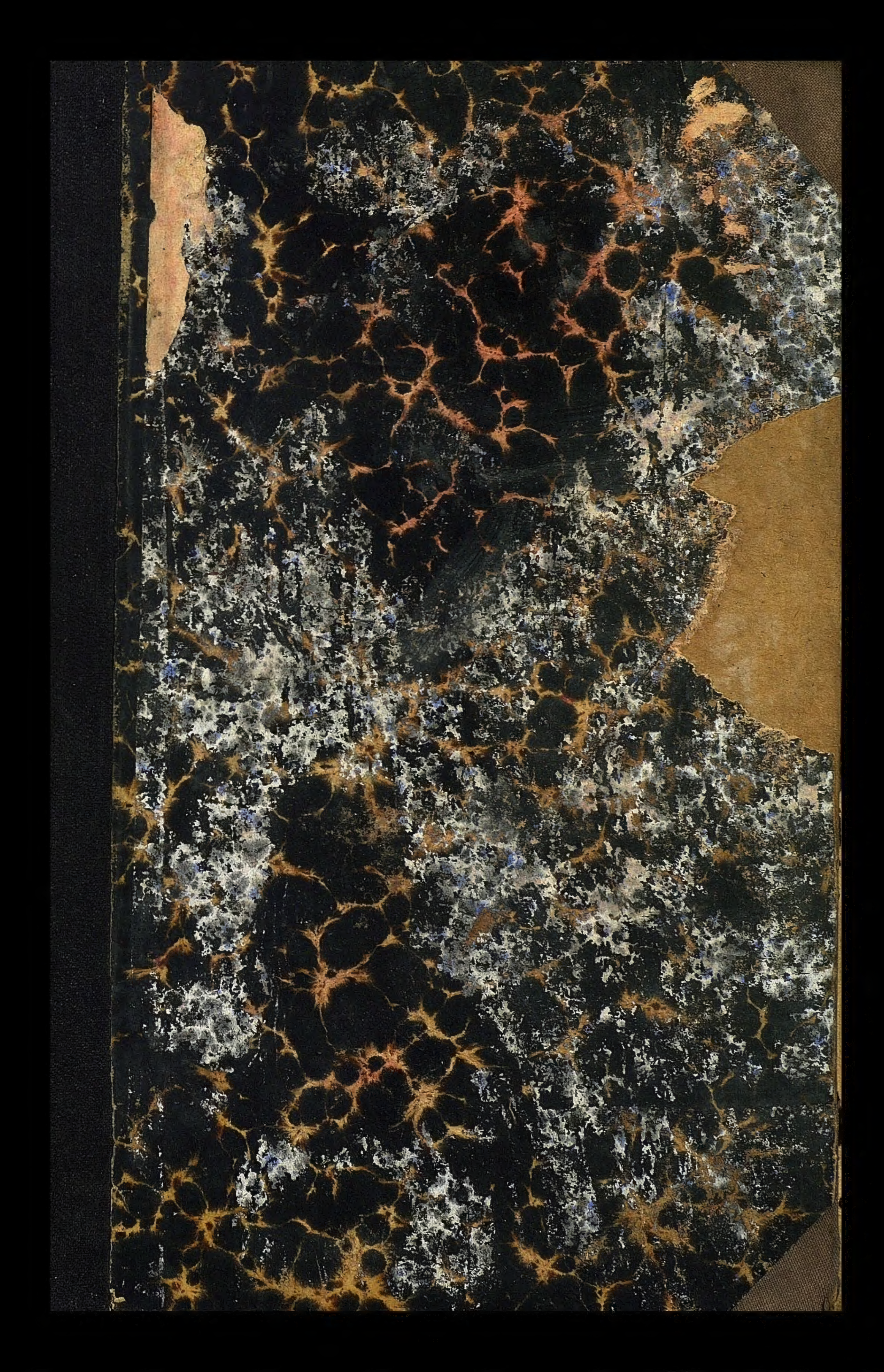

~~7/3 [illegible]~~

[illegible]

[illegible]

[illegible]

21/4.

ИЗЪ КНИГЪ
№
И. И. Корсакъ.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

СОРОКЪ-ПЯТЫЙ ГОДЪ

ФЕВРАЛЬ

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: МОХОВАЯ, 32.

Главная Контора журнала:
Загородный проспектъ, № 14.

Экспедиція журнала:
Пет. ст., Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1910

4008

ШКОЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ

II *).

Московскій университетъ.

По выходѣ изъ лицея я рѣшился идти по „ученой части“, какъ говорили, не безъ презрительной улыбки, въ нашемъ семейномъ кругу. Но тутъ встрѣтилось важное препятствіе. Своекоштные воспитанники должны были по окончаніи курса состоять на государственной службѣ въ продолженіе четырехъ лѣтъ, и мнѣ волей-неволей надо было пристроиться къ какому-нибудь вѣдомству. Къ счастью, совѣтъ и покровительство Тройницкаго, въ то время товарища министра внутреннихъ дѣлъ и отца моего однокашника—одного изъ немногихъ, оставшихся въ живыхъ изъ нашего выпуска,—вывели меня изъ затруднительнаго положенія. Онъ свелъ меня къ Валуеву, котораго такъ мѣтко обрисовалъ А. Толстой въ своемъ извѣстномъ „Снѣ совѣтника Попова“. Валуевъ принялъ меня отмѣнно вѣжливо. Въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ, и притомъ на различныхъ языкахъ, онъ похвалилъ мое намѣреніе „совершенствоваться въ наукахъ“ и тутъ же приказалъ изготовить для меня безсрочный отпускъ съ тѣмъ, чтобы я могъ, при первой возможности, приписаться къ канцеляріи московскаго губернатора.

Въ Москвѣ тогда гражданскимъ губернаторомъ былъ артил-

*) См. январь, стр. 26.

лерійскій генералъ, защитникъ Севастополя, князь Оболенскій— добрѣйшій человѣкъ, очень недалекій и извѣстный не столько своей административной дѣятельностью, сколько своими столкновеніями съ женой, урожденной Сумароковой, которая ударилась въ самый ультра-красный либерализмъ и отъ которой онъ увезъ за-границу дѣтей съ помощью какой-то международной полиціи.

Оболенскій тотчасъ же велѣлъ записать меня въ свою канцелярію, крайне удивившись, что лицеистъ, да еще съ медалью, не проситъ себѣ никакого штатнаго мѣста и довольствуется номинальной службой. Онъ, вѣрно, не раздѣлялъ мнѣнія Валуева и считалъ „совершенствованіе въ наукахъ“ совсѣмъ ненужной роскошью.

Въ канцеляріи числился я два года, никогда не полюбопытствовавъ узнать, гдѣ именно она находится, и покинулъ служебное поприще раньше установленнаго срока.

Вышелъ я въ отставку по совершенно случайному обстоятельству. Какъ-то разъ весной захотѣлось мнѣ поѣхать на нѣсколько недѣль въ Парижъ. Въ то время заграничный отпускъ служащимъ давался не иначе, какъ съ Высочайшаго разрѣшенія, и я, прождавъ мѣсяца полтора, получилъ его тогда, когда охота ѣхать прошла, и я собирался въ деревню. Этого я вынести не могъ. Я всегда считалъ, что свобода передвиженія—самое элементарное, неотъемлемое право человѣка; сидѣть гдѣ-нибудь противъ воли, и притомъ безъ всякой нужды, казалось мнѣ всегда невыносимымъ. Я подалъ прошеніе объ увольненіи, снабдивъ его, разумѣется, всякими свидѣтельствами о неизлѣчимыхъ болѣзняхъ. Послѣ цѣлаго ряда мытарствъ, осмотра во врачебной управѣ, сношеній и отношеній, наконецъ признали меня, совершенно справедливо, негоднымъ къ государственной службѣ и выпустили на волю. Такимъ образомъ остался я на вѣкъ отставнымъ титулярнымъ совѣтникомъ.

Одновременно съ причисленіемъ къ канцеляріи записался я осенью 1862 г. стороннимъ слушателемъ московскаго университета на математическій факультетъ, по естественному отдѣленію. Тамъ нашелъ я моего прежняго воспитателя, Н. Н. Кауфмана, о которомъ упомянулъ въ первой части моихъ воспоминаній и который былъ въ то время уже профессоромъ; онъ познакомилъ меня съ профессорской средой и направилъ мои первые шаги по этому болотистому грунту. Но онъ мнѣ сослужилъ еще гораздо бо̀льшую службу, сблизивъ меня съ молодымъ студентомъ моихъ лѣтъ, А. Н. Петунниковымъ, теперь извѣстнымъ

ботаникомъ и не менѣе извѣстнымъ дѣятелемъ московскаго городского управленія. Мы съ нимъ вмѣстѣ работали, одновременно держали съ одинаковымъ успѣхомъ экзамены на кандидата и на магистра, вмѣстѣ были намѣчены для занятія каѳедры и вмѣстѣ подверглись гоненіямъ за тѣ же проступки. Такого рода связи обыкновенно скоро порываются по окончаніи школьнаго періода, когда житейская волна уноситъ людей въ разныя стороны. Но мы остались такъ же дружны, такъ же близки и такъ же усердно и часто переписываемся, какъ сорокъ пять лѣтъ тому назадъ.

Московскій университетъ переживалъ тогда свою прежнюю славу. На мѣсто профессоровъ-либеральныхъ идеалистовъ, любившихъ молодежь и старавшихся затронуть въ слушателяхъ живыя струны, явились профессора-чиновники, смотрѣвшіе на чтеніе лекцій какъ на скучную обязанность. Педагогическій центръ перемѣстился изъ „столицы“ въ „резиденцію“.

Иначе оно и быть не могло. Старая оппозиціонная Москва доживала свой вѣкъ. Застигнутые врасплохъ эмансипацией, съ которой они не умѣли справиться, богатые бояре, уже давно на половину разоренные, стали совсѣмъ разоряться; ихъ огромныя хоромы, съ колоссальными и совсѣмъ ненужными гербами, стали пустѣть и разрушаться. Поколѣніе молодыхъ баричей, „золотое юношество“, глупо кутило, безъ того здороваго, искренняго веселья, которое извиняетъ кутежъ. Среднее сословіе еще не народилось, его первые зачатки только гдѣ-то смутно шевелились; купечество сторонилось отъ дворянства, какъ отъ сословія враждебнаго; мелкій людъ не имѣлъ никакого значенія. Студенческая среда была самая пестрая; тутъ были представители всѣхъ концовъ обширной Россіи, сибиряки и иноплеменные кавказцы, поляки и великоруссы—москвичей только было мало. Въ огромномъ большинствѣ это были люди ужасно бѣдные, мало развитые, некультурные, неимѣвшіе мало-мальски достаточнаго общаго образованія. При такихъ условіяхъ наука не могла ихъ интересовать; всѣ ихъ помышленія сосредоточивались на способахъ полученія диплома, дававшаго имъ возможность, въ формѣ ли медицинской практики, или казеннаго мѣста, заработать насущный кусокъ хлѣба. Съ этой цѣлью пускались въ ходъ всевозможные кунстштюки, довольно легко исполнимые при тогдашней неряшливой формѣ экзаменовъ: передергивались билеты, подсказывались отвѣты, аккуратно изучались всѣ коньки даннаго профессора. Въ то время все это приводило меня въ негодованіе, но все это было въ сущности совершенно естественно и раціонально

въ борьбѣ за существованіе: тѣ, которые не имѣютъ въ рукахъ никакого оружія, неминуемо должны пользоваться всякими уловками. Лучшіе изъ студентовъ всѣхъ факультетовъ, не исключая и юридическаго, вовсе уже не походили на извѣстный типъ сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ: они совсѣмъ забыли Бѣлинскаго и пошли за Добролюбовымъ и Писаревымъ. Московскій идеализмъ уступилъ мѣсто петербургскому, прямо съ Запада навѣянному реализму. Во всемъ этомъ, конечно, не было ничего опредѣленнаго: не было ни настоящей философіи, ни точной науки, а были какія-то случайныя стремленія къ неяснымъ цѣлямъ. Характеръ этихъ цѣлей несомнѣнно измѣнился: изъ литературы они перенеслись въ естествознаніе, и Тургеневскіе Базаровы стали появляться все чаще и чаще.

Какіе ученые дѣятели, какіе профессора могли существовать въ такой средѣ и какіе могли изъ нея выходить? Между учащими и учащимися всегда неизбѣжно устанавливается рано или поздно необходимое равновѣсіе; тѣ и другіе становятся мало-помалу на одинъ уровень. Старинное понятіе объ Universitas, какъ о полномъ общеніи между лекторами и слушателями—глубокая истина. Въ мое время въ московскомъ университетѣ были почтенные труженики, профессора, честно исполнявшіе свой долгъ, но не было ни одного оригинальнаго ума, ни одного сколько-нибудь выдающагося ученаго.

Здѣсь надо мнѣ открыть скобку, потому что представляется важный педагогическій вопросъ, который давно меня интересуетъ и которому обыкновенно даютъ совершенно ложное рѣшеніе. Самостоятельный ученый, разрабатывающій извѣстный отдѣлъ знанія, и профессоръ, излагающій догматически какую-нибудь науку—два совсѣмъ различные, во многихъ отношеніяхъ даже противоположные типа. Ученый интересуется только той спеціальной областью, которою занимается; во все остальное онъ заглядываетъ рѣдко, случайно, когда работа его того требуетъ; онъ всѣ силы напрягаетъ на поиски новаго, оставляя въ сторонѣ все то, что уже извѣстно. Профессоръ средняго или высшаго учебнаго заведенія, обязанный представлять слушателямъ науку въ ея полномъ составѣ, въ ея законченной, вполнѣ достовѣрной формѣ, долженъ одинаково интересоваться всѣми ея частями, чтобы излагать ихъ въ необходимомъ равновѣсіи. Отъ него не требуется ни изобрѣтательности, ни оригинальности, ни глубокомыслія; за то онъ долженъ обладать тѣмъ особеннымъ профессорскимъ даромъ слова, тѣмъ спеціальнымъ педагогическимъ чутьемъ, безъ котораго преподаваніе остается безплоднымъ.

Я на своемъ вѣку слушалъ много преподавателей по самымъ разнообразнымъ спеціальностямъ—и всегда замѣчалъ, что чѣмъ оригинальнѣе былъ ученый, тѣмъ менѣе онъ удовлетворялъ потребностямъ плохо еще подготовленной университетской молодежи. Реньо и Бертело, Бунзенъ и Мариньякъ были посредственными, чтобы не сказать очень плохими профессорами. Я этимъ вовсе не хочу сказать, что ученые не могутъ съ большой пользой излагать свои изслѣдованія и свои соображенія по тому или другому вопросу, какъ это дѣлается въ парижскомъ Collège de France или въ лондонскомъ Royal Society; но для этого нужна совсѣмъ другая публика, составленная не изъ научныхъ подмастерій, а изъ мастеровъ, уже окончившихъ свое образованіе и ставшихъ на самостоятельную дорогу.

Къ несчастью, вездѣ — не только въ Россіи — при выборѣ профессоровъ принимаютъ въ соображеніе научные труды кандидатовъ и не обращаютъ никакого вниманія на ихъ педагогическія способности.

Въ Москвѣ на естественномъ отдѣленіи математическаго факультета, за двумя-тремя исключеніями, о которыхъ дальше скажу нѣсколько словъ, не было ни настоящихъ ученыхъ, ни порядочныхъ профессоровъ. Это все были люди весьма мало знавшіе и десятки лѣтъ читавшіе все то же самое, какъ будто наука замерла въ первый день ихъ вступленія на каѳедру. Слушать ихъ было совершенно безполезной потерей времени, такъ какъ читали они по своимъ неизмѣннымъ запискамъ, и мы съ А. Н. Петунниковымъ скоро рѣшили на лекціи не ходить, а заниматься дома по болѣе подходящимъ и современнымъ учебникамъ.

Но на факультетѣ былъ другой изъянъ, который въ высшей степени зловредно дѣйствовалъ на ходъ учебнаго дѣла. Подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ профессоровъ развилась манія спеціализаціи; съ перваго же курса студенты, ничего еще не знавшіе, дѣлались зоологами или химиками, систематически игнорируя все остальное. И въ этихъ спеціальностяхъ были еще подраздѣленія: одни занимались исключительно рыбами, другіе—брюхоногими слизняками; легко можно себѣ представить, что̀ изъ всего этого могло выйти.

Главнымъ корифеемъ этой нелѣпой системы былъ А. П. Богдановъ, читавшій зоологію безпозвоночныхъ и занимавшійся потомъ отчасти антропологіей, но, главнымъ образомъ, устройствомъ разныхъ ненужныхъ выставокъ. Это былъ человѣкъ очень ловкій, типъ научнаго шарлатана, имѣвшій большое вліяніе въ

факультетѣ и умѣвшій окружить себя цѣлымъ стадомъ учениковъ, большею частью до крайности бездарныхъ. Онъ доводилъ свою систему до абсурда—я бы охотно сказалъ до смѣшного, еслибы тутъ дѣло не касалось научнаго воспитанія цѣлаго ряда поколѣній. Такъ напримѣръ, послѣ трехлѣтняго курса безпозвоночныхъ онъ не доходилъ до насѣкомыхъ, вѣроятно потому, что самъ ихъ не зналъ, и мы, „кандидаты естественныхъ наукъ", такъ и не узнали, какъ изъ гусеницы выходитъ бабочка.

Но дѣло становилось иногда трагическимъ. Для того, чтобы провести на практикѣ эту странную систему спеціализаціи, необходимо было, чтобы на экзаменахъ по другимъ предметамъ профессора пропускали спеціалистовъ безъ препятствій. Такой негласный синдикатъ дѣйствительно и существовалъ, но, на бѣду, были такіе упрямые профессора, которые на такую комбинацію никакъ не соглашались и безпощадно рѣзали несчастныхъ кліентовъ Богданова. Одинъ изъ нихъ, совершенно бѣдный молодой человѣкъ, разсчитывавшій на протекцію своего патрона и провалившійся два года сряду на экзаменѣ, кончилъ самоубійствомъ.

Такое уродливое пониманіе университетской педагогіи было прямымъ результатомъ крайней некультурности тогдашнихъ профессоровъ. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что университетъ, состоящій изъ ряда факультетовъ, ничего общаго между собою не имѣющихъ, долженъ давать спеціальное образованіе, въ противоположность лицею, который долженъ давать образованіе общее. Изъ него выходятъ медики, филологи, юристы, естественники, но спеціализація его относится къ обширнымъ отдѣламъ знанія, а не къ отдѣльнымъ наукамъ, еще—менѣе къ отдѣльнымъ частямъ ихъ: узкія подраздѣленія — дѣло не школы, а послѣшкольной дѣятельности. Какой можетъ выйти врачъ изъ молодого человѣка, знающаго только накожныя болѣзни, или какой филологъ—изъ студента, занимавшагося только санскритскимъ языкомъ?

Надо, впрочемъ, прибавить, въ видѣ смягчающаго обстоятельства Богданову и его сообщникамъ, что это дробленіе знанія на спеціальности было только доведеніемъ до крайности, до абсурда, оффиціально узаконеннаго университетскаго строя. Что это за ученыя степени магистра и доктора одной какой-нибудь науки? Развѣ можно знать химію, не зная физики, которая неизбѣжно требуетъ знанія математики? Не гораздо ли логичнѣе, раціональнѣе дѣлить ученыя степени въ области точныхъ наукъ, какъ это дѣлается во Франціи, на три отдѣла: наукъ матема-

тическихъ, физическихъ и естественныхъ? По какимъ тоже непонятнымъ соображеніямъ исключили изъ программы естественнаго отдѣленія высшую математику, столь необходимую какъ основаніе всякаго точнаго знанія, и которая въ мое время была обязательной? Развѣ это не доказываетъ ясно, что и правительство было заражено вреднымъ духомъ безмѣрной спеціализаціи? Этотъ недочетъ въ знаніи выступаетъ ярко въ работахъ тѣхъ русскихъ ученыхъ, которые не спохватились во-время и не пополнили огромные пробѣлы своего научнаго образованія.

Но въ то время были въ университетѣ и другія необъяснимыя странности. Существовали каѳедры начертательной геометріи, технологіи, сельскаго хозяйства, т.-е. такихъ предметовъ, которымъ мѣсто только въ спеціальныхъ практическихъ школахъ. Все это преподавалось, разумѣется, безъ моделей, безъ опытовъ, безъ практическихъ занятій. Какую пользу все это могло принести? А вредъ былъ явный: отнималось драгоцѣнное время, которое можно было употребить для пріобрѣтенія необходимаго научнаго знанія. Очевидно, что въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, какъ и въ учебномъ мірѣ, царствовала полнѣйшая умственная анархія, и его „ученые“ комитеты вырабатывали программы безъ всякой опредѣленной системы, случайно, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ минутныхъ увлеченій. Все безпрестанно и безпричинно мѣнялось въ правительствѣ, по существу консервативномъ; ничто не сохранялось, и высшее образованіе шло какими-то шальными зигзагами. Мы видѣли это на примѣрѣ александровскаго лицея; мы видимъ то же въ московскомъ университетѣ. Молодымъ людямъ, мало-мальски подготовленнымъ, въ немъ немногому можно было научиться, по крайней мѣрѣ на естественномъ отдѣленіи. Остальные факультеты были, кажется, не много лучше.

Но на этомъ тускломъ фонѣ встрѣчались тамъ и сямъ свѣтлыя точки, о которыхъ надо вспомнить. Особенно ярко выдѣлялся нашъ профессоръ химіи, Н. Э. Лясковскій. Полякъ по происхожденію, образованный, даровитый, онъ съ одинаковымъ интересомъ относился ко всѣмъ частямъ своей науки, за всѣмъ одинаково слѣдилъ и все одинаково ясно и изящно излагалъ. Въ молодые годы онъ жилъ нѣсколько лѣтъ за границей, былъ ученикомъ Либиха и вступилъ въ полемику съ Мульдеромъ по поводу его теоріи протеиновыхъ соединеній. Молодой, неопытный химикъ былъ побѣжденъ старымъ мастеромъ, и Либихъ не счелъ нужнымъ за него вступиться. Не то, чтобы теорія была вѣрна—о ней теперь никто уже не помнитъ,—но критика была еще хуже

теоріи. Слишкомъ ли сильно было задѣто щекотливое самолюбіе, или этой первой попыткой онъ истощилъ весь свой запасъ изобрѣтательности, но съ тѣхъ поръ Лясковскій ничего оригинальнаго не печаталъ. Только много лѣтъ спустя, въ своей докторской диссертаціи, когда Мульдеръ давно сошелъ уже въ могилу, онъ совершенно ненужно добивалъ другими химиками окончательно опровергнутую теорію. Но блестящимъ лекторомъ онъ былъ несомнѣнно; говорю—лекторомъ, а не учителемъ, потому что въ лабораторію свою ходилъ рѣдко, самъ не умѣлъ работать и окружалъ себя, случайно или намѣренно, самыми бездарными учениками. Большое спасибо ему за то, что онъ облегчалъ уразумѣніе самаго труднаго въ наукѣ—ея общихъ началъ. Практическихъ занятій, впрочемъ, тогда почти совсѣмъ не было, и мы съ Петунниковымъ работали, какъ могли, въ маленькой лабораторіи, которую устроили у себя дома.

Другимъ хорошимъ профессоромъ былъ молодой Сергѣй Рачинскій, только что вернувшійся изъ-за границы съ очень интересной работой о движеніи растеній и подававшій большія надежды. Болѣзненный, блѣдный, вѣчно кашлявшій, онъ казался совершенно чахоточнымъ, что̀ не помѣшало ему дожить до глубокой старости. Онъ читалъ анатомію и физіологію растеній нѣсколько вяло, сонно, но ясно и занимательно. О немъ, впрочемъ, можно упомянуть только pro memoria, такъ какъ онъ въ университетѣ пронесся быстрымъ метеоромъ, скоро вышелъ въ отставку, бросилъ науку, уѣхалъ въ деревню, завелъ тамъ разныя народныя школы и предался весь элементарной педагогіи. Что̀ побудило его вдругъ перемѣнить курсъ своей карьеры—неизвѣстно, но несомнѣнно то, что онъ не обладалъ темпераментомъ ученаго, что̀ наука осѣла на немъ только поверхностнымъ слоемъ, не вошла въ его плоть и кровь. Развѣ возможно, чтобы настоящій ученый, имѣющій оригинальныя мысли и всѣ средства для ихъ осуществленія, въ самомъ расцвѣтѣ умственныхъ силъ вдругъ бросилъ все и превратился въ сельскаго учителя? Такія метаморфозы возможны только у дилеттантовъ, скользящихъ по поверхности вещей и легко переходящихъ изъ одной области въ другую, всѣмъ интересующихся—и ни на чемъ не оставляющихъ слѣда.

Былъ у насъ и другой дилеттантъ, студентами очень любимый — профессоръ зоологіи позвоночныхъ, С. А. Усовъ. Онъ прекрасно декламировалъ въ литературныхъ салонахъ, отлично игралъ на домашнихъ спектакляхъ, собиралъ не безъ успѣха разные археологическіе документы, но зоологіей занимался въ

часы свободные отъ этихъ разнообразныхъ занятій. Курсъ его былъ крайне поверхностный, пестрѣлъ всякими анекдотами изъ охотничьихъ и путевыхъ воспоминаній, но былъ живъ, занимателенъ и въ сущности совершенно достаточенъ для совсѣмъ неподготовленныхъ слушателей. Не надо забывать, что въ лекціяхъ, даже университетскихъ, важно не то, что онѣ обучаютъ наукѣ— ее можно узнать гораздо лучше изъ книгъ,—а то, что онѣ возбуждаютъ въ молодости интересъ къ ней.

Таковы были наши профессора не ученые; но были и ученые не профессора. Во-первыхъ, ботаникъ Кауфманъ, о которомъ я уже не разъ поминалъ; во-вторыхъ, астрономъ Швейцеръ. Оба— трудолюбивые нѣмцы, честные труженики; одинъ считалъ лепестки растеній, выросшихъ на неблагодарной московской почвѣ, другой считалъ звѣзды на не всегда безоблачномъ московскомъ небѣ, но службу они свою все-таки сослужили и свою лепту внесли въ сокровищницу науки. Гораздо талантливѣе ихъ былъ Бредихинъ, извѣстный своими остроумными изслѣдованіями о кометахъ; но онъ скоро покинулъ Москву и сталъ во главѣ Пулковской обсерваторіи.

Рядомъ съ этими почтенными исключеніями, сколько за то было странныхъ, невозможныхъ типовъ, про которыхъ можно сказать, что они не были ни профессорами, ни учеными, ни даже, часто, порядочными людьми.

На первомъ мѣстѣ надо поставить Любимова, сотрудника Каткова и Леонтьева по „Московскимъ Вѣдомостямъ“ и „Русскому Вѣстнику“, потому что онъ читалъ физику, т.-е. основной, капитальный предметъ математическаго факультета. Онъ несомнѣнно вѣрно предугадалъ тогдашнія зачинавшіяся вѣянія, которыя скоро дали этой священной тройкѣ такой быстрый ходъ; но въ физикѣ онъ очевидно ничего не понималъ, что доказываетъ его тогда только что вышедшій учебникъ. Физику раздѣляютъ обыкновенно — совершенно, впрочемъ, произвольно — на простую экспериментальную и математическую. Физика Любимова была наипростѣйшая; математику онъ до того игнорировалъ, что постоянно путался въ рѣшеніи квадратныхъ уравненій, забывая, что въ нихъ два корня, за что студенты побойчѣе надъ нимъ злостно подсмѣивались. Чтобы дать понятіе объ уровнѣ его преподаванія, достаточно будетъ сказать, что французскій учебникъ для среднихъ учебныхъ заведеній Гано, тогда очень распространенный, былъ за глаза достаточенъ для кандидатскаго экзамена. Этой полуфизикой я не довольствовался и прибѣгалъ къ болѣе серьезнымъ руководствамъ, потому что, какъ послѣдователь Конта,

сознавалъ всю важность физическихъ законовъ, а частью и потому, что ожидалъ всякихъ препятствій на экзаменахъ, вслѣдствіе особаго обстоятельства, о которомъ скажу ниже.

Нѣсколько лѣтъ спустя коллеги Любимова заставили его выйти изъ университета за его крайне неблаговидное поведеніе въ Совѣтѣ; онъ сдѣлался чиновникомъ министерства и, кажется, очень вліятельнымъ, не смотря на свое глубокое невѣжество.

Близкимъ пріятелемъ Любимова былъ Ершовъ, невѣжда въ квадратѣ, читавшій практическую механику. Онъ отличался развѣ только тѣмъ, что былъ въ самомъ дѣлѣ необыкновенно похожъ на Наполеона I-го, зналъ это, соотвѣтственно тому причесывался и принималъ величественныя позы, которыя были тѣмъ смѣшнѣе, что на лицѣ его нельзя было замѣтить какихъ-либо слѣдовъ мысли. Математику, лежащую въ основѣ всякой механики, онъ зналъ, кажется, еще менѣе Любимова. Въ его незатѣйливыхъ запискахъ встрѣчался какой-то интегралъ, преданія о которомъ передавались между студентами изъ поколѣнія въ поколѣніе; на лекціи онъ никогда съ нимъ не могъ справиться, путался, извинялся, откладывалъ на слѣдующій разъ и къ нему уже не возвращался. Такое полное незнаніе легко объясняется инцидентомъ изъ его біографіи, о которомъ тогда разсказывали. Онъ вышелъ изъ математическаго факультета кандидатомъ съ отличіемъ. Въ томъ же году изъ математическаго факультета вышелъ тоже съ отличіемъ нѣкій Александровъ, бывшій, кажется, потомъ директоромъ гимназіи въ Москвѣ. Ихъ обоихъ оставили при университетѣ и послали въ чужіе края для „усовершенствованія". Случилось такъ, что въ министерствѣ перепутали назначенія: командировали естественника изучать механику и послали математика посвящаться въ тайны технологіи. Удивительнаго тутъ ничего нѣтъ, ошибка всегда возможна, и, я думаю, зачастую въ департаментахъ дѣлаются и не такіе промахи; но удивительно то, что оба они поѣхали и безпрекословно изучали назначенныя имъ министерствомъ науки. Не знаю, что̀ вышло изъ Александрова, но изъ Ершова вышелъ полнѣйшій неучъ, забывшій то, что зналъ, и не выучившійся новому, потому что для этого не имѣлъ достаточно прочной подготовки. Я не ручаюсь за достовѣрность этой исторіи, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что она весьма вѣроятна: въ тѣ далекія Николаевскія времена не допускались никакія возраженія и крѣпко установился обычай покорно исполнять приказанія начальства, какъ бы нелѣпы они ни были.

Хотя мы съ Петунниковымъ занимались одинаково усердно

если не всѣми предметами кандидатской программы, то, по крайней мѣрѣ, тѣми изъ нихъ, которые имѣли характеръ точныхъ наукъ, но каждый изъ насъ имѣлъ свое предпочтеніе и намѣтилъ себѣ для будущаго опредѣленную тропинку. Онъ предполагалъ идти по части ботаники; я намѣревался направиться не то по геологіи, не то по минералогіи. Ему въ его спеціальности было привольно, у него подъ рукой были Кауфманъ и Рачинскій, у которыхъ было чему поучиться; былъ даже и третій ботаникъ, древній Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ, сынъ когда-то извѣстнаго натуралиста, принадлежавшій несомнѣнно къ категоріи неспособныхъ нѣмцевъ, но, по крайней мѣрѣ, всегда очень охотно и любезно дѣлившійся своими скудными знаніями. А мнѣ приходилось совсѣмъ плохо. Правда, былъ у насъ Щуровскій, котораго называли „маститымъ геологомъ"; только это названіе было наполовину вѣрно—маститымъ онъ былъ дѣйствительно, но до геологіи имѣлъ весьма мало касательства. Когда-то практическій врачъ въ Москвѣ, онъ ни съ того, ни съ сего обратился въ минералога, объѣздилъ Уралъ и Алтай и привезъ оттуда, кромѣ довольно плохой коллекціи камней, два толстыхъ тома, которые вѣроятно никакой ученый никогда не читалъ, потому что въ нихъ не было рѣшительно ничего новаго. Гораздо позднѣе—онъ уже давно былъ профессоромъ—пристрастился онъ къ геологіи, много читалъ и на старости лѣтъ ее довольно хорошо зналъ, конечно только чисто книжно, потому что въ эти года экскурсировать трудно и умѣнье наблюдать не пріобрѣтается. У него мнѣ нечему было поучиться; я и безъ него могъ вычитать изъ книгъ все нужное—тѣмъ болѣе, что читать любилъ, а въ книгахъ недостатка не было.

Еще гораздо хуже обстояло дѣло съ минералогіей. Профессоромъ въ то время былъ молодой ученикъ Щуровскаго, носившій странную фамилію Толстопятова. Въ научномъ отношеніи это былъ квадратный корень, извлеченный изъ его учителя, отъ котораго онъ отличался еще необычайной, неизлѣчимой лѣнью. Такого всесторонняго лѣнтяя мнѣ потомъ никогда не приходилось встрѣчать между людьми, посвятившими себя наукѣ; онъ преподавалъ въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ и умеръ, ничему не научившись и ничего не сдѣлавъ. Въ первыя времена, пока я еще не познакомился ближе съ университетскимъ персоналомъ, я смотрѣлъ на профессоровъ какъ на людей высшаго разряда, долженствовавшихъ легко разрѣшать всѣ мои сомнѣнія. Я тогда интересовался кристаллографіей, но какъ опредѣлять кристаллы, какъ измѣрять ихъ углы? Я зналъ, что для этого существуетъ

особый инструментъ—гоніометръ, — и даже пріобрѣлъ таковой, но какъ съ нимъ обращаться? Я пошелъ къ Толстопятову и живо помню, какъ мы провозились съ нимъ цѣлый вечеръ, уподобляясь Крыловскому „Квартету": переставляя гоніометръ на различные столы и освѣщая его съ разныхъ сторонъ, и всетаки не могли измѣрить ни одного угла. Впрочемъ онъ и на лекціяхъ, показывая этотъ инструментъ, прибавлялъ, что съ нимъ весьма трудно обращаться. Такимъ образомъ мнѣ пришлось собственными силами добиться до этой весьма нехитрой премудрости.

Подобные люди обыкновенно при послѣднемъ издыханіи спускаются въ глубокую бездну забвенія, гдѣ имъ и покойно, и уютно; но бѣдному Толстопятову выпала на долю гораздо худшая участь. Его близкіе родственники и друзья вздумали потревожить его тѣнь и напечатали на какомъ-то непонятномъ франко-русскомъ нарѣчіи его біографію и его посмертныя „научныя изысканія", которыя разослали всякимъ европейскимъ ученымъ. Любовь, какъ извѣстно, слѣпа, а дружба близорука; въ біографіи его представляли чѣмъ-то въ родѣ непризнаннаго генія, въ изслѣдованіяхъ онъ самъ представлялся какъ недоучившійся школьникъ. Прежде я зналъ, что онъ ничего въ наукѣ не сдѣлалъ; прочитавъ эту злосчастную брошюру, я убѣдился, что онъ ничего не могъ сдѣлать.

Къ счастью для меня, жили въ Москвѣ, въ качествѣ вольно практикующихъ ученыхъ, геологъ Траутшольдъ, европейски извѣстный знатокъ московскаго геологическаго бассейна, и минералогъ Ауэрбахъ, прошедшій черезъ западную школу и сохранившій сношенія съ выдающимися западными спеціалистами. Имъ я всецѣло обязанъ тѣмъ немногимъ, что пріобрѣлъ по этимъ наукамъ во время моего двухлѣтняго пребыванія въ университетѣ. Пользуюсь случаемъ, чтобы выразить мою благодарность этимъ двумъ безкорыстнымъ работникамъ истинной науки, рѣзко выдѣлявшимся на темномъ фонѣ университетскихъ профессоровъ.

Объ остальной профессорской братіи не стоитъ говорить. Ихъ имена даже изгладились изъ памяти — до того эти люди были безцвѣтны, ничтожны; объ одномъ хочу я только сказать нѣсколько словъ, потому что съ нимъ связано у меня очень опредѣленное воспоминаніе, имѣвшее большое вліяніе на мою послѣдующую университетскую карьеру. Киттары, котораго студенты сквернымъ каламбуромъ называли „семиструннымъ", началъ свое поприще талантливымъ зоологомъ, но онъ былъ масте-

ромъ на всѣ руки. Въ мое время онъ читалъ не безъ успѣха никому не интересную технологію и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ директоромъ коммерческаго училища, такъ называемой Практической Академіи коммерческихъ наукъ; нѣсколько позднѣе онъ перешелъ на теплое мѣсто въ интендантскомъ управленіи. Онъ устроилъ платные вечера въ пользу эмеритальной кассы этого училища, на которыхъ читалось всякій разъ нѣсколько короткихъ лекцій, въ перемежку съ музыкой и декламаціей. Я былъ приглашенъ читать на одномъ изъ такихъ вечеровъ; не знаю, что̀ доставило мнѣ такую честь, — мнѣ тогда только-что стукнуло двадцать лѣтъ и ничѣмъ своихъ лекторскихъ способностей я не заявлялъ. Не помню тоже, о чемъ я читалъ, потому что никогда своихъ лекцій и рѣчей не записывалъ, но успѣхъ я имѣлъ большой; рукоплесканіямъ и вызовамъ не было конца. Казалось бы, что такой дебютъ долженъ бы былъ возбудить поощреніе молодому человѣку со стороны профессоровъ; вышло совсѣмъ наоборотъ. Въ московскомъ университетѣ все происходило по закону какой-то логики наизнанку: съ этого злосчастнаго вечера начались всякія гоненія, и не только на меня, но и на моего товарища Петунникова, котораго считали моимъ единомышленникомъ. Дѣло въ томъ, что въ этотъ же самый вечеръ читали Любимовъ и „философъ" Юркевичъ, на долю которыхъ выпало несравненно менѣе аплодисментовъ; они нашли, что такое выступленіе неизвѣстнаго студента наравнѣ съ профессорами, да еще ординарными, совершенно неприлично. Къ этому прибавлялись, конечно, и другія соображенія. Оба они принадлежали къ цѣлой компаніи ультра-консерваторовъ, и мои радикальныя философскія мнѣнія, которыя вѣроятно ясно проглядывали въ моемъ чтеніи и обусловили его успѣхъ, считались ими совершенно недопустимыми. До насъ стали доходить слухи, что на экзаменахъ намъ придется плохо, что по нѣкоторымъ предметамъ насъ собираются „порѣзать", употребляя живописный студенческій терминъ. Насъ эти угрозы, признаюсь, не особенно пугали. Мы смотрѣли на экзамены серьезно и полагали, что являться на нихъ надо всегда со свѣдѣніями много превышающими требованія программъ, а это въ данномъ случаѣ было легко, такъ какъ университетскія программы были въ сущности очень элементарны. Мы работали не такъ, какъ обыкновенно работаетъ университетская молодежь—урывками, запоемъ въ концѣ года,— а регулярно, систематически, обращаясь къ самымъ серьезнымъ иностраннымъ учебникамъ, заглядывая даже въ спеціальные мемуары по особенно важнымъ или новымъ вопросамъ. При такихъ

постоянныхъ, непрерывныхъ, хотя вовсе не усиленныхъ занятіяхъ, удивительно какъ легко можно въ два года многому выучиться. На эти „испытанія", которыя обыкновенно внушаютъ такой страхъ испытуемымъ, мы шли, слѣдовательно, совершенно спокойно, увѣренные, что имѣемъ большіе шансы на успѣхъ. Ожиданія наши оправдались и, не смотря на недоброжелательство Любимова и К^{0}, мы получили оба изъ всѣхъ предметовъ по пятеркѣ; только изъ сельскаго хозяйства, къ которому не чувствовалъ въ себѣ никакихъ способностей, получилъ я четыре.

Не знаю, какъ теперь практикуются экзамены, но въ мое время это была простая лотерея, какая-то азартная игра, къ которой сами профессора относились крайне неряшливо и которая ни въ какомъ случаѣ не позволяла судить о знаніяхъ студента. Изъ цѣлой кучи билетовъ вытаскивался одинъ, и помимо его обыкновенно никакихъ другихъ вопросовъ не задавалось, развѣ только добродушный экзаменаторъ хотѣлъ спасти совсѣмъ не отвѣтившаго на билетъ студента, или профессоръ изъ категоріи злобныхъ намѣревался провалить, по той или другой причинѣ, студента, хорошо знавшаго свой билетъ. Понятно, что при такой странной системѣ первымъ дѣломъ было вовсе не знаніе, а изученіе всѣхъ особенностей экзаменатора, всѣхъ его иногда очень причудливыхъ коньковъ; затѣмъ пускались въ ходъ всякія уловки; были даже такіе студенты, которые ухитрялись отвѣчать по своимъ собственнымъ заранѣе приготовленнымъ билетамъ. На Западѣ, въ среднихъ и высшихъ школахъ, давнымъ давно опытомъ установлено, что только письменные отвѣты на тему, заранѣе неизвѣстную, могутъ служить оцѣнкой знанія. Спѣшу прибавить, что такой разумный способъ педагогическаго испытанія былъ тогда немыслимъ въ университетѣ: профессора, привыкшіе къ своему dolce far niente, энергически протестовали бы противъ обязательства просматривать безчисленныя сочиненія; съ другой стороны, девять десятыхъ студентовъ остались бы безъ диплома. Сверху до низу недостаточное знаніе и всеобщая лѣнь характеризовали тогда мою вторую alma mater.

Положа руку на сердце, я могу сказать, что изъ нея ничего не вынесъ. Лицей далъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, элементы общаго образованія и извѣстный философскій взглядъ на вещи. Университетъ далъ мнѣ только то скудное спеціальное знаніе, которое я самъ могъ пріобрѣсть изъ книгъ, имъ даже мнѣ не указанныхъ. Никакой практики научныхъ изслѣдованій я въ университетѣ не пріобрѣлъ, потому что никакихъ практическихъ занятій въ немъ не было; даже свое стремленіе къ наукѣ дол-

женъ я былъ ревниво охранять отъ вліянія университета, потому что онъ былъ не храмомъ науки, а простой фабрикой совсѣмъ не заслуженныхъ дипломовъ.

Полученіе степени кандидата не прервало моей связи съ университетомъ. Наши блестящіе экзамены побудили факультетъ включить насъ въ число намѣченныхъ для занятій каѳедры: Петунникова—по ботаникѣ, меня—по минералогіи. Для этого необходимо было пройти черезъ новое мытарство—магистерскій экзаменъ; но такъ какъ мы были вполнѣ увѣрены, что насъ во всякомъ случаѣ пропустятъ, то мы рѣшили справиться съ этимъ дѣломъ какъ можно скорѣе. Я уѣхалъ въ чужіе края, занимался тамъ медициной—которую началъ изучать еще на лицейской скамьѣ, посѣщая анатомическій театръ въ медико-хирургической академіи,—много экскурсируя по геологіи и посвящая себя въ тайны кристаллографіи.

Черезъ годъ, въ 1865-мъ году, въ одинъ и тотъ же день мы явились на новый, на этотъ разъ уже не учебный, а ученый экзаменъ. Мы нашли опять ту же знакомую процедуру, отсутствіе всякихъ письменныхъ отвѣтовъ, вытаскиваніе „билета", дальше котораго ничего не требовалось; только обстановка была гораздо торжественнѣе. На мѣсто маленькаго стола, за которымъ сидѣлъ одинъ профессоръ, былъ огромный, длинный столъ, за которымъ засѣдалъ весь факультетъ. На одномъ концѣ усѣлась ботаника, на противоположномъ—я, между Щуровскимъ и Толстопятовымъ; между нами расположились остальные профессора, совершенно индифферентно относившіеся къ этому дуэту между двумя различными царствами природы. Говорили мы долго, пространно, выкладывая всѣ свои еще скудныя свѣдѣнія, и каждому изъ насъ факультетъ выговорилъ мольеровское: „dignus est intrare in nostro docto corpore". Оставалось представить и защитить магистерскую диссертацію. Сказать къ слову, эти диссертаціи представляются совершенно ненужною роскошью; онѣ заставляютъ молодыхъ людей терять драгоцѣнное время и вовлекаютъ ихъ въ безцѣльныя издержки на печатаніе диссертацій. Гораздо лучше и проще было бы сдѣлать экзаменъ болѣе серьезнымъ. Мы наскоро уложили свои пожитки и отправились стряпать свои диссертаціи въ Парижъ, гдѣ можно было найти подъ рукой и людей, и пособія.

До сихъ поръ университетскія дѣла наши шли очень гладко, но тутъ вдругъ встрѣтились непредвидѣнныя обстоятельства, очень характерныя для того давно прошедшаго времени. Въ Парижѣ вступилъ я въ полемику съ весьма тогда извѣстнымъ аббатомъ

Муаньо, очень умнымъ и ученымъ человѣкомъ, но большимъ шарлатаномъ, напечатавшимъ въ своемъ журналѣ „Les Mondes“ математическое доказательство существованія Бога. Статья была основана на двухъ-трехъ математическихъ недоразумѣніяхъ; а такъ какъ онъ былъ отличный математикъ, ученикъ Коши, то нельзя было допустить, что эти недоразумѣнія были результатомъ невѣдѣнія. Я ему отвѣчалъ, мы перекинулись двумя-тремя статейками, и тѣмъ дѣло бы и кончилось, но тутъ вмѣшался третій полемистъ. Въ то время при русской церкви въ Парижѣ издавался довольно дрянненькій листокъ подъ заглавіемъ: „Union chrétienne“; его единственнымъ редакторомъ былъ перешедшій изъ католичества въ православіе нѣкій аббатъ Гете́. Съ этимъ аббатомъ возились какъ съ писаной торбой: онъ представлялъ собою результатъ совокупныхъ проповѣдническихъ усилій русскихъ теологовъ. Вѣроятно за неимѣніемъ болѣе интересныхъ сюжетовъ, онъ сталъ нападать на меня въ цѣломъ рядѣ статей, которыя походили не столько на полемику, сколько на прямой доносъ. Оказалось, что эту прозу Гете́ читаютъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, и конечно меня сильно не одобряли. Изъ этихъ сферъ неодобреніе спустилось внизъ и проникло въ московскій университетъ. Когда мы вернулись съ своими диссертаціями, мы встрѣтили уже не прежнія привѣтливыя лица, а совсѣмъ кислыя физіономіи.

Прямо забраковать мою диссертацію было трудно: для этого не представлялось ни приличныхъ, ни даже неприличныхъ поводовъ; это былъ оригинальный трудъ, уже напечатанный за границей и съ тѣхъ поръ вошедшій во всѣ учебники. Но университетскіе мудрецы придумали чрезвычайно оригинальную уловку: они нашли, что некому ее разсмотрѣть. Минералогъ Толстопятовъ нашелъ, что ея химическій характеръ выходитъ изъ его компетенціи, а химикъ Лясковскій — что она писана на минералогическій, ему неподвѣдомственный сюжетъ. Хороша школа, признающая, что неспособна судить трудъ своего ученика! Все это было сшито такими грубыми бѣлыми нитками, что я тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло, и взялъ обратно свою диссертацію, объяснивъ въ оффиціальномъ письмѣ, что не хочу ставить факультетъ въ смѣшное положеніе, что, впрочемъ, не признаю компетентности его суда и уѣзжаю въ болѣе цивилизованныя страны, гдѣ мои работы найдутъ настоящихъ цѣнителей. Письмо мое было несомнѣнно слишкомъ рѣзко и лучше было бы ничего не писать; но я прошу читателя припомнить, что мнѣ было тогда двадцать три года, и замѣтить, что я всегда имѣлъ и те-

перь еще, на старости лѣтъ, сохраняю боевой темпераментъ. Это была послѣдняя страница моей московской лѣтописи, послѣдній актъ моей университетской жизни. Я уѣхалъ безъ намѣренія возвратиться и переселился въ другую, болѣе для меня подходящую среду, въ которой жизнь потекла своимъ нормальнымъ порядкомъ, если не безъ затрудненій, то, по крайней мѣрѣ, и не безъ утѣхи.

Дорогому товарищу, съ которымъ мы шли такъ дружно по той же школьной дорогѣ, нѣсколько болѣе посчастливилось. Диссертацію его приняли, но въ университетъ всетаки не пустили. Университетъ лишился рѣдкаго спеціалиста и отличнаго педагога, но мы съ нимъ, видно, не были созданы для ношенія тогда обязательнаго вицмундира.

Теперь, послѣ столькихъ и столькихъ лѣтъ, изъ тумана давняго прошлаго выдвигается опредѣленный вопросъ: не слишкомъ ли я поспѣшилъ такъ радикально измѣнить теченіе своей жизни, не напрасно ли я порвалъ всѣ связи съ цѣлымъ рядомъ родственныхъ поколѣній и не найду ли я гдѣ-нибудь въ глубинѣ души сожалѣнія о томъ, что перенесъ вдругъ свою дѣятельность на почву, повидимому совершенно чужую? Пока вопросъ этотъ остается въ области личныхъ счетовъ, онъ ни для кого не интересенъ, но съ нимъ тѣсно связанъ другой, болѣе общій вопросъ, который имѣетъ свое общечеловѣческое значеніе.

Мой старый пріятель П. Д. Боборыкинъ, описавшій меня съ фотографической точностью въ одномъ изъ своихъ романовъ, предсказалъ мнѣ, что я скоро соскучусь въ чуждой средѣ и вернусь къ дѣдовскимъ пенатамъ. Съ его точки зрѣнія это предсказаніе было совершенно естественно, но точка зрѣнія была невѣрна. Онъ упустилъ изъ виду одно важное обстоятельство: среда, въ которую я переносился, не была для меня чужой.

Въ первой части своихъ воспоминаній я разсказалъ, какъ я съ самаго дѣтства долго жилъ за границей, какъ потомъ уже въ юношескихъ годахъ, въ самой серединѣ школьнаго періода, опять туда надолго поѣхалъ, какъ почерпнулъ тамъ свои первыя живыя научныя свѣдѣнія. Впечатлѣнія молодыхъ лѣтъ— самыя неизгладимыя: они глубоко врѣзываются въ память, входятъ въ ткань духовнаго организма и оказываютъ преобладающее вліяніе на теченіе всей послѣдующей жизни. Съ тѣхъ поръ я почти каждый годъ переѣзжалъ границу, хотя бы и на короткое время. Сначала я путешествовалъ съ единственной цѣлью посмотрѣть на свѣтъ, изъѣздилъ всю Европу, заглянулъ въ Азію и Африку; но потомъ я сталъ все болѣе и болѣе тяготѣть къ

Парижу, въ которомъ у меня были и старыя знакомства, и новыя научныя связи. Когда я окончательно раздѣлался съ Москвой и ея университетомъ и переѣхалъ на жительство во Францію, я нашелъ въ ней хорошо мнѣ знакомый міръ, атмосферу, въ которой свободно могъ дышать, и среду, въ которой могъ плодотворно работать. Болѣе сорока лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; никогда я не скучалъ, потому что былъ всегда слишкомъ занятъ; никогда не сожалѣлъ о своемъ рѣшеніи, потому что ясно сознавалъ, что иначе сдѣлать не могъ, и потому что за свои работы былъ сторицей вознагражденъ.

Слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что моя карьера можетъ служить примѣромъ для русскаго юношества, что дѣтей надо посылать какъ можно раньше въ чужіе края, дабы они могли легче проникнуться западной культурой? Я весьма далекъ отъ такого заключенія. Время отъ времени получаю я изъ Россіи отъ знакомыхъ и незнакомыхъ родителей запросъ о томъ, какую западную школу лучше всего выбрать для ихъ дѣтей. Я всѣмъ даю одинъ и тотъ же отвѣтъ: не отрывайте молодежь въ первые, самые впечатлительные ея годы отъ той среды, въ которой и на которую имъ придется потомъ дѣйствовать. Между культурой Запада и русской культурой лежитъ цѣлая пропасть, глубокая разница встрѣчается во всемъ—въ міросозерцаніи, въ нравственныхъ понятіяхъ, въ общественномъ строѣ, въ мелочахъ будничной жизни. Не пріучайте дѣтей къ такимъ вещамъ, которыхъ они тщетно будутъ искать въ отечествѣ и о которыхъ потомъ будутъ горько сожалѣть.

Совсѣмъ другое дѣло—въ высшей степени полезное пребываніе на Западѣ подучившихся, черезъ русскія школы прошедшихъ молодыхъ людей. Ихъ умственный горизонтъ расширяется, пріобрѣтаются знанія, умѣнье наблюдать, умѣнье работать, сглаживаются угловатости—но главные устои, характеризующіе данную эпоху въ данной странѣ, остаются нетронутыми. Они возвращаются домой улучшенными продуктами своей страны, въ которой являются полезными, передовыми дѣятелями, тогда какъ я, вернувшись, остался бы безполезнымъ гражданиномъ своего отечества и истратилъ бы попусту свои силы въ безплодной и ненужной оппозиціи.

Мнѣ могутъ возразить, и возраженіе это, несомнѣнно очень вѣское,—мнѣ много разъ приходилось его слышать,—что русскія школы всѣхъ степеней очень неудовлетворительны. Совершенно

согласенъ. Но житейская мудрость въ важныхъ, какъ и въ мелкихъ вопросахъ, заключается не въ вѣчномъ исканіи какого-то недостижимаго идеала, а въ умѣньѣ пользоваться тѣмъ, что есть подъ рукой, выбирать въ каждомъ данномъ случаѣ изъ двухъ золъ меньшее.

О современныхъ русскихъ школахъ знаю я только изъ книгъ, изъ статей, отчетовъ, думскихъ преній, и отчасти изъ знакомства съ профессорами и студентами, которые меня посѣщаютъ. Но достаточно немногихъ выдающихся фактовъ школьныхъ безпорядковъ, постоянныхъ перемѣнъ программъ, обширныхъ и страстныхъ полемикъ по поводу вопросовъ, которые, казалось бы, давно должны быть рѣшены, чтобы безошибочно заключить, что дѣло обстоитъ неблагополучно и что во всей системѣ народнаго образованія сверху донизу существуетъ какой-то коренной изъянъ. Въ этомъ всѣ сознаются и всѣ согласны, что такой изъянъ можетъ повлечь за собой весьма опасныя послѣдствія. Разногласія являются только въ мѣрахъ его исправленія. Консерваторы и либералы предлагаютъ самыя противоположныя средства, которыя имѣютъ, однако, одно общее свойство: всѣ они одинаково эмпиричны и могутъ, въ лучшемъ случаѣ, служить временными палліативами. Чтобы съ успѣхомъ лѣчить болѣзнь, надо прежде всего знать какъ можно точнѣе, въ чемъ она состоитъ; раціональной терапіи долженъ предшествовать раціональный діагнозъ. Его, правда, пытались поставить и справа и слѣва, но и тамъ, и тутъ всегда находили причины немощи въ разныхъ побочныхъ обстоятельствахъ, зависящихъ отъ тѣхъ или другихъ политическихъ соображеній; никто не хотѣлъ всмотрѣться попристальнѣе въ характеръ всей русской педагогической системы, являющейся результатомъ длиннаго ряда перестроекъ и ломокъ, не связанныхъ между собою никакой общей идеей, никакимъ твердымъ, незыблемымъ принципомъ.

Взглянемъ поближе на самый рѣзкій и самый опасный симптомъ ненормальнаго состоянія — на университетскія смуты, на эти на Западѣ совершенно непостижимыя забастовки науки. Гдѣ искать причины такого страннаго явленія? Его ищутъ въ тогдашнемъ возбужденномъ состояніи общества: революціонная волна захватила съ собой молодое поколѣніе и выбросила его изъ обычной его колеи. Это совершенно вѣрно, но это только одна сторона вопроса и притомъ далеко не самая важная. Во время эпидеміи смертоносные микробы вездѣ — и внѣ, и внутри насъ, но они безсильны противъ крѣпкихъ, физіологически здоровыхъ, уравновѣшенныхъ организмовъ. Еслибы русская школа была на

высотѣ своего назначенія, еслибы она была раціонально организована, волна разбилась бы о ея стѣны и не проникла бы въ ея амфитеатры и лабораторіи. Въ чемъ же тутъ недостатокъ и что мѣшаетъ установленію стойкаго равновѣсія? Это не трудно найти, если взглянуть на дѣло съ совершенно безпристрастной точки зрѣнія: слушатели университетовъ совершенно не приготовлены къ воспринятію того высшаго спеціальнаго образованія, которое должны давать факультеты.

Едвали нужно доказывать эту печальную истину тѣмъ, кто сколько-нибудь знакомъ съ положеніемъ учебнаго дѣла въ Россіи. Аттестатъ зрѣлости прикрываетъ своимъ пергаментомъ полное незнаніе того, что необходимо для дальнѣйшаго образованія: древнихъ языковъ—для словесности и юриспруденціи, математики—для факультетовъ точныхъ наукъ. Этихъ недоучившихся мальчиковъ, привыкшихъ къ школьной дисциплинѣ, вдругъ, безъ всякой переходной ступени, пересаживаютъ на почву свободной культуры того или другого отдѣла человѣческаго знанія. Въ этомъ простомъ фактѣ весь корень зла, и изъ него вытекаетъ непосредственно цѣлый рядъ неизбѣжныхъ послѣдствій.

Во-первыхъ, при такомъ положеніи дѣла профессора должны волей-неволей сводить свое преподаваніе на возможно низкій уровень, чтобы хоть чему-нибудь научить своихъ слушателей, не говоря уже о томъ, что имъ приходится терять время на пополненіе ихъ гимназическаго образованія. Во-вторыхъ, это влечетъ за собой слабыя требованія на экзаменахъ; весьма несправедливо, въ самомъ дѣлѣ, было бы ожидать серьезнаго знанія отъ молодыхъ людей, которымъ наука преподавалась элементарно, поверхностно. Въ-третьихъ, наконецъ—и это самое печальное,—будущіе профессора, выходящіе изъ той же среды людей безъ общаго образованія и высшей культуры, продолжаютъ тѣ же традиціи полузнанія, вслѣдствіе которыхъ школы высшаго образованія въ Россіи давно уже вращаются въ ложномъ кругу.

Но есть еще худшее послѣдствіе, прямо связанное съ недостаточной подготовкой университетской молодежи. При полномъ ихъ неумѣньѣ работать, этимъ вчера рѣзвившимся школьникамъ, вдругъ превратившимся въ студентовъ, очевидно немыслимо навязывать непосильный трудъ, даже въ той элементарной формѣ, въ которую облеклось факультетское преподаваніе. Все ученіе сводится къ четырехлѣтнему слушанію лекцій—которыя студенты даже большею частью не записываютъ, потому что имѣются либо литографированныя записки, либо разъ навсегда принятые учебники,—и къ усиленному зубренію этихъ тетрадей и учебниковъ

мѣсяца за два, за три до экзамена. Прибавьте къ этому нигдѣ въ такомъ количествѣ не существующія вакансіи, праздники, табельные дни—и вы увидите, что остается черезчуръ много свободнаго времени. Какъ же удивляться, что молодежь, въ которой богатый запасъ силъ и непреодолимая потребность дѣятельности, употребляетъ это наукой незанятое время на всякія сходки и на безконечные споры о предметахъ ей вовсе неизвѣстныхъ? Вмѣсто того, чтобы направлять, канализовать эти юныя стремленія, студентовъ предоставляютъ ихъ собственной инициативѣ. Не они виноваты, а тѣ, которымъ поручено ихъ научное воспитаніе.

И во Франціи, гдѣ молодежь особенно чувствительна ко всякимъ внѣшнимъ вліяніямъ, бываютъ безпорядки и устраиваются въ студенческихъ амфитеатрахъ бурные митинги, съ потоками безцѣльнаго краснорѣчія, но тамъ это—минутныя вспышки молодыхъ страстей, не оставляющія послѣ себя никакихъ послѣдствій; французскіе студенты очень хорошо знаютъ, что потеря двухъ-трехъ недѣль равносильна потерѣ семестра. Ученье идетъ такимъ быстрымъ темпомъ, работа такъ аккуратно распредѣлена, экзамены такъ строги, что всякій пробѣлъ требуетъ для своего пополненія сугубыхъ усилій, доступныхъ только самымъ дѣятельнымъ или самымъ даровитымъ.

Въ противоположность русской системѣ, во Франціи (да и въ Германіи) чтеніе лекцій отодвинуто совсѣмъ на задній планъ: хорошіе ученики лекцій вовсе не посѣщаютъ; на первомъ планѣ стоятъ на всѣхъ факультетахъ обязательныя по всѣмъ предметамъ практическія занятія и такъ называемыя конференціи (семинаріи), на которыхъ разбираются болѣе сложныя задачи и разрѣшаются вопросы, могущіе затруднять еще неопытныхъ слушателей. Для этого существуетъ цѣлый персоналъ ассистентовъ, которые такимъ образомъ находятся въ постоянномъ общеніи съ студентами. Безъ аккуратнаго посѣщенія этихъ конференцій и правильной работы на дому никакой успѣшный экзаменъ немыслимъ, потому что онъ прежде всего заключается въ письменномъ отвѣтѣ на вопросъ, сходный съ тѣми, которые разбирались въ теченіе года. Можно сказать безошибочно, что ни одинъ русскій кандидатъ—скажу болѣе: ни одинъ русскій магистръ—не выдержалъ бы этого экзамена иначе какъ случайно, даже по своему спеціальному предмету. Говорю это не голословно: я самъ былъ кандидатомъ не изъ послѣднихъ и самъ былъ магистрантомъ.

Безъ сомнѣнія, французская система имѣетъ свои крупные

недостатки; ее можно и должно улучшить во многихъ отношеніяхъ, но она, по крайней мѣрѣ, имѣетъ то преимущество, что требуетъ отъ студентовъ усиленной, постоянной работы и отвлекаетъ ихъ отъ всего того, что не ведетъ прямо къ научной цѣли.

Изъ этого краткаго очерка русскихъ и французскихъ университетовъ (я могъ бы привести университеты нѣмецкіе, въ которыхъ другими способами достигается тотъ же результатъ) ясно опредѣляется характеръ необходимыхъ реформъ. До тѣхъ поръ, пока онѣ не будутъ осуществлены полностью, никакія либеральныя или репрессивныя мѣры ни къ чему не поведутъ; тутъ дѣло не въ торжествѣ той или другой политической системы, а въ организаціи почвы, на которой научное образованіе могло бы правильно и мѣрно развиваться.

Первая или, лучше сказать, основная задача заключается въ поднятіи чрезмѣрно низкаго уровня средней школы. Это дѣло многихъ лѣтъ, огромныхъ усилій, значительныхъ издержекъ; но обязанность государственныхъ людей и заключается въ пріуготовленіи того, что̀ рѣшить можетъ только болѣе или менѣе отдаленное будущее. Главное затрудненіе—въ созданіи учительскаго персонала, который стоялъ бы на высотѣ своего призванія. Къ чему служатъ измѣненія программъ, когда некому ихъ прилагать къ дѣлу? Мы это видѣли, когда пришлось примѣнять на практикѣ псевдо-классическую систему гр. Толстого, съ помощью всякаго сброда западныхъ славянъ. Въ моей молодости разсказывали, что Гумбольдту, во время его пребыванія въ Москвѣ, поднесли богато переплетенныя программы, только что измѣненныя, среднихъ школъ; просмотрѣвъ ихъ, онъ замѣтилъ, что хотя всю жизнь занимался науками, но по этимъ программамъ экзамена не выдержалъ бы.

Такія реформы надо дѣлать не вдругъ, какъ, къ несчастью, все дѣлается въ Россіи, гдѣ самыя основныя учрежденія со дня на день принимаютъ самыя противоположныя формы—а исподволь, послѣдовательно, не сходя съ разъ навсегда намѣченнаго пути. Опытъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ показалъ, что для образованія учителей среднихъ учебныхъ заведеній необходимы особыя для того приспособленныя школы. Ихъ надо прежде всего создать, хотя бы замедляя развитіе техническихъ школъ, которыя въ такомъ, быть можетъ, чрезвычайномъ изобиліи стали появляться за послѣдніе годы въ Россіи. Только тогда, когда выработаются знающіе и опытные педагоги, можно будетъ подумать о повышеніи уровня слишкомъ элементарнаго гимназическаго преподаванія.

Сами университеты, изъ которыхъ до сихъ поръ выходила большая часть гимназическихъ учителей, могутъ помочь этой необходимой реформѣ, но только тогда, когда ихъ строй будетъ совершенно измѣненъ. Конечно, здѣсь не мѣсто входить въ подробности необходимой для того перестройки — онѣ завели бы слишкомъ далеко,—но нѣсколько словъ о нихъ не могу не сказать, потому что вопросъ этотъ слишкомъ тѣсно связанъ съ впечатлѣніями, которыя я вынесъ изъ сравненія русскихъ школъ, въ которыхъ учился, и школъ западныхъ, въ которыхъ мнѣ пришлось доучиваться. Русскій университетъ построенъ на совершенно ложной идеѣ: въ его основаніе положена категорія количества на мѣсто категоріи качества. Чѣмъ больше студентовъ, тѣмъ лучше, тѣмъ болѣе распространяется „просвѣщеніе". Въ этомъ кроется вся причина зла. Для того, чтобы имѣть большой контингентъ учащихся, необходимо было принимать ихъ безъ разбора, предъявлять къ нимъ какъ можно менѣе требованій и выпускать, съ дипломомъ въ рукахъ, безъ строгой оцѣнки.

До этого мало-по-малу и дошли. Пошли еще дальше: отъ профессоровъ не стали требовать ученыхъ степеней: зачѣмъ онѣ? Кое-что и кое-какъ всякій можетъ преподавать. Результатъ не трудно было предвидѣть: огромное увеличеніе числа студентовъ— и параллельно съ этимъ идущій колоссальный упадокъ образовательнаго уровня. Развѣ въ этомъ заключается прогрессъ цивилизаціи? Развѣ не извѣстно давно, что полузнаніе, являющееся здѣсь синонимомъ лжезнанія, не только безполезно, но въ высшей степени вредно, потому что развиваетъ потребности, которыя не можетъ удовлетворить ни въ какой мѣрѣ? Не надо забывать, что университетъ—не общеобразовательная школа: онъ образуетъ спеціалистовъ; а къ чему нужны недоучившіеся спеціалисты?

Изъ этихъ очень простыхъ соображеній совершенно ясно вытекаетъ указаніе на характеръ необходимой реформы. Надо дѣлать діаметрально противоположное тому, что дѣлается: надо повысить требованіе при поступленіи и принимать учениковъ по конкурсу, ввести въ программу преподаванія постоянныя обязательныя практическія занятія и обставить полученіе диплома серьезными испытаніями. При этомъ, конечно, многіе останутся за флагомъ; но зачѣмъ же непремѣнно всѣмъ пріобрѣтать чисто научное образованіе, для котораго не всѣ имѣютъ необходимыя способности? Есть и другія полезныя и плодотворныя дѣятельности—сельское хозяйство, промышленность, торговля, — требующія образованныхъ и знающихъ людей.

Только цѣной такихъ радикальныхъ передѣлокъ можно уста-

новить и упрочить нормальный порядокъ въ русскихъ высшихъ школахъ. Все, что будетъ предпринято помимо нихъ въ либеральномъ или ретроградномъ направленіи, будетъ безцѣльнымъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее: это можно предсказать навѣрное.

Высказывая эти мысли, я знаю напередъ, что онѣ встрѣтятъ одинаковый отпоръ справа и слѣва; но я знаю тоже, что естественный ходъ вещей рано или поздно заставитъ осуществить ихъ. Отъ души желаю для блага Россіи, чтобы это осуществленіе совершилось какъ можно скорѣе [1]).

Г. Н. Вырубовъ.

Парижъ.
Сентябрь, 1909.

---

[1]) Взглядъ почтеннаго автора на причины неудовлетворительнаго состоянія нашей высшей школы заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія, но вполнѣ согласиться съ нимъ мы не можемъ. Для того, чтобы русская школа могла стоять „на высотѣ своего назначенія“, необходимо, чтобы существенно измѣнилось все ее окружающее—необходимо, другими словами, коренное обновленіе нашего государственнаго строя. Вѣдь было же время, когда волненія и безпорядки, политическаго характера, составляли обычное явленіе и въ нѣмецкой, и въ французской высшей школѣ. Прекратились они только тогда, когда во Франціи и въ Германіи наступилъ новый фазисъ политической жизни, когда исчезли условія, подъ вліяніемъ которыхъ въ ея водоворотъ вовлекалась учащаяся молодежь.—*Ред.*

СКАЗЪ О СВЯТОЙ ГОРѢ

Посвящается Димитрію В. К.-К.

Гдѣ Ханино, деревня малая,
Тамъ есть гора — во Тверичахъ.
И не гора, а церковь старая,
Въ пескахъ засыпана, въ пескахъ.

Зимушку-церковь, церковь лѣтнюю
Земля показываетъ въявь,
И колокольню застолѣтнюю,—
Лишь взоры пламенно направь.

Кругомъ поля, поля распаханы,
Вземь деревеньки вгнетены.
А надъ горой сѣдыми взмахами
Дремучіе летаютъ сны.

Когда весной ручьи гульливые
Кромсаютъ бѣлую парчу,
Иль въ зной ночной болота мшивыя
Несутъ зеленую свѣчу,

Иль упадаютъ вихри листные,
Иль кроетъ все парча опять,—
Старухи, сердцемъ безкорыстныя,
Съ горы пріемлютъ благодать:

Имъ слышенъ перезвонъ торжественный
Невидимыхъ колоколовъ
И гулъ молитвенный, божественный
Изъ-за вѣковъ, изъ-подъ песковъ.

Застывъ и свергнувъ вѣки старыя—
Блаженный на лицѣ испугъ—
Онѣ подъ мѣрными ударами
Пророчествуютъ вслухъ:

— Аминь, аминь! Гора разсыпется,
И церковь явится, какъ встарь,
Когда вся Русь изъ праха вздыбится,
Какъ съ чернозема лѣтомъ ярь.—

Внимаютъ имъ заполоненные
И лихолѣтьемъ, и нуждой,
И все дружнѣй глаза влюбленные
Съ обѣтованною горой.

Когда же дѣти свѣтлоокія
Въ игрѣ къ изгорью забѣгутъ,
Вдругъ видятъ: тихіе, высокіе
Монахи медленно идутъ.

Печально крестное хожденіе,
И поступь мертвая тяжка.
Они—какъ сонное видѣніе,
Или какъ черная рѣка.

— Охъ, замутилась Русь бѣдыгоремъ!
Ужъ и въ могилахъ нѣтъ житья:
Заголодаемъ или выгоримъ —
Гдѣ жъ правда, Господи, Твоя?—

Такъ помышляютъ люди темные,
А многодумы говорятъ:
— Въ вѣка насыпаны соромные,
Вѣдь это насыпи стоятъ.

Стонала Русь подъ игомъ вражескимъ,
Платили дань, ярмо несли

И лишь смиреніемъ монашескимъ
Спасать бываніе могли.

Быть можетъ, здѣсь предѣлъ нашествія
И путь прямой въ Орду лежалъ,
И врагъ на сердцѣ чужебѣдствія
И сторожилъ, и хохоталъ.

И ханъ стоялъ, косыми взорами
Смотря въ чужую темноту,
Бросая дальше надъ просторами
Побѣдоносную мечту.

Всю Русь таила необъятную
Нѣмая ночь средь пепелищъ,
И вязь вязали непонятную
Огни приземистыхъ жилищъ.

Невнятенъ смыслъ ея пугающій
Былъ иноземцу-дикарю.
Въ землѣ дрожалъ призывъ рыдающій
Къ грядущему богатырю:

Когда придешь ты, ослѣпительный,
Спасти отъ всякаго ярма,
Свободный, радостный, зиждительный,
И молодой, какъ Русь сама!

Сергѣй Городецкій.

ПОБѢЖДЕННЫХЪ—НЕ СУДЯТЪ

(Изъ „по-смутнаго“ времени.)

I.

Въ тѣсной квартиркѣ Марьи Петровны Федосѣевой — на Острову, въ пятомъ этажѣ,—только что все было приведено въ порядокъ, послѣ ея переѣзда изъ другой части города, гдѣ она жила много лѣтъ, почти что съ тѣхъ поръ, какъ овдовѣла.

Квартирка—всего изъ двухъ комнатъ, съ кухней; да закута для прислуги. При ней все та же Анисья, старая дѣвица, кухарка и горничная вмѣстѣ.

Она пережила съ ней всѣ испытанія послѣднихъ трехъ лѣтъ.

И вотъ подкралось и предвкусіе нужды, съ паденіемъ силъ, съ затяжнымъ нездоровьемъ.

Надо было круто сократить свой — и безъ того не роскошный—бюджетъ.

Квартирная плата брала почти половину того, что она сама зарабатывала. Но тогда была семья—сынъ, дочь.

Теперь она одна—какъ перстъ. Зато заработокъ сократился почти что на цѣлую половину. И ни отъ кого она не хочетъ пользоваться; пока голова еще не отказывается служить — она ни къ кому „съ ручкой“ не пойдетъ.

Марья Петровна—усталая отъ переѣзда и улаживанья всего на новомъ мѣстѣ—присѣла на край постели, въ спаленкѣ, гдѣ она будетъ и работать.

Сумракъ надвигался. Она обвела замедленнымъ взглядомъ

всю эту спаленку и дольше остановила его на стѣнѣ, надъ маленькимъ бюро, гдѣ она развѣсила нѣсколько фотографическихъ портретовъ, въ рамочкахъ.

Она сама знаетъ, что ее уже всѣ считаютъ „старухой“. Ей идетъ, правда, пятидесятый годъ; но еще три года назадъ у нея въ волосахъ не было ни одной сѣдой нити. И морщинъ не было, ни этой худобы и желтизны въ лицѣ, ни старушечьей спины.

Жизнь побила—и такъ жестоко.

Только глаза ея еще сохранили свою красоту и могутъ зажигаться, когда она взволнуется.

Она привстала, подошла къ бюро и поправила еще одинъ портретъ, одиноко стоявшій на полкѣ.

Это была самая послѣдняя фотографія ея несчастной Нины.

Полутемнота комнаты не мѣшала ей такъ отчетливо, до боли ясно, различать всѣ мельчайшія черты лица ея дочери.

Головка смотрѣла еще очень юной, почти дѣтской, и похожа была на голову мальчика — стриженая, немного курчавая, въ барашковой шапочкѣ, надѣтой на бокъ.

И этотъ взглядъ, тоже почти дѣтскій, безмятежный. А какъ ея головка кипѣла, какой огонь сжигалъ душу этой молоденькой „курсисточки“; какая клокотала въ ней жажда подвига, съ какимъ безстрашіемъ шла она на гибель!

Всѣ моменты материнской трагедіи проходили передъ Марьей Петровной. Глаза стали влажны; но она не отирала слезъ. Она все жаднѣе вглядывалась въ головку, которая уже начинала сливаться съ фономъ портрета.

Развѣ она—мать—могла уберечь свою Нину отъ всего того, что̀ привело ее къ роковому концу? Дѣвочка росла при ней, была ласкова, все ей повѣряла, какъ первой своей подругѣ. Но все это—до извѣстной зарубки.

Тогда она уже себѣ самой не принадлежала. Она была уже закрѣпощена: отдала все—и душу, и тѣло—тому, во что̀ увѣровала...

И замкнулась, пропадала по цѣлымъ днямъ, совсѣмъ отрѣзала себя, а потомъ и ушла изъ дому, безъ всякихъ объясненій.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ все объяснилось.

Ея Нина уже сидѣла въ одиночной камерѣ.

Тамъ только мать отыскала ее. Но и тамъ она не нашла своей прежней Нины.

Ея дѣвочкѣ не было жаль своей бѣдной мамы. Она уже никого и ничего не жалѣла. Она безъ словъ говорила ей:

„Ты видишь, я жива, здорова. Я знаю, что если меня не казнятъ, то мнѣ предстоитъ каторга. Если я съ этимъ заранѣе помирилась—и ты не должна выказывать малодушія“.

Потянулись ужасные дни ожиданія. Что выпадетъ на долю ея Нины — висѣлица или каторга?.. Но одно изъ двухъ непремѣнно придетъ.

И вдругъ—другой ударъ рока. А можетъ—избавленіе.

Тифъ—въ самой злой формѣ.

Никогда изъ памяти ея время не вытравитъ того, что она слышала отъ Нины... тотъ холодящій шопотъ, но не бредъ, а послѣднее признаніе:

— Мама,—шептали ея запекшіяся губы—другіе еще вѣрятъ въ свою побѣду, а я потеряла вѣру. Я раздавлена сомнѣніемъ въ томъ — кто тѣ, кому я отдала всю свою душу. *Кто они?* А если хоть одинъ изъ нихъ носилъ личину? И предавалъ насъ всѣхъ такъ гнусно? Господи!

Это были ея послѣднія связныя слова.

И она—мать—не ужаснулась мысли: пускай лучше смерть возьметъ ее, чѣмъ казнь или вѣчное сидѣнье въ каменномъ мѣшкѣ.

И судьба точно подслушала ея чудовищное желаніе.

Смерть взяла ея Нину—наканунѣ суднаго дня.

Теперь никто уже—хотя бы и „тамъ“—не будетъ ее судить.

Марья Петровна отставила портретъ немножко подальше, такъ какъ онъ стоялъ на этомъ самомъ письменномъ бюро, когда въ лѣвомъ углу—въ pendant къ нему стоялъ другой портретъ—ея сына. Но она еще до пріѣзда сюда убрала его, и онъ больше не будетъ виденъ, ни тутъ, ни на стѣнѣ.

Ея Орестъ — на свободѣ, живъ и здоровъ, но для нея онъ уже—„ходячій мертвецъ“.

II.

Сынъ — живъ и живетъ тутъ же, въ этомъ самомъ городѣ.

О! Этотъ не тужитъ! Для него все, что его отечество пережило за послѣднія пять лѣтъ—только декорація.

Онъ звонко зоветъ себя „индивидуалистомъ“.

И какъ же иначе ему звать себя? Ничего, кромѣ своей особы, онъ признавать не желаетъ.

Марья Петровна убрала—еще тамъ, на старой квартирѣ—и два другихъ портрета Ореста: мальчикомъ, лѣтъ шести, и гимназистомъ, по шестнадцатому году.

Какой это былъ прелестный ребенокъ! Всѣ звали его „красавчикомъ“. Такихъ золотистыхъ кудрей она никогда ни у кого не видала. И милый овалъ личика, и темные глазки, съ тонкимъ носикомъ.

Подросткомъ онъ вытянулся, лицо стало принимать другія, болѣе мужественныя очертанія. Но „красавчикомъ“ онъ продолжалъ быть.

И тогда она еще не могла подмѣтить въ немъ того, во что онъ развился, къ окончанію курса въ спеціальномъ высшемъ заведеніи.

Это былъ, правда, юноша довольно высокаго о себѣ мнѣнія, но серьезный; прекрасно занимался, читалъ много, одно время даже слишкомъ много.

Въ университетъ онъ не пожелалъ идти, а выбралъ „институтъ“—какъ онъ называлъ впослѣдствіи свое заведеніе.

Ей это не особенно нравилось, но онъ основательно защищалъ такой именно выборъ. Онъ шелъ прекрасно по математикѣ и съ ранняго дѣтства отличался не только необыкновенно цѣпкой памятью, но и страстью—все отгадывать, выдумывать разныя хитрыя игрушки, допытываться до секрета замковъ, разсматривать рисунки и чертежи машинъ.

Первое его удовольствіе было—„закатиться“ на какой-нибудь вокзалъ желѣзной дороги, тамъ сводить знакомство съ машинистами и мастерами и ходить по сараямъ съ паровозами и по мастерскимъ.

Это не мѣшало ему очень заниматься своей наружностью и, съ годами дѣлаться большимъ фешенеблемъ.

Его способности по части математики и прикладныхъ наукъ—все росли. И, получивъ аттестатъ зрѣлости, онъ сказалъ ей увѣренно и какъ бы безповоротно:

— Я буду отличный инженеръ, мама. И сдѣлаю карьеру.

О „карьерѣ“ онъ уже и тогда думалъ очень положительно, высчитывая всѣ шансы сдѣлать ее—въ разныхъ видахъ службы.

— И напрасно—прибавилъ онъ тогда—ты не готовила меня въ реальное училище. А впрочемъ, это все-таки недурно, что я прошелъ и классическую муштру.

Онъ и до сихъ поръ еще щеголяетъ стихами изъ Гомера и греческихъ трагедій.

Ну, и вышелъ „инженеръ“, не простой, а точно „символическій“.

Такимъ ему и слѣдовало сдѣлаться.

Всякая на ея мѣстѣ уравновѣшенная буржуазка была бы въ полномъ восхищеніи.

Чего же больше требовать и желать? Молодой человѣкъ—красивый, ловкій, воспитанный, учится отлично, любимъ начальствомъ и профессорами, бываетъ въ „лучшемъ“ обществѣ, уже на третьемъ курсѣ ѣздилъ на платныя работы; да и раньше имѣлъ заработки. Къ ней онъ не приставалъ съ требованіемъ карманныхъ денегъ, а только пользовался даровой квартирой. Даже, на послѣднемъ курсѣ, самъ предложилъ ей участвовать въ расходахъ на столъ.

Но сердце матери никто и ничто не обманетъ.

Она рано стала чуять, *что̀* выйдетъ изъ этого великолѣпнаго и жизнерадостнаго „Оре́ни“, какъ она стала его звать, когда ему пошелъ всего третій годъ.

Ея душа была вся на сторонѣ Нины.

Братъ на два года старше сестры. Всегда онъ смотрѣлъ на нее сверху внизъ, благосклонно и покровительственно. Это ее обижало, и она дала ему это почувствовать.

Когда они подросли—она на курсахъ, онъ „путейцемъ“—они очутились на двухъ полюсахъ.

Разъ—онъ былъ уже на второмъ курсѣ—Орестъ пришелъ къ матери на „конфиденціальный“ разговоръ о сестрѣ.

— Смотри, мама,—сказалъ онъ ей.—Нина на самомъ опасномъ спускѣ... къ подпольнымъ дѣламъ. Если ее теперь не припугнуть—увѣряю тебя, она плохо кончитъ!

Развѣ она могла припугнуть дочь чѣмъ-нибудь такимъ, что̀ сама считала непростительнымъ насиліемъ?

Нина къ этому времени уже имѣла свою „святую святыхъ“, куда она и мать не допускала, продолжала быть ласковой, но *вліянія* на нее мать уже не имѣла и съ каждымъ днемъ все ядовитѣе сознавала свою безпомощность.

Въ глазахъ дочери она была уже старомодная „либералка“... хорошая женщина, но съ „платформой“, которая годилась бы развѣ для какого-нибудь „мирнообновленца“.

И когда она пришла разъ и объявила, что ей *необходимо* жить одной, мать зачуяла уже ея судьбу.

Умоляла, плакала, бросилась даже на колѣни передъ своей „дѣвчуркой“—а та только тихо улыбалась и повторяла:

— Полно, мама... не унижай себя! Я выбрала свой путь и съ него не сойду.

А Орестъ—когда узналъ это—сказалъ матери съ нехорошей усмѣшкой:

— Что я тебѣ говорилъ, мама?.. Нина—*готова.* Она, навѣрно, въ какомъ-нибудь отрядѣ... Покончитъ или на висѣлицѣ, или сама себя взорветъ.

III.

И еще портретъ давно исчезъ съ ея письменнаго бюро.

Ихъ было два—изъ двухъ эпохъ его жизни—молоденькимъ студентомъ и эмигрантомъ.

Онъ былъ старше ея на два года и рано сталъ влiять на нее. Одно время она молилась на своего „Павлика". Онъ былъ для нея чуть не самимъ совершенствомъ — не физически, красивъ онъ никогда не былъ, но какъ умъ, характеръ, талантливость, блескъ, способность привлекать къ себѣ всѣхъ, видѣть всѣхъ насквозь—и все это затѣмъ, чтобы и себя, и всѣхъ, кѣмъ онъ руководилъ, отдавать на служенiе „идеѣ", владѣвшей имъ.

Она рано вышла замужъ и тѣмъ избѣгла участи очутиться, какъ и онъ, въ изгнанiи, за „кордономъ", какъ онъ любилъ тогда выражаться.

А онъ — благодаря своей храбрости и ловкости — успѣлъ уйти цѣлымъ и въ первые годы сдѣлался главою цѣлой организацiи.

Въ идеяхъ своихъ онъ шагнулъ такъ далеко, что ей уже нельзя было бы считаться его сторонницей. Но и тогда она чувствовала, что очутись и она тамъ, „за кордономъ", въ Швейцарiи—онъ ее, навѣрно, увлекъ бы за собою и она сдѣлалась бы пылкой проповѣдницей его credo.

И такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Уже были дѣти. Она переписывалась съ братомъ; но все рѣже и рѣже. И потомъ онъ вдругъ—точно куда провалился.

И произошла „чистая перемѣна", какъ называлъ одинъ ихъ общiй прiятель.

„Павликъ" выплылъ человѣкомъ „дѣла", но не того дѣла, которому служилъ такъ страстно и непримиримо.

Онъ сталъ практикомъ, поступилъ въ высшую спецiальную школу и нашелъ ходы въ международныя дѣловыя сферы, въ мiръ денежныхъ тузовъ и предпринимателей.

Сестру онъ ловко подготовлялъ къ своей „эволюцiи"—онъ такъ называлъ новый фазисъ своего развитiя.

Сначала она могла думать, что у него какiе-нибудь высшiе замыслы, въ родѣ того, чтобы проникнуть въ дѣловыя сферы, сдѣлаться самому крупнымъ „воротилой" и служить своему рево-

люціонному „credo“ фактически, на широкій аршинъ—какъ нельзя этого дѣлать путемъ подпольной пропаганды.

Развѣ сенъ-симонисты когда-то не кончили такой же попыткой овладѣть всѣмъ экономическимъ строемъ Франціи и водворить въ ней свое коммунистическое царство?

Нѣкоторые сдѣлались дѣльцами—но Эльдорадо не создали.

И ея братъ могъ ошибаться; но она еще вѣрила, что *это*—„не спроста“, что ему это понадобилось для какой-нибудь высшей комбинаціи.

Онъ быстро доучился тому, что̀ ему нужно было знать, и опять куда-то нырнулъ, нѣсколько мѣсяцевъ не писалъ ей.

И вдругъ—тогда ея Нина уже кончала курсъ въ гимназіи—къ ней, на старую квартиру, явился какой-то господинъ, котораго она сразу не узнала.

Прислуга подала ей карточку. На ней стояла какая-то фамилія латинскими буквами, и она, второпяхъ, хорошенько не разобрала ее.

— Здравствуй, сестра!—поздоровался съ ней незнакомецъ.

Передъ ней стоялъ плотный мужчина съ блестящей лысиной и окладистой бородой, въ золотомъ pince-nez, румяный, выхоленный, съ посадкой и манерами биржевика или крупнаго коммерсанта, франтовато, но солидно одѣтый. По цвѣтному жилету—цѣпь со множествомъ золотыхъ жетоновъ.

И голосъ измѣнился, сталъ басистѣе, рѣзче.

Но это его быстрые глаза, съ маслянымъ блескомъ, и немного оттопыренная нижняя губа съ брезгливо-насмѣшливымъ выраженіемъ.

— Это ты... Павликъ?—успѣла она выговорить, и ее сейчасъ же пронизалъ вопросъ: „А какъ онъ явился на родину? Подъ своимъ или подъ чужимъ именемъ?“

Ей-то было доподлинно извѣстно, что у него такой „кондуитный списокъ“, съ которымъ нельзя вернуться иначе, какъ или быть арестованнымъ на самой границѣ, или же принести повинную.

Да и то ему бы врядъ-ли сразу повѣрили и все простили.

— Ты здѣсь...—повторила она и боялась осыпать его вопросами, что-то чуя неладное.

Онъ сохранилъ полное самообладаніе, обнялъ ее, какимъ-то даже покровительственнымъ жестомъ, разсѣлся, закурилъ очень дорогую, благоуханную сигару и началъ ей „излагать“ то, въ какомъ фазисѣ эволюціи находился онъ въ ту минуту.

— Я тебя не хотѣлъ смущать, Маша,—говорилъ онъ, плуто-

вато улыбаясь сквозь стекла золотого pince-nez. Къ чему? Ты знаешь, что я *пересѣдлался?*

— Какъ это—пересѣдлался?

— Это такое... студенческое выраженіе у нѣмецкихъ буршей: „umgesattelt". Долго будетъ разсказывать. Но я, милая моя, глубоко разочаровался въ нашей идеѣ — подчеркнулъ онъ,—а, главное, въ тѣхъ людишкахъ, которые ей яко-бы служатъ. Я захотѣлъ промѣнять мизеріи россійскаго эмигранта, безполезное и жалкое существованіе—на настоящую жизнь. Я сдѣлался техникомъ, скоро пошелъ въ ходъ, тамъ оцѣнили меня, какъ слѣдуетъ—и вотъ я теперь представитель огромнаго дѣла, въ предѣлахъ россійской имперіи.

— Но какъ же ты черезъ это перескочилъ? — остановила она его.

— Какъ? Очень просто... За меня хлопотали. Могу тебя увѣрить, что я никакого слезнаго прошенія никому не подавалъ. Нашелъ сильнаго ходатая, и—вотъ видишь—я легальный обыватель сей болотной столицы... здѣсь и основался.

— И все твое прошлое пошло на смарку?

— Коли хочешь—да!

И онъ, на этихъ словахъ, сдулъ пепелъ съ своей благовонной сигары.

IV.

Ей было слишкомъ горько подробнѣе распрашивать его.

Она видѣла, что онъ уже „бронированъ", сдѣлалъ себѣ непроницаемую броню изъ скептицизма и житейскаго опыта.

Его рѣчь лилась такъ складно.

— Довольно, Маша! — говорилъ онъ, точно смакуя свои слова. — Пора и о себѣ подумать. Вѣдь ты, кажется, еще не знаешь, что у меня семья.

Объ этомъ онъ ей ничего не писалъ.

— Какъ же... Жена — болѣзненная. Эту зиму будетъ жить на итальянской Ривьерѣ. И двое ребятишекъ есть. Они тоже дохленькіе. Я не тороплюсь ихъ выписывать сюда. Пускай покрѣпнутъ.

У нея внутри клокотало; но она молчала. И онъ—при всемъ его „мѣдномъ лбѣ" — понялъ, что говорить имъ по душѣ — не о чемъ.

— А твои дѣти? — спросилъ онъ какъ бы родственнымъ звукомъ.

— Учатся въ гимназіи.

— И ты, поди, внушаешь имъ и теперь разрывныя идеи и чувства?

Она ничего на это не сказала.

— Не дѣлай этой глупости, сестра! Не губи своихъ малолѣтковъ. Ты не имѣешь на это права. Поставь ихъ сначала на ноги, чтобы они имѣли прочный заработокъ. А тамъ пускай они сами глупятъ, если это имъ нравится.

Уходя, онъ прибавилъ:

— Теперь я въ своемъ фахѣ считаюсь „шишкой", какъ вы здѣсь говорите. Твой мальчикъ, особенно если онъ пойдетъ по технической части—найдетъ во мнѣ надлежащую поддержку.

Тутъ она не вытерпѣла и съ дрожью въ голосѣ, вся трепетная, приблизила къ нему свое поблѣднѣвшее лицо и кинула ему:

— Не надо имъ твоей поддержки!

— Вотъ какъ? — выговорилъ онъ, отступая назадъ такимъ движеніемъ, точно онъ убоялся, что она ударитъ его по лицу.

— Да, не надо!—съ той же дрожью отвѣтила она.—И мои дѣти не пойдутъ по твоимъ стопамъ. Они не будутъ отступниками.

— Вотъ какъ! — повторилъ онъ, и pince-nez спало съ его вздернутаго, дерзкаго носа.

— Да, да! — шептала она, охваченная все тѣмъ же порывомъ.

— Прекрасно!—другими словами, ты меня считаешь ренегатомъ?

— А кто же ты?—неудержимо вырвалось у нея.

— Превосходно. Стало, намъ говорить больше нечего, сестра.

И надѣвъ шляпу—на заграничный маперъ—еще до передней, онъ выговорилъ, скандируя каждое слово:

— Смотри... Попомни поговорку: не плюй въ колодезь—напиться придется, можетъ-быть.

Больше она съ нимъ не видалась.

Она даже ни однимъ словомъ не обмолвилась дѣтямъ, что вернулся ихъ дядя... И они этого не знали около двухъ лѣтъ.

Но первый пронюхалъ Орестъ, вскорѣ по поступленіи въ свой „Институтъ".

Имя его дяди слишкомъ гремѣло въ мірѣ строителей, подрядчиковъ и техниковъ. Не трудно было сообразить, что это могъ быть братъ ихъ матери.

Но хитроумный „путеецъ" тоже ничѣмъ не обмолвился, не сталъ ее, безъ толку, выспрашивать о дядѣ.

Такъ прошли еще цѣлыхъ два года. И вотъ, когда Орестъ оканчивалъ курсъ и уже намѣтилъ для себя выгодное мѣсто, онъ захотѣлъ „огорошить“ свою мать и объявилъ ей, какъ бы въ упоръ, что онъ будетъ служить въ той конторѣ, гдѣ первый номеръ — его дядя.

— Ты съ нимъ знакомъ?—крикнула она.

— Меня ему представили, и онъ повелъ себя какъ хорошій родственникъ. Чего же мнѣ, мама, было брыкаться? Это было бы слишкомъ глупо.

И онъ добавилъ, скользя по своимъ фразамъ:

— У васъ съ нимъ счеты, я такъ думаю. Вѣдь ты съ нимъ не видишься и даже ничего намъ не говорила, что онъ здѣсь, и давнымъ давно.

— И тебѣ извѣстно его прошлое?—остановила она.

— Для меня это безразлично. Былъ эмигрантъ, революціонеръ... Экая важность! Не онъ первый, не онъ послѣдній. А для меня это огромный рессурсъ—ты не можешь этого не признать.

Никакой тяжелой или рѣзвой сцены у нихъ не вышло.

Но произошелъ полный разрывъ.

Она не выдержала и сказала ему, что покровитель-дядя — *такой* человѣкъ, какъ онъ — для него, Ореста, конечно дороже, чѣмъ мать.

Въ это время сынъ уже не жилъ въ ея квартирѣ, и разрывъ обошелся тихо, почти незамѣтно.

Бездушное отношеніе Ореста къ Нинѣ, ея аресту, болѣзни, смерти — все это вырыло глубокую яму между ними.

Ей было бы нестерпимо больно видѣть его, не то что уже жить съ нимъ бокъ о бокъ.

И въ настоящую минуту она не знаетъ даже — въ Петербургѣ ли онъ, или въ какой-нибудь командировкѣ.

Довольно того, что онъ подъ крыломъ своего „дяденьки“, которому, конечно, страстно завидуетъ, мечтая когда-нибудь быть такой же „шишкой“.

И нѣтъ у нея и подобія семьи. Никого! Никого! А жить, *почему то*, нужно!

V.

У Анисьи давно уже готова немудрая ея стряпня.

Она выучилась готовить, оставаясь весь свой вѣкъ горничной.

Когда были тутъ дѣти, провизіи — особенно мучной и молочной — требовалось много. А теперь Марья Петровна „кушаетъ“ такъ мало, точно „куклинъ обѣдъ“ — называла Анисьюшка.

— Марья Петровна?—окликнула она барыню, заглянувъ въ ея спальню.—Пожалуйте кушать. Все простынетъ.

А барыня ея сидитъ все еще у бюро, въ той же позѣ. И сумракъ совсѣмъ сгустился въ ея спальнѣ.

— А! это ты, Анисьюшка?—откликнулась Марья Петровна.— Сейчасъ.

Она тяжело поднялась и провела ладонью правой руки по глазамъ—ея обычный жестъ.

И такъ ей стало вдругъ тяжко, точно она сейчасъ вотъ упадетъ. Не одна физическая тяжесть, а чисто душевный гнетъ лежалъ на ней каменной плитой.

Совсѣмъ разбитая, перешла она въ другую комнату, попросторнѣе, служившую ей и гостиной, и столовой.

Надъ обѣденнымъ столомъ висѣла зажженная уже лампа.

Ея свѣтъ, съ темно-краснымъ колпакомъ, выдѣлялся довольно яркимъ пятномъ только на скатерти стола; остальная комната, съ ея тусклыми обоями — тонула въ уныломъ полумракѣ.

— Вотъ... извольте кушать—пригласила Анисья, ставя передъ Марьей Петровной миску съ супомъ.—Ужъ не обезсудьте, матушка-барыня... сегодня не въ счетъ. Можетъ, и не во вкусѣ будетъ.

— Ничего, Анисьюшка!

Старая ея служительница любила работу и была, къ тому же, большая книжница, очень склонная почитать „хорошую“ книжку и заглянуть въ газету.

— Какъ бы у меня битки не перешли!

Она заторопилась въ кухню, а Марья Петровна открыла крышку и стала медленно, какъ бы не́хотя, наливать себѣ супъ.

Не въ первый день она вотъ такъ обѣдаетъ—совсѣмъ одна. И тѣ дни, цѣлыя недѣли, еще до ареста Нины, и потомъ—она вотъ точно такъ же садилась одна за столъ и продѣлывала эту тошную процедуру одинокой ѣды.

Когда Нина уже „сидѣла“ — неизвѣстность глодала сердце матери. Но она всетаки чего-то ждала, на что-то надѣялась... забывала себя—совсѣмъ безъ остатка.

— А теперь?

Вотъ она переѣхала на новое житье. Но для кого и для чего ей жить?

— „Для кого и для чего?“—почти вслухъ выговорила она.

Отсчитывать дни, все равно что отрывать листки календаря. Сегодня пятница, завтра суббота, сегодня 21-е число, завтра 22-е. Сегодня напечатаны на оборотѣ стишки и постное *меню*; а завтра—наставленіе, какъ вѣрнѣе истреблять моль, и меню скоромное.

Если такъ пойдетъ и дальше, то *какъ же* жить?

Неужели только затѣмъ, чтобы вотъ такъ отрывать листки календаря?

Горечь потери канула на дно души, и съ тѣхъ поръ она уже не можетъ плакать.

То, что̀ погубило ея Нину — она не могла за нее продолжать. И мстить за нее не было силы.

И кому мстить?—Всѣ виноваты и всѣ правы.

Ужасно то, что нечему отдать весь остатокъ личной жизни.

Никто никуда ее не будетъ звать. Не съумѣла она стать во главѣ какого-нибудь, хотя бы и самаго простого, невзрачнаго дѣла.

Еле хватало времени и силъ, чтобы зарабатывать свой кусокъ хлѣба. И онъ сократился на половину, а ни отъ кого она никакого подаянія не хочетъ... и прежде всего отъ сына или отъ брата.

Она холодѣетъ отъ одной мысли, что вдругъ жизнь заставитъ ее протянуть къ нимъ руку за денежной помощью.

Нищета не страшитъ ее въ эту минуту. Ѣдкая нужда заставила бы, быть можетъ, забыть опустошеніе своей души.

Страшитъ и гнететъ то, что густой туманъ обволокъ вокругъ нея все, чѣмъ она жила еще не такъ давно.

И глубокая старость была бы лучше. По крайней мѣрѣ, ближе къ *концу*.

Марья Петровна повторила беззвучно это слово: „конецъ“— и задумалась.

Анисьюшка уже давно поставила передъ ней второе блюдо. Она ни до чего не дотрогивалась.

„Конецъ!..“

Развѣ онъ не явился бы избавителемъ отъ этого тошнаго доживанія?

Ждать нечего... не только для себя, но и ни для кого, кто вѣритъ, вмѣстѣ съ нею, въ торжество своихъ упованій.

Вѣдь пойдетъ все съ горы — въ хляби ненавистничества, злобы, казней.

Развѣ это не жалкое малодушіе — дотягивать до самой послѣдней крайности?

И зачѣмъ?

Никогда еще этотъ вопросъ не выяснялся передъ нею съ такой предательской силой.

Точно отъ сна очнулась она... И передъ ней остывшая совсѣмъ ѣда. И темные углы комнаты смотрятъ на нее.

VI.

Послѣ этого печальнаго обѣда Марья Петровна—точно совсѣмъ разбитая—прилегла на кровать, стараясь забыться.

Физическое утомленіе взяло свое и она заснула.

Ее что-то разбудило, и она тревожно окликнула въ темнотѣ:

— Что такое, что такое?

— Это я, матушка,—донесся отъ дверей шопотъ Анисьюшки.— Простите, Христа ради, потревожила васъ. Гость къ намъ.

— Кто?

— А какъ бишь его... вашъ старинный пріятель... тотъ... еще съ Ниночкой когда-то занимался... Николай-то Платонычъ... А фамилію-то и запамятовала.

— Уразовъ!

— Вотъ-вотъ!

— Ахъ, Боже мой... Попроси его поскорѣе. Я сейчасъ!

Этотъ неожиданный гость радостно взволновалъ ее, и то, съ чѣмъ она встала изъ-за обѣденнаго стола—какъ будто слетѣло съ нея.

Она освѣтила комнату и поспѣшно поправила волосы и свой домашній костюмъ.

— Николай Платонычъ! Голубчикъ!

Передъ ней, у стола, стоялъ нестарый еще мужчина, небольшого роста, лысенькій, въ очкахъ, худой, съ клокомъ волосъ на подбородкѣ, въ чемъ-то въ родѣ темной блузы.

Они тотчасъ же обнялись.

— Здѣсь? Давно ли? Какъ нашли меня?—забросала она его вопросами.

Уразовъ улыбнулся своимъ широкимъ ртомъ и тотчасъ же сталъ протирать запотѣвшія стекла очковъ.

— Садитесь... сюда!.. Не прозябли? Ко мнѣ такая даль. Чайку не хотите ли?

— Не откажусь, дорогая Марья Петровна.

И надѣвъ очки, онъ ласково и какъ-то вбокъ, по своей привычкѣ, оглянулъ ее.

— Какъ нашелъ? Очень просто. На той квартирѣ вашей дали адресъ.

— А вы давно ли въ Питерѣ?

— Третій день всего.

Уразовъ держалъ Марью Петровну за руку и приблизилъ къ ней лицо свое, прищуривъ глаза, какъ сильно близорукій.

— Дайте на себя посмотрѣть поближе.

Она махнула другой, свободной рукой.

— Чего смотрѣть! Видите, на что я похожа?

Ему была извѣстна судьба Нины. Онъ тогда еще жилъ здѣсь.

— И въ одиночествѣ... теперь?—тихо обмолвился онъ.

— Не съ кѣмъ... да и не для кого жить—выговорила она и отвела голову, точно боялась заплакать.

— Если вамъ уходить—то кому же оставаться?

— Разскажите лучше о себѣ. Вы вѣдь хотѣли... основаться тамъ, на Волгѣ... послѣ разгона...

Она намекнула на то, что онъ, еще такъ недавно, засѣдалъ въ Таврическомъ Дворцѣ.

— Мало ли что!—вырвалось у него, и онъ махнулъ рукой.— Курить можно?

— Разумѣется.

Марья Петровна позвала Анисью и распорядилась насчетъ самовара.

Ея гость закурилъ-было, но—отъ нервности — снялъ опять очки и сталъ протирать стекла.

— Зачѣмъ пріѣхали сюда, милый Николай Платонычъ? О! этотъ ужасный Петербургъ! И я-то, еслибъ у меня хоть кто-нибудь былъ въ провинціи, убѣжала бы отсюда. Я совсѣмъ было-собралась списаться съ вами... Но здѣсь... хоть работа перепадетъ.

— Вотъ именно, голубушка! Вы видите передъ собою индивида, понявшаго всю сладость житья въ провинціи.

— А что?

— Господи! Да развѣ возможно теперь существовать тамъ нашему брату? Особенно если у васъ такой волчій паспортъ, какъ званіе бывшаго депутата такой-то Думы! Вѣдь это хуже, чѣмъ состоять въ званіи проживающаго подъ явнымъ надзоромъ.

— Да? Пожалуй и такъ.

— И что же утаивать! Тамъ нашъ братъ—пролетарій, хотя имѣющій смѣхотворный избирательный цензъ—рискуетъ умереть

съ голоду. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, есть хоть нѣсколько человѣкъ вѣрныхъ людей... Хоть неважную, но заполучишь работишку...

— Значитъ, многіе изъ вашихъ бывшихъ коллегъ также бьются?

— И, Боже мой! Прямо хоть въ кусочки иди. И каждый вотъ съ такимъ клеймомъ для тѣхъ, кто командуетъ — „на заставахъ“ — пошутилъ онъ и тихо засмѣялся.

Ей стало вдругъ такъ жалко этого простого малаго, чистаго сердцемъ, какъ младенецъ, безъ всякаго личнаго честолюбія — попавшаго въ „представители народа“, скромнаго учителька, когда-то дававшаго уроки ея Нинѣ, настоящаго трудовика и народника.

Но что она — вотъ теперь, сейчасъ же — могла бы выхлопотать ему? Какую работу? Ту, которую она сама кое-какъ добываетъ? Но онъ по-англійски не знаетъ; а она сдѣлалась спеціалисткой по переводамъ именно съ этого языка.

Она съ радостью взяла бы его къ себѣ въ жильцы. Но куда же его помѣстить? Вотъ въ эту комнату? Но въ ней еле можно повернуться. Предложить ему приходить обѣдать? И на это она съ радостью пошла бы. Но можетъ ли она и сама поручиться, что у нея всегда будетъ для него тарелка щей съ кашей?

— Да, голубушка, — заговорилъ онъ уже другимъ, болѣе нервнымъ тономъ. — Наше дѣло — совсѣмъ дрянь! И не то только обидно, что рискуешь пойти въ кусочки, а что кругомъ такая вездѣ подлость, трусость, торжество холопства! Просто глаза бы твои не глядѣли!

Анисья накрыла на столъ и поставила самоваръ.

Марья Петровна стала заваривать чай; ее тѣшило то, что она будетъ имъ поить, какъ бывало, лѣтъ шесть назадъ, все того же добрѣйшаго и „болѣзнаго“ — такъ она его иногда называла — Николая Платоновича.

И такъ же онъ — какъ и тогда — щурился, протиралъ очки и выпускалъ дымъ ноздрями, и такой же курилъ крѣпчайшій дешевый табакъ.

Но ученица его... тамъ, откуда никогда уже не придетъ. И онъ — изъ деликатности — боялся, хоть полусловомъ, напомнить о ней.

VII.

Но она сама не выдержала. Что-то вспомнивъ изъ ихъ недавняго прошлаго, она обронила имя Нины.

Уразовъ усиленно замигалъ, круто опустилъ голову надъ своимъ стаканомъ и сталъ размѣшивать ложечкой, безъ всякой надобности.

— Ушла отъ насъ... для нея лучше — вымолвила Марья Петровна и также опустила низко голову.

— Лучше?—въ полголоса переспросилъ Уразовъ.—Пожалуй и такъ... Что ее ждало?

Тутъ она вскинула на него глаза, слегка покраснѣвшіе.

— Да, да!

И закрыла лицо обѣими ладонями.

Ей вдругъ такъ ярко представился какой-то островъ или прибрежье. Чуть брезжитъ денной свѣтъ. Перекладина протягиваетъ зловѣщую руку... И что-то сѣрое колышется въ воздухѣ.

Она приложила платокъ къ глазамъ.

— Голубушка!.. Простите... я васъ навелъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, милый Николай Платонычъ, дайте хоть немножко поговорить о ней. А то я—вотъ въ эти послѣднія недѣли—все одна, все съ собою. Хожу, ѣзжу, вижу кое-кого—а точно будто въ одиночной камерѣ, гдѣ осуждена на вѣчное молчаніе.

Онъ приложился трепетными пальцами къ ея рукѣ.

— Болѣзная вы моя... И, въ самомъ дѣлѣ, вы все одна... Вѣдь вашъ...

Онъ запнулся. Марья Петровна взглянула на него вопросительно.

— Вы... объ Орестѣ?

— Я знаю! Вы говорили.

И онъ тряхнулъ своей лысенькой круглой головой.

— Какъ я буду звать его?—возбужденно заговорила Марья Петровна.—Другіе закричатъ, что я жестока, нетерпима... что я требую отъ сына своего: будь террористъ, иди въ подпольную банду! Но это неправда!

— Вѣрю! Меня-то зачѣмъ же убѣждать, Марья Петровна, дорогая? Развѣ я не знаю васъ? Васъ-то! Вы и Нину свою никуда не толкали.

— Нѣтъ, не толкала. Но вотъ гдѣ наше банкротство, гдѣ жестокая доля всѣхъ насъ, нынѣшнихъ матерей... все равно, въ идеяхъ онѣ — какъ я сама себя считала, или просто добрыя буржуазки, желающія, чтобы ихъ Манечка или Лелечка вышла хорошо замужъ и осталась честной женой. Мы безсильны, какъ никогда и нигдѣ... нигдѣ въ мірѣ.

— Трагедія отцовъ и дѣтей—проговорилъ, точно про себя, Уразовъ.

— И такъ пойдетъ и дальше... и вмѣсто сотенъ такихъ матерей будутъ тысячи и десятки тысячъ.

Она чего-то не досказала и, чтобы не расплакаться, стала наливать себѣ чаю.

— Вѣрно, вѣрно!—поддакивалъ Уразовъ и тыкалъ окуркомъ папиросы въ блюдечко своего стакана.—Но вѣдь могло и не кончиться лютой казнью... Могла и другая кара выпасть ей.

— Каторга? Ссылка?—порывисто, но глухо спросила Марья Петровна.—Да! Я только этой надеждой и жила. Куда бы она ни попала—въ Якутскую область или въ центральный каторжный острогъ—я бы поѣхала туда. У меня была бы цѣль... А теперь? Руки у нея безпомощно опустились.

— Вотъ, передъ вашимъ приходомъ, Николай Платонычъ,— продолжала она и голосъ ея все падалъ — меня захватило — и уже не впервые—такое неудержимое стремленіе...

— Къ чему, голубушка?

— Да къ тому же, что сталось и съ нашей Ниной... къ уходу.

— То-есть, какъ же это?

Онъ тревожно завозился на стулѣ.

— Никому не нужна! Только для того жить, чтобы поддерживать свою тѣлесную машину?

— Что вы! Что вы! — почти испуганно окликнулъ онъ, и тотчасъ же сталъ раскуривать новую папиросу.—Грѣшно такъ! Вамъ... Такой гражданкѣ... такому человѣку... Если такіе, какъ вы, будутъ добровольно уходить, то вѣдь наши лютые враги, вся черная команда насильниковъ и изувѣровъ, еще сильнѣе возликуетъ. Какъ это возможно! Что вы!—почти сердито воскликнулъ онъ, рѣзко всталъ со стула и заходилъ между столомъ и стѣной.

— Вы́ такъ отъ доброты вашей говорите, Николай Платонычъ, но, навѣрно, уже думали не разъ: изъ-за чего теперь этой старой Федосѣевой болтаться на свѣтѣ? Кому она нужна? Сама себѣ въ тягость — и на другихъ только уныніе наводитъ.

И, сдѣлавъ передышку, она подняла голову и, взглянувъ на него пристально, спросила:

— Развѣ все это не правда?

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ, Марья Петровна! — глухо крикнулъ онъ.—Глубоко ошибаетесь. Вотъ вамъ одинъ изъ самыхъ вѣскихъ доводовъ. Вотъ я пріѣхалъ въ Петербургъ: вы слышали—съ какими итогами. Городъ мнѣ сугубо противенъ, но въ немъ я долженъ искать какой-нибудь поденщины... И что же... везетъ меня извозчикъ съ моимъ скарбомъ, а я думаю: скверно здѣсь, гнусно, вездѣ торжество мерзавцевъ и злодѣевъ. Но... но... тутъ же живетъ такая душа, какъ Марья Петровна... Хотя бы она была всегда одна... въ этомъ Содомѣ—и то чудесно, и то для нашего брата-горюна—какая отрада!.. И вотъ я—побѣжалъ къ вамъ же, и нашелъ васъ, и теперь счастливъ тѣмъ, что очутился у васъ въ такую минуту, какъ настоящая! Эхъ, голубушка!

Онъ подбѣжалъ къ ней сбоку, схватилъ ея руку и горячо поцѣловалъ.

Марья Петровна притихла, вся трепетная.

VIII.

Держась къ сторонкѣ, пробирался по троттуару пріятель Марьи Петровны на ту сторону рѣки, туда, къ Пескамъ.

Надобно было бы взять извозчика. Дулъ рѣзкій вѣтеръ, пополамъ со снѣгомъ, и прямо въ лицо.

Но извозчики „кусаются“.

На что онъ будетъ жить — примѣрно недѣли черезъ двѣ — онъ рѣшительно не знаетъ, если не удастся найти работу.

Дѣло вѣдь дошло уже до того, что надо такимъ вотъ, какъ онъ—„бывшимъ“, обращаться въ особый комитетъ за поддержкой, за пріисканіемъ занятій.

Какъ ни печальна теперешняя доля Марьи Петровны, но она всетаки имѣетъ что-то въ родѣ постояннаго заработка, живетъ—какъ-ни-какъ—въ своей квартиркѣ, держитъ прислугу.

А онъ вѣдь—настоящій пролетарій, хуже всякаго дворника, вонъ того, что спитъ въ воротахъ, кутаясь въ овчинный тулупъ.

О старшемъ дворникѣ и говорить нечего. Тотъ—особа, при деньгахъ, и государственный чиновникъ съ бляхой. И не только слѣдитъ за тобою, если ты жилецъ дома, но и задержитъ тебя, по первому мановенію околоточнаго.

Развѣ съ его „коллегой“ не случилось тогда, во время „сес-

сіи", самой печальной исторіи? Развѣ его не потащили въ участокъ и не заставили пройти черезъ нѣсколько самыхъ унизительныхъ процедуръ?

Но тогда онъ всетаки имѣлъ карту, могъ постоять за себя, могъ добиться запроса. Тогда онъ получалъ окладъ.

И чуетъ его сердце, что тамъ у него, дома, можетъ еще всплыть какая-нибудь гадость. Тамъ не дремлютъ. Тамъ и изъ его ближайшаго прошлаго выцарапаютъ фактики, совершенно достаточные, чтобы начать травить человѣка.

Не это ли и погнало его оттуда еще больше, чѣмъ обидное положеніе „бывшаго", которому приходится поступить... хоть въ тѣ же дворники, или въ швейцары въ клубъ „соединеннаго собранія"?

Вотъ онъ тамъ, у Марьи Петровны, такъ горячо убѣждалъ ее, говоря, что такіе, какъ она, не должны, по доброй волѣ, уходить изъ жизни...

А полно, такъ ли это?

Личная жизнь ея надломлена окончательно и безповоротно; а кругомъ вездѣ, во всѣхъ слояхъ и наслоеніяхъ, въ народѣ и въ обществѣ — ожесточенная усобица, бѣшенство или тупость; и повсюду—злоба, страхъ, мракобѣсіе!

И такъ будетъ идти все дальше и дальше.

Гдѣ же тутъ бороться, когда и самъ-то не знаешь, какъ и чѣмъ просуществовать? Когда ты — именно оттого, что попалъ когда-то въ „представители" — совсѣмъ вышибленъ изъ колеи простого работника, безвѣстнаго учителька, какимъ ты былъ прежде?..

Мостъ черезъ Неву—уже позади. Уразовъ, ёжась въ своемъ ваточномъ пальтишкѣ, уже переходилъ площадь и тутъ только вспомнилъ, что оттуда—рукой подать до одной изъ поперечныхъ улицъ, гдѣ онъ, когда-то, частенько ужиналъ.

Тамъ собирается пишущая братія, больше изъ газетнаго міра.

Онъ порядочно продрогъ, и ему захотѣлось согрѣть себя рюмкой водки и чего-нибудь дешевенькаго закусить.

Какъ разъ теперь онъ найдетъ—въ дальней комнатѣ — тамошнихъ завсегдатаевъ.

Шелъ уже поздній часъ. У Марьи Петровны онъ засидѣлся.

Горька была бесѣда, когда она начала разсказывать про сына: тотъ нашелъ себѣ достойнаго покровителя въ дядѣ, котораго Уразовъ нигдѣ не встрѣчалъ.

Въ этомъ Орестѣ онъ давно видѣлъ такого вотъ истинно-

уравновѣшеннаго „культуртрегера", одного изъ нынѣшнихъ проповѣдниковъ „а-морали".

Повернувъ за уголъ, Уразовъ увидалъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, подъѣздъ „Капернаума" — какъ этотъ кабачокъ давно прозванъ въ средѣ пишущей братіи.

Все тѣ же швейцаръ и площадка съ вѣшалкой, уже усѣянной верхнимъ платьемъ, съ рядомъ калошъ, всякихъ калибровъ и формъ.

Въ первыхъ двухъ комнатахъ сидѣло уже много народа, больше семейныя пары и группы—послѣ театровъ.

Онъ прошелъ въ дальнюю — „мертвецкую", какъ кто-то ее прозвалъ изъ-за тѣхъ „потàторовъ", которые нерѣдко уподоблялись мертвымъ тѣламъ, когда ихъ, часу въ пятомъ утра, удавалось удалить и посадить на извозчика.

Войдя въ угловую, гдѣ уже ходилъ табачный дымъ, Уразовъ ощутилъ какое-то безпокойство.

И сейчасъ же спросилъ себя: не рискуетъ ли онъ, показываясь въ такихъ мѣстахъ?

Въ немъ продолжало жить предчувствіе, что его не оставятъ въ покоѣ и подъ него подведены мины. Если онъ стремился въ Петербургъ, гдѣ человѣкъ затеривается въ многолюдствѣ, то всетаки не слѣдовало бы показываться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, навѣрно, всегда есть соглядатаи.

Да, по нынѣшнимъ временамъ, за кого можно поручиться, даже и въ самыхъ тайныхъ организаціяхъ?

Но онъ устыдился своего „малодушества" и, быстро оглядѣвъ комнату, выбралъ пустой столъ и сѣлъ туда, въ уголокъ, откуда ему видна была вся компанія.

Ни одно знакомое лицо онъ еще не узнавалъ.

IX.

Онъ сидѣлъ, нагнувъ голову надъ столомъ.

Кто-то его окликнулъ сзади. Онъ повернулъ голову.

— Вы, Кузмичевъ?—тихо воскликнулъ онъ.

— Къ вамъ можно присѣсть?

— Пожалуйста.

Какъ долго они не видѣлись съ этимъ „собратомъ" — Уразовъ не могъ сразу припомнить. Это было еще до его ссылки. Но тогда онъ не былъ такимъ.

Онъ, правда, узналъ его почти что сразу; но передъ нимъ

сидѣлъ уже почти старикъ: голый черепъ, какіе-то мохры изъ сѣдѣющихъ волосъ на вдавленныхъ вискахъ, зеленоватое лицо, страшно-возбужденные глаза съ красноватыми вѣками.

Ему можно было дать и тридцать лѣтъ, и сорокъ пять.

Рыхлая, сильно сѣдѣющая бородка дѣлала его голову еще замшареннѣе.

Пыльнаго цвѣта пиджакъ сидѣлъ на немъ мѣшковато. Манжеты были грязноваты. Воротникъ скомканъ, такой же свѣжести.

Отъ него шелъ слишкомъ явственный спиртный духъ.

— Пивка спросимъ?

— Пожалуй—согласился Уразовъ и немного наклонилъ впередъ голову, какъ бы желая попристальнѣе присмотрѣться къ своему собесѣднику.

Онъ и прежде зналъ, что этотъ Кузмичевъ — изъ запивающихъ. Зналъ онъ его за бойкаго, веселаго фельетониста, который много печаталъ въ газетахъ и еженедѣльникахъ, гдѣ помѣщалъ и разсказы. Все это было съ „честнымъ“ направленіемъ; но частенько онъ терялъ чувство мѣры и подтрунивалъ надъ тѣмъ, что слѣдовало бы щадить.

Но вотъ этотъ „собратъ“, что сѣлъ противъ него — уже форменный алкоголикъ. Вонъ у него уже вздрагиваютъ неопрятные пальцы рукъ... и весь-то онъ какъ-то подозрительно вздрагиваетъ.

— Такъ это вы... Уразовъ? Точно изъ мертвыхъ вставшій!— заговорилъ Кузмичевъ тихо и хрипло, съ особенной, очень замѣтной вибраціей.—Значитъ, и въ столицахъ имѣете право пребывать?

— Какъ видите...

„Собратъ“ оглядѣлся вокругъ. Въ дальней части комнаты прибавилось народу. Дѣлалось болѣе шумно; отъ кухоннаго чада, пополамъ съ табачнымъ, тяжело дышалось.

— И попадаете въ самую слякоть такъ называемаго настроенія.

Полубеззубый ротъ Кузмичева повела косая усмѣшка толстоватыхъ губъ.

— А вы какъ?—остановилъ Уразовъ.—Какъ живете-можете?

— Ха, ха! Я—никакъ! День да ночь—сутки прочь! Представляю изъ себя чистѣйшій типъ литературнаго мизерабля съ духовнымъ наслѣдіемъ девяностыхъ годовъ! Да-съ!

Въ его тонѣ зазвучало что-то точно заученное, какъ будто онъ уже привыкъ разыгрывать все одну и ту же роль. Сколько

Уразовъ припоминалъ — онъ и прежде имѣлъ въ себѣ что-то актерское.

— Да-съ,—продолжалъ Кузмичевъ, отхлебывая пиво изъ бокала—я типъ съ рубежа двухъ вѣковъ. Такъ я иногда и подписываюсь.

— Много работаете?—остановилъ опять Уразовъ дѣловымъ тономъ.

— Въ настоящій моментъ—пробиваемся съ хлѣба на квасъ послѣ нѣкоторой Вальпургіевой ночи.

На вопросительный взглядъ Уразова тотъ продолжалъ съ гримасой заматорѣлаго богемы:

— А тотчасъ послѣ октябрьскихъ дней?! Вы развѣ не помните? Вѣдь и къ вамъ, туда, въ захолустье доходили смѣхотворные листки—одинъ другого смѣлѣе и безпардоннѣе?

— Какже, какже!

— И я тогда только восчувствовалъ свое настоящее призваніе. Взялъ нѣсколько юмористическихъ кличекъ и подъ ихъ прикрытіемъ доставлялъ свое зубоскальство въ нѣсколько разрывныхъ листковъ. Но царству этой небывалой на Руси сатиры пришелъ трагическій, а по моему смѣхотворный конецъ... Засадили и меня, раба божьяго.

— Вы сидѣли?—совершенно серьезно переспросилъ Уразовъ.

— Въ Крестахъ.

— И что же?

— Довольно гнусно. И въ памяти остался собственный духъ камеры... съ подробностью, специфическое имя которой вамъ, конечно, небезъизвѣстно.

— Вы пострадали какъ авторъ?

— И какъ редакторъ-издатель, разумѣется номинальный. А потомъ... когда произошла чистая перемѣна, какъ въ балетѣ— можно было жить только однимъ: порнографіей.

Уразовъ сдѣлалъ движеніе головой.

— Васъ это шокируетъ? Я знаю! Вы чистый. Вы скорбите объ этой внезапной эпидеміи, объявшей палестины россійской письменности.

— Неужели можно восхищаться?

— Зачѣмъ? Но можно и должно констатировать — ничего больше.

Допивъ пиво, „собратъ“ Уразова положилъ оба локтя на столъ и сильнѣе подался впередъ къ своему собесѣднику.

— Вы теперь узнали провинцію! Стало, вы сами должны подтвердить такой фактъ: тотчасъ послѣ того, какъ разогнали

„думу народнаго гнѣва“ — выражаясь стереотипно — съ опика, вмѣсто всякихъ книгъ и *брешюръ*—выговорилъ онъ дурачливо— пошелъ колоссальный спросъ на этотъ шабашъ раскрѣпощеннаго инстинкта.

— Вотъ видите, вы сами все это клеймите, коллега.

— Клеймлю? Ни-ни! Опять-таки заношу въ лѣтописи нашей этико-соціальной эволюціи. Больше ничего!

— Зачѣмъ же самому служить такой эпидеміи — какъ вы сами выражаетесь?

— Только изъ того, изъ-за чего бился и щедринскій „Обманутый поручикъ“—Живновскій: *буаръ э манже.* Я не сталъ сочинять сексуальныхъ повѣстей и пьесъ, или писать картины изъ жизни притоновъ и домовъ терпимости. Но я и въ цивическую, такъ сказать, сатиру сталъ вносить своего рода эротизмъ.

— Не понимаю!—добродушно остановилъ Уразовъ.

— Трудно это растолковать безъ вещественныхъ доказательствъ. Но теперь такая пошла полоса, что и на такомъ канатѣ балансировать слишкомъ опасно. И мы пробавляемся всякой пустяковиной... вплоть до беззубыхъ политическихъ стишковъ, благо ни одна сурьозная—протянулъ онъ—не можетъ нынче безъ нихъ выходить, ибо обыватель, если онъ развернетъ газету-простыню и не найдетъ ежедневный обязательный стишокъ, то и читать не станетъ.

X.

Слушать все это и глядѣть на Кузмичева, на его маску явнаго алкоголика, на гримасу его полубеззубаго рта — было тяжко; но Уразовъ ловилъ себя на этомъ брезгливомъ чувствѣ, и ему хотѣлось отнестись къ „богемѣ“ сочувственнѣе, видѣть въ немъ продуктъ нашей трагической „неразберихи“.

Русскую интеллигенцію онъ не переставалъ считать жертвой, обреченной на закланіе еще на десятки лѣтъ, быть можетъ на вѣки вѣчные.

— Нѣтъ, вы вотъ что мнѣ скажите, многоуважаемый коллега,—говорилъ Кузмичевъ, выпившій двѣ рюмки водки передъ чѣмъ-то съѣстнымъ:—почему нашъ братъ воображаетъ, что еслибъ ему удалось захватить въ свои руки всю „полноту власти“ (онъ процитировалъ эти два слова), то онъ повелъ бы россійскую державу по стезѣ невообразимаго благоденствія... Ха, ха!

Смѣхъ прорвался такъ сильно, что кругомъ начали огляды-

ваться на ихъ столикъ. Отъ этого Уразову стало еще болѣе не по себѣ, хотя онъ никого не зналъ изъ тѣхъ обычныхъ посѣтителей кабачка, и еслибы не встрѣча съ Кузмичевымъ, чувствовалъ бы себя точно въ чужомъ городѣ.

— Что вы на это скажете?—задорнѣе и громче приставалъ къ нему его собесѣдникъ.

— Судить объ этомъ теперь нельзя—примирительно вымолвилъ онъ.

— Нельзя, многоуважаемый? Какъ нельзя? Отбросимъ всякія жалкія слова! Выйдемъ изъ тумана книжныхъ обобщеній... Спросимъ ясно и просто—кто мы такіе? Мы—работники пера? Да или нѣтъ?

— Несомнѣнно.

— А-а! Прежде, лѣтъ десять назадъ, еще можно было отговариваться незнаніемъ закона...

— Какого?—полушутливо остановилъ Уразовъ.

— Какъ какого? Пролетарскаго „credo“, догмата классоваго чувства.

— Вѣдь не всѣ—правовѣрные марксисты, любезный коллега.

— Не всѣ? И я не зашибался этимъ правовѣріемъ, но разъ мы—пишущая братія—когда соберемся, только и дѣла дѣлаемъ, что клянемъ свою рабскую долю, то что же изъ этого слѣдуетъ—почтительнѣйше спрошу я васъ?

— Необходимость солидарности.

— А! Но это, простите, слишкомъ общо, слишкомъ „неосязательно“. Я—батракъ; а издатель—мой хозяинъ. Здѣсь трудъ; а тамъ капиталъ. Что можетъ быть проще?

— Какъ будто это не сознаютъ?

— Вотъ въ этомъ-то и состоитъ великая мизерія нашего брата—мизерія духовная, этическая... Гнусная дряблость, полная закабаленность... И вмѣсто того, чтобы устроить хоть подобіе совмѣстнаго дѣйствія — ведутъ себя какъ прислуга... Хуже!.. Только, милостивецъ, дай мнѣ авансу, лишнюю радужную... Да какое! Хоть лиловенькую, хоть красненькую.

Онъ обернулъ голову въ полъ-оборота и сталъ говорить тише звукомъ:

— Прислушайтесь... о чемъ тутъ будутъ гуторить, когда винные пары заходятъ у нихъ въ мозгахъ. Сначала о гонорарѣ, объ авансѣ, а тамъ—кто что „содралъ“ съ своего хозяина; а потомъ—подкуриванье другъ другу, или пикировка, а то и брань! Душу всю выворотитъ слушать-то. А плетешься сюда всякій день! И участвуешь въ общемъ безобразіи.

— Кто же вамъ мѣшаетъ производить пропаганду идеи... я не знаю тамъ... бойкота или забастовки?

— Кто мѣшаетъ? Мой горькій опытъ мѣшаетъ, многочтимый коллега. Можно ли подбить на дѣйствіе скопомъ тѣхъ, кто готовъ продать себя всякому за чечевичную похлебку?

— Не всѣ такіе! Зачѣмъ же всѣхъ валить въ одну кучу?

— Но еслибъ это было иначе—уже сердитѣе и громче возразилъ Кузмичевъ—развѣ классовое чувство, развѣ дѣйствительное сознаніе своихъ прямыхъ пролетарскихъ интересовъ не создали бы подобія... ну, хоть синдиката что-ли?

Отхлебнувъ отъ новаго бокала съ пивомъ, онъ продолжалъ задорнѣе и точно веселѣе:

— Пропаганда! Возьмите вы народника съ революціонной подкладкой—они къ вамъ ближе всего стоятъ, если я не ошибаюсь... Чего вы добились? Въ личной своей судьбѣ—одна слеза. Политическаго вліянія—никакого! Молодежь смотритъ, какъ на безобидныхъ старичковъ, и не хочетъ даже вспомнить—сколько... такими, какъ вы, многоуважаемый, было принесено жертвъ! Развѣ это не правда? Скажите!

Уразовъ полузакрылъ глаза и не сразу отвѣтилъ.

Вся эта тирада Кузмичева задѣла его, точно кто прошелся по нервамъ раздражающимъ токомъ.

— Кто много страдалъ, тотъ съумѣетъ перетерпѣть всякое безвременье.

Слова были сказаны искренно; но они самому Уразову показались жалкимъ признаніемъ того, что такіе, какъ онъ—близки къ ликвидаціи.

— Простите! Я не хотѣлъ васъ огорчить. Но у людей вашего credo великое утѣшеніе въ томъ, что вы—если не провели свое дѣло въ жизнь, то сказали свое слово. А мы всѣ—мятущіеся работники пера—обречены на самопрезрѣніе.

— Зачѣмъ же такъ?

— И претензіи всѣхъ, кто мнитъ себя интеллигентами—неосмысленный бредъ величія! Гдѣ намъ создавать всероссійское Эльдорадо, когда мы сами ведемъ себя какъ сбродъ жалкихъ батраковъ — ни на что неспособныхъ, кромѣ строченія по столько-то за строчку и вотъ такого трактирнаго дебоша!

XI.

Кузмичевъ, покончивъ съ ѣдой, переставилъ стулъ вбокъ, очутился рядомъ съ Уразовымъ и сталъ ему нашептывать въ ухо.

Эти возбужденныя, обличительныя рѣчи „работника пера“ всколыхнули многое въ душѣ того, кто болѣе, чѣмъ этотъ „богема“, могъ считать себя жертвой безвременья.

И вѣдь онъ не могъ не согласиться съ тѣмъ, что этотъ озлобленный циникъ—правъ, тысячу разъ правъ!

Давно уже ему не дѣлалось такъ обидно-горько за свое сословіе, за ту „пишущую братію“, среди которой онъ провелъ половину всей своей незадачливой жизни.

Развѣ не правда, что тѣмъ, кто хочетъ все передѣлать по своему и создать соціально-политическое Эльдорадо, надо начать съ самихъ себя, сплотиться, поднять въ каждомъ отдѣльномъ индивидѣ чувство своего достоинства?

Какого?

„Классоваго“ — подскажутъ люди партіи, подскажетъ сейчасъ и вотъ этотъ циникъ. Въ этомъ онъ не болтаетъ зря. Это онъ понимаетъ, хотя и самъ—первый—способенъ за лиловенькую ассигнацію молчать передъ хозяиномъ тамъ, гдѣ нужно дѣйствовать скопомъ съ товарищами.

— Васъ какъ звать... по имени и отчеству, коллега?—донесся до его слуха и обонянія опросъ Кузмичева.

— Николай Платонычъ.

— Такъ вотъ, досточтимый Николай Платонычъ... Какое сочетаніе имени—вѣдь такъ звали Огарева... нашего перваго, по времени, идеалиста-народника, который въ самомъ дѣлѣ отпустилъ на волю цѣлое село крѣпостныхъ!.. Такъ вотъ—онъ сталъ говорить еще тише—не угодно ли немножко прислушаться къ тому, что они перетряхаютъ между собою?

Уразовъ покачалъ головой.

— Зачѣмъ это?—почти сконфуженно выговорилъ онъ.

— Да вѣдь мы не соглядатаи! Здѣсь все говорится во всеуслышаніе. А попозднѣе поднимется такой гамъ... когда процентъ спиртныхъ паровъ дойдетъ до извѣстной цифры. И настоящимъ филёрамъ въ этомъ Капернаумѣ—нажива плохая.

— Всетаки...

— Помолчимъ малую толику. Вы вѣдь ничего еще порядкомъ не ѣли... изъ-за моей болтовни. Вотъ я спрошу себѣ уже цѣлую кружку пива, въ одинъ литръ вмѣстимости, и буду молчать. А вы, тѣмъ временемъ, закусите основательнѣе.

Разговоръ ихъ смолкъ. А тѣ два господина, что завели очень оживленную бесѣду за ближайшимъ столикомъ, точно по уговору, подняли діапазонъ своей бесѣды.

Уразовъ—и не желая—слышалъ все превосходно. И минутъ

черезъ пять Кузмичевъ сталъ ему молча подмигивать, и его воспаленные глаза подсмѣивались, и ротъ алкоголика складывался въ язвительную, хихикающую гримасу.

— И сцапалъ?—донесся до нихъ возгласъ одного изъ тѣхъ господъ.

— Сцапалъ.

— Сколько?

— Сто монетъ.

— Хвастаешь!

— Ни Боже мой! Да ты только сообрази. Номеръ надо выпускать, а матеріала нѣтъ. Присяжный его поставщикъ сидитъ... въ Крестахъ. Посадили на той недѣлѣ, и тамъ у него сейчасъ же объявилась какая-то гадость, въ родѣ рожистаго воспаленія... Ну, онъ ко мнѣ кинулся. Я только этого и ждалъ. Ну, по первому же абцугу и говорю: сто монетъ — объ это мѣсто.

— Не дуренъ жаргонъ?—шепнулъ Кузмичевъ.—Какимъ букетомъ отшибаетъ?

Уразовъ сначала молча пожалъ плечами; а потомъ обронилъ:

— И всегда это было!

— Да-съ; но тогда не болтали зря о классовомъ чувствѣ.

Они оба опять замолчали.

За столомъ подальше, у слѣдующаго окна—сидѣло человѣка четыре. И они о чемъ-то давно уже спорили. Сразу не такъ легко было разобрать. Одинъ, съ жидкими длинными волосами, по-женски зачесанными за уши, и съ вырѣзомъ отложного воротника рубашки, перехваченнаго бантомъ фуляроваго галстуха, жидкимъ, теноровымъ голосомъ пропѣлъ:

— Нѣтъ спасенья внѣ участія всей залы!

— Скажите лучше—всего хлыстовскаго радѣнья?

— И весьма! И весьма!—взвизгнулъ первый голосъ. Чѣмъ испугали! Что̀ такое экстазъ? Развѣ это не радѣнье? Долой скопческіе предразсудки!

— Батенька!—возразилъ второй голосъ басомъ.—Да у бѣлыхъ голубей происходятъ также радѣнья, почище, чѣмъ въ хлыстовщинѣ.

— Да, да!—почти истерически восклицаетъ тенорокъ.

А черезъ двѣ-три минуты кто-то крикнулъ:

— Смерть быту! Долой безвкусное мѣсиво плоскаго реализма! Смерть быту!

— Чему?—спросилъ шопотомъ Уразовъ.

— Бытовому театру. Чтобы публика въ вакхической пляскѣ сливалась съ тѣмъ, что̀ будетъ происходить на подмосткахъ.

И подмигнувъ собесѣднику, Кузмичевъ сдѣлалъ смѣшной жестъ пальцами правой руки.

Дѣлалось до-нѐльзя душно. Уразовъ безпомощно сталъ оглядываться.

— Не въ моготу вамъ, Николай Платонычъ? Хотите обратиться въ бѣгство?

— Да... довольно.

Онъ наскоро расплатился съ кельнеромъ, въ курткѣ, и, вставая, спросилъ:

— А вы еще останетесь?

— Останусь.

И рука циника протянулась къ новой кружкѣ пива.

XII.

Извозчикъ-лихачъ, у подъѣзда ресторана, предлагалъ „прокатиться за рубликъ“. Уразовъ не взялъ и простеца; ему захотѣлось устать передъ отходомъ ко сну. Пройти приходилось побольше версты. Городъ уже вымеръ. Изрѣдка проѣзжала карета и дребезжала пролетка ночного, безъ шинъ.

Санной ѣзды еще не было. Вмѣсто крѣпкаго снѣга, послѣ мокрой изморози, туманъ—сначала бѣлесоватый, потомъ желто-грязный—сталъ обволакивать все жуткой пеленой.

Но онъ не пугалъ его. Не на столько туманъ былъ густъ, чтобы сбиться съ пути, держась все того же троттуара.

Огни фонарей виднѣлись желтыми точками. И во всемъ тѣлѣ получалось ощущеніе — точно начинаешь плавать въ какой-то новой газообразной стихіи.

Это было подъ стать къ его настроенію.

Неужели онъ стремился опять сюда, въ этотъ городъ, гдѣ и онъ, и самые близкіе ему люди очутились въ „заштатныхъ“? Не то горе, что царитъ общій врагъ, съ небывалой наглостью и цинизмомъ, а то, что у толпы, у всякой—у большинства и меньшинства, у молодежи всякихъ фракцій и согласій — новые боги, новые идолы, новые вожаки, новыя повальныя болѣзни духа и плоти!

Образъ его печальнаго друга, Федосѣевой, всплылъ передъ нимъ и къ глазамъ стали подступать слезы—не отъ ѣдкаго тумана, а отъ душевной надсады.

Развѣ онъ можетъ вернуть ее къ вѣрѣ въ жизнь, когда и въ немъ-то самомъ эта вѣра дала трещину... и какую!

Впади она въ нищету, лишись всякаго заработка—онъ съ радостью сталъ бы добывать ей кусокъ хлѣба, хотя и самъ не знаетъ — не очутится ли онъ въ настоящихъ „безработныхъ" гораздо раньше, чѣмъ тотъ пролетарій пера—Кузмичевъ.

Тотъ освободилъ себя отъ всякихъ запретовъ. Для него все едино — о чемъ бы онъ печатно ни зубоскалилъ. Такіе шуты нужны. И теперь легче, чѣмъ когда-нибудь, прикрывать свою „а-моральность" прозой и стихами на злободневныя темы.

Но этотъ циникъ попалъ въ самое *его* больное мѣсто. И онъ, годами, страдалъ отъ сознанія, что интеллигенція поражена недугомъ безволія, раздоровъ и мелкихъ дрязгъ, роковой неспособностью встать, какъ одинъ человѣкъ, на защиту самыхъ священныхъ правъ—правъ труда!

Какъ всѣ эти слова и для самого себя звучатъ какой-то жалкой шарманкой!

Съ усиліемъ разглядѣлъ онъ безформенную кучу у подъѣзда—спящаго дворника, въ тулупѣ,—подходя къ дому, гдѣ жилъ въ плохоньких номерахъ.

И почему-то тутъ только, въ его улицѣ, ему вдругъ вспомнилось то зимнее воскресенье, послѣ котораго онъ очутился въ мѣстахъ... отдаленныхъ.

Онъ былъ только зрителемъ того, что̀ ему привелось видѣть тамъ, на другомъ концѣ города, въ двухъ шагахъ отъ дома, гдѣ онъ долго проживалъ.

Давно ли это было? Какихъ-нибудь три года. А какъ сейчасъ мечется передъ его глазами лошадь безусаго офицерика, ворвавшагося на ихъ дворъ съ обнаженнымъ палашемъ. И его жидкій, яростный голосъ, его ругательства. А на улицѣ—залпъ и тѣла на троттуарѣ... и опрокинутый вагонъ конки...

Онъ не участвовалъ въ этомъ, теперь уже „историческомъ" событіи. Для него все это налетѣло какъ что-то стихійное, точно какое землетрясеніе. И тогда-то онъ впервые почувствовалъ, что и онъ, и его ближайшіе товарищи—*книжные* люди, что они не съумѣли, даже и не пытались стать во главѣ рабочей массы, подозрительно смотрѣли на то, что̀ дѣлалось не подпольно, а въявѣ, на ежедневныхъ сходкахъ. Они подозрѣвали тутъ нѣчто предательское.

Такъ оно, въ концѣ концовъ, и вышло. И кровавое воскресенье осталось „памяткой" душу возмущающаго „дѣйства"—какъ онъ потомъ долго называлъ этотъ день.

Но въ немъ самомъ тогда-то вѣра въ свое credo и помутилась. Не въ народъ онъ извѣрился, а въ такихъ, какъ онъ самъ, съ ихъ слѣпотой или самообманомъ, съ ихъ доктринерствомъ. На ихъ глазахъ, подъ ихъ носомъ первый попавшійся авантюристъ могъ сдѣлаться предводителемъ чуть не стотысячной массы. За нимъ она шла, а ни за однимъ изъ нихъ не пошла бы. И они—честные, чистые, глубоко преданные своей платформѣ—очутились „за штатомъ“.

Вотъ съ какими мыслями добрался Уразовъ до своего плохонькаго, узкаго номерка, который поразительно напоминалъ ему ту одиночную камеру, гдѣ онъ просидѣлъ когда-то цѣлыхъ четыре мѣсяца.

Унылый свѣтъ стеариноваго огарка усилилъ это сходство. Даже и въ этомъ городѣ, гдѣ онъ столько пережилъ тяжелаго, никогда у него не бывало такъ скверно на душѣ.

XIII.

На свое письмо, посланное по городской почтѣ, Федосѣева получила такой отвѣтъ:

„Глубокоуважаемая
Марья Петровна!

Не скрываю того, что я очень подавленъ своимъ предательскимъ недугомъ—грудной жабой—и не могу никогда разсчитывать на то, что окажусь на лицо въ назначенный день и часъ. Но всетаки буду васъ ждать послѣ завтра, часамъ къ двумъ.

Искренно преданный
Ип. Брянскій“.

Въ этотъ день Ипполитъ Семеновичъ—послѣ мучительныхъ припадковъ одышки — забылся только къ четыремъ часамъ, а проснулся уже въ восемь, съ тяжелой головой и тревогой въ груди.

Онъ тотчасъ же вспомнилъ о своемъ обѣщаніи принять Марью Петровну.

Онъ зналъ ее очень давно—лѣтъ больше двадцати, съ тѣхъ годовъ, когда и онъ былъ еще бодрый, подвижной, моложавый и всегда готовый на всякую послугу холостякъ.

Холостякомъ онъ и остался: живетъ одинъ, и давно утратилъ уже всякую мечту о личномъ счастьѣ, о домашнемъ очагѣ.

Ему уже подъ шестьдесятъ. Но это бы еще ничего, еслибъ

„предательскій недугъ“ не подстерегалъ его. И вотъ уже около шести лѣтъ, какъ онъ—въ его когтяхъ.

Его образцовая, по умѣренности, жизнь не спасла отъ этой „лихой бо̀лѣсти“. И въ ней сказалась не физическая только усталь отъ долгихъ годовъ непосильнаго труда, но и эта душевная горечь, накоплявшаяся въ печени. А въ послѣдніе три года онъ—кажется уже до конца дней своихъ—глубоко и неизмѣнно „огорчался“. Онъ и самъ про себя говоритъ близкимъ людямъ:

— Извините меня... Я вѣдь—*огорченный*.

Все это вмѣстѣ подорвало его на рѣдкость выносливую натуру. Ему незачѣмъ подходить лишній разъ къ зеркалу, чтобы видѣть, „каковъ онъ“.

Лицо безкровное, не по лѣтамъ морщинистое, съ чертой горечи, которая легла въ видѣ складокъ и подъ нижней губой, и вдоль крыльевъ носа; утомленный взглядъ когда-то острыхъ темнокарихъ глазъ; черепъ совсѣмъ обнажился, походка стала колеблющейся, грудь впала и его точно что-то стало пригибать къ землѣ.

Но „духъ“ не сдавался. Его огорченность набрасывала налетъ печали и „резиньяціи“ на его личное „я“. Въ своихъ идеяхъ, въ своемъ исповѣданіи вѣры онъ остался все такъ же непоколебимъ и непримиримъ.

Не хочетъ онъ мириться ни съ тѣмъ, что̀ теперь, сверху, душитъ и гнететъ, казнитъ, ссылаетъ и прячетъ въ казематы, ни съ тѣмъ, что̀ снизу налетѣло на его отечество, въ видѣ какого-то смертоноснаго смерча.

„Ни въ сихъ, ни въ оныхъ“ — часто онъ повторяетъ, подводя свои итоги.

Онъ—до сихъ поръ на службѣ. И на ней умретъ, такъ какъ носитъ несмѣняемое званіе.

Стало, въ глазахъ „упразднителей“ онъ „чинушъ“, слуга режима, ненавистнаго всему, что̀ стремится къ правдѣ и свободѣ?

Слуга *родины* — да, но *режима* — нѣтъ. Въ ряды крамолы онъ не станетъ; его жизнь уже виситъ на волоскѣ. Но онъ не бросился бы въ схватку, еслибъ и зналъ, что его смертный часъ пробьетъ въ такой-то моментъ.

Ни подпольной агитаціи, ни погромамъ какого бы то ни было рода — онъ никогда не сочувствовалъ и сочувствовать не будетъ.

Пускай его называютъ выдохшимся либераломъ-идеалистомъ. Онъ свою „службу“ несъ честно и самоотверженно и никогда

не подслуживался толпѣ, улицѣ, плебсу, стихiйнымъ силамъ, ибо зналъ, что за этими взрывами настаютъ горшiя времена, и не признавалъ высшей правды ни за какимъ насилiемъ, откуда бы оно ни исходило.

Теперь онъ торопится дописать все то, что у него на очереди: нѣсколько вещей на дорогiя ему темы — и довести до конца записки „вѣрнаго сына XIX-го вѣка", какъ онъ самъ называетъ себя.

Служба идетъ своимъ чередомъ, и ей надо все еще удѣлять больше того, сколько ему нужно, чтобы все докончить во-время.

И каждое утро, съ девятаго часа — онъ неизмѣнно — съ болѣе свѣжей головой — пишетъ, а очередныя занятiя по службѣ берутъ у него вечернiе часы.

Въ гости онъ давно уже пересталъ ѣздить. Кромѣ нѣсколькихъ засѣданiй онъ почти нигдѣ не бываетъ. Ходить по улицамъ — боится припадка; ѣзда его раздражаетъ; а пуще всего подавляетъ постоянная петербургская мгла.

Вотъ уже пятая недѣля идетъ, какъ солнце никогда не проглядываетъ, хотя бы сквозь пелену.

Ипполитъ Семеновичъ пьетъ чай въ своемъ обширномъ кабинетѣ, около письменнаго стола.

Кабинетъ обставленъ шкапами, шкапчиками и этажерками. Здѣсь все, что онъ, на свои трудовыя деньги — въ теченiе тридцати лѣтъ — собиралъ, а также и всѣ подношенiя, альбомы, портреты, художественныя вещи, всѣ его „реликвiи".

Только въ этомъ рабочемъ покоѣ чувствуетъ онъ, сколько самъ трудился, какъ боролся за то, что ему свято и что теперь — и сверху, и снизу — обречено идти „на смарку".

Безъ перерыва будетъ онъ — въ домашнемъ костюмѣ — писать до часу дня, когда ему подадутъ что-нибудь закусить, сюда же въ кабинетъ.

XIV.

То, о чемъ въ это утро вспоминалъ Ипполитъ Семеновичъ, подводя итоги своихъ переживанiй — не могло не взволновать его, и онъ долженъ былъ прерывать работу и прохаживаться по кабинету, мелкими шажками, боясь, какъ бы не началось сердцебiенiе.

Сколько было вложено имъ любви къ своему дѣлу! Какъ

онъ смѣло и одушевленно служилъ тѣмъ — тогда еще щекотливымъ и рискованнымъ—принципамъ „правды, справедливости и гражданскаго долга“.

Но тогда его цѣнили, его отличали, онъ дѣлалъ быструю карьеру, хотя и не считалъ себя карьеристомъ, счелъ бы такую оцѣнку своей службы—кровнымъ оскорбленіемъ.

И такъ шло больше десяти лѣтъ.

А потомъ? Потомъ потянулся—хотя и съ „повышеніями“—долгій путь несенія своего креста по кальварію горькихъ испытаній, долголѣтней интриги, глухого, подпольнаго заподозриванья, заочнаго и явнаго злорадства и злоязычія.

Было бы слишкомъ тяжко — съ приближеніемъ жизненнаго конца — подводить эти „итоги“, еслибъ не вѣра въ то, что многіе, быть-можетъ очень многіе изъ его сверстниковъ и людей помоложе никогда не отказывали ему въ своемъ уваженіи и сочувствіи.

Да и „большая“ публика его знаетъ и доказываетъ ему это матеріальнымъ успѣхомъ его книгъ.

Но все-таки онъ—въ станѣ „огорченныхъ“, а стало и *побѣжденныхъ*.

Присѣвъ въ послѣдній разъ къ письменному столу, Ипполитъ Семеновичъ перечелъ тѣ листки, которые онъ исписывалъ своимъ убористымъ почеркомъ на одной страницѣ плотной матовой бумаги оригинальнаго формата.

Работая, онъ надѣвалъ очки въ черепаховой оправѣ, и вниманіе, съ какимъ онъ все дѣлалъ, выражалось сейчасъ же на его личной мимикѣ: онъ морщилъ лобъ и глубокая складка залегала между бровями.

Къ языку онъ былъ очень взыскателенъ; но писалъ большими тирадами, съ вводными предложеніями. Онъ не любилъ нынѣшняго, какъ онъ называлъ, „телеграфнаго“ стиля.

Главкой, которую онъ просмотрѣлъ, онъ остался доволенъ, и его сильно потянуло пописать еще; да часы — на столѣ—доложили, что пора закусить, а тамъ придетъ Марья Петровна.

По тону ея письма онъ видѣлъ, что она нуждается въ совѣтѣ. Можетъ-быть и въ матеріальной поддержкѣ? Но онъ зналъ ея гордость, ея „принципизмъ“. Она просительницей ни въ какомъ случаѣ не явится.

Никто не вызывалъ въ немъ — за послѣдніе годы — такого теплаго состраданія вмѣстѣ съ такимъ же чувствомъ преклоненія передъ чистотой ея личности.

Они—не одного лагеря. Она увлекалась крайними идеями и

мечтами, и, быть-можетъ, при другой матери, дочь ея не погибла бы такъ печально.

Но арестъ дочери, предвкусіе казни, смерть въ тюремномъ лазаретѣ... это глубокое крушеніе всего... это ренегатство брата и циническая „платформа" ея сына — все это было ему извѣстно, хотя Марья Петровна бывала всегда слишкомъ сдержанна и стыдилась изліяній и жалобъ.

Онъ давно прозвалъ ее „mater dolorosa". И никогда ему такъ не хотѣлось поддержать ее, и онъ искренно негодовалъ на свои „лихія болѣсти" и затяжную, все возрастающую „уйму" дѣла.

Но когда онъ отдыхалъ отъ сегодняшней работы за маленькимъ столикомъ, гдѣ ему поставили холодную закуску и чашку вчерашняго холоднаго бульона съ рюмкой вина — онъ что-то такое сталъ обдумывать, что̀ вызвало вдругъ усмѣшку на его обыкновенно сжатый, почти скорбный ротъ.

Къ концу второго часа ему доложили, что „госпожа Федосѣева желаетъ его видѣть".

Обыкновенно дверь его была заперта для всѣхъ, не исключая даже и чиновныхъ сослуживцевъ, отдающихъ визиты. Разъ въ недѣлю онъ принимаетъ „по дѣлу", въ дообѣденные часы; но нездоровье заставляло часто отказываться и отъ этихъ пріемовъ.

Марья Петровна вошла въ кабинетъ и остановилась въ дверяхъ.

Онъ не такъ давно ее видѣлъ; но ея лицо поразило его, хотя она и смотрѣла на него съ доброй, тихой улыбкой.

— Пожалуйте! Пожалуйте! Дорогая Марья Петровна!

Протягивая руки, онъ приблизился къ ней и тотчасъ же усадилъ ее на диванъ, рядомъ съ собою.

— Вы переѣхали... Устроились? — спросилъ онъ такъ же задушевно.

— Да, Ипполитъ Семенычъ, начала новую жизнь... и въ новой, старушечьей обстановкѣ.

Ей хотѣлось держаться болѣе шутливаго тона. И онъ не хотѣлъ задѣвать никакой горькой ноты.

— Вы кряжъ! Вы умѣете бороться съ тѣмъ, что̀ греки называли *мойра* — неумолимый рокъ. За васъ я не боюсь! — говорилъ онъ, держа ея руку въ своей и продолжая слегка пожимать ее.

— *Мойра!* — повторила Ѳедосѣева. — Жить. Но для кого? Неужели только для себя?

Она покачала головой и слегка отвернула лицо.

XV.

— Простите, Ипполитъ Семенычъ,—начала она, немного помолчавъ:—вы такъ заняты и вамъ нельзя много говорить...

— Ничего, я могу... Вѣдь это не то, что въ засѣданіяхъ.

Она еще пріостановилась на секунду.

— Ипполитъ Семенычъ! У меня нѣтъ къ вамъ никакой особенной просьбы... Я уже такая до этого неохотница...

— Знаю, знаю!.. Въ васъ я всегда цѣнилъ, Марья Петровна, вашу... истинно благородную гордость.

— Меня такъ потянуло къ вамъ... Одно ваше бодрящее слово...

По лицу ея, исхудалому и нервному, проползла тѣнь.

— Боюсь... не выдержу—обронила она и провела ладонью по глазамъ, точно боясь, что слезы навернутся на рѣсницахъ.

— Чего?

— Моего одиночества... моей опустошенной жизни... Вотъ я устроилась... А для кого жить... Для чего?

Онъ протянулъ къ ней руку.

— Зачѣмъ? Уныніе — самый тяжкій грѣхъ, Марья Петровна!

И какъ бы устыдившись того, что у него вылетѣло такое общее мѣсто, онъ заговорилъ задушевно и быстро:

— Такія личности, какъ вы—должны жить...

— Для кого?

— Какъ для кого, Марья Петровна! Вы не можете не отдавать своихъ силъ на честное дѣло... Переборите въ себѣ эту душевную прострацію.

Руку ея онъ все еще держалъ въ своей рукѣ и слегка пожималъ.

— Жутко!—съ подавленнымъ вздохомъ вырвалось у нея.

— Еще бы! — отозвался онъ.—Но развѣ не было бы еще ужаснѣе, еслибы дочь вашу не унесъ тифъ? Разумѣется, судьба слишкомъ безпощадно обошлась съ вами, Марья Петровна, оставивъ вамъ такого сына.

Она махнула рукой и ничего не отвѣтила.

— Вотъ это побѣдитель, какъ и вашъ братъ... а мы — побѣжденные. И насъ надо сдать въ архивъ.

И, мѣняя тонъ, онъ спросилъ ее такъ же участливо:

— Можете ли хоть работать? И есть ли работа хоть сколько-нибудь по душѣ?

Взглядъ его оживился.

Онъ подошелъ, безъ всякаго „подхода“ къ тому, о чемъ уже думалъ сегодня утромъ.

— Марья Петровна!—началъ онъ добродушно-дѣловымъ тономъ.—Знаете, что я бы вамъ предложилъ?

— Что, Ипполитъ Семенычъ?

— Меня стало утомлять писанье... самый процессъ. Нѣтъ-нѣтъ, и начинается родъ судорогъ въ пальцахъ. Знаете, есть вѣдь такая особенная болѣзнь... „Fingerkrampf“. Думалъ-было я купить пишущую машину. Но вѣдь тамъ также нужно работать пальцами, да и шумно. Все это отвлекаетъ мысль, даетъ всему какой-то механическій оттѣнокъ.

Глаза ея взглянули вопросительно, но она не хотѣла его прерывать.

— Вотъ я и подумалъ... по вечерамъ, когда вы не очень утомлены денной работой...

— Писать подъ вашу диктовку?—радостной нотой раздался ея вопросъ.

— Именно. А? Какъ вамъ улыбается мое предложеніе?

И тотчасъ же, перемѣнивъ позу, онъ заговорилъ полушутливо:

— Только, пожалуйста, не думайте, что это я придумалъ, чтобы оказать услугу. Работа скучная... да къ тому же вы такая работница, которую должны цѣнить редакторы и издатели книгъ. Я это знаю.

— Цѣнили прежде—поправила она.—А теперь...

— Все-таки, все-таки! Одолженіе окажете мнѣ вы, а не я вамъ. На этотъ пунктъ я не могу не упирать.

— Хорошо, согласна, дорогой Ипполитъ Семенычъ. Но вѣдь для этого не лучше ли вамъ взять стенографку?

— Нѣтъ. Стенографка васъ торопитъ. Вамъ трудно хорошо построить фразу въ головѣ... И потомъ всѣ эти барышни... я ихъ знаю. Я уже пробовалъ. Съ ними бѣда!

— Правда, я довольно скоро пишу.

— Да я знаю, что у насъ превосходно пойдетъ. Тутъ вошелъ и психическій элементъ. Мнѣ легко и отрадно будетъ имѣть такого духовника, какъ вы.

— Почему духовника?

— А какъ же? Я бы вамъ сталъ диктовать мои житейскіе итоги. И вотъ вы будете моей совѣстью...

— Какъ же это, Ипполитъ Семенычъ?

— Очень просто! Самъ пишешь—нѣтъ контроля. Что-нибудь и лишнее о себѣ... похвастаешь или порисуешься. А тутъ сдержка будетъ. Во всемъ же стоющемъ мнѣ будетъ такъ же легко, какъ и съ глазу на глазъ съ самимъ собою... потому что сидѣть будете вы, а не франтиха-стенографистка или барышня... какъ бишь ихъ называютъ...

— Дактилографка!

— Ха, ха! Вотъ-вотъ!

Онъ всталъ и, протягивая ей руку, сказалъ возбужденно:

— Такъ, значитъ, по рукамъ?

— Я глубоко обрадована, Ипполитъ Семенычъ.

— Я и подавно... Если хотите, начнемъ съ послѣ-завтра, часовъ съ восьми... А теперь мнѣ надо ѣхать на засѣданіе, въ нашу говорильню.

Онъ проводилъ ее до передней и—очень довольный—сталъ собираться на засѣданіе.

XVI.

Зала съ хорами — давно уже освѣтилась. Посрединѣ, подъ балдахиномъ—высокій помостъ; а надъ нимъ двѣ дубовыхъ трибуны. Онѣ смотрятъ больше одна на другую, чѣмъ на залу.

Ряды креселъ кишатъ темными фигурами. Много сѣдыхъ и лысыхъ головъ. Влѣво отъ предсѣдателя стоитъ одинокая скамья—оппозиціи.

Кто-то читаетъ вслухъ, надъ правой каѳедрой. Глухой голосъ дребезжащимъ звукомъ раздается по залѣ. Никто почти не слушаетъ. Изъ буфета и обратно перекочевываютъ члены; кто читаетъ, кто тихо разговариваетъ, кто бродитъ въ проходахъ.

Съ хоръ, между колоннами—видны головы зрителей. Женскія головы преобладаютъ. Публики—маловато.

Трибуна прессы — также не полна. Ведутъ разговоры, читаютъ, пишутъ; но никто не слушаетъ, и то, что происходитъ на засѣданіи—никого не занимаетъ.

Только стенографистки — попарно — совершаютъ свое регулярное движеніе, точно заведенные часы — въ короткіе промежутки.

Ипполитъ Семеновичъ, просмотрѣвъ какой-то документъ, снялъ очки, положилъ ихъ на пюпитръ, протеръ глаза и оглядѣлъ всю залу.

Съ его мѣста, если взглянуть вбокъ, видны были и хоры.

Онъ не пришелъ бы сегодня, еслибъ зналъ, что порядокъ дня былъ измѣненъ и предстоятъ разныя скучныя подробности парламентской формалистики.

Каждый разъ какъ онъ здѣсь — у него все то же горькое, подъ часъ подавляющее раздвоеніе.

Будь это десять лѣтъ назадъ и получи онъ тоже званіе — по „назначенію“ — его роль была бы совсѣмъ иная. Тогда онъ выдѣлялся бы, какъ одна изъ звѣздъ либеральнаго меньшинства.

А здѣсь онъ—и пребывая вѣрнымъ всему своему прошлому—поглощенъ „блокомъ“, гдѣ его независимость не можетъ идти дальше извѣстной зарубки.

Вонъ та скамья, стоящая поперекъ—тамъ сидитъ ничтожная числомъ, но настоящая оппозиція. Она вся сплошь—выборная.

Да и можетъ ли быть полная свобода своей „платформы“ — онъ скрѣпя сердце, но употребляетъ этотъ терминъ—совмѣстима съ „назначеніемъ“?

Онъ не поступится своимъ прошлымъ, но дальше извѣстной зарубки — не пойдетъ. Онъ будетъ выступать только по вопросамъ, гдѣ можетъ сказать свое вѣское и одушевленное слово. И оно будетъ все такъ же убѣдительно и красиво... если его коварный недугъ не подкрадется и не заставитъ его смолкнуть или скомкать рѣчь, дать всѣмъ тѣмъ охранителямъ крайней правой злорадно подчеркнуть то, что онъ уже не годится для боевыхъ схватокъ.

Прищурившись, поглядѣлъ онъ въ тотъ край залы. Все вѣдь его „коллеги“, также какъ и онъ—„по назначенію“; многіе—его бывшіе сослуживцы по тому вѣдомству, гдѣ онъ состоялъ съ первыхъ годовъ своей службы.

Кто-то недавно, въ интимной бесѣдѣ съ нимъ, назвалъ ихъ „милашки“.

И эти „милашки“ стоятъ на трехъ китахъ абсолютизма, отвергающаго всякій другой государственный строй.

„Какая такая конституція? Мы ее не признаемъ. Мы—все тѣ же „дьяки“ московской державы. И безъ насъ не можетъ ничего существовать. А вонъ тѣ, на поперечной скамьѣ, тѣ—переодѣтые крамольники. Очень намъ нужно, что они ученые и выбирало ихъ академическое сословіе. Мы—тоже учены! И пока мы тутъ—россійское государство должно выносить нашу муштру, и никакой другой“.

Ипполитъ Семеновичъ повернулъ голову вправо, къ той поперечной скамьѣ. Вонъ они—сидятъ плотной стѣной; ихъ объединяетъ духъ настоящей независимости. Нужды нѣтъ, что и они

состоятъ на службѣ. Но разъ они здѣсь — они представители высшей интеллигенціи страны.

Среди нихъ есть двое его личныхъ знакомыхъ. Одинъ, въ особенности, симпатиченъ ему. Но вѣдь онъ не пойдетъ и не сядетъ рядомъ съ ними, не помѣстится даже и около ихъ скамьи.

Этого—*нельзя!* И пока онъ будетъ состоять на *этой* службѣ—онъ долженъ сидѣть вотъ тутъ, затерянный въ блокѣ, гдѣ у него всего два-три единомышленника.

По проходу медленно двигалась грузная фигура, въ длинноватомъ сюртукѣ, направляясь какъ разъ къ скамьѣ оппозиціи.

Всѣ сосѣди какъ бы чураются его, никто къ нему не подходитъ—и онъ не можетъ не чувствовать этого злобнаго отношенія.

Страдаетъ ли онъ отъ него? Но онъ желаетъ подчеркнуть то, что ему такой остракизмъ—ровно ничего. Каждый разъ онъ пробирается вотъ такъ, къ „поперечной" скамьѣ, беретъ стулъ, присаживается къ краю и заводитъ пріятельскій разговоръ съ тѣмъ самымъ членомъ, который и Ипполиту Семеновичу очень симпатиченъ.

Но это бравада! На нее онъ никогда не пошелъ бы, не „страха ради іудейска", а потому что онъ обязанъ быть всегда и во всемъ „корректнымъ".

XVII.

Уразовъ поднялся по лѣстницѣ на площадку, гдѣ долженъ былъ предъявить билетъ приставу, элегантному молодому человѣку, въ вицмундирномъ фракѣ.

Когда-то онъ бывалъ на этихъ самыхъ хорахъ въ дешевыхъ мѣстахъ концертовъ.

Онъ любилъ всего больше русскую музыку. Студентомъ ему удавалось получать и контрамарки, отъ одного піаниста и композитора.

И вотъ эти самые хоры временно превращены въ трибуны для публики—„высокаго" законодательнаго учрежденія.

Публики было скудновато. Она занимала только первые ряды скамеекъ и стульевъ, въ пролетахъ между колоннъ. Дамъ замѣчалось больше, чѣмъ мужчинъ.

Онъ долженъ былъ встрѣтиться тутъ съ Марьей Петровной. Отъ нея онъ—черезъ Брянскаго—добылъ себѣ и билетъ.

Позади сидѣвшихъ у самаго барьера шло довольно широкое пространство. По нему очень удобно было бы прохаживаться и вести долгіе разговоры.

Ему, почему-то, пришла совсѣмъ не похожая на него мысль:

„А какъ удобно любящимъ парамъ назначать здѣсь свиданія!“

И онъ даже усмѣхнулся своимъ добрымъ ртомъ.

У одной изъ колоннъ скамья стояла пустой. Онъ сѣлъ у самой колонны и сталъ глядѣть.

Случилось такъ, что въ Таврическомъ Дворцѣ онъ еще не побывалъ: слишкомъ трудно было добывать билеты.

Да онъ точно боялся туда попасть.

Въ промежутокъ между первымъ и вторымъ призывомъ онъ изнывалъ въ подневольномъ житьѣ по обывательскимъ городишкамъ.

Да, онъ медлилъ попадать на Шпалерную улицу... предчувствуя—что онъ тамъ увидитъ и услышитъ.

Ему было бы обидно за все, что всколыхнуло его отечество въ послѣдніе три года.

Слишкомъ часто, въ безсонныя ночи, подъ вой вьюги—тамъ, въ послѣднемъ мѣстѣ ссылки—онъ спрашивалъ себя:

„Такъ вотъ для *кого* и для *чего* мы погибали или оставались за штатомъ?“

И ему невыносимо было бы слышать, вотъ такъ сверху, изъ трибуны публики, какъ съ каѳедры кидаютъ грязью въ его святыню, какъ гогочутъ и сквернословятъ, во что превращается храмина народной правды и свободы.

Здѣсь, по крайней мѣрѣ, все пойдетъ такъ, какъ полагается, какъ шло бы и двадцать, и тридцать лѣтъ назадъ.

Только что онъ сѣлъ и сталъ осматривать обстановку залы и группировку членовъ, какъ слѣва кто-то тихонько помѣстился рядомъ съ нимъ и какъ будто оглядѣлъ его быстрымъ движеніемъ головы.

И Уразовъ обернулся и тотчасъ же узналъ—кто это.

— Вы здѣсь?—тихо спросилъ онъ и протянулъ руку невзрачному, уже пожилому человѣку, одѣтому какъ одѣваются достаточные фабричные—въ опрятномъ пиджакѣ, безъ бѣлья и въ высокихъ сапогахъ.

Волосы у него были подстрижены по-деревенски. Лицо—блѣдное, съ жиденькой бородкой, морщинистое, но моложавое.

Они познакомились въ провинціи годъ назадъ. Этотъ „трудовикъ“ уже отсидѣлъ свои три мѣсяца...

— Неужели потянуло опять въ Питеръ?—спросилъ Уразовъ.

— Досиживать приходится.

— Почему?

— Такъ выходитъ—по разсчету. Тогда выпустили раньше, а теперь выходитъ недохватка двадцати съ лишнимъ дней.

Все это онъ сказалъ тихо, добродушно, съ усмѣшкой.

А Уразова больно кольнуло за этого „народнаго представителя“.

Вся первая Дума точно предстала передъ нимъ — въ лицѣ этого рабочаго, явившагося досиживать свою тюремную недохватку.

Судьба, точно съ умысломъ, свела ихъ сегодня, вотъ тутъ, у колонны этой залы, чтобы имъ обоимъ показать—до какой степени „спѣта ихъ пѣсенка“.

Внизу раздавался голосъ, съ духовнымъ тембромъ, точно какой ретивый батюшка, поучающій паству въ высокоторжественный день.

— Слышите, какъ исчекрыживаетъ и студентовъ, и профессоровъ?—такъ же добродушно кивнулъ курчавой головой „трудовикъ“.

Уразовъ сталъ прислушиваться, и ему вскорѣ сдѣлалось, на особый ладъ, забавно и смѣшно.

Точно будто его привезли на препія, гдѣ рѣчистый миссіонеръ отдѣлываетъ раскольничьихъ начетчиковъ. Тотъ же тонъ, и языкъ, и переливы голоса.

И оба они, переглянувшись, тихо вразъ засмѣялись.

XVIII.

И Уразовъ началъ разбирать тутъ же, чье положеніе—изъ нихъ обоихъ—было самое обидное.

Оба были „побѣжденные“. Все, что тамъ внизу—подъ балдахиномъ и въ рядахъ—говорилось и дѣлалось, было для нихъ чѣмъ-то немножко курьезнымъ, но, первѣе всего, чуждымъ и зловѣщимъ.

Пока все это въ силѣ, пока такое „высокое собраніе“ будетъ считаться необходимымъ для устойчивости всей государственной машины—до тѣхъ поръ ни одно изъ ихъ самыхъ глубокихъ, выстраданныхъ упованій, даже и въ проекціи, не добьется постановки на очередь, а не то что уже полнаго торжества.

И всетаки ни тотъ, ни другой не хотѣли и не могли счи-

тать себя обреченными на полное банкротство, на постыдный крахъ.

Всетаки, тамъ гдѣ-то, въ „складкахъ" души, вспыхивала надежда на то, что они еще увидятъ, хотя бы и передъ смертью, дни, когда всѣ „вериги" падутъ разомъ.

— А въ Таврическомъ уже побывали?—спросилъ Уразовъ сосѣда.

Тотъ тряхнулъ своей мужицкой, курчавой головой.

— Не выдержалъ.

— А что?

— Бѣжалъ. Очень ужъ обидно показалось. Не въ терпёжъ!

И онъ тихонько разсмѣялся.

— Узнали?—спросилъ онъ Уразова, помолчавъ, и указалъ рукой на высокаго и грузнаго члена, пробиравшагося опять съ своего мѣста къ одинокой скамьѣ оппозиціи.

— Кто это?

— Не признали? Слона-то и не примѣтили.

И онъ произнесъ фамилію на ухо.

— Неужели?

— Собственной персоной. И вотъ видите—всѣ его чураются... А давно ли онъ всю нашу россійскую сумятицу заварилъ... и могъ считать себя чуть не спасителемъ отечества?

Уразовъ глядѣлъ въ спину плотной и высокой фигуры того, о комъ у нихъ зашла рѣчь.

Нѣсколько именъ, цифръ, датъ прошлись въ его головѣ. И двѣ даты выдѣлились, и такъ отчетливо, точно онъ ихъ видѣлъ передъ собою въ черныхъ ободкахъ: 16 августа и 17 октября.

Давно ли это? Какихъ-нибудь три года! И миръ въ Портсмутѣ, и та свѣтлая ночь, когда всѣ вырывали другъ у друга листки, возвѣстившіе „четыре свободы"?

Сзади кто-то прикоснулся къ спинкѣ скамьи. Уразовъ быстро повернулъ голову.

— А! Марья Петровна! Не хотите ли къ намъ?

Онъ сейчасъ познакомилъ Федосѣеву съ „трудовикомъ", прибавивъ:

— Долженъ еще разъ отсиживать.

— Вамъ можно на минутку?

И она отвела его къ стѣнѣ, немного подальше.

— Вотъ какое дѣло...—заговорила она возбужденно.—Мнѣ предложили думское репортерство... въ одной провинціальной газетѣ. А я надумала уступить это вамъ.

— Съ какой стати терять работу?

— Да у меня ея теперь достаточно—утромъ писанье, а по вечерамъ я также буду занята.

— Да меня не допустятъ, когда узнаютъ—кто я.

— Авось и смилуются. И вамъ бы это было интересно.

— Не знаю. Очень ужъ жутко было бы смотрѣть и слушать!

— Нельзя намъ съ вами уходить въ себя; чѣмъ бы чемоданъ ни былъ набитъ—все хорошо.

Въ голосѣ ея онъ заслышалъ другія, менѣе подавленныя ноты. Ея забота о немъ, это искреннее желаніе уступить ему цѣнную работу—глубоко трогали его.

— А вы совсѣмъ не будете ходить туда? Право, мнѣ совѣстно.

— Можно и такъ сдѣлать: выправить карту себѣ, а васъ обозначить замѣстителемъ. Кажется, это дѣлается. Я буду хлопотать.

— Спасибо, спасибо, дорогая!

Марья Петровна не осталась съ ними. Ей надо было повидаться съ кѣмъ-то изъ корреспондентовъ, а для этого—спуститься внизъ.

Здѣсь она была въ первый разъ и ее совсѣмъ не занимала эта высокая палата. Но Брянскій, кажется, долженъ говорить, подъ конецъ засѣданія, и неловко будетъ сказать ему, что она не дождалась его рѣчи.

Доброты онъ большой, и въ его дружескую поддержку она вѣритъ; но это бы задѣло его. Онъ законно самолюбивъ и, съ годами, дорожитъ каждымъ публичнымъ своимъ выступленіемъ.

Направляясь къ площадкѣ, Марья Петровна чувствовала себя гораздо бодрѣе, чѣмъ всѣ эти дни. Грѣшно ей было бы говорить, что она ни для кого не нужна, когда вотъ два хорошихъ человѣка, какъ она—„побѣжденные“, хотя и въ разной степени, и для каждаго изъ нихъ она чѣмъ-нибудь да будетъ.

„Уныніе — смертный грѣхъ“ — вдругъ произнесла она про себя, и ей стало еще бодрѣе на душѣ.

Зачѣмъ самой добивать себя, когда можешь быть хоть на что-нибудь годной для другихъ?

XIX.

Въ тѣсномъ буфетѣ для публики Марья Петровна присѣла къ столу и пила чай. Ей захотѣлось и закусить. Кромѣ скудныхъ бутербродовъ и булокъ—ничего не было.

Она съ какой-то особой кротостью жевала невкусный бутербродъ и запивала жидкимъ чаемъ. Ея бодрое настроеніе не падало.

Мысль отвлечена уже была отъ самой себя, отъ своего горя, отъ своего одиночества, отъ чувства своего душевнаго и житейскаго краха.

Дверь въ буфетъ шумно растворилась.

Вошли двое: молодой человѣкъ, рослый и красивый, въ форменной тужуркѣ, и особа, въ огромной шляпкѣ и обтянутомъ платьѣ, что̀ вмѣстѣ дѣлало ее похожей на грибъ съ большой шапкой.

Марья Петровна взглянула туда—и у нея мгновенно ёкнуло въ груди.

Франтоватый брюнетъ былъ ея сынъ.

Онъ, кажется, въ полусвѣтѣ комнаты, не сразу призналъ мать свою.

— Какая здѣсь гадость!—съ брезгливой миной кинула его спутница.

— Выборъ—скудноватъ. По стакану чаю?

— Я не хочу чая.

— Тепленькаго, съ булочкой? Ха, ха!

— Не желаю.

— Такъ бутербродъ?

Тутъ только Орестъ узналъ Марью Петровну, нисколько не смутился, а, обошедши столъ, приблизился къ ней и какъ ни въ чемъ не бывало—поздоровался съ нею.

— Вотъ неожиданность!

Онъ присѣлъ на ближайшій стулъ.

Послѣ ихъ размолвки—онъ долженъ былъ имѣть другой тонъ съ нею. Но вѣдь „формально“ онъ ни въ чемъ не виноватъ. Если братъ ея ренегатъ, то сынъ только завершаетъ свою естественную „эволюцію“.

— Я слыхалъ, ты переѣхала на другую квартиру?

— Да.

— И довольна?

— Довольна.

— Ты бы дала знать...

На это она ничего не сказала и, указывая жестомъ головы на его спутницу, тихо прибавила:

— Твоя дама ждетъ.

Онъ понялъ, наконецъ, что его матери тяжеловато разговаривать съ нимъ тутъ, при постороннихъ.

— До свиданія! — кинулъ онъ ей, вставая, что-то сказалъ въ полголоса своей спутницѣ и, расплатившись, увелъ ее.

Марья Петровна допила свой чай и не сразу удалилась.

Эта встрѣча съ Орестомъ всколыхнула ее сильнѣе, чѣмъ бы она думала.

Вѣдь этотъ „побѣдитель“ — сынъ ея. Не слишкомъ ли сурово такъ отмежеваться отъ него? Не есть ли это запоздалая нетерпимость?

Вѣдь не всѣ же должны имѣть одно и то же „credo“?..

Ну да, онъ виверъ, карьеристъ, безъ идеала, безъ своего „бога“, безъ потребности въ жертвѣ, въ борьбѣ за свободу и человѣчность.

Все это такъ. Но вѣдь она—*мать!* Зачѣмъ же такъ, сразу, отступаться отъ него, замыкать себя въ свою добродѣтель, въ сектантскую святую святыхъ?

Не есть ли это бѣгство, малодушное признаніе своего безсилія, своего пораженія?

Надо бороться со всѣмъ, что сама считаешь зломъ и порчей. Ея Нина была вся трепетъ отъ жажды подвига, а кто нанесъ ей болѣе жестокій ударъ, какъ не эта любимая дочь?

Но надо было идти слушать Ипполита Семеновича. Можетъ— онъ уже говоритъ...

Она прошла на хоры. Франтоватая пара — ея сынъ и его дама — сидѣла въ первомъ же пролетѣ и о чемъ-то шепталась, сдерживая смѣхъ.

Уразовъ сидѣлъ одинъ. Выборгскаго „трудовика“ уже не было рядомъ съ нимъ. Она могла присѣсть на его мѣсто.

— Брянскій говорилъ?—спросила она чуть слышно.

— Нѣтъ еще. Сейчасъ кончилось скучнѣйшее голосованіе.

— Николай Платонычъ... вонъ тотъ брюнетъ... въ тужуркѣ, рядомъ съ дамой въ громадной шляпѣ... развѣ вы не узнаете его?

— А кто это?

— Мой сынъ Орестъ. Сейчасъ, въ буфетѣ, мы столкнулись.

Уразовъ зналъ — *что* вышло изъ ея сына, но не хотѣлъ раньше вызывать ее на тяжелый разговоръ.

— Вы съ нимъ не видаетесь, голубушка?

— Мнѣ жутко быть съ нимъ. Но я, быть можетъ, слишкомъ уже...

Слово не сразу далось ей.

— Суровы?.. Вы-то!

— Нетерпима!.. Вѣдь Орестъ долженъ васъ хорошо помнить.

— Какже. Ничего нѣтъ мудренаго, что онъ меня не узналъ. Хотите, чтобы я подошелъ къ нему? Что-жъ... Это меня не затруднитъ.

— Можетъ... я слишкомъ прямолинейна.

— А я развѣ не такой же?

Внизу кто-то вошелъ на каѳедру.

— Ипполитъ Семенычъ! — шепнула Федосѣева.

Оба стали прислушиваться.

XX.

Орестъ и его дама смотрѣли на то, что дѣлается внизу только какъ на зрѣлище и болтали въ полголоса, выискивая словечки посмѣшнѣе.

Они тоже начали слушать Брянскаго. Орестъ зналъ его въ лицо, какъ „особу“, съ которой его мать водитъ знакомство. Но къ нему онъ не желалъ являться на поклонъ, не потому, чтобы онъ пренебрегалъ какой бы то ни было „заручкой“ вліятельнаго лица.

Но на Брянскаго онъ смотрѣлъ глазами своего дяди.

Тотъ уже давно говорилъ ему:

— Его пѣсенка спѣта. У власти онъ не будетъ. Его не любятъ... подозрѣваютъ. А и подозрѣвать-то нечего! Ему — только бы его считали либераломъ; а сдѣлай его набольшимъ — будетъ такой же, какъ и всѣ другіе.

Брянскому могло быть извѣстно — черезъ мать — какія у него съ ней отношенія. И тотъ началъ бы, пожалуй, говорить ему всякія жалкія слова.

— О чемъ это старичокъ старается? — смѣшливо спросила его дама.

— Кто его знаетъ... Ужасно ему хочется выказать благородство своихъ чувствъ.

— Это-то и есть Ипполитъ Семенычъ Брянскій?

— Онъ, собственной особой!

— Лекція какая-то... въ залѣ Тенишева.

Дама Ореста одно время увлекалась „движеніемъ“, но потомъ сразу „пересѣдлалась“ и теперь посѣщаетъ только вечера, гдѣ говорятъ „модернисты“, играетъ въ клубѣ и ужинаетъ съ своими партнёрами. Она не признаетъ ничего выше своихъ эстетическихъ настроеній.

Съ Орестомъ они были — настоящая пара. Ихъ флёртъ только

еще входилъ во второй, болѣе игривый фазисъ. Они нравились другъ другу, но не допускали, чтобы увлеченіе нарушило ихъ душевное равновѣсіе.

И никакихъ серьезныхъ видовъ другъ на друга они еще не имѣли. Онъ ей уже нѣсколько разъ говорилъ, что женитьбу допускаетъ не раньше, какъ лѣтъ тридцати пяти — очень блестящую „въ финансовомъ смыслѣ“.

Она этимъ не обижается. И сама она проповѣдуетъ „свободный подборъ“ и желаетъ — если она сойдется съ кѣмъ-нибудь — открыто признать свое материнство, оставаясь дѣвицей.

— Но до этого врядъ-ли дойдетъ — прибавляетъ она.

Когда они вмѣстѣ, имъ всегда весело. Спорятъ они только по вопросу „высшаго культа красоты“.

Она находитъ, что онъ не поднялся еще до истиннаго эстетическаго „credo“, а только снимаетъ со всего сливки. Но, въ сущности, имъ обоимъ нравится всегда одно и то же: и въ стихахъ, и въ беллетристикѣ, и въ картинахъ, и въ туалетахъ.

Когда Брянскій кончилъ свою рѣчь (они ее слушали только въ началѣ), публика съ хоръ стала расходиться.

Мимо ихъ кто-то проходилъ. Они разомъ оглянулись.

Это была Марья Петровна съ Уразовымъ.

Орестъ привсталъ и поклонился. Мать его кивнула ему головой.

— Кто эта дама? — спросила его спутница.

— Мать моя.

— Ваша мать! Вы мнѣ ничего о ней не говорили, Федосѣевъ.

— Мы — въ контрахъ! — отвѣтилъ онъ съ подавленнымъ смѣшкомъ.

Уразовъ, доведя Марью Петровну до выхода, сейчасъ же вернулся и подошелъ къ ихъ скамьѣ.

— Вы меня не узнали? — обратился онъ къ Оресту.

— Извините...

— Мудренаго нѣтъ... Я — Уразовъ. Помните... когда вы уже кончали въ гимназіи, я вамъ, одно время, помогалъ по математикѣ.

— Ахъ, да! Вы вѣдь долго были тамъ... въ мѣстахъ отдаленныхъ? Ха, ха!

— Именно! А вы — какъ я слышу — идете полнымъ ходомъ по путейской части?

Интонацію Орестъ понялъ.

— Всякому свое! Въ мѣста хотя бы и не столь отдаленныя—я не готовился. Не всѣмъ же имѣть ореолъ мученичества.

— Конечно! Извините, что нарушилъ вашу бесѣду.

Уразовъ быстро удалился и сдѣлалъ себѣ тотчасъ же выговоръ.

„И къ чему я подходилъ къ этому торжествующему нахалу?“

А пара переглянулась между собою и тихо засмѣялась.

— Зачѣмъ онъ подходилъ къ вамъ... этотъ дикобразъ?—спросила дѣвица.

— Это маменькина симпатія. Вотъ, дескать, человѣкъ, не тебѣ чета. Пострадалъ! И еще угодитъ куда-нибудь. Не то, что ты, погрязшій въ матеріализмѣ...

— И карьеризмѣ—смѣшливо добавила она.

— Маменькѣ, должно-быть, пріятнѣе было бы, еслибъ я, какъ глупая фанатичка Нина, сестра моя, выдержалъ экзаменъ на максималиста. Она потому только и ушла отъ намыленной веревки, что тифъ унесъ ее, въ тюремномъ заключеніи.

— Вотъ оно что!—болѣе серьезно выговорила дѣвица.—Мы съ вами благую часть избрали, Федосѣевъ.

— Только не такую, какъ евангельская Марія! Ха, ха! А теперь идемъ. Довольно слушать гемороидальныхъ и астматическихъ сановниковъ.

И оба снялись съ своихъ мѣстъ.

XXI.

Марья Петровна сошла съ извозчика у подъѣзда гостинницы на Морской.

Было еще рано; но она знала, что тотъ, кого она желала видѣть, встаетъ всегда въ семь часовъ—и зимой, и лѣтомъ.

Швейцаръ, изъ инородцевъ, съ акцентомъ, назвалъ ей номеръ комнаты и прибавилъ, что „господинъ“ уже требовалъ газеты и пьетъ теперь кофе.

Она постучала въ дверь и тотчасъ же услыхала знакомый ей голосъ, но только не по-русски, а по-нѣмецки:

— Herein!

Она вошла въ просторный номеръ, гдѣ кровать была отгорожена справа ширмой, а у стола, лѣвѣе, сидѣлъ пожилой мужчина, бритый, въ сѣдыхъ усахъ, похожій на отставного военнаго и въ тужуркѣ военнаго же покроя.

— Марья Петровна!—крикнулъ онъ радостно и тотчасъ же вскочилъ и подбѣжалъ къ ней. Движенія у него были живыя, точно у молодого человѣка.

— Да, я, Дмитрій Александровичъ; вчера узнала отъ Ипполита Семеныча, что вы только что пріѣхали, и вотъ — прибѣжала.

Она не видала его съ самой смерти ея мужа. Дмитрій Александровичъ Надѣинъ водилъ съ нимъ давнишнее пріятельство. Когда-то они писали въ одномъ журналѣ.

— Спасибо, спасибо! А я только что хотѣлъ посылать справляться о васъ въ адресный столъ.

— Я переѣхала. Теперь, вы знаете, я одна, какъ перстъ.

Они сидѣли другъ противъ друга и Надѣинъ еще держалъ ея руку.

Ему извѣстно было объ участи ея Нины. Зналъ онъ и то, во что сложился ея сынъ и что теперь представляетъ собою ея „братецъ“.

— Ахъ, дорогая моя Марья Петровна, *болѣзная*...—замедленно выговорилъ онъ и голосъ его замѣтно дрогнулъ.—Тяготу жизни несете вы, какъ всегда, безропотно.

— Для кого жить-то?—глухо вырвалось у нея, но она подавила въ себѣ нервное чувство и глаза ея остались сухи.

— Для всѣхъ насъ живите!

Его близорукіе темные глаза ласково оглядывали ея исхудалое лицо. За эти три-четыре года оно потеряло всякую свѣжесть. Но улыбка, взглядъ утомленныхъ глазъ, профиль, весь абрисъ головы — все это еще было далеко не старушечье. То, что въ ней всегда его привлекало, и теперь лучилось изъ всего ея облика.

— Ипполита Семеныча видаете?

— Я его чтица и пишу подъ его диктовку, вотъ уже вторую недѣлю.

— Какъ онъ?

Федосѣева повела головой.

— Сердце... ночные припадки... себя не бережетъ. Слишкомъ много работаетъ... говоритъ... диктуетъ.

— А душевное состояніе?

— Онъ и самъ называетъ себя *огорченнымъ*. Ахъ, Дмитрій Александровичъ, еслибы всѣ были такіе, какъ вы!

— Ну, ну! Вы сейчасъ начнете меня по головкѣ гладить.

И онъ добродушно засмѣялся.

— А развѣ не правда? Кто больше боролся? Кого больше

травили... и не годъ, не два, а цѣлыхъ четверть вѣка. Кто больше васъ, Дмитрій Александровичъ, имѣлъ право считать себя униженнымъ и оскорбленнымъ? Ужъ конечно вы! И все такой же, такъ же—какъ всегда говорили и писали намъ съ мужемъ—„стоите на бреши“!

— Эхъ, полно, такъ ли, дорогая?

— А развѣ не такъ? Неужели и вы, Дмитрій Александровичъ...

— Не знаю. Держусь еще, какъ видите. Не хочу опускаться. Личной удачи, успѣховъ, всеобщаго признанія—добиваться уже поздно, Марья Петровна. Но я, кажется, нажилъ новую болѣзнь.

Она тревожно взглянула на него.

Надѣинъ поднялся и, по своей привычкѣ, сталъ ходить по комнатѣ.

— Не склерозъ, не грудная жаба, не артритъ—называется мой недугъ. Я сталъ *болѣть родиной*.

Федосѣева тихо усмѣхнулась.

— Да, понимаю! Такіе, какъ вы—не могли не нажить этой самой болѣзни.

— Вотъ уже четвертый годъ, какъ она вползла въ меня. Я боялся ѣхать домой, послѣ тысяча девятьсотъ пятаго года. Къ тому же и разныя лихія болѣсти задерживали. И когда пошло у насъ такъ рѣзко на ущербъ—я захотѣлъ переждать. Но тамъ, въ одиночествѣ, среди сытыхъ и самодовольныхъ иностранцевъ—недугъ этотъ дѣлался все упорнѣе. И я не выдержалъ—вернулся... безъ всякой надежды найти какое-нибудь противоядіе этому русскому недугу.

— Не огорчайте меня, Дмитрій Александровичъ... Я не хотѣла бы вамъ вѣрить!

— Простите, дорогая! Я самъ не охотникъ ни думать, ни говорить въ минорномъ тонѣ. Но что дѣлать! Мы—люди моего поколѣнія—хотя бы и мужественно „стояли на бреши“, но мы своей крѣпости уже не отстоимъ. И то, куда все идетъ—будетъ идти, не спросясь насъ. А всетаки здѣсь, на міру, будетъ легче умереть, чѣмъ тамъ, въ прекрасномъ далекѣ, на лазурномъ прибрежьѣ—благодушествовать!

Она слушала его съ поникшей головой.

XXII.

Но его голосъ, тонъ, жесты, оживленное выраженіе его некрасиваго, подвижнаго лица говорили ей, что Надѣинъ, въ сущности, все тотъ же, что его душевный нервъ еще не надорванъ.

Онъ присѣлъ опять къ ней, на край дивана, и продолжалъ немного спокойнѣе:

— Только видите, милая Марья Петровна, я не хочу записывать себя въ лагерь старичковъ, которые на все брюзжатъ! Ничего нѣтъ легче, какъ кричать о тѣхъ, кто теперь стоятъ во главѣ литературы: безуміе, дичь, гиль, полное паденіе, бездарность! Нѣтъ, я такъ не могу!

— Но и отраднаго мало найдете... въ молодежи—съ подавленнымъ вздохомъ обронила Федосѣева.

— Все равно! Прежде всего надо присмотрѣться къ молодымъ. Я вотъ ими интересуюсь, а что они меня знать не хотятъ—это меня уже не огорчаетъ. Все во мнѣ, по этой части, перегорѣло. Зачѣмъ отрицать талантъ, коли онъ есть? Почему не признать, что жизнь дала молодымъ такой зарядъ, какого мы никогда не имѣли? И они смѣлы, очень дорожатъ своимъ „я“, какъ вѣдь и мы дорожили имъ въ свое время.

— Вы правы, Дмитрій Александровичъ... но эта порнографія, эта рисовка, это ломанье, защита всякой мерзости... даже говорить-то совѣстно!

— Знаю, знаю! Все читалъ и теперь читаю. На все это есть свои причины. Не восхищаюсь, но хочу видѣть и осязать.

Онъ прошелся ладонью правой руки по своему бѣлому широкому лбу.

— Не это заставляетъ болѣть родиной... а то, что нѣтъ уже вѣры въ народъ. Ну, довольно! Мы еще успѣемъ перебрать всѣ эти минорные мотивы. Лучше скажите мнѣ—какъ вамъ самимъ живется?

— Многимъ живется хуже меня, Дмитрій Александровичъ. Благодарю судьбу за то, что могу остаться все съ тѣмъ завѣтомъ, какой завѣщалъ мнѣ покойный мой мужъ. Это—великое счастье! Пускай мы—побѣжденные, но не отступники, не перебѣжчики, не предатели!

— Вотъ это славно, что вы сейчасъ сказали, дорогая! Это и мой символъ вѣры! Вы меня сейчисъ согрѣли. Есть еще у меня нѣсколько старыхъ пріятелей и коллегъ. Не знаю, въ какомъ самочувствіи найду ихъ. Но умирать надо всетаки не въ своей мурьѣ, не съ одними стариками, а поглядывая и на молодежь.

— Что сказать Ипполиту Семенычу?—спросила Федосѣева, поднимаясь съ своего мѣста.

— Буду, буду у него! На этой же недѣлѣ.

— Вы останетесь все въ этомъ отелѣ?

КАКЪ ЖИВУТЪ
РАБОЧІЕ ВЪ АНГЛІИ

I.

Кто не знаетъ огромной роли желѣза и стали въ современномъ промышленномъ мірѣ? Кому неизвѣстно возрастающее, какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ, примѣненіе этихъ металловъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности и въ повседневной жизни культурнаго человѣчества? Значеніе желѣза настолько велико и многообразно, что душевое потребленіе его въ разныхъ странахъ можно съ большимъ основаніемъ принять за мѣрило—или, по крайней мѣрѣ, за одно изъ самыхъ вѣрныхъ мѣрилъ—относительнаго культурнаго развитія этихъ странъ.

Желѣзодѣлательная промышленность если не въ буквальномъ смыслѣ народилась, то во всякомъ случаѣ впервые получила огромное развитіе въ теченіе XIX-го вѣка. До сравнительно недавняго времени Англіи принадлежала роль главной производительницы желѣза и господствующее вліяніе на міровомъ рынкѣ продуктовъ желѣзодѣлательной промышленности.

Теперь Англія уступаетъ въ этомъ отношеніи Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ и Германіи, но все же на ея долю приходится одна пятая часть желѣза и стали, производимыхъ во всемъ мірѣ. Что касается до душевого потребленія желѣза или чугуна (составляющаго необходимую стадію въ производствѣ желѣза), то Англіи принадлежитъ первое мѣсто въ Европѣ и второе (послѣ Соединенныхъ Штатовъ) въ мірѣ. По

даннымъ г. Гулишамбарова, относящимся къ 1904-му году, въ Соединенныхъ Штатахъ потребляется въ годъ на одну душу населенія 14 пуд. чугуна, въ Великобританіи — 11,6 пуд., въ Германіи—10,1 пуда, во Франціи—4,8 п., въ Россіи и Австро-Венгріи—по 1,8 пуда. Аналогичную картину даетъ производство и потребленіе стали. Эта отрасль промышленности впервые получила значительное развитіе во второй половинѣ XIX-го вѣка, благодаря великому открытію англичанина Бессемера (1856 г.), чѣмъ въ извѣстной мѣрѣ объясняется и роль Англіи въ первомъ періодѣ развитія сталелитейной промышленности.

Потребляя на единицу населенія болѣе желѣза и стали, чѣмъ какая бы то ни было страна современной Европы, Англія въ то же время вывозитъ ежегодно свыше трехъ милліоновъ тоннъ продуктовъ своей желѣзодѣлательной и сталелитейной промышленности, т.-е. болѣе чѣмъ производитъ желѣза и стали вся Россія, не смотря на чрезвычайныя мѣры, которыя были у насъ приняты для развитія желѣзодѣлательной промышленности и для привлеченія къ ней иностранныхъ капиталовъ. Цѣнность этой части англійскаго вывоза составляетъ въ послѣднее время до 400 мил. рублей въ годъ, т.-е. одну треть цѣнности всего русскаго вывоза по всѣмъ—сухопутнымъ и морскимъ—границамъ.

Главнымъ центромъ англійской желѣзодѣлательной промышленности является городъ на сѣверѣ Англіи, самое названіе котораго едва ли извѣстно огромному большинству нашихъ читателей, какъ и названіе небольшой—небольшой, впрочемъ, только по нашему, русскому масштабу—рѣки, на которой или, точнѣе, при устьѣ которой расположенъ этотъ городъ: мы разумѣемъ городъ Мидльсбру на рѣкѣ Тисъ (Middlesbrough-on-Tees). Въ 1821-мъ году на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ расположенъ этотъ городъ, стояло нѣсколько лачугъ, въ которыхъ жило около сорока рыбаковъ. Въ то время англійскій каменный уголь вывозился главнымъ образомъ изъ городовъ Ньюкэстля, лежащаго на рѣкѣ Тайнъ, и Сундерленда, расположеннаго на рѣкѣ Уиръ (Wear). Обѣ эти рѣки, какъ и рѣка Тисъ, впадаютъ въ Нѣмецкое море и протекаютъ частью или всецѣло по Дургамскому графству, гдѣ находятся богатѣйшія залежи превосходнаго каменнаго угля. Такъ какъ рѣка Тисъ въ срединѣ своего теченія подходитъ къ тѣмъ же залежамъ, то нѣсколько промышленниковъ сдѣлали попытку организаціи экспорта каменнаго угля изъ устья этой рѣки, выбравъ для этого ближайшій къ устью городъ Стоктонъ. Для доставки угля къ Стоктону была построена первая въ Англіи желѣзная дорога, соединившая Стоктонъ съ лежащимъ внутри

графства городомъ Дарлингтономъ, около котораго находились каменноугольныя копи. Локомотивъ для этой дороги былъ построенъ знаменитымъ Джорджемъ Стифенсономъ. Въ 1825-мъ году было открыто по ней движеніе. Перевозились только грузы и лишь въ видѣ исключенія тѣ немногіе пассажиры, которые соглашались мириться съ крайней медленностью и массой иныхъ неудобствъ. Стоктонъ оказался мало пригоднымъ для нагрузки морскихъ судовъ углемъ. Было рѣшено продолжить желѣзнодорожный путь до пункта, находящагося на двѣ мили ниже по теченію рѣки Тисъ, т.-е. какъ разъ до деревни Мидльсбру. Въ 1830-мъ году, когда путь былъ дѣйствительно доведенъ до Мидльсбру, тамъ насчитывалось всего 154 жителя. Въ этомъ году былъ построенъ въ Мидльсбру первый настоящій городской домъ, и тогда же былъ отправленъ оттуда первый грузъ каменнаго угля. Въ 1831-мъ году изъ Мидльсбру было уже отправлено около трехсотъ тысячъ тоннъ угля. Увеличиваясь изъ года въ годъ, экспортъ каменнаго угля дошелъ въ 1840-мъ году до полутора милліона тоннъ. Число жителей Мидльсбру возрастало такъ же быстро; по переписи 1841-го года ихъ оказалось 5.500. Въ слѣдующее десятилѣтіе экспортъ угля изъ Мидльсбру почти не увеличился, такъ какъ около этого времени уголь стали вывозить изъ мѣстечка Хартлпуля (Hartlepool), лежащаго на морскомъ берегу близъ устья той же рѣки Тисъ. Населеніе Мидльсбру въ 1851-мъ году достигло 7.500. Какъ разъ около этого времени—въ концѣ 1849-го года—была открыта богатѣйшая желѣзная руда въ Кливелендскихъ холмахъ, лежащихъ къ югу отъ Мидльсбру, въ самомъ близкомъ отъ него разстояніи. Это опредѣлило судьбу города.

Вслѣдъ за открытіемъ руды былъ основанъ въ Мидльсбру первый желѣзодѣлательный заводъ. Черезъ десять лѣтъ населеніе Мидльсбру увеличилось до 19.000 человѣкъ, а еще черезъ десять лѣтъ — до 40.000. Въ наши дни оно перевалило даже за 100.000. Уже въ концѣ 80-хъ годовъ одна треть выдѣлывавшихся въ то время въ Англіи желѣза и стали приходилась на долю Мидльсбру. Такую же приблизительно роль онъ сохраняетъ теперь. Вмѣстѣ съ ближайшими окрестностями, онъ выдѣлываетъ болѣе желѣза и стали, чѣмъ желѣзодѣлательные заводы всей Россійской имперіи, не смотря на необыкновенное развитіе русской желѣзодѣлательной промышленности за послѣднее десятилѣтіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мидльсбру является однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ судостроенія и нѣкоторыхъ другихъ производствъ. По послѣднимъ даннымъ, цѣнность всего вывоза

изъ Мидльсбру опредѣляется почти въ 70.000.000 рублей. Иначе сказать, цѣнность вывоза изъ этого одного города составляетъ почти одну десятую часть цѣнности ежегоднаго вывоза всей Россійской имперіи въ послѣднее десятилѣтіе девятнадцатаго вѣка.

Какъ же живетъ населеніе этого города? Въ какой мѣрѣ пользуется оно тѣми огромными богатствами, которыя создаются трудами его рукъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найти въ недавно вышедшемъ и выдержавшемъ уже три изданія сочиненіи: „На фабрикѣ. Изслѣдованіе условій жизни въ одномъ промышленномъ городѣ“ [1]. Авторъ его, лэди Белль, пользуется довольно широкой литературной извѣстностью: она написала нѣсколько романовъ и драматическихъ произведеній.

Предисловіе, предпосланное книгѣ лэди Белль, знакомитъ насъ какъ съ происхожденіемъ ея сочиненія, такъ и съ довольно оригинальными взглядами автора на соціальные вопросы и способы ихъ изученія. „Послѣдующія замѣтки“ —такъ весьма скромно называетъ свой трудъ лэди Белль—„составляютъ результатъ *почти тридцатилѣтняго общенія* съ обширнымъ міромъ рабочихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ Сѣвернаго Іоркшира. Въ теченіе этого времени мы и нѣсколько работавшихъ съ нами лицъ посѣщали неоднократно болѣе чѣмъ тысячу рабочихъ семей, со многими изъ которыхъ всѣ мы поддерживаемъ давнія дружескія отношенія. Поэтому, когда въ настоящей книгѣ мы употребляемъ слово „посѣтитель“ (visitor), мы разумѣемъ подъ этимъ одно изъ лицъ нашей небольшой группы женщинъ, систематически наблюдавшихъ жизнь рабочаго населенія Мидльсбру. Мы вполнѣ ручаемся за правильную передачу сообщаемыхъ нами фактовъ. Что же касается впечатлѣній, которыя производятъ эти факты, тѣхъ сужденій, которыми мы ихъ сопровождаемъ, то въ этомъ отношеніи ошибки конечно возможны. Я не касаюсь вопросовъ о взаимныхъ отношеніяхъ между трудомъ и капиталомъ, предпринимателями и рабочими [2]. Я пытаюсь только описать повседневную жизнь рабочихъ, занятыхъ выдѣлкой желѣза въ одномъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ центровъ этой отрасли про-

[1]) At the works. A study of a manufacturing town. By Lady Bell (Mrs Hugh Bell). Лондонъ, 1907.

[2]) Русскій читатель найдетъ много данныхъ относительно этой стороны желѣзодѣлательной и горнозаводской промышленности Англіи въ превосходномъ трудѣ А. Зотова: „Соглашеніе и третейскій судъ между предпринимателями и рабочими въ англійской крупной промышленности“, Спб., 1902.

мышленности въ нашемъ отечествѣ. Эти рабочіе представляютъ въ высшей степени важный элементъ населенія Англіи, не только вслѣдствіе ихъ численности, но и въ виду цѣнности, которую имѣютъ продукты ихъ работы въ общей экономіи національной промышленности. Для нашего отечества глубоко важны тѣ условія, среди которыхъ живутъ и трудятся эти рабочіе, тѣ „возможности", которыя открываетъ наличная дѣйствительность для умственнаго, нравственнаго и физическаго развитія какъ самихъ рабочихъ, такъ и ихъ дѣтей. Мы живемъ въ мірѣ, гдѣ для всего есть ярлыкъ; большинство довольствуется тѣмъ, что принимаетъ слово на этомъ ярлыкѣ за то, что̀ оно обозначаетъ, не пытаясь вникать въ суть дѣла. Мы постоянно употребляемъ фразы, дѣйствительное значеніе которыхъ намъ было бы весьма трудно опредѣлить, еслибы кто-нибудь предложилъ намъ дать имъ нѣкоторое реальное содержаніе. Торговля, промышленность, промышленный кризисъ, желѣзодѣлательная промышленность, война, миръ—что̀ обозначаютъ всѣ эти слова? Сознаюсь, что когда я пытаюсь понять ихъ значеніе, я могу представить себѣ его не иначе, какъ въ терминахъ жизни человѣческихъ существъ; для меня они реально представляются лишь въ видѣ жизней многихъ тысячъ людей, въ видѣ ряда совершаемыхъ ими ежедневно поступковъ. Что такое промышленность націи? „Это только слово, только названіе. Дѣйствительная промышленность есть и можетъ быть только промышленной дѣятельностью отдѣльныхъ лицъ... Мы каждый день читаемъ въ газетахъ разсужденія о наилучшихъ способахъ поднять ту или иную отрасль нашей національной промышленности. На другихъ столбцахъ тѣхъ же газетъ мы, быть можетъ, наталкиваемся на горячія статьи о физическомъ вырожденіи народа. При этомъ мы склонны думать, что шансы вырожденія уменьшаются по мѣрѣ того, какъ процвѣтаніе промышленности увеличивается. Опытъ, однако, не всегда оправдываетъ такую теорію. Еще вопросъ, дѣйствительно ли то, что̀ называется „процвѣтаніемъ промышленности", предупреждаетъ вырожденіе, или же, наоборотъ, содѣйствуетъ ему. Не ведутъ ли тѣ самыя условія, которыми въ промышленномъ мірѣ характеризуется „хорошее время"—быстрый притокъ рабочихъ къ тому или иному району и употребленіе ими всѣхъ усилій къ тому, чтобы въ немъ остаться—не ведутъ ли они неизбѣжно къ физическому вырожденію? Въ самомъ дѣлѣ, условія, благодаря которымъ промышленность „процвѣтаетъ", столь же мало можно считать непремѣнно благотворными или пріятными для лицъ, трудомъ ко-

торыхъ достигается это процвѣтаніе, какъ морское путешествіе, предписанное для отдыха и удовольствія богатаго человѣка — непремѣнно благотворнымъ или пріятнымъ для кочегара, занятаго своимъ тяжелымъ трудомъ во время этого морского путешествія. Когда намъ говорятъ, что въ такомъ-то году желѣзодѣлательная промышленность дала на столько-то милліоновъ тоннъ больше продукта, чѣмъ въ предшествующемъ году, и что благодаря этому нашли себѣ средства къ жизни столько-то лишнихъ тысячъ рабочихъ, мы радуемся — и радуемся совершенно основательно — энергіи, съ которой развивается промышленность страны. Но среди этой радости не мѣшаетъ всетаки задать себѣ вопросъ, сколько человѣкъ изо всѣхъ этихъ тысячъ стали дѣйствительно болѣе счастливыми благодаря такому процвѣтанію промышленности? Какая часть постоянно растущей арміи рабочихъ, трудами которыхъ создается эта огромная масса продукта, пользуется фактически тѣми физическими и духовными благами, которыя можетъ дать жизнь? Въ настоящей своей книгѣ я пытаюсь подвергнуть микроскопическому изслѣдованію одну такую процвѣтающую промышленность. То, что мы увидимъ въ полѣ зрѣнія микроскопа, очевидно вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что существуетъ въ дѣйствительности, хотя мы могли этого не замѣчать, пользуясь обычными неточными пріемами наблюденія. Итакъ, вмѣсто того, чтобы разсматривать въ общихъ чертахъ условія жизни тысячъ рабочихъ, я предпочла изучить во всѣхъ деталяхъ, во всѣхъ мелочахъ, жизнь нѣкоторыхъ личностей, изъ коихъ слагаются эти тысячи. Вѣдь только детали дѣйствительно убѣдительны, только они одни даютъ намъ возможность понять и хотя на минуту почувствовать чужую жизнь во всей ея реальности.

„Мы страдаемъ, мы испытываемъ ужасъ, когда видимъ, какъ около насъ человѣкъ калѣчится на смерть вслѣдствіе какого-нибудь несчастнаго случая; но мы прочитываемъ, довольствуясь спокойнымъ выраженіемъ сожалѣнія, статистическія данныя о сотняхъ людей, которые гибнутъ такимъ же образомъ въ теченіе года. Если мы видимъ въ бѣдной семьѣ малютку-рахитика, который чахнетъ вслѣдствіе плохого и недостаточнаго питанія, это производитъ на насъ большее впечатлѣніе, чѣмъ чтеніе цѣлаго ряда таблицъ о дѣтской смертности вообще. Съ другой стороны, посѣщеніе благоденствующей рабочей семьи, въ которой мужъ умѣетъ работать и умѣетъ разумно пользоваться своимъ досугомъ, въ которой женщина — хорошая хозяйка, жена и мать, внушаетъ намъ бо̀льшую радость, чѣмъ слушаніе многихъ рѣчей по рабочему вопросу или чтеніе многихъ книгъ и статей по тому же

предмету. Описывая жизнь рабочихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ, важно останавливаться какъ на рабочихъ семьяхъ послѣдняго рода, такъ и на другихъ, менѣе счастливыхъ. Весьма естественно, однако, что фактически послѣднія семьи чаще привлекаютъ наше вниманіе: это объясняется ихъ дурнымъ матеріальнымъ положеніемъ, настоятельно требующимъ помощи, о которой просятъ они сами или лица, которымъ эта нужда стала извѣстна и которыя не могутъ ей помочь своими силами. Между тѣмъ, никому нѣтъ необходимости обращать вниманіе на тѣ семьи рабочаго класса, которыя живутъ въ полномъ довольствѣ. Нуждающіяся и несчастныя семьи кажутся, поэтому, гораздо болѣе преобладающими надъ семьями, живущими въ достаткѣ и счастьѣ, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности. Этого не слѣдуетъ терять изъ вида при чтеніи послѣдующихъ страницъ".

Это предупрежденіе еще болѣе умѣстно по отношенію къ русскимъ читателямъ. Вотъ почему, знакомя ихъ съ наиболѣе интересными и важными фактами, сообщаемыми лэди Белль, мы приводимъ рядъ другихъ фактовъ, которые намъ удалось собрать самыми различными путями, не исключая личнаго обращенія къ автору „At the works".

Книга лэди Белль заслуживаетъ вниманія не только потому, что она хорошо знакомитъ съ условіями жизни рабочаго населенія Мидльсбру, но и потому, что многое изъ приводимыхъ ею данныхъ примѣнимо къ массѣ городского населенія Англіи, составляющаго болѣе трехъ четвертей (77%) всего населенія страны [1].

II.

Всѣ желѣзодѣлательные заводы города Мидльсбру стоятъ на лѣвомъ, т.-е. сѣверномъ берегу рѣки Тисъ, впадающей въ Нѣмецкое море.

Только немногимъ рабочимъ удается жить въ домахъ, находящихся на этомъ берегу, т.-е. среди расположенныхъ одинъ за другимъ заводовъ или въ близкомъ отъ нихъ разстояніи. Эта привилегія дается рабочимъ главнымъ образомъ за долгую службу.

[1]) По даннымъ послѣдней переписи (1901 г.), при которой, какъ и при предшествующихъ переписяхъ, городами считались мѣстности съ 5.000 жителей и болѣе. Если считать горожанами лицъ, живущихъ въ мѣстностяхъ съ 10.000 населенія, то всетаки городскихъ жителей оказалось бы въ Англіи 67% или двѣ трети населенія. Горожане составили бы большинство (58%), еслибы городами считать даже только мѣстности съ 20.000 населенія и болѣе.

Главная масса рабочаго люда живетъ на южномъ берегу рѣки, гдѣ расположена торговая часть города и гдѣ вообще проживаетъ большинство городского населенія. Этимъ рабочимъ приходится ежедневно совершать довольно длинный путь къ берегу рѣки и затѣмъ переѣзжать на другую сторону на паровомъ паромѣ, платя за перевозъ полпенса, т.-е. двѣ копейки. Эта плата незначительна, и рабочіе на нее не жалуются; они тяготятся только потерей времени на дорогу къ заводу и обратно.

Рабочіе, живущіе въ городѣ, также далеко не новички на службѣ своихъ хозяевъ. Изъ 585 рабочихъ одного завода 98 работаютъ на немъ болѣе 5 лѣтъ, 45—болѣе 10 лѣтъ, 45—болѣе 15 лѣтъ, 11—болѣе 20 лѣтъ, два—болѣе 25 лѣтъ, 12—болѣе 30 лѣтъ, 40 состоятъ на одномъ и томъ же заводѣ всю свою жизнь. Изъ 260 рабочихъ того же завода, живущихъ на лѣвомъ берегу, только третья часть состоитъ на этомъ заводѣ менѣе 15 лѣтъ. Для русскаго читателя поразительна вообще продолжительность службы на одномъ заводѣ, особенно если принять во вниманіе сравнительную подвижность англійскихъ рабочихъ, незначительность англійскихъ разстояній, обиліе всевозможныхъ промышленныхъ заведеній въ Англіи вообще и на сѣверѣ ея въ особенности и проистекающую отсюда относительную легкость нахожденія заработка для мало-мальски порядочнаго рабочаго. Только что приведенныя цифры наводятъ, поэтому, на мысль, что мы имѣемъ передъ собой промышленный міръ, гдѣ, въ общемъ, между предпринимателями и рабочими установились уже давно вполнѣ хорошія отношенія. Не даромъ нѣмецкій ученый, который въ своемъ замѣчательномъ трудѣ назвалъ Англію страной „соціальнаго мира“ [1]), избралъ для своего описанія именно тотъ промышленный районъ (сѣверъ Англіи), гдѣ находится и городъ Мидльсбру.

Посмотримъ теперь, какова продолжительность рабочаго дня и каковы заработки рабочихъ на металлургическихъ и желѣзодѣлательныхъ заводахъ Мидльсбру.

Рабочіе, занятые выплавкой чугуна, литьемъ стали и т. д., работаютъ на три смѣны, по восьми часовъ: съ 6 час. утра до 2 час. дня, съ 2 час. дня до 10 час. вечера и съ 10 час. вечера до 6 час. утра. Та смѣна, которая въ теченіе недѣли работаетъ по утрамъ, въ воскресенье работаетъ 16 часовъ подъ рядъ, т.-е. съ 6 час. утра до 10 час. вечера. Въ теченіе слѣдующей

---

[1]) Мы разумѣемъ сочиненіе проф. Schulze-Gaevernitz: „Zum socialen Frieden“. Eine Darstellung der socialpolitischen Erziehung des englischen Volkes“. Лейпцигъ, 1890.

недѣли та же смѣна работаетъ уже съ 2 час. дня до 10 час. вечера, и т. д.

Таковъ распорядокъ работы рабочихъ, занятыхъ процессами, которые не могутъ быть прекращаемы ни на одинъ день. Разведеніе огня въ доменныхъ печахъ и доведеніе его до надлежащей температуры весьма трудно, требуетъ значительныхъ хлопотъ и обходится очень дорого; кромѣ того прекращеніе огня отражается очень вредно на самыхъ печахъ. Вслѣдствіе всего этого, когда, напр., въ 1892-мъ году въ Дургамскомъ графствѣ, снабжающемъ заводы Мидльсбру каменнымъ углемъ, происходила стачка [1]), длившаяся три мѣсяца, и когда на многихъ металлургическихъ заводахъ Мидльсбру прекратились работы, огонь въ доменныхъ печахъ все время слегка поддерживался. Это было менѣе убыточно для предпринимателей и менѣе вредно для печей, чѣмъ полное прекращеніе огня. И тѣмъ не менѣе печи сильно пострадали; потребовалось немало времени, возни и ремонтныхъ работъ, чтобы довести процессъ горѣнія до надлежащей энергіи.

Остальные рабочіе желѣзодѣлательныхъ заводовъ Мидльсбру имѣютъ трудовой день разной продолжительности, но, вообще говоря, никто—даже чернорабочіе—не бываютъ заняты болѣе 11 часовъ, за вычетомъ времени, которое дается на обѣдъ и не бываетъ менѣе полутора часа. Такимъ образомъ въ худшемъ случаѣ продолжительность эффективной работы не превышаетъ $9\frac{1}{2}$ часовъ въ день.

Тѣ рабочіе, которые работаютъ на три смѣны, не имѣютъ особыхъ перерывовъ для ѣды, что̀ объясняется главнымъ образомъ самымъ характеромъ ихъ работы. Тѣ, кто работаетъ отъ 6 час. утра до 2 час. дня, обѣдаютъ дома, по возвращеніи съ завода; тѣ, кто приходитъ къ нимъ на смѣну, обѣдаютъ также дома, передъ уходомъ на заводъ. Однако и во время своей смѣны рабочіе имѣютъ право,—соображаясь съ ходомъ работы,—отлучаться два раза на четверть часа въ находящіеся по сосѣдству съ мѣстомъ работы бараки или павильоны, чтобы выпить чашку-другую горячаго чаю (англичане никогда не пьютъ чай изъ стакановъ) и закусить взятой съ собой ѣдой, которую можно тутъ же подогрѣть.

Вообще рабочій день въ Англіи менѣе продолжителенъ, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ или въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Даже восьмичасовой рабочій день не представляетъ въ Англіи чего-либо совершенно исключительнаго. Весьма ком-

---

[1]) Это была послѣдняя значительная стачка горнорабочихъ сѣвера Англіи.

петентныя лица полагаютъ, что не очень далеко то время, когда восьмичасовой рабочій день станетъ въ Англіи господствующимъ явленіемъ, какъ это наблюдается нынѣ въ наиболѣе прогрессивныхъ англійскихъ колоніяхъ (Новой Зеландіи и Австраліи). Пока общей нормой рабочаго дня въ Англіи можно считать 9 часовъ; бóльшую продолжительность рабочій день имѣетъ лишь въ весьма рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ.

Заработная плата рабочихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ колеблется между 18 и 80 шиллингами въ недѣлю, т.-е., принимая шиллингъ равнымъ 50 коп., между 9 и 40 рублями въ недѣлю. Впрочемъ на заводахъ всегда работаетъ небольшое число подростковъ, которые получаютъ, конечно, меньше. Возьмемъ для примѣра одинъ заводъ и посмотримъ, каковъ недѣльный заработокъ 1.270 рабочихъ, служащихъ на этомъ заводѣ (недѣля взята на удачу и ничѣмъ особымъ не отличается отъ другихъ). Заработки этихъ рабочихъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 23 подростка получили менѣе 5 рублей, 50 другихъ подростковъ—менѣе 10 рублей, 96 рабочихъ, относящихся въ большинствѣ къ чернорабочимъ—также менѣе 10 рублей, 398 рабочихъ—отъ 10 до 15 руб., 410—отъ 15 до 20 руб., 235—отъ 20 до 30 руб., 58—отъ 30 до 40 руб. и четыре рабочихъ получили болѣе 40 руб. Иногда рабочіе зарабатываютъ и болѣе, если есть какія-нибудь сверхъ-урочныя или иныя дополнительныя работы [1]). Чернорабочіе, получающіе 1 руб. 62 коп. въ день, могутъ иногда заработать и болѣе, замѣняя отсутствующихъ (лучше оплачиваемыхъ) рабочихъ, выгружая руду съ пароходовъ и т. п. Заработки рабочихъ при доменныхъ печахъ (blast-furnace men) колеблются въ зависимости отъ количества тоннъ выплавленнаго чугуна, сообразно дѣйствующей въ данное время подвижной скалѣ. Нормальное количество выплавленнаго чугуна—500 тоннъ въ недѣлю; за все то количество металла, которое выплавляется сверхъ этой нормы, выдается дополнительное процентное вознагражденіе.

Если мы въ приведенномъ выше примѣрѣ распредѣленія заработковъ 1.270 рабочихъ одного желѣзодѣлательнаго завода исключимъ съ одной стороны подростковъ (73) и чернорабочихъ (96), а съ другой стороны, рабочихъ (62), которыхъ трудъ оплачивается наиболѣе высоко (свыше 30 руб. въ недѣлю), то мы придемъ къ тому выводу, что одна треть (398) всей массы

[1]) Рабочіе желѣзодѣлательныхъ заводовъ получаютъ задѣльную плату и рѣшительно отстаиваютъ эту систему оплаты ихъ труда.

взрослыхъ рабочихъ завода имѣютъ отъ 10 до 15 руб. въ недѣлю, одна треть (410)—отъ 15 до 20 руб. и около одной пятой (235)—отъ 20 до 30 руб. въ недѣлю.

Посмотримъ теперь, каковы матеріальные достатки рабочихъ города Іорка, гдѣ условія жизни рабочихъ классовъ можно считать типичными для провинціальныхъ городовъ Англіи. Справка о рабочихъ Іорка для насъ особенно цѣнна, такъ какъ изслѣдованіе, которое было тамъ произведено Раунтри [1]) и его помощниками, имѣло *исчерпывающій* характеръ: былъ выясненъ еженедѣльный заработокъ *всѣхъ* семействъ рабочаго класса этого города. Въ результатѣ этого изслѣдованія, рабочее населеніе Іорка было раздѣлено, по степени своего матеріальнаго достатка, на слѣдующія группы:

Группа *A*—еженедѣльный доходъ семьи изъ всѣхъ источниковъ [2]) менѣе 18 шиллинговъ, т.-е. 9 рублей.

Группа *B*—доходъ семьи въ недѣлю отъ 18 до 21 шилл., т.-е. отъ 9 руб. до 10 руб. 50 коп.

Группа *C*—отъ 21 до 30 шилл., т.-е. отъ 10 р. 50 к. до 15 р.

Группа *D*—болѣе 30 шилл. или 15 руб.

Вотъ какъ распредѣлилось рабочее населеніе Іорка по этимъ группамъ:

Группа:	Число лицъ:	°/₀ отношеніе къ рабочему населенію города:	°/₀ отношеніе ко всему населенію города:
A.	1.957	4,2	2,6
B.	4.492	9,6	5,9
C.	15.710	33,6	20,7
D.	24.595	52,5	32,1

Въ то время (1899-ый годъ), когда производилось изслѣдованіе Раунтри, въ Іоркѣ насчитывалось 75,812 жителей. Только что приведенное распредѣленіе семей по достатку коснулось 46.754 лицъ, т.-е. фактически всего рабочаго населенія города, кромѣ женской прислуги (4.296), которая разсматривается Раунтри отдѣльно. Остальная часть населенія города состоитъ изъ семействъ, держащихъ прислугу—21.830 лицъ—и лицъ (2.932), находящихся въ богадѣльняхъ, пріютахъ, рабочихъ домахъ и т. п.

Итакъ, мы видимъ, что большая часть семей рабочаго насе-

---

[1]) См. Rowntree, „Poverty. A study of town life“, 1901.

[2]) Если кто-нибудь изъ остальныхъ членовъ семьи (обыкновенно—дѣтей) что-нибудь зарабатываетъ, то принимался во вниманіе и этотъ источникъ дохода.

ленія Іорка располагаетъ въ недѣлю на всѣ свои нужды болѣе чѣмъ 32 шиллингами, т.-е. слишкомъ 16 рублями, въ недѣлю. Хотя въ Іоркѣ женскій и дѣтскій трудъ имѣютъ (по сравненію съ другими городами Англіи) порядочное примѣненіе, всетаки въ только что указанной суммѣ заработокъ хозяина дома составляетъ три четверти (74%) дохода семьи. Заработокъ хозяйки составляетъ всего 5% дохода семьи, изъ чего видно, какъ рѣдко хозяйки дома имѣютъ самостоятельный заработокъ даже въ этомъ городѣ, съ сравнительно большимъ спросомъ на женскій трудъ. Заработки другихъ мужчинъ-членовъ семьи даютъ 13% средняго дохода семьи; заработки другихъ женщинъ-членовъ семьи составляютъ всего 4,5% дохода семьи [1] и, наконецъ, плата жильцовъ за столъ и квартиру—всего 3%. Это послѣднее обстоятельство показываетъ, какъ сравнительно рѣдко англійскія рабочія семьи пускаютъ къ себѣ въ домъ жильцовъ, въ чемъ мы, впрочемъ, убѣдимся ниже и болѣе прямымъ путемъ. Изъ 47.754 лицъ, составляющихъ рабочее населеніе Іорка, такъ или иначе зарабатываютъ деньги 17.457 лицъ, т.-е. 37,5% или нѣсколько болѣе трети. Изъ числа лицъ, зарабатывающихъ деньги, 14.090 или 81%—мужчины, 3.367 или 19%—женщины. Иначе сказать, въ этомъ городѣ, гдѣ, какъ говоритъ Раунтри, „имѣется всегда спросъ на трудъ подростковъ и всякій способный молодой человѣкъ и всякая способная дѣвушка могутъ найти себѣ занятіе на одной изъ мѣстныхъ фабрикъ", дѣвушки и женщины, занимающіяся тѣмъ или инымъ видомъ оплачиваемаго труда, составляютъ менѣе одной пятой промышленной арміи. Между тѣмъ, въ этотъ счетъ вошли и тѣ женщины, которыя, овдовѣвъ, будучи брошены мужьями или имѣя мужей неизлѣчимо больныхъ, увѣчныхъ, предающихся постоянному пьянству и т. п., должны по необходимости искать того или иного заработка, чтобы чѣмъ-нибудь содержать себя и дѣтей.

Широкій спросъ на женскій трудъ и на трудъ подростковъ обоего пола—говоритъ Раунтри—предупреждаетъ слишкомъ сильный упадокъ средняго дохода рабочей семьи въ Іоркѣ, хотя въ этомъ городѣ, „за однимъ или двумя исключеніями, нѣтъ такихъ производствъ, гдѣ бы трудъ рабочихъ оплачивался такъ хорошо, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ".

Мидльсбру принадлежитъ какъ разъ къ числу городовъ этой

---

[1]) Заработки другихъ членовъ семьи—дѣтей-подростковъ или взрослыхъ—приняты въ расчетъ не въ полномъ ихъ размѣрѣ, а въ томъ, въ какомъ они дѣйствительно поступаютъ въ общую сумму доходовъ семьи. Извѣстную часть своего заработка дѣти всегда оставляютъ себѣ.

послѣдней категоріи, и потому данныя о матеріальномъ обезпеченіи рабочаго населенія Іорка и Мидльсбру могутъ особенно хорошо дополнять другъ друга. Въ Мидльсбру сосредоточены желѣзодѣлательные, сталелитейные, рельсопрокатные, судостроительные и другіе подобные заводы, гдѣ женскій трудъ почти вовсе не находитъ примѣненія и гдѣ сравнительно мало мѣста и для труда мальчиковъ-подростковъ. Это послѣднее обстоятельство отражается на положеніи мужского труда, повышая его оплату, такъ какъ мужчина, будучи принужденъ содержать семью исключительно на свои средства, не можетъ довольствоваться низкой заработной платой, болѣе энергично добивается повышенія этой платы и болѣе упорно противится всякому ея пониженію. Съ другой стороны, отсутствіе спроса на женскій трудъ и трудъ подростковъ соотвѣтственно понижаетъ доходъ семьи, такъ что и при высокой, сравнительно, оплатѣ мужского труда въ производствахъ указаннаго выше характера доходъ семьи почти совпадаетъ съ тѣмъ доходомъ, какой имѣетъ семья рабочаго въ одномъ изъ производствъ, гдѣ сравнительно широко примѣняется женскій трудъ. Во всякомъ случаѣ доходъ рабочихъ семей не настолько отличается по размѣру, какъ это можно было бы ожидать, имѣя въ виду лишь уровень оплаты мужского труда въ производствахъ, отличающихся одно отъ другого въ указанномъ выше отношеніи. Этотъ взглядъ на условія, которыми опредѣляются заработная плата и общій доходъ рабочей семьи, представленъ нами лишь въ самыхъ общихъ штрихахъ: само собой разумѣется, что онъ нуждается въ массѣ разныхъ дополненій и ограниченій, на которыхъ здѣсь было бы неумѣстно останавливаться. Скажемъ лишь, что однимъ изъ существенныхъ условій его правильности слѣдуетъ считать локализацію производствъ того или иного характера, такъ какъ при пестромъ составѣ производствъ въ томъ или иномъ промышленномъ центрѣ приведенныя выше разсужденія теряютъ большую часть своей силы и значенія.

Города Іоркъ и Мидльсбру представляютъ примѣры промышленныхъ центровъ, отличающихся одинъ отъ другого именно по характеру фабрикъ и заводовъ. Каково же взаимное ихъ отношеніе по размѣру еженедѣльнаго дохода главной массы рабочаго населенія этихъ городовъ?

Мы видѣли, что въ Мидльсбру рабочіе желѣзодѣлательныхъ заводовъ, составляющіе господствующій элементъ промышленнаго населенія города, получаютъ въ большинствѣ случаевъ свыше 30 шиллинговъ, т.-е. 15 руб., въ недѣлю, при чемъ среднимъ заработкомъ взрослаго рабочаго желѣзодѣлательнаго завода—при

исключеніи изъ счета сравнительно весьма немногочисленныхъ чернорабочихъ — можно считать, по меньшей мѣрѣ, 18 руб. (36 шилл.), при чемъ, вслѣдствіе очень малаго спроса на женскій трудъ или трудъ подростковъ, большая часть семей должна жить только на заработокъ хозяина дома.

Мы видѣли, съ другой стороны, что въ Іоркѣ, гдѣ почти не имѣется производствъ съ особенно хорошей оплатой труда (какъ напр. на желѣзодѣлательныхъ и судостроительныхъ заводахъ Мидльсбру), средній доходъ семьи въ недѣлю составляетъ болѣе 16 рублей. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что при выводѣ средняго дохода рабочей семьи въ Іоркѣ принято во вниманіе рѣшительно все рабочее населеніе города, т.-е. въ томъ числѣ самыя бѣдныя семьи — такія, напр., гдѣ болѣе или менѣе значительная семья содержится трудомъ матери-вдовы или заработкомъ слабаго, полубольного хозяина дома, или хотя бы здороваго, но предающагося пьянству и потому имѣющаго жалкій и невѣрный заработокъ.

Такимъ образомъ разница между матеріальнымъ достаткомъ рабочаго населенія Мидльсбру и Іорка вовсе не столь значительна, какъ этого можно было бы ожидать, еслибы исходить только изъ уровня заработной платы за трудъ взрослыхъ мужчинъ въ томъ и другомъ городѣ.

Итакъ, средній доходъ *рабочей семьи* Іорка превышаетъ въ недѣлю 16 руб., а *заработокъ* большинства *взрослыхъ рабочихъ* желѣзодѣлательныхъ заводовъ Мидльсбру, вообще говоря, можно считать въ 18 руб. Въ нашей металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности, гдѣ трудъ оплачивается выше, чѣмъ въ какой-либо иной отрасли русской промышленности, годовой заработокъ взрослаго мужчины опредѣляется, по оффиціальнымъ даннымъ, въ 342 руб. въ годъ, т.-е., въ среднемъ, менѣе чѣмъ въ семь рублей въ недѣлю. Въ русской промышленности по обработкѣ льна, гдѣ трудъ, правда, оплачивается особенно плохо, средній годовой заработокъ взрослаго мужчины опредѣляется, по тѣмъ же даннымъ, даже всего въ 177 руб., т.-е. три рубля съ копейками въ недѣлю.

Само собою разумѣется, что для правильности сравненія матеріальнаго положенія англійскихъ и русскихъ рабочихъ слѣдовало бы привести справки о цѣнахъ на основные жизненные припасы въ Россіи и въ Англіи. Сравнительное положеніе рабочихъ англійскаго и русскаго станетъ для насъ яснымъ даже и безъ такихъ справокъ, когда мы ознакомимся съ бюджетами, питаніемъ и жилищами рабочаго населенія Мидльсбру, Іорка и Англіи вообще.

III.

Вопросъ о квартирѣ—одинъ изъ важнѣйшихъ въ жизни рабочаго: отъ размѣра и качества помѣщенія, занимаемаго его семьей, зависитъ въ весьма значительной степени здоровье семьи и въ особенности ея малолѣтнихъ членовъ, а также степень покоя, которымъ можетъ пользоваться глава семьи, вернувшись домой послѣ долгихъ часовъ тяжелой работы. Эта сторона вопроса особенно важна для рабочихъ всѣхъ тѣхъ фабрикъ, гдѣ производство идетъ непрерывно, такъ какъ въ такихъ случаяхъ у рабочаго періодически отнимается для работы ночь, а для отдыха предоставляется день, когда особенно трудно обезпечить себѣ необходимый для сна покой.

Весьма важно, далѣе—по соображеніямъ самой элементарной нравственности,—размѣщеніе по отдѣльнымъ комнатамъ членовъ семьи разнаго пола, вышедшихъ изъ дѣтскаго возраста, и, тѣмъ болѣе, изолированіе разныхъ семей между собой (считая, напр., изолированными одну отъ другой всѣ тѣ семьи, которыя помѣщаются въ разныхъ, хотя бы сообщающихся между собою комнатахъ). Эти условія далеко не всегда достигаются у насъ въ Россіи, если имѣть въ виду крупнѣйшіе промышленные центры, въ особенности обѣ столицы.

Каково же въ этомъ отношеніи положеніе рабочаго класса въ Мидльсбру и въ Англіи вообще? Относительно Мидльсбру дастъ намъ отвѣтъ лэди Белль. Вотъ какъ она характеризуетъ дома, занимаемые рабочими семьями въ Мидльсбру. „Большая часть домовъ, занимаемыхъ рабочими семьями, состоятъ изъ четырехъ комнатъ, изъ которыхъ двѣ помѣщаются въ первомъ этажѣ, двѣ—во второмъ. Открывая наружную дверь, попадаешь прямо въ кухню, которая служитъ обыкновенно и жилой комнатой. Иногда въ такомъ домѣ есть и небольшая прихожая, изъ которой дверь ведетъ въ кухню. Сзади кухни имѣется другая комната, которая служитъ спальней или гостиной. Маленькая крутая лѣстница ведетъ изъ кухни во второй этажъ (комнаты котораго служатъ—что лэди Белль считаетъ лишнимъ объяснять для своихъ англійскихъ читателей—спальнями для разныхъ членовъ семьи). Иногда при кухнѣ имѣется небольшой чуланъ, служащій для мытья посуды и для другой грязной работы. Бываетъ, что сзади кухни имѣется еще комната, такая маленькая, что туда можно поставить только постель и ничего

болѣе". Такіе дома обыкновенно заняты каждый только одной семьей. Лэди Белль не считаетъ нужнымъ подчеркивать это извѣстное всякому англичанину обстоятельство, а довольствуется выраженіемъ сожалѣнія по поводу того, что хотя домъ достаточно великъ для удобнаго проживанія въ немъ семьи, состоящей изъ мужа, жены и двухъ или трехъ дѣтей, но въ немъ иногда можно найти десять и болѣе человѣкъ. Такое переполненіе бываетъ лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, когда рабочій зарабатываетъ очень мало и имѣетъ въ то же время исключительно большую семью. Вообще говоря, въ домахъ съ четырьмя или пятью комнатами помѣщается одна рабочая семья, имѣющая, большею частью, двухъ или трехъ дѣтей. Если такая семья недостаточно обезпечена заработкомъ хозяина, то иногда она пускаетъ къ себѣ одного холостого жильца; но это составляетъ исключеніе. По словамъ лэди Белль, по крайней мѣрѣ двѣ трети рабочихъ семей не имѣютъ никакихъ жильцовъ. Дѣйствительность въ Англіи заходитъ, такимъ образомъ, дальше идеаловъ, которые можетъ внушить русскому рабочему его фантазія.

Что же платятъ рабочіе за снимаемые ими дома?—спроситъ себя русскій читатель, особенно если онъ помнитъ, что дѣло идетъ о городѣ со стотысячнымъ населеніемъ. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить слѣдующія данныя о наемной платѣ въ 700 домахъ, занимаемыхъ рабочими семьями Мидльсбру. Эти данныя получены путемъ переписи нѣсколькихъ взятыхъ на удачу улицъ рабочаго квартала Мидльсбру.

Вотъ какъ распредѣляются эти дома по размѣру вносимой за нихъ платы: за 30 домовъ платятъ менѣе $3^1/_2$ шил. въ недѣлю, за 180—отъ $3^1/_2$ до 4 шил. въ недѣлю, за 254—отъ 4 до 5 шил., за 76—отъ 5 до 6 шил., за 62—отъ 6 до $7^1/_2$ шил., за 21—болѣе $7^1/_2$ шил. Три рабочія семьи купили себѣ дома и живутъ въ нихъ сами.

Изъ этого слѣдуетъ, что большинство платитъ за снимаемые дома отъ $3^1/_2$ до 5 шил., т.-е. отъ 1 р. 75 коп. до 2 р. 50 коп. въ недѣлю, т.-е. отъ 7 до 10 рублей въ мѣсяцъ или отъ 84 до 120 рублей въ годъ, при чемъ то обстоятельство, что плата вносится понедѣльно, представляетъ конечно большое удобство для рабочаго. Наши рабочія семьи въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ платятъ за свои квартиры не меньше, но эти „квартиры" сплошь и рядомъ состоятъ только изъ одной комнаты въ чужомъ помѣщеніи.

Приведемъ ради параллели болѣе подробныя данныя по тому же вопросу въ лежащемъ недалеко отъ Мидльсбру про-

мышленномъ городѣ Іоркѣ, населеніе котораго только немного уступаетъ населенію Мидльсбру. Вотъ какъ описываетъ типичный домъ іоркскаго рабочаго средняго достатка Раунтри. „Дома, занимаемые группой *D* (въ этой группѣ оказывается 53%, т.-е. *болѣе половины* рабочаго населенія Іорка) имѣютъ обыкновенно три спальни, гостиную (sitting room), кухню и чуланъ при кухнѣ. Въ гостиной часто можно видѣть піанино, а иногда и книжный шкафъ, съ тридцатью или бо́льшимъ числомъ книгъ. Нѣкоторые дома имѣютъ выступъ съ окномъ и небольшой садикъ. Средній размѣръ платы за такой домъ—5½ шил. (въ недѣлю), что составляетъ около 13% всего дохода семьи".

Русскаго человѣка, читающаго только что приведенныя цитаты изъ книгъ лэди Белль и Раунтри, болѣе всего, конечно, поражаетъ то обстоятельство, что въ городѣ съ 80- или 100-тысячнымъ населеніемъ семьи рабочихъ классовъ, за сравнительно весьма небольшую плату, имѣютъ возможность помѣщаться въ отдѣльныхъ домахъ. Мы считаемъ необходимымъ пояснить, что хотя эти дома — двухъ-этажные, они, вообще говоря, очень малы и не имѣютъ внутреннихъ дворовъ. Боковыя стѣны стоящихъ рядомъ домовъ нерѣдко бываютъ общія. Улицы, заселенныя рабочими классами, состоятъ обыкновенно изъ длинныхъ двухъ этажныхъ каменныхъ домовъ, раздѣленныхъ на двѣ, три или четыре квартиры не горизонтально, какъ это дѣлается всегда у насъ въ Россіи, а *вертикально*, при чемъ каждая такая квартира — или, какъ англичане выражаются съ извѣстнымъ правомъ, каждый такой домикъ — имѣетъ отдѣльный ходъ на улицу. Обыкновенно въ такомъ домѣ имѣется даже два хода на улицу: одинъ — съ лицевой, другой — съ задней стороны дома. Такимъ способомъ размѣщенія — если нѣтъ возможности предоставить каждой рабочей семьѣ домъ-особнякъ въ болѣе точномъ смыслѣ слова—неизмѣримо лучше достигается изолированіе отдѣльныхъ семействъ, чѣмъ практикуемою у насъ постройкою деревянныхъ или каменныхъ казармъ съ болѣе или менѣе значительнымъ числомъ маленькихъ квартиръ съ общими лѣстницами, обслуживающими каждая нѣсколько квартиръ, въ каждой изъ которыхъ помѣщается, къ тому же, нѣсколько семей.

Дома или, вѣрнѣе, домики, занимаемые англійскими рабочими семьями, нерѣдко имѣютъ крошечный палисадникъ впереди и такой же дворикъ позади; хозяйка пользуется этимъ дворикомъ для сушки бѣлья и другихъ подобныхъ надобностей. Въ лучшихъ изъ домовъ, занимаемыхъ наиболѣе хорошо оплачиваемыми ра-

бочими, мѣсто позади дома имѣетъ характеръ небольшого садика, гдѣ могутъ бѣгать и играть маленькія дѣти.

Іоркскій фабрикантъ Раунтри, превосходное сочиненіе котораго не только совершенно чуждо какого-либо необоснованнаго оптимизма, но, напротивъ, содержитъ массу фактовъ, изображающихъ темныя стороны положенія рабочаго класса въ Англіи, слѣдующимъ образомъ описываетъ жилище рабочей семьи, располагающей на всѣ свои нужды 35 шиллингами въ недѣлю и отнесенной имъ къ рабочимъ семьямъ средняго достатка. „Семья состоитъ изъ мужа 35-ти лѣтъ, жены 37-ми лѣтъ, двухъ дочерей 14 и 13-ти лѣтъ и сына, которому не исполнилось еще года. Домъ, занимаемый этой семьею, очень мило меблированъ и очень удобенъ. Онъ состоитъ изъ пяти жилыхъ комнатъ и чулана. Передъ домомъ небольшой палисадникъ, который лѣтомъ веселитъ взоръ обиліемъ цвѣтовъ; особенно пріятное впечатлѣніе производитъ ящикъ съ цвѣтами передъ окномъ въ гостиной. Позади дома имѣется порядочный дворикъ. Плата за домъ—5 шил. 6 пенсовъ (т.-е. два рубля 75 коп.) въ недѣлю". Итакъ, рабочій средняго достатка, уплачивая менѣе чѣмъ шестую часть своего недѣльнаго заработка за снимаемое имъ помѣщеніе, имѣетъ такое жилище, о которомъ русскіе рабочіе, вообще говоря, и не мечтаютъ.

Въ виду огромной важности разсматриваемаго нами вопроса мы позволимъ себѣ привести также характеристику типичнаго помѣщенія англійской рабочей семьи, принадлежащую экономисту Шэдуэлю, посвятившему массу времени и труда на выясненіе положенія жилищнаго вопроса въ Англіи, Германіи и С. Штатахъ и посѣтившему съ этой цѣлью наиболѣе промышленные районы этихъ странъ [1]. „За нѣкоторыми исключеніями, жилища рабочихъ классовъ въ Англіи, вообще говоря, хороши, иногда даже очень хороши. Преобладающимъ типомъ можно считать коттэджъ (домъ) въ четыре комнаты, построенный изъ кирпича или камня и покрытый черепичной крышей: въ такомъ домѣ имѣются обыкновенно двѣ комнаты наверху и двѣ внизу, при чемъ одна изъ послѣднихъ служитъ кухней и вмѣстѣ съ тѣмъ жилой комнатой. Коттэджъ, занимаемый рабочей семьей, всегда имѣетъ дворъ позади, а иногда и небольшое мѣсто впереди. Въ настоящее время замѣчается тенденція къ увеличенію коттэджей, занимаемыхъ рабочими классами, вслѣдствіе чего

---

[1]) A. Shadwell, „Industrial Efficiency. A comparative study of Industrial Life".

новые дома этой категоріи имѣютъ уже довольно часто по пяти или по шести комнатъ и, кромѣ того, ванную комнату, съ холодной и горячей водой. Въ настоящее время не только городскіе рабочіе имѣютъ всегда въ своихъ домахъ проведенную воду, но этимъ удобствомъ располагаютъ иногда и крестьяне въ деревняхъ. Пока нельзя еще сказать, чтобы ватерклозеты имѣлись вездѣ, но во всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ въ городахъ, они широко распространены даже въ домахъ, занимаемыхъ рабочимъ людомъ".

Русскаго читателя наиболѣе поразитъ въ только что приведенныхъ словахъ то обстоятельство, что въ домахъ для рабочихъ бываютъ иногда даже ванныя комнаты, т.-е. такое удобство, которое въ Россіи — по крайней мѣрѣ въ болѣе значительныхъ городахъ — недоступно большинству лицъ средняго класса. Конечно—какъ это отмѣчаетъ, впрочемъ, и Шэдуэль, — домикъ съ ванной—по средствамъ лишь наиболѣе хорошо оплачиваемой части рабочихъ. Лэди Белль сожалѣетъ о томъ, что ванна въ квартирѣ— удобство, которое слѣдуетъ считать безусловно нужнымъ для всѣхъ,—лишь въ рѣдкихъ случаяхъ доступна рабочимъ семьямъ. Какой горькой насмѣшкой были бы такія слова, еслибы они были сказаны при обсужденіи вопроса о жилищныхъ условіяхъ нашихъ рабочихъ и о способахъ возможнаго ихъ улучшенія!

Въ изслѣдованіи Шэдуэля мы находимъ статистическую справку о числѣ лицъ, приходящихся на одинъ жилой домъ въ трехъ важнѣйшихъ промышленныхъ районахъ Англіи (въ одномъ изъ этихъ районовъ находится и городъ Мидльсбру). Среднее число лицъ на одинъ обитаемый домъ въ Ланкаширѣ—4,9, въ Іоркширѣ (Зап. Райдингѣ)—4,5, въ Стаффордширѣ—4,9. А вотъ аналогичныя данныя относительно самыхъ промышленныхъ частей Германіи: въ Саксоніи — 11,7, въ Рейнской провинціи — 8,5, въ Бранденбургѣ (безъ Берлина)—10,9. Итакъ, въ промышленныхъ округахъ Германіи на каждый домъ приходится, вообще говоря, болѣе чѣмъ вдвое жильцовъ, чѣмъ въ Англіи.

Еще болѣе интересны и поучительны свѣдѣнія о числѣ лицъ на каждый жилой домъ въ рядѣ промышленныхъ городовъ Англіи и Германіи.

Среднее число лицъ на жилой домъ.

Англія:		Германія:	
Лондонъ	7,9	Берлинъ	46,6
Манчестеръ	4,9	Бреславль	39,1
Бирмингамъ	4,8	Лейпцигъ	27
Лидсъ	4,5	Дрезденъ	27,5

Среднее число лицъ на жилой домъ.

Англія:		Германія:	
Шеффильдъ	4,8	Ганноверъ	20,1
Брадфордъ	4,3	Дюссельдорфъ	19,4
Болтонъ	4,6	Хемницъ	29,1
Олдгамъ	4,5	Эльберфельдъ	18,7
Галифаксъ	4,2	Барменъ	18
Ульвергамптонъ	4,8	Эссенъ	18,6
Въ среднемъ	4,9	Въ среднемъ	26,5

Изъ этихъ данныхъ, относящихся къ чисто городскому населенію, совершенно ясенъ контрастъ между условіями жизни или, точнѣе, между жилищными условіями англійскихъ и нѣмецкихъ рабочихъ: на каждый домъ въ англійскихъ фабричныхъ городахъ приходится въ пять слишкомъ разъ меньше жильцовъ, чѣмъ въ такихъ же городахъ Германской имперіи. Этотъ контрастъ еще болѣе бросается въ глаза, если сравнить Берлинъ и Лондонъ, хотя послѣдній — самый значительный городъ въ мірѣ и имѣетъ почти вдвое болѣе жителей, чѣмъ Берлинъ. Англичане съумѣли справиться даже съ такой, повидимому, непреодолимой задачей, какъ болѣе или менѣе просторное размѣщеніе жителей въ самыхъ огромныхъ городскихъ центрахъ. Англійскій рабочій за обычное свое помѣщеніе — двухэтажный домикъ о четырехъ комнатахъ—платитъ, въ среднемъ, 12 фунтовъ стерлинговъ и 4 шиллинга, т.-е. 120 рублей въ годъ, при чемъ эта плата вносится обыкновенно понедѣльно, что представляетъ огромныя удобства по сравненію съ принятымъ въ Германіи, какъ и у насъ, порядкомъ взысканія платы помѣсячно и всегда впередъ. Если не считать столицы, англійскому рабочему одна комната обходится въ недѣлю въ одинъ шиллингъ и три или два пенса, между тѣмъ какъ нѣмецкому рабочему одна комната обходится, въ среднемъ, въ два шиллинга въ недѣлю, т.-е. процентовъ на 70 больше. Если мы примемъ также въ соображеніе то обстоятельство, что заработки англійскихъ рабочихъ, вообще говоря, значительно выше, чѣмъ заработки нѣмецкихъ рабочихъ, а также и тотъ фактъ, что большая часть жизненныхъ припасовъ стоитъ въ Германіи дороже, чѣмъ въ Англіи, то не станемъ удивляться той относительной скученности, въ которой живутъ нѣмецкіе рабочіе.

Какъ непосредственныя наблюденія, такъ и статистическія справки привели Шэдуэля къ окончательному выводу, что „въ Англіи рабочіе, вообще говоря, живутъ въ небольшихъ отдѣль-

ныхъ домахъ, а въ Германіи—въ казармахъ (in barracks), т.-е. такимъ же образомъ, какъ живутъ въ большинствѣ и наши, русскіе рабочіе, казармы которыхъ только грязнѣе, тѣснѣе и вообще много хуже, чѣмъ тѣ, въ которыхъ живутъ ихъ нѣмецкіе собратья. Даже въ Лондонѣ, какъ говоритъ Шэдуэль и какъ приходилось наблюдать и намъ самимъ, нѣкоторая скученность въ жилищахъ рабочихъ классовъ замѣчается только въ центральныхъ частяхъ; въ непосредственныхъ же окрестностяхъ Лондона (Greater London) рабочіе, какъ и вездѣ въ другихъ мѣстахъ, живутъ въ отдѣльныхъ коттэджахъ.

Въ Англіи считается *переполненнымъ* всякое помѣщеніе, гдѣ приходится болѣе двухъ жильцовъ на комнату. Согласно изслѣдованію Раунтри, не оставившему безъ вниманія и этотъ вопросъ, въ такихъ условіяхъ живутъ въ Іоркѣ 663 семьи, состоящія изъ 4.705 лицъ, т.-е. 10% рабочаго населенія Іорка и почти $6^1/_2$% всего населенія города. Въ другихъ городахъ положеніе хуже. Такъ напр., въ Бристолѣ и Манчестерѣ въ переполненныхъ (въ указанномъ выше смыслѣ) помѣщеніяхъ живутъ 8% городского населенія, въ Ливерпулѣ—10%, въ Бирмингамѣ—14%, въ Лондонѣ—19%. Съ другой стороны, есть города съ значительнымъ населеніемъ, гдѣ переполненіе жилыхъ помѣщеній наблюдается въ меньшей степени, чѣмъ въ Іоркѣ. Такъ напр., въ Дерби (94.000 жителей) въ такихъ помѣщеніяхъ живетъ только около 3% населенія, въ Ноттингамѣ — 3%, въ Лейчестерѣ—немного болѣе 2%. Эти данныя заимствованы Раунтри изъ результатовъ переписи 1891-го года. Какъ выяснила перепись 1901-го года, положеніе дѣла значительно улучшилось: такъ напр., въ Бирмингамѣ вмѣсто прежнихъ 14% городского населенія, живущаго въ переполненныхъ помѣщеніяхъ, въ такихъ помѣщеніяхъ оказываются только 10,3%, въ Бристолѣ вмѣсто 8% — 3,5%, въ Лейчестерѣ вмѣсто 3% — 1%. Въ общемъ, по даннымъ послѣдней переписи, въ Англіи въ переполненныхъ помѣщеніяхъ живутъ 8,2% населенія.

Недостаточно, однако, знать число комнатъ, занимаемыхъ той или иной частью населенія: необходимо имѣть данныя и о размѣрѣ самыхъ комнатъ. Раунтри пришелъ къ выводу, что, вообще говоря, объемъ комнатъ въ квартирахъ, занимаемыхъ рабочимъ населеніемъ Іорка, можно считать, въ среднемъ, въ 1.200 куб. футъ, что совпадаетъ съ результатами аналогичныхъ изслѣдованій для всей Англіи вообще.

Если мы, согласно заключеніямъ наиболѣе авторитетныхъ физіологовъ и гигіенистовъ, примемъ, что для человѣка нужно

по меньшей мѣрѣ 800 куб. футъ воздуха, то окажется, что переполненными слѣдуетъ считать всѣ тѣ квартиры, гдѣ приходится болѣе полутора человѣка на комнату; между тѣмъ, вышеприведенный разсчетъ переполненныхъ квартиръ въ Іоркѣ и въ Англіи вообще составленъ въ томъ предположеніи, что переполненіе начинается лишь при двухъ и болѣе жильцахъ на комнату.

Таковы условія, въ которыхъ живетъ рабочее населеніе Іорка. Въ такихъ же условіяхъ—за нѣкоторыми, болѣе или менѣе значительными исключеніями—живетъ главная масса городского населенія всей Англіи. Вполнѣ удовлетворительными и ихъ признать нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, —говоритъ Раунтри— „можетъ ли быть рѣчь о соблюденіи хотя бы элементарныхъ приличій въ такомъ домѣ, гдѣ есть взрослые сыновья и дочери и гдѣ всего двѣ спальни?“ Между тѣмъ, двѣ трети домовъ въ Іоркѣ имѣютъ не болѣе двухъ спаленъ.

Къ сожалѣнію мы, русскіе, на этотъ счетъ не избалованы, и для насъ представляются отдаленнымъ идеаломъ даже такія условія жизни рабочаго класса, которыя англичане считаютъ несогласимыми съ основными требованіями сколько-нибудь сноснаго и приличнаго существованія.

П. Мижуевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ИЗЪ

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХЪ СКИТАНІЙ

*Окончаніе *).*

Продолжительное путешествіе съ ходоками совершилъ черниговскій переселенческій агентъ г. Косменко. Въ Челябинскѣ онъ встрѣтилъ полтавскаго земскаго агента г. Моторнаго, направлявшагося съ своими ходоками въ Приморскую область. Ѣдущихъ туда же черниговцевъ Косменко сдалъ Моторному, присоединилъ къ своей партіи полтавцевъ, направлявшихся въ Амурскую область, и двинулся туда.

Благодаря ревизору переселенческаго движенія, выѣхавшему въ одномъ вагонѣ съ Косменкомъ и устранявшему всякіе желѣзнодорожные непорядки, путь до Омска прошелъ хорошо.

Отъ Омска до Иркутска двигались черепашьимъ ходомъ, не болѣе десяти верстъ въ часъ. На каждой станціи задерживались по два—три часа, и вагоны съ переселенцами маневрировали по всѣмъ путямъ. За Омскомъ партія начала таять. На всѣхъ значительныхъ станціяхъ ходоки понемногу высаживались, заявляя, что здѣсь недалеко водворились ихъ родные или односельчане, что они сюда и стремились, а билеты брали въ Амурскую или Приморскую области только потому, что по другому маршруту ихъ не выпускали. Нѣкоторые объясняли преждевременную высадку и тѣмъ, что на мѣстахъ члены землеустроительныхъ коммиссій неправильно вычислили время и стоимость

*) См. янв., стр. 72.

пути и прокормленія; взявъ съ собой по этому вычисленію 20—25 р., они издержали все, и дальше имъ не на что ѣхать.

Отъ Иркутска дороговизна продовольствія очень увеличилась. За фунтъ хлѣба платили 5 и 6 к., за фунтъ сала и жареной свинины—до 50 к., за бутылку молока—12 к. У нѣкоторыхъ остались сухари, но одними сухарями сытъ не будешь. Горячею пищей на продовольственныхъ пунктахъ пользовались одинъ разъ въ четыре-пять дней, часто проѣзжая такіе пункты ночью.

9 сентября прибыли въ Красноярскъ. Пользуясь нѣсколькими часами остановки, Косменко побывалъ здѣсь у переселенческаго начальства, съ цѣлью получить отъ него необходимыя свѣдѣнія. Но начальство ничего не знало и жаловалось на неприспособленность и неосвѣдомленность правительственной организаціи въ переселенческомъ дѣлѣ.

До Читы ѣхали восемь дней. Здѣсь Косменка догнали полтавцы. На пути составъ партій обоихъ агентовъ снова измѣнился: присоединились къ нимъ ходоки и переселенцы изъ двѣнадцати разныхъ губерній. Косменко снова выдѣлилъ Моторному отправлявшихся въ Приморскую область. Всѣ попытки Косменка добыть въ Читѣ необходимыя свѣдѣнія отъ переселенческаго чиновника были вполнѣ безуспѣшны: было 17 сентября, и съ утра до ночи происходили именинныя пиршества. А между тѣмъ, ожидать нельзя было: Косменко спѣшилъ высадить черниговцевъ, желавшихъ остаться въ Забайкальской области. Онъ надѣялся сдать ихъ на попеченіе агента областной организаціи Кулѣшова въ Нерчинскѣ, и предупредилъ его о томъ телеграммой, но не засталъ его тамъ. Узнавъ, что въ Нерчинскѣ нанята квартира для переселенцевъ и что оттуда развозятъ ихъ на подводахъ на переселенческіе участки, Косменко направилъ туда 36 ходоковъ, стремившихся въ Забайкальскую область, а самъ съ Моторнымъ отправился до станціи Карымской, гдѣ они разстались: Моторный направился на станцію Манчжурія, а Косменко—на Стрѣтенскъ.

Изъ Стрѣтенска черниговцы должны были ѣхать на пароходѣ до Благовѣщенска. Переселенческій пунктъ въ Стрѣтенскѣ оборудованъ хорошо: здѣсь достаточно бараковъ, кухня, баня и прачешная. Всѣ побывали въ банѣ и помыли бѣлье. Кормили хорошо, но брали за порцію по 5 к. Пробыли здѣсь два дня. Косменко въ отвѣтъ на свою телеграмму получилъ отъ земскаго агента областной организаціи въ Амурской области сообщеніе, что слѣдуетъ высадиться на пристани Черняевой, а оттуда проѣхать 120 верстъ въ Урканъ, гдѣ есть хорошіе участки на 500 земельныхъ долей. Переселенческій чиновникъ Шатиловъ отнесся къ

ходокамъ очень хорошо и даже выдалъ нуждавшимся пособія отъ 5 до 10 руб. Но никакихъ свѣдѣній о мѣстонахожденіи, числѣ и качествѣ отведенныхъ переселенцамъ участковъ сообщить не могъ.

Выѣхали изъ Стрѣтенска на частномъ пароходѣ, дѣлавшемъ передъ зимою послѣдній рейсъ, не зная, какъ придется возвращаться. 28 сентября пристали къ Черняевой. Достаточнаго числа подводъ здѣсь нельзя было найти, и онѣ были очень дороги. Ходоки отправились въ Урканъ пѣшкомъ, нанявъ только одну подводу для своего скуднаго багажа. Косменко остался въ Черняевой для провѣрки документовъ ходоковъ, разсчитывая догнать ихъ на почтовыхъ. Но оказалось, что на почтовыхъ станціяхъ держатъ только по парѣ лошадей для перевозки почты, и пользоваться этими лошадьми можно только имѣя открытый листъ отъ губернатора. Косменко выѣхалъ на парѣ лошадей, нанятыхъ у черняевскаго казака. Дорога оказалась въ такомъ состояніи, что на первый переѣздъ въ 52 версты потребовалось 17 часовъ. Перемѣнивъ лошадей, Косменко съ такою же скоростью продолжалъ путь и догналъ свою партію на берегу р. Уркана. Указанная земля дѣйствительно оказалась очень хорошей. Качество почвы, обиліе сѣнокосовъ, лѣса, рыбныхъ рѣкъ и озеръ—все это сразу подняло настроеніе ходоковъ, и почти всѣ они пожелали зачислить здѣсь за собой участки. Еще болѣе расцвѣли радужныя надежды, когда ходоки увидѣли въ этой мѣстности хуторъ самовольнаго харьковскаго переселенца, водворившагося здѣсь болѣе десяти лѣтъ назадъ. Хозяинъ хутора умеръ, и ведетъ дѣло его вдова. У нея 10 лошадей, до 20 головъ рогатаго скота, до 50 овецъ, большія скирды ржи, пшеницы, овса и ячменя.

Направивъ ходоковъ обратно къ Черняевой, Косменко заѣхалъ въ с. Овсянку, вновь образованный переселенческій пунктъ. Здѣсь все новыя и довольно цѣнныя постройки для завѣдывающаго, больницы и врача, но для переселенцевъ устроено только два шелевочныхъ барака, холодныхъ, темныхъ и сырыхъ.

Второго октября Косменко пріѣхалъ на пароходѣ въ Благовѣщенскъ. Здѣсь переселенческій чиновникъ ему заявилъ, что въ 1908 г. почти всѣ переселенческіе участки остались незанятыми, а на 1909 г. образовано много новыхъ. Но свѣдѣній о качествѣ земли на этихъ участкахъ онъ сообщить не могъ.

На обратномъ пути Косменко постепенно догонялъ возвращавшихся черниговцевъ. Очень многіе совсѣмъ прохарчились, но въ пособіи имъ рѣшительно отказали, и въ пути имъ пришлось голодать. Въ Челябинскѣ съѣхалось довольно много обратныхъ ходоковъ. Многіе добивались въ переселенческомъ пунктѣ пособій

на харчи, но ихъ прогнали, не давъ ничего. Косменку едва удалось выхлопотать, чтобы выдали по два рубля на 10 человѣкъ.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ черниговской губернской управѣ переселенческими чиновниками тѣхъ районовъ, куда прибывали черниговскіе ходоки, оказывается, что въ результатѣ осенняя кампанія 1908-го года была сравнительно довольно успѣшна. Изъ земельныхъ долей, отведенныхъ совѣщаніемъ, зачислено ходоками на мѣстахъ 43%, тогда какъ весной предыдущаго года использовано было въ азіатскихъ областяхъ только 14% долей. Въ этомъ несомнѣнно играетъ большую роль то, что ходочества прошлаго года были болѣе или менѣе организованы; областные земскіе агенты въ мѣстахъ водворенія и агенты губернскихъ земствъ, сопровождавшіе ходоковъ, очень много помогли имъ въ разысканіи, выборѣ и зачисленіи участковъ. Но осенняя кампанія 1906 г. дала, вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣлый рядъ отрицательныхъ указаній, которыми областная земская организація воспользуется для лучшей постановки переселенческаго дѣла.

Населеніе союзныхъ земскихъ губерній еще слишкомъ мало освѣдомлено о дѣятельности областной и губернскихъ земскихъ организацій въ дѣлѣ оказанія помощи переселенцамъ, и относится къ этой дѣятельности съ недовѣріемъ, какъ ко всякой новой „панской" затѣѣ. Многіе, поэтому, выѣзжали за Уралъ самовольно и только случайно присоединялись иногда къ партіямъ, сопровождаемымъ агентами.

Агентовъ въ азіатскихъ областяхъ у областной организаціи было только семь. Небольшимъ числомъ агентовъ располагали и губернскія управы союзныхъ земствъ. Кромѣ трудности пріискать нà-скоро лицъ, съ достаточнымъ образовательнымъ цензомъ и другими качествами, необходимыми для такого дѣла, огромное затрудненіе представляла медленность мѣстной администраціи, подолгу задерживавшей сообщеніе о своемъ согласіи на приглашеніе намѣченныхъ управами лицъ, а иногда дававшей отрицательные отзывы относительно лицъ, наиболѣе отвѣчавшихъ предъявляемымъ къ агентамъ требованіямъ. Выходило такъ, что изъ нѣкоторыхъ губерній число отправлявшихся ходоческихъ партій превышало число имѣвшихся въ этихъ губерніяхъ агентовъ. Выѣзжая и прибывая на мѣсто безъ необходимаго руководительства, ходоки испытывали громадныя невзгоды и затрудненія и въ пути, и особенно въ пріисканіи земельныхъ участковъ.

Въ 1909-мъ году областная организація должна уже имѣть агентовъ во всѣхъ азіатскихъ областяхъ, назначенныхъ для заселенія. Для объединенія, большей согласованности и плодотвор-

ности работы областныхъ и губернскихъ земскихъ агентовъ, вся земская переселенческая агентура сосредоточивается въ вѣдѣніи областной организаціи. Кромѣ постоянныхъ областныхъ агентовъ въ азіатскихъ областяхъ, туда же прикомандировываются разъѣздные агенты. Съ началомъ весны, послѣдніе отправляются въ назначенные имъ районы, гдѣ знакомятся съ отведенными для заселенія участками. Областное бюро сносится съ губернскими управами союзныхъ земствъ относительно ходоковъ, направляющихся въ разные азіатскіе районы, и устанавливаетъ для нихъ маршруты и общіе сроки выѣзда. Объ этомъ бюро извѣщаетъ разъѣздныхъ агентовъ; каждый изъ нихъ выѣзжаетъ на встрѣчу такимъ соединеннымъ партіямъ ходоковъ и сопровождаетъ ихъ въ районъ своего жительства. Такой порядокъ несомнѣнно значительно улучшитъ дѣло. При меньшемъ числѣ агентовъ, ходоки и переселенцы будутъ гораздо больше пользоваться ихъ помощью и въ пути, и въ мѣстахъ новаго поселенія. На зиму разъѣздные агенты прикомандировываются къ губернскимъ управамъ союзныхъ земствъ, гдѣ они могутъ быть очень полезны въ подготовкѣ ходоческаго движенія на будущую весну [1]).

Для усиленія медицинской помощи переселенцамъ въ пути черниговское губернское земство, въ виду недостаточности медицинскаго персонала, организуетъ сопровожденіе переселенческихъ поѣздовъ до Самары фельдшерскимъ персоналомъ. Для устраненія медленности движенія этихъ поѣздовъ и упомянутыхъ дефектовъ въ дѣлѣ продовольствія ѣдущихъ оно ходатайствуетъ объ ускореніи движенія и объ установленіи такого росписанія поѣздовъ, чтобы ѣдущіе могли на продовольственныхъ пунктахъ пользоваться горячею пищей ежедневно, а для переселенцевъ, направляющихся на дальній Востокъ—объ устройствѣ при поѣздахъ вагоновъ-кухонь на счетъ казны.

Большую помощь переселенцамъ въ послѣднее время оказывала на свои средства общеземская организація, въ значитель-

---

[1]) Областной организаціи приходится считаться и съ злоупотребленіями ходоковъ. Иногда одиночный ходокъ ѣдетъ уполномоченнымъ отъ десяти семействъ. Отъ каждаго онъ получаетъ на дорогу отъ 3 до 5 р. Ему предоставляется право выбора участковъ и зачисленія ихъ за довѣрителями. Болѣе 30 такихъ ходоковъ ѣхало съ агентомъ Косменкомъ, направляясь въ Амурскую область. Доѣхавъ до Стрѣтенска, они высадились, пробыли два дня на переселенческомъ пунктѣ и отправились домой. Можно себѣ представить, какія нелѣпыя сообщенія они сдѣлали дома о землѣ, которой вовсе не видѣли! Ѣхали съ г. Косменкомъ ходоки-аферисты другого рода. Набравъ отъ односельчанъ денегъ и вовсе не думая осматривать для нихъ землю, они направились въ Сибирь на заработки и выхлопотали ходоческія свидѣтельства лишь для того, чтобы проѣхать по дешевому переселенческому тарифу.

ной степени исправлявшая описанные дефекты правительственной и областной земской организацій. Представитель общеземской организаціи, кн. Львовъ, сообщаетъ, что ею въ 1908 г. устроено на желѣзныхъ дорогахъ 5 постоянныхъ кухонь и 25 разъѣздныхъ. Партіи въ пути сопровождаются фельдшерицами и сестрой милосердія. Помощь оказывается и въ мѣстахъ водворенія, особенно въ глухихъ, отрѣзанныхъ отъ значительныхъ населенныхъ пунктовъ. Больше всего приходится заботиться о доставкѣ въ такіе пункты хлѣба и бороться съ цынгой и тифомъ. Въ Уссурійскомъ краѣ общеземскою организаціей устроено 3 медицинскихъ участка, 4 фельдшерскихъ, 4 питательныхъ пункта для цынготныхъ, 10 лавокъ для продажи предметовъ первой необходимости, 5 складовъ и 4 обоза для снабженія указанныхъ пунктовъ всѣмъ необходимымъ. Въ Амурской области этою организаціей также устроено нѣсколько такихъ учрежденій. Дѣятельность общеземской организаціи встрѣчаетъ, однако, огромныя затрудненія. Не говоря уже о томъ, что приходится разбрасывать на громадныя пространства, при медленности сообщеній и ужасныхъ грунтовыхъ дорогахъ,—главная трудность заключается въ полномъ невѣдѣніи относительно размѣровъ предстоящаго переселенческаго движенія. При отсутствіи предварительныхъ увѣдомленій о ѣдущихъ партіяхъ, организаціи приходится сокращать, увеличивать и передвигать свои отряды и запаздывать съ помощью тамъ, гдѣ она наиболѣе необходима.

При всѣхъ недостаткахъ дѣятельности земскихъ организацій въ переселенческомъ дѣлѣ, можно съ полной увѣренностью сказать, что эти организаціи принесли въ 1908-мъ году огромную пользу. Съ такою же увѣренностью можно утверждать, что все, находящееся въ предѣлахъ компетенціи этихъ организацій, будетъ исправлено и улучшено. Люди работаютъ здѣсь не за страхъ, а за совѣсть и имѣютъ въ виду только интересы дѣла, которому служатъ.

Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать объ общемъ духѣ и объ отдѣльныхъ дѣятеляхъ правительственной переселенческой организаціи. Кромѣ рѣдкихъ счастливыхъ исключеній, всѣ сообщенія земскихъ агентовъ объ отношеніи къ дѣлу центральныхъ управленій и мѣстныхъ чиновниковъ по переселенческому дѣлу весьма безотрадны.

Съ переселенческими документами, выдаваемыми членами землеустроительныхъ коммиссій, было въ 1908-мъ году много замѣшательствъ и затрудненій. Иногда имена и фамиліи въ ходоческихъ свидѣтельствахъ не соотвѣтствовали наличнымъ ходо-

камъ; иногда число ходоковъ, показанныхъ въ свидѣтельствахъ, было несогласно съ наличнымъ ихъ числомъ. Полтавскій агентъ Гудима сообщаетъ, что при повѣркѣ имъ свидѣтельствъ и маршрутовъ отдѣльныхъ партій отецъ иногда оказывался разлученнымъ съ сыномъ. Въ нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ указаны были совсѣмъ не тѣ области, куда просились ходоки; въ другихъ перепутаны фамиліи довѣрителей или вписаны такія фамиліи, которыхъ, по заявленію ходоковъ, у нихъ въ селѣ вовсе нѣтъ. Черниговское губернское земство ходатайствовало о предоставленіи выдачи такихъ свидѣтельствъ уѣзднымъ земскимъ управамъ. Ходатайство это главнымъ управленіемъ землеустройства и земледѣлія, въ августѣ минувшаго года, было отклонено на томъ основаніи, что для одной Черниговской губерніи установленный закономъ порядокъ не можетъ быть измѣненъ [1]).

О медленности движенія переселенческихъ поѣздовъ, о безпричинныхъ задержкахъ ихъ по нѣсколько часовъ на станціяхъ, о невозможныхъ вагонахъ, вызывающихъ массу заболѣваній, о крайне безучастномъ и грубомъ отношеніи къ переселенцамъ желѣзнодорожныхъ служащихъ дѣлаютъ однородныя сообщенія всѣ земскіе агенты, сопровождавшіе ходоковъ. Объ этихъ безобразіяхъ съ возмущеніемъ подробно разсказываетъ харьковскій агентъ Дубининъ. Завѣдывающій переселенческимъ отдѣломъ харьковской губернской управы Ребринъ сообщаетъ, что на станціи Купянскъ, гдѣ ходоковъ послѣ назначеннаго для выѣзда дня продержали почему-то двѣ недѣли, передъ выѣздомъ подали вагоны-теплушки, полные сору, съ невыносимымъ острымъ зловоніемъ, съ испорченными печами и безъ стеколъ. Послѣ большихъ хлопотъ и ходатайствъ, вагоны эти на-скоро кое-какъ привели въ порядокъ.

Больше всего въ правительственной переселенческой организаціи страдаетъ землеотводное дѣло.

Въ азіатскихъ областяхъ правительствомъ содержатся штаты агрономовъ, гидротехниковъ, инженеровъ и межевыхъ чиновъ. Предварительно мѣстность, намѣченная для заселенія, изслѣдуется рекогносцировочно; затѣмъ разбивающій ее на участки обязанъ изучить ее не только въ почвенномъ отношеніи, но и въ отношеніи другихъ природныхъ богатствъ—водныхъ, минеральныхъ, лѣсныхъ, въ отношеніи путей сообщенія, доставки и

[1]) Это—обычный мотивъ отклоненія многихъ земскихъ ходатайствъ. Какъ бы ни была неотложна нужда, вызывающая ходатайство, какое бы она ни имѣла общее значеніе, министерскіе департаменты, привыкшіе дѣйствовать по установленному шаблону и не любящіе новшествъ, такія сепаратныя ходатайства кладутъ подъ сукно.

сбыта предметовъ хозяйства. Старшіе межевые чины, при окончательномъ образованіи переселенческихъ участковъ, еще болѣе подробно должны ихъ изслѣдовать во всѣхъ отношеніяхъ. Наконецъ, вопросъ объ образованныхъ участкахъ вносится на разсмотрѣніе коммиссіи изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, которые рѣшаютъ вопросъ и о томъ, возможно ли отвести переселенцамъ образованныя площади безъ ущерба для мѣстнаго коренного населенія.

Казалось бы, дѣло обставлено весьма основательно. Но въ дѣйствительности землеотводное дѣло въ Сибири заставляетъ желать очень многаго. По временнымъ правиламъ 13 іюня 1903 г., правительственныя переселенческія организаціи обязаны начинать образованіе участковъ съ волостей, прилегающихъ къ желѣзной дорогѣ, и образовывать ихъ лишь на земляхъ, удобныхъ для сельско-хозяйственнаго пользованія. Между тѣмъ, управленіе государственными имуществами, завѣдывающее казенными землями, предоставляетъ переселенческому управленію земли не только удаленныя отъ желѣзной дороги и населенныхъ пунктовъ, но и мало пригодныя для сельскаго хозяйства, такъ какъ онѣ часто представляютъ вѣковую тайгу. Между тѣмъ, вблизи населенныхъ мѣстъ есть громадныя площади казенной земли, удобной для заселенія и съ хорошею почвой, — но такія земли мѣстные органы управленія государственными имуществами эксплоатируютъ какъ оброчныя статьи, сдавая ихъ въ аренду. Это, конечно, выгодно для казны, а можетъ быть и для чиновниковъ управленія. Но такой порядокъ нарушаетъ законъ и интересы переселенцевъ, загоняя ихъ въ глушь и въ тайгу, гдѣ они нѣсколько лѣтъ употребляютъ каторжный трудъ для предварительной расчистки и нерѣдко, ничего не добившись, потративъ силы и всѣ средства, возвращаются нищими на родину. Немало такихъ примѣровъ извѣстно полтавскому земству относительно Енисейской губерніи и Семирѣченской области. Послѣдняя своимъ плодородіемъ и мягкимъ климатомъ давно уже привлекаетъ къ себѣ переселенцевъ изъ южныхъ губерній; но землеотводныя работы тамъ задерживаются, и теперь тамъ скопилось до 30-ти тысячъ душъ, которыя въ теченіе трехъ-пяти лѣтъ не могутъ добиться полученія земельныхъ долей и живутъ въ ужасномъ положеніи, пробавляясь скудными заработками у мѣстныхъ старожиловъ.

Агентъ полтавскаго земства Оленичъ, проѣзжавшій съ ходоками по Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской областямъ, сообщаетъ рядъ случаевъ, когда живущіе уже по нѣскольку лѣтъ въ этихъ областяхъ полтавцы не могли добиться полученія зе-

мельныхъ участковъ и вынуждены были жить заработками и арендой земли у киргизовъ. Всѣ просьбы къ мѣстнымъ властямъ объ отводѣ участковъ остаются тщетными. Переселенческое начальство говоритъ, что у киргизовъ отнимать земли нельзя. У нихъ ея слишкомъ много, но они относятся къ переселенцамъ враждебно: портятъ арыки, производятъ насилія. Жалобы кончаются тѣмъ, что пріѣдетъ чиновникъ, побываетъ у богатыхъ киргизовъ—и киргизы всегда правы.

Областной земскій агентъ Купластъ пишетъ, что въ Семирѣченской области тысячи переселившихся по цѣлымъ годамъ ожидаютъ отвода земельныхъ долей. Огромныя площади съ прекрасною почвой остаются незаселенными и необработанными, такъ какъ для орошенія ихъ необходимо устроить арыки. Гидротехническія работы предполагаетъ производить Отдѣлъ земельныхъ улучшеній. Но когда еще это будетъ? А силами отдѣльныхъ хозяевъ или даже цѣлыхъ поселковъ такихъ работъ произвести нельзя, да и знаній для этого нѣтъ. Такое отсутствіе со стороны правительства заботъ объ орошеніи, а въ другихъ мѣстностяхъ—объ осушкѣ, расчисткѣ и вообще подготовкѣ участковъ для заселенія нерѣдко ставитъ переселенцевъ въ ужасное положеніе. А для правильной постановки этой стороны дѣла за примѣрами недалеко ходить. Финляндскій сеймъ въ послѣдніе годы энергично принялся за надѣленіе землей своихъ безземельныхъ торпарей. Произведя предварительно подробныя статистическія изслѣдованія и предназначивъ для заселенія довольно обширныя площади незанятыхъ государственныхъ земель, онъ ассигновалъ большія суммы на разностороннее изученіе этихъ пространствъ, на вырубку и расчистку лѣсовъ, на осушку болотъ, на удаленіе камней, вообще на приведеніе этихъ земель въ удобное для земледѣлія состояніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ сеймъ установилъ довольно значительныя ссуды на постройки и полное обзаведеніе новоселовъ.

Въ печальномъ положеніи землеотводное и землеустроительное дѣло находится и въ Тургайско-Уральской области. Харьковскій переселенческій агентъ Боженко сообщаетъ, что много земель тамъ еще не обмежевано. А гдѣ и сдѣлано межеваніе, у переселенческихъ чиновниковъ обыкновенно имѣются только планы, и ходоки, не получая отъ нихъ точныхъ указаній, не знаютъ, гдѣ искать для себя участки.

Въ Уссурійскомъ краѣ — разсказываетъ завѣдывающій земскимъ областнымъ бюро, г. Никольскій,—когда въ 1908-мъ году, въ теченіе всего лѣта, прибывала огромная волна переселенцевъ,

мѣстное переселенческое управленіе вынуждено было на̀-скоро образовывать новые участки и прокладывать къ нимъ дороги. Землемѣровъ и дорожныхъ техниковъ было очень мало. Приходилось приглашать по вольному найму первыхъ попавшихся. Таксація и емкость участковъ опредѣлялись приблизительно, по глазомѣру. Работы производились на-спѣхъ, кое-какъ. И переселенцы вынуждены были, скрѣпя сердце, зачислять за собой такіе участки.

До какой степени правительственные переселенческіе чиновники мало освѣдомлены о землѣ, отводимой въ ихъ районахъ для поселенія, показываетъ фактъ, приводимый завѣдывающимъ переселенческимъ отдѣломъ харьковскаго земства относительно Актюбинскаго уѣзда Тургайской области. Прибыли туда екатеринославскіе ходоки, отправились на участки и ознакомились съ ними. Земля прекрасная, со всѣми угодьями. Нѣсколько рѣчекъ, рыбы много. Вернулись въ Актюбинскъ и стали просить зачислить за ними эти участки. Чиновникъ отказалъ, такъ какъ неизвѣстно, снабжены ли участки водой. Какъ ни увѣряли ходоки, что вода есть, участковъ за ними не зачислили. Послали они телеграммы въ Оренбургъ главному переселенческому чиновнику, въ Екатеринославъ — губернской управѣ и въ Петербургъ — въ главное переселенческое управленіе. Губернская управа отвѣтила, чтобы ходоки дали обязательство, что не будутъ въ претензіи, если воды на участкахъ не окажется. Представили такое обязательство. Не помогло. Нужно было ждать отвѣтовъ изъ Петербурга и Оренбурга. Ждали, ждали этихъ отвѣтовъ, прожили все и, не дождавшись, уѣхали ни съ чѣмъ домой.

А сколько бѣдъ изъ-за этого сумбура приходится переживать ходокамъ и переселенцамъ! Земскіе агенты сообщаютъ немало фактовъ за послѣдніе два года о томъ, что переселенческіе чиновники не могли устроить семейныхъ переселенцевъ; ходоки не добившись ничего, возвращались на родину или вынуждены были зачислять за собой и своими довѣрителями такіе участки, которые они признавали неудобными и по качеству, и по несоотвѣтствію ихъ привычкамъ своихъ земляковъ. Весьма можетъ быть, что такіе участки скоро будутъ брошены, и заселившіе ихъ снова будутъ бродить въ исканіи лучшихъ. Часто бывало, что пока ходокъ доѣдетъ, на мѣстѣ уже не оказывается обѣщанныхъ свободныхъ земель. Начинаетъ онъ бродить въ поискахъ изъ района въ районъ. Иногда онъ зачисляетъ за собой первый подвернувшійся участокъ. Иногда приписывается за послѣднія деньги къ какому-нибудь сельскому обществу. А при-

писка эта стоитъ не дешево: за нее приходится платить 25, 50 и болѣе рублей за каждую мужскую душу. Случается и такъ, что послѣ расплаты за приписку крестьянскій начальникъ не утверждаетъ пріемнаго приговора. Иногда ходокъ снимаетъ у старожиловъ участокъ земли въ аренду по 5-ти рублей отъ десятины, уплачивая деньги за два-три года впередъ. Съ арендныкъ договоромъ, засвидѣтельствованнымъ волостнымъ правленіемъ, возвращается онъ на родину и хлопочетъ о выдачѣ ему документовъ, чтобы переселиться съ семьей на заарендованную землю. Но арендный договоръ оказывается составленнымъ незаконно, и получить документовъ онъ не можетъ.

Огромное отрицательное значеніе имѣетъ и очень плохая постановка дѣла по водворенію переселившихся. Прибывшіе являются, чтобы занять землю, уже зачисленную за ними черезъ ходоковъ. Они должны явиться къ переселенческому чиновнику, продѣлать разныя формальности для закрѣпленія за собой участковъ, получить отъ чиновника разрѣшеніе на занятіе усадьбы и взять у него установленную ссуду на обзаведеніе, такъ какъ повозки, орудія и все необходимое для хозяйства нужно купить здѣсь же на переселенческомъ пунктѣ. Чиновники едва успѣваютъ справляться съ своими многочисленными обязанностями. На нихъ лежитъ много функцій по землеотводному и землеустроительному дѣлу. На нихъ возложены и судебно-административныя обязанности крестьянскихъ начальниковъ въ новыхъ поселкахъ, гдѣ еще не организованы сельскія общества. На пунктахъ скопляется нерѣдко масса народа, и быстро удовлетворить всѣхъ нѣтъ никакой возможности. На Иманскомъ переселенческомъ пунктѣ Приморской области штатъ служащихъ совершенно недостаточенъ: одинъ завѣдывающій подрайономъ и два-три писаря. Переселенцамъ приходится ждать дня по три, а иногда по недѣлѣ, чтобы увидѣть завѣдывающаго и заявить ему о своихъ нуждахъ.

Хуже всего поставлено дѣло съ выдачею ссудъ на обзаведеніе. Переселенецъ можетъ получить ссуду по водвореніи на мѣстѣ. Признаками водворенія считаются постройки жилья, пріобрѣтеніе живого и мертваго инвентаря и посѣвъ хлѣба. Прежде всего производится расходъ на инвентарь и посѣвъ, на что истрачиваются всѣ средства. Но чиновникъ долженъ выѣхать на мѣсто, чтобы удостовѣриться, что поселенецъ водворился и обзавелся хозяйствомъ. А выѣзжать приходится за семьдесятъ верстъ и дальше. Выѣздовъ этихъ чиновники не успѣваютъ дѣлать. Иные переселенцы, имѣющіе всѣ права на ссуду, полу-

чаютъ отказъ. Другимъ выдается небольшая часть ссуды, въ размѣрѣ 10—15 рублей. Нѣкоторые, болѣе назойливые добиваются ссуды, вовсе не водворившись и не собираясь устраиваться на указанныхъ имъ мѣстахъ, и на полученныя деньги или переѣзжаютъ въ другую область, или возвращаются на родину. Между переселенцами распространяется брошюра: „Переселеніе въ Тургайскую область въ 1906-мъ году". Въ ней, между прочимъ, сказано: *каждая переселенческая семья при своемъ водвореніи можетъ получить ссуду въ размѣрѣ до 165 рублей.* Ю. Ю. Соколовскій пишетъ, что въ Актюбинскомъ уѣздѣ онъ не нашелъ ни одной семьи, которая получила бы ссуду въ обѣщанномъ размѣрѣ. Завѣдывающій отводомъ участковъ въ Тургайско-Уральскомъ районѣ просилъ кредита на ссуды, и то только для наиболѣе нуждающихся, въ 400 тыс. руб. Ему отпустили 65 тыс. руб., при чемъ рекомендовали расходовать ихъ возможно экономнѣе. Приходилось давать по 5, по 10 руб. Но на эти деньги ни коровы, ни коня не купишь. Такія подачки проѣдаются или пропиваются. А нуждающіеся показываютъ брошюру и поднимаютъ угрожающій шумъ. Дѣло иногда доходитъ до того, что приходится прятаться или рисковать жизнью.

Плохо поставлено и дѣло сельско-хозяйственныхъ складовъ на переселенческихъ пунктахъ. Областной земскій агентъ объ одномъ изъ такихъ складовъ въ Семирѣченской области разсказываетъ, что онъ засталъ тамъ только вывѣску, два поломанныхъ плуга, нѣсколько косъ и мелкихъ орудій. Денегъ на складъ не отпускаютъ; мѣстное переселенческое управленіе беретъ деньги изъ ассигновки на ссуды, покупаетъ на эти деньги орудія и раздаетъ ихъ въ счетъ ссудъ. Въ результатѣ выходитъ, что складъ не удовлетворяетъ и десятой части спроса. О складѣ въ Семипалатинской области полтавскій агентъ Гудима сообщаетъ, что складъ давалъ переселившимся орудія въ разсрочку, взимая $^1/_3$ цѣны, а остальное отсрочивая до 12-ти мѣсяцевъ. Семипалатинское переселенческое управленіе воспретило отпускъ изъ склада въ разсрочку. Многіе должны были отправиться на заработки, чтобы собрать денегъ на покупку орудій — а при невысокой заработной платѣ достигнуть этой цѣли очень трудно. На нѣкоторыхъ складахъ вовсе нѣтъ огородныхъ сѣмянъ; поселенцы, отдаленные отъ другихъ центровъ, часто не засѣваютъ огородовъ и платятъ за сотню капусты до 20 руб., а за пудъ картофеля до 45 коп.

Не лучше стоитъ дѣло и съ медицинской помощью, и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, и на переселенческихъ пунктахъ.

Харьковскій агентъ Абдулевскій пишетъ, что на станціи Раевка оказалось много больныхъ. Пошли на фельдшерскій пунктъ; оказалось, что тамъ нѣтъ ни медикаментовъ, ни перевязочныхъ средствъ. Фельдшерица объяснила, что уже три раза посылала за ними, но ничего не даютъ.—Вотъ что пишетъ г. Никольскій изъ Приморской области: больница на Никольскомъ переселенческомъ пунктѣ совершенно не отвѣчаетъ своему назначенію. Только въ іюнѣ она ремонтировалась, а тифозные больные въ это время помѣщались въ вагонахъ-теплушкахъ, при чемъ за каждый вагонъ переселенческое управленіе платило по 40 руб. въ сутки. Еще хуже было на Иманскомъ пунктѣ. Съ мая по іюнь здѣсь жило, въ среднемъ, ежедневно до 3-хъ тысячъ человѣкъ, а больница тамъ всего на 8 кроватей. Больныхъ пришлось помѣщать въ баракахъ и палаткахъ, въ повалку, не различая заразныхъ. Врачъ Иманскаго участка, г. Служалекъ, разсказывалъ г. Никольскому, что на участкахъ много больныхъ, но онъ не можетъ послать фельдшера, такъ какъ нѣтъ у него лекарствъ. На участкѣ нѣтъ колодца и бани. Такова забота объ охраненіи здоровья десятковъ тысячъ людей (половину которыхъ составляютъ женщины и дѣти), изнуренныхъ продолжительною дорогой въ ужасныхъ гигіеническихъ условіяхъ, обезсиленныхъ плохимъ питаніемъ. И все это потому, что не отпускаютъ своевременно денегъ.

Правительственные чиновники размѣщаютъ новые переселенческіе поселки по большей части не по близости къ прежнимъ поселеніямъ, а въ значительномъ отъ нихъ разстояніи, въ глуши. Отъ этого происходитъ много неудобствъ и даже бѣдствій. Полтавскій земскій агентъ Токаренко сообщаетъ, что въ Акмолинской области устроены поселки на разстояніи болѣе 150 верстъ отъ Акмолинска. Во многихъ поселкахъ нѣтъ мельницъ, и для помола нужно ѣхать или въ городъ, или въ прежнія поселенія, за 60 верстъ, платя за помолъ до 25 коп. за пудъ. Такое же сообщеніе дѣлаетъ агентъ Гудима о Семипалатинской области. Переселившіеся сюда крестьяне для помола зерна должны ѣздить въ городъ за сто и болѣе верстъ. Тамъ они еще должны ожидать очереди по два-три дня и платить за помолъ отъ 30 до 50 к. за пудъ.

Изъ немногихъ сообщеній земскихъ агентовъ о переселенцахъ, живущихъ уже въ азіатскихъ областяхъ по нѣскольку лѣтъ, можно заключить, что чиновники, надѣливъ переселенцамъ участки и устроивъ ихъ поселки, слагаютъ съ себя всякую о нихъ заботу. Агентъ Токаренко пишетъ, что въ поселкѣ Батпакѣ, Акмолин-

ской области, почти всѣ были при немъ больны тифомъ и цынгой; умирали ежедневно, а врача и даже фельдшера здѣсь не видали уже около двухъ лѣтъ.—Агентъ Купластъ сообщаетъ, что весьма многіе переселенцы Семирѣченской области ведутъ самое хищническое хозяйство. Сѣвооборотовъ нѣтъ. Удобренія вовсе не кладутъ. Обработка почвы самая небрежная: пашутъ только разъ, позднею весной. На сохраненіе запаса весенней влаги не обращаютъ никакого вниманія. Вообще спѣшатъ поскорѣе нажиться, нисколько не думая о будущемъ. Такіе же факты сообщаетъ полтавскій агентъ Гудима относительно Семипалатинской области. Онъ видѣлъ тамъ громадныя пространства, заросшія густыми бурьянами выше человѣческаго роста. Это—истощенныя, заброшенныя пашни.

Нѣкоторыя правительственныя распоряженія послѣдняго времени заставляютъ думать, что главное переселенческое управленіе находится въ полномъ невѣдѣніи относительно размѣровъ свободныхъ для заселенія площадей въ разныхъ азіатскихъ областяхъ. Во второй половинѣ 1908-го года главноуправляющій землеустройствомъ и земледѣліемъ увѣдомилъ по телеграфу губернаторовъ и переселенческіе районы Сибири, чтобы, въ виду возрастанія спроса на переселенческіе участки, соблюдать въ отводѣ земель особую бережливость. Указанный закономъ отводъ 15 десятинъ удобной земли на душу слѣдуетъ допускать лишь какъ исключеніе на трудныхъ для заселенія участкахъ. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ эта норма должна быть понижаема до размѣра, обезпечивающаго использованіе отводимыхъ участковъ полностью. Въ то же время правительственные чиновники уже воздерживаютъ переселенцевъ отъ стремленія въ разныя азіатскія области, поощряя переселенія только на Дальній Востокъ. Между тѣмъ цѣлый рядъ сообщеній земскихъ агентовъ показываетъ, что свободной земли въ этихъ областяхъ—непочатый край. Областной земскій агентъ Кулѣшовъ относительно трехъ лучшихъ уѣздовъ Енисейской губерніи разсчиталъ, что, за отчисленіемъ запаса земель для старожиловъ, по 20 дес. на душу, и за исключеніемъ лѣсовъ и неудобицы, останется еще въ этихъ уѣздахъ удобной для заселенія земли болѣе 18 мил. десятинъ. Громадныя площади свободной земли агенты указываютъ въ Кулундинской степи, въ Семирѣченской и Семипалатинской областяхъ, въ Алтайскомъ и Нерчинскомъ округахъ и въ другихъ азіатскихъ районахъ. Общее пространство этихъ земель превышаетъ 100 мил. десятинъ.

Относительно же дальняго Востока, кромѣ отзывовъ, изло-

женныхъ раньше, приведемъ еще сообщеніе областного агента Кириченка объ Амурской области. Онъ пишетъ, что проѣхалъ около 500 верстъ между рѣками Б. Пера, Ту и Зея. Впечатлѣніе—самое безотрадное. Все—сплошная тайга. Свободныхъ отъ лѣса пространствъ почти нѣтъ, а если и есть, то они заболочены или каменисты. Участки для заселенія нарѣзаны, но ни въ одномъ Кулѣшовъ не нашелъ ни клочка земли, пригоднаго для немедленной распашки. Нуженъ большой трудъ и капиталъ, чтобы сдѣлать эту землю годною для сельско-хозяйственнаго пользованія. Нужно потрудиться для этого три-четыре года, а жить въ это время придется покупнымъ хлѣбомъ. Притомъ, почва тамъ мало плодородна: черноземный слой всего около вершка толщиной.

Три экспедиціи рекогносцировочныхъ и одна научная, изслѣдовавшія въ минувшемъ году Амурскую область, пришли къ такимъ же неутѣшительнымъ заключеніямъ относительно большей части этой области.

Въ Благовѣщенскѣ г. Кириченко встрѣтилъ почти всѣхъ производителей работъ по нарѣзкѣ переселенческихъ участковъ въ этой области. Изъ бесѣдъ съ ними онъ убѣдился, что районы этихъ техниковъ ничѣмъ не отличаются отъ осмотрѣнныхъ имъ. Поэтому отъ зачисленія въ Амурской области участковъ за областной земскою организаціей г. Кириченко совсѣмъ отказался.

Изложеннаго, думается мнѣ, вполнѣ достаточно для совершенно опредѣленнаго вывода, что правительственная переселенческая организація функціонируетъ крайне неудовлетворительно. Правда, судя по газетнымъ сообщеніямъ послѣдняго времени, центральныя вѣдомства—вѣроятно, благодаря разоблаченіямъ земскихъ агентовъ, пытаются вводить въ переселенческое дѣло нѣкоторые коррективы. Недавно сообщено, что и самъ начальникъ главнаго переселенческаго управленія, г. Глинка, поѣхалъ за Уралъ заводить тамъ лучшіе порядки. Но какое могутъ имѣть значеніе въ такомъ большомъ дѣлѣ частичныя улучшенія, когда все чиновничество, служащее этому дѣлу, за рѣдкими счастливыми исключеніями, проникнуто мертвящимъ бюрократизмомъ, для котораго живой интересъ дѣла заслоняется формой и служебными разсчетами, — когда вся мѣстная администрація, какъ сообщаетъ Ю. Ю. Соколовскій, вообще крайне недоброжелательно относится къ переселенцамъ, доставляющимъ ей столько лишняго труда и хлопотъ? Вполнѣ очевидно, что здѣсь, какъ и во всѣхъ сторонахъ нашей общественной жизни, департаментскіе циркуляры, генеральскія командировки и ревизіи и даже строгости и кары по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ мало помо-

гутъ дѣлу. Такими мѣрами мертвый строй оживить нельзя. Нужно радикально его измѣнить на иныхъ, новыхъ началахъ.

Обозрѣвая результаты 1908-го года, прошлогодней переселенческой кампаніи, черниговская губернская земская управа заявляетъ, что она предприняла статистическое обслѣдованіе переселяющихся и отчасти уже переселившихся изъ губерніи и, обработавъ полученныя данныя, опубликуетъ ихъ. Въ этомъ обслѣдованіи она имѣетъ въ виду выяснить вопросы: что̀ именно вынуждаетъ черниговцевъ переселяться; сколько переселяющіеся оставляютъ земли на родинѣ; сколько увозятъ съ собой денегъ; какъ устраиваются въ азіатской Россіи; сколько ихъ возвращается обратно, и почему; къ кому переходятъ земля и имущество переселяющихся и вообще въ чемъ выражается вліяніе переселенія на экономическую жизнь остающихся? А что это вліяніе, особенно для нѣкоторыхъ уѣздовъ, весьма значительно—видно изъ приблизительныхъ цифръ, приводимыхъ управою относительно переселенцевъ изъ Суражскаго уѣзда. Изъ этого уѣзда за послѣдніе три года выселилось до 20-ти тыс. душъ. Наличныхъ денегъ и имущества они вывезли на сумму около 2 мил. руб. Оставили они въ уѣздѣ земли отъ 10-ти до 15-ти тыс. десятинъ.

Губернская управа имѣетъ въ виду разработать подробныя данныя, имѣющіяся на челябинскомъ переселенческомъ пунктѣ о выселившихся изъ Черниговской губерніи за послѣдніе годы и о возвратившихся на родину, а затѣмъ, при отдѣлѣ текущей статистики земскаго оцѣночно-статистическаго бюро, организовать регистрацію и разработку всѣхъ данныхъ, касающихся переселеній изъ губерніи.

Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ ко всему, что̀ сдѣлано и предпринято и областной земскою организаціей, и черниговскимъ земствомъ въ дѣлѣ помощи переселенцамъ. Но наше земство, къ сожалѣнію, не беретъ на себя весьма важной стороны дѣла — участія въ ликвидаціи имущества уходящихъ переселенцевъ. Намъ извѣстны случаи, когда усадьбы, постройки, пахатная и сѣнокосная земля, не говоря уже о движимомъ имуществѣ, продавались вдвое дешевле обыкновенной цѣны. Харьковская губернская управа въ своемъ отчетѣ за 1908-ой годъ сообщаетъ, что земля и имущество переселяющихся нерѣдко продаются за $^1/_3$ и даже за $^1/_4$ настоящей цѣны. И при этомъ очень важно, что все продаваемое достается не нуждающимся, у которыхъ для покупки нѣтъ средствъ, а самымъ состоятельнымъ, давая имъ лишнія средства для эксплуатаціи бѣдняковъ. Земство могло бы земли и усадьбы переселен-

цевъ оставлять за собой, выдавая имъ авансы, и затѣмъ распродавать это имущество, на льготныхъ условіяхъ, болѣе въ немъ нуждающимся. Это значительно увеличило бы ресурсы переселенцевъ для водворенія на новыхъ мѣстахъ.

Къ сожалѣнію, мы еще не имѣемъ полныхъ свѣдѣній о размѣрахъ переселенческаго движенія въ 1909-мъ году, да и рано еще подводить итоги этого движенія. Изъ отдѣльныхъ сообщеній можно заключить, что оно будетъ гораздо больше прошлогодняго. Въ черниговскомъ „Земскомъ Сборникѣ" за май 1909-го года помѣщено небольшое сообщеніе переселенческаго агента Косменка, объѣхавшаго въ минувшемъ апрѣлѣ станціи отправленія переселенческихъ поѣздовъ въ Черниговской губерніи. Г. Косменко встрѣчалъ немало партій ходоковъ и переселенцевъ изъ Черниговской, Полтавской и западныхъ губерній, вступалъ съ ними по возможности въ бесѣды и давалъ имъ разные совѣты и указанія. Огромное большинство уѣзжавшихъ отправлялись безъ льготныхъ свидѣтельствъ, съ паспортами, по высокому тарифу, на свой рискъ и страхъ. Предостереженіе г. Косменка, что ѣдущіе безъ предварительнаго зачисленія за ними земельныхъ долей могутъ оказаться въ самомъ затруднительномъ положеніи, никого не убѣждало. Многіе говорили, что они сами съумѣютъ найти себѣ доли. Другіе выражали надежду, что найдутъ гдѣ-нибудь мѣсто для себя, и что хуже, чѣмъ теперь дома, въ Сибири быть не можетъ. Всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что дома житья нѣтъ, и неудержимо рвутся за Уралъ, къ новой жизни. Въ Новозыбковѣ членъ землеустроительной коммиссіи разсказывалъ г. Косменку, что желающихъ ѣхать ходоками тысячи, а возможно удовлетворять только десятки.

Волна расколыхалась такъ сильно, что начавшіяся уже чиновничьи старанія удержать ее оказываются безсильными. Такія массовыя стихійныя движенія очень заразительны. Очень можетъ быть, что волна, захватившая до сихъ поръ, главнымъ образомъ, южныя и западныя земледѣльческія губерніи, распространится въ недалекомъ будущемъ и на другія мѣстности Европейской Россіи, гдѣ также „житья нѣтъ".

Какія измѣненія произойдутъ тогда во всѣхъ экономическихъ отношеніяхъ? Что̀ будетъ съ милліонами десятинъ купленной крестьянскимъ банкомъ земли, которую и теперь покупаютъ очень неохотно? Что̀ станется со всѣми петербургскими землеустроительными затѣями?

P.-S.—Настоящая статья начата печатаньемъ, когда уже заканчивалась переселенческая кампанія 1909-го года. Полныхъ свѣдѣній о ходѣ и результатахъ этой кампаніи еще нѣтъ, и итоги ея не сведены; но мы считаемъ долгомъ сообщить, хотя вкратцѣ, нѣкоторыя имѣющіяся въ распоряженіи черниговской губернской управы данныя, освѣщающія современное положеніе переселенческаго дѣла.

Переселенческое движеніе въ 1909-мъ году было громадно. Агентъ черниговскаго губернскаго земства, Косменко-Загорскій, командированный въ маѣ за Уралъ, сообщаетъ, что на пути онъ обгонялъ огромныя толпы ходоковъ и переселенцевъ. Черезъ Пензу ихъ проѣзжало *ежедневно* отъ пяти до шести тысячъ человѣкъ. Насколько могъ г. Косменко выяснить, не менѣе половины переселенцевъ и большая часть ходоковъ ѣхали не организованными партіями, съ льготными билетами, а самовольно, на свой счетъ и рискъ [1]). На всѣ указанія г. Косменка о трудности найти свободные участки, которыхъ не хватаетъ и для ѣдущихъ по льготнымъ свидѣтельствамъ,—всѣ эти искатели обѣтованныхъ земель не обращали никакого вниманія: вернуться къ прежнимъ, опостылѣвшимъ условіямъ жизни никто изъ нихъ не хотѣлъ.

Изъ обзора дѣятельности южной областной земской переселенческой организаціи въ теченіе весны и лѣта 1909-го года видно, что переселенческая кампанія этого года протекала при гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ въ предъидущемъ году. Въ распоряженіи областного бюро было теперь уже 24 агента, размѣщенныхъ большею частью въ западныхъ азіатскихъ областяхъ. Большинство этихъ агентовъ, имѣя уже нѣкоторую опытность и обладая довольно полными свѣдѣніями о мѣстныхъ условіяхъ отведенныхъ въ ихъ вѣдѣніе районовъ, могли руководить прибывающими партіями. Въ результатѣ оказалось, что изъ назначенныхъ черниговцамъ земельныхъ долей использовано ими въ 1909-мъ году отъ 54 до 87%, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ использованъ весь заготовленный земельный фондъ, даже съ превышеніемъ,—тогда какъ въ 1909-мъ году огромный процентъ явившихся, не найдя достаточныхъ указаній и руководства, возвращался домой, напрасно потративъ время и деньги.

Въ 1909-мъ году осенняя ходоческая кампанія была закрыта, вслѣдствіе чего земскіе агенты уже съ 1-го іюля приступили

---

[1]) По регистраціи Челябинскаго переселенческаго пункта, до 30-го сентября 1909 г. проѣхало черниговцевъ обоего пола 31.168 душъ, изъ нихъ организованными партіями—20.126 и самовольно—11.042.

къ ознакомленію съ земельнымъ фондомъ, заготовляемымъ для переселенцевъ на весну 1910-го года, и даже къ участію въ землеотводныхъ работахъ. Поэтому есть основаніе ожидать, что въ нынѣшнемъ году земское содѣйствіе водворенію переселенцевъ въ Азіи будетъ гораздо плодотворнѣе, чѣмъ до настоящаго времени.

Изъ имѣющихся въ губернской управѣ данныхъ и изъ сообщеній того же г. Косменка видно, однако, что въ этомъ дѣлѣ есть еще цѣлый рядъ отрицательныхъ сторонъ, скорѣйшее устраненіе которыхъ является насущно необходимымъ.

Ходоки, отправляясь съ мѣста, совершенно не освѣдомлены о тѣхъ областяхъ, куда они направляютъ путь, и судятъ о нихъ только по разнымъ вздорнымъ слухамъ. Можно надѣяться, что это зло будетъ скоро въ значительной степени устранено: полтавское областное бюро приступаетъ къ изданію ряда брошюръ и листковъ съ маршрутами и краткимъ описаніемъ почвенныхъ и другихъ условій разныхъ азіатскихъ районовъ, предназначенныхъ для переселенія.

Руководство ходоками очень затрудняется тѣмъ, что обыкновенно они являются на мѣста по 2—5 человѣкъ, и агенты, при громадныхъ разстояніяхъ, не имѣютъ возможности сопровождать каждую такую партію для осмотра земель. Въ послѣднемъ черниговскомъ губернскомъ земскомъ собраніи рѣшено принять всевозможныя мѣры, чтобы ходоки прибывали большими партіями, къ установленнымъ срокамъ.

Землемѣровъ въ азіатскихъ областяхъ чрезвычайно мало, поэтому нарѣзка новыхъ участковъ для переселенія идетъ очень медленно. Тяжелѣе всего недостатокъ землемѣровъ отражается на занявшихъ уже назначенныя имъ земельныя доли. Строиться они могутъ только послѣ нарѣзки усадьбы. И ждутъ эти несчастные прибытія землемѣра по нѣскольку мѣсяцевъ, живя въ это время подъ открытымъ небомъ или въ плохихъ землянкахъ, подвергаясь всякимъ болѣзнямъ и быстро наполняя новыя кладбища.

Много бѣдъ испытываютъ переселенцы и потому, что правительственныя ссуды постоянно задерживаются, выдаются небольшими суммами, по 15—20 р. на семью, а иногда въ ссудахъ и совсѣмъ отказываютъ, по неимѣнію кредита. Ссуды выдаютъ, притомъ, только тогда, когда переселенецъ возвелъ постройки и обзавелся хозяйствомъ.

Объ увеличеніи штата землемѣровъ и о болѣе правильной и своевременной выдачѣ ссудъ губернское собраніе рѣшило представить ходатайство въ главное переселенческое управленіе.

Изъ разныхъ сообщеній послѣдняго времени можно убѣдиться въ томъ, что высказываемыя иногда опасенія, будто бы запасъ свободныхъ земель за Ураломъ уже невеликъ и близокъ къ истощенію, недостаточно обоснованы. Въ настоящее время разрѣшено отводить участки для переселенія въ Семирѣченской и Ферганской областяхъ. Обширныя пространства земли нарѣзываются и въ азіатскихъ районахъ, и раньше открытыхъ для переселяющихся.

В. Хижняковъ.

БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНІЕ

И

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПОДБОРЪ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА.

Авторъ печатаемой статьи, редакторъ „Международнаго Обозрѣнія Соціологіи",—одинъ изъ извѣстныхъ соціологовъ Франціи. Онъ получилъ въ полномъ смыслѣ слова энциклопедическую подготовку въ той самой Ecole Normale, изъ которой вышли одинаково и Тэнъ, и Пастёръ. Вормсъ держалъ экзаменъ и на естественномъ факультетѣ, и на юридическомъ и на словесномъ. Онъ докторъ правъ столько же, сколько и докторъ политической экономіи, и докторъ словесности. Онъ успѣшно, въ моемъ присутствіи, подвергся конкурсу на званіе профессора и въ теченіе ряда лѣтъ занималъ каѳедру въ Канѣ (въ Нормандіи), служа одновременно въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ онъ нынѣ, на правахъ рекетмейстера, подготовляетъ рѣшенія по сложнымъ вопросамъ, подлежащимъ судебно-административному разбирательству высшей бюрократической коллегіи Франціи. Его сочиненія касаются самыхъ разнообразныхъ вопросовъ. Однимъ изъ первыхъ былъ трактатъ объ „Этикѣ" Спинозы, нѣсколько лѣтъ назадъ переведенный на русскій языкъ.

Имя ему составило, однако, не это сочиненіе и не интересная юридическая диссертація о „ходатайствѣ въ чужомъ интересѣ", а прекрасно написанная, хотя вызывающая не одно возраженіе книга, озаглавленная: „Организмъ и общество". Мысли, въ ней

развитыя—тѣ же, защита которыхъ сдѣлала извѣстность и Лиліенфельда, и Шеффле, и до нѣкоторой степени самого Герберта Спенсера съ его теоріей общества-суперорганизма.

Немудрено, поэтому, если въ средѣ послѣдователей органической теоріи Вормсъ искалъ и первыхъ членовъ затѣяннаго имъ международнаго института соціологіи. Спрошенный имъ Спенсеръ отвѣтилъ, что ни въ одно общество онъ не вступилъ бы болѣе охотно, еслибъ не принятое имъ рѣшеніе держаться въ сторонѣ отъ всѣхъ. Онъ успѣлъ уже отклонить лестныя предложенія французскаго института и римской академіи dei Lincei. Ему невозможно, поэтому, никого не оскорбляя, вступить въ ряды новаго института.

Но чего не могъ сдѣлать творецъ „Синтетической философіи", на то охотно пошелъ, съ его вѣдома, Джонъ Лэббокъ, извѣстный авторъ „Происхожденія цивилизаціи". Подъ его предсѣдательствомъ открылся въ Парижѣ, почти два десятка лѣтъ тому назадъ, первый конгрессъ международнаго института соціологіи. На немъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ представителями разныхъ національностей и самыхъ различныхъ направленій соціологической мысли. Заслугой Вормса надо признать его терпимость, полное отсутствіе въ немъ той ортодоксальности, которою страдаютъ, напримѣръ, французскіе и англійскіе контисты, такъ мало подвинувшіе, поэтому, основанную ихъ учителемъ науку.

На съѣздахъ соціологовъ института я встрѣтился съ представителями столь противоположныхъ теченій, какъ органическая теорія общества и психологическая школа въ соціологіи. Рядомъ съ Лиліенфельдомъ и позднѣе Штейномъ засѣдали Тардъ, Бальдвинъ и Лестеръ Уордъ. Этнографы-соціологи были также широко представлены, начиная съ Летурно и оканчивая Штейнмецомъ. Изъ русскихъ на конгрессахъ бывали, кромѣ меня, Е. де-Роберти, проф. Карѣевъ, Гальперинъ и другіе.

Институтъ выпустилъ два десятка сочиненій, посвященныхъ соціологіи общей и описательной. Нѣкоторые прочитанные на его съѣздахъ мемуары вошли въ составъ цѣлаго ряда толстыхъ сборниковъ, выдерживающихъ сравненіе съ тѣми „Соціологическими Ежегодниками", которые одно время издавалъ не вошедшій въ составъ института французскій соціологъ и профессоръ Сорбонны, Дюркгеймъ.

Сверхъ международнаго института Вормсъ создалъ и открытое для широкихъ слоевъ парижское соціологическое общество. Оно собирается ежемѣсячно, включаетъ въ себѣ болѣе сотни членовъ обоего пола и посвящаетъ нерѣдко десятки за-

сѣданій обсужденію одного какого-нибудь крупнаго вопроса, каковы, напр., различные общественные типы, характеръ и виды классовой организаціи. Парижское общество соціологіи присуждало и преміи за сочиненія, написанныя на заданныя имъ темы. Одной изъ нихъ было изученіе природы переворотовъ. Премія была создана покойнымъ княземъ Тенишевымъ, русскимъ коммиссаромъ на международной выставкѣ 1900-го года.

Благодаря настояніямъ бывшаго военнаго министра, генерала Андрэ, соціологическое общество въ Парижѣ, а за нимъ и международный институтъ, признаны были d'utilité publique государственнымъ совѣтомъ, т.-е. пріобрѣли права корпораціи, могутъ получать пожертвованія и владѣть недвижимымъ и движимымъ имуществомъ.

Въ теченіе всего времени существованія обоихъ учрежденій Ренэ Вормсъ неизмѣнно оставался ихъ ученымъ секретаремъ, опредѣлялъ ходъ ихъ занятій и занимался ихъ изданіями.

Въ библіотекѣ института отпечатано имъ два года назадъ и трехтомное сочиненіе, посвященное методу и основнымъ выводамъ соціальной философіи.

Предлагаемая ниже статья должна войти въ составъ обширнаго сочиненія, посвященнаго отношенію біологіи къ соціологіи.

Закончимъ эту замѣтку указаніемъ, что въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ Ренэ Вормсъ преподавалъ соціологію Огюста Конта въ парижской школѣ общественныхъ наукъ, а съ нынѣшняго года, замѣщая извѣстнаго Бергсона въ Collège de France, читаетъ въ немъ „Курсъ новой философіи".

Максимъ Ковалевскій.

I.

Для Дарвина важнѣйшимъ фактомъ эволюціи является борьба за существованіе и естественный подборъ. Объяснимъ, что̀ значатъ эти термины на языкѣ біологовъ; мы покажемъ затѣмъ, въ какой мѣрѣ ихъ можно переносить и въ область соціальной жизни. Уже Ламаркъ говорилъ о борьбѣ живыхъ организмовъ между собой. Мальтусъ, въ своемъ „Опытѣ принциповъ населенія" (1799 г.), впервые высказалъ то начало, отъ котораго исходитъ Дарвинъ. Ни Ламаркъ, ни Мальтусъ не остановились, однако, на тѣхъ выводахъ, къ которымъ пришелъ Дарвинъ. Такъ какъ у него эта теорія получила законченный

видъ, то въ его сочиненіяхъ, и въ частности въ „Происхожденіи видовъ“, мы и будемъ искать краткой передачи ея основныхъ положеній. Дарвинъ различаетъ три вида подбора. Онъ говоритъ, прежде всего, о подборѣ искусственномъ—томъ подборѣ, къ которому обращаются съ цѣлью улучшенія породы растеній или ручныхъ животныхъ. Для этого берутъ экземпляры, почитаемые наиболѣе совершенными, и даютъ имъ однимъ возможность размноженія. Этотъ фактъ, хорошо извѣстный зоологамъ, не находилъ никакого опредѣленнаго мѣста въ ихъ системахъ, ранѣе Дарвина. Новизна, внесенная послѣднимъ, состоитъ въ допущеніи, что природа въ бо̀льшемъ размѣрѣ производитъ то же, что̀ дѣлаютъ люди, озабоченные усовершенствованіемъ породы растеній или животныхъ. Такимъ образомъ отъ искусственнаго подбора мы переходимъ къ естественному, но этотъ послѣдній имѣетъ также нѣсколько видовъ. Одинъ изъ нихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Дарвинъ называетъ его половымъ подборомъ. Самки не одинаково охотно допускаютъ къ себѣ всѣхъ самцовъ; между послѣдними устанавливается своего рода конкуренція изъ-за обладанія ими; побѣда остается за тѣми, которымъ превосходство обезпечено нѣкоторымъ природнымъ преимуществомъ. Это преимущество передается къ нисходящимъ отъ возникшаго такимъ образомъ союза. Самцы же, менѣе счастливо одаренные, не оставляютъ потомства; вотъ какимъ порядкомъ обезпечивается усовершенствованіе нисходящихъ.

Рядомъ съ половымъ подборомъ существуетъ и другой, не носящій особаго имени, такъ какъ онъ наиболѣе обычный; его можно было бы назвать естественнымъ подборомъ въ широкомъ смыслѣ. Онъ обусловливается борьбою за существованіе, оканчивающеюся побѣдой лучше приспособленныхъ къ ней. Можно сказать, что половой подборъ составляетъ только частный случай этого болѣе общаго; вѣдь борьба за обладаніе самкою есть одна изъ формъ борьбы за существованіе; обладаніе въ данномъ случаѣ является средствомъ къ улучшенію собственнаго существованія, а также и средствомъ продолжить его воспроизведеніемъ самого себя въ потомствѣ; но можно также смотрѣть на эти два вида борьбы, какъ на независимые другъ отъ друга. Первый и болѣе общій направленъ къ пріобрѣтенію питательныхъ продуктовъ, въ строгомъ смыслѣ необходимыхъ для существованія, тогда какъ половая борьба имѣетъ ближайшей цѣлью удовольствіе, а дальнѣйшей — размноженіе породы; она менѣе хищна и жестока, чѣмъ борьба за существованіе; послѣдствіемъ ея не является полное истребленіе побѣжденнаго, а только лишеніе его возможности

имѣть потомство. Каковы бы, впрочемъ, ни были отношенія между этими двумя видами подбора, мы сосредоточимъ наше вниманіе на томъ, который мы назвали естественнымъ подборомъ въ общемъ смыслѣ слова. Мы спросимъ себя: какова его причина, каковъ процессъ его развитія и каковы доставляемые имъ результаты? Причина лежитъ, несомнѣнно, въ недостаточности средствъ питанія для всѣхъ появляющихся на свѣтъ живыхъ организмовъ. Въ этомъ отношеніи Дарвинъ, какъ онъ самъ сознается, примыкаетъ къ Мальтусу. Говоря объ одномъ человѣческомъ родѣ, послѣдній разсуждалъ такъ: природа соединила съ актомъ воспроизведенія извѣстное удовольствіе; по этой причинѣ къ нему обращаются охотно, а слѣдствіемъ этого является широкое размноженіе людей. Что же касается до воспроизведенія съѣстныхъ продуктовъ, то природа связала съ нимъ необходимость усилія и извѣстнаго страданія; вотъ почему къ нему прибѣгаютъ неохотно, а подчиняясь нуждѣ; послѣдствіемъ же этого является то, что голодъ постоянно грозитъ людямъ. Однимъ словомъ, населеніе стремится къ размноженію въ геометрической прогрессіи, тогда какъ средства къ существованію растутъ, самое большее, въ ариѳметической прогрессіи. Отсюда то послѣдствіе, что между населеніемъ и средствами существованія вскорѣ нарушается всякое равновѣсіе; становится необходимымъ, чтобы часть населенія вымерла, дабы оставшимся въ живыхъ хватило средствъ. Войны, голодовки, эпидеміи устраняютъ этотъ избытокъ населенія; они являются препятствіемъ къ чрезмѣрному его размноженію. На правахъ моралиста и экономиста Мальтусъ желалъ бы создать для этого роста препятствія, вытекающія изъ человѣческаго разума; онъ желалъ бы, чтобы человѣкъ вступалъ въ бракъ не раньше, какъ обезпечивъ семью необходимыми средствами существованія.

Дарвинъ усвоиваетъ себѣ основной принципъ Мальтуса, который онъ называетъ закономъ размноженія живыхъ существъ въ геометрической прогрессіи. Онъ обобщаетъ его: тогда какъ Мальтусъ думалъ ограничить сферу его дѣйствія одной человѣческой породой, Дарвинъ обращаетъ его въ универсальный законъ всѣхъ живыхъ существъ. Разъ будетъ признана тенденція всѣхъ животныхъ и растительныхъ породъ къ чрезмѣрному размноженію, естественно слѣдуетъ, что его необходимо вернуть къ нормальному размѣру съ помощью возникающей между ними конкуренціи. Вѣдь средствъ существованія не хватаетъ для всѣхъ, а такъ какъ всѣ желаютъ жить, то между ними происходитъ столкновеніе; менѣе одаренные истребляются болѣе одаренными. Борьба за существованіе вытекаетъ, такимъ образомъ, изъ того,

что шаръ земной имѣетъ избытокъ населенія. Дарвинъ занимается вопросомъ о борьбѣ за существованіе между отдѣльными породами. Борьба между индивидами, принадлежащими къ одному виду, занимаетъ его постольку, поскольку она является половою, а не просто борьбой за существованіе. Въ его глазахъ каждый видъ представляетъ собою нѣчто цѣлое; индивиды, входящіе въ его составъ, солидарны между собою. Если не выходить изъ области біологіи, то Дарвинъ въ этомъ отношеніи совершенно правъ; но когда пожелаютъ распространить его взгляды на общественную жизнь людей, придется имѣть въ виду борьбу ихъ между собою, т.-е. борьбу индивидуальныхъ особей одного и того же вида. По мнѣнію Дарвина, борьба тѣмъ немилосерднѣе, чѣмъ ближе виды стоятъ органически другъ къ другу. Оно и понятно, такъ какъ особенно близкіе другъ къ другу виды естественно ищутъ одинаковой пищи; имъ приходится поэтому вступать въ прямое соперничество между собой; наоборотъ, два вида, далекіе другъ отъ друга, интересуются разной пищей, не вступаютъ изъ-за нея въ конфликтъ и могутъ поэтому существовать рядомъ на одной и той же территоріи. Рѣзкій характеръ борьбы между двумя сосѣдними видами объясняетъ намъ причину, по которой видъ переходный между ними рискуетъ быть истребленнымъ, такъ какъ подвергается опасности съ обѣихъ сторонъ; это обстоятельство объясняетъ намъ исчезновеніе переходныхъ типовъ; оно даетъ ключъ къ пониманію того, какъ точно прервалась цѣпь преемства между различными формами природы.

Послѣдствіемъ борьбы, какъ мы уже сказали, является исчезновеніе побѣжденныхъ; они или истреблены, или поставлены болѣе счастливыми конкурентами въ необходимость покинуть единственно удобную для нихъ мѣстность. „Мысль объ этой универсальной борьбѣ — пишетъ Дарвинъ — печальна, но чтобы утѣшиться, мы не должны терять изъ виду, что естественная война не безконечна, что въ ней отсутствуетъ элементъ страха, что смерть наступаетъ при ней съ большой быстротой и что наиболѣе сильныя, здоровыя и счастливыя существа переживаютъ остальныхъ и размножаются“. „Послѣдствія же этихъ битвъ— говоритъ далѣе Дарвинъ—выступаютъ въ прогрессѣ всѣхъ организованныхъ существъ, т.-е. въ ихъ размноженіи и трансформаціи; наименѣе слабые обречены на вѣрную, но быструю кончину. Наоборотъ, мы имѣемъ постоянный подборъ болѣе сильныхъ для продолжительнаго и счастливаго существованія, продолженнаго многочисленнымъ и цвѣтущимъ потомствомъ... Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, эта печальная необходимость приводитъ къ

очень счастливому исходу. Изъ естественной войны, голода и смерти, непосредственно вытекаетъ самый желательный результатъ: медленное образованіе существъ высшаго порядка".

Итакъ, не одно измѣненіе, но и усовершенствованіе организма, обусловливается борьбою за существованіе. Наиболѣе одаренные остаются въ живыхъ и передаютъ свои преимущества потомству, а изъ этого послѣдняго одни наиболѣе даровитые одерживаютъ побѣду и пускаютъ корни въ почву. Все это такъ, все это несомнѣнно; но кого считать наиболѣе даровитыми, наиболѣе способными? Трудно сказать это напередъ; смотря по обстоятельствамъ ими будутъ то наиболѣе здоровые, то наиболѣе подвижные, то наиболѣе хитрые и т. д. Одинъ исходъ сраженія скажетъ, кто былъ лучше. Такимъ образомъ, употребляемая Дарвиномъ формула: „переживаетъ другихъ наиболѣе приспособленный" является несомнѣнно истинною, но въ то же время это — и тавтологія. Формула не вызываетъ сомнѣній, но она точно ничего не опредѣляетъ.

II.

Спросимъ себя теперь, насколько примѣнимы взгляды Дарвина къ общественному порядку? Прежде всего мы должны установить два положенія: во-первыхъ, не можетъ быть рѣчи о столкновеніи между двумя видами, такъ какъ человѣчество въ его цѣломъ, человѣчество, у котораго мы только и изучаемъ общественные факты, образуетъ изъ себя всего-на-всего одинъ видъ. Мы будемъ имѣть дѣло раньше всего съ борьбою индивидовъ, членовъ человѣческаго рода, а затѣмъ уже перейдемъ къ борьбѣ людскихъ группъ, государствъ и различныхъ человѣческихъ союзовъ. Борьба въ предѣлахъ человѣческаго царства должна, очевидно, сохранить извѣстное число тѣхъ самыхъ чертъ, съ какими она выступаетъ въ царствѣ животныхъ; но несомнѣнно также, что она носитъ и нѣкоторыя особенности. Человѣкъ—животное разумное и нравственное; въ этомъ отношеніи онъ составляетъ исключеніе изъ числа другихъ животныхъ; очевидно, и весь образъ его поведенія получаетъ отъ этого другую окраску; враждебныя столкновенія его съ другими существами одной съ нимъ породы должны отразить на себѣ эту особенность. Та борьба за существованіе, въ которой онъ участвуетъ, становится болѣе сложной, благодаря проявленію въ ней и этихъ психическихъ факторовъ. Имѣя въ виду сказанное, спросимъ себя, чѣмъ

обнаруживается начало подбора среди людей? Мы полагаемъ, что оно сказывается въ тѣхъ трехъ направленіяхъ, какія были указаны Дарвиномъ въ примѣненіи къ животному міру. Другими словами, въ мірѣ людей мы имѣемъ, рядомъ съ искусственнымъ половымъ подборомъ, и подборъ естественный въ общемъ смыслѣ слова. Случаи искусственнаго подбора не особенно часты, но они все же имѣются на-лицо. Геккель говоритъ о спартанцахъ и въ равной степени о краснокожихъ, что они выбирали между новорожденными самыхъ сильныхъ и здоровыхъ и ихъ однихъ не подвергали истребленію; въ древней Греціи, когда основывали колонію, въ число первыхъ поселенцевъ ея брали опять-таки людей крѣпкаго сложенія и доблестныхъ. Король прусскій Фридрихъ II, чтобы обезпечить своему войску образцовый отрядъ, составилъ цѣлый полкъ померанскихъ гренадеровъ изъ людей высокаго роста и приказалъ отыскать имъ женъ такого же роста и здороваго сложенія. Что касается до полового подбора, то въ современныхъ гражданственностяхъ онъ зависитъ отъ того выбора, какой молодая дѣвушка или тѣ, кто дѣйствуетъ отъ ея имени—отецъ, дѣдъ—дѣлаютъ между женихами; ошибочно было бы думать, что женщины, наиболѣе счастливо одаренныя, въ такихъ условіяхъ достанутся мужчинамъ наиболѣе выдающимся, и что потомство отъ такихъ браковъ соединитъ въ себѣ счастливыя качества обоихъ восходящихъ; практика показываетъ, что причины, обусловливающія выборъ невѣстой жениха и наоборотъ, нерѣдко опредѣляются однимъ денежнымъ разсчетомъ и потому не могутъ имѣть вышеуказанныхъ послѣдствій.

Остается затѣмъ сказать о естественномъ подборѣ въ общемъ смыслѣ слова. Соперничество—вещь обычная между индивидами одной группы, какъ и въ жизни животныхъ организмовъ; цѣлью его является обезпеченіе пропитанія. Но въ обществѣ людей оно получаетъ болѣе широкій смыслъ: подъ это понятіе нужно подвести все то, что питаетъ честолюбіе, т.-е., въ частности, достиженіе богатства, власти, почестей. Борьба и на этотъ разъ вызывается тѣмъ, что указанныя преимущества количественно ограничены, что ихъ не хватаетъ для удовлетворенія всѣхъ аппетитовъ. Процессъ, въ которомъ сказывается эта борьба, принимаетъ форму конкуренціи между наиболѣе близкими другъ къ другу людьми: каждый обыкновенно желаетъ имѣть тѣ блага, которыя видитъ въ рукахъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ знается: родныхъ, сосѣдей, членовъ одного съ нимъ общества, товарищей; отсюда происходятъ тѣ соперничества, которыя, какъ замѣтилъ еще Спиноза, потому уже особенно рѣзки, что происходятъ въ

интимной средѣ. Эта конкуренція выступаетъ во всѣхъ сферахъ общественной жизни: въ области экономической, какъ и въ сферѣ умственной, въ религіи столько же, сколько и въ политикѣ. Логически эта борьба должна была бы всегда оканчиваться побѣдою наиболѣе способныхъ. Легко понять, что причины, обезпечивающія имъ успѣхъ, болѣе различны по своей природѣ, чѣмъ тѣ, какія обезпечиваютъ успѣхъ въ мірѣ растеній и животныхъ. Эти причины сводятся главнымъ образомъ къ умственнымъ качествамъ, по крайней мѣрѣ при современномъ уровнѣ цивилизаціи; но сами эти качества должны быть различны: въ одномъ случаѣ это можетъ быть тонкость ума, въ другомъ — его энергія; то способность привлечь къ своему труду рабочихъ помощниковъ, то, наоборотъ, рѣзко выраженная индивидуальность и независимость отъ чужой помощи. Но каковы бы ни были эти качества, они всегда одинаково проявляютъ себя въ борьбѣ; исходъ борьбы сводится къ обезпеченію побѣды тому, кто обладаетъ наивысшими качествами и получаетъ, поэтому, то удовлетвореніе, къ которому всѣ стремятся. Борьба приводитъ, такимъ образомъ, къ торжеству лучшихъ; она обезпечиваетъ имъ выгоды ихъ превосходства; тѣмъ самымъ она усиливаетъ послѣднее и окончательно закрѣпляетъ его за тѣмъ, кто обладалъ имъ; она содѣйствуетъ, такимъ образомъ, нахожденію и усиленію избранныхъ; она опредѣляетъ собою подборъ въ обществѣ высшихъ индивидуальностей. Такимъ образомъ можно отмѣтить параллелизмъ между этимъ видомъ подбора и подборомъ у высшихъ породъ животнаго царства, которымъ занимался Дарвинъ; этотъ параллелизмъ сказывается какъ въ исходныхъ моментахъ развитія, такъ и въ самомъ его процессѣ.

Но достаточно нѣкотораго размышленія, чтобы отмѣтить и различія; они разнаго рода. Во-первыхъ, способы борьбы и ея результаты менѣе жестоки въ средѣ людей, чѣмъ въ животномъ царствѣ. Вліяніе цивилизаціи сказывается на нихъ: схватка съ оружіемъ въ рукахъ запрещена членамъ одного и того же общества; физическое насиліе уступаетъ мѣсто менѣе грубому столкновенію умовъ и краснорѣчій; бой на кулачкахъ и военный турниръ замѣняются конкуренціей во всѣхъ ея формахъ. Какъ послѣдствіе этого, побѣжденный не лишается необходимо возможности всякаго дальнѣйшаго спора: его не только не убиваютъ и не изгоняютъ, но у него не отнимаютъ обыкновенно и тѣхъ средствъ существованія, которыми онъ располагалъ прежде; задержана для него только возможность дальнѣйшаго расширенія сферы своего вліянія, остановлены его дальнѣйшіе успѣхи, ка-

кой бы общественной функціи онъ ни служилъ. Существуютъ, правда, обстоятельства, въ которыхъ такое лицо можетъ оказаться лишеннымъ всякаго заработка; такъ, индустріальная борьба можетъ окончиться закрытіемъ того или другого предпріятія. Самая жестокая сторона такого соперничества между двумя предпринимателями — та, что голодаютъ въ равной степени рабочіе обоихъ; но такіе факты рѣдки и уволенные труженики находятъ для себя часто на короткомъ разстояніи новое занятіе. Нормальный порядокъ, такимъ образомъ, тотъ, что пораженіе въ соціальной борьбѣ не убиваетъ жертву; оно только заставляетъ ее удовольствоваться положеніемъ болѣе скромнымъ, чѣмъ то, какое она желала занять. Послѣдствіе борьбы — фиксированіе рамокъ для каждаго изъ борющихся. Мы увидимъ, каково значеніе этого факта, когда намъ придется опредѣлить вліяніе начала подбора.

Отмѣтимъ также тѣ феномены, которые въ сферѣ общественной жизни искажаютъ условія конкуренціи и не позволяютъ ей дать результатовъ желательныхъ для общаго прогресса. Факты, благодаря которымъ подборъ лучшихъ не происходитъ правильно, могутъ быть обозначены терминомъ антисоціальныхъ; къ сожалѣнію, почти во всѣхъ нашихъ учрежденіяхъ можно найти имъ примѣры. Въ экономической жизни наслѣдственность состояній дѣлаетъ болѣе труднымъ прохожденіе карьеры для людей хорошо одаренныхъ, но бѣдныхъ по рожденію, тогда какъ, наоборотъ, она благопріятствуетъ успѣху недостойныхъ богатыхъ. Наиболѣе доходные виды промышленности — тѣ, которые отвѣчаютъ потребностямъ роста; наоборотъ, тѣ виды труда, которые всего болѣе соотвѣтствуютъ прогрессу и цивилизаціи, часто остаются мало вознагражденными. Въ сферѣ домашней жизни осужденіе, какое встрѣчаютъ смѣшанные браки, мѣшаетъ обществу получить тѣ выгоды, какія они могли бы ему обезпечить. Въ сферѣ политической—партійность и фаворитизмъ создаютъ успѣхъ людямъ недостойнымъ и удерживаютъ способныхъ на низшихъ, чѣмъ слѣдовало бы, положеніяхъ. Война между двумя народами нерѣдко угрожаетъ обоимъ потерей ихъ лучшихъ силъ, благодаря автоматическому дѣйствію истребительныхъ снарядовъ, устраняющему всякую возможность успѣшнаго проявленія такихъ качествъ, какъ храбрость или ловкость; даже при отсутствіи войны обязательное несеніе военной службы не позволяетъ размноженія лучшихъ элементовъ общества путемъ брака и рожденія. Все сказанное является послѣдствіемъ не личныхъ столкновеній, а столкновеній обществъ между собою. Отмѣтимъ еще, что прогрессъ въ нравственной области самъ

можетъ сдѣлаться препятствіемъ къ правильному подбору; Геккель высказываетъ съ этой точки зрѣнія соболѣзнованіе насчетъ нѣкоторыхъ успѣховъ, сдѣланныхъ медициной, а Спенсеръ говоритъ о томъ, что извѣстныя отрасли благотворительности удлиняютъ существованіе больныхъ и нищихъ, обременяя тѣмъ самымъ общество чрезмѣрными для него затратами. Мы не видимъ въ этомъ большого зла, но намъ необходимо было указать, что для нѣкоторыхъ лицъ въ данномъ случаѣ имѣется нѣчто, идущее наперекоръ нормальному общественному подбору. Въ концѣ концовъ всѣ феномены, о которыхъ мы только-что говорили, по своей природѣ таковы, что позволяютъ сомнѣваться въ возможности путемъ борьбы за существованіе вызвать въ человѣческомъ обществѣ торжество лучшихъ; общественная жизнь слишкомъ сложна, чтобы подчиниться дѣйствію столь простого закона, какъ естественный подборъ. Слишкомъ большое число факторовъ дѣйствуетъ наперекоръ выставленному Дарвиномъ принципу, чтобы побѣда его всегда была возможна.

III.

Покончивъ съ борьбою индивидовъ между собою, перейдемъ къ борьбѣ цѣлыхъ группъ. Эти группы могутъ быть разнаго рода: ими, прежде всего, являются государства, но далеко не они одни. Въ книгѣ, озаглавленной „Философія общественныхъ наукъ", мы предложили установить пять категорій такихъ группъ: во-первыхъ, тѣ, которыя основаны на родствѣ: семьи, роды, племена и т. д.; во-вторыхъ, тѣ, члены которыхъ связаны сосѣдствомъ: общины, кантоны, департаменты, провинціи и т. д.; въ-третьихъ, группы, основу которыхъ составляетъ трудъ: различныя профессіи; въ-четвертыхъ, группы, различающіяся общественнымъ уровнемъ—классы; въ-пятыхъ, группы, члены которыхъ связаны общностью симпатій и цѣлей (affinités électives): ассоціаціи всякаго рода, включая въ ихъ число политическія партіи, конфессіональныя группы, школы артистическія и научныя и т. д. Въ вышеупомянутомъ трудѣ мы старались также опредѣлить взаимныя отношенія всѣхъ перечисленныхъ группъ; намъ необходимо прибавить здѣсь, что эти отношенія очень часто принимаютъ форму конкуренціи. Въ сношеніяхъ государствъ между собою эта конкуренція появляется въ формѣ войны; война же эта носитъ тотъ самый характеръ, что и борьба за существованіе между отдѣльными видами организмовъ. Враждебность государствъ

вызывается тѣмъ, что всѣ они одинаково стремятся къ расширенію условій своей жизни; средства же къ удовлетворенію этого запроса численно ограничены. Борьба принимаетъ особенно рѣзкій характеръ между сосѣдними государствами. Она выступаетъ въ битвахъ, на которыхъ гибнетъ много жизней и которыя завершаются частичнымъ или полнымъ обобраніемъ одной борющейся національности другою или подчиненіемъ побѣжденнаго побѣдителю. Соціологи высказываются весьма различно по вопросу о томъ, насколько благодѣтельна такая борьба. Многіе—и въ числѣ ихъ Яковъ Новиковъ—думаютъ, что она всегда зловредна; для нихъ война—неизмѣнно источникъ гибели, разоренія и потери силъ. Но большинство, не желая возвращенія войнъ въ будущемъ, полагаетъ, что въ прошломъ онѣ могли имѣть и счастливыя послѣдствія, что онѣ обезпечивали торжество той группы, которая представляла наивысшій типъ человѣчества, и что поэтому онѣ послужили его прогрессу. Съ большимъ основаніемъ можно было бы доказывать, что умственный уровень долгое время оставался настолько низкимъ, что люди не понимали самой возможности иного рѣшенія международныхъ столкновеній. Не занимая сами опредѣленнаго положенія въ этомъ спорѣ, мы должны указать на слѣдующее: все болѣе и болѣе устанавливается соглашеніе насчетъ того, что общая польза требуетъ замѣны войны менѣе насильственной формой сношеній между народами. Такая замѣна, какъ мы видѣли, произошла уже въ отношеніяхъ индивидовъ между собою. Люди, развиваясь, пришли къ сознанію возможости предоставлять судамъ рѣшеніе своихъ тяжбъ или обращаться съ этой цѣлью къ взаимнымъ уступкамъ, не прибѣгая, какъ прежде, къ расправѣ силою оружія. Грубый способъ борьбы, свойственный животному царству, уступаетъ обыкновенно мѣсто болѣе благовоспитанному, составляющему достояніе человѣчества. Почему націи не могли бы дѣлать то же, что̀ дѣлаютъ частныя лица? На половину это достигнуто и въ настоящее время. Великимъ шагомъ впередъ въ этомъ смыслѣ надо считать созданіе постояннаго посредническаго суда. Дипломатическія соглашенія съ каждымъ днемъ становятся болѣе частыми. И безостановочно также практика вноситъ въ отношенія съ иностранными державами больше справедливости и гармоніи. Въ концѣ концовъ войны становятся болѣе рѣдкими; наоборотъ, мирный обмѣнъ продуктами и идеями учащается. Есть, поэтому, основаніе надѣяться, что уцѣлѣвшіе поводы разногласія окажутся устранимыми и что въ болѣе или менѣе близкомъ буду-

щемъ въ отношеніяхъ государствъ между собою упрочатся справедливость и солидарность.

Мы только что говорили о государствахъ. Намъ остается сказать о другихъ общественныхъ союзахъ. И между ними существуетъ вражда двоякаго рода. Съ одной стороны, однородныя группы борются другъ съ другомъ; такъ напр., двѣ семьи, два города, двѣ профессіи, два класса, двѣ ассоціаціи часто состоятъ въ антагонизмѣ между собою. Съ другой стороны, враждебность сказывается и въ отношеніяхъ разнородныхъ группъ. Каждый типъ стремится владычествовать надъ остальными. Государство издавна желаетъ подчинить себѣ всякія другія группировки людей; въ отдаленномъ прошломъ къ тому же стремилась сперва семья, потомъ городъ; въ наши дни профессіональная и классовая организація обнаруживаютъ тенденцію къ первенству, и тѣ же притязанія высказываютъ нѣкоторые виды ассоціацій, въ особенности церковныя и партійныя. Итакъ, повсюду мы встрѣчаемъ между группами ту же конкуренцію, что и между частными лицами. Еслибы мы не боялись всегда скучныхъ повтореній, мы могли бы указать на наличность и въ данномъ случаѣ той же причины—противорѣчія между неограниченными желаніями и ограниченными средствами къ ихъ удовлетворенію. Намъ пришлось бы также указывать на одинаковость самаго порядка борьбы—на столкновеніе наиболѣе близкихъ другъ къ другу субъектовъ и на общность ея результатовъ—устраненія или подчиненія слабѣйшаго. И въ этой сферѣ столкновеній эволюція сказывается въ замѣнѣ грубыхъ способовъ борьбы и грубыхъ ея развязокъ болѣе тонкими: конкуренція группъ принимаетъ нынѣ закономѣрный и честный характеръ. Пораженія не сопровождаются истребленіемъ побѣжденнаго; за каждой коллективной группой признается постепенно право на существованіе, если не равенство съ прочими; терпимость, болѣе или менѣе всеобщая, водворяется въ цивилизованныхъ странахъ и она идетъ, по видимому, на пользу наиболѣе достойнымъ.

Отмѣтимъ однако существованіе и другихъ взглядовъ на этотъ счетъ. Я имѣю въ виду весьма оригинальнаго писателя, Ваше-де-Лапужъ, одного изъ вождей антрополого-соціологической школы. Онъ развиваетъ ту мысль, что послѣдствіемъ борьбы между группами, ведись она даже мирными средствами, является устраненіе наименѣе способныхъ. По его мнѣнію, въ Европѣ первенствующей расой являются блондины долихоцефалы-арійцы; ниже ихъ на лѣстницѣ расъ стоятъ брюнеты долихоцефалы-средиземноморцы (homo mediterraneus) и еще ниже — брюнеты

брахоцефалы, уроженцы горъ (homo alpinus). Археологическія раскопки, по мнѣнію Лапужа, доказываютъ, что процентъ долихоцефаловъ блондиновъ съ вѣка на вѣкъ падаетъ. Послѣдствія такого факта для цивилизаціи должны быть самыя печальныя [1]). Эти взгляды встрѣчены были на первыхъ порахъ сочувственно со стороны многихъ талантливыхъ писателей разныхъ странъ. Но они не нашли подтвержденія въ новыхъ антропологическихъ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ наиболѣе компетентными людьми. Теперь не считаютъ возможнымъ приписывать структурѣ черепа то значеніе критерія способности, какое признавалось за нею болѣе ранними писателями. Вотъ почему теорія, о которой мы говоримъ, постепенно потеряла всякій кредитъ. Сами прежніе ея защитники не обнаруживаютъ болѣе рвенія въ отстаиваніи ея положеній. Съ логической стороны она кажется намъ весьма слабой. Еслибы блондины долихоцефалы дѣйствительно имѣли тѣ преимущества, которыя имъ приписываютъ, то какъ бы они могли исчезнуть? Это шло бы въ разрѣзъ съ началами, управляющими естественнымъ подборомъ. Можетъ статься, что существа, превосходящія другихъ въ нѣкоторомъ отношеніи, окажутся устраненными борьбой; но чтобы это случилось съ тѣми, кто превосходитъ другихъ во всѣхъ отношеніяхъ—является немыслимымъ. Необходимо признать, поэтому, что по меньшей мѣрѣ одно изъ двухъ положеній разбираемой доктрины неправильно, т.-е. признаваемыя ею преимущества блондиновъ долихоцефаловъ и ихъ исчезновеніе. А если не принять одного изъ этихъ положеній, теорія, на нихъ построенная, неизбѣжно падаетъ.

IV.

Въ мірѣ человѣческомъ, какъ мы видѣли, организація борьбы, иначе говоря—порядокъ, въ которомъ она происходитъ, и достигаемый ею результатъ—пережили эволюцію. Борьба смягчилась постепенно. Но намъ неизвѣстно, произошло ли что-либо подобное въ мірѣ животныхъ и растеній. Несомнѣнно, что съ измѣненіемъ структуры тѣхъ и другихъ мѣняется и ихъ функціонированіе, а это должно отозваться и на характерѣ происходящей между ними конкуренціи. Но у насъ нѣтъ свѣдѣній на этотъ счетъ по той причинѣ, что эволюція живыхъ существъ не была прослѣжена наукой за достаточно долгое время, чтобы доставить

---

[1]) См. „Les sélectons sociales. L'aryen et son rôle social".

намъ необходимыя данныя. Намъ приходится, поэтому, удовольствоваться констатированіемъ только слѣдующаго. Человѣчество отправлялось въ своемъ развитіи отъ такого состоянія дикости, при которомъ ему неизвѣстны были другіе виды борьбы, кромѣ тѣхъ, какіе мы встрѣчаемъ у животныхъ, у которыхъ побѣжденный предается смерти, изгоняется, а иногда и пожирается побѣдителемъ. Оно поднялось постепенно на ту стадію, при которой побѣжденный только поступаетъ въ подчиненіе. Пораженіе не имѣетъ нынѣ иного послѣдствія, кромѣ остановки въ ростѣ, т.-е. въ распространеніи побѣжденнаго. Эта эволюція была быстрѣе и полнѣе въ отношеніяхъ индивидовъ между собою, нежели въ отношеніяхъ націй, вѣроятно потому, что въ первомъ случаѣ могло послѣдовать вмѣшательство авторитета болѣе сильнаго, чѣмъ борющіеся, а во второмъ случаѣ этого быть не могло. Но и международныя распри сдѣлались менѣе жестокими, и есть основаніе думать, что онѣ въ свою очередь перестанутъ быть кровавыми.

Это побуждаетъ насъ задаться вопросомъ, какое мѣсто отведено будетъ со временемъ жизненной борьбѣ. Вопросы подобнаго рода не могутъ разсчитывать на научный отвѣтъ, такъ какъ въ будущемъ борьба можетъ осложниться вмѣшательствомъ въ нее факторовъ намъ неизвѣстныхъ и дѣятельность которыхъ трудно предопредѣлить теперь. Вотъ почему мы только въ самыхъ общихъ чертахъ укажемъ на тѣ рѣшенія, какія намъ кажутся возможными. Что касается до индивидовъ, то ихъ конкуренція другъ съ другомъ порождаетъ бѣдствія, на которыя обращено было вниманіе соціалистами. Она имѣетъ послѣдствіемъ потерю силъ съ обѣихъ сторонъ; она принуждаетъ патроновъ понижать заработную плату, чтобы уменьшить свои затраты и тѣмъ легче бороться съ конкурентами на рынкахъ; она грозитъ закрытіемъ мастерскихъ побѣжденнаго предпріятія и роспускомъ его рабочихъ. Противъ этихъ бѣдъ соціалисты рекомендуютъ одно средство: упраздненіе самой конкуренціи. Промышленность перестала бы зависѣть отъ свободной иниціативы частныхъ лицъ; она сосредоточилась бы въ рукахъ государства, которое организовало бы производство примѣнительно къ запросамъ потребленія—запросамъ, опредѣляемымъ статистическимъ порядкомъ. Это позволило бы избѣгать двойныхъ затратъ (double emploi); каждый потребитель имѣлъ бы дѣло только съ однимъ производителемъ, который былъ бы указываемъ ему въ административномъ порядкѣ. Намъ нечего здѣсь разсматривать эту систему въ подробностяхъ. Достаточно сказать, что духъ индивидуализма, при-

сущій нашему времени, не позволяетъ разсчитывать на скорое осуществленіе такой схемы. Цѣль, какую она ставитъ себѣ — цѣль избѣжанія конкуренціи,—могла бы быть достигнута инымъ путемъ. Этого можно ждать отъ дальнѣйшихъ успѣховъ свободы. Лучше освѣдомленные, люди увидятъ свой разсчетъ въ томъ, чтобы избѣгать конкуренціи или борьбы. Мы видѣли, что послѣдняя съ особенной силой и жестокостью сказывается между наиболѣе близкими. Въ мірѣ общественномъ производители однихъ и тѣхъ же продуктовъ конкурируютъ между собою съ особою рѣзкостью. Ихъ столкновенія могутъ имѣть нерѣдко фатальный исходъ. Избѣжать дальнѣйшей ихъ борьбы можно путемъ отказа отъ одинаковости предлагаемыхъ продуктовъ. Пусть каждый спеціализируется на чемъ-либо одномъ, придавая своему производству особый отпечатокъ. Въ такомъ случаѣ, переставъ быть тождественными, продукты производства каждаго будутъ отвѣчать неодинаковымъ вкусамъ одного и того же человѣка или разныхъ людей и найдутъ соотвѣтственно и спросъ себѣ. Конкуренція смѣнится дифференціацией. Мы оставимъ безъ разсмотрѣнія трудности, какія подобная схема встрѣтитъ на своемъ пути, и тѣ средства, какими онѣ могутъ быть устранены. Намъ кажется, что нѣтъ между препятствіями такихъ, съ которыми нельзя было бы справиться. Сказанное примѣнимо столько же къ тѣмъ препятствіямъ, какія встрѣчаются въ сферѣ экономическихъ явленій, какъ и къ тѣмъ, которыя принадлежатъ къ порядку интеллектуальному и политическому. Есть мѣсто въ обществѣ для всѣхъ видовъ честной дѣятельности; всѣ они могутъ существовать рядомъ, дѣля между собою безграничное поле возможныхъ усовершенствованій или прогресса.

Сторонники конкуренціи говорятъ въ ея защиту, что упраздненіе ея имѣло бы послѣдствіемъ прекращеніе личнаго почина и послѣдовательно смерть обществъ отъ инерціи. Это соображеніе не кажется намъ убѣдительнымъ. И съ прекращеніемъ конкуренціи могло бы уцѣлѣть соревнованіе (émulation), желаніе превзойти другихъ. При дифференціаціи видовъ дѣятельности производители сохранили бы тотъ стимулъ, какой представляетъ справедливое и вполнѣ понятное желаніе добиться высокой оцѣнки качества своихъ продуктовъ. При такомъ порядкѣ могутъ сохраниться и различныя цѣны, установляемыя путемъ сравненія. Одни продукты признавались бы первокачественными, другіе—менѣе заслуживающими одобренія. Но необходимость и этихъ послѣднихъ была бы признана, и ихъ производители обезпечены по крайней мѣрѣ въ насущномъ хлѣбѣ, въ ожиданіи того,

что дальнѣйшая трансформація ихъ дѣятельности поведетъ къ полученію ими и добавочнаго заработка.

Что касается до націй и группъ, то разрѣшеніе ихъ распрей раціональнымъ путемъ намъ кажется не менѣе возможнымъ. Война между націями могла бы исчезнуть окончательно въ томъ случаѣ, еслибы каждая признала за всѣми остальными право на существованіе и свободу. Между ними и въ такомъ случаѣ могло бы уцѣлѣть извѣстное соперничество. Каждая нація могла бы желать превзойти другія своей гражданственностью, качествами своего языка, своею умственностью. Это интеллектуальное соревнованіе имѣло бы одни выгодныя послѣдствія. Распространяя и пріумножая знанія, благодаря увеличенію числа ихъ очаговъ, націи своимъ соперничествомъ въ этомъ отношеніи содѣйствовали бы увеличенію самой мощи человѣчества. То же можно повторить, съ нѣкоторыми измѣненіями, и о соревнованіи всякихъ общественныхъ группъ въ средѣ одной и той же націи. Эволюція увеличила бы число ихъ типовъ, и это было бы къ лучшему, такъ какъ каждый принесъ бы съ собою новую идею. Будучи на первыхъ порахъ исключительно членомъ одной общественной среды—семьи, напримѣръ,—индивидъ несъ на себѣ ея исключительный отпечатокъ. Нынѣ онъ принадлежитъ къ разнымъ группамъ, которыя, такъ сказать, пересѣкаются въ немъ; онъ принадлежитъ къ семьѣ, къ городу, къ опредѣленной профессіи, къ классу, къ многочисленнымъ ассоціаціямъ. Онъ отдаетъ каждой группѣ часть своей умственной энергіи. Каждый разъ, когда ему приходится войти въ новую общественную группу, новые горизонты открываются ему. Всѣ эти группы могутъ стоять рядомъ, взаимно признавая другъ друга. Мы видимъ подтвержденіе этому въ научномъ мірѣ, гдѣ ежедневно возникаютъ новыя общества для изученія спеціальнаго рода фактовъ, и ни одно не причиняетъ тѣмъ другимъ никакого вреда. То же могло бы имѣть мѣсто и въ мірѣ общественномъ, еслибы всѣ отличались той широтою взгляда, которая свойственна пока однимъ или почти однимъ людямъ науки.

Если такова будущая судьба борьбы за существованіе, то что станется съ подборомъ, нынѣ являющимся ея послѣдствіемъ? Приходится отмѣтить прежде всего то обстоятельство, что въ наши дни этотъ подборъ обезпеченъ далеко не совершенно игрою конкуренціи. Въ ней побѣда остается всего чаще на сторонѣ если не грубой силы, то хитрости; по временамъ верхъ беретъ удачникъ, дитя случая; рѣдко когда истинно достойный. Побѣдители далеко не всегда люди способнѣйшіе или готовые болѣе

другихъ служить общественной пользѣ. Есть поэтому основаніе искать для будущаго болѣе совершенныхъ способовъ подбора. Это не потребуетъ отъ насъ противодѣйствія естественнымъ законамъ. Они вѣдь говорятъ только, что способнѣйшій беретъ верхъ надъ другими, а кто способнѣйшій—это рѣшаетъ общественное мнѣніе, законы гражданскіе и политическіе, наконецъ установленныя власти. Не вступая въ разсмотрѣніе характера будущихъ реформъ, скажемъ только, въ связи съ предшествующимъ, что всѣ онѣ должны быть внушены одной заботой объ общей выгодѣ и имѣть задачей открыть для людей иниціативу, возможность служить этому благу своей свободной и дифференцированной дѣятельностью, преимущества которой нами указаны. Тѣ, которыя обнаружатъ починъ въ какомъ бы то ни было направленіи, войдутъ въ составъ общественнаго отбора (l'élite sociale).

Но нужны ли эти избранныя натуры? Соціалисты сомнѣваются, по видимому, въ ихъ пользѣ. Ихъ идеалъ обходится безъ подчиненныхъ и руководителей. Если въ преобразованномъ ими обществѣ и удержится различіе способностей, то только то, которое установлено природой и не зависитъ отъ общества, отъ неравенства устанавливаемыхъ имъ условій. Разумѣется, скажемъ мы, можно мечтать о такихъ порядкахъ, при которыхъ, благодаря развитію знаній, всѣ были бы въ состояніи понимать до нѣкоторой степени природу общественнаго развитія и участвовать въ немъ сознательно. Въ такихъ условіяхъ каждый способенъ въ подходящій моментъ обнаружить полезную для общества иниціативу. Но трудно надѣяться, чтобы починъ всѣхъ людей имѣлъ равную цѣну и сопровождался одинаково серьезными послѣдствіями, а слѣдовательно, чтобы между людьми возможно было устранить всякую іерархію. Если поэтому и слѣдуетъ желать исчезновенія нѣкоторыхъ бьющихъ въ глаза имущественныхъ неравенствъ, то нельзя мечтать въ то же время о совершенномъ исчезновеніи всякихъ общественныхъ различій. Во всякомъ случаѣ, если реформы въ уравнительномъ смыслѣ осуществимы, то только подъ вліяніемъ того общественнаго отбора, той élite sociale, появленія котораго мы являемся свидѣтелями—отбора высшихъ интеллигенцій и характеровъ, взятыхъ изъ всѣхъ слоевъ населенія, сознательно относящихся къ своимъ обязанностямъ передъ всѣмъ обществомъ и готовыхъ служить ему. Если полная демократія когда-либо установится, то подъ условіемъ первоначальнаго созданія аристократіи подобнаго рода, аристократіи заслуги, аристократіи, входъ въ которую былъ бы всѣмъ открытъ, аристократіи свободной и новаторской.

V.

Вернемся теперь отъ этихъ предвидѣній будущаго—предвидѣній, необходимо гипотетическихъ,—къ констатированію современныхъ реальностей. Мы сказали, что подборъ для Дарвина—основной факторъ органической эволюціи. Согласно ему случай надѣляетъ извѣстныя существа, при ихъ рожденіи, выгодными формами. Это обезпечиваетъ имъ побѣду надъ соперниками. Одни эти существа размножаются и ихъ качества переходятъ къ потомству, что̀ и обезпечиваетъ усовершенствованіе породы: великими двигателями прогресса являются, такимъ образомъ, случай и борьба. Правда ли это? Мы склонны высказать нѣкоторыя сомнѣнія.

Посмотримъ на то, что̀ происходитъ въ средѣ современнаго человѣчества. Такъ какъ оно составляетъ часть природы и является ея высшимъ выраженіемъ, то оно необходимо должно раскрыть предъ нами и ея законы. Спросимъ себя, какую роль играетъ въ немъ подборъ? Мы замѣтимъ прежде всего, что онъ далеко не можетъ считаться феноменомъ первичнымъ. Онъ—послѣдствіе жизненнаго соперничества. Но почему зарождается послѣднее? Если индивиды вступаютъ въ столкновеніе другъ съ другомъ, то случается это не ежедневно и не съ самаго начала ихъ жизни, а только въ условіяхъ, при которыхъ ихъ интересы расходятся. Обыкновенно эти интересы солидарны. Дитя въ своей семьѣ находитъ среду, въ которой всѣ и каждый стараются облегчить его существованіе. И въ болѣе зрѣломъ возрастѣ человѣкъ встрѣчаетъ немало поддержки, дѣятельную дружбу и въ школѣ, и въ мастерской; подростокъ находитъ все это въ полку, человѣкъ зрѣлый—во время прохожденія своей карьеры. Антипатіи въ концѣ концовъ болѣе рѣдки, чѣмъ симпатіи. Нормально каждый работаетъ, чтобы обезпечить себѣ существованіе или улучшить условія своей жизни, чтобы пробиться въ люди. Трудъ каждаго состоитъ въ усиліи, направленномъ къ тому, чтобы приспособиться къ средѣ или приспособить ее къ себѣ. Оказывается, однако, что усилія извѣстныхъ людей идутъ на перекоръ усиліямъ другихъ. Отсюда возникаютъ вражда и столкновенія. Конкуренція такимъ образомъ вызывается встрѣчей двухъ потоковъ приспособленія, отправившихся съ разныхъ концовъ. Этого одного достаточно, чтобы показать, что она не первичный, а производный феноменъ.

Теперь спросимъ себя, каковъ получаемый отъ нея результатъ? Мы видѣли, что въ мірѣ человѣческомъ имъ является, какъ общее правило, не устраненіе побѣжденнаго, а одна лишь задержка въ его ростѣ или распространеніи. Послѣ конфликта, когда побѣдой опредѣленъ занимаемый каждымъ рангъ, побѣдитель получаетъ лучшее положеніе, а побѣжденный — положеніе зависимое. Первый пріобрѣтаетъ возможность приспособленія къ высшему рангу, второй принужденъ будетъ приспособиться къ менѣе выдающемуся. Но кто знаетъ, что въ этомъ положеніи онъ не найдетъ для себя счастья? Это положеніе, можетъ быть, болѣе подойдетъ къ его ограниченнымъ способностямъ. Послѣдствія борьбы сводятся, такимъ образомъ, только къ тому, чтобы указать каждому его сферу приспособленія. Такимъ образомъ конкуренція, не будучи первичнымъ фактомъ, не можетъ считаться также фактомъ конечнымъ. Она зарождается отъ столкновенія усилій къ приспособленію и она ведетъ къ опредѣленію для каждаго, на какомъ посту должно послѣдовать его приспособленіе. Она исходитъ, такимъ образомъ, отъ приспособленія и ведетъ къ нему. Можно, поэтому, говорить о ней, какъ о простомъ моментѣ въ процессѣ приспособленія. Это, по видимому, сознавалъ уже двадцать лѣтъ тому назадъ нашъ выдающійся и оплакиваемый учитель Альфредъ Жіаръ, когда во вступительной лекціи ко второму изъ прочитанныхъ имъ въ Сорбоннѣ курсовъ объ эволюціи организмовъ, онъ, 23-го декабря 1889-го года, разсматривалъ приспособленіе, какъ первичный факторъ эволюціи и довольствовался тѣмъ, что ставилъ подборъ во главѣ другихъ второстепенныхъ факторовъ.

Согласно прекрасному выраженію Гёте: „Am Anfang war die That“ (въ началѣ было дѣйствіе). Но это начальное дѣйствіе было необходимо творческимъ, а не разрушительнымъ. Имъ не могла быть, поэтому, борьба, какъ думаетъ Дарвинъ, а должна была быть попытка приспособленія, какъ указалъ Ламаркъ. Основнымъ и необходимымъ является не конфликтъ или столкновеніе, а трудъ или творчество, не борьба, а жизненное усиліе.

Сотрудничество, а не борьба возродит человечество.

Ренэ Вормсъ.

ПСИХІАТРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

И

ДѢЙСТВУЮЩІЕ ЗАКОНЫ

(Рѣчь при открытіи съѣзда отечественныхъ психіатровъ 27 декабря 1909-го года.)

Милостивые Государи и Милостивыя Государыни! Если я рѣшился, не будучи психіатромъ, откликнуться на лестное приглашеніе Организаціоннаго Комитета съѣзда выступить предъ вами, то это потому, что широкая программа занятій съѣзда даетъ къ тому основаніе. Въ его задачу входитъ не только подниматься на холодную альпійскую высоту теоретическаго знанія, не только привѣтствовать яркую зарю недавнихъ открытій, рисующихъ пытливому уму новые горизонты, но и спускаться внизъ, въ долину практической жизни, гдѣ, помимо общихъ человѣческихъ страданій, влачатъ свое существованіе личныя немощи, боль и несчастіе. Въ этой области повседневныхъ явленій, легко заслоняемыхъ шумными, но скоропреходящими интересами текущей дѣйствительности, врачебной наукѣ суждена благая и, надо надѣяться, вліятельная роль. Здѣсь приходится ей настойчиво взывать къ дѣйствующему законодательству со спокойнымъ обличеніемъ его недостатковъ и съ горячимъ призывомъ къ преобразовательной дѣятельности. Ей надлежитъ въ нѣкоторомъ родѣ идти по отношенію къ законодательству по тому же пути, на которомъ стоятъ иногда присяжные засѣдатели. Послѣдовательнымъ, разновременнымъ произнесеніемъ

въ различныхъ мѣстахъ однородныхъ оправдательныхъ приговоровъ, указывающихъ на несоотвѣтствіе того или другого уголовнаго закона требованію справедливости и голосу совѣсти, они вызываютъ, въ концѣ концовъ, пересмотръ закона въ интересахъ житейской правды. Въ этомъ можетъ состоять и благотворное вліяніе настоящаго съѣзда. Законодательство повсюду, а особливо—до послѣдняго времени—у насъ, отстаетъ отъ жизни. Послѣдняя бѣжитъ быстрымъ потокомъ, шумя и журча, мѣняя свое ложе и подрывая берега, а законодатель идетъ неторопливой и тяжелой походкой. Жизнь вѣчно молода, законодательство же уподобляется старости, а старость—по словамъ нашего великаго поэта — „ходитъ осторожно и подозрительно глядитъ". Иногда эта осторожность обращается въ стояніе на мѣстѣ, а подозрительность—въ глухонѣмоту по отношенію къ требованіямъ жизни. Но и тогда, когда законодательство само, наконецъ, сознаетъ свои недостатки и приводитъ въ движеніе сложный механизмъ предположеній, авторитетныхъ предуказаній, коммиссій и комитетовъ, сношеній съ вѣдомствами и медлительной выработки уставовъ и положеній, оно часто задается черезчуръ сложными задачами. Желая „объять необъятное", оно стремится создать обширное органическое цѣлое, въ которомъ все до такой степени должно быть предусмотрѣно и разработано, что это цѣлое снова можетъ застыть и окаменѣть на многіе десятки лѣтъ, при чемъ, въ горделивомъ намѣреніи создать нѣчто безусловно совершенное, съ этимъ цѣлымъ связывается судьба такихъ насущныхъ преобразованій, которыя могли бы быть выработаны и осуществиться вполнѣ независимо и самостоятельно, какъ выражался нашъ старый законъ — „отъ дѣла сего особо".

Однимъ изъ такихъ задержанныхъ въ своемъ необходимомъ развитіи является вопросъ о психіатрической экспертизѣ, т.-е. о заключеніи свѣдущихъ лицъ относительно наличности въ извѣстныхъ случаяхъ, подлежащихъ разрѣшенію и надзору государственной власти, признаковъ душевной болѣзни. Этотъ вопросъ одинаково возникаетъ и въ гражданскомъ, и въ уголовномъ правѣ. Тамъ, гдѣ нужно выяснить степень вмѣняемости, свѣдущимъ людямъ предлагается, согласно 95 и 96 ст. дѣйствующаго Уложенія о наказаніяхъ, отвѣтить на вопросъ, есть ли въ данномъ случаѣ признаки безумія отъ рожденія, сумасшествія или точно доказаннаго припадка болѣзни, приводящаго въ умоизступленіе или безпамятство. Но стоитъ припомнить новѣйшія изслѣдованія о кататоніи, импульсивномъ помѣшательствѣ или moral insanity, или возобновить въ своей памяти различныя все болѣе и болѣе

развивающіяся классификаціи душевныхъ болѣзней, начавъ хотя бы съ Гризингера и окончивъ Крепелиномъ, чтобы видѣть, до какой степени устарѣла, недостаточна и стѣснительна въ научномъ отношеніи терминологія нашего Уложенія. А между тѣмъ на послѣднемъ психіатрическомъ международномъ конгрессѣ въ Пештѣ предложены еще три новыя классификаціи. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ классификація, предложенная Ballet и Maillard, основными принципами которой являются патогенезъ и патологическая анатомія. Наше новое Уголовное Уложеніе 1903 г.—результатъ совмѣстной работы юристовъ и врачей -- дѣлаетъ огромный шагъ впередъ, давая въ ст. 39 общее опредѣленіе невмѣняемости при душевныхъ болѣзняхъ, выражающейся въ непониманіи обвиняемымъ свойства и значенія совершаемаго имъ и въ неспособности руководить своими поступками вслѣдствіе болѣзненнаго разстройства его душевной дѣятельности, безсознательнаго состоянія или умственнаго неразвитія, происшедшаго отъ тѣлеснаго недостатка или болѣзни. Можно, конечно, замѣтить, что эта формула нѣсколько длинна, а слова: „свойство и значеніе совершаемаго“ представляютъ нѣкоторую неопредѣленность, особливо слово „значеніе“, которое можетъ быть понимаемо совершенно различно и произвольно, при чемъ подъ него можно подставить самыя различныя понятія, даже изъ области нравственности и религіи. Было бы лучше указать на *непониманіе послѣдствій* и *наказуемости* (или *преступности*) дѣянія, и тогда это соотвѣтствовало бы прекрасному опредѣленію итальянскаго кодекса, говорящаго о совершеніи преступленія „in tale stato, da non aver la coscienza di delinquere“. Но во всякомъ случаѣ и въ ея настоящемъ видѣ статью 39 нельзя не привѣтствовать. При томъ экспертиза въ уголовномъ судѣ имѣетъ много практическихъ достоинствъ. При предварительномъ слѣдствіи она можетъ подлежать провѣркѣ въ нѣсколькихъ стадіяхъ, до Медицинскаго Совѣта включительно. Къ ней привлекаются, въ засѣданіяхъ суда, спеціалисты, нерѣдко носящіе громкое имя въ наукѣ,—въ публичныхъ засѣданіяхъ они производятъ совмѣстную работу со сторонами, ихъ мнѣнія подвергаются дальнѣйшей выработкѣ и провѣркѣ на перекрестномъ допросѣ, въ этой перестрѣлкѣ вопросовъ, мнѣній и отвѣтовъ,—они совѣщаются между собою въ ничѣмъ не стѣсняемой обстановкѣ и, наконецъ, при публичности и гласности судоговоренія, ихъ заключенія подлежатъ оцѣнкѣ въ печати и научному контролю медицинскихъ обществъ. Поэтому можно сказать, что по отношенію къ уголовной экспертизѣ законода-

тельство исполнило свою обязанность, хотя покуда лишь невполнѣ, ибо Уголовное Уложенiе до сихъ поръ не введено въ дѣйствiе и когда именно будетъ введено — сказать еще нельзя. Но когда это давно ожидаемое и необходимое введенiе произойдетъ, то роль врачей-психiатровъ станетъ на надлежащую высоту, и имъ останется лишь въ своемъ содѣйствiи правосудiю вводить въ надлежащiя научныя границы тѣ довольно неопредѣленные взгляды, не чуждые значительныхъ преувеличенiй и предвзятой односторонности, которые иногда высказываются относительно отдѣльныхъ видовъ психопатiи и психастенiи.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ *гражданскомъ правѣ*. Въ важномъ дѣлѣ освидѣтельствованiя лицъ, подозрѣваемыхъ въ душевномъ заболѣванiи, для учрежденiя надъ ними опеки и для лишенiя ихъ свободы въ области правоспособности и дѣеспособности, ни одной изъ только что указанныхъ мною гарантiй правильности экспертизы не существуетъ. Нѣтъ ни свободной выработки заключенiя истинно-свѣдущими людьми; нѣтъ, при этомъ, участiя сторонъ, непосредственно заинтересованныхъ въ результатахъ освидѣтельствованiя; нѣтъ и гласности и устности, такъ какъ до суда вопросы объ умственномъ разстройствѣ, могущемъ имѣть значенiе въ нѣкоторыхъ исковыхъ и тяжебныхъ дѣлахъ, доходятъ весьма рѣдко, и почти исключительно при оспариванiи наслѣдственныхъ распоряженiй. Все освидѣтельствованiе сосредоточивается главнымъ образомъ въ Губернскихъ Правленiяхъ, согласно ст. 368 I ч. X т. Св. Зак. А въ этомъ отношенiи мы, въ сущности, весьма недалеко ушли отъ петровскихъ временъ и законодательныхъ мѣръ относительно „суще-глупыхъ“ людей. Однако этого рода экспертиза не менѣе важна, чѣмъ въ уголовныхъ дѣлахъ. Въ послѣднихъ для того, чтобы постановить рѣшенiе по преступному дѣянiю, влекущему за собой лишь ограниченiе нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, необходимо производство предварительнаго слѣдствiя, при которомъ нерѣдко всестороннее изслѣдованiе житейской обстановки обвиняемаго облегчаетъ выводы науки о его душевномъ состоянiи. Но результатомъ освидѣтельствованiя въ Особомъ Присутствiи Губернскаго Правленiя является въ большинствѣ случаевъ не только фактическое ограниченiе правъ свидѣтельствуемаго, но и юридическое ограниченiе его свободы, имущественныхъ и наслѣдственныхъ правъ, т.-е. пораженiе существенныхъ сторонъ его матерiальнаго быта. Вмѣстѣ съ тѣмъ такое освидѣтельствованiе служитъ средствомъ надзора за правильностью лишенiя свободы подъ предлогомъ душевной болѣзни и провѣркой основательности поводовъ

для такого лишенія. Оно имѣетъ также цѣлью огражденіе больного отъ опасности, которую можетъ представлять для него свободное пребываніе въ обществѣ, гдѣ его потемненное и извращенное сознаніе неспособно охранить его отъ насилія и эксплоатаціи со стороны окружающихъ. Оно имѣетъ цѣлью и огражденіе общественнаго спокойствія и безопасности отъ безумныхъ дѣйствій такого человѣка.

Посмотримъ же, какъ производится и какъ обставлено это освидѣтельствованіе. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ несправедливо забываемый выдающійся русскій писатель Писемскій, въ своемъ знаменитомъ романѣ: „Тысяча душъ", яркими и крупными чертами нарисовалъ картину освидѣтельствованія въ Особомъ Присутствіи Губернскаго Правленія—освидѣтельствованія неправильнаго по своей организаціи и опаснаго по своимъ результатамъ. Прошло слишкомъ полвѣка, и картина не измѣнилась. Обращаясь къ ея подробностямъ, мы видимъ, прежде всего, что обычный *починъ* освидѣтельствованія связанъ съ просьбою родственниковъ, опекуновъ и попечителей. Но вторые очень часто относятся совершенно формально къ своимъ обязанностямъ, а первые—нерѣдко заинтересованы гораздо болѣе въ своихъ наслѣдственныхъ благахъ, чѣмъ въ личности того, отъ кого эти блага ожидаются. Не говоря уже о томъ, что въ случаяхъ тихаго и, такъ сказать, безобиднаго помѣшательства родные, а въ особенности различныя „близкія" лица могутъ быть заинтересованы въ томъ, чтобы эксплоатировать правоспособность больного въ своихъ корыстныхъ цѣляхъ и не представлять его къ освидѣтельствованію, увѣряя, что онъ „оригиналъ" и „со странностями", тогда какъ онъ душевно больной—нельзя не указать и на частое злоупотребленіе въ обратномъ смыслѣ, т.-е. на родственныя попытки прибрать къ рукамъ имущество здороваго человѣка еще заживо. Мнѣ пришлось въ разнообразныхъ судебныхъ званіяхъ участвовать въ засѣданіяхъ Особыхъ Присутствій въ провинціи и въ Петербургѣ, въ качествѣ товарища прокурора, прокурора и предсѣдателя окружного суда и почетнаго мирового судьи, въ теченіе шестнадцати лѣтъ, и случаи такихъ злоупотребленій мнѣ встрѣчались. Такъ, мнѣ вспоминается жена коллежскаго регистратора, признанная здоровою, а представленная къ освидѣтельствованію потому, что мужъ находилъ, что она „любитъ нравиться и кокетничать, довольно лѣнива, имѣетъ привычку плакать, а ставъ на молитву, молится безпорядочно и суетливо". Скольких свѣтскихъ женщинъ пришлось бы на этомъ основаніи признать умалишенными! Точно такъ же ока-

залась здоровой мѣщанка, надъ которою просили учредить опеку дѣти за то, что она „живетъ со своимъ обожателемъ“ и „бѣдныя сироты боятся умаленія доходовъ отъ содержимыхъ матерью портерной и публичнаго дома“. Свидѣтельствуемая, заявляя, что дѣйствительно содержитъ квартиру „для дѣвицъ и мужчинъ“, а также портерную, объяснила, что промышляетъ тѣмъ, что „даетъ хлѣбъ“, но отъ дѣтей почету не имѣетъ, потому что „мать стара, а у сыновей мамзели помоложе“. Такъ, въ 1882-мъ году пришлось настоять на признаніи здоровою одной дѣвицы, привлеченной къ освидѣтельствованію за романтическое увлеченіе судьбою одного изъ весьма высокопоставленныхъ молодыхъ людей, которому она пыталась писать скрытно отъ родныхъ. Ея письмо ко мнѣ по поводу ея освобожденія, сохранившееся у меня, полно тонкихъ психологическихъ замѣчаній и остроумія.

Такія освидѣтельствованія, по общему правилу (ст. 376 I ч. X т.), вызываются необходимостью учрежденія опеки, при чемъ родственники душевно-больного могутъ ходатайствовать объ учрежденіи таковой, если у больного есть имущество, которымъ онъ, по словамъ закона, не можетъ управлять, т.-е. есть капиталъ, подлежащій обороту, или имѣніе—движимое и недвижимое,—служащее средствомъ или основаніемъ для промысла, торговли или иного производства. Поэтому, строго говоря, не могутъ подлежать освидѣтельствованію тѣ лица, имущество которыхъ нуждается не въ управленіи, а лишь въ храненіи, т.-е., напримѣръ, внесшіе цѣнныя бумаги на храненіе въ контору Государственнаго Банка или предоставившіе ей же управленіе своими цѣнностями путемъ взноса на храненіе и управленіе. Но все это относится до больныхъ, представляемыхъ родными на освидѣтельствованіе или привлекаемыхъ къ нему, по распоряженію губернатора (ст. 565 и 566 I ч. II т. С. З.), для учрежденія опеки надъ одинокими и безсемейными и для устраненія сдѣлавшихся достовѣрными злоупотребленій волею или личностью больного. Гораздо хуже положеніе тѣхъ больныхъ, которые помѣщаются родными въ частныя или казенныя заведенія для умалишенныхъ, съ цѣлью лѣченія, на основаніи непосредственнаго соглашенія съ управленіемъ лѣчебницы. По первоначальной редакціи ст. 367 I ч. X т. семейству больного лишь *предоставлялось заявлять* мѣстному начальству о необходимости освидѣтельствованія. Но первое примѣчаніе къ этой статьѣ (по продолженію) поставило отданнаго въ лѣчебницу въ еще болѣе беззащитное положеніе, такъ какъ, согласно этому примѣчанію, безумные и сумасшедшіе, отдаваемые въ частныя лѣчебныя заведенія, могутъ быть свидѣтель-

ствуемы въ Особомъ Присутствіи только *по требованію* ихъ родственниковъ, опекуновъ и попечителей, что подтверждено и подробнымъ толкованіемъ (въ 1868 г.) гражданскаго кассаціоннаго департамента Сената по дѣлу мѣщанки Анны Карасевой (№ 331). Такимъ образомъ открывается возможность большихъ злоупотребленій по отношенію къ частнымъ лицамъ, и надо лишь удивляться, что эти злоупотребленія далеко не такъ часты, какъ могли бы быть при существующемъ порядкѣ. Движимые корыстными видами или желающіе отдѣлаться отъ неудобнаго, иногда черезчуръ болтливаго или откровеннаго члена семьи, родственники могутъ помѣстить въ лѣчебницу, за условленное вознагражденіе, такого человѣка, пользуясь его неуравновѣшенностью и довѣрчивостью или дѣйствуя путемъ обмана — и оставить его тамъ на неопредѣленный срокъ. Если это человѣкъ нервный, впечатлительный и раздражительный, онъ будетъ горячиться, протестовать, быть-можетъ даже прибѣгать къ насильственнымъ дѣйствіямъ или же впадать въ отчаяніе и считать себя погибшимъ. А врачъ, наблюдающій его, иногда замкнувшійся въ узкую спеціальность или раздѣляющій взгляды Герценовскаго доктора Крупова, будетъ искать во всѣхъ этихъ проявленіяхъ признаковъ буйнаго бреда, мрачной меланхоліи или маніи преслѣдованія. И пройдетъ много времени, покуда до губернатора или прокурора дойдутъ достовѣрныя свѣдѣнія о совершонномъ родными злоупотребленіи надъ человѣкомъ, ввергнутымъ въ печальное одиночество безъ цѣлебнаго уединенія. Въ моей прокурорской практикѣ было два случая, когда я былъ вынужденъ требовать освидѣтельствованія въ Особомъ Присутствіи лицъ, помѣщенныхъ въ лѣчебницу—въ одномъ случаѣ братомъ, а въ другомъ роднымъ сыномъ,—съ цѣлью присвоить себѣ ихъ имущество подъ видомъ управленія имъ. Но въ обоихъ случаяхъ едва я, имѣя въ рукахъ постановленіе Особаго Присутствія и жалобу потерпѣвшаго, успѣвалъ предложить судебному слѣдователю начать слѣдствіе о преступномъ лишеніи свободы, какъ на чувства мнимо-сумасшедшихъ, возвращенныхъ домой, оказывалось искусное нравственное давленіе, побуждавшее ихъ „простить" и подать мнѣ заявленіе о примиреніи или объ отказѣ отъ жалобы, такъ какъ эти дѣла производятся въ порядкѣ частнаго обвиненія.

Обратимся къ *составу* Особаго Присутствія. Казалось бы, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ свѣдущіе люди должны быть назначаемы ad hoc, но на дѣлѣ они назначаются надолго — до смерти или отставки и выслуги пенсіи. Это—члены бывшей

Губернской Врачебной Управы (нынѣ переименованной во Врачебное Отдѣленіе Губернскаго Правленія), съ ея Инспекторомъ, Операторомъ и Акушеромъ. Эти архаическія названія измѣнились, но сущность осталась та же, и законъ по-старому говоритъ, что освидѣтельствованіе производится *чрезъ* Врачебную Управу въ присутствіи губернатора, вице-губернатора и другихъ лицъ. Но у Врачебной Управы (Врачебнаго Отдѣленія) имѣется масса занятій и обязанностей административнаго характера по санитарному и медицинскому устройству губерніи. Среди этого легко, незамѣтно для себя, впасть въ рутину, а въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно, некогда, да и нѣтъ средствъ слѣдить за наукой. Для того, чтобы держать врачей на уровнѣ современнаго развитія медицинскихъ знаній, въ Петербургѣ существуетъ прекрасное учрежденіе — Еленинскій Клиническій Институтъ, основанный великодушной и незабвенной женщиной, умѣвшей, не выступая на первый планъ, принести Россіи громадную пользу по отношенію къ ея быту, искусству и научному просвѣщенію. Туда, въ этотъ Институтъ, стекаются изъ отдаленныхъ уголковъ Россіи врачи для освѣженія и пополненія своихъ знаній. Кромѣ чисто медицинскихъ курсовъ, для нихъ устраиваются и лекціи по вопросамъ, касающимся преимущественно философіи, психологіи, врачебной этики и исторіи медицины. Участвовать въ чтеніи такихъ лекцій приходилось не разъ и мнѣ, но мнѣ никогда не случалось слышать, чтобы среди многочисленныхъ слушателей, главнымъ образомъ изъ земскихъ врачей, находились инспекторы и члены Врачебныхъ Управъ. Имъ—и это не ихъ вина—не до того, чтобы посвящать свой краткій и рѣдкій служебный отпускъ слушанію лекцій. Да и кромѣ того надо замѣтить, что у насъ спеціалистовъ по душевнымъ болѣзнямъ такъ немного, что едва-ли служебный удѣлъ членовъ Врачебнаго Отдѣленія Губернскаго Правленія можетъ ихъ особенно привлекать. Отсюда — вызываемое обстоятельствами формальное, во многихъ случаяхъ, отношеніе къ освидѣтельствованію сумасшедшихъ; отсюда—рѣдкая наличность въ заключеніи о душевномъ состояніи свидѣтельствуемаго строго провѣреннаго и научно-обоснованнаго взгляда. Конечно, есть исключенія, и я съ глубокимъ уваженіемъ вспоминаю петербургскаго штадтъ-физика барона Майделя и его вдумчивыя заключенія. Но рядомъ съ нимъ въ моей памяти встаютъ образы двухъ старшихъ врачей полиціи, участвовавшихъ, въ силу особыхъ постановленій, въ Особомъ Присутствіи петербургскаго Губернскаго Правленія и широко раскрывавшихъ двери казенныхъ лѣчебницъ предъ людьми,

поступки которыхъ, не представляя въ сущности проявленій душевной болѣзни, состояли изъ докучныхъ, но вполнѣ сознательныхъ нарушеній общественнаго порядка, тишины и приличія. Вслушиваясь въ ихъ заключенія, я не могъ забыть ядовитыхъ словъ Тургенева о поэтѣ, въ стихахъ котораго „поэзія и не ночевала“. Увы! въ самоувѣренныхъ и облеченныхъ въ непреложную форму заключеніяхъ этихъ господъ „наука и не ночевала“. Таковъ составъ спеціалистовъ по медицинскимъ вопросамъ. Но еслибы онъ и былъ всегда и повсюду вполнѣ удовлетворителенъ, то и отъ этого дѣло не стояло бы лучше. Хотя законъ и говоритъ, что изслѣдованіе умственныхъ способностей въ Особомъ Присутствіи производится *чрезъ* Врачебную Управу, но въ дѣйствительности, на практикѣ, почти повсюду вопросъ рѣшается простымъ большинствомъ голосовъ „врачебныхъ“ и „не-врачебныхъ“ членовъ Присутствія. Послѣдніе члены Присутствія, за исключеніемъ губернатора и вице-губернатора, постоянно смѣняются въ засѣданіяхъ. Предсѣдателя суда замѣщаютъ члены суда, прокурора—его товарищи, мировые судьи присутствуютъ по извѣстной очереди; наконецъ, въ каждомъ почти засѣданіи Особаго Присутствія является, между прочими, совершенно случайный и пришлый элементъ въ лицѣ депутатовъ отъ сословій и отъ военнаго, морского и духовнаго вѣдомствъ. Эта перемѣнчивость „не-врачебнаго“ состава лишаетъ его драгоцѣннаго свойства для сужденія—опыта и практическаго навыка, отсутствіе коихъ не искупается даже и отдаленнымъ знакомствомъ съ главнѣйшими типами душевныхъ страданій, выработанными психіатрическою наукою. Поэтому про мнѣніе такого не-врачебнаго состава, въ особенности когда оно подчасъ идетъ въ разрѣзъ съ заключеніемъ врачей, можно сказать, что въ немъ наука „и не *собиралась* ночевать“. Свидѣтельствуемый, если только у него не окончательно притуплена наблюдательность вслѣдствіе растерянности или болѣзни, не можетъ не подмѣтить у многихъ изъ этихъ мѣняющихся членовъ инстинктивнаго страха предъ „помѣшаннымъ“, отъ котораго съ минуты на минуту можно ждать какой-нибудь дикой или даже опасной выходки, — или не усмотрѣть въ ихъ устремленномъ на него взорѣ простое любопытство, съ которымъ далеко не всегда связано участіе и состраданіе. Не всегда и предсѣдательствующій памятуетъ, что онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, находящимся въ исключительномъ положеніи, и что дѣлаемый ему распросъ долженъ отличаться особымъ тактомъ. Свидѣтельствуемые очень чутки къ начальственному, вызывающему, насмѣшливому или пренебрежи-

тельному тону. Они замыкаются въ себя, молчатъ и растерянно оглядываются или приходятъ въ раздраженіе и отвѣчаютъ колкимъ отпоромъ, съ той остроумною прямолинейностью, которая иногда бываетъ свойственна душевно-больнымъ. Мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ того, какъ глубоко-несчастная дѣвушка, послѣ неоднократныхъ освидѣтельствованій, оканчивавшихся отдачею „на испытаніе", тяжко-оскорбленная настойчивыми вопросами губернатора, грубо растравлявшими ея сердечную рану, вызванную поруганною любовью къ свѣтскому негодяю, категорически отказалась давать какіе-либо отвѣты въ Особомъ Присутствіи и едва не была вслѣдствіе этого, согласно услужливому заключенію старшаго врача полиціи, признана умалишенной. Ея исторія подробно разсказана мною въ моихъ „Воспоминаніяхъ судебнаго дѣятеля" [1]). Я помню оригинальный обмѣнъ вопросовъ и отвѣтовъ при одномъ освидѣтельствованіи въ Казани, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, когда образованность и воспитанность, вѣжливость и тонкое, но язвительное остроуміе оказались не на сторонѣ развязнаго предсѣдателя, а на сторонѣ молодого человѣка, страдавшаго религіознымъ помѣшательствомъ. Помню и другой случай, гдѣ на настойчивые вопросы предсѣдателя Присутствія, между прочимъ, о томъ, *зачѣмъ* свидѣтельствуемый, нѣмецъ, ведетъ себя буйно, тотъ отвѣчалъ: „Stillstand ist Rückgang", а на требованіе объяснить свое молчаніе на послѣдующіе вопросы отвѣтилъ, лукаво улыбаясь: „Ein Narr kann mehr fragen, als zehn Weise antworten".

Вообще рѣшенія тѣхъ Особыхъ Присутствій, большинство членовъ которыхъ руководится въ своихъ мнѣніяхъ такъ называемымъ здравымъ смысломъ, представляютъ двоякую опасность. Съ одной стороны отсутствіе знаній и практическаго опыта заставляетъ нѣкоторыхъ изъ непостоянныхъ членовъ добросовѣстно возражать и даже протестовать съ негодованіемъ противъ мнѣнія врачей о сумасшествіи такого свидѣтельствуемаго, который не представляетъ явныхъ признаковъ сложившагося у профановъ представленія о душевно-больномъ, т.-е. не рветъ и не мечетъ, не сквернословитъ и не говоритъ совершенной безсмыслицы. Если такой совершенно некомпетентный возражатель говоритъ съ горячею увѣренностью, свойственною невѣжеству, онъ иногда производитъ впечатлѣніе и увлекаетъ за собою большинство членовъ Присутствія, и тогда псевдо-здоровый отпускается на свободу безъ лѣченія и присмотра и можетъ стать опаснымъ

---

[1]) „Русская Старина" 1907 г., февраль.

для себя и для окружающихъ. Извѣстно, что выдающійся московскій городской голова Алексѣевъ былъ убитъ однимъ изъ такихъ больныхъ, предоставленнымъ самому себѣ. Съ другой стороны отсутствіемъ опыта обусловливается иногда и отсутствіе критики, при чемъ страдающимъ однимъ изъ нашихъ существенныхъ недостатковъ—„лѣнью ума"—представляется соблазнительный случай, не утруждая себя, „jurare in verba magistri", и благодаря этому согласиться на признаніе больнымъ или на отдачу на тягостное испытаніе здороваго, но только лишь неуравновѣшеннаго человѣка.

Перейдемъ *къ способу производства* освидѣтельствованія. Я не помню за всѣ 16 лѣтъ моей практики ни одного случая, гдѣ оно начиналось бы съ физическаго изслѣдованія больного—а едва-ли нужно говорить, насколько таковое важно для опредѣленія хотя бы этіологическихъ моментовъ въ развитіи болѣзни или ея продромовъ. Поставленію освидѣтельствуемаго предъ лицо Присутствія обыкновенно предшествуетъ краткій, чтобы не сказать лаконическій докладъ, иногда въ двухъ-трехъ словахъ. При представленіи свидѣтельствуемыхъ изъ лѣчебницъ никогда—по крайней мѣрѣ при мнѣ—не читалось цѣликомъ заключеніе мѣстнаго врачебнаго персонала, и для того, чтобы ознакомиться съ нимъ въ подробностяхъ, приходилось въ сомнительныхъ случаяхъ просить отсрочки освидѣтельствованія и брать письменное производство на домъ для изученія, невольно удлиняя тѣмъ время содержанія „обвиняемаго въ душевной болѣзни" въ домѣ умалишенныхъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда больной представляется семействомъ непосредственно въ распоряженіе администраціи, освидѣтельствованію предшествуетъ разсказъ или показаніе его семейныхъ о тѣхъ проявленіяхъ съ его стороны, которыя вызвали въ нихъ сомнѣнія, тревогу или страхъ за свое имущественное положеніе въ будущемъ. Самое освидѣтельствованіе заключается въ предложеніи, какъ выражается законъ, вопросовъ, „до обыкновенныхъ обстоятельствъ и домашней жизни относящихся", и въ постановленіи заключенія „по строгомъ разсмотрѣніи отвѣтовъ на нихъ". Вслѣдствіе такого указанія закона въ сущности всѣ эти вопросы могутъ быть сведены, да и сводятся подчасъ къ тому, что̀ покойный Лейкинъ въ одномъ изъ своихъ юмористическихъ разсказовъ назвалъ „комнатными словами". Достаточно припомнить, однако, многоразличные виды первичнаго помѣшательства и спеціальный характеръ галлюцинацій зрѣнія, слуха и обонянія, чтобы понять, какъ мало пригодны такіе вопросы для правильнаго установленія степени душевнаго здоровья человѣка, кото-

раго члены Особаго Присутствія видятъ впервые и о которомъ имъ сообщаются самыя скудныя свѣдѣнія. Въ дѣйствительности эти вопросы подчасъ сводятся къ совершенно банальнымъ и такимъ, на которые легко можетъ отвѣчать каждый маніакъ, нисколько не выдавая своего душевнаго разстройства, и въ наивности которыхъ, наоборотъ, здоровый можетъ предполагать какой-нибудь скрытый коварный смыслъ. Вопросы эти часто приводили мнѣ на память слышанный мною когда-то шуточный разсказъ о старомъ мелкомъ торговцѣ, повѣствовавшемъ о сотвореніи міра, при чемъ Господь, по увѣренію разсказчика, сначала создалъ мужиковъ, а потомъ господъ; первые явились на свѣтъ съ шумомъ и гамомъ, понукая и ругая другъ друга, но вторые вели себи „честно-благородно", задавая другъ другу вопросы: „какъ ваше здоровье?" и „который часъ?".

Послѣдствія освидѣтельствованія бываютъ трехъ родовъ. *Во-первыхъ*—положительное признаніе свидѣтельствуемаго слабоумнымъ или умалишеннымъ, при чемъ если у него есть имущество, которымъ онъ не въ состояніи управлять, вслѣдствіе чего надъ нимъ надлежитъ учредить опеку, то дѣло о немъ представляется въ Правительствующій Сенатъ (нынѣ—въ Судебный Департаментъ Сената), а если у него имущества, подлежащаго огражденію, нѣтъ, то принимаются мѣры къ его призрѣнію. Провѣрка акта освидѣтельствованія въ Сенатѣ представляетъ, въ сущности, еще менѣе гарантій для личной свободы, чѣмъ освидѣтельствованіе въ Особомъ Присутствіи: послѣднее по крайней мѣрѣ видитъ свидѣтельствуемаго и не лишено возможности составить себѣ о немъ представленіе подъ живымъ и непосредственнымъ о немъ впечатлѣніемъ; передъ Сенатомъ же—одно мертвое бумажное производство, съ лишенными серьезнаго значенія отвѣтами на не болѣе серьезные вопросы, записанные, притомъ, не стенографически, а канцелярски. *Во-вторыхъ* — отдача на испытаніе, для котораго нѣтъ опредѣленнаго закономъ срока и которое можетъ повторяться по нѣскольку разъ, какъ было въ дѣлѣ о той несчастной дѣвушкѣ, о которой я уже говорилъ. Не говоря уже о томъ, что такимъ образомъ, внѣ всякаго высшаго контроля, ограничивается фактически дѣеспособность и правоспособность человѣка, душевная болѣзнь котораго настолько сомнительна, что по своей неясности требуетъ продолжительнаго наблюденія,—такое пребываніе на испытаніи можетъ существенно отражаться на интересахъ правосудія тамъ, гдѣ такой человѣкъ могъ бы явиться полезнымъ и даже необходимымъ свидѣтелемъ по гражданскому дѣлу, такъ какъ на основаніи Уст. Гр. Суд. (ст. 84 п. 1 и 371)

состоящіе на испытаніи по поводу разстройства умственныхъ способностей не допускаются къ свидѣтельствованію. *Въ-третьихъ*, наконецъ, — признаніе свидѣтельствуемаго подлежащимъ пользованію (лѣченію), при чемъ, конечно, такое пользованіе въ лѣчебныхъ заведеніяхъ сопряжено съ большимъ ограниченіемъ, а по большей части—и съ полнымъ лишеніемъ свободы. И здѣсь, конечно, заключеніе Особаго Присутствія освобождено отъ контроля Сената или какого-либо высшаго медицинскаго учрежденія, напримѣръ Медицинскаго Совѣта. Стоитъ вдуматься въ практическій смыслъ отмѣтокъ въ журналѣ Особаго Присутствія: „*подвергнуть испытанію*" и „*подлежитъ лѣченію*", чтобы понять, какъ легко можетъ быть съ ними связано „умываніе рукъ" въ трудномъ и важномъ вопросѣ, требующемъ твердаго убѣжденія и знанія, и какимъ незавѣдомымъ и добросовѣстнымъ попустительствомъ злоупотребленію со стороны заинтересованныхъ лицъ могутъ явиться такія отмѣтки въ журналѣ.

Наконецъ, и самое *мѣсто* и *обстановка* освидѣтельствованія, кромѣ тѣхъ сравнительно рѣдкихъ случаевъ, когда оно производится въ лѣчебницѣ или на дому, идутъ въ разрѣзъ съ необходимыми условіями правильнаго испытанія, къ которымъ прежде всего относится отсутствіе внѣшнихъ возбужденій для больного и угнетающихъ впечатлѣній для здороваго. Уже одно ожиданіе каждымъ изъ доставленныхъ для освидѣтельствованія своей очереди въ одной общей комнатѣ, иногда въ числѣ 10—15 человѣкъ — чего стоитъ! Подготовленный пребываніемъ въ обществѣ неуравновѣшенныхъ, нервныхъ и одержимыхъ бредомъ людей— въ средѣ, дѣйствующей заразительно и импульсивно,—доставленный вводится предъ лицо Особаго Присутствія. Въ большой комнатѣ, увѣшанной обычными оффиціальными портретами, за большимъ столомъ, поставленнымъ покоемъ, съ золоченымъ зерцаломъ, сидятъ члены Присутствія въ мундирахъ и орденахъ. Много новыхъ лицъ, необыкновенная обстановка, золотыя рамы на портретахъ — все это, конечно, дѣйствуетъ на введеннаго: если онъ больной, это возбуждаетъ или подавляетъ его гораздо сильнѣе, чѣмъ обычная бытовая или лѣчебная обстановка, заставляя насторожиться или вовсе потерять душевное равновѣсіе— а если онъ здоровый и знаетъ, зачѣмъ онъ доставленъ, то вызываетъ въ немъ раздраженіе, испугъ и тревогу за себя. Достаточно сказать, что во время моего прокурорства въ комнатѣ Присутствія одного изъ Губернскихъ Правленій испытуемаго ставили—конечно по случайному совпаденію—прямо передъ портретомъ императора Павла, такъ что когда свидѣтельствуемый хотѣлъ

отвести глаза отъ оффиціальныхъ фигуръ въ шитыхъ золотомъ воротникахъ или вицъ-мундирахъ и избѣжать ихъ равнодушныхъ или холодно-любопытныхъ взглядовъ, то взоръ его неминуемо встрѣчалъ бросающееся въ глаза изображеніе его царственнаго собрата по несчастью, въ невѣроятной шляпѣ и съ тростью въ рукѣ.

Таковы порядокъ и способы дѣйствія Особаго Присутствія для освидѣтельствованія безумныхъ или сумасшедшихъ. Нужно ли доказывать, что они не обезпечиваютъ ни общественнаго спокойствія и порядка, ни неприкосновенности личности, ни интересовъ правосудія? Необходимость преобразованій въ этомъ отношеніи сознана у насъ давно: уже въ выработанномъ въ восьмидесятыхъ годахъ проектѣ Устава объ Опекахъ содержатся правила объ освидѣтельствованіи душевно-больныхъ въ окружныхъ судахъ, съ соблюденіемъ необходимыхъ условій судебнаго изслѣдованія. Окончательный проектъ Устава объ Опекахъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ въ 1897 г. и пролежалъ тамъ благополучно до 1906-го года, когда всѣ неразсмотрѣнные проекты были возвращены въ подлежащія вѣдомства для внесенія установленнымъ порядкомъ на разсмотрѣніе Государственной Думы, куда онъ однако до настоящаго времени не поступалъ, безъ сомнѣнія—въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія вопроса о мѣстномъ судѣ, которое должно отразиться и на организаціи опекъ. Но устройство мѣстнаго суда — дѣло крайне сложное и требующее времени. Поэтому съ этой стороны ожидать скорой реформы освидѣтельствованія не приходится. Съ другой стороны коммиссія по начертанію новаго Гражданскаго Уложенія—отъ разсмотрѣнія сложныхъ работъ которой Государственная Дума еще очень далека,—не начертала статей объ освидѣтельствованіи, основываясь на томъ, что имъ мѣсто въ Уставѣ объ Опекахъ, если онъ будетъ изданъ отдѣльно, а если этого не произойдетъ, то онѣ должны быть введены въ составъ Устава Гражданскаго Судопроизводства. Такимъ образомъ является какой-то роковой кругъ, благодаря которому улучшеніе въ освидѣтельствованіи приходится отложить ad calendas graecas, т.-е. получается именно то явленіе въ нашемъ законодательствѣ, о которомъ я говорилъ въ началѣ моей рѣчи.

Между тѣмъ дѣло, въ сущности, обстоитъ гораздо проще. Прежде всего *порядокъ* и *способы* освидѣтельствованія имѣютъ весьма отдаленную связь съ наложеніемъ опекъ вслѣдствіе душевнаго разстройства. Каковы бы ни были законы объ учрежденіи опеки, объ опекунскихъ учрежденіяхъ, объ ихъ отчетности

и т. д.—во всякомъ случаѣ душевная болѣзнь опекаемаго должна быть признана особо установленнымъ порядкомъ, и притомъ одинаковымъ и для тѣхъ случаевъ, когда дѣло идетъ о призрѣніи, а не объ опекѣ. Этотъ порядокъ вовсе не неизбѣжно помѣщать въ Уставѣ объ Опекахъ. Онъ можетъ быть изложенъ или въ отдѣльномъ узаконеніи, или въ Уставѣ Гражданскаго Судопроизводства, съ ссылкою на примѣненіе его и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, нынѣ дающихъ поводъ къ освидѣтельствованію въ Особомъ Присутствіи Губернскаго Правленія. Правила же о надзорѣ за отсутствіемъ злоупотребленій при помѣщеніи больныхъ въ частныя и казенныя лѣчебницы должны по прежнему, но однако въ новой переработкѣ, оставаться въ Общемъ Губернскомъ Учрежденіи. У насъ это, въ значительной мѣрѣ, уже и сдѣлано для губерній Прибалтійскаго края. Тамъ признаніе лица неспособнымъ управлять и распоряжаться своимъ имуществомъ по безумію или сумасшествію совершается окружнымъ судомъ по предложеніямъ прокурора или просьбамъ частныхъ лицъ, въ которыхъ должны быть приведены доказательства дѣйствій этого лица, обнаруживающихъ его умственное разстройство, подтверждаемое и медицинскимъ свидѣтельствомъ. Повѣривъ эти доказательства въ закрытомъ судебномъ засѣданіи и найдя ихъ уважительными, судъ дѣлаетъ распоряженіе о врачебномъ, въ своемъ присутствіи, освидѣтельствованіи лица, о которомъ возбуждено дѣло, чрезъ экспертовъ, а также врачей-спеціалистовъ, приглашаемыхъ по просьбѣ возбудившаго дѣло и повѣреннаго свидѣтельствуемаго, избираемаго имъ или назначаемаго предсѣдателемъ суда. Постановленія суда подлежатъ обжалованію и опротестованію судебной палатѣ, а постановленія послѣдней — кассаціонному разсмотрѣнію со стороны Сената. На почвѣ общихъ началъ, вложенныхъ въ эти статьи закона (Уст. Гражд. Суд. ст. 1913—1927), и должна быть построена реформа нашего порядка и способовъ освидѣтельствованія умственныхъ способностей, съ коренной замѣной Особыхъ Присутствій судебными учрежденіями. Вотъ почему я считаю крайне необходимымъ, чтобы третій съѣздъ отечественныхъ психіатровъ, постановляя свои заключенія, въ одномъ изъ нихъ выразилъ самымъ категорическимъ образомъ, *во-первыхъ*, что нынѣшній порядокъ освидѣтельствованій страдаетъ крайними недостатками, дѣлающими его непригоднымъ, нецѣлесообразнымъ и даже опаснымъ, и, *во-вторыхъ*, что представляется настоятельная необходимость скорѣйшаго введенія въ Уставъ Гражд. Суд., по всѣмъ дѣламъ, требующимъ освидѣтельствованія умственныхъ способностей, какъ для учре-

жденія опекъ, такъ и для принятія мѣръ призрѣнія, порядка, установленнаго для Прибалтійскихъ губерній. Компетентный голосъ съѣзда будетъ конечно услышанъ — долженъ быть услышанъ,—а право почина, принадлежащее нашимъ законодательнымъ учрежденіямъ, дастъ имъ возможность облечь заключеніе съѣзда въ форму надлежащаго законопроекта, и намъ не придется пребывать „въ нѣмомъ бездѣйствіи печали", созерцая дѣятельность Особыхъ Присутствій и тоскливо ожидая появленія на свѣтъ Устава объ Опекахъ...

Говоря о психіатрической экспертизѣ, я часто обращался къ своимъ личнымъ, довольно неутѣшительнымъ воспоминаніямъ. Но было бы несправедливо думать, что жизнь оставила во мнѣ только такія. Нѣтъ! Въ настоящую минуту въ нихъ возстаютъ два свѣтлыхъ образа людей, посвятившихъ свою жизнь страждущему человѣчеству. Вы будете, господа, чествовать ихъ память чрезъ шесть дней въ особомъ торжественномъ засѣданіи—и ихъ заслуги будутъ, конечно, обрисованы предъ вами всестороннимъ образомъ; но позвольте мнѣ теперь же, хотя бы мимолетно, отдаться *этимъ* моимъ воспоминаніямъ. Въ нашей, въ общемъ довольно безцвѣтной, праздно-суетливой и почти всецѣло отданной преходящей „злобѣ дня" жизни — встрѣчаются люди особаго склада. Когда все у насъ лично идетъ спокойно и хорошо, когда среди размѣренной работы наступаютъ періоды отдыха и досуга—эти люди чрезвычайно пріятны. Ихъ бесѣда интересна, ихъ умъ просвѣщенъ, ихъ характеръ ровенъ. Но когда наступаютъ въ нашей жизни періоды тяжелой борьбы, непосильнаго труда, горя и скорби—эти люди умѣютъ почти всегда благоразумно и сдержанно отсутствовать, не желая „мѣшать", остерегаясь „растравлять выраженіями своего сочувствія душевныя раны"... Но есть другіе, немногіе, тѣ, чье присутствіе, участіе и чуткое вниманіе особенно и цѣлительно даютъ себя чувствовать среди житейскихъ испытаній. Это настоящіе *сотрудники жизни*. Иногда ихъ можно подолгу не видѣть, но отрадно знать, что они есть, что они существуютъ, что къ нимъ можно обратиться за совѣтомъ, за нравственной помощью, за тепломъ, согрѣвающимъ замерзающую душу. Это живое, бодрящее сознаніе исчезаетъ, когда они уходятъ „за грань земного кругозора", и замѣняется лишь благодарнымъ воспоминаніемъ. Такимъ *сотрудникомъ жизни* былъ *Иванъ Михайловичъ Балинскій*, со своею рѣшительною походкой, умнымъ, блѣднымъ, узкимъ лицомъ и удиви-

тельными темными глазами, въ которыхъ видѣлась неустанно работающая мысль, всегда глубокая и—какъ сказалъ бы Достоевскій „проникновенная",—и блистало чувство, то гнѣвное и жгучее, то мягкое и сострадательное. Такимъ же былъ и его ученикъ и ближайшій преемникъ—*Иванъ Павловичъ Мержеевскій*, со своей исполненной изящества фигурой, манерами истиннаго джентльмена (a perfect gentleman — какъ говорятъ англичане) и блестящею, обличающею многостороннее образованіе, рѣчью.

Когда И. М. Балинскій выступилъ на свое учено-практическое поприще учителя и врача душевныхъ болѣзней, отдѣленіе для жертвъ послѣднихъ при второмъ военно-сухопутномъ госпиталѣ—такъ называемый *шестой корпусъ* — было филіальнымъ отдѣленіемъ Дантова Ада. Въ него не заглядывало высшее начальство, ссылая туда подчиненныхъ военныхъ врачей въ возмездіе и на исправленіе, а практиковавшіеся въ немъ содержаніе и способы лѣченія — усиленные пріемы рвотнаго, для „отвлеченія отъ безумныхъ мыслей", смирительная рубашка, изобильно снабженная мушками „для успокоенія", постоянное голоданіе, вызывавшее драки за скудно отпускаемую пищу, побои со стороны служительскаго персонала — далеко превосходили то, что̀ воображеніе Гоголя вложило въ послѣднюю страницу „Записокъ сумасшедшаго". При этомъ, конечно, наука, допускавшая все то, что̀ уже давно и навсегда было осуждено и отвергнуто великимъ Пинелемъ, находилась на соотвѣтствующей высотѣ, представляя рядъ не связанныхъ общей идеей эмпирическихъ наблюденій, втиснутыхъ въ случайную и чисто внѣшнюю классификацію. По петербургскому образцу можно судить, что̀ дѣлалось въ провинціи и въ Москвѣ, гдѣ святому доктору Гаазу не разъ приходилось вопіять, грозя и умоляя, противъ бездушнаго обращенія съ душевно-больными. Балинскому предстояло все найденное имъ пересоздать, вырвать съ корнемъ застарѣлые взгляды и придать своему дѣлу научный характеръ, отражающійся и на общемъ направленіи, и на мелочахъ повседневной больничной жизни. Мы услышимъ чрезъ нѣсколько дней о его плодотворной работѣ въ этомъ отношеніи и о его вліяніи на улучшеніе условій жизни душевно-больныхъ въ сооруженныхъ, по его указаніямъ и планамъ, новыхъ лѣчебницахъ въ разныхъ уголкахъ русской земли. Хотя уже одного того, что онъ успѣлъ сдѣлать въ Петербургѣ, и указаннаго мною вліянія, лучами расходившагося отъ него, достаточно, чтобы признать его громадныя заслуги, но тѣ, кому не пришлось, какъ Балинскому, „собирать — выражаясь словами великаго Петра — разсыпанную хра-

мину", находили его труды недостаточными, ибо онъ не оставилъ по себѣ научныхъ памятниковъ, т.-е. такихъ томовъ искусныхъ компиляцій, которые отъ памятниковъ въ мраморѣ и бронзѣ отличаются тѣмъ, что ими любуются и безъ большой потери для человѣчества поѣдаютъ ихъ... мыши. Человѣкъ здоровой умственной и волевой наслѣдственности, питомецъ старой культуры, Балинскій принадлежалъ къ людямъ, обращающимся честно не только со словомъ, но и съ научной мыслью. Онъ не любилъ поспѣшныхъ обобщеній и скоропалительныхъ открытій, кончающихся зачастую общимъ недоумѣніемъ и разочарованіемъ, и не хотѣлъ пускать въ общество быстро стирающуюся размѣнную монету знанія.

Бэконъ весьма образно раздѣлялъ ученыхъ на *муравьевъ* и *пчелъ*. Первые собираютъ научный матеріалъ, какъ муравьи — вторые распредѣляютъ его, какъ пчелы. Такимъ собирателемъ живого, поучительнаго матеріала былъ Балинскій, собравшій вокругъ себя, около образцоваго преподаванія и практическаго наученія, цѣлую плеяду учениковъ. Эти ученики—отшедшіе Чеховъ и Дюковъ, Мержеевскій и Черемшанскій, еще здравствующіе Чечоттъ и Сикорскій и др.—были пчелами. Они распредѣлили и разработали тотъ матеріалъ, значеніе котораго имъ выяснилъ ихъ учитель. Въ теченіе трехъ десятилѣтій на каѳедрѣ римскаго права въ Московскомъ университетѣ блисталъ Никита Ивановичъ Крыловъ. Онъ тоже никакихъ „книжекъ" не оставилъ—и за это подвергался не разъ близорукимъ упрекамъ. Но онъ *жилъ* на каѳедрѣ и оставался жить въ душѣ своихъ слушателей, которые, раскинутые въ далекіе и глухіе уголки Россіи, чрезъ много лѣтъ по оставленіи университета, умилялись сердцемъ при одномъ упоминаніи имени „Никиты"... Такъ же—я въ этомъ увѣренъ—живетъ въ сердцѣ своихъ учениковъ и Балинскій. Я имѣлъ счастье ходить въ 1866-мъ году на его—тогда легко доступныя постороннему—лекціи въ одноэтажномъ длинномъ деревянномъ зданіи при медико-хирургической академіи. Онъ обходилъ хронически-больныхъ и у кровати нѣкоторыхъ, по временамъ присаживаясь на нее, читалъ свои лекціи, совершенно зачаровывая своихъ молодыхъ слушателей. Когда лекція кончалась, не хотѣлось и было больно уходить, до того образно, остроумно и полно наглядняго, животрепещущаго интереса было ея содержаніе, и такъ сверкало пламя вдохновенія и любви къ людямъ на одухотворенномъ лицѣ Балинскаго. Такимъ же полнымъ знанія не только своего предмета, но и жизни, въ ея сложныхъ проявленіяхъ, приходилось мнѣ видѣть его въ Совѣтѣ учре-

жденій великой княгини Елены Павловны, гдѣ мы засѣдали вмѣстѣ много лѣтъ,—на докладахъ въ Медицинскомъ Совѣтѣ и, наконецъ, въ петербургскомъ Окружномъ судѣ, куда я, предсѣдательствуя при освидѣтельствованіи умственныхъ способностей обвиняемыхъ, въ особо важныхъ случаяхъ приглашалъ его для дачи заключенія. Я не могу забыть до сихъ поръ нѣкоторыхъ изъ этихъ блестящихъ узоровъ на строгой канвѣ глубокаго опыта и вдумчивости. Я помню, какъ поразилъ онъ присутствовавшихъ по дѣлу объ одномъ злостномъ убійцѣ неповинной дѣвушки-служанки, который представлялъ полную картину двухъ видовъ душевной болѣзни, отчетливую до мельчайшихъ подробностей. Когда освидѣтельствованіе кончилось и обвиняемый былъ уведенъ, Балинскій необыкновенно точно разобралъ оба душевныхъ состоянія послѣдняго, указывая, что, теоретически говоря, онъ несомнѣнно страдаетъ душевнымъ разстройствомъ въ обоихъ видахъ, но что съ точки зрѣнія психіатрической практики оба эти состоянія совершенно исключаютъ одно другое и никогда не встрѣчаются вмѣстѣ, такъ что обвиняемый—чрезвычайно искусный симулянтъ, вѣроятно изучившій по какой-нибудь книгѣ всѣ внѣшніе признаки своихъ душевныхъ болѣзней, но, на горе себѣ, въ своемъ усердіи соединившій воедино несоединимое. Осмотромъ камеры обвиняемаго было обнаружено, что у него подъ тюфякомъ хранилась извѣстная книжка Маудсли, тщательно, какъ видно было по отмѣткамъ, имъ изученная. Узнавъ о заключеніи Балинскаго и о найденной книгѣ, онъ разсмѣялся и сказалъ: „Ну, будетъ! довольно притворяться! надоѣло“... И религіозно-бытовыя явленія, доходившія до суда, привлекали къ себѣ вниманіе Балинскаго, подобно тому, какъ нынѣ они интересуютъ И. А. Сикорскаго. Важный вопросъ объ отличіи невѣжественнаго фанатизма отъ душевнаго разстройства былъ разработанъ Балинскимъ съ особенной подробностью по отношенію къ скопчеству. Его письменное мнѣніе изобилуетъ тонкой наблюдательностью и анализомъ производящихъ причинъ, проявленій и внутренняго построенія, какъ психическаго бреда, такъ и фанатической теоріи. Это мнѣніе положено въ основу заключительныхъ выводовъ Пеликана въ его замѣчательной и рѣдкой книгѣ: „Судебно-медицинское изслѣдованіе скопчества“, и отличается гораздо большей широтой и глубиной, чѣмъ извѣстное сочиненіе Иделера: „Versuch einer Theorie des religiosen Wahnsinns“.

Но если Балинскій заложилъ и укрѣпилъ цитадель русской психіатрической науки, то И. П. Мержеевскій—современникъ и сотоварищъ по научнымъ работамъ Шарко и Крафтъ-Эбинга—

выступилъ изъ нея во всеоружіи глубокаго медицинскаго образованія и совершилъ новыя завоеванія въ области изученія душевныхъ болѣзней. Пятьюдесятью двумя заглавіями своихъ сочиненій онъ доказалъ, какъ ревностно и успѣшно исполнялъ онъ свою задачу *пчелы*. Слѣды его заботъ о развитіи русской психіатріи предъ нами на лицо: по его указаніямъ и подъ его руководствомъ построена образцовая и величественная клиника для душевныхъ болѣзней при военно-медицинской академіи; имъ былъ основанъ и редактируемъ въ теченіе многихъ лѣтъ превосходный по содержанію журналъ „Психіатріи и Неврологіи", и онъ же, вмѣстѣ съ Балинскимъ, возродилъ къ жизни петербургское общество психіатровъ, котораго и оставался предсѣдателемъ до самой смерти, дѣлая блестящія резюме послѣ докладовъ и представляя яркіе примѣры того, какъ можно и какъ слѣдуетъ облекать твердо обоснованные научные доводы въ красивую, доступную и подчасъ остроумную форму. И онъ былъ не разъ желаннымъ и надежнымъ помощникомъ правосудію въ трудной и темной области вмѣненія. Но главное его свойство, которымъ оттѣнялись и его знанія, и его житейскія отношенія, была доброта—разумная и деликатная. Онъ слѣдовалъ въ жизни завѣту великаго польскаго поэта: „имѣй сердце и смотри въ сердце". Отсюда его восхищеніе Говардомъ и докторомъ Гаазомъ, біографію котораго онъ назвалъ въ письмѣ ко мнѣ „эпопеей подвиговъ человѣческаго сердца"; отсюда дѣятельная, хотя и не крикливая забота объ улучшеніи будущей обстановки выпускаемыхъ изъ лѣчебницъ по выздоровленіи; отсюда, наконецъ, его нелюбовь къ вивисекціи. Печальная и весьма сомнительная необходимость послѣдней никогда не находила въ немъ сторонника. Если стать на точку зрѣнія извѣстнаго Бирда, который считаетъ *антививисекціонизмъ* однимъ изъ видовъ неврастеніи, то Мержеевскій могъ бы считаться въ этомъ отношеніи неврастеникомъ. Но не надо забывать, что и Николай Ивановичъ Пироговъ, подводя въ своемъ дневникѣ итоги своей жизни, сожалѣлъ, что не можетъ изъ нея вычеркнуть тяготившее его воспоминаніе о человѣческомъ, страдальческомъ и укоризненномъ взглядѣ собаки, медленно агонизировавшей подъ его ножомъ.

Балинскій былъ чистый психіатръ, безъ примѣси невропатолога, а Мержеевскій пошелъ далѣе и, въ значительной степени, въ своей работѣ соединилъ психіатрическій опытъ съ невропатологическими изслѣдованіями. Но оба они были глубокими *психологами*. Въ распросахъ, замѣчаніяхъ и совѣтахъ ихъ всегда видѣлся ученый, не только интересовавшійся *субъектомъ* изслѣ-

дованія, но и сострраждущій человѣку и понимающій, что передъ нимъ не только патологическій случай, но по большей части и сложное сплетеніе тяжелыхъ воспоминаній, скорбныхъ утратъ, разбитыхъ надеждъ и безплодныхъ усилій. Оба они, объясняя и выясняя болѣзнь, начинали съ широкой периферіи отдаленныхъ явленій и постепенно съуживали эти круги, дѣлая ихъ все ярче и ярче, и, наконецъ, сводили все къ ясно выраженному и точно опредѣленному болѣзненному состоянію. Мержеевскій былъ, кромѣ того, энциклопедистомъ не только въ медицинѣ, но и въ широкой области человѣческихъ знаній вообще. Въ этомъ отношеніи его бесѣда была очень поучительна, блистая историческими ссылками и философскими обобщеніями. Онъ умѣлъ находить связь между весьма, повидимому, различными явленіями общественной жизни и свою разносторонность вносилъ въ свой разговоръ съ больнымъ и о больномъ, оставляя послѣ себя впечатлѣніе мудраго врача и врачующаго мудреца.

Оба они были представителями и исполнителями долга, какъ бы осуществляя прекрасныя слова Пастёра: „le devoir finit où commence l'impossibilité". Балинскій доказалъ свое строгое отношеніе къ своему научному долгу еще и тѣмъ, что когда исполнилось 25-лѣтіе его службы, онъ въ полной силѣ, 47 лѣтъ отъ роду, подъ предлогомъ какой-то допущенной имъ ошибки, оставилъ свою каѳедру и клинику, находя, что надо уступать мѣсто молодымъ силамъ. И къ смерти они отнеслись достойнымъ образомъ: они понимали, что не только „Caesarem licet stantem mori", но и всякому общественному дѣятелю надо стоять на боевомъ посту до конца, какъ бы тяжелы ни были его физическія страданія или душевныя раны. Не смотря на то, что первыя—въ видѣ атактическихъ стрѣляющихъ болей—отравляли послѣдній годъ жизни Балинскаго, онъ въ промежуткѣ своихъ страданій до конца продолжалъ интересоваться любимымъ дѣломъ и живо къ нему относиться. Кончина Мержеевскаго была неожиданна и скоропостижна. Но тѣ, кто имѣлъ возможность узнать его ближе, кто зналъ о тяжкихъ испытаніяхъ, посланныхъ ему судьбою, и объ оскорбленіяхъ его законнаго самолюбія, кто въ послѣдніе годы не безъ тревоги вглядывался въ его похудѣвшее и поблѣднѣвшее лицо и подернутые дымкой непреходящей грусти глаза, понимали, что можно было ждать его скорой кончины. Не смотря на сдержанность и самообладаніе покойнаго, въ бесѣдѣ съ нимъ, въ наблюденіи за нимъ со стороны, чувствовалось, что у него „vivit sub pectore vulnus" и что эта рана не заживаетъ, а все увеличивается вглубь и вширь.

Предъ смертью Балинскій начерталъ надпись, которую онъ желалъ видѣть на своемъ надгробномъ камнѣ: „Mente insanorum amicus et servus“—слуга и другъ страждущихъ разсудкомъ. Такую надпись съ полнымъ правомъ могъ бы пожелать видѣть на своемъ надгробномъ камнѣ и Мержеевскій. Но я нахожу, что оба они не только дружески служили душевно-больнымъ, но были истинными друзьями и сотрудниками жизни для многихъ здоровыхъ. И вы, господа, вѣроятно, согласитесь со мною, что къ прекраснымъ въ своей скромности словамъ Балинскаго слѣдовало бы для каждаго изъ покойныхъ прибавить еще: „generis humani delicium ac decus!...“

А. Ѳ. Кони.

УТѢШИТЕЛЬНИЦА

Повѣсть Марсель Тинэръ.

---

*Окончаніе *).*

V.

— Иди къ себѣ, Жоржъ, и не огорчайся такъ. Я увѣрена, что ты получишь добрыя вѣсти. Какъ только придетъ почтальонъ, я пришлю тебѣ письма.

— Ну, хорошо. Спасибо, Полина.

Оставшись одна, г-жа Клярансъ заперла письменный столъ, положила въ карманъ ключи и, спускаясь съ крыльца, подозвала знакомъ садовника.

— Пришелъ этотъ человѣкъ подстригать деревья?

— Нѣтъ, сударыня, еще не приходилъ.

— Лимузинцы не любятъ торопиться. Надо же однако рѣшить, будемъ мы или не будемъ подстригать грабовую аллею. Вы сами видите, Жинестъ, всѣ вѣтки растутъ вкривь и вкось. Это ужасно некрасиво...

Она вошла подъ тѣнь липъ, образовавшихъ большую аллею по обѣ стороны длиннаго ковра зелени, тянувшагося до самой рѣшетки сада. Съ роскошныхъ деревьевъ, еще мокрыхъ отъ ночного ливня и залитыхъ свѣтомъ, падали на ея плечи блестящія капли и пятна солнечнаго свѣта; въ углубленіи каменныхъ скамеекъ, растрескавшихся отъ мороза, стояла вода, отражая

---

*) См. январь, стр. 135.

въ себѣ небесную лазурь и золотой багрянецъ листвы. Передъ самымъ замкомъ на клумбахъ переливались цвѣта пурпура, охры, красновато-фіолетовый и ржавое золото хризантемъ.

Г-жа Кларансъ, придерживая одной рукой шлейфъ пеньюара, съ наслажденіемъ вдыхала живительную прелесть воздуха. Отъ разговора, пробудившаго столько воспоминаній, въ душѣ ея не осталось горечи. Наоборотъ, ей стало какъ будто легче отъ какой-то смутной надежды, родившейся въ душѣ...

— Ужъ не вышло ли у нихъ чего-нибудь?.. Быть можетъ ссора? Недоразумѣніе? Отчего она не пишетъ?.. Можетъ быть, начинаетъ остывать? Еще бы — девять лѣтъ!... Что же — это было бы въ порядкѣ вещей... Жоржъ будетъ очень горевать... Да... Но вѣдь не умретъ же онъ отъ этого... А я буду такъ баловать его, постараюсь сдѣлать его жизнь такой пріятной...

Она стояла, прижавшись къ рѣшеткѣ, и, погруженная въ свои мысли, не спѣшила возвращаться обратно. Когда она, наконецъ, подняла глаза, передъ нею стоялъ почтальонъ.

И когда онъ вынулъ изъ своей биткомъ набитой сумки письма и газеты, г-жа Кларансъ разочарованно вздохнула: она узнала голубой конвертикъ, котораго Жоржъ такъ трепетно ждалъ тамъ, наверху. Полина вглядывалась въ этотъ тонкій почеркъ съ длинными росчерками, какъ вглядывалась бы въ портретъ соперницы. И ей казалось, что этотъ осенній день, такой теплый, пронизанный золотымъ свѣтомъ, вдругъ склонился къ закату...

— Какъ вы поздно! — сказала она почтальону. — Мы будемъ жаловаться...

Почтальонъ сталъ извиняться, но г-жа Кларансъ уже не слушала. Она медленно шла обратно къ замку съ газетой и письмами въ рукахъ. Шлейфъ ея пеньюара волочился по землѣ. Капля воды застряла въ волосахъ...

Она думала о своемъ разочарованіи — въ который разъ ужъ это было!.. Какъ часто мечтала она, что когда Жоржъ состарѣется, онъ вернется къ ней...

Вскрывъ два письма, адресованныя ей самой, она мелькомъ пробѣжала ихъ: то были письма отъ подругъ. Затѣмъ, сорвавъ бандероль съ газеты, развернула ее на ходу. Вѣтеръ, какъ бы дразня, показывалъ ей обѣ стороны печатнаго листа.

Садовникъ, усердно загребавшій граблями сухіе листья, перемѣшанные съ гравіемъ, исподлобья покосился на „хозяйку“, которая вдругъ остановилась, какъ вкопанная, потомъ пошла какой-то странной поступью, словно у нея подкашивались ноги, къ каменной скамьѣ и опустилась на нее, не обращая вниманія

ни на листья, ни на лужицы... И провела рукой по глазамъ, словно заслоняясь отъ яркаго свѣта. Подойти къ ней Жинестъ не посмѣлъ. Потомъ она опять взялась за газету, а онъ — за грабли.

Полина не вскрикнула, заглянувъ въ „Событія дня", но она затрепетала съ головы до ногъ, и колѣни ея подогнулись... Она сѣла, пытаясь отыскать страницу, строчку. Сердце ея такъ стучало, что у нея гудѣло въ ушахъ.

„Пожаръ Новой Оперы въ Будапештѣ... Триста жертвъ... Въ числѣ погибшихъ—Беатриче Альбери..."

Солнце поднималось все выше; его лучи, проскальзывая сквозь верхушки липъ, играли на плечахъ и на лицѣ Полины. Согрѣтая ихъ лаской, она немного отошла и прошептала:

— Боже мой, Боже мой!..

Она словно вдругъ очутилась на краю глубокой черной бездны, неотразимо влекущей къ себѣ, и, не испытывая боли, каждымъ фибромъ своего тѣла ощущала сотрясеніе отъ страшнаго толчка... Мало-по-малу смутная мысль вылилась въ образахъ. Театръ въ огнѣ... Кулуары полны дымомъ. Электричество гаснетъ... Крики, ужасающая давка бѣгущихъ, алое зарево на небѣ... И въ самомъ пеклѣ этого ада—женщина... На ней горитъ платье, горятъ волосы, но тщетно она рыдаетъ, кричитъ и зоветъ:

— Жоржъ, Жоржъ!..

Это было третьяго дня, ровно въ девять часовъ вечера, какъ разъ въ то время, когда Жоржъ съ женой и дѣтьми сидѣлъ на террасѣ. Жермена просила:

— Папа, скажи мнѣ, какъ называются звѣзды!

Полина живо представила себѣ своего мужа, какъ онъ сидѣлъ на балконѣ у маленькаго тростниковаго столика, на которомъ горѣла небольшая лампа. Спокойно, не спѣша, съ папироской въ рукахъ, онъ указываетъ пальцемъ на созвѣздія... Арктуръ... Кассіопея, Вега... Красный шелковый абажуръ бросаетъ огненный отсвѣтъ въ темноту... И въ это самое время...

„Несчастный!—думаетъ Полина—когда онъ узнаетъ..."

Какъ онъ будетъ страдать!.. Какая страшная кара обрушилась на нихъ обоихъ! Теперь ей было жаль и покойницу—вѣдь она перестала быть врагомъ... Она опять взяла газету и перечла описаніе катастрофы.

...„Повидимому загорѣлась одна изъ запасныхъ декорацій наверху и упала на сцену... Сквозной вѣтеръ раздулъ огонь... Желѣзный занавѣсъ не дѣйствовалъ... Почти всѣ артисты погибли въ пламени. Альбери не успѣла убѣжать со сцены. Ее нашли

подъ грудой обгорѣлыхъ бревенъ и расплавившагося отъ огня желѣза, и сначала *не узнали*, такъ какъ отъ нея остались лишь груда обугленныхъ костей да расплавившіеся кольца и браслеты... Одинъ только серебряный башмачокъ уцѣлѣлъ невредимымъ...

Садовникъ ушелъ; г-жа Кларансъ возвращалась въ замокъ. На ходу она вертѣла въ рукахъ газету, пока она не превратилась въ небольшой комочекъ, исчезнувшій въ ея карманѣ... Еще влажными глазами, тяжело вздыхая, она смотрѣла на чудный, залитый солнцемъ паркъ, на золото и пурпуръ деревьевъ, на густую листву, развѣваемую налетавшимъ вѣтромъ, и—ощущеніе бытія, сознаніе, что она живетъ, видитъ, слышитъ, смѣшивалось въ ней съ страхомъ смерти, которая когда-нибудь придетъ же и къ ней. Когда она переступила порогъ гостиной, ей показалось страннымъ, что кругомъ—такой покой и тишина. Ничто не измѣнилось въ рамкахъ ея жизни, но самая жизнь въ нѣсколько минутъ перемѣнилась простымъ велѣніемъ судьбы. Опять она, какъ въ далекія былыя времена, остается одна съ Жоржемъ... Ему некого теперь любить кромѣ нея... Онъ будетъ плакать, но—у нея на груди.

VI.

Яркій свѣтъ отъ стѣнъ, выбѣленныхъ известью, и отъ солнца, бившаго въ стекла чердачныхъ оконъ, зной, скопившійся подъ балками крыши, все это какъ-то ошеломило г-жу Кларансъ, когда она вошла въ мастерскую мужа.

Это была огромная низкая комната, напоминающая трапезную въ монастырѣ. Никакой мебели, кромѣ стола, конторки, нотнаго пюпитра, рояля, нѣсколькихъ стульевъ, книжныхъ полокъ и стараго дивана, обитаго зеленоватой кожей, на которомъ Жоржъ, вотъ уже двадцать лѣтъ, укладывался всякій разъ, какъ ему хотѣлось отдохнуть или помечтать. Ни одна картина не оживляла монотонной бѣлизны этихъ огромныхъ стѣнъ; ничто не отвлекало взора и мысли. Только напротивъ пюпитра, надъ старымъ диваномъ, композиторъ повѣсилъ итальянскій триптихъ XII вѣка, по срединѣ котораго, вмѣсто иконы, красовался дивный портретъ женщины. Въ отсутствіе Жоржа створки складня всегда были закрыты, и каждое утро онъ растворялъ ихъ, открывая между полустершихся изображеній Благовѣщенія и Положенія во гробъ блѣдный и улыбающійся образъ Той, которая царила здѣсь, какъ Мадонна музыки...

Жоржъ, стоявшій у пюпитра, радостно вскрикнулъ:

— Наконецъ-то!.. Какъ поздно!

— Жоржъ...

— Дай сюда... Давай же!

Полина остановилась... Что это... чего онъ хочетъ?.. Она не могла понять, забывъ о письмахъ, которыя остались у нея въ рукахъ, въ своемъ волненіи думая лишь о томъ, какъ бы спрятать отъ него газету... Но Кларансъ не замѣчалъ ни измѣнившагося лица жены, ни дрожи въ ея похолодѣвшихъ пальцахъ... Онъ видѣлъ только письма—*ея* письмо...

Рѣзкимъ жестомъ онъ вырвавъ у нея всю пачку.

— Позволь, это тебѣ... И это тоже... Они уже распечатаны... Ты ихъ прочла? Ничего новаго?.. Тѣмъ лучше...

Онъ уже стоялъ у окна, весь въ яркомъ свѣтѣ знойнаго полудня, и развертывалъ тонкіе листки, блѣднѣя при видѣ милаго почерка, какъ отъ нежданной острой ласки, отъ слишкомъ продолжительнаго поцѣлуя. Солнце и слова любви сразу окунули его въ знойную атмосферу наслажденія, которое онъ ощущалъ каждымъ фибромъ тѣла и души. И онъ могъ сомнѣваться!.. Могъ страдать отъ чего-нибудь другого, кромѣ какъ отъ разлуки съ нею?.. Теперь онъ смѣялся надъ собою: „Какой я глупый! Боже мой, какой я глупый!.. Совсѣмъ какъ въ первые дни... Я ни капельки не измѣнился... Милая, милая Беатриче!..“ Онъ читалъ... Порой какое-нибудь слово, особенно ласковое, отдавалось у него въ груди сладостнымъ, легкимъ уколомъ; глаза его заволакивались туманомъ; онъ сжималъ въ рукѣ тонкій листокъ, вдыхалъ его ароматъ — и вѣчно новая, радостная увѣренность, что онъ любимъ, умиляла его до слезъ...

„...Еще десять дней... Ты найдешь меня такой же нѣжной, такъ же страстно влюбленной въ тебя, какъ и въ нашей комнаткѣ въ Тиволи—увы, менѣе молодой, быть можетъ подурнѣвшей, но еще болѣе любящей...“

Сидя на диванѣ, г-жа Кларансъ вглядывалась въ Жоржа, стоявшаго у ярко освѣщеннаго окна. Она угадывала блескъ въ его опущенныхъ глазахъ, горделивую улыбку на устахъ... Усталый, постарѣвшій мужъ ея, преображенный счастьемъ, теперь казался молодымъ... „Господи! — думала она — и зачѣмъ я дала ему прочесть это письмо? Не надо было давать. Надо было воспользоваться его безпокойствомъ, подготовить его... Послѣ этой вѣсточки нежданный ударъ будетъ еще болѣе жестокимъ“... И въ то же время ей хотѣлось продлить эти минуты— послѣднія минуты, когда Беатриче Альбери еще жила, такъ какъ

Жоржъ считалъ ее живой, когда иллюзія счастья замѣняла счастье...

„...Сколько мнѣ надо разсказать тебѣ... Но ты думаешь, я съумѣю что-нибудь разсказать тебѣ? Я буду, какъ и прежде, трепещущей, безмолвной, готовой заплакать отъ радости... Ахъ, Жоржъ, мой Жоржъ! Я все та же женщина, которая говорила тебѣ: „будь великимъ, будь славнымъ“... Но я чувствую, что слава—ничто въ сравненіи съ любовью...“

— Жоржъ!

Кларансъ не слышалъ.

— Жоржъ! Послушай...

Онъ читалъ: „Люблю тебя, люблю! Одна весь этотъ вечеръ послѣ спектакля въ номерѣ гостинницы, гдѣ я, наперекоръ разсудку, все какъ будто жду тебя, я вспоминаю долгіе годы нашей взаимной нѣжности и, думая о прошломъ, перестаю бояться будущаго. Мнѣ кажется, о мой любимый другъ, что всѣ наши испытанія кончились и ничто уже не можетъ причинить намъ горя, что наша любовь дастъ намъ силу не состарѣться, что мы никогда не умремъ... Это ребячество, надъ которымъ ты будешь смѣяться, но вѣришь ли...“

— Жоржъ!

— Что тебѣ?—сказалъ Кларансъ, не поворачивая головы.

Полина смолкла. Прижавшись къ спинкѣ дивана, она ломала руки, терзаясь мукой ожиданія... „Нѣтъ,—думала она—не могу я заговорить съ нимъ, сказать ему объ этомъ ужасѣ... Несчастный!.. Онъ теперь успокоился, вѣритъ въ будущее и въ своей эгоистической радости даже забылъ о моемъ присутствіи... Онъ думаетъ только объ этомъ письмѣ и не знаетъ, что оно — послѣднее... что его Беатриче никогда уже больше не напишетъ ему... Онъ счастливъ, что можетъ дотронуться до бумаги, которой касалась ея рука; ему кажется, что онъ слышитъ ея голосъ, видитъ ее... А тамъ подбираютъ остатки того, что̀ было *ею*“... Г-жа Кларансъ даже вздрогнула при этой мысли... „Нѣтъ, пусть читаетъ и перечитываетъ... Пусть какъ можно позже узнаетъ правду“...—говорила она себѣ, глядя на мужа, какъ смотрятъ на больного, не знающаго, что онъ боленъ.

Она припоминала всѣ перипетіи этого длиннаго любовнаго романа, въ которомъ ей пришлось играть роль жертвы—романа, въ которомъ она подвергла такому жестокому испытанію стойкость и вѣрность обоихъ влюбленныхъ. Сколько разъ она проклинала эту любовь, которой она не понимала, которую называла „физическимъ рабствомъ“ и „распущенностью воображе-

нія"... Почему же теперь, когда она отошла въ область прошлаго, она казалась такой прекрасной? Смерть наложила на нее печать величія, и она уже не подлежала человѣческому суду. Полина думала: „Они любили другъ друга до конца, не утомляясь, не испытывая разочарованій... Какъ они, должно быть, были счастливы"!.. И мысль объ этомъ счастьѣ—объ этомъ несправедливомъ, незаконномъ счастьѣ не вызывала въ ней гнѣва... Вѣдь это ужъ кончено, совсѣмъ, навсегда... Послѣ остраго приступа горя придетъ забвеніе. Вѣдь это только въ романахъ и поэмахъ мертвые продолжаютъ владѣть живыми... „Теперь мой чередъ!"—говорила себѣ Полина.—„Потихоньку, полегоньку... я утѣшу Жоржа, и онъ вернется ко мнѣ"...

Прозвонилъ колокольчикъ... Донесся дѣтскій смѣхъ... Кларансъ обернулся, точно со сна, и какимъ-то размякшимъ голосомъ выговорилъ:

— Идемъ, Полина... Завтракъ поданъ...

Письмо онъ опустилъ во внутренній карманъ жилета. На вискахъ его блестѣли капельки пота; ярко освѣщенные сѣдые волосы казались серебряными; на лицѣ выступилъ румянецъ, и оно сіяло безсмертной юностью любви. Полина видѣла его въ это мгновеніе такимъ, какимъ никогда ужъ больше не видала. Огонь въ его глазахъ погасъ, и онъ выговорилъ раздосадованно, какъ человѣкъ, пойманный на мѣстѣ преступленія:

— Да что съ тобой такое? Ты разсердилась, что ли?.. Изъ-за чего? Потому что я читалъ и не отвѣтилъ тебѣ на вопросъ?.. Но вѣдь ты же знала, какъ я ждалъ письма.

Г-жа Кларансъ покачала головой.

— Нѣтъ... Ты ошибаешься... Не въ этомъ дѣло...

— Такъ въ чемъ же?.. Какая-нибудь непріятность?.. Дурныя вѣсти?.. Твоя кузина Жанна захворала?.. Дѣти что-нибудь напроказили?.. Тебя донимаютъ поставщики?.. Бѣдная ты моя Полина...

Онъ снисходительно улыбался. Потомъ махнулъ рукой.

— Ну, ты разскажешь это мнѣ за завтракомъ. Идемъ скорѣй—я умираю съ голоду.

— Нѣтъ, Жоржъ... Останься... Поди ко мнѣ... Такъ надо... Увѣряю тебя... Мы сейчасъ пойдемъ... Но... мнѣ нехорошо...

— Это правда!.. Ты совсѣмъ помертвѣла... А я-то и не замѣчаю... Полина, тебѣ дурно?.. Ты больна?.. Я сейчасъ позову... Нѣтъ?.. Ты не хочешь?..

— Не тревожься обо мнѣ, прошу тебя!.. Поди... сюда... Сядь возлѣ меня, поближе... Послушай... Вѣдь ты всетаки не-

множко любишь меня—не правда ли? Ты вѣришь, что я—твой другъ?.. Ты пришелъ бы ко мнѣ, еслибъ у тебя было горе, еслибъ ты былъ одинъ?.. совсѣмъ одинъ?.. Мнѣ надо, чтобы ты успокоилъ меня, Жоржъ!..

— Почему?.. Чего ты боишься?.. Какая ты стала нервная, Полина... Ну да, ты другъ мнѣ!.. Конечно, другъ!..

— Вѣришь ты, что я съумѣла бы утѣшить тебя?

— Конечно!.. Но я надѣюсь, что утѣшенія мнѣ не понадобятся... Ты знаешь, страданія—это вовсе не по моей части...

— Что дѣлать?.. Этого не избѣжишь... Горе, страданія—общій удѣлъ... Отъ этого не уйдешь—какъ и отъ смерти...

— Ты начинаешь говорить сентенціями... Я не узнаю тебя... Совершенно какъ Экклезіастъ... Впрочемъ, всетаки, это разнообразіе—вмѣсто обычныхъ твоихъ жалобъ на негодяя-мясника, который не пріѣхалъ во-время... Да полно же! Засмѣйся!.. Не такъ ужъ ты больна... А что касается смерти, о ней не мѣшаетъ иногда подумать, но говорить о ней не слѣдуетъ... Такъ гласитъ мудрость...

— А между тѣмъ она всегда близка къ намъ...—сдавленнымъ голосомъ выговорила Полина—и, если ты вѣришь въ предчувствія...

— Ты съ ума сошла, моя бѣдняжка!..

Г-жа Кларансъ смотрѣла на него съ жалостью. А ему было и жаль ея, и вмѣстѣ съ тѣмъ его раздражалъ ея плаксивый тонъ. Никогда еще мрачныя предчувствія не были такъ далеки отъ его души...

— Бываютъ дни,—говорила Полина, обнимая мужа,—бываютъ дни, когда мнѣ вдругъ становится такъ грустно, сама не знаю, почему... Я какъ-то даже не умѣю этого понять... объяснить... Вдругъ сердце сожмется страхомъ—въ особенности когда ты въ отъѣздѣ, или когда я вдали отъ моихъ дѣтокъ... Я говорю себѣ: „Вотъ я здѣсь... спокойная... увѣренная, что все благополучно... Они вчера только писали мнѣ... они здоровы... Но со вчерашняго вечера—кто знаетъ, что̀ могло случиться? Можетъ быть, въ эту самую минуту... И станетъ вдругъ такъ жутко...

— И со мной это иногда бываетъ,—задумчиво сказалъ Кларансъ.—Иной разъ схватитъ за сердце тревога... Это такой мучительный кошмаръ... Иной разъ ночи напролетъ... Мучишься заранѣе, какъ будто... Но зачѣмъ говорить объ этомъ?.. Это нездорово... Полина!

Онъ вздрогнулъ.

— Полина! Идемъ же!.. Что за нелѣпость вести такіе разговоры?.. Не нагоняй на меня черныхъ мыслей... иначе я не въ состояніи буду работать... Что?.. Такъ ты это въ серьёзъ?.. Что-нибудь случилось?.. Такъ говори же... Скорѣе! Ты меня пугаешь... Эти твои письма, которыхъ я не прочелъ...

— Ахъ, Жоржъ!.. Ты всегда такой безпечный. Вотъ сейчасъ, пока ты читалъ, я смотрѣла на тебя и думала:—какъ часто бываетъ, что получишь письмо отъ друга... веселое, радостное... а, глядишь, онъ въ этотъ самый день убитъ или раненъ, гдѣ-нибудь на желѣзной дорогѣ, или на автомобилѣ—и потомъ объ этомъ прочтешь въ газетахъ... Я думала объ этомъ, потому что...

— Полина!—крикнулъ Жоржъ Клярансъ.

И, какъ безумный, кинулся къ ней:

— Говори!.. Ты что-то знаешь?.. Что ты знаешь?.. Телеграмма?.. Мнѣ была телеграмма?.. Давай сюда!.. Несчастье?!..

— Жоржъ! Будь мужественъ!..

— Гдѣ телеграмма? Давай сюда!.. Я хочу!.. Нѣтъ? Такъ... въ чемъ же дѣло? Откуда ты знаешь?.. Изъ газетъ?.. Ну да, конечно!.. Гдѣ же газета? Дай сюда газету!.. Да говори же!.. Не мучь!.. Это съ ней, не правда ли?.. Несчастный случай?.. Она ранена?..

Полина сжимала несчастнаго въ своихъ объятіяхъ.

— Вечеромъ... въ театрѣ... Пожаръ... Ахъ, Жоржъ, плачь, плачь со мной! Я хочу раздѣлить съ тобою твое горе...

Клярансъ рѣзко разжалъ и отшвырнулъ отъ себя руки, сцѣпившіяся вокругъ его шеи. Онъ увидѣлъ торчавшій изъ ея кармана уголокъ газеты... схватилъ его, едва не разорвалъ въ клочки, развертывая, не смотря на мольбы Полины...

...Туманъ застилаетъ ему глаза, окутываетъ мозгъ и кружится, кружится вихремъ въ головѣ, вмѣстѣ съ мыслью, еще не успѣвшей превратиться въ боль... Боли, страданія пока еще нѣтъ... Судорога свела ему горло, не пропускаетъ страшнаго крика, который рвется наружу, и этотъ крикъ раздираетъ ему внутренности... Такъ, человѣкъ, попавшій подъ вагонъ, анестэзированный испугомъ и недоумѣніемъ, обезкровленный, съ отрѣзанными руками и ногами, дивится, что онъ не чувствуетъ боли... Жена, цѣпляясь за него, испуганно молила:

— Ну, заплачь!.. Заплачь!.. Постарайся заплакать!.. Охъ, не смотри такъ страшно!

Онъ отрицательно качнулъ головой. Говорить онъ не могъ... Только бы его оставили въ покоѣ...

Внизу весело звонитъ колокольчикъ... На лѣстницѣ слышны шаги... Полина спѣшитъ къ полуоткрытой двери, кому-то говоритъ: „Нельзя... не надо... сюда никому нельзя"... И возвращается къ дивану, наступая на валяющуюся на полу газету... Клярансъ лежитъ ничкомъ, уткнувшись лицомъ въ сидѣнье, раскинувъ руки, недвижный, какъ мертвецъ. Только время отъ времени дрожь пробѣгаетъ по его плечамъ... Какъ сквозь сонъ, онъ думаетъ: „Я сейчасъ умру... Я могу встать, выйти отсюда... И тогда умру... Мнѣ надо умереть"... Чья-то рука робко легла на его лобъ... чье-то тѣло, протянувшееся рядомъ, давитъ на его плечо; чей-то дрожащій голосъ, какъ будто откуда-то издали, блаженно шепчетъ: „Жоржъ!"... Онъ словно коченѣетъ, умышленно погружается въ отупѣніе, чтобы не отвѣчать, не слушать, не понимать... И это длится вѣчность... Но женщина не унимается... Ея мольбы будятъ сознаніе, заставляютъ вибрировать парализованные нервы... И тогда приходитъ боль... Наваливается волною изнутри, и лежащій на диванѣ человѣкъ весь содрогается отъ страшнаго толчка; изъ груди его вырывается крикъ, безсвязная жалоба, рыданіе, въ которомъ нѣтъ ничего человѣческаго...

Солнечный лучъ ужъ не играетъ на бѣлой стѣнѣ; онъ скользнулъ по пюпитру у окна, задержался на минуту въ суровой шторѣ и вдругъ исчезъ... Клярансъ открылъ глаза...

Онъ весь разбитъ этимъ приступомъ безмолвныхъ рыданій. Онъ еще не плачетъ, но уже не въ силахъ больше стонать. Лицо его помертвѣло, осунулось, сразу состарилось, но онъ успокоился... Мука его сейчасъ кончится... Онъ все равно не можетъ больше жить—это онъ твердо знаетъ... И тѣни сумерекъ отрадны ему, какъ надвигающіяся тѣни смерти... Онъ думаетъ:

„Потерпи, моя возлюбленная!.. Скоро, скоро... я приду къ тебѣ..."

Но въ полумракѣ чей-то голосъ, въ которомъ слышны слезы, жалкій, робкій голосъ, такой смиренный, лепечетъ:

— Дѣти, Жоржъ! Подумай о дѣтяхъ!.. Подумай обо мнѣ... Я все выносила, со всѣмъ мирилась, лишь бы ты былъ счастливъ съ нею... Твое счастье въ прошломъ—счастье, которымъ мы не мѣшали тебѣ наслаждаться, налагаетъ на тебя обязанности... Жоржъ, ты долженъ жить... Мы не нарушимъ траура твоей души, твое горе будетъ для насъ священнымъ... Но ты будешь жить—для насъ... *Она* сказала бы тоже... *Она* тоже потребовала бы, чтобы ты жилъ...

Онъ пожимаетъ руку, которая ищетъ его руки. Но не отвѣчаетъ.

Развѣ можетъ кто-нибудь, хотя бы жена или дѣти, заставить его жить?

VII.

— Скорѣй, огня... И дай путеводитель... Сегодня вечеромъ еще есть поѣздъ въ Парижъ.

Въ комнатѣ уже совсѣмъ стемнѣло; г-жа Кларансъ едва различаетъ предметы... Она встаетъ, идетъ къ камину, ощупью находитъ спички... маленькую лампочку... Свѣтъ, весь вобранный зеленымъ абажуромъ, кружкомъ ложится на полу...

Жоржъ, втиснувшись въ уголъ дивана, опершись локтями на колѣни и головою на руки, говоритъ, словно въ кошмарѣ:

— Который часъ?..

Оба потеряли представленіе о времени... Оба съ утра не ѣли; только взвинченные нервы, лихорадка, вызываемая крайней усталостью, поддерживаетъ ихъ.

— Жоржъ,—говоритъ Полина—ты въ состояніи спуститься внизъ... Тамъ мы найдемъ все, что тебѣ нужно...

Кларансъ встаетъ, шатаясь. Жена его идетъ впереди, съ лампой въ рукѣ, и на лѣстницѣ, оглядываясь, тревожно шепчетъ:

— Обопрись на меня... Осторожнѣй!

Ей кажется, что она ведетъ больного... Говоря съ нимъ, она невольно понижаетъ голосъ. Безъ сомнѣнія, тамъ, за стѣной, дѣти тоже шепчутся объ этой таинственной напасти, обрушившейся на ихъ отца...

— Пройдемъ сюда. Въ мою комнату... Вотъ такъ... Присядь... Я сейчасъ вернусь... сейчасъ принесу путеводитель...

Она застаетъ его сидящимъ въ креслѣ. Взглядъ его блуждаетъ... Лампа, стоящая на столикѣ рядомъ, ярко освѣщаетъ всѣ выпуклости и впадины его лица, которое кажется страшно исхудалымъ и старымъ, старымъ...

— Ты хочешь ѣхать, другъ мой?

— Сегодня вечеромъ...

— Надо подкрѣпиться... Вотъ вино, бисквиты... Или ты предпочитаешь...

— Нѣтъ... убери все это... Гдѣ путеводитель?

— Я... я ужъ смотрѣла... Вечерній поѣздъ не сходится съ экспрессомъ изъ Тулузы. Тебѣ пришлось бы ночевать въ Бривѣ... Ты не сможешь...

— Я ѣду...

— Завтра утромъ... Умоляю тебя, погоди до завтра... Прими эѳира—тогда ты уснешь... Тебѣ непремѣнно надо уснуть... Я такъ тревожусь за тебя... Вотъ, смотри. Есть поѣздъ въ шесть часовъ. Я сама разбужу тебя... Ты будешь въ Парижѣ вечеромъ, въ Будапештѣ—послѣ-завтра...

— Послѣ-завтра?.. Ты увѣрена... Но вѣдь это же невозможно, Полина... Вѣдь это будетъ поздно... Я не могу... Надо... надо придумать способъ... Можетъ быть, можно выиграть нѣсколько часовъ, если ѣхать на Клермонъ... Дай, я самъ взгляну...

Онъ перелистываетъ путеводитель, но въ глазахъ его мутится, руки дрожатъ...

— Не могу... Посмотри ты... Послѣ-завтра... О! Но вѣдь я хочу быть тамъ, когда...

Его душатъ рыданія... Жена его, сидя на низенькомъ табуретѣ, пробѣгаетъ взглядомъ столбцы цифръ, сокращенныхъ названій... Иссель... Клермонъ... Отъ Клермона до Парижа...

— Увы, мой бѣдный Жоржъ! На Клермонъ еще дольше ѣхать... И во всякомъ случаѣ, въ Парижѣ ты не будешь раньше завтрашняго вечера... И вообще... я даже боюсь сказать тебѣ... но... эта поѣздка... Вѣдь она безполезна...

— Я хочу увидать...

— Увидать?.. Что?.. Кого?.. Развѣ ты не прочелъ?.. Огонь...

— Молчи!..

Онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, вскрикнулъ... Ужасная картина въ первый разъ ясно представилась его помутившемуся уму... И снова поднялась въ его душѣ тяжелая волна отчаянія... О!.. Ѣхать! Ѣхать сейчасъ, сію минуту, ночью, одному, хоть пѣшкомъ уйти...

— Мое мѣсто тамъ... гдѣ она...

— Завтра...

— Да не могу я ждать...

— Ты уснешь... Клянусь тебѣ, что ты уснешь... Я усыплю тебя эѳиромъ... Подумай. На нѣсколько часовъ забыться...

Онъ качаетъ головой.

— Я не хочу забываться... Мнѣ—спать, въ то время, какъ она...

— Ну, хорошо, ты не уснешь... Я буду бодрствовать съ тобой... А завтра поѣду съ тобою вмѣстѣ.

— Нѣтъ!

— Почему?

— Я одинъ...

— Ты жестокъ!..

— Я не хочу, чтобъ меня утѣшали... Я хочу изжить свое горе, до конца, одинъ. Оставь меня... Дай мнѣ хоть одинъ день быть эгоистомъ, несправедливымъ, даже злымъ. Я искуплю, повѣрь... Будь спокойна: ты будешь отомщена...

— Ты очень огорчаешь меня, говоря такъ... Я прощаю тебѣ, потому что ты несчастенъ и невмѣняемъ сейчасъ... Но, всетаки, это такъ больно, что я для тебя ничего не значу, ничего... А я-то такъ тебя люблю!..

— Бѣдная Полина!.. Ты плачешь... Не стоитъ плакать... Думай о себѣ, не обо мнѣ... Я былъ счастливъ... А теперь все для меня кончено... кончено...

— Мнѣ больно слышать твой голосъ... Ты слишкомъ спокоенъ... Мнѣ страшно... Еслибы ты заплакалъ, ты бы меньше страдалъ...

— Я не страдаю... Я сталъ какъ камень... холодный, мертвый... да, я уже все равно что мертвый...

Она умолила его раздѣться, лечь. Въ концѣ концовъ онъ согласился, — надо же было собрать хоть немного силъ на путешествіе...

Лампу отставили подальше. Кларансъ лежалъ, вытянувшись во весь ростъ на постели, и жена его подумала, что онъ уснулъ.

Ее охватила страшная усталость, накоплявшаяся цѣлый день, безумная потребность расправить члены, вздохнуть свободно, уйти отъ этой чужой боли.

Она пошла въ столовую, гдѣ дѣти обѣдали одни, съ гувернанткой, спросила бульону, яицъ, чего-нибудь, чтобъ подкрѣпиться; у нея кружилась голова отъ голода.

Время отъ времени она прислушивалась... Ничего, ни звука... Жоржъ, очевидно, спалъ, тяжелымъ сномъ, какой всегда слѣдуетъ за сильными потрясеніями.

Пьеръ и Жермена, уставъ приспособляться къ этой тоскѣ, бродившей въ домѣ, перешептывались и уже не могли удерживаться отъ смѣха. Г-жа Кларансъ приласкала взглядомъ своего сына, мальчика лѣтъ четырнадцати, похожаго на нее лицомъ и характеромъ, такого же крѣпыша, здороваго, положительнаго и уравновѣшеннаго. Бѣлая холстинковая блуза плотно обрисовывала его широкія плечи, его теперь уже выпяченную грудь. Лицо было еще совсѣмъ дѣтское, круглое, простодушное, все въ ямочкахъ, съ наивными прозрачными глазами и волосами такъ ко-

ротко остриженными, что голова его казалась покрытой коричневымъ плющемъ.

Дѣвочка, лѣтъ двѣнадцати, черненькая, худенькая, вся въ завиткахъ, тонкими чертами лица и нервностью напоминала Клaранса.

Горделивая нѣжность матери опьяняла Полину... Она забыла о человѣкѣ, который, быть-можетъ, и во снѣ продолжалъ страдать изъ-за другой. Она любовалась своими дѣтьми, *ихъ* дѣтьми, безсознательно объединяя ихъ съ собой въ этомъ чувствѣ освобожденія, побѣды, уже просыпавшемся въ ея душѣ... *Та, другая*, не стала матерью: *та, другая*, ничего не дала любви, кромѣ трепета безплодныхъ наслажденій. И она умерла цѣликомъ, не оставивъ по себѣ ничего, кромѣ имени, образа, который скоро изгладится.

„А я, я, еслибы и умерла, я все равно воскресла бы для Жоржа—въ дѣтяхъ!“

Эта мысль привела за собой другую мысль, менѣе лестную:

„Еслибъ это я умерла, онъ бы не страдалъ такъ... Быть-можетъ, онъ жалѣетъ, что умерла она, а не я...“

И опять ее охватила та же радость бытія, какъ давеча утромъ, въ паркѣ, подъ ласковыми лучами солнца... Ну что-жъ: кончится же когда-нибудь это тяжелое время. Вѣчнаго траура не бываетъ. Понемногу Жоржъ опять сблизится съ своей подругой жизни, съумѣвшей такъ великодушно, такъ бережно отнестись къ его горю... Заинтересуется дѣтьми... И мало-по-малу утѣшится, самъ того не замѣчая...

Вернувшись въ свою комнату, Полина увидала, что Жоржъ лежитъ, не шевелясь, лицомъ къ стѣнѣ, раскинувъ руки. Онъ не отвѣтилъ на ласковый вопросъ жены: „Ну... какъ ты себя чувствуешь?.. Тебѣ ничего не нужно?.. Можно мнѣ остаться здѣсь?..“ Однако, она видѣла, что глаза его были открыты.

Не рѣшаясь оставить его одного въ такомъ состояніи, она усѣлась на другомъ концѣ комнаты и принялась мечтать. Но скоро соскучилась, такъ какъ волненіе ея уже улеглось, и попробовала читать.

Пробило одиннадцать часовъ, потомъ двѣнадцать. Г-жа Клaрансъ зѣвала, спрашивая себя, гдѣ же она будетъ спать... Въ спальнѣ былъ диванчикъ, узенькій, на ножкахъ, но съ матрацемъ и подушками—иногда на немъ спала Жермена, когда она прихварывала и требовала, чтобъ ее положили въ одной комнатѣ съ мамой. Безъ шума Полина достала изъ шкафа про-

стыни, постелила себѣ на диванчикѣ и раздѣлась, убавивъ огня въ лампѣ.

Жоржъ даже не замѣтилъ этого. Спалъ ли онъ? Бодрствовалъ ли? Мысли его разсѣянно блуждали въ смутной области тайнъ и страховъ... Быть-можетъ, онъ прислушивался къ голосу, звавшему его издалека—изъ-за грани жизни...

Полину бросало въ жаръ и холодъ при мысли о поѣздкѣ: она представляла себѣ тряскій вагонъ, пріѣздъ въ Будапештъ, похороны, разговоры въ публикѣ, отклики случившагося въ парижскихъ газетахъ...

— Какая скука!—говорила она себѣ.—Жоржъ, навѣрно, заболѣетъ... Ему нуженъ будетъ отдыхъ, уходъ, развлеченія... Опера его, значитъ, ужъ не пойдетъ въ этомъ году... Его потянетъ подальше отъ Парижа. Значитъ, будемъ путешествовать... Дѣвочку я возьму съ собой... А Пьеръ? Пьера придется помѣстить пансіонеромъ у кого-нибудь изъ учителей гимназіи... Кстати, это будетъ отличный случай отказать учительницѣ...

Она думала также о томъ, что это въ первый разъ за девять лѣтъ Жоржъ спитъ такъ близко отъ нея, въ одной и той же комнатѣ...

VIII.

Жанъ Пьерρво сказалъ:

— Г-нъ Клaрансъ никого не принимаетъ? Ну, меня онъ приметъ. Я вчера писалъ ему. Вотъ моя карточка...

И такъ какъ дверь маленькой гостиной была открыта, онъ вошелъ туда, между тѣмъ какъ лакей, нѣсколько встревоженный, пошелъ доложить барину о гостѣ... Что это еще за Жанъ Пьерρво, „художникъ-скульпторъ, 20, улица Буассонадъ?“ Одѣтъ неважно, шляпа сѣренькая, фетровая, и даже безъ перчатокъ. Онъ раньше никогда и не бывалъ здѣсь въ отелѣ, въ авеню Гошъ... Врядъ ли барыня будетъ довольна такимъ визитеромъ.

Когда лакей вернулся и почтительно доложилъ, что г. Кларансъ сейчасъ выйдетъ, Жанъ Пьерρво стоялъ у окна. Онъ смотрѣлъ, какъ угасалъ мартовскій день. Надъ улицей, на фіолетовомъ небѣ, кое-гдѣ поблескивали желтые просвѣты, и рѣзкій вѣтеръ, смѣшанный съ дождемъ, уже несъ съ собой запахъ весны.

Лакей зажегъ электрическую лампочку на столѣ у камина, огромнаго, рѣзного изъ темнаго орѣха, въ стилѣ ренессансъ, съ

навѣсомъ и колонками, и поправилъ щипцами дрова. Слабый бѣлый свѣтъ боролся съ яркими вспышками огня въ каминѣ. На стѣнахъ смутно зазеленѣли фламандскіе пейзажи; мѣстами выступили изъ темноты отливы бронзы, дерева съ позолотой, слоновой кости.

Это была любимая комната Кларанса, гдѣ каждый предметъ напоминалъ ему какой-нибудь эпизодъ изъ его путешествія, гдѣ ничто не напоминало о вкусахъ и даже о существованіи Полины.

Жанъ Пьерво медленно обошелъ гостиную, останавливаясь передъ стильной мебелью XVI вѣка, дотрогиваясь до блестящихъ округлостей, до четкихъ линій дерева, испытывая отъ этого физическое наслажденіе. Руки его были грубы, какъ у рабочаго, но жесты ихъ—неожиданно гибки и нѣжны; у него была совсѣмъ особая манера брать въ руки статуэтки и вазы... Лаская предметы легкими прикосновеніями своихъ огромныхъ рукъ, онъ улыбался имъ, какъ живымъ существамъ. Надъ роялемъ онъ увидалъ портретъ и подошелъ, чтобъ лучше разглядѣть... Блѣдное лицо, пламенные глаза, легкая выпуклость висковъ, печальный ротъ, взбитые бандо, темнымъ дымкомъ обрамлявшіе лицо, красное платье, застегнутое аграфомъ изъ старинной эмали. — Пьерво сразу узналъ ее и со вздохомъ покачалъ головой...

Кто-то возлѣ него прошепталъ:

— Ты видишь... Это *она*...

— Кларансъ!..

Скульпторъ протянулъ другу обѣ руки. Жоржъ молча отвѣтилъ на пожатіе. Вѣки его были опущены, ротъ кривила нервная улыбка, предвѣстница слезъ. Взволнованный гость забылъ всѣ слова, припасенныя заранѣе.

— Бѣдный ты мой!—повторялъ онъ только.—Бѣдный ты мой!

Женщина съ портрета смотрѣла на этихъ двухъ сѣдѣющихъ мужчинъ, на глубокія вертикальныя морщины на щекахъ, одинаковыя у обоихъ, проведенныя острыми когтями горя.

Кларансъ, наконецъ, выговорилъ:

— Мы не видались съ тобой уже пять лѣтъ, Пьерво, со времени... твоей утраты... Ты тоже никого не допускалъ къ себѣ, заперся въ своей мастерской, со своими воспоминаніями... А я былъ тогда слишкомъ счастливъ. Я не смѣлъ потревожить твоей скорби. Ты, конечно, думалъ, что я забылъ тебя... И однако, ты пришелъ...

— Я зналъ, что меня ты примешь, старина, — отвѣчалъ Пьерво, — и не послушалъ твоего лакея... Меня вдругъ потя-

нуло къ тебѣ, когда я прочелъ въ газетѣ, что ты на нѣсколько дней пріѣхалъ въ Парижъ... Столько вспомнилось стараго, хорошаго... Наша молодость... помнишь, какъ мы славно жили въ Римѣ, до твоей женитьбы?.. Товарищи... иныхъ ужъ нѣтъ въ живыхъ... другіе разбрелись по свѣту... Ты помнишь мою маленькую мастерскую въ Монружѣ? Мою бѣдную Мадлену? Какая она была хорошенькая, ласковая!.. Она ужъ и тогда была больна... Какъ это все далеко!.. И потомъ я таки вправду одичалъ... Твой отель, твоя жена, лакеи — все это пугало меня... Я забился въ свою нору, прятался отъ людей... Работа, Кларансъ, и одиночество—только это и спасаетъ, когда страдаешь и не хочешь утѣшиться... Но, все же, дружеское пожатіе руки— отъ человѣка, который понимаетъ, потому что самъ зналъ горе, испыталъ такую же утрату — иной разъ это можетъ быть пріятно...

— Да, Пьеррво, ты правъ... Я очень тронутъ... Спасибо тебѣ... Ты видишь, мы теперь сравнялись... Мы можемъ говорить... Прежде — я жалѣлъ тебя, конечно, всей душой — но какъ всѣ... Я не подозрѣвалъ, что это такая мучительная боль...

— Кларансъ... Успокойся... возьми себя въ руки...

Музыкантъ указалъ на портретъ.

— Вся моя жизнь!..

И, тяжело дыша, прибавилъ:

— Присядь, Пьеррво... Я не могу долго стоять... Я недавно только всталъ съ постели... Что-то въ родѣ инфлюэнцы, страшно затянувшейся, — вѣроятно потому, что не хотѣлось выздоравливать... не было сопротивленія въ организмѣ... Но, все же, три мѣсяца въ Алжирѣ, уходъ, заботы, преданность моей бѣдной жены, поставили меня на ноги... почти... И ты видишь... Я живу... Это постыдно... но я живу...

— Вѣдь и я тоже живу,—сказалъ скульпторъ.

— Я словно и не человѣкъ теперь... какой-то обломокъ кораблекрушенія... Не работаю... не смѣю думать... Такъ, живу...

— *Надо* работать, *надо* думать — этимъ только и можно оправдать, что живешь.

— Работать? Зачѣмъ... Для кого?.. Ради денегъ?.. Мнѣ уже не нужно то, что̀ покупается деньгами... Ради славы?.. Полно! Развѣ слава утѣшаетъ?.. Ты вѣдь знаешь — славѣ радуешься только потому, что это—торжество для той, кого ты любишь... Ты говоришь ей: „Моя слава—вотъ я кладу ее къ твоимъ ногамъ. Поставь на нее твои ножки“... И счастливъ, и вознагра-

жденъ за всѣ усилія... Ни деньги, ни успѣхъ этого не могутъ дать... Да, у насъ съ ней это было такъ... Мы чувствовали одинаково, во всемъ, всегда, и каждый изъ насъ хотѣлъ быть великимъ только изъ любви къ другому... Ахъ, Пьеррво, никто, даже ты не можешь представить себѣ, какъ мы любили... Девять лѣтъ неостывающей страсти, нѣжности, сердце къ сердцу... съ обѣихъ сторонъ одинаковое лелѣянье чувства, одинаковое стараніе сберечь его, украсить... Это было такое особенное чувство... Все тутъ: и наслажденіе, и радость души... даже работали мы почти всегда вмѣстѣ... Болтаемъ... замолчимъ... одинъ задумается— другой ужъ понялъ... И словъ не надо... Потомъ говоришь: „Вотъ что я сдѣлалъ... что хочу сдѣлать"... Другой скажетъ: „Это хорошо". И ты счастливъ... А если она скажетъ: „Ты это не такъ сдѣлалъ..." — вмѣстѣ съ нею ищешь ошибки... или начинаешь сначала... Вотъ какая была наша жизнь, наша любовь...

Двѣ слезы скатились по его исхудалымъ щекамъ.

— Ни одной ссоры... ни одной размолвки. Я былъ увѣренъ въ ней, какъ она была увѣрена во мнѣ... А между тѣмъ я былъ артистъ, она—актриса; мы жили въ мірѣ, гдѣ искушеньямъ, поводамъ къ авантюрамъ нѣтъ числа, гдѣ, полюбивъ, такъ легко сходятся и расходятся... И никогда... ты понимаешь... даже въ голову не приходило... Она была для меня единственною женщиной... А ея любовь для меня была... Ахъ! Развѣ это можно разсказывать?.. Развѣ кто-нибудь зналъ ея сердце, ея великое сердце?!.. Никто! Никто!..

Онъ плакалъ.

— Позволь мнѣ говорить... Это меня облегчаетъ... Здѣсь, ты понимаешь, я не могу говорить о ней... А сердце у меня такъ наболѣло... О, здѣсь всѣ добры ко мнѣ: Полина—совершенство... но она все старается какъ-нибудь разсѣять меня, развлечь, и это меня иногда стѣсняетъ... Ей хотѣлось бы излѣчить меня отъ моей тоски... Конечно, это она изъ добрыхъ побужденій...

— Ты думаешь?

— Полина привязана ко мнѣ... Она меня простила... О, увѣряю тебя, въ этотъ трагическій моментъ она поразила меня своею кротостью, своей самоотверженностью... Она страдаетъ оттого, что я страдаю на ея глазахъ, и старается утѣшить меня... Это такъ естественно...

— Это естественно... да... съ ея точки зрѣнія,—сквозь зубы процѣдилъ Пьеррво. — Но ты, старина — надѣюсь, ты не поддаешься утѣшеніямъ твоей жены... Вѣдь я ее знаю, твою благо-

вѣрную. Она очень достойная женщина, но... Меня она не любитъ, да и я въ былое время побаивался ея... Скажу напрямикъ—ты разрѣшаешь? Ну, такъ вотъ: не слѣдовало тебѣ замѣшивать ее во все это... Право же, это немного больно видѣть... Вѣдь ты же не посвящалъ ее въ свои любовныя переживанія... А твое горе — вѣдь это та же твоя любовь — нѣчто такое, что̀ касается только тебя, что̀ должно быть священнымъ...

Кларансъ, повидимому, былъ смущенъ.

— Увѣряю тебя,—пролепеталъ онъ—она очень деликатна... очень добра... Я и безъ того уже причинилъ ей такъ много горя... У нея такія добрыя намѣренія...

— Да, да... я знаю...

— Признайся, Пьеррво... Это тебѣ кажется страннымъ?

— Да... мнѣ досадно за тебя.

— Послушай. Вѣдь не думаешь же ты, что... Полина можетъ быть для меня только другомъ... О, Пьеррво! послѣ того, что я разсказывалъ тебѣ... послѣ того, какъ я плакалъ при тебѣ...

— Ну, объ этомъ еще не время думать... Да, я полагаю, до такого примиренія у васъ и не дойдетъ... Но только все же я боюсь, мой бѣдный мальчикъ, что ты слишкомъ поддаешься ей—не въ дурномъ смыслѣ слова... Ты страдаешь. Это хорошо... Ты опустился—это скверно... Тоска—не оправданіе для такихъ людей, какъ ты, какъ мы... А, чортъ меня дери, Кларансъ, ты думаешь, я меньше твоего отчаявался?.. Вѣдь и я любилъ Мадлену — да какъ любилъ! И сердцемъ, и умомъ, каждой жилкой, каждой каплей крови... Это была такая артистическая натура... Она такъ все понимала... И при этомъ очаровательна, красавица — лучше, чѣмъ красавица... О, да! Мы были счастливы!..

Онъ вздохнулъ.

— И я тоже, когда потерялъ ее, думалъ, что не снесу удара... Я хотѣлъ убить себя. Товарищи не допустили, дежурили около меня — помнишь? Плохую услугу они мнѣ оказали. Потомъ пытались какъ-нибудь развлечь меня, утѣшить... А я взялъ и выгналъ ихъ всѣхъ къ чорту... А потомъ, оставшись одинъ въ мастерской, началъ думать... искать повода, права жить... И нашелъ одинъ: мое искусство... Работать, съ тоской въ душѣ, какъ съ доброю подругой, храбро смотрѣть ей въ глаза, этой тоскѣ, и полюбить ее, такъ какъ и тоска эта—все та же любовь... О, нѣтъ, нѣтъ, я не хотѣлъ утѣшеній. Понемногу излѣчиваться отъ своего горя, забывать, потомъ начать улыбаться какъ другіе, быть можетъ, находить отраду въ вещахъ, не скрашенныхъ воспоминаніемъ о ней—словомъ, убить

ее вторично... Нѣтъ... И я заперся въ своей мастерской самъ-другъ со своимъ горемъ... Оно было моимъ вдохновителемъ. Я создавалъ фигуры для надгробныхъ памятниковъ, образы скорби, прощанья, воспоминаній... Все для нея, для Мадлены... Что мнѣ за дѣло было до выставочныхъ медалей, до казенныхъ заказовъ, до Академіи?.. Я жилъ весь въ прошломъ, которое и по сейчасъ остается моимъ настоящимъ... Иной разъ вечеромъ, когда я хорошенько наработаюсь, мнѣ чудится, что она тихонько входитъ въ мастерскую, кладетъ мнѣ на плечо свою ручонку, какъ бывало, и говоритъ: „Вотъ это, милый, хорошо! Ты—настоящій скульпторъ. Я довольна“.

— Да,—задумчиво сказалъ Кларансъ—твои статуи, „Воспоминаніе“, „Плакальщицы“, „Смерть влюбленныхъ“—все это создано твоей любовью. Мадлена живетъ въ твоей душѣ и будетъ вѣчно жить въ твоихъ произведеніяхъ... Искусство сильнѣе смерти... Я завидую тебѣ, Пьеррво! Ты—великій художникъ.

— А ты, Кларансъ?

— Увы, я былъ имъ!.. Теперь, не знаю... Я—выздоравливающій, за которымъ ухаживаетъ, иной разъ докучая ему, обезпокоенная семья... Ахъ, еслибъ я могъ на нѣсколько недѣль уединиться, не слышать больше...

Дверь отворилась. Вошла Полина, въ костюмѣ для прогулки, и съ нею дѣти. Въ первый моментъ она не замѣтила Пьеррво, который поднялся ей навстрѣчу.

— Жоржъ,—начала она—багажъ отправятъ сегодня вечеромъ. Я заказала купэ. Мы будемъ ночевать въ Лиможѣ... Ахъ, г-нъ Пьеррво! Я васъ и не узнала.

— Я узналъ бы васъ всюду. Вы совсѣмъ не измѣнились... А это ваши дѣтки!

— Да... Страшно выросли—не правда ли? Это не молодитъ... Ну, Жермена, Пьеръ, прощайтесь съ папой—и маршъ! У васъ только-только хватитъ времени переодѣться... Мы обѣдаемъ въ семь... Жермена, унеси это!

Она сбросила шляпку и жакетъ нетерпѣливымъ жестомъ женщины, которой хочется расположиться поудобнѣе и какъ-нибудь повѣжливѣе отдѣлаться отъ докучнаго гостя. Кларансъ посадилъ дѣвочку къ себѣ на колѣни.

— Ну что, довольна ты своими покупками, Жермена?

— О да, папа.

— Что же это? Куклы?

— Что ты, папочка? Вѣдь я уже большая!

Тоненькая, смуглая, обѣщающая стать красавицей, она го-

ворила съ отцомъ капризнымъ тономъ будущей кокетки. Клapaнсъ поцѣловалъ ее:

— Ступай, дѣвчурка. Отнеси мамину шляпку.

— Сейчасъ горничная придетъ.

— Жермена, слушайся, когда тебѣ говорятъ.

Г-жа Клapaнсъ умѣла приказывать. Дѣвочка ушла, надувъ губки. Тогда подошелъ Пьеръ.

— Ну что, отецъ, какъ твое здоровье? Поправляется?

— Да... то-есть...

— Ну да, тебѣ лучше! Только ты самъ вредишь себѣ... У тебя слишкомъ много воображенія. Ты вообразилъ себя больнымъ, и отъ этого дѣйствительно чувствуешь себя больнымъ. Надо встряхнуться. Въ Ронсьерѣ мы будемъ заниматься спортомъ вмѣстѣ... Мама обѣщала купить мнѣ лошадь... Жалко... Я бы предпочелъ мотоциклетъ, но онъ, повидимому, стоитъ слишкомъ дорого... Мамочка таки немножко скуповата.

— Добейся сначала диплома баккалавра!—сказала Полина.

— Это уже вышло изъ моды, мамаша... Да и на что онъ мнѣ, этотъ дипломъ? Я не намѣреваюсь быть профессоромъ. Я поступлю, какъ мой товарищъ, Ватсонъ... ты знаешь Ватсона, отецъ? Его родители, въ компаніи съ еще одной семьей, открыли новыя бойни въ Чикаго. Я тоже войду участникомъ въ это предпріятіе,—„to make money“, какъ говоритъ Ватсонъ... Чтобъ дѣлать деньги. Это не мѣшаетъ мнѣ любить искусства и музыку. У меня будетъ свой театръ. Мы тамъ поставимъ „Сильвабеллу“, отецъ!

— Будетъ, будетъ глупости болтать! Уходи!

Полина отослала сына и повернулась къ Пьерво.

— Вы уже уходите?... Какъ жаль, что я не могу пригласить васъ пообѣдать съ нами, но мы завтра уѣзжаемъ въ Ронсьеръ. Я везу съ собою учительницу и гувернера—мой мужъ ни за что не хочетъ разстаться съ дѣтьми. Онъ обожаетъ ихъ... Въ особенности Жермену... У насъ будетъ полонъ домъ народу... Какъ вы находите Жоржа?.. У него усталый видъ, не правда ли?. Это все отъ этой гадкой инфлюэнцы. Но ему уже лучше. Скоро онъ будетъ въ состояніи работать... Комическая Опера ждетъ его новой драмы...

И вдругъ заволновалась:

— Жоржъ! Ты такъ ужасно выглядишь!.. Ты слишкомъ много говорилъ... Ты знаешь, докторъ запретилъ тебѣ всякія волненія... Онъ никого не позволяетъ принимать...

Пьерво сталъ прощаться.

— Чтò это ему вздумалось? — сердито сказала г-жа Клярансъ.—Сидѣлъ бы лучше дома. Чего онъ тутъ тебѣ разсказывалъ?.. Ужъ я вижу, что онъ тебя разстроилъ. Бѣдный мой голубчикъ...

Они обѣдали въ столовой, гдѣ фламандскіе пейзажи были уже затянуты сѣрой парусиной.

— Какъ здѣсь неуютно!—жаловался Пьеръ.—Пахнетъ нежилымъ. И обѣдъ скверный, словно въ буфетѣ на вокзалѣ.

Жермена тоже была недовольна.

— Папочка,— жаловалась она — мама хочетъ, чтобъ я надѣла завтра въ дорогу мое шотландское клѣтчатое платье. А я не хочу. Я хочу бархатное голубое.

— Кто же въ дорогу надѣваетъ бархатное платье? — возразила мать.—Глупая! А если будешь хныкать, пойдешь спать, сейчасъ же. Какъ тебѣ не стыдно? Въ двѣнадцать лѣтъ ревѣть какъ маленькая. Чтò бы сказала твоя бабушка, еслибъ я вздумала надѣть въ дорогу свое праздничное платье... Она была очень добра, но съ твердымъ характеромъ, и никогда не потакала капризамъ дѣтей. Вашъ папа сдѣлался знаменитымъ человѣкомъ, потому что онъ былъ прекрасно воспитанъ и всегда слушался умныхъ совѣтовъ своей матери...

Это была излюбленная тема наставительныхъ бесѣдъ Полины: у нея была страсть изображать свою свекровь, мужа и самоё себя образцами прописной морали. Она разсчитывала этой благочестивой ложью внушить дѣтямъ больше уваженія къ родителямъ, но Пьеръ и Жермена не давались въ обманъ.

— Ну, положимъ, мама,—возразилъ мальчикъ—ты отлично знаешь, что папа былъ страшный шалунъ и непослушный... Онъ самъ мнѣ говорилъ... Развѣ папа имѣетъ дипломъ баккалавра?.. Нѣтъ!.. А все-таки онъ—великій человѣкъ.

— „Великій человѣкъ“!— Клярансъ пожалъ плечами. — Не совѣтую тебѣ брать съ меня примѣръ, мой мальчикъ. Иди лучше по стопамъ твоего товарища Ватсона, который умѣетъ „дѣлать деньги“. Запасайся здоровьемъ, крѣпкими мышцами, практической смёткой и любовью къ реальному... Не старайся подняться выше посредственности. Въ ней—самое надежное счастье.

Онъ бросилъ салфетку и удалился въ свой рабочій кабинетъ.

— Что правда, то правда!—сказалъ Пьеръ.

Полина остановила его взглядомъ.

— Что такое?.. Папа пошутилъ... Жермена, оставайся здѣсь! Не докучайте ему... Онъ сегодня немного разстроенъ. Кушайте сладкое и не шумите.

Она была встревожена, раздражена и въ душѣ во всемъ винила Пьеррво.

— Чего ему надо здѣсь, этому полоумному? Ужъ это навѣрное онъ взбудоражилъ Жоржа разговорами объ... объ этой... Чего ужъ—умерла, такъ вѣдь не воскресишь слезами. Что-жъ, изъ-за нея и моему мужу умирать?.. Ахъ, какъ это поэтично! Покорнѣйше благодарю! Я не дорожу такой поэзіей: я люблю своего мужа и вовсе же желаю, чтобъ онъ умиралъ. У него большое горе — это правда; но бываютъ люди и несчастнѣе его... Онъ, по крайней мѣрѣ, не одинъ на свѣтѣ... У него блестящее положеніе, прелестныя дѣти, снисходительная жена, у которой всегда было на первомъ планѣ его счастье... Мнѣ вѣдь тоже не легко было все это терпѣть, но онъ не можетъ сказать, чтобъ я не была съ нимъ мила...

Кларансъ не зажегъ лампы. Свѣтъ отъ люстры въ столовой проскальзывалъ въ полуоткрытую дверь. Въ золѣ алѣли угольки.

Онъ сѣлъ за рояль, и вдругъ чистое арпеджіо скользнуло по клавишамъ, разсыпавшись букетомъ звѣздъ...

Adagio изъ „Любовной Симфоніи". Всѣ образы, всѣ мысли настоящаго погасли вдругъ въ сознаніи художника, дотолѣ бездѣятельномъ, умышленно отуманенномъ. И воспоминаніе, которое искажается и меркнетъ отъ шопота признаній, даже отъ тѣхъ словъ, которыя произносишь мысленно, вылилось въ своей чистѣйшей формѣ—въ музыкѣ.

Adagio non troppo lento... Въ памяти встаетъ пейзажъ Тиволи, въ жаркій вечеръ, когда вѣтеръ, насыщенный зноемъ африканскихъ пустынь и запахами моря, медленно бьетъ своими отяжелѣвшими крыльями въ голубыхъ горахъ...

Все поетъ...

Дрожь легкаго стаккато, струящійся звонъ кристалла... Свѣжій источникъ журчитъ, сбѣгая съ отлогой скалы... Какой-то неопредѣленный шопотъ.... Это кипарисы, высокіе погребальные факелы, веретена умершихъ Паркъ, мрачные духи латинской земли—это кипарисы шепчутся. И они поютъ...

Оливковыя деревья, покривившіяся въ борьбѣ корней съ утесомъ, трясутъ своими узловатыми вѣтвями, подъ серебряной листвой, и прозрачныя тѣни ихъ дрожатъ на травѣ, словно влажной отъ луннаго свѣта. И онѣ поютъ...

И флейта Пана поетъ вдали, античнымъ напѣвомъ, какъ бывало, въ ночи празднествъ Венеры. Контуры, оттѣнки, аро-

маты, переливы — все становится модуляціей, аккордомъ, мелодіей... И, какъ волны сливаются въ безбрежности океана, такъ всѣ эти неясныя гармоніи тонутъ въ рокотѣ водопада, ниспадающаго куда-то въ самыя нѣдра земли.

Adagio... Безмолвіе, тишина... одинъ только голосъ. Это любовь поетъ, въ сердцѣ, въ каждомъ помыслѣ и чувствѣ человѣка... Какая томительная сладость, какая сладостная боль зародившагося желанія! Томленіе ожиданья. Возлюбленная, приди, приди скорѣй!.. Она идетъ. Предъ нею свѣтъ, за ней — струя благоуханій. Она расцвѣтаетъ во мракѣ огромной бѣлой розой... Голосъ ея, и дѣвственный, и страстный, сулитъ духовное и плотское блаженство...

„Gioia mia!.. Dolcezza mia!.. Tenerezza mia!..“

Усните, любящіе, послѣ бури наслажденій! Пышно расцвѣтшія розы дождемъ падаютъ на террасу, усталая лампа мерцаетъ. Усните въ аломъ сумракѣ занавѣшеннаго алькова. Чтобъ убаюкать васъ, поютъ кипарисы, и воды, и легкій ночной вѣтерокъ. Спите, грудь съ грудью, пріютивъ на груди ваше счастье, какъ прелестное дитя, рожденное вами: оно такое хрупкое, но оно будетъ жить... Спите! Ваши сны будутъ пѣть...

Но что это?—Незамѣтно тема колыбельной мѣняется. Г-жа Клярансъ удивленно насторожилась. Она не узнаетъ спокойнаго финальнаго Andante симфоніи въ этой странной музыкѣ, въ которой слышатся подавленные вздохи, судорожные скачки мысли, прерывистыя нервныя рыданья. Даже дѣти перестали шушукаться. Въ басу звучатъ торжественные мрачные аккорды... Это идетъ несчастье. Оно ужъ близко... Смятенная душа мечется подъ наплывомъ тревожныхъ предчувствій... И вдругъ отчаянный вопль. Безумное стенанье... Рояль кричитъ и стонетъ подъ пальцами Кляранса... И вдругъ мажоръ сразу переходитъ въ миноръ, какъ будто ночь спустилась на одинокую, покинутую душу, надъ безбрежною пустыней міра. Свѣтъ въ альковѣ погасъ, сердитый вѣтеръ гнетъ верхушки кипарисовъ, и колыбельная любви переходитъ въ похоронный маршъ.

Въ дверяхъ стоятъ Полина и дѣти, покоренныя жуткой красотой этой музыки,—стоятъ недвижно, вопросительно переглядываясь... Но вотъ еще одно пронзительное, рѣзкое арпеджіо—и пѣсня оборвалась... Клярансъ схватился за голову, оперся локтями на клавиши и плачетъ, плачетъ...

На этотъ разъ Полина поняла. Она судорожно обняла за плечи дочь и сына и тянетъ ихъ назадъ къ себѣ... Прошла минута... Неужели она не уйдетъ?.. Неужели не чувствуетъ

таинственнаго присутствія другой? Кто посмѣетъ встать между мертвой и живымъ, которые бесѣдуютъ другъ съ другомъ въ безмолвіи могилы?

Но Полину терзаетъ дотолѣ ей невѣдомая ревность. Нѣтъ, только не это! Это хуже всякой измѣны... Да уйди же ты наконецъ, вернись въ свою могильную сѣнь! Дай женѣ вернуть мужа, дѣтямъ—отца.

И г-жа Клarансъ тихонько шепчетъ Жерменѣ:

— Папочка немного нездоровъ. Не бойся... Поди къ нему одна тихонько, милочка, и поцѣлуй его.

IX.

Ночью у Жоржа былъ приступъ лихорадки, и на другой день пришлось отложить отъѣздъ. Полина, сидя у его изголовья, матерински-ласково журила его:

— Ну, вотъ видишь, надо было слушаться врача. Это Пьерръ тебя такъ взволновалъ своимъ визитомъ... Ты еще такъ слабъ... И я думаю также,... что... музыка... она такъ страшно энервируетъ... Особенно такая...

Клarансъ почувствовалъ нотку обиды въ голосѣ и жестѣ жены.

— Конечно, ты воленъ играть, что̀ тебѣ нравится,—не поднимая глазъ отъ вышиванья, продолжала Полина—никто тебѣ не помѣшаетъ... Но если ты окончательно разстроишь свое здоровье, Жоржъ,—что̀ будетъ съ нами?.. Надо избѣгать поводовъ къ такимъ взрывамъ горя... Надо, Жоржъ!

— Ну, разумѣется, я надоѣлъ вамъ всѣмъ своей печалью,—съ горечью сказалъ Жоржъ.—Это вполнѣ естественно... Вы не опечалены—наоборотъ... Ну, хорошо, я постараюсь сдерживаться—при васъ...

Полина запротестовала.

— Ты, какъ всегда, преувеличиваешь и обижаешься напрасно... Я не жалуюсь... Я никогда не жаловалась... Если я прошу тебя быть благоразумнымъ и беречь себя, то вѣдь это изъ любви къ тебѣ... Долженъ же ты подумать и о дѣтяхъ... Жермена, бѣдняжечка, давеча такъ страшно переволновалась. Она цѣлый часъ проплакала, и я должна была дать ей липоваго цвѣта съ флеръ-д'оранжемъ...

Клarансу стало совѣстно; онъ началъ извиняться.

— Да, мнѣ слѣдовало пощадить васъ... Я забылъ, что вы въ сосѣдней комнатѣ...

— Ну, очевидно... ты забылъ...

— Я внесъ столько тревоги въ вашу жизнь... Вашъ домъ сталъ такой печальный...

— Не *вашъ* домъ, а *нашъ*... Какъ ты иногда странно выражаешься!..

— Я постоянно огорчаю тебя, моя бѣдная Полина! Ты такая добрая, такая добрая...

— Наконецъ! Хоть одно ласковое слово...

— Я такъ признателенъ тебѣ за твои заботы. И всетаки... Ахъ, Полина, какъ бы мнѣ хотѣлось умереть!..

— Умереть?!.. Ты не имѣешь права умирать, мой бѣдный Жоржикъ. Это было бы такъ эгоистично! Подумай, сколько на тебѣ лежитъ обязанностей: вывести въ люди Пьера, пристроить Жермену... А я... Неужто я не заслужила, чтобъ ты хотя немножко подумалъ и обо мнѣ?

— Да... Я плохо отблагодарилъ тебя. Прости... Это оттого, что у меня такъ болитъ душа... я такъ разбитъ... Всего полгода, какъ...

— Время исцѣляетъ всякое горе.

— Я не хочу исцѣленія.

Полина съ досады прикусила губы.

— Какъ ты жестокъ! Мое участіе, моя привязанность къ тебѣ ничего для тебя не значатъ...

— Увы, онѣ вернули меня къ жизни...

— И постепенно утѣшатъ тебя—вотъ ты увидишь... Я не артистка, конечно, и въ серьезной музыкѣ мало смыслю — ты самъ твердишь мнѣ это вотъ уже шестнадцать лѣтъ—я просто честная женщина и мать семейства, зато надежная, какъ разъ такая, какая нужна въ твои годы... Полно, голубчикъ, въ концѣ концовъ ты справишься съ этимъ... Еслибъ только ты заставилъ себя ѣсть... Я прямо въ отчаяніи—вѣдь ты ничего не ѣшь. Ты таешь, какъ свѣча... Ну, скажи, можетъ-быть тебѣ хочется чего-нибудь?.. Ничего!.. Это прямо ужасно... У меня сердце изболѣлось, глядя на тебя... ты такой желтый, худой... Ты представить себѣ не можешь, какъ я безпокоюсь...

Г-жа Кларансъ, какъ истая дочь народа, суевѣрно вѣрила въ чудодѣйственныя свойства хорошаго питанія: бифштексовъ, устрицъ, стараго бордо, и видѣла во всемъ этомъ необходимыя вспомогательныя средства при лѣченіи сердечныхъ ранъ. Разъ

явился аппетитъ—значитъ, все идетъ на ладъ. Но у Жоржа совершенно не было аппетита.

Докторъ успокоивалъ ее.

— Г-нъ Клярансъ внѣ опасности. У него сильное нервное разстройство и полное нравственное угнетеніе. Не перечьте ему; старайтесь незамѣтно воздѣйствовать на его умъ, попытайтесь развлечь его...

Но слова: „нравственное угнетеніе“ не имѣли смысла для Полины. Она говорила себѣ: „Жоржа постигъ тяжкій ударъ. Но разъ ударъ не былъ смертеленъ, разъ у него даже нѣтъ никакой опредѣленной болѣзни—значитъ, отчаяваться нечего“. Притомъ она вообще находила, что Жоржъ не въ мѣру романтиченъ. Вѣдь годы-то его ужъ, казалось бы, совсѣмъ неподходящіе для пылкихъ страстей. А онъ напускаетъ на себя какое-то безграничное горе, какого и на свѣтѣ не бываетъ, кичится имъ... Все это какъ-то не по-людски... Такъ только влюбленные юноши разговариваютъ, и то въ стихахъ...

Ей давно хотѣлось сказать ему:

— Да оглянись ты на себя. Вѣдь тебѣ уже сорокъ-шесть лѣтъ. Ты отецъ семейства; того и гляди дѣдушкой станешь. На твою долю выпало достаточно любви, и наслажденій, и свободы... Ну, пожилъ, и будетъ. Всему на свѣтѣ бываетъ конецъ. Пришелъ конецъ и твоей связи съ Беатрисой... Правда, конецъ этотъ былъ страшный, но вѣдь до него же было девять лѣтъ счастья, яркаго, дерзко отнятаго у другихъ... Будь же благоразуменъ, другъ мой. Вернись къ семьѣ, къ упорядоченной жизни, и скажи спасибо судьбѣ, что она создала меня такой терпѣливой.

Все это были смутныя, почти всегда безсознательныя чувства, и однако они всегда составляли тайную основу мыслей Полины—и хорошихъ, и дурныхъ. Подъ ея великодушіемъ, подъ разсчитанной снисходительностью и подъ непритворнымъ состраданіемъ таилось желаніе реванша, не угасавшее всѣ эти девять лѣтъ, когда она съ виду мирилась съ ролью покинутой жены.

Полина была воплощеніемъ посредственности: она гордилась тѣмъ, что умѣла всегда и во всемъ находить золотую середину; все возвышенное было чуждо ея натурѣ, казалось ей излишествомъ и неблагоразуміемъ. Ея утилитарный умъ терялся передъ этой формой страсти, перешедшей въ скорбь, самодовлѣющую и неизсякаемую — въ горе, которое питается самимъ собою, никогда не насыщаясь. Она смутно вѣрила въ возможность какой-то иной, потусторонней жизни, въ ея сердцѣ не было мѣста для мертвыхъ: кто умиралъ, для нея умиралъ цѣликомъ. Она укра-

шала могилы мертвыхъ, навѣщала ихъ въ опредѣленные сроки, какъ дѣлаютъ визиты, изъ учтивости, но для нея они были внѣ жизни.

Она не сомнѣвалась, что Жоржъ когда-нибудь утѣшится. Она уже видѣла его пишущимъ оперы, путешествующимъ, бывающимъ въ обществѣ, нѣсколько позже — выдающимъ замужъ дочь. Безъ сомнѣнія, онъ не забудетъ Беатриче. Для нея въ его сердцѣ всегда останется теплый уголокъ. Онъ будетъ думать о ней, но безъ остраго отчаянія, съ сладкой грустью. Словомъ, и съ нимъ будетъ „то же, что бываетъ со всѣми".

Но г-жѣ Кларансъ хотѣлось ускорить работу времени. Обостреннымъ женскимъ чутьемъ, теперь болѣе тонкимъ, чѣмъ въ юности, она угадывала двойную опасность, таящуюся въ одиночествѣ и въ музыкѣ. Импровизаціи при запертыхъ дверяхъ— это неотразимые призывы, обращенные къ покойницѣ. Но она, жена его, все время будетъ возлѣ него и съумѣетъ сгустить эту мистическую атмосферу, въ которой рѣютъ призраки...

Они уѣхали въ Ронсьеръ.

Войдя въ мастерскую, Жоржъ заплакалъ. Онъ не рѣшился ни раскрыть створки складня, ни присѣсть на старый диванъ, гдѣ онъ выстрадалъ такія муки...

Жена сказала ему:

— Тебѣ надо понемногу съизнова привыкнуть къ дому... Не совѣтую тебѣ сразу браться за работу. Будемъ лучше кататься, читать, болтать... Ты очень дорожишь этой чердачной мастерской?.. Я бы предпочла перенести твои книги и рояль въ бильярдную.

Жоржъ отказался, заявивъ, что онъ намѣревается работать.

— Ну, хорошо,—сейчасъ же согласилась Полина—ты будешь составлять четвертую тетрадь своихъ романсовъ.

— Нѣтъ.

— Ты хочешь взяться за оперу?

— Нѣтъ... У меня есть идея.

— Какая?

— Я задумалъ симфонію... Потомъ увидишь... Не спрашивай пока...

— Симфонію? Когда за твоими плечами неоконченная опера, когда издатель...

— Ахъ! Не приставай ко мнѣ! Терпѣть не могу, когда ко мнѣ пристаютъ съ совѣтами.

— Это кто же пристаетъ къ тебѣ?.. Я, что-ли?

Неужто опять начнутся вѣчныя ихъ ссоры?.. Жоржъ чувствовалъ, что теперь у него уже нѣтъ силъ для супружескихъ сценъ. Въ былое время, когда Полина раздражала его, онъ шелъ къ Беатриче, гдѣ находилъ все — пониманіе, любовную поддержку, дружбу. Теперь у него не было ни друга, ни любимой женщины, ни прибѣжища... Плѣнникъ собственной семьи, онъ вдвойнѣ былъ вынужденъ щадить Полину: во-первыхъ, онъ хотѣлъ покоя, потому что нуждался въ немъ, а затѣмъ онъ сознавалъ, что на немъ лежитъ извѣстный долгъ благодарности по отношенію къ подругѣ жизни, преданности которой онъ не отвергалъ.

Она не измѣнилась: она была все той же буржуазкой, дѣятельной, властной, самодовольной, ограничившей свой кругозоръ однимъ лишь матеріальнымъ міромъ, но случай ввелъ ее въ интимную жизнь ея мужа: она пустила тамъ корни и уже не хотѣла уходить. Воспоминаніе о катастрофѣ въ памяти Жоржа смѣшивалось съ воспоминаніями объ утѣшеніяхъ Полины.

Порой она надоѣдала ему, и онъ не скрывалъ своего желанія быть одному... Въ такихъ случаяхъ она уходила, съ грустнымъ видомъ, болѣе трогательнымъ, чѣмъ упреки. Минуту спустя Жоржу уже становилось не по себѣ въ одиночествѣ, отъ котораго онъ отвыкъ. Душевная боль его обострялась, словно раскрытая рана начинала кровоточить. И, ослабѣвшій послѣ болѣзни, немного малодушный, онъ уже начиналъ желать, чтобы Полина поскорѣй вернулась, чтобъ она опять стала повторять успокоительныя, нѣжныя слова, теплою влагой омывавшія его измученное сердце.

Теперь, когда онъ окрѣпъ немного, эти воспоминанія стѣсняли и конфузили его. Утѣшенія Полины? Сентиментальный пластырь, нравственный горчичникъ—обыденныя средства, къ которымъ прибѣгаешь въ испугѣ и растерянности кризиса, но о которыхъ потомъ не очень-то почетно вспоминать. Пьерво презрѣлъ эти жалкія утѣшенія.

Но у Пьерво, въ его простой и благородной жизни, не было тѣхъ треній, тѣхъ компромиссовъ, которые коверкаютъ жизнь и сбиваютъ человѣка съ прямого пути. Онъ любилъ только одну, добивался только одной; никакіе конфликты не нарушали прекрасной гармоніи его любви и скорби.

— Ну, что-жъ! — говорилъ себѣ Жоржъ. — Пусть мнѣ это труднѣе—я все же поступлю какъ онъ. И Беатриче—*тамъ*— будетъ довольна мною!

Онъ думалъ о своемъ будущемъ твореніи, „Симфоніи Скорби“, тема которой — видоизмѣненный лейтъ-мотивъ „Любовной Симфоніи“, вылилась тогда вечеромъ изъ-подъ его пальцевъ, такъ неожиданно для него самого... Главныя части уже смутно рисовались ему... Разлука... безпокойство... отчаяніе... колыбельная смерти... тщетный призывъ... одиночество...

„Это будетъ сама красота—думалъ онъ.—Это будетъ лучшее мое произведеніе!“

Но когда онъ хотѣлъ взяться за работу, Полина попросила позволенія сидѣть въ его мастерской.

— Я буду вышивать... Буду сидѣть тихо-тихо, какъ мышка... сожмусь въ комочекъ... Ну, прошу тебя...

— Я не привыкъ... Ты вѣдь знаешь, что я всегда работалъ одинъ.

— Одинъ?.. Ты увѣренъ въ этомъ?

Она поблѣднѣла, слезы выступили на ея глазахъ. Кларанса удивила эта ревность заднимъ числомъ.

— Видишь ли, — поясняла она—я такъ привыкла быть съ тобой цѣлыми часами со времени твоей болѣзни...

— Но вѣдь я теперь уже не боленъ.

— Такъ ты думаешь, что я способна облегчать только физическую боль?.. Не особенно же ты лестнаго обо мнѣ мнѣнія!

— Ну, хорошо, приходи... только потомъ... когда я уже начну свою симфонію... втянусь въ работу... нѣсколько дней спустя...

— Ахъ, эта симфонія!..

Однажды утромъ Жоржъ заперся въ огромной комнатѣ, которая такъ долго была излюбленнымъ пріютомъ его грезъ. Нѣжный, затѣненный свѣтъ падалъ на бѣлыя стѣны, на конторку, на старый рояль, давно уже соскучившійся по своемъ хозяинѣ. Триптихъ съ закрытыми створками походилъ на золотой ковчегъ, и воздухъ былъ напоенъ нѣжнымъ ароматомъ фіалокъ.

Полина, очевидно, уже побывала здѣсь, до Жоржа; на роялѣ красовался на виду букетъ полевыхъ цвѣтовъ, собранныхъ дѣтьми, и тутъ же рядомъ—портреты Пьера и Жермены; на диванѣ валялась забытая вышивка, съ которой свѣшивалась нитка съ иглой на концѣ.

Музыкантъ сѣлъ на свое обычное мѣсто. Около него, рукой подать, были приготовлены папиросы. Мѣдная чернильница, вычищенная заново, сверкала нестерпимо.

Запахъ цвѣтовъ, портреты, всѣ эти мелочи, свидѣтельствовавшія о недавнемъ пребываніи здѣсь его жены, какъ-то стѣсняли Жоржа. Ему никакъ не удавалось сосредоточиться. Онъ былъ слишкомъ—или недостаточно одинокъ... Вдохновеніе схлынуло, какъ волна прилива, и онъ съ испугомъ почувствовалъ, что въ душѣ его нѣтъ сейчасъ ничего, кромѣ пустоты и тоски.

Всетаки онъ сѣлъ за рояль. Сыгралъ adagio изъ „Любовной Симфоніи", потомъ Andante и видоизмѣненную тему, которая должна была стать основной темой его новой симфоніи...

— Нѣтъ!.. Положительно, ничего не выходитъ... Я сегодня плохо настроенъ... Я не узнаю этого отрывка, который въ головѣ у меня былъ почти готовъ... Это плоско, холодно, тускло...

Онъ закурилъ папироску и принялся шагать по мастерской, разочарованный, негодующій на самого себя...

Когда онъ сошелъ внизъ, къ завтраку, Полина спросила:

— Ну что? Хорошо поработалъ?

— Нѣтъ... Не надо ставить мнѣ туда цвѣтовъ... Отъ нихъ у меня голова болитъ.

Послѣ обѣда Жоржъ одинъ ушелъ въ паркъ, и когда вернулся, у него былъ блуждающій, немного пьяный взглядъ, хорошо знакомый Полинѣ—взглядъ, ушедшій внутрь, въ себя, въ свой замыселъ, и скользящій по окружающимъ предметамъ, почти не замѣчая ихъ... Ночь онъ провелъ тревожно. Жена его, спавшая въ сосѣдней комнатѣ, слышала, какъ онъ зажигалъ лампу, говорилъ самъ съ собой въ полголоса, быть-можетъ плакалъ. Встревоженная, она поднялась съ постели.

— Что съ тобой? Тебѣ нездоровится?

— Да нѣтъ же... Оставь меня въ покоѣ...

На другой день у него было такое измученное лицо, что Полинѣ стало жаль его. Она уговаривала его не работать, но онъ всетаки пошелъ наверхъ и на этотъ разъ, благоговѣйно, раскрылъ створки триптиха. Потомъ опустился на колѣни и, склонивъ голову на руку, съ мольбою ждалъ благословенія возлюбленной...

Ему хотѣлось вызвать въ памяти ихъ завѣтную комнатку въ Тиволи, фантомы розъ на полустертыхъ фрескахъ, большую золоченую кровать, прекрасное, стройное тѣло, тепло и ароматъ объятія... Но воображеніе не слушалось воли... Ни чувства, ни сердце не дрогнули.

Онъ протянулъ руки, крикнулъ: „Беатриче!"—и тотчасъ же почувствовалъ, что его призывъ не услышанъ *тамъ*... И страхъ

напалъ на него, непобѣдимый страхъ, отъ котораго кружилась голова. Онъ поднялся, шатаясь...

— Нѣтъ, не могу... Завтра!.. Потомъ...

Полина шила на терассѣ, когда мужъ ея пришелъ и опустился въ плетеное кресло возлѣ нея. День былъ теплый, мягкій. Верхушки деревьевъ уже начинали зеленѣть, на серебряномъ небѣ сквозили голубые просвѣты.

— Мнѣ грустно, Полина... Поговори со мной...

— Голубчикъ мой, надо же быть благоразумнымъ... Ты хочешь навалить на себя колоссальный трудъ. Это прямо безуміе... Подожди нѣсколько мѣсяцевъ... Дай вылѣчить тебя, утѣшить тебя твоей женѣ, которая такъ тебя любитъ...

За весной пришло лѣто, за лѣтомъ осень. Издатель Кларанса выпустилъ въ свѣтъ четвертую тетрадь его „Романсовъ“.

Жоржъ пересмотрѣлъ ихъ, переписалъ, исправилъ, чтобъ дать себѣ иллюзію работы, чтобы забыть о своемъ творческомъ безсиліи. „Симфонія Скорби“ жила въ его мозгу какъ сформировавшійся зародышъ, которому не суждено было родиться и который понемногу умиралъ...

Казалось, все было готово—планъ произведенія, его характеръ, соотношеніе отдѣльныхъ частей; порой навертывались чудеснѣйшія мелодическія темы—но какъ только онъ пытался синтезировать ихъ, все распадалось на отдѣльные, безжизненные куски. Опытъ, техника, ресурсы мастерства не могли замѣнить крови сердца, движенія страсти, жизни... А жизни-то въ произведеніи Кларанса и не было...

Почему вдохновеніе, посѣтившее его однажды вечеромъ, послѣ разговора съ Пьерво, покинуло его и не возвращалось больше? Почему онъ ни разу не почувствовалъ мистическаго присутствія умершей? Напрасно онъ призывалъ ее: „Вернись!.. Приди же! Вызови въ душѣ волненье первыхъ поцѣлуевъ, верни мнѣ муку первыхъ дней утраты... Все лучше, чѣмъ эта апатія, въ которую я погружаюсь“... Зовъ его оставался безъ отвѣта. Душа его стала безплодной пустыней, въ которой скорбь застыла каменнымъ сфинксомъ. Онъ чувствовалъ себя осужденнымъ — и не могъ понять, за что, не зналъ, откуда у него въ душѣ угрызенія.

Полина приходила въ мастерскую. Какъ всегда, вела разумныя рѣчи: „Не упорствуй. Возьмись за что-нибудь другое... Не уйдетъ отъ тебя твоя симфонія — успѣешь еще кончить ее... Возьмись за свою оперу... Кстати, вотъ письмо отъ твоего издателя. Твои

романсы имѣютъ огромный успѣхъ. Ихъ распѣваютъ во всѣхъ гостиныхъ".

И она уводила его гулять, вмѣстѣ съ дѣтьми.—Какъ выросъ ихъ сынъ, какой онъ крѣпышъ и веселый! А дѣвочка какая милая и ласковая!.. Дѣти смѣялись, и Жоржъ, утомленный своими тщетными порывами въ высь, смѣялся вмѣстѣ съ ними... Полина знала всѣ мѣстныя сплетни, всѣ подробности жизни сосѣдей; она болтала безъ умолку, и отъ ея болтовни еще больше утомлялась истосковавшаяся душа художника, погружаясь въ какое-то отупѣніе, какъ послѣ теплой ванны.

А вечеромъ, при лампѣ, играли въ бриджъ.

X.

Прошло три года со времени смерти Беатриче. Однажды, зимнимъ вечеромъ, Жоржъ Клярансъ вошелъ въ свой рабочій кабинетъ, въ авеню Гошъ. Онъ только что вернулся съ выставки моделей и статуй Пьерво.

Электрическая лампочка струила слабый свѣтъ; въ каминѣ, разваливаясь, ярко пылали дрова—совсѣмъ какъ въ тотъ вечеръ, когда скульпторъ и музыкантъ повѣряли другъ другу свое горе и свои мечты. За эти три года волосы Жоржа совсѣмъ побѣлѣли и его высокая фигура сгорбилась. Тѣмъ не менѣе, друзья его въ одинъ голосъ увѣряли, что у него прекрасный видъ, что трудно быть счастливѣе — и это все благодаря преданности и заботамъ его удивительной жены. Нѣкоторые говорили съ завистью:

— Везетъ ему, ей Богу! И семейныя радости явились какъ разъ во-время, чтобъ утѣшить его въ утратѣ счастья любви... Его умудренный опытомъ талантъ ужъ не стремится къ необычайному. Теперь онъ работаетъ регулярно и неизмѣнно пользуется успѣхомъ у публики... Чортъ его возьми, какъ ему везетъ!

Жоржъ открылъ венеціанскій ларчикъ, инкрустированный кожей и перламутромъ, вынулъ оттуда довольно тяжелую шкатулку и поставилъ ее на столъ; потомъ, ключомъ, висѣвшимъ на цѣпочкѣ отъ часовъ, отперъ замокъ съ секретомъ. Крышка отскочила, обнаружились пачки писемъ, перевязанныхъ выцвѣтшими лентами... Тамъ же были засохшіе цвѣты, женская перчатка, покоробленный башмачокъ изъ серебряной парчи...

Онъ взялъ башмачокъ и долго прижималъ его къ губамъ,

потомъ положилъ обратно въ шкатулку эту реликвію своей любви, развязалъ ленты и началъ читать письма.

И вотъ, изъ глубины прошлаго донесся голосъ, шептавшій ему слова любви—нѣжныя, веселыя, печальныя, ревнивыя, дѣтски-наивныя, торжественныя: всѣ слова, какія можетъ подсказать любовь... Этотъ голосъ то звенѣлъ какъ пѣсня, то трепеталъ какъ ласка. Онъ говорилъ: „Люби меня“ и еще чаще: „Люблю“. То совсѣмъ близко, такъ что Клarансъ вздрагивалъ, словно почуявъ на щекѣ своей ея дыханіе, то откуда-то издали, заглушенный пепломъ лѣтъ и могильной плитой.

Этотъ голосъ говорилъ о любви человѣку молодому, пылкому, гордому своимъ талантомъ, творцу „Паризины“ и „Любовной Симфоніи“, человѣку, который заставлялъ и вѣтеръ, и деревья, и воды пѣть во славу своей спящей возлюбленной.

Но человѣкъ, сидѣвшій у камина, въ домѣ, гдѣ жила его семья, установившійся художникъ, утѣшившійся влюбленный, не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ, кого нѣкогда любила Беатриче. И, слушая голосъ умершей, онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто подслушалъ чужой интимный разговоръ, насильно заставилъ кого-нибудь раскрыть передъ нимъ душу.

Онъ уронилъ руки на колѣни. Письма посыпались на коверъ, за рѣшетку камина, одно изъ нихъ загорѣлось. Комната озарилась яркимъ свѣтомъ, изъ мрака выступилъ портретъ Альбери... Словно обезумѣвшій, музыкантъ схватилъ обѣими руками письма, ленты, цвѣты, башмачокъ, и зарылся въ нихъ лицомъ, покрывая ихъ страстными поцѣлуями, обливая горячими слезами, оцарапалъ себѣ губы—и бросилъ все, какъ попало, въ огонь...

— Я не достоинъ—нѣтъ, я не достоинъ!

Цвѣты—засушенныя розы изъ Тиволи—вспыхнули первые, съ трескомъ разсыпались искорками. Маленькій башмачокъ, скрюченный, покраснѣвшій, горѣлъ медленнѣй, издавая запахъ гари, запахъ пожара, отъ котораго Жоржъ чуть не закричалъ, въ безумномъ испугѣ... Нѣкоторыя письма уже почернѣли и свернулись въ трубочку, какъ листья на кострѣ дровосѣка; другія, подхваченныя токомъ воздуха, взлетали кверху; иныя упрямо не хотѣли загораться и лежали, обуглившіяся только по краямъ, словно обгрызенныя...

Шкатулка опустѣла. Жоржъ молча смотрѣлъ въ огонь, какъ вдругъ надъ его ухомъ раздалось восклицаніе Полины:

— Жоржъ!.. Что ты сдѣлалъ?.. Эти письма...

Онъ не отвѣтилъ. Она поняла, и въ глазахъ ея промелькнуло выраженіе торжества. Тогда Клarансъ съ ненавистью крикнулъ:

— Уйди! Уйди отсюда!

— Другъ мой...

— Уйди!

— Жоржъ! Ты съ ума сошелъ... Ты гонишь меня—меня, которая такъ любитъ тебя, которая все перенесла отъ тебя и все простила, меня, твою подругу, твою утѣшительницу?..

— Мою утѣшительницу!..

Онъ захохоталъ, но хохотъ перешелъ въ рыданіе.

— Да... да... ты меня утѣшила... Ты не могла справиться съ моей любовью, но мое горе, въ которомъ еще жила моя любовь, ты съумѣла убить... своей жалостью, своими слезами, своими заботами... Ты все время старалась отвлечь мои мысли... Ты стала между мной и ею... Я былъ боленъ—ты сдѣлала меня малодушнымъ; я ослабѣлъ—ты сдѣлала меня посредственнымъ... И въ концѣ концовъ я сталъ слушаться твоихъ совѣтовъ, слушаться тебя, сталъ похожъ на тебя... Я—художникъ?.. Полно! Примѣрный семьянинъ, раскаявшійся мужъ, отецъ семейства... Я загладилъ всѣ проступки своей юности... заслужилъ уваженіе буржуевъ... Но—моя теперешняя жизнь отразилась и въ моихъ произведеніяхъ... Плоскость и посредственность... Я не съумѣлъ уйти въ свое горе, какъ Пьерво... Я измѣнилъ, отрекся отъ того, что̀ было гордостью и красотой моего существованія... Я презираю себя!.. Мнѣ омерзительно, тошно глядѣть на себя... А!.. А!.. Ты меня утѣшила!..

— Онъ съ ума сошелъ!.. Боже мой! онъ помѣшался!—стонала Полина.

Жоржъ, удрученный, схватившись руками за голову, безъ словъ, безъ слезъ, долгое время сидѣлъ неподвижно. Полина плакала, больше съ перепугу, чѣмъ отъ обиды, такъ какъ она не поняла.

Ей не дано было понять.

Дрова въ каминѣ уже не вспыхивали; портретъ Беатриче вновь окутался мракомъ.

Кларансъ пролепеталъ:

— Полина... Ты плачешь?

— Ты такъ жестокъ, такъ несправедливъ!..

— Не плачь... Теперь ужъ кончено... Я забылся... Я самъ не знаю, что̀ я говорилъ... Забудь, Полина... Прости меня...

— Прощаю... но — ты больше не будешь?.. Обѣщай мнѣ...

Онъ покачалъ головой.

— Говорю тебѣ: кончено... конецъ...

Г-жа Кларансъ вытерла глаза и, нагнувшись къ плечу своего мужа, поцѣловала его.

— Ты придешь къ намъ? — сказала она. — Дѣти ждутъ насъ.

Съ франц. З. Журавская.

НЕ ВѢРЮ...

Не вѣрю я сказкѣ о злой непреложности,
Заклявшей земные пути:
Мнѣ свѣтитъ звѣзда лучезарной возможности—
Я воленъ ихъ кругъ перейти.

И смѣло стезею безслѣдно-сыпучею
Иду я къ загадкамъ судьбы,
И радостно шлю благодатному случаю,
Какъ доброму богу, мольбы.

И славлю я въ полдень и въ полночь безлунную
Природы и жизни красу,
И въ сердцѣ открытомъ мечту многострунную,
Какъ арфу Давида, несу.

И знаю, что гдѣ-то, за скучной пустынею,
Услышу я звонъ родниковъ.
И тамъ я воздвигну священную скинію
Средь пальмъ и цвѣтовъ.

А. Колтоновскій.

АННА-ВЕРОНИКА

H. G. Wells. „Ann-Veronica". A modern Love-Story. London, 1909.

IX *).

Когда Вероника возвращалась къ тетѣ по бульвару, она услышала за собой легкіе шаги. Тэдди нагналъ ее, слегка запыхавшись; его невинное лицо раскраснѣлось и свѣтлые волосы растрепались. Онъ съ трудомъ переводилъ дыханіе и говорилъ отрывистыми фразами.

— Послушайте, Ви. Остановитесь на минуту, Ви. Вотъ что: вамъ нужна свобода. Вотъ что мнѣ пришло въ голову. Вы знаете, какъ поступаютъ русскіе студенты? Въ Россіи только формальный бракъ. Фиктивный бракъ. Это освобождаетъ дѣвушку отъ родительской власти. Поняли? Вы выйдете за меня замужъ. Больше ничего. Никакихъ дальнѣйшихъ обязательствъ. Никакихъ стѣсненій—будете заниматься тѣмъ же, что теперь. Почему же нѣтъ? Я готовъ. Я съ удовольствіемъ. Готовъ на все для васъ, Ви. На все. Не достоинъ быть пылью на вашихъ ботинкахъ. Все же—подумайте.

Онъ остановился. Аннѣ-Вероникѣ хотѣлось громко разсмѣяться, но ее остановило серьезное выраженіе его лица.

— Какой вы милый, Тэдди!—сказала она.

Тэдди молча кивнулъ головой. Онъ не могъ говорить отъ полноты чувствъ.

---

*) См. январь, стр. 168.

— Но всетаки — сказала Анна-Вероника, — въ данномъ случаѣ это, кажется, было бы ни къ чему.

— Вы правы. Я только предложилъ. Не обращайте вниманія. Конечно, если когда-нибудь у васъ будетъ основаніе думать иначе—я всегда къ вашимъ услугамъ. Надѣюсь, вы не сердитесь. Хорошо. Бѣгу. Ждутъ у Джексона играть въ хоккэ. Ужасные увальни! Такъ вотъ, Ви. Я только предложилъ. Не важно, конечно. Просто мелькнула мысль.

— Тэдди, — сказала Анна-Вероника — вы славный!

— Да?—нервно спросилъ Тэдди, приподнимая воображаемую шляпу, и отошелъ отъ нея.

X.

Разговоръ въ домѣ, куда отправились съ визитомъ Анна-Вероника и ея тетя, имѣлъ такъ же мало общаго съ разговорами у Виджеттовъ, какъ гипсовый бюстъ Гладстона—съ разбросанными въ анатомической залѣ по столу человѣческими внутренностями. Виджетты говорили, ничуть не стараясь набросить какіе-либо покровы на свои мысли, а Польсворзи сосредоточивали всѣ свои жизненные интересы на поверхности явленій. Аннѣ-Вероникѣ Польсворзи казались наиболѣе закутанными людьми въ закутанномъ, непонятномъ мірѣ. Умственное достояніе Виджеттовъ было, быть можетъ, ограниченное, но все, что у нихъ имѣлось, давалось открыто, въ естественномъ видѣ, блѣднѣя на вашихъ глазахъ при безжалостномъ солнечномъ свѣтѣ. Лэди Польсворзи была вдова баронета, который пріобрѣлъ свой титулъ оптовой торговлей углемъ; она принадлежала къ хорошей адвокатской семьѣ семнадцатаго вѣка и состояла въ отдаленномъ родствѣ съ умершимъ пасторомъ тети Мōлли. Она задавала тонъ въ обществѣ Морнинсайдъ-Парка и, при всей своей поверхностности и привычкѣ цвѣтисто говорить, была добрая и милая женщина. Вмѣстѣ съ нею жила м-ссъ Прэмли, сестра мѣстнаго доктора, дѣятельный и полезный членъ „Общества для помощи обѣднѣвшимъ дамамъ изъ общества". Обѣ онѣ были дружны съ лучшимъ обществомъ Морнинсайдъ-Парка. Разъ въ мѣсяцъ у нихъ бывалъ дневной пріемъ, довольно многолюдный; иногда онѣ давали музыкальные вечера, обѣдали въ гостяхъ и придавали своимъ присутствіемъ блескъ параднымъ обѣдамъ. У нихъ была большая лужайка для крокета, въ глубинѣ сада—теннисъ, и онѣ умѣли принимать гостей. Сами онѣ никогда ни о чемъ не говорили,

никогда не спорили, никогда даже не поощряли къ сплетнямъ. Онѣ, словомъ, были очень милыя дамы.

Анна-Вероника снова шла по бульвару, на которомъ ей сдѣлано было первое предложеніе. Она шла рядомъ съ тетей, и въ первый разъ въ жизни стала думать о ней. Тетя всегда держалась спокойно и самоувѣренно, точно она все обо всемъ знала и точно ея природная деликатность одна только и препятствовала ей говорить о томъ, чтὸ она знаетъ. Сдержанность, вызванная этой природной деликатностью, была велика; она распространялась на сексуальные вопросы, религію, политику, на всякое упоминаніе о деньгахъ или о преступленіяхъ. Анна-Вероника спрашивала себя, не означаетъ ли эта сдержанность просто незнаніе и непониманіе? Было ли вообще что-нибудь въ замкнутыхъ покояхъ тетушкиныхъ мыслей? Дѣйствительно ли они заполнены и только слегка запылены, задернуты паутиной, нуждаясь въ томъ, чтобы ихъ провѣтрили, или же они пусты и въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ таракановъ и крысъ? А чтὸ собственно въ умственныхъ процессахъ можно уподобить грызнѣ крысъ? Образъ расплылся. А чтὸ бы тетя подумала о предложеніи Тэдди? Чтὸ бы она сказала о разговорахъ у Виджеттовъ? Чтὸ, еслибы Анна-Вероника стала спокойно и увѣренно говорить тетѣ о паразитахъ-самцахъ у раковидныхъ существъ? Анна-Вероника сдержала смѣхъ, который показался бы непонятнымъ.

Бурный потокъ антропологическихъ знаній заполнилъ ея мысли, и вмѣстѣ съ тѣмъ на нее напала совершенно неумѣстная веселость. Однимъ изъ ея скрытыхъ страданій было это странное сплетеніе мыслей, такое, точно мысли поднимали мятежъ противъ самихъ себя. Во всякомъ случаѣ, думала она, за спокойнымъ лицомъ тетушки скрывается такое же смутное прошлое, какъ у другихъ; конечно, оно относится не къ самой тетѣ, у которой ничего, кромѣ пастора, не было въ исключительно сухой жизни, а къ предкамъ. Въ ихъ жизни было достаточно всякаго рода событій: пожаровъ, убійствъ, незаконныхъ браковъ, похищеній, судебныхъ приговоровъ, каннибальства. Жены далекихъ предковъ ихъ семьи, быть-можетъ похожія на тетю, только не такъ гладко причесанныя, съ менѣе изысканными манерами и жестами, но все же родственницы по прямой линіи, навѣрное головокружительно проводили свою жизнь. Нѣтъ ли отголоска ихъ существованія въ спокойномъ мозгу миссъ Стэнли? Эти пустые покои, если они и пусты, подобны, быть можетъ, роскошно разукрашеннымъ прежнимъ покоямъ предковъ. Да, хорошо, что воспоминанія не передаются по наслѣдству.

Анна-Вероника была сама въ ужасѣ отъ своихъ мыслей, но онѣ капризно слѣдовали своему теченію. Передъ нею раскрывались далекія историческія перспективы; она и ея тетя представлялись ей въ первобытномъ, естественномъ и совершенно неподобающемъ видѣ—на деревьяхъ, свисая на рукахъ съ вѣтвей. Но въ это время онѣ подошли къ дому Польсворзи, и фантастическія грезы Анны-Вероники оборвались; она вернулась къ дѣйствительной жизни, окутанной множествомъ покрововъ.

Лэди Польсворзи любила Анну-Веронику за ея ровный характеръ, твердый, спокойный взглядъ, неизмѣнную аккуратность и благородство вкуса въ одеждѣ. „Она сдержанна и скромна,—думала про нее лэди Польсворзи,—какъ подобаетъ молодой дѣвицѣ; не болтлива, но и не теряется, словомъ—не похожа на задорныхъ, скороспѣлыхъ, эгоистичныхъ, неделикатныхъ теперешнихъ модныхъ барышенъ“. Но дѣло было въ томъ, что лэди Польсворзи никогда не видѣла Анну-Веронику мчащейся какъ вѣтеръ во время игры въ хоккэ, не видѣла ее также на собраніяхъ, не слышала ея споровъ на богословскія темы и не замѣчала, что фигура у Анны-Вероники совершенно естественная, а не сформированная хорошимъ корсетомъ. Она заранѣе рѣшила, что Анна-Вероника носитъ корсетъ—быть можетъ, не очень тугой, но всетаки настоящій корсетъ,—и больше объ этомъ не думала. Она видала Веронику только за дневнымъ чаемъ, и тогда она держалась съ большимъ достоинствомъ. Теперь столько молодыхъ дѣвицъ, которыя совершенно не умѣютъ вести себя за чаемъ, смѣются неподобающимъ образомъ, ставятъ куда попало ноги, когда садятся, говорятъ непочтительнымъ жаргономъ. Онѣ, правда, не курятъ, какъ дѣвушки восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ. Но тонкое обоняніе чувствуетъ въ ихъ присутствіи запахъ табака. Онѣ не имѣютъ никакой мягкости въ обращеніи, онѣ точно нарочно соскребаютъ со всего гладкую оболочку; а лэди Польсворзи и м-ссъ Прэмли любили больше всего мягкость обращенія и гладкую оболочку вещей. Анна-Вероника была рѣдкимъ исключеніемъ среди молодежи. Молодежь нужна, когда приглашаютъ гостей,—какъ нужны цвѣты,—и Веронику можно было пригласить на небольшой пріемъ, не боясь непріятныхъ инцидентовъ. Къ тому же отдаленное родство съ миссъ Стэнли давало лэди Польсворзи пріятное чувство нѣкотораго права собственности на Анну-Веронику. У нея и у м-ссъ Прэмли были виды на нее.

М-ссъ Прэмли приняла тетю и племянницу въ красивой, обитой кретономъ гостиной, окна которой выходили въ садъ съ

лужайкой для крокета, съ теннисомъ на нѣкоторомъ разстояніи, съ аллеей розъ, окаймленной пышными георгинами и яркими подсолнечниками. Она обмѣнялась взглядомъ съ миссъ Стэнли и стала выказывать еще больше любезности Аннѣ-Вероникѣ. Молодую дѣвушку провели пить чай въ садъ, гдѣ собралось мѣстное избранное общество, и тамъ ее передали попеченіямъ лэди Польсворзи, которая дала ей чаю и повела дальше. Нерѣшительно вступивъ на лужайку, Анна-Вероника увидѣла и тотчасъ же сдѣлала видъ, что не замѣчаетъ м-ра Маннинга, племянника лэди Польсворзи, высокаго человѣка тридцати семи лѣтъ, съ красивымъ, умнымъ и спокойнымъ лицомъ, съ густыми черными усами и тяжеловатыми движеніями. Съ этой минуты Анна-Вероника сосредоточилась на особаго рода игрѣ, которую она вела незамѣтно и въ концѣ концовъ—неуспѣшно: ей хотѣлось не остаться ни на минуту наединѣ съ этимъ господиномъ.

М-ръ Маннингъ обнаружилъ при прежнихъ встрѣчахъ съ Анной-Вероникой интересъ къ ней; онъ видимо желалъ также заинтересовать ее собою. Онъ занималъ довольно видное положеніе на государственной службѣ, и послѣ разговора объ эстетикѣ, о которой онъ сентенціозно высказалъ нѣсколько очень туманныхъ мнѣній, онъ послалъ ей свою книгу. Онъ говорилъ, что это—плодъ его досуговъ, но на самомъ дѣлѣ это были тщательно отдѣланные стихи. Въ стихахъ говорилось о тонкости чувствъ м-ра Маннинга; а такъ какъ Анна-Вероника занята была положительными науками и не имѣла склонности къ стихамъ, то она даже не разрѣзала книжки, присланной ей. Увидавъ автора, она ужаснулась и стала всячески избѣгать его. Но м-ръ Маннингъ разрушилъ всѣ ея старанія, прямо подойдя къ ней въ то время, какъ она говорила съ теткой пастора о новыхъ лампахъ въ церкви, будто бы дымившихъ. М-ръ Маннингъ не вмѣшался въ разговоръ, но какъ бы нависъ надъ Анной-Вероникой; онъ былъ очень высокъ и только намѣренно слегка сгибался.

Лицо, склонившееся надъ Анной-Вероникой, свѣтилось добрыми чувствами къ ней.

— Какъ вы цвѣтете сегодня, миссъ Стэнли!—сказалъ онъ.— Вы, навѣрное, дивно чувствуете себя.

Онъ весь просіялъ отъ своихъ удачныхъ словъ и горячо пожалъ руку молодой дѣвушки. Лэди Польсворзи вдругъ появилась въ качествѣ его союзницы и отвлекла пасторскую тетку.

— Я невыразимо люблю послѣдніе теплые дни лѣта,—сказалъ онъ. — Я пытался выразить свое чувство въ стихахъ. Но

невозможно. Выходитъ слишкомъ мягко. Нужна для этого музыка.

Анна-Вероника согласилась и постаралась дать понять своимъ согласіемъ, что она читала его стихи.

— Какое, должно быть, счастье быть композиторомъ!—сказалъ онъ.—Восторгъ! „Пасторальная“ симфонія, Бетховенъ! Онъ—лучшій изъ нихъ. Вы согласны? Тум-тэ, тум-тэ...

Анна-Вероника согласилась.

— Что вы дѣлали со времени нашей послѣдней бесѣды? Все рѣзали кроликовъ и изслѣдовали внутренности? Я много разъ думалъ о нашемъ тогдашнемъ разговорѣ, много разъ.

Казалось, что онъ не ждетъ отвѣта на эти слова.

— Много разъ,—медленно повторилъ онъ.

— Какъ красивы эти осенніе цвѣты!—сказала Анна-Вероника послѣ длительнаго, непріятнаго молчанія.

— Пойдемъ, посмотримъ на астры въ концѣ сада!—сказалъ м-ръ Маннингъ.—Онѣ прекрасны какъ мечта.

Анну-Веронику увлекли въ еще болѣе безлюдное мѣсто, гдѣ она, однако, была болѣе на виду, чѣмъ въ углу лужайки; всѣ точно помогали имъ остаться вдвоемъ, глядѣли на нихъ.

— Ужасно!—сказала про себя Вероника, настраиваясь очень воинственно.

М-ръ Маннингъ заявилъ ей, что онъ любитъ красоту, и вынудилъ у нея такое же утвержденіе. Затѣмъ онъ сталъ распространяться о своей любви къ красотѣ. Онъ сказалъ, что для него въ красотѣ вся жизнь; онъ не можетъ себѣ представить хорошій поступокъ, который не былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ прекраснымъ, и точно также прекрасное не можетъ быть дурнымъ. Анна-Вероника рѣшилась указать на историческіе примѣры людей очень красивыхъ, которые, однако, поступали дурно. Тогда м-ръ Маннингъ сказалъ, что, вѣроятно, когда они дурно поступали, они не были прекрасны, или не поступали дурно, когда бывали прекрасны. Анна-Вероника перестала его слушать, но онъ напомнилъ ей о себѣ, сказавъ, что чувствуетъ себя рабомъ въ присутствіи истинной красоты и что онъ признается въ этомъ безъ стыда. Наконецъ, они пришли къ астрамъ, которыя были, дѣйствительно, красивы. Ихъ было очень много, а за ними ярко сверкали подсолнечники.

— Мнѣ хочется кричать, глядя на нихъ—сказалъ м-ръ Маннингъ, дѣлая широкій жестъ рукой.

— Астры въ этомъ году дѣйствительно очень хороши,—сказала Анна-Вероника, избѣгая противорѣчить ему.

— Мнѣ хочется, когда я вижу прекрасное, или кричать, или плакать—или молиться.

— Когда день Михаила Архангела? — спросила отрывисто Анна-Вероника.

— Господь его вѣдаетъ!—отвѣтилъ м-ръ Маннингъ и прибавилъ:—Двадцать девятаго.

— А я думала, что раньше,—сказала Анна-Вероника.—Кажется, въ этотъ день откроется парламентская сессія?

Онъ прислонился къ дереву, скрестилъ ноги и простеръ впередъ руку.—Надѣюсь, вы не интересуетесь политикой?—сказалъ онъ протестующимъ тономъ.

— Скорѣе интересуюсь—возразила Анна-Вероника.

— Неужели? А я все болѣе и болѣе теряю интересъ къ вопросамъ политики.

— Меня они занимаютъ. Можетъ-быть потому, что я въ нихъ ничего не понимаю. И мнѣ кажется, что развитые люди должны были бы интересоваться политикой. Она всѣхъ насъ касается.

— Развѣ?—снова спросилъ Маннингъ съ улыбкой.

— Мнѣ кажется. Политика—это въ сущности создающаяся на нашихъ глазахъ исторія.

— Особый видъ исторіи—сказалъ Маннингъ и повторилъ:—особый видъ. Но посмотрите на эти дивныя астры.

— А по вашему политическіе вопросы не важны?

— Сегодня, по крайней мѣрѣ, они для меня не имѣютъ никакого значенія. И для васъ тоже, надѣюсь.

Анна-Вероника повернулась спиной къ астрамъ съ видомъ выполненнаго долга.

— А теперь пойдемте къ той скамейкѣ, миссъ Стэнли, и посмотрите на дорожку съ другой стороны; оттуда видны клумбы съ простыми астрами, еще лучшими, чѣмъ эти.

Анна-Вероника покорно пошла по указанному ей направленію.

— Я человѣкъ старыхъ взглядовъ, миссъ Стэнли,—сказалъ Маннингъ.—По моему, женщинамъ нѣтъ надобности заниматься политикой.

— Я хочу имѣть право голоса — сказала Анна-Вероника.

— Да неужели? — сказалъ м-ръ Маннингъ серьезнымъ тономъ.—Жаль.

— Почему? — спросила Анна-Вероника, рѣзко обернувшись къ нему.

— Это противорѣчитъ всѣмъ моимъ понятіямъ. Женщина

для меня нѣчто столь ясное, тонкое, женственное, а политика—такое пыльное, мелкое, скучное дѣло, создающее ссоры и дрязги. Мнѣ кажется, что долгъ женщины быть красивой и поступать красиво, а политика по существу уродлива. Я, какъ вы видите, поклонникъ женщинъ. Я боготворю ихъ. Я преклонялся передъ женщинами еще задолго до того, какъ встрѣтилъ женщину, которой могъ бы поклоняться, надѣясь имѣть на это право. Задолго до того. А какъ примирить съ этимъ представленіе о комитетахъ, выборныхъ собраніяхъ, газетной агитаціи?

— Не понимаю, почему нужно сваливать долгъ красоты исключительно на женщинъ! — сказала Анна-Вероника, вдругъ вспомнивъ часть того, что̀ говорила миссъ Миниверъ.

— Это ихъ естественный удѣлъ. Зачѣмъ вамъ, царицамъ, покидать свой тронъ? Если вамъ это ни по чемъ, то мы не согласны. Мы не можемъ допустить, чтобы наши мадонны, наши святыя Катерины, наши Монны Лизы превращались въ полумужчинъ. Женщина для меня священна. Я бы не сталъ давать право голоса женщинамъ, еслибы занимался политикой. Я—соціалистъ, миссъ Стэнли.

— Соціалистъ? — съ изумленіемъ спросила Анна-Вероника.

— Соціалистъ Рёскинскаго толка. Да. Я хотѣлъ бы превратить Англію въ коллективную монархію, и всѣ дѣвушки и женщины страны были бы всѣ вмѣстѣ королевой. Онѣ не приходили бы никогда въ соприкосновеніе съ политикой, съ политической экономіей и всѣмъ другимъ въ этомъ родѣ. А мы, мужчины, работали бы на нихъ и служили бы имъ вѣрой и правдой.

— Это все хорошо въ теоріи!—сказала Анна-Вероника.—Жаль только, что мужчины, въ большинствѣ случаевъ, пренебрегаютъ своимъ долгомъ.

— Да! — сказалъ Маннингъ, точно заканчивая сложное объясненіе. — И потому каждый изъ насъ, при существующихъ обстоятельствахъ, долженъ, сохраняя рыцарское отношеніе ко всѣмъ женщинамъ, выбрать для себя свою отдѣльную королеву и поклоняться ей.

— Насколько можно судить по тому, что̀ мы видимъ на практикѣ,—сказала Анна-Вероника, говоря намѣренно громкимъ, равнодушнымъ тономъ и направляясь медленно, но рѣшительно обратно на лужайку—ваша теорія не оказалась состоятельной.

— Каждый долженъ дѣлать эксперименты — сказалъ м-ръ Маннингъ, ища глазами какую-нибудь ботаническую диковину въ уединенныхъ уголкахъ. Но онъ не увидѣлъ ничего, что могло бы замедлить ихъ возвращеніе къ остальному обществу.

— Но быть объектомъ этихъ экспериментовъ вовсе не такъ пріятно—сказала Анна-Вероника.

— Женщины могли бы имѣть и фактически имѣютъ гораздо большее вліяніе, чѣмъ думаютъ, какъ вдохновительницы.

— Вы говорите, что хотите имѣть право голоса?—спросилъ м-ръ Маннингъ, не получивъ отвѣта на свое первое замѣчаніе.

— Казалось бы, мнѣ это слѣдуетъ по справедливости.

— У меня есть два голоса — сказалъ м-ръ Маннингъ: — одинъ въ оксфордскомъ университетѣ, другой—въ Кенсингтонѣ. Позвольте мнѣ — съ неуклюжей любезностью закончилъ онъ — отдать ихъ въ ваше распоряженіе. Я буду голосовать по вашему приказанію.

Послѣдовала минутная пауза; потомъ Анна-Вероника рѣшила не понять смысла его словъ.

— Я хочу имѣть голосъ сама,—сказала она — а не получать его изъ вторыхъ рукъ. Но вы очень милы, что предложили мнѣ, хотя это и противъ вашего долга. Вы когда-нибудь подавали голосъ, м-ръ Маннингъ? Вѣроятно устроено нѣчто въ родѣ билетной кассы? И ящикъ для шаровъ при баллотировкѣ?— На лицѣ ея отразилась снова двойственность мыслей.—Что такое ящикъ для баллотировки?—спросила она, точно очень этимъ заинтересованная.

М-ръ Маннингъ задумчиво поглядѣлъ на нее и погладилъ усъ.—Ящикъ какъ ящикъ—сказалъ онъ; потомъ, послѣ длинной паузы, продолжалъ со вздохомъ: — Вамъ даютъ избирательный бюллетень.

Они вышли на лужайку. — Да!—сказала Анна-Вероника въ отвѣтъ на его объясненіе и увидѣла, что лэди Польсворзи говоритъ съ ея тетей и обѣ онѣ прямо смотрятъ на нее и на м-ра Маннинга.

XI.

Два дня спустя наступилъ кризисъ—день фаддіанскаго бала. День этотъ былъ бы во всякомъ случаѣ роковымъ, но для Анны-Вероники онъ осложнился еще тѣмъ, что утромъ, выйдя къ завтраку, она нашла около своего прибора письмо отъ м-ра Маннинга; тетя въ теченіе всего завтрака бросала косые взгляды на это письмо. Анна-Вероника, спускаясь къ завтраку, занята была исключительно своимъ рѣшеніемъ поѣхать на вечеръ, не смотря ни на чьи протесты. Она не знала почерка м-ра Маннинга, и

потому открыла письмо за столомъ; только прочтя нѣсколько строкъ, она вникла въ содержаніе письма—и на минуту забыла про фаддіанскій вечеръ. Притворяясь спокойной, но слегка покраснѣвъ, она отложила письмо, кончила завтракъ и вышла въ огородъ, гдѣ усѣлась въ удобномъ мѣстѣ, не видномъ изъ оконъ дома и защищенномъ отъ неожиданнаго появленія кого-нибудь изъ домашнихъ. Тамъ только она продолжила чтеніе письма.

Почеркъ м-ра Маннинга казался четкимъ, но на самомъ дѣлѣ былъ неразборчивый, очень крупный, круглый, съ неопредѣленными очертаніями буквъ, при чемъ къ прописнымъ буквамъ онъ относился такъ, какъ либералы относятся теперь къ мнѣніямъ другихъ людей — т.-е. считая ихъ всѣ одинаковыми. Этимъ почеркомъ скорѣе мальчика, нежели взрослаго человѣка, онъ заполнилъ семь листковъ, исписанныхъ только съ одной стороны.

„Дорогая миссъ Стэнли,—писалъ онъ—надѣюсь, вы простите мнѣ, что я отниму у васъ время своимъ письмомъ. Но я такъ много думалъ о нашемъ разговорѣ у лэди Польсворзи, и чувствую, что долженъ такъ много вамъ сказать; я не могу ждать до слѣдующей нашей встрѣчи. Разговоры у чужихъ тѣмъ ужасны, что они обрываются тогда, когда только начинаются: я вернулся домой, чувствуя, что не сказалъ ничего, буквально ничего изъ того, что хотѣлъ сказать и что носилось у меня въ головѣ. А обо всемъ этомъ я надѣялся много говорить вамъ. Я вернулся домой, поэтому, очень разстроенный и утѣшился только писаніемъ стиховъ. Вы не очень разсердитесь, если я скажу, что стихи мои были вдохновлены вами? Простите вольность поэта. Въ этихъ стихахъ я воспѣвалъ всѣхъ женщинъ — и болѣе всѣхъ ту, которую я люблю. „Всѣ прекрасны: Мэри точно священная, бѣлая лилія; какъ фіалка нѣжна и робка Маргарита; подобна зеленой, покрытой росой почкѣ юная Нелли; незабудки цвѣтутъ въ глазахъ Гвендолины; Аннабель сверкаетъ какъ звѣзда во мракѣ; Розамунда—царица, какъ багровая роза.

— Но та, что я люблю, подобна сіянію солнца въ апрѣлѣ,
Она сверкаетъ, даритъ счастье, грѣетъ—и уходитъ“.—

„Стихи плохіе и безъ размѣра. Но пусть они откроютъ вамъ мою тайну.

„Плохіе стихи—сказалъ, кажется, Лэнгъ — пишутся въ состояніи сильнаго душевнаго волненія.

„Дорогая миссъ Стэнли, когда мы говорили съ вами о трудѣ, политикѣ и подобныхъ вопросахъ, я внутренно безпредѣльно

страдалъ. Мы разговаривали о томъ, слѣдуетъ ли вамъ имѣть право голоса, а когда мы встрѣчались съ вами прежде, мы говорили о томъ, лучше ли вамъ заняться медициной, или поступить на государственную службу, какъ дѣлаютъ другія женщины, а сердце мое въ это время взывало ко мнѣ: „Вотъ царица твоей жизни“. Мнѣ сильнѣе чѣмъ когда-либо хотѣлось взять васъ на руки, унести и укрыть отъ житейскихъ треволненій. Ничто не разувѣритъ меня въ томъ, что дѣло мужчины въ жизни—ограждать, защищать женщину и бороться за нее. Я хочу быть вашимъ рыцаремъ, слугой, защитникомъ, вашимъ—я едва рѣшаюсь написать это слово—мужемъ. Я обращаюсь къ вамъ съ мольбой. Мнѣ тридцать пять лѣтъ, я много поработалъ, чтобы сдѣлать карьеру; теперь я получаю съ каждымъ годомъ повышеніе и положеніе мое крѣпнетъ. До васъ я не встрѣчалъ женщины, которую могъ бы полюбить, но вы раскрыли во мнѣ глубины, которыхъ я почти не подозрѣвалъ въ себѣ... Кромѣ немногихъ раннихъ порывовъ страсти, естественныхъ въ человѣкѣ съ горячими романтическими чувствами и не оставлявшихъ никакихъ тяжелыхъ слѣдовъ во мнѣ—этихъ порывовъ я не стыжусь передъ лицомъ высшей истины,—я являюсь къ вамъ съ чистой, свободной душой. Я васъ люблю. Кромѣ жалованья, у меня есть нѣкоторое личное состояніе и въ будущемъ меня ожидаетъ наслѣдство отъ тети, такъ что я могу обезпечить вамъ высоко-культурную жизнь. Вы будете имѣть возможность путешествовать, у васъ будутъ книги, общество умныхъ, блестящихъ людей, съ которыми меня столкнули мои литературныя занятія; видавъ меня только въ Морнинсайдъ-Паркѣ, вы, конечно, не можете имѣть о нихъ никакого представленія. Я имѣю нѣкоторое положеніе не только какъ поэтъ, но и какъ критикъ, принадлежу къ одному изъ самыхъ блестящихъ теперешнихъ клубовъ, въ которомъ прославившіеся художники, политическіе люди, дѣльцы, артисты и аристократы съ высокой духовной культурой сходятся и ведутъ очаровательныя непринужденныя бесѣды. Таковъ мой кругъ, и я увѣренъ, что вы украсили бы его и почувствовали себя въ немъ хорошо.

„Мнѣ очень трудно писать это письмо. Мнѣ такъ много и столь разное нужно вамъ сказать, что получается очень смутное впечатлѣніе, и я не знаю, передалъ ли я чувство, которымъ проникнуто то, что я пишу. Я сознаюсь, что письмо похоже на предложеніе услугъ съ приложеніемъ аттестатовъ, но могу только сказать вамъ, что пишу письмо со страхомъ, съ упавшимъ духомъ. Мысли мои полны радостныхъ образовъ и грёзъ, которыя

я давно лелѣю—грёзъ о томъ, какъ мы будемъ путешествовать вдвоемъ, какъ будемъ завтракать вмѣстѣ въ какомъ-нибудь веселомъ ресторанѣ, грёзъ о лунѣ, о музыкѣ, о томъ, какъ, одѣтая королевой, вы будете блистать на пышномъ праздникѣ, будучи моей женой; о томъ, какъ вы будете любоваться цвѣтами въ тихомъ саду, нашемъ собственномъ—есть очаровательныя мѣста въ Серрэ; о маленькомъ автомобилѣ—совершенно доступной при моихъ средствахъ роскоши. Я уже сказалъ, что плохіе стихи свидѣтельствуютъ о душевномъ волненіи, о полнотѣ чувствъ. Не знаю, какъ относительно стиховъ, но относительно плохихъ предложеній руки и сердца это, я не сомнѣваюсь, вѣрно. Я знаю, что легко писать стихи, когда ничего не чувствуешь. Доказательство—Робертъ Броунингъ. И не могу я вмѣстить въ короткое письмо всѣ сложныя чувства и желанія, сосредоточенныя на васъ, какъ я вижу по моему дневнику, уже въ теченіе шестнадцати мѣсяцевъ, со времени катанія на лодкахъ въ Сурбитонѣ, когда мы вдвоемъ обогнали другихъ... Вы правили рулемъ, а я гребъ... Я рѣшительный человѣкъ и всегда добивался чего хотѣлъ. Ничего въ жизни я такъ не желалъ, какъ теперь вашей любви. Но, любя васъ, я полонъ страха: такъ ужасна мысль о возможности отказа. Еслибы я не такъ сильно любилъ васъ, я бы завоевалъ ваше сердце силой характера; меня считаютъ властнымъ человѣкомъ. И все, чего я достигъ, добыто было безграничной силой воли.

„Ну, вотъ, я все сказалъ, хотя и плохо, очень плохо. Но мнѣ надоѣло рвать письма и я отчаяваюсь лучше выразить то, что я хочу сказать. Обо всемъ другомъ я бы съ легкостью могъ написать самое блестящее письмо. Но ни о чемъ другомъ я не желаю писать. Позвольте же мнѣ предложить вамъ теперь вопросъ, который я не рѣшился предложить вамъ вчера. Согласны вы выйти за меня замужъ, Анна-Вероника? — Преданный вамъ Губертъ Маннингъ“.

Анна-Вероника прочла письмо съ большимъ вниманіемъ. По мѣрѣ того, какъ она читала, интересъ ея возросталъ и исчезала досада, овладѣвшая ею сначала. Она два раза улыбнулась. Потомъ она снова перечла нѣсколько мѣстъ письма и задумалась.

— Странно!—сказала она.—Очевидно, я должна отвѣтить. Какъ я этого не ожидала!

Она замѣтила тетю, направлявшуюся къ ней съ такимъ видомъ, точно она ни о чемъ не подозрѣвала, и пошла сама на встрѣчу ей спокойнымъ, дѣловымъ шагомъ.

— Я пойду погулять и не скоро вернусь, тетя.

— Одна, милая?

— Да, тетя. Мнѣ нужно много кое-чего обдумать.

Миссъ Стэнли задумалась, глядя вслѣдъ племянницѣ, направлявшейся къ дому. Анна-Вероника казалась ей въ эту минуту очень недоброй и очень самоувѣренной. Ей слѣдовало, думала миссъ Стэнли, быть болѣе мягкой, нѣжной и довѣрчивой какъ разъ теперь. Она, очевидно, не обладала подобающими ея возрасту и положенію чувствами. Миссъ Стэнли обошла весь садъ и вдругъ услышала разнесшійся по всему саду и всему дому стукъ захлопнутой Анной-Вероникой входной двери.

— Что это?—сказала миссъ Стэнли.

Анна-Вероника, очевидно, ушла изъ дому.

Миссъ Стэнли долго смотрѣла на высокія мальвы, точно ожидая отъ нихъ объясненія. Потомъ она поднялась по лѣстницѣ, постояла въ нерѣшительности на верхней площадкѣ и наконецъ, слегка запыхавшись и съ видомъ преисполненнымъ достоинства, открыла дверь и вошла въ комнату Анны-Вероники. Комната производила пріятное впечатлѣніе, со своимъ письменнымъ столомъ противъ окна, съ книжнымъ шкафомъ, на которомъ виднѣлись свиной черепъ, разрѣзанная лягушка въ запечатанной склянкѣ и груда тетрадокъ въ блестящихъ черныхъ обложкахъ. Въ углу комнаты стояли палки для хоккэ, ракетка для тенниса, а по стѣнамъ Анна-Вероника развѣсила снимки съ любимыхъ картинъ. Миссъ Стэнли не обратила вниманія на все это. Она прошла прямо къ платяному шкафу и открыла его. Тамъ, среди нормальной одежды Анны-Вероники, висѣло странное платье изъ красной ткани, обшитое дешевымъ позументомъ и совсѣмъ короткое—навѣрное едва доходившее до колѣнъ. На той же вѣшалкѣ и, очевидно, составляя принадлежность того же одѣянія, висѣла черная бархатная зуавская курточка. А рядомъ висѣло еще что-то третье, можетъ-быть—вторая юпка.

Миссъ Стэнли постояла въ нерѣшительности, потомъ взяла въ руки, вся дрожа, каждую изъ составныхъ частей страннаго костюма, и когда дошла до третьяго предмета, то оно распалось на два широкихъ красныхъ мѣшка.

— Панталоны!—прошептала она.

Ея глаза безпомощно озирали комнату, точно она взывала о помощи къ стульямъ...

Вдругъ взглядъ ея упалъ на стоявшія подъ столомъ желтыя съ золотомъ турецкія туфли. Она подошла къ нимъ, все еще держа въ рукахъ панталоны, и нагнулась, чтобы посмотрѣть

поближе. Это были бальныя туфли Анны-Вероники—одна изъ лучшихъ паръ—оклеенныя золотой бумагой и, тѣмъ самымъ, совершенно испорченныя.

Затѣмъ вниманіе ея снова сосредоточилось на панталонахъ.

— Какъ я это скажу ему?—прошептала миссъ Стэнли.

XII.

Анна-Вероника прошла легкой, быстрой походкой внизъ по бульвару, черезъ пролетарскую часть Морнинсайдъ-Парка и, пройдя черезъ поле, очутилась на большой тѣнистой дорогѣ, которая вела въ Каддингтонъ. Тогда она замедлила шаги и снова перечла письмо Маннинга.

— Нужно хорошенько подумать—сказала себѣ Анна-Вероника. — И почему это должно было случиться именно сегодня!

Ей было трудно сосредоточиться на чемъ-либо одномъ, и она не знала въ точности, что̀ именно она должна обдумать. Она въ сущности собиралась рѣшить во время прогулки всѣ главнѣйшіе вопросы жизни. Ей предстояло обсудить свое положеніе, подумать, что̀ отвѣтить на письмо Маннинга; но чтобы дойти до этого, она, по своей привычкѣ къ логическому мышленію, должна была, казалось ей, обсудить цѣли и условія брака отношенія мужчинъ къ женщинамъ вообще, вліяніе брака на благоденствіе расы, назначеніе расы, назначеніе и цѣль всего бытія...

— Ужасно многое еще не выяснено! — сказала Анна-Вероника.

Кромѣ того, исторія фаддіанскаго вечера—совершенно непропорціонально своему значенію—занимала почти цѣликомъ ея мысли и вносила воинственный духъ въ ея рѣшенія. Ей казалось, что она думаетъ о Маннингѣ и его предложеніи, а на самомъ дѣлѣ она думала о вечерѣ.

На нѣкоторое время ея желаніе сосредоточиться на самомъ важномъ разсѣялось, потому что она проходила по главной улицѣ Каддингтона и вниманіе ея было отвлечено сначала проѣзжавшимъ автомобилемъ, а потомъ усиліями конюха, который, сидя на строптивомъ конѣ, велъ за собой еще другую лошадь. Когда Анна-Вероника снова очутилась на большой дорогѣ и вернулась къ занимавшимъ ее вопросамъ, то оказалось, что въ мысляхъ ея царитъ образъ м-ра Маннинга. Онъ предсталъ передъ нею, высокій, смуглый, произнося изъ-подъ большихъ усовъ яснымъ го-

лосомъ плоскія любезныя фразы. Онъ дѣлалъ ей предложеніе, онъ любилъ ее.

Анна-Вероника не чувствовала никакого отвращенія при этой мысли. Она думала о его любви спокойно, безъ малѣйшаго волненія крови. Отношенія, которыя должны были установиться между ними, имѣли, казалось ей, столь же мало связи съ ея ощущеніями и чувствами, какъ, напримѣръ, закладъ имущества. Рѣчь шла объ установленіи взаимныхъ обязательствъ, о чемъ-то очень далекомъ отъ того міра, гдѣ люди умираютъ за поцѣлуй, гдѣ прикосновеніе руки сжигаетъ своимъ огнемъ цѣлую жизнь— словомъ, отъ міра романтическихъ чувствъ, отъ міра пламенной красоты.

Но этотъ другой міръ, хотя она рѣшительно отвернулась отъ него, постоянно заглядывалъ къ ней изъ-за угловъ, показывался изъ щелей, врываясь въ ту жизнь, которую она избрала для себя, сверкая въ картинахъ, звуча въ музыкѣ и стихахъ. Міръ этотъ наполнялъ ея сны, чертилъ загадочныя слова на стѣнахъ храма ея души. Она ощущала его теперь какъ голосъ, раздававшійся за стѣнами дома; онъ выкрикивалъ пламенныя истины среди жгучаго солнечнаго свѣта и какимъ-то таинственнымъ образомъ доказывалъ ей, что м-ръ Маннингъ—не пара ей, хотя онъ такой красивый, высокій, статный и добрый, хотя ему тридцать пять лѣтъ, хотя онъ имѣетъ достаточныя средства и вообще былъ бы идеальнымъ мужемъ. Голосъ доказывалъ, что у м-ра Маннинга слишкомъ неподвижное лицо, что ничто въ немъ не согрѣетъ ея душу. Еслибы Анна-Вероника хотѣла подыскать къ звукамъ этого голоса слова, то сказала бы: „Или любить безъ ума—или не выходить замужъ совсѣмъ“. Но она слишкомъ смутно все это чувствовала, чтобы выразить свои чувства словами.

— Я его не люблю,—сказала Анна-Вероника, точно что-то понявъ въ себѣ.—То, что онъ хорошій человѣкъ, ничего не мѣняетъ. Я не люблю—и кончено... Но, конечно, изъ-за этого будетъ немало непріятностей.

Она присѣла на низкій заборъ, прежде чѣмъ спускаться внизъ въ обратный путь.

— Хотѣла бы я знать,—сказала она—что̀ мнѣ собственно предстоитъ.

Мысли ея вернулись къ фаддіанскому вечеру. Она рѣшила непремѣнно пойти. Ничто не остановитъ ее; она готова претерпѣть всѣ послѣдствія этого шага. Пусть отецъ выгонитъ ее изъ дому—все равно. Она рѣшила пойти на вечеръ. Она просто выйдетъ изъ дому и пойдетъ...

Анна-Вероника стала думать о своемъ костюмѣ и съ особеннымъ удовольствіемъ вспомнила о маленькомъ кинжалѣ въ оправѣ изъ поддѣльныхъ цвѣтныхъ камней; кинжалъ этотъ она спрятала у себя въ комнатѣ. Она должна изображать невѣсту корсара. „Заколоть человѣка изъ ревности! — думала она. — Какъ это возможно! — Нужно вѣдь сообразить, куда воткнуть кинжалъ". Она подумала объ отцѣ и съ усиліемъ отогнала эту мысль.

Анна-Вероника пробовала представить себѣ картину фаддіанскаго вечера; она ни разу въ жизни не была на костюмированномъ балу. Вдругъ ей представился на этомъ вечерѣ м-ръ Маннингъ—высокій, съ темными волосами, сдержанный и самоувѣренный. Его появленіе на фаддіанскомъ вечерѣ было вполнѣ возможно. У него много знакомыхъ среди писателей и ученыхъ, и нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, члены фаддіанскаго общества.

Въ какомъ же костюмѣ явится онъ?

Она вскорѣ очнулась съ виноватымъ чувствомъ отъ занятія, которымъ на время увлеклась: она наряжала мысленно м-ра Маннинга въ разные костюмы, точно куклу. Она воображала себѣ его въ одеждѣ крестоносца: въ этомъ видѣ онъ показался ей интереснымъ, но тяжеловѣснымъ. „Въ немъ есть что-то тяжеловѣсное,—подумала она.—Это усы его, что ли?" Потомъ она нарядила его гусаромъ, но въ этомъ видѣ онъ былъ невозможенъ; затѣмъ—арабскимъ шейхомъ. Она пробовала представить его себѣ въ видѣ драгомана или въ видѣ полицейскаго, и это, какъ будто, болѣе всего подходило къ его строгому, неподвижному профилю. Она чувствовала, что онъ отлично съумѣлъ бы показывать на улицѣ дорогу прохожимъ, направлять движеніе экипажей и съ неотразимой корректностью впускать публику въ общественныя зданія. Для каждаго костюма она придумала особую форму отказа.—Боже!—воскликнула она наконецъ, въ ужасѣ отъ направленія своихъ мыслей, и, соскочивъ съ забора, продолжала путь.

— Я никогда не выйду замужъ!—рѣшительно сказала Анна-Вероника.—Я не изъ тѣхъ, которыя выходятъ замужъ. Поэтому мнѣ крайне важно стать самостоятельной.

XIII.

Представленія Анны-Вероники о замужествѣ были очень ограниченныя и спутанныя. Ея учителя и учительницы всячески стара-

лись внушить ей неискоренимую увѣренность въ томъ, что это—нѣчто весьма важное, но о чемъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ думать. Ея первое сознательное представленіе о значеніи замужества для женщины относилось ко времени свадьбы Алисы и побѣга изъ дому второй ея сестры, Гвенъ.

Эти событія произошли, когда Аннѣ-Вероникѣ было двѣнадцать лѣтъ. Между нею и младшей изъ двухъ ея сестеръ была пропасть въ восемь лѣтъ—пропасть непроходимая, заполненная лишь двумя шумными братьями. Сестры жили въ мірѣ взрослыхъ, были недосягаемы для привязанности Анны-Вероники и въ значительной степени далеки отъ сферы ея любопытства. Ей доставалось отъ нихъ, когда она брала ихъ ботинки или ихъ ракетки для тенниса, и она приходила въ неописуемый восторгъ, если въ видѣ милости ей позволяли, передъ сномъ, поглядѣть на нихъ, когда онѣ, разряженныя, въ бѣлыхъ, розовыхъ или желтыхъ платьяхъ, собирались ѣхать въ гости вмѣстѣ съ матерью. Алису она считала скрытной, и это мнѣніе раздѣляли братья, а Гвенъ—жадной за столомъ. Она не видѣла, какъ за ними ухаживаютъ, и пришла изъ пансіона на свадьбу Алисы съ большимъ любопытствомъ, которое она изъ благовоспитанности скрывала.

Свадьба произвела на нее очень большое, но смутное впечатлѣніе, усложнившееся мимолетнымъ сочувствіемъ, не пробудившимъ отвѣтнаго пыла, къ толстому, кудрявому кузену въ черномъ вельветиновомъ костюмѣ и съ кружевнымъ воротникомъ; кузенъ этотъ былъ пажемъ невѣсты. Анна-Вероника ходила всюду слѣдомъ за нимъ, и ей удалось, послѣ большой, неблагородной съ его стороны борьбы (онъ даже щипалъ ее), затащить его въ огородъ, за парники, къ кустамъ малины и тамъ поцѣловать его. Потомъ ея братъ Родди, тоже въ черной вельветиновой курточкѣ, скорѣе чувствуя, нежели зная, что тутъ что-то произошло, отколотилъ юнаго Адониса.

Свадьба оказалась событіемъ очень интереснымъ, но переворачивающимъ все въ домѣ вверхъ дномъ. Всѣ теряли голову, а домашняя кошка была совсѣмъ несчастна. Всю мебель передвинули, завтракали и обѣдали въ неурочное время, и всѣ, въ томъ числѣ Анна-Вероника, ходили въ новыхъ, свѣтлыхъ платьяхъ. У Анны-Вероники было палевое платье, короткое, съ коричневымъ поясомъ, и распущенные волосы; Гвенъ была тоже въ палевомъ, съ коричневымъ кушакомъ, но въ длинной юпкѣ и волосы были зачесаны кверху. А мать ея, очень оживленная, раз-

горяченная, надѣла тоже палевое съ коричневымъ платье, но болѣе сложнаго фасона.

На Анну-Веронику производила особенное впечатлѣніе примѣрка Алисѣ новыхъ вещей. Алисѣ сдѣлали полный новый гардеробъ: платье для гулянья, съ соотвѣтствующими ботинками, очаровательное подвѣнечное платье, чулки и много другого, что трудно было и придумать. Ей дарили множество какихъ-то ненужныхъ, замѣчательныхъ предметовъ: покрывало на кровать изъ настоящаго кружева, золоченые дорожные часы, миска для салата въ серебряной оправѣ, ложка и вилка къ ней, двѣнадцать томовъ „Англійскихъ поэтовъ“ въ изданіи Маджетта, въ красныхъ кожаныхъ переплетахъ и т. д.

Среди этого наплыва новыхъ вещей приходилъ и уходилъ озабоченный, почти угнетеннаго вида человѣкъ: это былъ докторъ Ральфъ, бывшій ассистентъ д-ра Стикеля, который жилъ на бульварѣ; теперь Ральфъ старался имѣть собственную практику въ Вамбльсмитѣ. Онъ сбрилъ бакенбарды и приходилъ въ фланелевомъ костюмѣ, но все же это былъ несомнѣнно тотъ самый докторъ, который лечилъ Анну-Веронику, когда у нея была корь и когда она проглотила рыбью кость. Но его роль теперь измѣнилась: онъ изображалъ жениха въ представленіи, которое разыгрывалось въ ихъ домѣ. Алисѣ предстояло стать м-ссъ Ральфъ. Онъ являлся съ нѣсколько виноватымъ видомъ, и прежній строгій тонъ, которымъ онъ спрашивалъ: „Что вы чувствуете?“—исчезъ. Только одинъ разъ онъ мимоходомъ спросилъ Анну-Веронику: „Какъ чувствуетъ себя Алиса, Ви?“ Въ день торжества онъ явился преображенный, въ очаровательныхъ свѣтло-сѣрыхъ панталонахъ и въ новомъ, блестящемъ цилиндрѣ съ очень красиво загнутыми полями.

Мало того, что въ комнатахъ все переставлялось на новый ладъ и всѣ одѣвались не какъ всегда, но и самые характеры и чувства всѣхъ членовъ семьи тоже измѣнились. Отецъ былъ явно раздраженъ и старался укрываться подольше въ своей гранильной мастерской; его кабинетъ былъ въ полномъ безпорядкѣ. За столомъ онъ разрѣзывалъ жаркое съ мрачнымъ, рѣшительнымъ видомъ. Въ день торжества онъ вдругъ, какъ труба, выпаливалъ любезности окружающимъ, а потомъ принималъ снова озабоченный видъ. Гвенъ и Алиса были удивительно дружны, и это, кажется, ему не нравилось, а м-ссъ Стэнли была очень загадочна въ этотъ день и все время не выпускала изъ виду мужа и Алису.

Анна-Вероника смутно вспоминала кареты, ливрейныхъ ку-

черовъ, бичи съ бѣлыми ленточками, людей, которые суетливо упрашивали другъ друга первыми сѣсть въ карету, затѣмъ церковь. Тамъ всѣ сидѣли не на обычныхъ мѣстахъ, и между собравшимися на свадьбу и стѣнами церкви стояло много пустыхъ скамеекъ.

У Анны-Вероники сохранилось нѣсколько отрывочныхъ воспоминанiй объ Алисѣ, странно преображенной въ своемъ подвѣнечномъ платьѣ. Она почему-то имѣла удрученный видъ. Шафера и подруги невѣсты отодвинулись нѣсколько въ сторону, и Анна-Вероника видѣла подходящую къ алтарю Алису, ея бѣлую спину, покатыя плечи и окутанную фатой голову. Страннымъ образомъ Аннѣ-Вероникѣ стало жаль Алисы. Она ясно вспоминала теперь запахъ апельсинныхъ цвѣтовъ, а также видъ Алисы, которая еле слышно произносила отвѣты, глядя на доктора Ральфа, въ то время какъ пасторъ Эдуардъ Брибль стоялъ между ними съ раскрытой книгой. Докторъ Ральфъ казался очень добрымъ; онъ слушалъ отвѣты Алисы такъ, точно она говорила ему о симптомахъ болѣзни, и онъ выводилъ заключенiе, что въ общемъ она выздоравливаетъ.

Потомъ мать и Алиса долго цѣловали и обнимали другъ друга. Докторъ Ральфъ былъ сдержанъ. Онъ и отецъ крѣпко, по-мужски, пожали другъ другу руки.

Анна-Вероника съ интересомъ слѣдила за службой; ей нравился голосъ пастора Бribля и его манера читать. Но среди мыслей о томъ, что читалъ пасторъ, раздались звуки органа, и ей стало ясно, что какъ бы печальны и трогательны ни были слова у алтаря, все же дивные звуки Мендельсоновской мелодiи возвѣщаютъ радость.

Свадебный завтракъ былъ для Анны-Вероники страннымъ зрѣлищемъ полной побѣды небылицы надъ дѣйствительностью; ей эта часть торжества очень нравилась до тѣхъ поръ, пока, противъ ея желанiя, ей положили нечаянно на тарелку майонеза. Ея любимый дядя поймалъ ее на томъ, что она строила гримасы Родди, который находилъ майонезъ вкуснымъ.

Изъ огромнаго количества этихъ впечатлѣнiй Анна-Вероника не могла извлечь теперь никакой пользы. Одно только сразу опредѣлилось въ ея мысляхъ. Ей было ясно, что если только ее не вытащитъ изъ воды, когда она будетъ тонуть, неженатый человѣкъ—въ этомъ случаѣ вѣдь свадьба неизбѣжна, конечно—или если она не лишится всего своего гардероба и не будетъ поэтому принуждена сдѣлать себѣ новый,—понятно, по-

разительный, — если только всего этого не случится, то лучше избѣгать замужества.

Когда они возвращались домой, Анна-Вероника спросила мать, почему Гвенъ и Алиса плакали.

— Тсс!—сказала мать и прибавила:—Нельзя было немножко не поплакать.

— Развѣ Алиса не хотѣла выйти замужъ за доктора Ральфа?

— Тсс, Ви!—сказала мать, явно уклоняясь отъ отвѣта.— Я увѣрена, что она будетъ очень счастлива съ докторомъ Ральфомъ.

Но Анна-Вероника совершенно не была въ этомъ увѣрена, пока не побывала въ Вамбльсмитѣ. Тамъ она увидѣла сестру, какъ-то уже чужую ей, хозяйкой въ домѣ доктора Ральфа. Она сидѣла за столомъ въ красивомъ домашнемъ платьѣ. Докторъ Ральфъ вошелъ выпить чашку чая, обнялъ Алису и поцѣловалъ ее; Алиса называла его „Сквигльсъ“ и прижималась къ нему съ радостнымъ лицомъ. Но вѣдь передъ тѣмъ она плакала. Анна-Вероника это знала; она слышала изъ-за полуоткрытыхъ дверей, какъ Алиса говорила и въ то же время плакала. Аннѣ-Вероникѣ было очень непріятно слышать плачъ сестры. Но, можетъ быть, замужество должно приносить слезы. Теперь это кончилось. Алиса, очевидно, чувствуетъ себя хорошо. Точно когда бываетъ зубная боль, а потомъ отъ нея вылѣчатъ.

Послѣ того сестра стала ей болѣе чужой. Черезъ нѣсколько времени Алиса разболѣлась. Потомъ у нея родился ребенокъ, и она сдѣлалась сразу совсѣмъ взрослой, даже почти старой и очень скучной. Послѣ того она съ мужемъ поселилась въ Іоркширѣ. У нея было еще четверо дѣтей; всѣ они очень нехорошо выходили на фотографическихъ карточкахъ. Мало-по малу она совершенно исчезла изъ круга привязанностей Анны-Вероники.

XIV.

Исторія съ Гвенъ произошла въ то время, какъ Анна-Вероника жила въ Мартикомѣ-на-морѣ, гдѣ училась въ подготовительной школѣ. Исторія эта такъ и осталась невыясненной для нея.

Мать не писала ей цѣлую недѣлю, а потомъ пришло отъ нея письмо въ совершенно необычномъ тонѣ. „Милая,—писала

она,—я должна тебѣ сказать, что сестра твоя Гвенъ очень огорчила и оскорбила отца. Надѣюсь, ты не перестанешь любить ее, но всетаки помни, что она нарушила волю отца: вышла замужъ безъ его согласія. Отецъ очень сердитъ и при немъ нельзя называть ея имени. Она вышла за человѣка, который ему не нравится, и ушла изъ дому".

Когда Анна-Вероника пріѣхала на каникулы домой, мать была больна, и Гвенъ ухаживала за нею. На Гвенъ было старое платье, волосы были причесаны не по новому, на пальцѣ было обручальное кольцо и видно было, что она плакала.

— А, Гвенъ, здравствуй! — сказала Анна-Вероника, стараясь привести всѣхъ въ хорошее настроеніе.—Вышла замужъ?... Какъ фамилія счастливаго мужа?

— Фортескью,—созналась Гвенъ.

— У тебя есть при себѣ его карточка? — спросила Анна-Вероника, поцѣловавъ мать. Гвенъ, спросивъ предварительно позволенія у матери и получивъ ея согласіе, вынула карточку, которая была спрятана въ ящикѣ для драгоцѣнностей подъ зеркаломъ на туалетѣ. На карточкѣ Анна-Вероника увидѣла гладко выбритое лицо съ большимъ греческимъ носомъ, съ густыми прядями волосъ, свисающими на лобъ, слишкомъ крупнымъ подбородкомъ и слишкомъ длинной шеей.

— Съ виду ничего—сказала Анна-Вероника, глядя на карточку и склоняя голову сначала на одинъ бокъ, потомъ на другой; она старалась быть любезной.—Что же имѣется противъ него?—спросила она.

— Можно ей сказать?—спросила Гвенъ мать.

— Дѣло въ томъ, Ви,—сказала м-ссъ Стэнли, — что м-ръ Фортескью актеръ, а твой отецъ—противъ этой профессіи.

— Какъ!—сказала Анна-Вероника.—Актеровъ вѣдь теперь возводятъ въ бароны.

— Можетъ-быть и Голь тоже будетъ барономъ — сказала Гвенъ,—но этого еще долго ждать.

— Значитъ, ты тоже должна быть актрисой? — спросила Анна-Вероника.

— Не знаю еще, буду ли я продолжать играть — сказала Гвенъ, и въ голосѣ ея уже прозвучали новыя, актерскія нотки.— Неудобно, чтобы мужъ и жена служили въ одномъ театрѣ, а Голь врядъ-ли позволитъ мнѣ играть не вмѣстѣ съ нимъ.

Анна-Вероника посмотрѣла на сестру съ особымъ уваженіемъ; но традиціи семейственности были сильны и въ ней.— Не думаю, что тебѣ удастся сценическая карьера!—сказала она.

Впослѣдствіи горе бѣдной Гвенъ такъ удручало больную м-ссъ Стэнли, что мужъ ея согласился принять м-ра Фортескью. Онъ пожалъ ему руку, у себя въ гостиной, съ безнадежной холодностью и сейчасъ же мрачно пошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Фортескью обошелъ садъ мягкими шагами, поднявъ къ небу свой греческій носъ и заложивъ руки за спину, потомъ остановился и сталъ долго, пристально глядѣть на фруктовыя деревья у стѣны.

Анна-Вероника слѣдила за нимъ изъ оконъ столовой и послѣ нѣкотораго колебанія спустилась въ садъ и пошла какъ разъ въ направленіи противоположномъ тому, по которому шелъ Фортескью; она встрѣтилась съ нимъ съ невинно-удивленнымъ видомъ.

— А!—сказала Анна-Вероника, подбоченясь и говоря нѣсколько небрежнымъ тономъ.—Вы м-ръ Фортескью?

— Въ вашимъ услугамъ. Вы Анна-Вероника?

— Какъ будто. Скажите—это вы женились на Гвенъ?

— Да.

— Почему?

Фортескью удивленно поднялъ брови и принялъ выраженіе, соотвѣтствующее легкому комедійному тону.—Я, очевидно, влюбился въ нее, Анна-Вероника.

— Любопытно! А у васъ есть на что содержать ее?

— Насколько хватаетъ силъ, буду работать,—сказалъ Фортескью съ поклономъ.

— А силъ у васъ много?—спросила Анна-Вероника.

Фортескью попытался изобразить смущеніе на лицѣ, чтобы тѣмъ самымъ скрыть, что онъ дѣйствительно смущенъ. Анна-Вероника продолжала распрашивать его объ игрѣ на сценѣ, спросила, какія роли будетъ исполнять ея сестра, и достаточно ли она красива для этихъ ролей, спросила, кто ей будетъ шить платья и т. д.

На самомъ дѣлѣ Фортескью совсѣмъ не могъ содержать жену. Вскорѣ послѣ смерти матери Анна-Вероника встрѣтила Гвенъ на лѣстницѣ. Она выходила изъ кабинета отца, бѣдно одѣтая, въ жалкомъ траурѣ, заплаканная, озлобленная. И послѣ того Гвенъ исчезла изъ ихъ жизни; Анна-Вероника даже не знала объ отчаянныхъ письменныхъ мольбахъ сестры, обращенныхъ къ отцу и тетѣ; до нея только изрѣдка доходили отрывки злобныхъ замѣчаній о Гвенъ и взрывы отцовскаго гнѣва противъ „негодяя“.

XV.

Это были для Анны-Вероники единственные примѣры въ вопросѣ о бракѣ. Только эти два случая замужества она знала. Въ остальномъ она черпала свои свѣдѣнія о семейной жизни изъ наблюденій за замужними дамами. Ихъ жизнь казалась ей ограниченной, скучной и тѣсной, сравнительно съ жизнью свободныхъ молодыхъ дѣвушекъ. Это заключеніе она выводила также изъ чтенія самыхъ разнообразныхъ книгъ. Въ результатѣ семейные люди стали казаться ей насѣкомыми, лишившимися крыльевъ, а про сестеръ она думала, что у нихъ лишь на минуту были крылья. Она представила себѣ туманный образъ самой себя, живущей подъ однимъ кровомъ съ благожелательнымъ м-ромъ Маннингомъ. Какъ знать, можетъ-быть она, по аналогіи съ „Сквигльсъ", будетъ называть его „Мангльсъ".

— Нѣтъ, я ни за кого не выйду замужъ! — сказала она и перешла сейчасъ же къ другому ряду мыслей, на минуту взволновавшихъ ее.—Неужели нужно изгнать изъ жизни любовь?

Тяжело было отказаться отъ романтическихъ грезъ, но все же она никогда такъ страстно не желала продолжать университетскія занятія, какъ именно теперь. Никогда еще она такъ остро не ощущала потребности свободно дѣйствовать по собственной инціативѣ, потребности жить, не соображаясь съ чужой волей, мѣшающей ей. Ей необходимо добиться этого во что бы то ни стало. Ея братья вѣдь самостоятельны, хотя и не вполнѣ, то все же болѣе, чѣмъ она могла надѣяться для себя, если только она не проявитъ исключительной энергіи. Между нею и прекрасной, далекой перспективой свободы и саморазвитія стояли м-ръ Маннингъ, ея тетя, ея отецъ, сосѣди, обычаи, традиціи. Всѣ они точно вооружились сѣтями и готовы набросить сѣти на нее, какъ только она сдѣлаетъ хоть одно дѣйствительно свободное движеніе.

У нея было чувство, точно съ глазъ ея спала пелена, точно она въ первый разъ увидѣла себя, какъ видитъ себя проснувшійся лунатикъ среди опасностей, препятствій, осложненій. Жизнь дѣвушки представилась ей дѣйствительно счастливой и беззаботной, но въ то же время подчиненной чужой волѣ, жизнью подъ надзоромъ, среди незамѣчаемыхъ загородокъ, среди утаиваній. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это очень пріятно. Но потомъ вдругъ открывается дѣйствительность, дѣлаешься „взрослой",

просыпается потребность серьезныхъ интересовъ. Тогда разные Ральфы, Маннинги и Фортескью идутъ навстрѣчу неопытности и полному невѣдѣнію дѣвушки, вступающей въ жизнь; и прежде, чѣмъ глаза ея вполнѣ раскроются, прежде, чѣмъ она узнаетъ что̀ собственно произошло, новый рядъ руководителей и надзирателей, новый рядъ обязательствъ и отвѣтственностей замѣнитъ прежнее. „Я хочу быть самой собой,—заявила Анна-Вероника небу и далекимъ полямъ.—Что̀ бы ни случилось, но подчиненія другимъ не будетъ въ моей жизни“.

Когда Анна-Вероника, вскорѣ послѣ полудня, сѣла на низкій плетень между дорогой для верховой ѣзды и полемъ съ видомъ на широкое пространство между Чакингомъ и Вальдершэмомъ, въ душѣ ея уже созрѣли три рѣшенія. Прежде всего, она рѣшила совсѣмъ не выходить замужъ, и въ особенности не выходить за м-ра Маннинга; во-вторыхъ, она рѣшила такъ или иначе продолжать занятія не въ Тредгольдовской школѣ, а въ Императорскомъ Коллэджѣ; въ-третьихъ, она рѣшила совершить поступокъ, который былъ бы символомъ всѣхъ ея рѣшеній, актомъ свободной, зрѣлой воли — т.-е. рѣшила пойти на фадіанскій вечеръ.

Она должна была, конечно, считаться съ тѣмъ, какъ поступитъ въ виду этого отецъ. До сихъ поръ она все не подходила къ этому важному вопросу. Что случится, когда она завтра вернется домой? Вотъ о чемъ нужно подумать.

Выгнать ее изъ дому онъ не могъ. Но что̀ онъ могъ сдѣлать другого—она не могла себѣ представить. Она не боялась открытаго проявленія силы со стороны отца, а боялась мелкихъ способовъ борьбы. Что, если отецъ не будетъ давать ей средства для жизни, такъ что ей придется или сидѣть дома, затаивъ злобу, или зарабатывать деньги самой?.. Она считала вполнѣ вѣроятнымъ, что онъ именно не будетъ давать ей денегъ.

Чѣмъ можетъ дѣвушка заработать деньги?

Въ эту минуту ходъ мыслей Анны-Вероники былъ нарушенъ приближеніемъ къ ней всадника. М-ръ Рамаджъ, весь въ сѣромъ, показался верхомъ на черной лошади. При видѣ молодой дѣвушки онъ остановилъ лошадь, поклонился и взглянулъ на Анну-Веронику выпуклыми глазами. Дѣвушка посмотрѣла на него съ нѣкоторымъ любопытствомъ.

— Вы завладѣли моимъ видомъ, — сказалъ онъ послѣ короткой паузы.—Я всегда схожу въ этомъ мѣстѣ съ лошади и прислоняюсь на минуту къ этой изгороди. Могу я сдѣлать это и сегодня?

— Это ваша изгородь—любезно сказала она,—вы первый ее открыли. Напротивъ того, я должна попросить у васъ разрѣшенія посидѣть здѣсь.

Онъ спустился съ лошади.

— Позвольте мнѣ представить вамъ Цезаря!—сказалъ онъ.

Она погладила шею Цезаря, обратила вниманіе на мягкость его ноздрей и внутренно ужаснулась уродству лошадиныхъ зубовъ. Рамаджъ привязалъ лошадь подальше. Цезарь тяжело отдувался и принялся за изслѣдованіе изгороди. Рамаджъ всталъ около Анны-Вероники и на минуту наступило молчаніе. Онъ сдѣлалъ нѣсколько элементарныхъ замѣчаній о широкомъ видѣ, раскинувшемся подъ теплымъ отблескомъ осенняго багрянца, покрывающаго холмы и долины, лѣса и деревню внизу.

— Этотъ видъ широкъ какъ сама жизнь—сказалъ м-ръ Рамаджъ, глядя вдаль и поставивъ хорошо обутую ногу на нижнюю перекладину забора.—Что вы здѣсь собственно дѣлаете, милая барышня,—спросилъ онъ, глядя ей въ лицо,—одна и такъ далеко отъ дома?

— Я люблю далекія прогулки, — сказала Анна-Вероника, опуская на него глаза съ высоты своего сидѣнья на заборѣ.

— Прогулки въ одиночествѣ?

— Въ этомъ вся прелесть. Я тогда могу думать о многомъ.

— Жизненныя проблемы?

— Иногда очень сложныя.

— Ваше счастье, что вы живете въ такое время, когда можете задаваться рѣшеніемъ сложныхъ проблемъ. Ваша мать, напримѣръ, этого не могла. Ей приходилось обдумывать все дома—подъ присмотромъ.

Она задумчиво посмотрѣла на него. Видно было по его лицу, что онъ восхищается ея свободной юношеской осанкой.

— Многое, конечно, измѣнилось.

— Мы живемъ въ переходное время.

— Переходное къ чему?—спросила она, но м-ръ Рамаджъ не могъ ей на это отвѣтить.

— Достаточно сознавать наступающую перемѣну—сказалъ онъ.—Сознаюсь—продолжалъ онъ,—что такъ называемая „новая женщина“ и „новая дѣвушка“ глубоко меня интересуютъ. Я изъ тѣхъ людей, которые интересуются женщинами: женщины интересуютъ меня больше всего остального — я этого не скрываю. И я вижу яркую перемѣну. Изумительно, какъ успѣли отбросить все старое. Все исчезло — особенно прежняя привычка уходить въ свою скорлупку, какъ улитка, при малѣйшемъ прикосновеніи.

Еслибы вы жили на двадцать лѣтъ раньше, васъ бы называли „юнымъ существомъ“, и вашей главной обязанностью въ жизни было бы ничего не знать, ничего не понимать.

— Да и теперь—сказала, улыбаясь, Анна-Вероника—осталось достаточно непонятнаго.

— Конечно. Но ваша роль заключалась бы въ томъ, чтобы постоянно говорить: „простите, я не понимаю“, укоризненнымъ тономъ, хотя бы вы отлично понимали, о чемъ вамъ говорятъ, и не видѣли бы въ этомъ ничего дурного. Такого рода „юныя существа“, къ счастью, исчезли съ лица земли. Пропали, точно ихъ кто-то похитилъ... Надѣюсь, что они больше никогда не найдутся!

Онъ радовался этого рода эманципаціи.

— Въ то время когда дѣвушекъ считали овечками, на мужчинъ смотрѣли какъ на опасныхъ волковъ. На насъ надѣвали невидимыя цѣпи и невидимые наглазники. А теперь мы съ вами можемъ свободно болтать, стоя у забора, и никто въ этомъ не увидитъ ничего дурного. Эта перемѣна нравовъ дала мужчинамъ радость, которой они прежде не знали. Теперь можно имѣть друга—молодую дѣвушку. И я пришелъ къ убѣжденію, что самымъ лучшимъ и самымъ прекраснымъ другомъ можетъ быть именно молодая дѣвушка.

Онъ остановился, взглянулъ на нее и продолжалъ:

— Мнѣ гораздо пріятнѣе разговаривать съ дѣйствительно умной дѣвушкой, чѣмъ съ какимъ бы то ни было мужчиной.

— Да, кажется, мы теперь дѣйствительно болѣе свободны, чѣмъ прежде,—сказала Анна-Вероника, стараясь не переходить отъ общихъ вопросовъ къ личнымъ.

— Это внѣ всякаго сомнѣнія. Когда дѣвушки восьмидесятыхъ годовъ разбили преграды и помчались вдаль на велосипедахъ—моя молодость относится именно къ этому времени,—наступило смягченіе прежней зависимости.

— Смягченіе, согласна. Но развѣ мы теперь свободны?

— Развѣ нѣтъ?

— Веревки, которыми мы связаны, быть-можетъ длиннѣе, но мы всетаки связаны ими. Женщины теперь на самомъ дѣлѣ немногимъ болѣе свободны, чѣмъ прежде.

М-ръ Рамаджъ не сталъ возражать.

— Намъ разрѣшается свободно двигаться,—сказала Анна-Вероника.

— Вотъ именно.

— Но съ условіемъ, чтобы мы не пользовались своей свободой.

— Для какой цѣли?

— Для какой бы то ни было.

Онъ посмотрѣлъ на нее вопросительно и улыбнулся.

— По моему, дѣло сводится къ тому, чтобы имѣть самостоятельный заработокъ — сказала Анна-Вероника, слегка покраснѣвъ. — Пока дочери не смогутъ уходить изъ дому какъ сыновья и зарабатывать деньги, до тѣхъ поръ онѣ будутъ на привязи. Веревка, можетъ быть, длинна, настолько даже, чтобы окрутить еще много людей — но всетаки она держитъ насъ на привязи. Если хозяинъ потянетъ, нужно идти, куда онъ прикажетъ. Въ этомъ вся суть...

М-ръ Рамаджъ согласился съ тѣмъ, что ея доводы основательны. Его убѣдило сравненіе съ веревкой, которое Анна-Вероника заимствовала у Гетти Виджеттъ.

— Но вѣдь вы-то не стремитесь къ самостоятельности?— спросилъ онъ. — Я говорю о настоящей самостоятельности, о томъ, чтобы жить на собственные заработки. Это вовсе не такъ весело, какъ кажется.

— Каждый человѣкъ нуждается въ самостоятельности. Каждый. И мужчины, и женщины.

— А вы?

— И я также.

— Почему?

— Безъ всякой особенной причины. Просто нужно чувствовать свое „я“.

— Никто своего „я“ не чувствуетъ—сказалъ Рамаджъ и на минуту замолчалъ.

— Но вѣдь юноши-то уходятъ изъ дому и могутъ стоять на собственныхъ ногахъ. Они сами покупаютъ себѣ одежду, сами выбираютъ себѣ знакомыхъ и живутъ по-своему.

— Вы бы тоже этого хотѣли?

— Да.

— Хотѣли бы жить какъ молодой человѣкъ?

— Что за вопросъ!

Рамаджъ подумалъ.

— Почему же вы не живете какъ вамъ хочется? — спросилъ онъ.

— Потому что пришлось бы воевать со всѣми изъ-за этого.

— Да?—участливо сказалъ Рамаджъ.

— Къ тому же,—сказала Анна-Вероника, отклоняя этотъ способъ освобожденія,—что̀ бы я могла дѣлать? У всякаго юноши есть какая-нибудь профессія. А... я какъ разъ объ этомъ ду-

мала теперь. Если, напримѣръ, дѣвушка хочетъ начать самостоятельную жизнь — она открыто посмотрѣла ему прямо въ глаза,—что ей дѣлать?

— Предположимъ, что вы...

— Да, предположимъ, что я...

Онъ понялъ, что къ нему обратились за совѣтомъ. Онъ сталъ говорить болѣе интимнымъ тономъ.

— Да, что бы вы могли дѣлать?—сказалъ онъ.—Я полагаю, что вы могли бы дѣлать многое... Но что бы вамъ слѣдовало дѣлать?

Онъ сталъ выкладывать ей свое знаніе свѣта, и по его намекамъ чувствовалось, что у него много житейскаго опыта. Онъ оптимистически смотрѣлъ на ея шансы въ жизни. Анна-Вероника внимательно слушала его, глядя вдаль и отъ времени до времени вставляла какой-нибудь вопросъ. Давая ей нужныя свѣдѣнія, онъ смотрѣлъ на ея лицо, на ея граціозную фигуру и думалъ о ней. Она казалась ему очаровательной. Очевидно, ей хотѣлось уйти изъ отцовскаго дома. Почему?

Въ то время, какъ онъ совѣтовалъ ей не заниматься учительствомъ, не давать грошевыхъ уроковъ, и объяснялъ, что для женщинъ съ инициативой, совершенно такъ же, какъ и для мужчинъ, открыты всѣ пути къ жизненному успѣху, въ глубинѣ души его мучилъ вопросъ: почему?

Какъ человѣкъ, знающій жизнь, онъ сталъ объяснять себѣ ея душевное состояніе неудачной или запретной любовью. Но это предположеніе онъ отвергъ: еслибы она любила кого-нибудь, то обратилась бы за совѣтомъ именно къ нему, а не къ другому человѣку. Значитъ, дѣло только въ томъ, что ей тяжело жить дома. Онъ вполнѣ понималъ, что дочери м-ра Стэнли могла надоѣсть жизнь у отца и ограниченные интересы этой жизни. Но развѣ этого достаточно? У него мелькали въ умѣ смутныя догадки о какой-нибудь болѣе реальной причинѣ. Неужели молодой дѣвушкѣ хотѣлось скорѣе узнать жизнь? Развѣ у нея есть въ характерѣ любовь къ приключеніямъ? Онъ зналъ жизнь, и потому понималъ, что дѣвическое спокойствіе ея лица могло быть только маской. За этой маской навѣрное билась живая любовь къ жизни, даже если эта любовь еще не пробудилась. Если она и не любитъ какого-нибудь опредѣленнаго человѣка, то все же ее влечетъ вдаль еще неизвѣданная любовь...

Онъ только очень незначительно отступилъ отъ истины, утверждая, что единственный интересъ его жизни—женщины, и даже не та или иная женщина, а женщины вообще. Въ первый

разъ онъ влюбился тринадцати лѣтъ и утверждалъ, что можетъ влюбиться еще и теперь. Его богатая больная жена была единственной нитью, связующей воедино его жизнь; на эти неизмѣнныя отношенія нанизано было много увлекательныхъ, волнующихъ, памятныхъ романтическихъ переживаній. Каждое отличалось чѣмъ-нибудь отъ другихъ, каждое имѣло самостоятельный интересъ, самобытную красоту. Онъ не могъ понять, какъ люди могли жить, отвлекаясь отъ этого главнаго интереса жизни, этого обаятельнаго проникновенія въ душу другого человѣка, во всѣ способы нравиться женщинѣ, отъ дивныхъ, сложныхъ впечатлѣній, начинавшихся съ интереса къ разговору и доходившихъ до высочайшаго напряженія чувствъ. Все остальное въ его жизни подчинено было этимъ впечатлѣніямъ.

Вотъ почему, въ то время какъ онъ разговаривалъ съ Анной-Вероникой о самостоятельномъ трудѣ и о свободѣ, его выпуклые глаза любовались граціей ея движеній, тонкими линіями ея подбородка и ея шеи. Ея вдумчивое тонкое лицо, нѣжный цвѣтъ лица уже возбудили въ немъ интересъ, когда онъ ѣздилъ съ нею по желѣзной дорогѣ въ городъ и изъ города; а тутъ вдругъ онъ очутился подлѣ нея и могъ свободно говорить съ нею. Она оказалась очень разговорчивой, и онъ постарался воспользоваться этимъ.

Ей было пріятно говорить съ нимъ; она была нѣсколько польщена его сочувствіемъ. Ей хотѣлось объяснить ему свой характеръ, показать ему себя въ настоящемъ свѣтѣ. Онъ явно напрягалъ свой умъ, чтобы быть ей полезнымъ, и она хотѣла заслужить его хорошее отношеніе къ ней, показаться ему тонкой натурой, страдающей отъ тѣсныхъ рамокъ своей жизни. Она даже слегка намекнула на несправедливость и неразумность своего отца.

— Удивляюсь—сказалъ Рамаджъ,—что и другія дѣвушки не думаютъ такъ, какъ вы, и не начинаютъ жить самостоятельно.

— А вы-то сами отважитесь на это?—спросилъ онъ, подумавъ съ минуту.—Послушайте: если когда-нибудь вы на это рѣшитесь, то, можетъ быть, я смогъ бы вамъ какъ-нибудь помочь, совѣтомъ, справками или рекомендаціями. Вы видите, я вовсе не считаю женщинъ неспособными къ самостоятельной дѣятельности, но я, конечно, знаю, что женщины очень неопытны. Всѣ вы недостаточно подготовлены къ дѣловой сторонѣ жизни. Еслибы вы обратились ко мнѣ—простите мою настойчивость—я счелъ бы это доказательствомъ дружескаго расположенія. Я не

могу себѣ представить большей радости, чѣмъ содѣйствіе вамъ, такъ какъ знаю, что вамъ стóитъ помочь. Въ васъ чувствуется воля, и это внушаетъ надежду на успѣхъ вашихъ начинаній...

Въ то время какъ онъ говорилъ и смотрѣлъ на нее, она отвѣчала и, слушая его, въ то же время занята была мыслями о немъ. Ей нравилась его оживленность. Онъ навѣрное былъ очень умный человѣкъ. Его знаніе дѣйствительности могло какъ разъ заполнить пробѣлы ея почти полнаго незнанія жизни. Во всемъ, что онъ говорилъ, чувствовалось, что онъ вѣритъ въ силу воли, что онъ считаетъ возможнымъ и должнымъ дѣйствовать, не ожидая толчка извнѣ. По сравненію съ ея отцомъ, съ м-ромъ Маннингомъ, съ другими людьми, имѣющими „твердое положеніе“ въ жизни, которыхъ она знала, Рамаджъ былъ исключеніемъ, по своему свободолюбію, по силѣ характера...

Ей особенно понравилась его теорія дружбы. Дѣйствительно пріятно говорить съ человѣкомъ, который видитъ въ ней взрослаго человѣка и не обращается съ нею какъ съ ребенкомъ. Ей даже казалось, что, можетъ быть, для дѣвушки еще болѣе пріятна другая сторона его теоріи: человѣкъ пожилой, вышедшій изъ возраста „глупостей“ — самый пріятный другъ, какого только можно себѣ представить.

Имъ было очень пріятно вмѣстѣ. Они проговорили болѣе часа и, наконецъ, пошли до большой дороги. Тамъ, послѣ его увѣреній въ дружбѣ и въ готовности быть ей полезнымъ, увѣреній, сказанныхъ почти страстнымъ тономъ, онъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ довольно быстро, очень изящный, улыбаясь и кланяясь Аннѣ-Вероникѣ, въ то время какъ она направлялась къ Микльчезилю. Тамъ, въ маленькой кофейной, она купила и съѣла разсѣянно пирожное, которымъ обыкновенно питаются дѣвушки въ подобныхъ случаяхъ.

XVI.

Мы оставили миссъ Стэнли въ тотъ моментъ, когда она стояла съ маскараднымъ костюмомъ Анны-Вероники въ рукахъ и смотрѣла на ложно-турецкія туфли племянницы.

Когда м-ръ Стэнли вернулся домой въ три четверти шестого — на пятнадцать минутъ раньше обыкновеннаго, — сестра встрѣтила его въ передней, очень взволнованная.

— Наконецъ ты вернулся, Петеръ! — сказала она. — Она собирается идти!

— Идти?—спросилъ онъ.—Куда?

— На балъ.

— Какой балъ?—Вопросъ былъ чисто риторическій. Онъ зналъ, на какой балъ.

— Она, кажется, какъ разъ одѣвается теперь у себя.

— Тогда скажи ей, чтобы она раздѣлась.

Въ этотъ день дѣла привели его въ дурное настроеніе, и онъ сразу сталъ сердиться. Миссъ Стэнли задумалась надъ его предложеніемъ.

— Не думаю, что она согласится—сказала она.

— Она должна слушаться меня!—сказалъ м-ръ Стэнли и направился къ себѣ въ кабинетъ. Сестра послѣдовала за нимъ.—Теперь же она не можетъ идти—сказалъ онъ пасмурно.—Она должна раньше пообѣдать.

— Она будетъ обѣдать у Виджеттовъ и вмѣстѣ съ ними поѣдетъ въ городъ.

— Такъ она тебѣ сказала?

— Да.

— Когда?

— За чаемъ.

— Но почему ты сразу не запретила ей всего этого? Какъ она посмѣла сказать это тебѣ!

— Она это сказала изъ упрямства и строптивости. Она заявила, что такъ рѣшила и что все устроено. Я никогда не видала ее такой увѣренной въ себѣ.

— Что̀ же ты сказала?

— Я сказала: „Дорогая Вероника, какъ можно даже думать о чемъ-либо подобномъ“!

— А она?

— Она выпила двѣ чашки чая, съѣла кусокъ пирожнаго и стала разсказывать про свою прогулку.

— Она еще, пожалуй, можетъ кого-нибудь встрѣтить, разгуливая одна.

— Она не говорила, что идетъ на свиданье съ кѣмъ-нибудь.

— Но про балъ ты ничего больше не сказала?

— Я сказала все, что̀ только могла придумать, но увидѣла, что она старается замять разговоръ. Я сказала: „Нечего говорить мнѣ про прогулку и думать, что я этимъ самымъ получила отвѣтъ на вопросъ о балѣ. Отецъ вѣдь запретилъ тебѣ быть на этомъ балу“.

— А она что̀?

— Она сказала: „Мнѣ жаль, что я причиняю непріятность вамъ и отцу, но я обязана быть на этомъ балу“.

— Обязана?...

— „Хорошо,—сказала я—въ такомъ случаѣ я умываю руки. Твое непослушаніе падетъ на твою голову“.

— Да вѣдь это прямо бунтъ! — сказалъ м-ръ Стэнли, стоя у камина, спиной къ незажженной газовой печкѣ. — Ты должна была сейчасъ же сказать это ей. Какія обязанности для молодой дѣвушки выше обязанностей по отношенію къ отцу? Послушаніе отцу—первая ея обязанность.—Онъ сталъ возвышать голосъ.— Точно я объ этомъ не говорилъ съ нею! Можно подумать, что я далъ ей согласіе ѣхать. Вотъ чему она учится въ своихъ проклятыхъ лондонскихъ школахъ! Эту ерунду, навѣрное...

— Тсс, Петеръ!—крикнула миссъ Стэнли.

Онъ остановился на полусловѣ. Въ это время раздалось хлопанье верхней двери, ведущей на лѣстницу. Послышались легкіе шаги, рѣшительно спускавшіеся съ лѣстницы, а также легкій шелестъ платья.

— Скажи—сказалъ м-ръ Стэнли, властнымъ жестомъ указывая на дверь,—чтобы она пришла сюда!

Съ англійскаго З. В.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПѢСНЬ БЕЗЪ СЛОВЪ

Пѣснь безъ словъ, но пѣснь живая,
Пѣсня сердца въ странный часъ,
Тихо, тихо полилась,
Все собою заполняя...

Пѣснь безъ словъ—какъ мысль безъ цѣли,
Мысли въ сумракъ у окна...
Словно теплая волна
Разлилась въ усталомъ тѣлѣ...

Пѣснь безъ словъ... Въ нее влилось
Все, чѣмъ сердце вольно дышитъ—
Все, что сердце въ пѣснѣ слышитъ—
Въ томъ же сердцѣ родилось...

Пѣснь безъ словъ, но пѣснь живая,
Пѣсня сердца въ странный часъ
Тихо, тихо полилась,
Все собою заполняя...

Л. Кацманъ.

ГОРЬКІЙ ОСАДОКЪ

I.

...Я тогда перешелъ на четвертый курсъ.

Я учился очень хорошо. Такъ какъ я человѣкъ правдивый, рисовки и фальши не выношу, то заявляю съ самаго начала, что какой-нибудь особенно геніальной личностью я себя вовсе не считаю. Человѣкъ—какъ другіе люди. Но я добросовѣстный работникъ, я никогда не отвлекался посторонними дѣлами, стоялъ всегда въ сторонѣ отъ всякихъ политическихъ затѣй, весь отдавался своимъ прямымъ обязанностямъ—и оттого успѣвалъ.

На каникулахъ подвернулась мнѣ выгодная работа—для профессора Мальстрема я переводилъ и классифицировалъ огромный ворохъ статистическихъ выборокъ; завелась у меня деньга, и пришла мнѣ мысль:

„Махну-ка я за границу!..“

Повидаю свѣтъ, людей, пошатаюсь по музеямъ, по театрамъ... Путешествіе обогащаетъ умъ, расширяетъ горизонты, утончаетъ и облагораживаетъ вкусъ. А это полезно.

Поѣхалъ я.

Много интереснаго видѣлъ въ Берлинѣ. Оттуда двинулся въ Мюнхенъ, гдѣ была тогда международная выставка. Изъ Мюнхена собрался-было назадъ, въ Россію, да попуталъ меня бѣсъ, и я поѣхалъ вдругъ въ Парижъ. Близко, а пресловутая столица міра такъ притягиваетъ.

Въ Парижѣ, въ одной изъ русскихъ кухмистерскихъ, я встрѣтился съ Нютой.

Не знаю, какъ выглядитъ она теперь.

Если судить по послѣдней карточкѣ, она, дѣйствительно, порядкомъ осунулась. Но въ ту пору она была очаровательна.

Юная, тонкая, гибкая, съ огромными голубыми глазами, съ золотистой косой, съ необыкновенно нѣжнымъ цвѣтомъ лица, она, можно сказать, такъ и свѣтилась поэзіей, тихой граціей, тѣмъ невиннымъ, не сознающимъ себя изяществомъ, которое, думалось мнѣ, свойственно только особенно кроткимъ и чистымъ натурамъ...

И какъ я ни строгъ къ себѣ теперь — я не могу всетаки обвинять себя за то, что полюбилъ ее.

Трудно было устоять!

Она была какимъ-то исключительнымъ существомъ. Она призракомъ казалась, сказочной принцессой... А между тѣмъ вышла она изъ темныхъ низовъ, всю свою жизнь провела въ очень печальной обстановкѣ и страдала тяжко...

Ея отецъ, маленькій чинодралъ, пьяный, злой и глупый, колотилъ свою жену, чуть не ежедневно истязалъ дѣтей и находилъ удовольствіе въ томъ, что заставлялъ ихъ ходить босикомъ по снѣгу. Если они упирались и плакали, онъ выплескивалъ имъ въ лицо недопитую водку...

Изъ шестого класса гимназіи Нютѣ пришлось уйти, такъ какъ отецъ ея задурилъ и не хотѣлъ уплатить за второе полугодіе...

Стали съ Нютой заниматься знакомые гимназисты да другіе какіе-то субъекты, — и конечно сочли нужнымъ вовлечь ее въ революціонную дѣятельность...

Милая публика!..

Дважды Нюта сидѣла въ тюрьмѣ — во второй разъ больше года, — и угрожало ей что-то весьма серьезное. Чудомъ удалось ей вывернуться, и послѣ этого тѣ же субъекты переправили ее въ Парижъ — тоже въ интересахъ „дѣла“.

Долженъ сказать, что полюбилъ я сильно.

Не вижу причинъ скрывать и то, что самое прекрасное, самое радостное и высокое, что̀ свѣтило мнѣ въ жизни, была, всетаки, любовь Нюты. Хотя... съ другой стороны... если быть правдивымъ... если не сентиментальничать излишне... развѣ можно отрицать, что для человѣка, подобнаго мнѣ, любовь къ такой женщинѣ, какъ Нюта, является чѣмъ-то ненормальнымъ, нелѣпымъ, почти дикимъ? Вѣдь, кромѣ всего прочаго, Нюта была очень узкимъ существомъ. И недоучкой. Она, напримѣръ, смѣшивала Юстиніана съ Діоклетіаномъ. И она произносила: „мультипилькаторъ“... И была увѣрена, что въ висячія лампы, въ грузовой шаръ, для тяжести насыпаютъ порохъ — порохъ!..

Дробь, порохъ—для нея это одно и то же...

Разумѣется, въ пору безумной влюбленности, мы не замѣчаемъ такихъ штукъ. А если и замѣтишь, то онѣ кажутся милыми, ты весело смѣешься имъ и въ блаженствѣ бросаешься цѣловать ротикъ, который поретъ подобную чушь...

Я выполнялъ добросовѣстно программу безумно влюбленныхъ: цѣловалъ ротикъ за то, что онъ поретъ чушь, и поклонялся дѣвушкѣ за то, что она не прошла солиднаго курса.

II.

Изъ-за любви своей я въ Парижѣ, разумѣется, застрялъ.

А когда, мѣсяцевъ черезъ пять, нѣсколько очнулся и задумалъ вернуться въ Москву, Нюта была беременна...

Оба мы чрезвычайно обрадовались этому событію. И рѣшили: если родится мальчикъ, мы назовемъ его Жакомъ — въ воспоминаніе объ улицѣ Saint-Jacques, улицѣ, гдѣ мы съ Нютой впервые встрѣтились...

Средства къ жизни я отъ родныхъ своихъ получалъ довольно скромныя,—есть у насъ маленькое имѣньице, — и мнѣ трудновато было бы взять съ собой Нюту теперь же. Однако, и не задумываясь даже, я предложилъ ей ѣхать. Нюта начала убѣждать меня, что будетъ лучше, если она останется въ Парижѣ. Здѣсь у нея маленькій заработокъ—она плела бисерные вѣнки для могилъ,—и присутствіе ея въ Москвѣ будетъ отвлекать меня отъ занятій.

— Развѣ неправда? — спрашивала она, заглядывая мнѣ въ лицо.

— Развѣ неправда, что я буду тебѣ мѣшать?

Какъ-то особенно пристально глядѣла она...

Въ то время я не зналъ, что̀ именно таитъ въ себѣ этотъ тревожный, пронизывающій взглядъ...

Впослѣдствіи, увы! я узналъ это очень хорошо... Нюта взяла на себя благородный трудъ просвѣтить меня...

Спорилъ я съ Нютой недолго.

Не смотря на свою неопытность и кажущуюся наивность, эта воздушная сильфида была гораздо практичнѣе меня. Поразмысливъ, я не могъ не признать, что теперь, когда у меня есть жена, а скоро явится и ребенокъ, я уже ни въ какомъ случаѣ не вправѣ легко относиться къ своимъ занятіямъ. Я долженъ

работать съ удвоеннымъ рвеніемъ, я обязанъ заботиться о семьѣ. Для каждаго порядочнаго человѣка семья—прежде всего.

И мы поступили такъ, какъ хотѣла Нюта.

Пріѣхавъ въ Москву, я, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, отправился къ профессору Мальстрему, похлопотать о работѣ.

Заработокъ былъ мнѣ необходимъ.

Я долженъ былъ посылать деньги Нютѣ. Это лежало на моей совѣсти. Тѣмъ болѣе обязанъ былъ я это дѣлать, что, по случаю беременности, Нюта уже не могла много возиться со своими вѣнками.

Я свято исполнялъ свой долгъ и съ точностью астрономическаго прибора каждое первое число отсылалъ въ Парижъ до копейки все, что вырабатывалъ у своего старичка.

Нюта писала мнѣ часто, и письма ея были очень однообразны. Прямо трафаретъ: любовь ко мнѣ и ребенокъ.

„Твой ребенокъ"—все писала она.

Ей видимо доставляла особенную отраду мысль, что она будетъ имѣть ребенка отъ меня...

Ребенка своего она любила уже и теперь, и любила, надо правду сказать, прямо по-сумасшедшему. По крайней мѣрѣ, писала о своей любви разныя глупости. Разъ, напримѣръ, она сказала, что мучится оттого, что не можетъ поцѣловать свой животъ—мѣсто, гдѣ находится дитя... Богъ знаетъ что!

Всетаки, письма ея были очень милы и доставляли мнѣ много удовольствія. Они не разъ вызывали у меня улыбку.

Нѣсколько странное чувство порождалъ только грязноватый видъ ихъ, да своеобразная ороографія, которою они блистали. „Сошю пеленки... Голупчикъ... чтобъ рибенокъ похожъ на тибя..." Но я не хотѣлъ къ этому присматриваться...

Я очень любилъ Нюту. Другія женщины для меня не существовали. И когда наступило время родовъ, я волновался невыразимо. Я увѣренъ, что и о настоящей женѣ не всякій безпокоится такъ сильно. Я вообще человѣкъ чуткій и очень привязчивый. Я и за ребенка страшно тревожился. Дѣло въ томъ, что рожать Нюта отправилась въ родильный пріютъ, а въ этихъ учрежденіяхъ персоналъ бываетъ небреженъ, говорили мнѣ. Были случаи, что новорожденныхъ смѣшивали... Для предупрежденія такихъ казусовъ младенцамъ надѣваютъ на ручку ленту, и на лентѣ пишутъ имя.

Напишутъ, конечно, по-французски. Ну, а моя высокообразованная Нюта можетъ и не разобрать. Въ особенности если принять во вниманіе ея обычную разсѣянность.

Я чуть съ ума не сходилъ отъ мысли, что подобная исторія можетъ случиться съ нами.

Я засыпалъ Нюту письмами, умолялъ ее, заклиналъ относиться къ дѣлу внимательно, и прямо требовалъ, чтобъ она приняла всѣ необходимыя мѣры предосторожности.

По видимому, настойчивость моя не осталась безъ результата: кризисъ миновалъ вполнѣ благополучно. Нюта потомъ чуть не въ каждомъ письмѣ выражала прямо какую-то дикую радость по поводу необычайнаго сходства нашего сына со мной. Она скоро сдѣлала мнѣ сюрпризъ, прислала карточку. Дѣйствительно, похожъ мальчишка поразительно. Даже смѣшно.

III.

Я продолжалъ работать, какъ волъ, и по прежнему посылалъ Нютѣ деньги. Теперь ей надо было хорошо питаться, такъ какъ она кормила младенца.

Того, что я давалъ, надо думать, было недостаточно, и Нюта снова взялась за плетеніе вѣнковъ.

По нѣкоторымъ даннымъ можно было догадываться, что ей приходится трудновато. Ну, не очень-то легко было и мнѣ! Я не позволялъ себѣ теперь и въ театръ сходить. Во-первыхъ— экономничалъ. А во-вторыхъ, не хотѣлъ терять время, такъ какъ долженъ былъ поскорѣе добиться диплома. Нельзя было растягивать пребываніе въ университетѣ. Я уже не былъ одинъ теперь, и я обязанъ былъ думать о сынѣ.

Не смотря на рядъ непріятныхъ осложненій, съ которыми связано было бы для меня проживаніе Нюты въ Москвѣ, я все-таки опять попробовалъ посовѣтовать ей пріѣхать. Я считалъ, что къ этому обязываетъ меня порядочность.

Нюта пріѣхать не отказалась, но отвѣтъ ея былъ какой-то неопредѣленный. Меня онъ, помню, порядкомъ разозлилъ, но я рѣшилъ смолчать.

Я старался не думать объ этомъ ея отвѣтѣ, какъ старался не думать о разныхъ дефектахъ умственной и нравственной личности Нюты. Въ сущности, вѣдь насъ раздѣляла значительная пропасть!

Конечно, Нюта—дѣвушка милая, добрая, умная. Она горячо любитъ меня, она безконечно предана мнѣ. Но... всетаки...

Надо же быть мужественнымъ и надо умѣть смотрѣть правдѣ

въ глаза: вѣдь такъ далека Нюта отъ женщины, на которую я имѣлъ бы право разсчитывать!

Непріятныя мысли эти сами собой лѣзли мнѣ въ голову, но я дѣлалъ усилія, чтобы ихъ подавить. Не всегда удавалось отогнать ихъ. И если уходить онѣ не хотѣли, я поневолѣ дѣлался грустнымъ. Мнѣ порою начинало даже казаться, что произошло со мной что-то странное, несправедливое...

Я хорошо знаю себя.

Я знаю, что я человѣкъ не мелочный, не односторонній; у меня широкіе запросы и вкусы утонченные. Отъ низменной меркантильности и грубыхъ интересовъ нашихъ буржуевъ-адвокатовъ я безконечно далекъ и вести лавочническую жизнь обыкновеннаго присяжнаго повѣреннаго я, конечно, не смогъ бы.

Я съ дѣтства имѣлъ склонность ко всему изящному, артистическому. Я люблю и хорошо понимаю театръ. Я большой поклонникъ искусствъ. Въ Луврѣ я, какъ Глѣбъ Успенскій, чуть не прослезился передъ Венерой Милосской. Я не перестаю мечтать объ Испаніи и ея художественныхъ сокровищницахъ.

Пошлая роскошь мнѣ не нужна. Но нѣкоторый матеріальный достатокъ мнѣ положительно необходимъ, и моей постоянной грёзой было устроить себѣ красивую, чисто художественную обстановку.

Чтобы чувствовать себя хорошо, я долженъ быть окруженъ красотой—изящной мебелью, коврами, старинными предметами, коллекціями гравюръ. Всегда, всегда я мечталъ объ этомъ...

И вотъ, я долженъ сказать себѣ прямо: Нютѣ все это чуждо.

Въ Парижѣ она, положимъ, посѣщаетъ и музеи, и „салонъ", но я отлично знаю, что для нея самое важное на свѣтѣ—„коммунистическій манифестъ".

Съ особенной настойчивостью сдавливали меня эти мысли въ часы, которые я проводилъ у Мальстремовъ.

Мнѣ безконечно пріятно бывало посидѣть въ нарядной гостиной, гдѣ все такъ барственно-красиво и богато... Старшая дочь Мальстремовъ довольно недурна собой—хотя до Нюты ей очень далеко. Она чудесно играетъ Грига, и слушая „Пееръ Гюнтъ", я иной разъ не могъ не подумать, что мой „мультипилькаторъ" никогда не будетъ мнѣ играть и „Марша Буланже"...

А бывали случаи, когда я даже впадалъ въ глубокую тоску и утрачивалъ уже всякую надежду на все свѣтлое и отрадное...

Мнѣ казалось, что у меня никогда не будетъ собственной уютной обстановки, не будетъ даже піанино.

У меня ни связей, ни родства, ни протекціи,—не пьяный ли папаша Нюты составитъ мнѣ протекцію? — и мнѣ никогда не выбиться въ люди.

Я человѣкъ мягкій, мечтательный, мало практичный, я до нелѣпаго щепетиленъ въ вопросахъ чести и совѣсти. Черезъ другихъ шагать къ своему благополучію я не могу. На чистомъ же идеализмѣ въ наши дни далеко не уѣдешь...

Буду я, значитъ, гдѣ-нибудь въ провинціи, въ глуши, въ медвѣжьемъ углу, тянуть лямку маленькаго судейскаго чиновничка—и вотъ тебѣ вся поэзія!..

IV.

Однако, даже и маленькимъ чиновникомъ не удалось мнѣ сдѣлаться. До настоящаго момента, по крайней мѣрѣ...

Случилось со мной нѣчто такое нелѣпое, несправедливое и дикое, чего я ужъ никогда и ни въ какомъ случаѣ ожидать не могъ!

Я до сихъ поръ не могу очнуться, не могу придти въ себя и не въ состояніи осмыслить эту безобразную исторію.

У меня сдѣлали обыскъ... У меня!

Почему, что, какъ?—чортъ его разберетъ!

У меня—у лойяльнѣйшаго человѣка, всегда, какъ огня, обходившаго все подозрительное и незаконное.

Вѣдь я даже мнѣнія своего о разныхъ тамъ политикахъ никогда не высказывалъ. Да и нѣтъ у меня никакого мнѣнія! Конституція, самодержавіе, эсъ-дэки, эсъ-эры—зачѣмъ мнѣ всѣ эти исторіи? Не мое это дѣло, я ничего этого не знаю, и знать не желаю...

Я, даже въ Парижѣ находясь, ни на какіе конферансы и собранія ходить не желалъ. Нюта тащила меня, а я не хотѣлъ — и сколько было у насъ съ ней изъ-за этого дрязгъ и столкновеній!..

И вотъ, однако, дѣлаютъ у меня обыскъ.

Находятъ какую-то, ничего ровно не значащую записку нѣкоего чорта, дьявола, идіота, мерзавца—будь онъ трижды проклятъ!—и меня забираютъ!..

Я и не думалъ, и не подозрѣвалъ, что авторъ этой записки, подслѣповатый, рябой, ничтожный конторщикъ, можетъ считаться такой опасной личностью! Я бы его, жида проклятаго,

палкой по башкѣ, еслибы хоть отдаленно подозрѣвалъ, кто онъ такой...

Но я ничего не зналъ, ничего.

А между тѣмъ меня засадили...

Мое безупречное прошлое, мои прямые, чистосердечные отвѣты на допросахъ показали ясно, что я не виноватъ рѣшительно ни въ чемъ, что я даже не похожъ на такого, кто можетъ быть виноватымъ.

Конечно, я ни на кого не доносилъ. Доносъ всегда мерзокъ, и не я позволю себѣ что-нибудь предосудительное. Я очень остерегался болтать лишнее — тѣмъ болѣе, что вѣдь совсѣмъ не трудно накликать на себя крупныя непріятности и со стороны лѣвой публики. У лѣвыхъ тоже сила немалая... Я старался, поэтому, соблюдать возможную корректность. Однако же покрывать разныхъ тамъ „борцовъ“, да своими боками расплачиваться за ихъ дѣятельность я не имѣлъ никакого желанія. И особенно послѣ того, какъ эти господа такъ подло и безчестно подвели меня и запутали.

Что̀ зналъ, то я сказалъ.

Меня, поэтому, и не судили. Но совсѣмъ простить, по видимому, сочли невозможнымъ. И вотъ я высланъ на годъ въ Уфимскую губернію—въ дикій, глухой городишко, гдѣ имѣются два съ половиной обитателя и гдѣ волки чуть не днемъ разгуливаютъ по соборной площади...

Жить здѣсь тошно и противно, продукты стоютъ страшно дорого, а работу какую-нибудь получить почти совершенно невозможно.

Какъ это ни было мнѣ грустно, я долженъ былъ заявить Нютѣ откровенно, что посылать ей вспомоществованіе теперь не могу...

Нюта къ этой вѣсти отнеслась совершенно спокойно. Она даже утѣшала меня, подбадривала, говорила, что легко обойдется безъ моей поддержки, такъ какъ энергично возьмется за вѣнки.

Вѣнки!...

Но вѣдь это чепуха страшная—эти ея вѣнки!

Я знаю отлично, что заработать ими можно грошъ. А при необходимости возиться съ ребенкомъ заработокъ просто можетъ быть приравненъ нулю. Если же Нюта будетъ отдавать много времени работѣ, то она не сможетъ какъ слѣдуетъ смотрѣть за Жакомъ, и, лишенный ухода, ребенокъ заболѣетъ.

У меня явилась тогда мысль, что Нютѣ слѣдовало бы вер-

нуться въ Россію. Если Жака она оставитъ у своей матери, она сможетъ поѣхать, напримѣръ, въ Москву и тамъ возьметъ какое-нибудь мѣсто. Продавщицы, кассирши. Нюта и себя прокормитъ тогда, и мнѣ поможетъ, пока я въ ссылкѣ.

Мнѣ же ея помощь была бы теперь особенно кстати, такъ какъ, изъ-за плохого урожая, имѣньице наше принесло въ этомъ году очень мало, деньги родители мои присылали мнѣ довольно неисправно, и моментами я испытывалъ значительную стѣсненность.

V.

Кажется, ничего нелогичнаго въ этомъ планѣ не было.

Кажется, я разсуждалъ вполнѣ здраво?

Нюта этого не нашла.

Она наотрѣзъ отказалась исполнить мою просьбу.

Мало того,—она написала мнѣ очень холодное и какое-то фальшивое письмо.

Она, молъ, счастлива была бы помочь мнѣ. Она готова была бы наняться на самую тяжелую работу, чтобы мнѣ облегчить жизнь. Но врачи сказали ей, что ребенка необходимо кормить по крайней мѣрѣ еще мѣсяца четыре. Она никому не можетъ отдать Жака и ни за что съ нимъ не разстанется.

Логика изумительная!

Да развѣ кто-нибудь хотѣлъ отнимать у нея ребенка?

Материнскія права святы. И ужъ конечно не моихъ взглядовъ человѣкъ станетъ разрушать основы семьи. Какъ смѣетъ Нюта и подумать, что я способенъ посягнуть на ея права!

Вотъ на мои права Нюта посягала. И даже очень безцеремонно посягала.

Она не хочетъ—„не можетъ“—разстаться съ ребенкомъ,—даже на время. А я—я вѣдь всегда безъ ребенка жилъ.

Вѣдь я даже и не видѣлъ еще моего Яши.

Однако я молчалъ. Я не протестовалъ. Я никого не упрекалъ. И я не лицемѣрилъ, какъ вотъ лицемѣритъ она...

Нервы—нервами, истерика—истерикой, а надо всетаки хоть когда-нибудь подумать о другихъ, надо хоть самую элементарную справедливость соблюдать.

Все это я и разъяснилъ Нютѣ — деликатно, разумѣется, прилично.

И вотъ, въ отвѣтъ получаю цидулочку настолько изящнаго свойства, что даже у меня терпѣніе лопнуло.

Сказать правду, я и не предполагалъ, что эта безотвѣтная и поэтичная дѣвушка способна на такой мѣщански-крикливый тонъ... Да, видно, не всю еще требуемую поговоркой соль съѣлъ я съ моей Анной...

„О, еслибы ты пріѣхалъ посмотрѣть Яшеньку!"

Написала она, конечно, „еслипъ", черезъ *п*.

„О, еслибъ ты дѣйствительно захотѣлъ насъ видѣть, и я могла бы вмѣстѣ съ тобой ласкать и цѣловать наше дитя! Но вѣдь мы не нужны тебѣ, ни Яшенька, ни я, и ты не пріѣхалъ ко мнѣ и не звалъ насъ къ себѣ".

Вотъ когда стала проявлять себя въ настоящемъ свѣтѣ ея совѣсть, ея правда!

Я не звалъ? Я?!

Къ ней я не ѣхалъ. Правда. Но гдѣ жъ у меня время для увеселительныхъ прогулокъ по Европамъ?

Я не праздный жуиръ какой-нибудь. Не гуляка. Я долженъ былъ работать. Я долженъ былъ трудиться! Для кого и работалъ я, если не для нея? Если не для того, чтобы устроить ея будущее?

Я предоставилъ ей возможность жить въ Парижѣ, а самъ, какъ каторжникъ, работалъ и работалъ, не покладая рукъ.

Но я вовсе не такъ глупъ, какъ она предполагаетъ. Я тоже знаю, что въ Парижѣ весело и пріятно. Мнѣ даже очень полезно было бы отдохнуть и развлечься вояжемъ. А прижать, наконецъ, къ груди своего сына мнѣ тоже хотѣлось бы, я думаю? Но я не могъ позволить себѣ все это. Я человѣкъ долга. Я работалъ и работалъ. А къ себѣ я Нюту звалъ! И уѣзжая изъ Парижа, приглашалъ ее, и потомъ, изъ Москвы нѣсколько разъ звалъ.

Но здѣсь-то вотъ и разъяснилось тайное значеніе того страннаго и тревожнаго взгляда, которымъ пронизывала меня Нюта, когда, передъ моимъ отъѣздомъ въ Россію, склонилась къ моему лицу и все спрашивала:

— Развѣ неправда?—Развѣ неправда, что тамъ я тебѣ буду мѣшать?

Теперь Нюта призналась мнѣ, что страстно хотѣла ѣхать со мной.

Для нея „мукой и ужасомъ" была мысль о разлукѣ, но она „не видѣла, чтобы соотвѣтствующее отношеніе къ ея поѣздкѣ было и съ моей стороны"...

Она, молъ, въ трепетѣ присматривалась ко мнѣ, въ страхѣ нащупывала почву. И видѣла, что я ее только приглашаю

ѣхать—„приглашаю“, а не ставлю дѣло такъ, что не можетъ быть и мысли о томъ, чтобы ей не ѣхать.

Чортъ знаетъ, словомъ, что за безобразіе!

Я такихъ фокусовъ не понимаю.

Я не дипломатъ и не актеръ.

Я человѣкъ прямой. Я хитрить не умѣю. Я говорю всегда просто, откровенно, честно; у меня что̀ на душѣ, то и на языкѣ. Масокъ я терпѣть не могу, ловушекъ никому не ставлю, и оттого не замѣчаю, когда ихъ ставятъ мнѣ.

Я предложилъ ей ѣхать. Она отказалась. Отказалась—значитъ, нашла, что такъ для нея удобнѣе.

Она взрослый человѣкъ, умный, во сто разъ болѣе, чѣмъ я, практичный—это было доказано не однажды,—и оттого, даже не входя въ оцѣнку мотивовъ, которыми она руководится, я сразу склонился передъ ея рѣшеніемъ остаться въ Парижѣ. Вотъ и все!

Она же—теперь это выясняется точно—она кривила душой, вела двойную игру, разставляла мнѣ какіе-то силки, говорила одно, думала другое; ѣхать отказывалась, но ѣхать „жаждала“...

Ей нужно было, чтобы я „настаивалъ“.

Но почемъ же я могъ знать это? Да и какъ мнѣ настаивать? На колѣняхъ ползать? Умолять? Плакать?

Не ожидалъ я, всетаки, подобныхъ колѣнцевъ отъ Нюты!

VI.

Письмо ея крайне возмутило меня и я сильно негодовалъ.

Однако, какъ всегда, я и теперь былъ сдержанъ съ ней и вѣжливъ. У меня даже являлась какая-то жалость къ Нютѣ. Богъ съ ней!...

Но, не смотря на всю мою снисходительность и готовность прощать, я не могъ отдѣлаться отъ мысли, что, въ сущности, вѣдь я вправѣ былъ бы сказать ей еще и такую вещь:

— Милая моя, а вѣдь ты меня и вовсе не приглашала!... Я хоть и „холодно“, а звалъ тебя въ Москву. Ты же къ себѣ не звала меня никакъ — ни холодно, ни жарко... Что же это означаетъ?

А въ самомъ дѣлѣ, если вдуматься: что это означаетъ?

Почему это ни единаго разу не выразила она желанія видѣть меня въ Парижѣ?

Послѣ нѣкотораго колебанія, я вопросъ этотъ поставилъ Нютѣ ребромъ.

И отвѣтъ получился все въ томъ же дипломатическомъ духѣ.

Она безконечно счастлива была бы, еслибы я пріѣхалъ къ ней. Но инщіатива пріѣзда должна была исходить отъ меня. Меня должно было тянуть къ ребенку. Я долженъ былъ бы стремиться къ нему. А если я не стремился, то она и не считала нужнымъ звать меня...

Чортъ знаетъ что такое, словомъ!

Сплошная дипломатія, вездѣ хитрости, лукавство, игра, двуличныя увертки и больше ничего.

И опять-таки выходило, что во всемъ виноватъ я...

Однако, хоть довѣрчивости и наивнаго простодушія во мнѣ очень много, и одурачить такихъ добрыхъ дурней, какъ я, Нютѣ, по видимому, нетрудно и цѣлый десятокъ,—я всетаки въ силахъ еще оказался сообразить, что на самомъ дѣлѣ собака зарыта гдѣ-то совсѣмъ въ иномъ мѣстѣ...

Я ничего не предполагаю.

Я ни въ чемъ не хочу ее подозрѣвать.

Нюта выше подозрѣній.

Однако, мнѣ хорошо извѣстно, что въ парижской русской колоніи нравы не Богъ вѣсть какъ строги. Ужъ что-что, а вольности всякія перенимаемъ мы у французовъ скорехонько... И если на то пошло, то буду рѣзать прямо: вѣдь и мнѣ Нюта отдалась немножко слишкомъ поспѣшно!

И если такъ, то почемъ я знаю, что не съ такой же печальной торопливостью нашла она и замѣстителя мнѣ?

Если же допустить, что замѣстителя она взяла, то, конечно, пріѣздъ мой въ Парижъ не могъ бы ей быть особенно желательнымъ...

Это, я думаю, ясно...

VII.

Письма, которыя я получалъ потомъ отъ Нюты, были такія холодныя, сухія, обидно-лаконическія, что нѣсколько разъ у меня являлась мысль: не отвѣчу! Не стану больше писать ей, баста!

Но изъ-за ребенка я долженъ былъ все проглатывать. Я рѣшилъ исполнить свой долгъ до конца и до конца покорялся всѣмъ испытаніямъ.

На пріѣздѣ Нюты я уже не настаивалъ. Пусть сидитъ тамъ!

Перебьюсь какъ-нибудь самъ до конца ссылки, и по крайней мѣрѣ ничѣмъ не буду Нютѣ обязанъ.

Виды на будущее, однако, были у меня самые неопредѣленные. Диплома нѣтъ; я скомпрометированъ, и одинъ Богъ знаетъ, какъ я вывернусь...

Надежда была у меня только на Мальстремовъ. И самъ профессоръ, и жена его очень благоволили ко мнѣ. Но я зналъ отлично, что̀ именно означаетъ ихъ ласковость: они хотѣли, чтобы я сдѣлалъ предложеніе ихъ дочери...

Въ этомъ случаѣ они устроили бы меня живо. А я на барышнѣ Мальстремъ не женился бы даже и тогда, еслибы былъ свободенъ. Какъ-то не по душѣ она мнѣ была...

Но такъ какъ, къ тому же, я чувствовалъ себя связаннымъ съ Нютой, то о женитьбѣ не могло быть и рѣчи.

Нюта писала мнѣ теперь не чаще, чѣмъ разъ въ двѣ недѣли.

Но вотъ проходитъ дней двадцать, проходитъ мѣсяцъ—вѣстей нѣтъ...

Этого еще недоставало! И такъ моя жизнь очень сладка, а тутъ еще изъ-за Нюты волнуйся...

Подождавъ еще немного, я совсѣмъ уже собрался телеграфировать. Но вотъ, наконецъ, получается письмо.

Оказывается, Яшунька заболѣлъ скарлатиной, и когда Нюта въ послѣднемъ письмѣ сообщала мнѣ, что онъ цвѣтетъ и хорошѣетъ, бѣдный мальчикъ мой лежалъ уже въ больницѣ...

Послѣ долгихъ, будто бы, хлопотъ, Нюта получила разрѣшеніе оставаться при ребенкѣ. Ей поставили койку рядомъ съ кроваткой Яшеньки, и двадцать четыре ночи Нюта провела вмѣстѣ съ мальчикомъ. Въ теченіе недѣли больная дѣтка была ближе къ смерти, чѣмъ къ жизни; онъ совсѣмъ уже задыхался и лежалъ холодный. Но Богъ сжалился и спасъ крошку. Не писала мнѣ Нюта потому, что не хотѣла меня тревожить; а лгать и писать, что все благополучно, у нея не хватило мужества.

Милое объясненіе это переполнило чашу моего терпѣнія.

Какъ! Мой ребенокъ умираетъ, а мнѣ ничего объ этомъ неизвѣстно!

Мнѣ ничего не говорятъ даже о смертельной опасности!

Но кто же далъ Нютѣ право поступать такъ?

Почему думаетъ она, что ей позволено дѣйствовать по ея глупому произволу, а меня—отца!—можно игнорировать?

Это уже рѣшительно ни на что не похоже. Наглое издѣвательство какое-то!..

Но самое интересное—это то, что я вѣдь все предвидѣлъ. Вѣдь предвидѣлъ!

Она возилась со своими идіотскими вѣнками, о ребенкѣ не думала, и вотъ—результатъ.

Я вовсе не говорю, что я пророкъ. Пророковъ нѣтъ. Но вѣдь я предугадалъ, что до этого дойдетъ, я предсказывалъ вѣдь!

Само собою разумѣется, что больше я такія безобразія терпѣть не захотѣлъ.

Я потребовалъ категорически, чтобы Нюта немедленно отвезла Яшеньку къ своимъ роднымъ.

Кто смѣетъ мѣшать отцу, когда онъ хочетъ стать на стражѣ жизни своего первенца? Нюта не желаетъ разставаться съ мальчикомъ—отлично! Это дѣлаетъ ей честь. Но она должна понять, что для нея же лучше, если ея дитя будетъ расти подъ наблюденіемъ старыхъ и опытныхъ людей.

Что говорить! Буйный, вѣчно пьяный отецъ Нюты—воспитатель не изъ идеальныхъ, и мнѣ было бы куда отраднѣе, еслибы субъектъ этотъ былъ поприличнѣе. Но не могу же я переродить его. Не въ моей вѣдь это власти. Но я думаю, всетаки, что какъ-нибудь можно устроиться и съ нимъ. Теперь, кстати, старикъ сильно хвораетъ и много вмѣшиваться въ дѣла не можетъ.

Что же касается до матери Нюты, то она, какъ-ни-какъ, выростила уже семь душъ дѣтей и хорошо знаетъ, какъ нужно обращаться съ ребятами. Яшеньку надо отвезти къ ней немедленно. Вѣдь теперь Нюта видитъ уже и сама, до чего довело ея тупое упрямство.

Конечно, въ моей душѣ всегда найдется достаточно снисхожденія къ Нютѣ.

Я готовъ простить ей все — даже болѣзнь моего сына,— такъ какъ отлично знаю, какой она взбалмошный и безтолковый человѣкъ. Но не слѣдуетъ всетаки злоупотреблять моей мягкостью. И пусть же мнѣ не мѣшаютъ спасать моего мальчика.

Не желаю я, не могу я, не долженъ я допустить, чтобы изъ-за невѣжества и легкомыслія Нюты погибло ни въ чемъ неповинное дитя!

Нюта отвѣтила отказомъ.

Очень кратко, очень сухо и достаточно безцеремонно она заявила мнѣ, что вырвала дитя у смерти, и отвезти теперь Яшу въ ея семью—значило бы подвергнуть младенца тысячамъ опасностей. Никто въ цѣломъ свѣтѣ не можетъ лучше ея ухаживать за Яшей. „Однако, если лично ты захочешь заняться имъ,

ты это сдѣлаешь. Тебѣ отказать я не вправѣ. Но пока ты этого желанія не выражаешь, растить сына и беречь его буду я, я одна".

Больше всего понравилось мнѣ это „если ты захочешь".

Что могъ я ей отвѣтить?

Отъ всѣхъ ея разсужденій такъ и несло мрачной тупостью самонадѣяннаго мѣщанина, не имѣющаго никакого понятія о самыхъ элементарныхъ требованіяхъ долга. Ея пьяный отецъ разсуждалъ бы вѣроятно совершенно такъ же. Впрочемъ, нѣтъ! У этого жалкаго пьянчуги не было бы, по крайней мѣрѣ, претензій. А Нюта торжественно извѣщала меня, что чуть не наизусть выучила „Мать и Дитя", и кромѣ того познакомилась съ какими то студентами-медиками, которые объясняютъ ей, какъ надо обращаться съ ребенкомъ...

VIII.

Мнѣ надоѣла эта канитель.

Собственно, для чего теперь нужна была мнѣ Нюта?

Вѣдь она лежала огромнымъ бревномъ на моемъ пути и мѣшала мнѣ достигнуть всего того, къ чему я стремился и что̀ было для меня цѣнно.

Всякій другой на моемъ мѣстѣ просто прекратилъ бы съ ней сношенія. Бросилъ бы ее и—finita. Пожалуй, это и было бы хорошо. Но мнѣ моя совѣсть не позволяла поступать круто.

Голосъ долга громко говорилъ мнѣ, что я не вправѣ еще оставить попытки вразумить Анну. И я написалъ ей длинное письмо.

Я, конечно, вовсе не былъ увѣренъ въ томъ, что мои увѣщанія приведутъ къ чему-нибудь доброму. Мнѣ казалось, напротивъ, что я только сильнѣе раздразню Анну, окончательно возстановлю ее противъ меня.

Можетъ-быть, въ какомъ-нибудь истерическомъ пароксизмѣ она даже совсѣмъ порветъ со мной... Ну что-жъ? Я не могъ отступить отъ того, что̀ диктовала мнѣ моя совѣсть. Правду я всегда считалъ лучшимъ моимъ совѣтчикомъ. А если Нюта захочетъ со мной порвать—пусть будетъ что̀ будетъ.

Мое письмо было очень обстоятельное и спокойное.

Вполнѣ ясно и уже безъ всякихъ околичностей, я твердо заявилъ Аннѣ, что не могу допустить, чтобы вздорная и легкомысленная женщина руководила воспитаніемъ моего сына.

Силой забрать ребенка я, конечно, не могу. Сила на сторонѣ Анны.

Я—въ ссылкѣ, я отрѣзанъ отъ всѣхъ и юридическихъ, и физическихъ путей, которые могли бы установить торжество правды и моего права. Анна, значитъ, можетъ поступать какъ ей будетъ угодно.

Но я считаю священнымъ долгомъ заблаговременно поставить ее въ извѣстность, что если она заморитъ Яшеньку на смерть, то я ей этого не прощу. Съ себя же я всякую отвѣтственность снимаю заранѣе настоящимъ письмомъ, и ни въ чемъ виноватымъ считать себя не позволю.

Чего я ожидалъ, то и случилось.

Анна отвѣтила мнѣ безумнымъ, истерическимъ воплемъ—точно ей каблукомъ на горло наступили.

Повидимому, сказалась кровь алкоголика-отца.

Въ письмѣ ея были охи, ахи, идіотскіе упреки, дикія, смѣшныя обвиненія.

Я, видите ли, совершенно не люблю ребенка. Онъ мнѣ вовсе не нуженъ. Я ни словомъ еще не заикнулся о томъ, чтобы узаконить его положеніе. И она сама тоже не нужна мнѣ. Я даже никогда не справлялся объ ея здоровьѣ, а она все время хвораетъ, ей уже два раза дѣлали операцію, дѣтей больше она имѣть уже не сможетъ, и она стала какъ мумія. Въ болѣзни ея тоже я виноватъ—это я сообщилъ ей болѣзнь.

И прочее, и прочее, и прочее.

Мерзостей цѣлый коробъ.

„Теперь ты шлешь мнѣ унижающія меня письма".

Она, конечно, написала „писма".

„Ты попросту провоцируешь меня, желая отъ меня отвязаться. Но ты не учи меня, не командуй, не угрожай, ты вѣдь совершенно не любишь ребенка, ты вѣдь не догадался никогда попросить его фотографію, ребенокъ тебѣ чужой, а для меня, кромѣ него, нѣтъ ничего на свѣтѣ".

Мило?

IX.

Ругань ея, дерзости, пошлыя обвиненія, истерію—все это я оставляю въ сторонѣ. Лучше уступить! И потомъ—съ кого же тутъ взыскивать?

Но сердце мое, точно острымъ гвоздемъ, разодрано было этимъ: „ребенокъ тебѣ чужой".

Что означаютъ эти слова?

Я долго, и въ трепетѣ, бился, стараясь вникнуть въ ихъ смыслъ...

И все тяжелѣе и тяжелѣе становилось у меня на душѣ.

„Ребенокъ тебѣ чужой"...

Тысячи мрачныхъ мыслей проносились въ моемъ мозгу и безжалостно терзали его.

„Ребенокъ тебѣ чужой"...

Нечаянно проболталась Анна?

Или умышленно, по злобѣ, изъ мести, сказала такъ, чтобы отравить мою душу сомнѣніемъ? Чтобы парализовать мои чувства къ сыну? Чтобы отстранить меня, отнять у меня мои права отца?

„Чужой".

Это ужасно!

Ребенокъ, котораго я такъ любилъ, изъ-за котораго столько выстрадалъ и намучился; ребенокъ, который казался мнѣ всегда такимъ похожимъ на меня; ребенокъ, даже воображаемый только лепетъ котораго вызывалъ въ моемъ сердцѣ такую сладостную нѣжность, а на глазахъ слезы умиленія, этотъ ребенокъ—не мой!

Нѣтъ, не можетъ быть!

Это вздоръ!

Это она неудачно выразилась, просто по малограмотности своей.

Я придираюсь къ слову.

Я взволнованъ.

Я злобно настроенъ.

Я придираюсь, я хочу развязаться съ ней, отдѣлаться отъ нея, и я придираюсь къ слову.

Это гадко съ моей стороны, это неблагородно...

Не можетъ быть, чтобы и въ ту пору она измѣняла мнѣ!

Пусть теперь она ищетъ преступныхъ наслажденій. Вонъ какіе-то тамъ студенты-медики завелись у нея! Я знаю отлично, какія функціи могутъ исполнять господа студенты при такой темпераментной и страстной особѣ, какъ Анна... Пусть ужъ теперь она заводитъ амуры... Но тогда, тогда!

Неужели и въ ту пору, въ пору нашей юной любви—такой чистой, такой возвышенной, такой святой,—неужели эта дѣвушка способна была уже и тогда...

Боже мой, какъ темна можетъ быть человѣческая душа!

Боже мой, какъ низко можетъ падать женщина!..

...Я не стану расписывать подробно все, что я выстрадалъ. Я не въ силахъ бередить эти незажившія раны. Я не хочу вспоминать и объ этомъ гнусномъ обвиненіи Анны, что изъ-за меня она сдѣлалась больной. Лжетъ! Подло лжетъ!..

Конечно, въ наше время святыхъ на свѣтѣ больше нѣтъ. Отдавая законную дань требованіямъ молодости, я сходился порою съ женщинами. И однажды я дѣйствительно заболѣлъ... Но мнѣ извѣстно очень хорошо, что въ ту пору, когда я сблизился съ Анной, болѣзнь моя утратила уже острую форму, и потому сообщиться другому болѣзнь не могла.

Можетъ-быть Анна и больна. Я не смѣю ей не вѣрить, если она утверждаетъ это. Но виноватыхъ пусть она поищетъ въ другомъ мѣстѣ—среди „студентовъ-медиковъ"...

...Я не хочу говорить здѣсь о мукахъ, которыя вынесла моя душа. Мнѣ не до того теперь. Мнѣ не до длинныхъ ламентацій. Скажу кратко: сердце мое до самыхъ краевъ налилось презрѣніемъ къ Аннѣ, и ни въ какія объясненія вступать съ ней я уже не могъ.

Мое нравственное чувство не позволило мнѣ объясняться.

А ребенокъ, милый первенецъ мой, эта свѣтлая отрада, эта небесная роса моя, кумиръ мой и лучшая моя надежда,—ребенокъ сразу превратился во что-то мерзкое и смрадное...

„Ребенокъ тебѣ чужой".

Разрушенъ мой храмъ.

И никогда, никогда не возстановить мнѣ его.

X.

Вотъ приходитъ къ концу срокъ моей ссылки. Мальстремы пишутъ мнѣ часто и становятся все любезнѣе и откровеннѣе. Профессорша прямо засыпаетъ меня намеками и обѣщаніями. Оказывается, она уже припасла для меня мѣсто повѣреннаго на ситценабивной фабрикѣ милліонеровъ Хабаровыхъ. Три тысячи въ годъ. А года черезъ два—обѣщаетъ она—у меня уже будетъ практика тысячъ на пятнадцать. Что-жъ, при связяхъ, которыя имѣются у Мальстремовъ, старички мои осуществятъ свои посулы безъ труда...

Но я и слышать не хочу про женитьбу. Для меня все отравлено теперь, все!

Острые моменты моей боли прошли.

Я уже не мечусь какъ горячечный на постели, не вижу

кошмарныхъ сновъ и не протягиваю рукъ въ темнотѣ и молчаніи ночи къ своему сыну...

Острые моменты прошли... Но тихая печаль и глухая тоска давятъ меня безпрестанно.

„Ребенокъ для тебя чужой“.

Очень это хорошо выражено въ одной иностранной пьесѣ. Мать всегда можетъ сказать про ребенка: „онъ мой“. Отецъ же не можетъ это утверждать никогда.

Анна, конечно, очень рада нашему разрыву.

Ей—я начинаю прозрѣвать наконецъ—ей давно нуженъ былъ разрывъ.

Зачѣмъ я Аннѣ?

Тамъ, въ столицѣ міра, она поймаетъ себѣ какого-нибудь „студента-медика“, и тотъ устроитъ ее нѣсколько богаче, чѣмъ могъ бы это сдѣлать я—нищій ссыльный...

Ребенка своего она будетъ имѣть при себѣ всегда, всю жизнь. А я...

Я не хочу быть неискреннимъ.

Я не умѣю лицемѣрить.

Всякое лицемѣріе глубоко противно моей натурѣ.

Я не стану разыгрывать абсолютно-неутѣшнаго и не позволю себѣ давать обѣщанія, которыхъ, можетъ быть, не сдержу...

Все проходитъ!

Пройдетъ, вѣроятно, и моя боль. Когда-нибудь я женюсь. Возможно, что въ концѣ концовъ я вынужденъ буду связаться съ барышней Мальстремъ. Въ сущности, теперь для меня всѣ женщины одинаковы. Я женюсь. И явятся у меня дѣти.

Но вѣроятно еще очень долго я буду чувствовать горькій осадокъ, который оставила въ моемъ сердцѣ эта недобрая встрѣча моя съ Анной.

Думаю, что всю мою жизнь—всю до конца—я буду носить въ себѣ неусыпную печаль, и никогда я не смогу простить себѣ, что лучшее, первое мое чувство и всю юношескую чистоту мою я отдалъ дѣвушкѣ недостойной, женщинѣ, лишенной и души, и нравственныхъ устоевъ.

Д. Айзманъ.

ВОСПОМИНАНЬЕ

(Изъ Ленау.)

Мы шли въ горахъ, среди луговъ, вдыхая
Душистый сонъ цвѣтовъ и травъ долины;
Журча сбѣжалъ ручей со снѣговой вершины,
Намъ разсказать о свѣтлой сказкѣ Рая.

Зари вечерней ясно-безмятежной
Горѣлъ въ вершинахъ отблескъ золотистый;
Въ твоемъ лицѣ прочелъ я образъ чистый
Любви твоей, восторженной и нѣжной.

Ужъ не вернуть ни свѣта золотого,
Ни той зари потухшаго лобзанья;
И съ твоего лица сошло сіянье,
И не видалъ его я послѣ снова.

И можетъ-быть небесной красотою
Въ тебѣ тогда лишь солнце отразилось?
И вѣчной страстью лишь оно свѣтилось?
Зачѣмъ тотъ мигъ я пережилъ съ тобою!

Г. Петри.

ЭКСПЕРИМЕНТАТОРЪ

Семена Петровича всѣ его знакомые считали страннымъ и не особенно симпатичнымъ человѣкомъ. Онъ былъ неровенъ, часто угрюмъ и рѣзокъ, но его цѣнили за необыкновенную наблюдательность и за точность неизвѣстно откуда пріобрѣтенныхъ имъ свѣдѣній о людяхъ. Онъ не былъ назойливъ, никого никогда не распрашивалъ, но зналъ рѣшительно все про всѣхъ. Производило это почти жуткое впечатлѣніе: сплетникомъ его нельзя было назвать, а зайдетъ рѣчь про какого-нибудь Ивана Ивановича или Петра Петровича—и окажется, что все недавно всплывшее про нихъ Семену Петровичу извѣстно давно, точно и достовѣрно, извѣстно до мельчайшихъ подробностей. Когда разговоришься съ нимъ, хотя бы о самомъ обыденномъ, въ душѣ зарождалось чувство, что вотъ онъ знаетъ, гдѣ я былъ вчера и что я намѣренъ сегодня сдѣлать, а не намекаетъ на свое знаніе только изъ деликатности.

Въ дѣтствѣ онъ любилъ обрывать крылышки у мухъ „за то, что надоѣдаютъ". Убивать не хотѣлъ, а наказывалъ, оставляя жить въ искалѣченномъ видѣ. Онъ считалъ, что не мститъ, а караетъ, и цѣнилъ въ себѣ чувство справедливости. И взрослымъ человѣкомъ онъ сохранилъ черты холодной жестокости. Обидчику навредитъ, ловко, безопасно для себя, но не скрываясь. Око за око, зубъ за зубъ—казалось ему логическимъ правиломъ жизни, которое обходить глупо. Изъ-за пустяковъ онъ рѣдко сердился и имѣть съ нимъ дѣло было относительно легко.

Наружность у него была самая обыкновенная и онъ умѣлъ сдѣлаться совершенно незамѣтнымъ. Мнѣнія же о своемъ умѣ онъ былъ огромнаго и любилъ при случаѣ удивлять людей. Онъ

думалъ о себѣ съ тихимъ восхищеніемъ, какъ о постороннемъ: „Вотъ сидитъ здѣсь Семенъ Петровичъ, и про него забыли, а вдругъ онъ захочетъ и скажетъ что-нибудь такое, что не только его замѣтятъ, но всѣмъ даже неловко станетъ, что за нимъ не поухаживали". Такъ оно на дѣлѣ и выходило. Но чѣмъ старше онъ становился, тѣмъ рѣже себѣ позволялъ эффектныя выходки. Онъ удовлетворялся сознаніемъ, что онѣ въ его распоряженіи и, присматриваясь къ людямъ, отказывалъ себѣ въ ихъ вниманіи.

Учился онъ въ артиллерійскомъ училищѣ и кончилъ военную академію, но по строевой службѣ не пошелъ. Ему нравились сложныя исчисленія, теорія снарядовъ и полета пуль. Работалъ онъ исправно и чины получалъ, обходить себя никому не позволялъ и незаслуженнаго никогда не просилъ. Въ двадцать семь лѣтъ онъ читалъ лекціи въ академіи, получилъ премію за ученое сочиненіе и совершенно точно зналъ, въ которомъ году его произведутъ въ генералы. Товарищъ онъ былъ сносный, но близкихъ друзей не имѣлъ. Разговаривать откровенно онъ рѣшался лишь съ тѣми, которыхъ по особеннымъ обстоятельствамъ видѣть могъ рѣдко.

Разъ онъ какъ-то зашелъ послѣ лекціи къ пріятелю-доктору и съ озабоченнымъ видомъ спросилъ его:

— Ты продолжаешь думать, что души нѣтъ?

Докторъ завозился на своемъ креслѣ. Онъ усталъ отъ продолжительнаго пріема больныхъ и желалъ пріятной и легкой бесѣды.

— Оставь это, Семенъ Петровичъ. Все объ этомъ сказано и пересказано. Есть ли душа, нѣтъ ли ея, все равно жить надо, и другимъ жить давать.

— Нѣтъ, не все равно. Если есть души, то ими можно управлять, надъ ними можно властвовать, а это интересно.

— Есть нервы, есть мозгъ и съ этимъ считаться надо, а душа—это еще не найденный микробъ...

— То-то, что не найденный. И отъ того не найденный, что не у всѣхъ онъ есть. А я сдѣлалъ открытіе: душа есть, но не у каждаго.

Изъ передней раздался продолжительный звонокъ телефона.

Докторъ вскочилъ, чтобы успѣть предупредить лакея:

— Скажи, что уѣхалъ въ больницу!—шепнулъ онъ сердито.— Черезъ часъ буду.

Онъ рѣшилъ, что подъ звукъ ненужныхъ рѣчей онъ посидитъ спокойно, отдохнетъ, обдумаетъ свои дѣла. О душѣ Семенъ Петровичъ говорить будетъ долго, матеріалъ неисчерпаемый. И слушать не надо: новаго ничего не возразишь.

Семенъ Петровичъ продолжалъ безстрастнымъ, но убѣжденнымъ голосомъ:

— Да, банальное раздѣленіе людей на бездушныхъ и на обладающихъ теплой и прекрасной душой—въ сущности глубокое раздѣленіе. Употребляютъ его только безъ разбора, не подозрѣвая, что произносятъ страшныя слова. Есть люди безъ души; они имѣютъ свою цѣну, часто одарены большой прелестью, но силы въ нихъ нѣтъ; они лишены могучаго рычага, сложнаго и нѣжнаго, которымъ управлять трудно, но съ которымъ можно творить чудеса...

— Ну, чудеса!..

— Въ буквальномъ смыслѣ слова. Но объ этомъ потомъ. Выслушай меня только внимательно. Видалъ ли ты когда-нибудь любимую куклу только-что умершаго, особенно милаго ребенка? Кукла умерла вмѣстѣ съ ребенкомъ: ни однѣ дѣтскія руки ея больше не возьмутъ, не посмѣютъ взять. Если дать ее другому ребенку, онъ не съумѣетъ ею играть и бросить ее. Видалъ ли ты карету стараго, обѣднѣвшаго, но еще гордаго барина? Эта карета была ему необходима, чтобы поддержать его престижъ, и она служила ему, подчинялась его волѣ. Онъ умеръ—и карета оказалась такимъ хламомъ, что никто не рѣшится впречь въ нее лошадей. Цвѣты, за которыми ходила старушка, тихая, нѣжная, умираютъ подъ другимъ, не менѣе искуснымъ уходомъ. Душой своихъ владѣльцевъ жили всѣ эти вещи, и умерли вмѣстѣ съ ними. А дѣйствительно сильные люди пропитываютъ своей душой и самыя вещи; послѣ своего исчезновенія, послѣ того, что мы называемъ смертью, эти люди управляютъ нами посредствомъ вещей. Мощи святыхъ творятъ чудеса.

— Ты съ ума сошелъ!

— Нѣтъ. Если я всю жизнь напрягалъ свою волю на то, чтобы благодѣтельствовать людямъ, думалъ и молился...

— Ну, это на тебя мало похоже...

— Не обо мнѣ рѣчь. Если я развилъ въ себѣ безмѣрную любовь, эта любовь дѣйствительна и послѣ моей смерти. А если я развилъ въ себѣ безмѣрную ненависть, могучую, глубокую, моя ненависть не умретъ. Ножъ нѣкоторыхъ убійцъ и въ невинныхъ, незлобивыхъ рукахъ убиваетъ. Землей вращаютъ сильныя души живыхъ и мертвыхъ людей.

— Къ чему ты ведешь?—спросилъ докторъ съ озабоченнымъ видомъ, и придвинулся къ столу, будто собираясь прописать рецептъ послѣ долгаго объясненія больного.

— А вотъ къ чему. Если мѣшаетъ тебѣ въ жизни человѣкъ,

если оскорбитъ онъ тебя такъ, что уничтожить его надо, истереть, что дѣлаютъ обыкновенно? Вызываютъ на дуэль, либо просто убиваютъ. Это смѣшно. Надо выбрать одно изъ двухъ: если обидчикъ—человѣкъ безъ души, то простить его; такой человѣкъ не стоитъ мщенія, и самъ исчезнетъ безъ слѣда. А если человѣкъ этотъ съ душой, то наказать его надо безпощадно, убить его душу.

— Что?

— Убить душу и оставить жизнь тѣла. Это возможно: есть потрясенія, есть слова, которыхъ встревоженная душа не въ силахъ перенести. Живъ остается человѣкъ, здоровъ, часто даже толстѣетъ, но душа—нѣжный, сложный и могучій инструментъ, которымъ онъ обладалъ, сломанъ, и поправить его уже больше нельзя. Я видѣлъ такихъ людей: они ужасны. Были богами и перестали быть ими. Родиться безъ души не страшно. Имѣть душу и потерять ее—страшнѣе этого нѣтъ.

Докторъ всталъ и выпрямился во весь ростъ.

— Уйди ты, я съ тобой сегодня спорить не въ состояніи, а говоришь ты какъ-то чадно: смѣсь логическихъ мыслей и безсмысленныхъ выводовъ!

— Давно знакомое, чего ты не примѣчалъ—и вдругъ неожиданное освѣщеніе этого знакомаго. Читалъ ты въ въ дѣтствѣ: нѣтъ больше любви, какъ кто положитъ душу свою за друга своего? Значитъ, нѣтъ больше ненависти, какъ кто отниметъ душу у врага своего. Чужую душу можно украсть, уничтожить.

Докторъ пожалъ плечами.

— Слово „душа" тутъ значитъ жизнь, это ясно.

Но Семенъ Петровичъ не обратилъ вниманія на его замѣчаніе. Онъ сказалъ упрямо и серьезно:

— Душу можно отнять. Жизнь тѣла не связана съ присутствіемъ въ немъ души.

И вдругъ умолкъ и сталъ напряженно разглядывать письменныя принадлежности на докторскомъ столѣ. Потрогалъ ихъ одобряюще и неожиданно улыбнулся милой и простой улыбкой.

— Ну, прощай, надоѣлъ я тебѣ.

— Не надоѣлъ, а смутилъ, хотя я знаю, что ты намѣренно говорилъ парадоксы, пользуясь тѣмъ, что я усталъ и не могъ спорить. Но все же хорошо, что близкихъ людей у тебя мало: ни семьи, ни жены. А то, чего добраго, ты производилъ бы опыты надъ ними.

— Я скоро женюсь—спокойно заявилъ Семенъ Петровичъ.

— Что ты? Душу жены себѣ вдругъ возьмешь или какъ-нибудь уничтожишь?

Семенъ Петровичъ расхохотался.

— Не бойся, я выбралъ бездушную. Прелестное она существо: волосы отливаютъ золотомъ, голосъ звенитъ, глаза напоминаютъ полевые цвѣты. Движенія упруги и граціозны, какъ у кошки. Нравъ у нея веселый, легкій; она любитъ чистоту и комфортъ, она любитъ жизнь, но души у нея нѣтъ.

Они стояли уже въ дверяхъ.

— Поздравляю тебя—сказалъ докторъ, и только когда Семенъ Петровичъ скрылся, онъ сообразилъ, что какъ-то странно и неискренно прозвучало это слово „поздравляю“.

„Несносный онъ человѣкъ!—подумалъ докторъ:—я хотѣлъ отдохнуть, а онъ столько сору насыпалъ мнѣ на мозги, что не скоро стряхнешь“.

Онъ сердито отставилъ стулъ, на которомъ только-что сидѣлъ Семенъ Петровичъ, отвернулъ одну электрическую лампу, зажегъ другую и переложилъ въ новомъ порядкѣ вещи на письменномъ столѣ, чтобы этой маленькой перемѣной въ обстановкѣ прогнать память о докучномъ посѣтителѣ. Онъ ворчалъ: „Еще хуже теперь, ничего не найдешь подъ рукой...“ Но всетаки перестановка вещей помогла. Богатыя письменныя принадлежности выглядѣли еще красивѣе въ новомъ порядкѣ. Подъ кипой бумагъ онъ нашелъ лестное для себя письмо, которымъ дорожилъ и думалъ, что потерялъ. Ему стало уютно и хорошо. Воспоминаніе о Семенѣ Петровичѣ исчезло изъ его кабинета. Онъ съ радостью почувствовалъ, что теперь-то онъ одинъ со своими ежедневными, полезными и здравыми мыслями.

Мѣсяца два послѣ своего разговора съ пріятелемъ Семенъ Петровичъ женился на очень миловидной дѣвушкѣ. Варѣ было девятнадцать лѣтъ, но она казалась еще моложе. Съ ея появленіемъ въ квартирѣ Семена Петровича стало какъ-то свѣтлѣе и уютнѣе, и самъ онъ сдѣлался совершенно новый, нѣжный и простой. Онъ очень скоро привыкъ къ ея постоянному присутствію и ни разу не пожалѣлъ о потерянной свободѣ. Какая-то печать благоразумія лежала на ея почти дѣтскомъ лицѣ. Все, что она устраивала, было практично и житейски умно. Онъ съ улыбкой слѣдилъ за ея аккуратной, стройной фигуркой, любовался ея точными и ловкими движеніями и не менѣе точными распоряженіями. Она прямо и высоко носила свою свѣтло-бѣло-

курую головку; талія у ней была узкая, бока крутые, походка быстрая и рѣшительная. Даже легкій стукъ ея высокихъ, выгнутыхъ каблуковъ радовалъ Семена Петровича.

Хозяйничала она съ увлеченіемъ, любила вкусно поѣсть, любила ласки, тепло. Въ своемъ маленькомъ царствѣ она была мило упряма и властна, но къ занятіямъ Семена Петровича относилась съ большимъ уваженіемъ и никогда его о нихъ не распрашивала: только сторожила усердно, чтобы кто-нибудь его не потревожилъ, пока онъ производилъ свои безконечныя исчисленія или просто читалъ. Распросовъ ея про хозяйство она не допускала. Она разгородила жизнь на двѣ области: его и ея, съ соотвѣтственными обязанностями и заботами. Общими были радости: благоустроенный домъ, чистый и нарядный, отличный столъ и веселыя, упоительныя ласки.

Семенъ Петровичъ сознавалъ, что Варя его въ сущности не знаетъ, да и узнавать всѣ изгибы его характера не хочетъ и не можетъ. Обращалась она съ нимъ какъ съ простымъ и уравновѣшеннымъ человѣкомъ, и самъ онъ внѣшне сталъ такимъ. Пріятели Семена Петровича радовались происшедшей въ немъ перемѣнѣ. Съ нимъ они теперь чувствовали себя легко и свободно. Варя любила принимать и наивно подчеркивала при чужихъ свое семейное счастье. „Вотъ какъ намъ хорошо при васъ,— будто говорила гостямъ ея улыбка,—а когда вы уйдете, будетъ еще гораздо лучше“.

Сжились они другъ съ другомъ такъ, что Семенъ Петровичъ иногда спрашивалъ себя, какъ это онъ могъ существовать безъ нея до женитьбы. Онъ ей это разъ сказалъ.

— Варя, мнѣ смѣшно подумать, что я десять лѣтъ жилъ пока тебя еще не было на свѣтѣ; а затѣмъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ мы оба жили чужими и не встрѣчались. Сколько мы времени потеряли!

Варя внимательно смотрѣла на свои нѣжныя, до локтя оголенныя руки. Потомъ она взглянула на него и глаза ея были радостные и невинные, какъ полевые цвѣты.

— Я за тебя рада, что я молода,—сказала она.—А раньше встрѣтиться было бы не къ чему.

Своего пріятеля доктора Семенъ Петровичъ по прежнему видѣлъ рѣдко, но тотъ, какъ и всѣ, зналъ про его необыкновенное семейное счастье.

Докторъ считалъ, что намекать на происшедшій до свадьбы разговоръ было бы безтактностью, но разъ на маленькомъ вечерѣ у Семена Петровича не выдержалъ и сказалъ ему:

— Прекрасная у тебя жена, и прекрасная у нея должна быть душа.

Семенъ Петровичъ расхохотался.

— Прелестная жена, не прекрасная. А души—души у нея нѣтъ.

Прошло три года, и Семенъ Петровичъ такъ привыкъ къ своему счастью, что забывалъ ухаживать за нимъ и поддерживать его. Да и поддерживать, казалось, не было необходимости: все шло само собой, по разъ навсегда заведенному порядку. Только время принесло легкія измѣненія. Ласки Семена Петровича стали спокойнѣе и рѣже. У Вари голосъ звенѣлъ менѣе радостно, пропала хрустальная нотка, и золотистые свѣтло-бѣлокурые волосы потускнѣли, не такъ пышно окаймляли головку. Будто каждый волосокъ потяжелѣлъ, сталъ менѣе причудливъ.

— Это прошла первая, ранняя молодость,—думалъ Семенъ Петровичъ.

Но хозяйничала она все такъ же усердно и быстро бѣгала по дому на высокихъ, выгнутыхъ каблукахъ.

И жили они все такъ же, рядомъ, каждый дѣлая свое дѣло. Но улыбались другъ другу рѣже.

Семенъ Петровичъ цѣнилъ прочность и доброкачественность ихъ взаимныхъ отношеній.

Но вдругъ Варя опять вся посвѣтлѣла, засіяла. Запѣлъ въ ея голосѣ колокольчикъ и волосы засверкали золотомъ. Тогда Семенъ Петровичъ, знавшій, что она живетъ только для радости, понялъ, что она вновь полюбила и счастлива.

Допрашивать ее онъ не пытался, да и не къ чему было. Она бы не проговорилась; ея глаза, похожіе на цвѣты, не лгали, но молчали и улыбались жизни. А въ домѣ все шло хорошо, царила та же тихая, благодатная уютность.

— Куда ты все уходишь?—спросилъ онъ ее однажды.

— Я всегда тутъ, когда я нужна,—отвѣтила она.—А мало ли что нужно купить и заказать, кого посѣтить? Не взваливать же все это на тебя. Не твое это дѣло, да ты и не съумѣлъ бы.

Она стала болѣе гордой съ тѣхъ поръ, что вновь жила полною, ею самой устроенною жизнью. И стала еще яснѣй: объ угрызеніяхъ совѣсти не могло быть и рѣчи.

Онъ началъ мысленно искать ея любовника и скоро, путемъ логическихъ разсужденій и врожденнымъ чутьемъ сыщика, нашелъ его.

Это былъ молодой адвокатъ, который мало-по-малу пересталъ

у нихъ бывать. Увлекательно краснорѣчивый, весь огненный и такой славный, прямой. Первое время Варя сердилась, что Николай Сергѣевичъ ихъ забывалъ, потомъ успокоилась. Это они тогда сговорились.

Иначе не могло быть. Такого именно любовника она должна была взять, нѣжнаго, страстнаго и подчиняющагося ей всецѣло. Семенъ Петровичъ вспомнилъ, какъ разъ, мѣсяца три тому назадъ, Николай Сергѣевичъ у нихъ съ отвращеніемъ говорилъ о любовникахъ, остающихся друзьями обманутыхъ ими мужей. Тогда онъ еще не замышлялъ дурного, или боролся съ собой. Она все разрѣшила со своей бездушной, аморальной простотой. И онъ пересталъ бывать у нихъ. Онъ по своему благороденъ.

Семенъ Петровичъ уже не догадывался, а зналъ. Оставалось только провѣрить.

Случай помогъ ему. Онъ встрѣтилъ на улицѣ Николая Сергѣевича и дружески заговорилъ съ нимъ.

— Стыдно забывать старыхъ друзей! Вы, можетъ быть, хворали. Отчего не дали знать? Похудѣли, поблѣднѣли...

— Да, болѣлъ немного...

У Николая Сергѣевича дергались губы. Его прекрасные глубокіе глаза безпокойно забѣгали. Ему невыносимы были участіе и дружелюбный тонъ Семена Петровича.

Семенъ Петровичъ это замѣтилъ и сталъ еще радушнѣе.

— Зайдемъ сейчасъ ко мнѣ. Жена дома и будетъ рада вамъ.

Николай Сергѣевичъ пробовалъ отговориться неотложными дѣлами и почти сердито отказывался.

— Можно подумать, что мы васъ обидѣли — наивно испуганно сказалъ Семенъ Петровичъ.

Тогда испугался и Николай Сергѣевичъ. Онъ сдался неожиданно скоро.

— Что вы! Пойдемъ, съ удовольствіемъ. Дѣла подождутъ...

Страдальческая складка появилась у него между бровей. Лгать ему было непривычно и трудно.

Дорогой разговоръ у нихъ завязался напряженный и скучный, но въ присутствіи Вари все опять пошло гладко. Она обрадовалась ихъ приходу; съ развившейся у нея за послѣднее время находчивостью шутила, и самъ Семенъ Петровичъ у себя дома, подъ ея вліяніемъ, былъ добродушенъ и простъ. Онъ говорилъ больше всѣхъ—говорилъ и наблюдалъ.

Особеннаго ничего не было, но опять появилась та особенная любовная, чарующая атмосфера, которую онъ зналъ по

воспоминаніямъ. Опять Варя улыбалась радостно, растроганно и благодарно, и вся она, скромно одѣтая и произносящая приличныя слова, была такая томная и сладострастная, такая настоящая, какой надлежало ей быть по своему назначенію... Семенъ Петровичъ хищно любовался ею, а Николай Сергѣевичъ избѣгалъ на нее смотрѣть. Но онъ былъ счастливъ ея близостью, и не могъ этого скрыть. Дѣтски добрымъ стало его лицо.

„Любитъ онъ ее!—мысленно шепталъ Семенъ Петровичъ:—отнялъ, но отдастъ, не сможетъ не отдать".

Но вдругъ онъ подумалъ, разглядывая высокій бѣлый лобъ Николая Сергѣевича, спокойный и чистый, глубокіе, неумѣло лгавшіе глаза: „Душа у него хорошая".

Онъ вздрогнулъ, когда подумалъ это. „Да, душа хорошая, и ее, эту душу, надо встряхнуть такъ, чтобы она искалѣчилась, обезсилѣла навсегда. Зачѣмъ отнимаетъ чужихъ женъ? Варя мнѣ самому нужна".

Противъ нея онъ не чувствовалъ никакой злобы, только страстное желаніе вернуть ее совсѣмъ, чтобы она вся была его, какъ раньше. Онъ даже мечталъ о новыхъ ласкахъ, болѣе дерзкихъ, которыхъ онъ раньше себѣ не позволялъ съ ней. Теперь можно: онъ любилъ ее и какъ жену, и какъ любовницу.

— Что ты такъ долго молчишь?—спросила Варя.—Неловко вдругъ стало, будто ты совсѣмъ о насъ забылъ и задумался. Исчисленіе дѣлаешь? Вспомнилъ ошибку?

— Нѣтъ. Развѣ неловко? А мнѣ хорошо было. И не ошибку я вспомнилъ, а дѣлалъ вѣрное, стройное построеніе.

Николай Сергѣевичъ всталъ.

— Я засидѣлся, васъ тянетъ работать...

Семенъ Петровичъ его не удерживалъ, но настоятельно просилъ его не забывать ихъ, навѣщать часто. А Николай Сергѣевичъ, стараясь не краснѣть, отговаривался.

— Я долженъ скоро уѣхать изъ Петербурга, когда—точно не знаю, но позвольте теперь же проститься съ вами на нѣсколько мѣсяцевъ, а то вдругъ не успѣю...

„Вотъ что придумалъ, чтобы я его не тащилъ опять къ намъ! Тяжело ему, право у него душа хорошая"—промелькнула мысль у Семена Петровича. Ненависть росла въ немъ увѣренная, холодная, и онъ гордился ея силой, какъ хорошимъ, мѣтко бьющимъ оружіемъ.

А Варя немного смутилась въ первый разъ за весь вечеръ; сдвинула брови, какъ будто соображала что-то, и опять прояснѣла.

— Уѣзжаете?—повторила она съ учтивымъ сожалѣніемъ.

— Не надолго,—прошепталъ Николай Сергѣевичъ и, какой-то растерянный, ушелъ.

Семенъ Петровичъ проводилъ его въ переднюю и долго мучилъ его распросами о будущей поѣздкѣ. Когда онъ вернулся въ гостиную, Варя дѣловито ставила на прежнее мѣсто сдвинутое кресло и собиралась потушить лишній электрическій рожокъ. Лицо ея, приподнятое къ свѣту, было спокойно.

„Поняла практическимъ умомъ, что онъ никуда не уѣдетъ,—подумалъ Семенъ Петровичъ. — Знаетъ всѣ подробности его жизни, какъ и моей, и вѣрно у него все прибрала и украсила, какъ и у меня. Стала необходимой. Гдѣ ему уѣхать? Она не испугалась, все знаетъ, все сообразила“.

Онъ поцѣловалъ ея нѣжное, ничего невыражающее лицо. Прикосновеніе его губъ къ ея розовой, свѣжей щекѣ ему было такъ пріятно, что онъ засмѣялся, но сомнѣнія въ ея измѣнѣ у него не было никакого, и съ этого вечера онъ методично сталъ разыскивать, когда и гдѣ они видѣлись.

Узнавалъ онъ это путемъ наблюденій. Ничего въ своемъ образѣ жизни онъ не измѣнилъ, Николая Сергѣевича оставилъ въ покоѣ, а къ Варѣ присматривался. Она иногда бывала еще болѣе праздничная, теплая и милая, чѣмъ обыкновенно за послѣднее время; еще ревностнѣе и тщательнѣе присматривала утромъ за хозяйствомъ; приказанія ея были отчетливѣе и предусмотрительнѣе. Это когда она должна была днемъ уходить къ тому. Случалось это приблизительно два раза въ недѣлю, хотя она была свободна каждый день, такъ какъ Семенъ Петровичъ службы никогда не пропускалъ. И онъ отмѣтилъ себѣ это распредѣленіе, объяснивъ его тѣмъ, что она свой домъ любитъ больше всего. И онъ былъ радъ этому.

А видѣлись они у Николая Сергѣевича. Это онъ рѣшилъ навѣрное. Не пошла бы Варя на случайную квартиру. Она—человѣкъ съ изящными привычками.

„И стоитъ, должно быть, у него гдѣ-нибудь тамъ пара ея туфелекъ,—думалъ Семенъ Петровичъ.—Такихъ легонькихъ, открытыхъ, на высокихъ каблукахъ, и такъ аккуратно поставлены двѣ маленькія туфельки рядышкомъ, каблукъ къ каблуку, носокъ къ носку“...

Онъ пробовалъ мѣшать ей уходить изъ дому въ тѣ дни, когда она была особенно праздничная и свѣтлая. Не могъ. Онъ встрѣчалъ спокойное упрямство. Она невинно смотрѣла на него, объясняла, какое у нея дѣло, даже подсмѣивалась надъ

нимъ. И пока она говорила, онъ вѣрилъ ей, и только когда былъ далеко отъ нея, зналъ, что она его обманула.

Онъ думалъ своими ласками замѣнить ей чужія; выходило плохо. Она стала какой-то скользкой, покорной, но далекой, и его она больше не вдохновляла, хотя дорожилъ онъ ею какъ никогда. Лаская ее, онъ думалъ о другомъ.

Тогда онъ рѣшилъ, что дольше откладывать исполненіе приговора надъ Николаемъ Сергѣевичемъ нельзя. Онъ понялъ, что до сихъ поръ у него еще была скрытая отъ него самого надежда—просто вернуть къ себѣ Варю и забыть обо всемъ. Но этого нельзя было сдѣлать. Тотъ завладѣлъ Варей и не отдаетъ. Пусть поплатится.

Настала весна, но на дачу рано было переселяться. Предстояло еще много недѣль жить въ Петербургѣ, и Варя устраивала свою квартиру по лѣтнему: на мебель надѣвались свѣтлые, съ розовыми полосками, чехлы, убирались тяжелыя портьеры, а растеніямъ и цвѣтамъ отдавался особенный почетъ: разставлялись они всюду, въ жардиньеркахъ и на столахъ. Портреты и картины скрылись за бѣлой кисеей, нарядныя бездѣлушки исчезли. Было голѣй, но весело и красиво, и сама Варя ходила въ свѣтломъ платьѣ и напѣвала.

Семенъ Петровичъ такъ же хорошо, какъ и она сама, зналъ, когда она видѣлась съ Николаемъ Сергѣевичемъ, зналъ, что и сегодня, въ пятницу, въ три часа дня, она должна пойти и вернуться въ пять. Раньше трехъ она не назначала: было дѣло по дому; позже пяти не возвращалась: надо до обѣда и прихода со службы Семена Петровича успѣть опять сдѣлаться своей домашней Варей, утихнуть, войти въ хозяйственные интересы. Такъ у нея было заведено, разумно и практично, и пока Николай Сергѣевичъ останется тѣмъ же милымъ и чуткимъ, дающимъ ей радость, она ничего не измѣнитъ.

Но на этотъ разъ Семенъ Петровичъ рѣшился остаться дома.

Въ десять часовъ Варя сказала ему:

— Смотри, опоздаешь на лекцію.

— Ничего, разъ можно опоздать.

Въ одиннадцать она спросила:

— Не идешь сегодня?

Онъ сказалъ вкрадчиво, тихо:

— Варя, выйдемъ. Хорошо на улицѣ. Купимъ ландышей.

— На улицѣ жарче, чѣмъ здѣсь, а ландышей я вчера купила,—спокойно отвѣтила Варя,—но если хочешь, выйдемъ...

Она удивлялась, но еще не боялась за остатокъ дня: послѣ завтрака онъ навѣрно уйдетъ.

Когда они прошли вмѣстѣ нѣсколько домовъ, Семенъ Петровичъ подозвалъ извозчика.

— Куда мы?—спросила Варя.

— Увидишь...

Она покорно сѣла въ коляску; надъ головой она держала свѣтлый зонтикъ, улыбалась и ждала, что онъ скажетъ.

Онъ сѣлъ рядомъ съ ней, осторожно уложивъ складки ея юпки, чтобы не смялась.

— На Варшавскій вокзалъ.

Она вся заволновалась.

— Что ты? Къ кому? Такъ вдругъ, не предупредивши дома, а у меня днемъ портниха и много разнаго дѣла.

— Ничего, Варя, разъ не бѣда и обмануть портниху; вѣдь тебя же она сама навѣрно часто обманывала?

— Никогда, я съ неаккуратной не имѣла бы дѣла,—отвѣтила Варя и вдругъ вся покраснѣла, до слезъ, и видимо досадовала на себя, но не отвернулась.

А онъ глядѣлъ на нее ласково, внимательно.

— Мы съѣздимъ въ Елизаветино, къ тетушкамъ. У нихъ чудный паркъ. Ранней весной тамъ красиво, я знаю—ты будешь рада. А онѣ-то, старушки, какъ засуетятся, не будутъ знать, какъ и встрѣтить! Я хотѣлъ тебѣ и имъ сдѣлать сюрпризъ.

— Я не люблю сюрпризовъ,—отвѣтила Варя.—Кромѣ того, я не такъ одѣта, предупредилъ бы лучше.

Она вдругъ оробѣла, все это непривычное смутило ее, но когда онъ спросилъ:—Послать развѣ телеграмму твоей портнихѣ? мы проѣдемъ мимо почты. Я пошлю...—она торопливо отвѣтила:

— Нѣтъ, пускай прождетъ даромъ, не важно!—и посмотрѣла ему въ глаза своимъ яснымъ, безсодержательнымъ взглядомъ.

Онъ былъ радъ, что она все такая же ровная, свѣтлая. Онъ засмѣялся.

Она съ вѣжливымъ любопытствомъ повернулась къ нему.

— Мнѣ вспомнился смѣшной случай съ телеграммой. Ты помнишь Михаила Ивановича, красиваго генерала, изъ Гродны? Онъ вздумалъ, года два тому назадъ, обманывать свою жену. Она совсѣмъ старуха, въ парикѣ, а правъ своихъ никому не хотѣла уступить. Сейчасъ догадалась, но уликъ никакихъ не имѣла. Жила соперница въ Вильнѣ, туда генералъ часто ѣздилъ, вѣроятно и телеграфировалъ не разъ: у него нравъ безпокойный. Вотъ отправилась она на телеграфъ и говоритъ чинов-

нику: „Михаилъ Ивановичъ,—а его всѣ знали и почитали,—жалуется, что его послѣдняя телеграмма въ Вильну переврана. Я убѣждена, что онъ просто забылъ текстъ. Сохранили ли вы его?“—„Какъ же!“ Чиновникъ порылся: „Очень даже ясно написано и ошибки не могло быть никакой“. И подалъ ей текстъ телеграммы, написанной рукой мужа. Чиновнику она казалась вполнѣ невинной, а генеральшѣ все стало ясно, какъ на ладони... Смѣшно, не правда ли?

— Всегда сохраняютъ текстъ телеграммы?

— Всегда. Это правило.

Она равнодушно улыбнулась.

„Не посылала ему никогда телеграммъ, и теперь, еслибы даже случай представился, не пошлетъ!“—рѣшилъ Семенъ Петровичъ про себя.—„А телефона у того нѣтъ“.

Раздраженія у него противъ нея не было, только былъ страхъ, что она помѣшаетъ удачному выполненію его замысла. Даже по мѣрѣ того какъ препятствія отстранялись имъ легко и быстро, онъ чувствовалъ свѣжій приливъ нѣжности къ ней, умиленія передъ ея безпомощностью и довѣрчивостью. Скоро она опять будетъ вся его. Любовникъ станетъ въ ея глазахъ смѣшной ничтожностью, потерявшей прелесть игрушкой. Она отвернется отъ него, забудетъ—а что забыто, то не существовало.

Ему захотѣлось ласково болтать съ ней, какъ взрослому съ ребенкомъ.

— Варя, мы съ тобой много разъ были въ театрѣ, видѣли и такія сцены жалкія, раздирающія, что почти всѣ женщины и многіе мужчины плакали. А ты вѣдь никогда не плакала?

— Что плакать надъ вымышленнымъ горемъ...

— А надъ своимъ, скажемъ—маленькимъ, горемъ ты бы плакала?

Она повернулась къ нему такъ быстро, что зонтикомъ задѣла за плечо кучера. Это заставило ее разсмѣяться.

— У меня горя нѣтъ.

Потомъ сдвинула брови:

— Не накликай, я не люблю мрачныхъ мыслей.

„Нѣтъ, чтобы не по гладкому,—подумалъ Семенъ Петровичъ;—да оно такъ и будетъ; только того, ненужнаго отстраню“.

Они пріѣхали на вокзалъ за пять минутъ до отхода поѣзда. Онъ усадилъ Варю и, стоя на платформѣ передъ ея окномъ, докуривалъ папироску. Отдѣленіе было для некурящихъ.

Раздался послѣдній звонокъ.

— Садись скорѣй!—крикнула Варя.

— Поспѣю.

— Иди, на ходу вскакивать опасно.

„И обо мнѣ заботится!“—подумалъ Семенъ Петровичъ.

Она вышла на площадку вагона. Онъ подбѣжалъ къ ней.

— Варя, прости, я съ слѣдующимъ поѣздомъ пріѣду. Вспомнилъ спѣшное дѣло.

Она хотѣла спрыгнуть, но кондукторъ прихлопнулъ дверь. Семенъ Петровичъ поклонился и, не спѣша, зашагалъ къ выходу.

Теперь онъ думалъ только о Николаѣ Сергѣевичѣ. Вернулся онъ къ себѣ домой къ двумъ часамъ и заперся въ своемъ кабинетѣ. Онъ жилъ не своею жизнью—а жизнью Николая Сергѣевича. Вотъ теперь тотъ мечтаетъ о вѣрномъ свиданіи. Не волнуется; онъ знаетъ, она придетъ, а то предупредила бы, чтобы онъ даромъ времени не тратилъ въ ожиданіи и могъ работать. Онъ, улыбаясь, читаетъ. Въ половинѣ третьяго онъ уже насторожился. Нервный онъ человѣкъ, думаетъ, что, можетъ быть, она раньше придетъ. Нѣтъ, это не въ ея привычкахъ. Бьетъ три. Онъ ходитъ взадъ и впередъ. Прислушивается къ звукамъ на лѣстницѣ. Ему слышатся шаги. Онъ пріотворяетъ дверь: не ея шаги, не она. Сердце стучитъ у него тяжело, какъ будто обрывается. Но что же тутъ особеннаго? На четверть часа опоздала, могъ же кто-нибудь ее задержать. Двадцать минутъ прошло. Не больна ли? Можетъ быть, она опасно больна, а онъ не имѣетъ права быть около нея, ходить за ней. Можетъ быть, она въ жару, пить ей хочется, а онъ не можетъ ей дать воды. Она навѣрно страдаетъ, онъ чувствуетъ, какъ она страдаетъ и зоветъ его. А онъ здѣсь ждетъ. Или она еще придетъ? Теперь безъ десяти четыре...

Въ ту минуту, когда въ немъ самомъ переживаемое волненіе Николая Сергѣевича достигло высшаго напряженія, Семенъ Петровичъ, не помня себя, кинулся на улицу. Онъ несся, задыхаясь, обращая на себя удивленное или негодующее вниманіе прохожихъ, добѣжалъ, наконецъ, до цѣли и, спотыкаясь, тяжело взобрался на лѣстницу къ Николаю Сергѣевичу, дернулъ такъ неловко звонокъ, тотчасъ же выпустивъ его изъ пальцевъ, что получился дребезжащій, совершенно небывалый звукъ.

Дверь раскрылъ Николай Сергѣевичъ и, не догадываясь дать гостю проходъ, съ испугомъ смотрѣлъ на него. И самъ Семенъ Петровичъ чувствовалъ, что онъ блѣденъ и страшенъ.

— Что случилось?

— Пустите меня.

Николай Сергѣевичъ ненужно далеко посторонился.

Они вошли въ кабинетъ.

— Да говорите, что̀ случилось?

Семенъ Петровичъ опустился на стулъ, взялъ въ лѣвую руку какую-то валявшуюся на столѣ линейку, и она застучала у него по пальцамъ правой руки—такъ онъ дрожалъ. Онъ жилъ утроенной жизнью: въ немъ было все волненіе любовника, стоящаго передъ нимъ, все звѣрство взятаго на себя палачества и ясно-ясно передъ собой онъ видѣлъ то, что̀ собирался разсказать про Варю, во что̀ онъ хотѣлъ заставить Николая Сергѣевича повѣрить.

Онъ сказалъ не своимъ, а дикимъ, ему самому показавшимся новымъ, голосомъ:

— Она умерла. Да, она, Варя, лежитъ мертвая. Я повезъ ее на дачу къ родственницамъ старухамъ, а тамъ она вдругъ умерла. Старухи живы, сѣменятъ вокругъ нея съ перепугу, старыя, старыя вздыхаютъ и шепчутъ молитвы, а она, молодая, не дышетъ... она—трупъ!

Онъ не смотрѣлъ на Николая Сергѣевича, а вглядывался въ пространство, разсказывалъ будто передавая, что̀ видѣлъ. Потомъ вдругъ заморгалъ сильно и уставился на собесѣдника, но не сразу узналъ его: такимъ страннымъ, раздавленнымъ показался ему Николай Сергѣевичъ.

Онъ пояснилъ зло, крикливо:

— Я пришелъ къ вамъ за участіемъ. Вѣдь вы знали ее!

— Я всей душой сочувствую вашему горю,—проговорилъ Николай Сергѣевичъ далекимъ, беззвучнымъ голосомъ.

— Да, я пришелъ за участіемъ, вы должны меня пожалѣть.

Николай Сергѣевичъ спросилъ тихо:

— Вы оставили ее тамъ, бросили!

— Да, я не могъ съ ней быть. При ней старухи. Шаркаютъ по полу башмаками, убираютъ ее.

И опять ему показалось, что онъ все видитъ. Дико стало его молчаніе и молчаніе Николая Сергѣевича. Сквозь него слышенъ былъ шорохъ старухъ. Ему захотѣлось, чтобы кто-нибудь закричалъ, задвигался. Но Николай Сергѣевичъ молчалъ и не шевелился. Дика и неестественна была его неподвижность. Или онъ тоже слышитъ шелестъ старушечьихъ шаговъ и прислушивается къ нему?

Но вдругъ лицо Николая Сергѣевича исказилось страшнымъ гнѣвомъ; онъ бросился къ Семену Петровичу, какъ будто хотѣлъ задушить его, но опустилъ руки и что-то крикнулъ.

Семенъ Петровичъ не понялъ словъ; но что молчаніе было

нарушено—облегчило его. Онъ пересталъ слышать старухъ, и новый, трезвый страхъ напалъ на него. Можетъ быть, Николай Сергѣевичъ не повѣрилъ и кричитъ ему, что онъ лжецъ.

— Что?—спросилъ онъ глухо.

— Вы убили ее!

Онъ отвѣтилъ кротко:

— Нѣтъ, я не убилъ ее. Зачѣмъ мнѣ ее убивать? Я любилъ ее. Она совсѣмъ бывала иногда какъ маленькая дѣвочка, и такая благоразумная. Теперь она умерла, одна, я тогда вышелъ, одна, не приласканная... а она любила ласки...

Николай Сергѣевичъ сѣлъ за столъ и закрылъ лицо руками. И послышалось изъ-за его сплетенныхъ пальцевъ нѣчто въ родѣ собачьяго лая.

— Я пришелъ къ вамъ за участіемъ,—еще разъ повторилъ Семенъ Петровичъ, — и я вижу, что не ошибся. Зачѣмъ она умерла?

Николай Сергѣевичъ сказалъ:

— Разскажите все по порядку... Какая смерть... естественная?

— Да, другой предположить нельзя же. Аневризмъ, должно быть. Такъ быстро, похоже на отравленіе. Но почему ей было отравляться? Она была счастлива. Не было въ ея умѣ преступныхъ мыслей, не было преступныхъ желаній. Она была совсѣмъ какъ маленькая дѣвочка.

— Да.

Николай Сергѣевичъ теперь мучительно, страстно желалъ только одного, чтобы Семенъ Петровичъ не узналъ прошлаго, не пятнилъ памяти Вари. Онъ долженъ свято охранять эту память.

— Простите,—сказалъ онъ тихо,—меня такъ это поразило, я странно себя велъ сейчасъ съ вами. Но все это такъ страшно неожиданно.

— Когда вы ее въ послѣдній разъ видѣли?—спросилъ Семенъ Петровичъ.

Николай Сергѣевичъ нашелся.

— Въ мартѣ, когда вы меня на улицѣ встрѣтили и завели къ себѣ...

Голосъ его оборвался на послѣднемъ словѣ, но всетаки ему казалось, что проговорилъ онъ твердо.

— Въ мартѣ?

— Да.

— Вѣрно, я помню.

Николай Сергѣевичъ глубоко вздохнулъ. Да, этотъ разда-

вленный горемъ мужъ не знаетъ, что онъ говоритъ съ любовникомъ, страдающимъ въ тысячу разъ больше, нежели онъ самъ. А Семенъ Петровичъ читалъ въ его мысляхъ.

— Голубчикъ,—сказалъ онъ какъ-то жалко,—я такъ усталъ. Позвольте пойти прилечь на вашу постель.

„Онъ знаетъ,—мелькнуло въ головѣ у Николая Сергѣевича— и даже въ горѣ насмѣхается надо мной".

Онъ отвѣтилъ просто:

— Нѣтъ, туда нельзя. Лягьте здѣсь на диванъ.

Семенъ Петровичъ опять глядѣлъ странно передъ собой.

— Тамъ, тамъ рядышкомъ на коврѣ двѣ туфельки стоятъ?— сказалъ онъ и расхохотался.

Николай Сергѣевичъ вздрогнулъ и съ ненавистью посмотрѣлъ на него.

„Знаетъ, а я не подтвержу".

— Лягьте тутъ.

И онъ передвинулъ кожаныя подушки на диванѣ.

Семенъ Петровичъ грузно легъ, и, казалось, тотчасъ же задремалъ, но когда Николай Сергѣевичъ сдѣлалъ движеніе, чтобы уйти изъ кабинета, онъ прошепталъ:

— Останьтесь, тяжело одному.

„И плакать мнѣ по ней нельзя!" — подумалъ Николай Сергѣевичъ.

— Хорошо, останусь.

Онъ сѣлъ на стулъ и разглядывалъ спину свернувшагося Семена Петровича.

„Убили ее, кто-то убилъ. Молодое существо такъ не умираетъ. И убійца тутъ. Это не Семенъ Петровичъ. Тотъ не могъ убить. Убійца онъ самъ, Николай Сергѣевичъ. Убилъ тѣмъ, что возложилъ на нее непомѣрное счастье! Не выдержало маленькое хрупкое сердце, когда встрѣтилось со страстью. А онъ любилъ ее страстно. И что бережешь ея доброе имя? Слава ея въ томъ, что ее такъ любили".

Онъ нагнулся надъ спящимъ и поглядѣлъ на него брезгливо.

— Семенъ Петровичъ! — шепнулъ онъ: — умерла не ваша жена, а моя. Я любилъ ее.

Семенъ Петровичъ сѣлъ на диванъ и дико глядѣлъ на него.

— А! признались? Ѣдемъ къ ней!

Николай Сергѣевичъ обезсилѣлъ отъ произнесенныхъ имъ словъ. Обезсилѣлъ, но чувствовалъ себя всетаки могучимъ передъ этимъ жалкимъ и злымъ существомъ.

— Ѣдемъ!—сказалъ онъ торжественно.—Я весь въ вашей

власти. Теперь или позднѣе, когда хотите, вы можете меня убить, я признаю за вами это право, но слова сказать противъ нея я не позволю.

— Я и не хочу говорить противъ нея, — мрачно отвѣтилъ Семенъ Петровичъ, не глядя на него.—Я считаю, что виноваты вы одинъ, и даже смолчать не съумѣли...

Николай Сергѣевичъ содрогнулся отъ невольнаго отвращенія. Онъ махнулъ рукой и слѣдомъ за тяжело шагавшимъ Семеномъ Петровичемъ спустился по лѣстницѣ, тоже странно тяжело ступая. Можно было подумать, что они несутъ огромный грузъ.

Они помѣстились рядомъ на одномъ извозчикѣ, брезгливо отстраняясь другъ отъ друга, но постоянно соприкасаясь колѣнами и локтями, когда ихъ подкидывало на неровной мостовой. Николай Сергѣевичъ каждый разъ стоналъ сквозь зубы; говорить онъ не могъ, хотя вопросы вихремъ носились въ его мозгу.

Онъ осторожно взглянулъ на Семена Петровича, который, онъ зналъ, караулитъ всѣ его движенія.

— Умерла,—проговорилъ тотчасъ же Семенъ Петровичъ,— умерла.

Въ вагонѣ Николай Сергѣевичъ разрѣшилъ себѣ сѣсть поодаль, но такъ, чтобы тотъ могъ наблюдать за всѣми его движеніями. Онъ даже не отвернулся. Все остановилось въ его душѣ. Молодыя деревья казались ему крестами безконечнаго кладбища, но не мрачнаго. „Смерть добрая, кроткая,—вспомнилъ онъ вдругъ слова Вари, сказанныя ему когда-то,—возьметъ усталаго человѣка и уложитъ бережно: отдохни, никто не потревожитъ. А трава, веселая трава на кладбищахъ—это живые волосы покойниковъ". Семену Петровичу она навѣрно такихъ словъ не говорила. И какой другой конецъ могъ быть ихъ огромной любви, кромѣ смерти? Она умерла, потому что ея душа кромѣ любви ничего не вмѣщала. А онъ, сложный, связанный съ жизнью ежедневной борьбой, онъ будетъ жить...

Онъ не сознавалъ, сколько времени онъ сидѣлъ и думалъ, когда Семенъ Петровичъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Пріѣхали!

И опять они очутились рядомъ на тѣсномъ извозчикѣ, но теперь Николай Сергѣевичъ не страдалъ отъ близости сосѣда: онъ его не чувствовалъ, не чувствовалъ и себя самого; онъ весь ушелъ въ торжественную, святую, мучительную и вмѣстѣ съ тѣмъ легкую думу. Онъ зналъ, что потомъ, завтра можетъ быть, онъ всѣмъ своимъ существомъ физически затоскуетъ о Варѣ, но теперь онъ такъ о ней вспоминать себѣ не разрѣшалъ, и боялся

неосторожной мыслью нарушить свое восторженное и свѣтлое страданіе.

Они ѣхали по мягкимъ аллеямъ, молча. Семенъ Петровичъ тихо дрожалъ. Онъ вдругъ дернулъ Николая Сергѣевича за рукавъ.

— Какъ вы теперь жить-то будете?—спросилъ онъ.

Николай Сергѣевичъ не понялъ, насмѣшка ли это, или сожалѣніе? Приближаясь къ покойницѣ, Семенъ Петровичъ забылъ, быть можетъ, всю злобу и жалѣетъ его, любовника? Неужели этотъ человѣкъ съ лакейскимъ хитрымъ лицомъ, не умѣвшимъ даже выражать горе, вдругъ сталъ великъ и милосерденъ? Ему даже показалось, что Семенъ Петровичъ тянетъ къ нему свою руку, и онъ захотѣлъ ее взять, но не могъ. У обоихъ такъ руки дрожали, что они безсмысленно толкались, но не сходились.

Аллея закруглилась; показался домъ.

— Здѣсь!—шепнулъ Семенъ Петровичъ. Онъ весь вытянулся впередъ и возбужденнымъ мозгомъ старался представить себѣ то, что вотъ сейчасъ должно случиться. Выбѣжитъ Варя, тотъ увидитъ ее, пойметъ... И онъ сердился на свое воображеніе, слишкомъ яркое, мѣшающее ему жить настоящимъ: вѣдь вотъ они пріѣхали, вотъ началось, ему надо наблюдать, говорить уничтожающія презрѣніемъ слова, а онъ не можетъ; ему слишкомъ ясно кажется, что эти двѣ старухи, его тетушки, выбѣжавшія его встрѣтить, такія страшныя, испуганныя, какъ онъ про нихъ разсказывалъ, и что шепчутъ онѣ, прерывая другъ друга, его же слова...

— Она умерла, она умерла.

И много какого-то народу высыпало изъ дому, прислуги, знакомыхъ, и всѣ почтительно и съ состраданіемъ смотрѣли на него, и разступались передъ нимъ, приглашая его зайти въ домъ, и женщины плакали. А онъ стоялъ среди нихъ съ Николаемъ Сергѣевичемъ. Онъ ничего не понималъ. Стукъ въ его ушахъ мѣшалъ ему понимать. Онъ началъ трогать близъ стоящихъ его людей.

— Повторите!—крикнулъ онъ.

Старухи шептали, всхлипывая, торопясь и путаясь:

— Она пріѣхала, нарядная, милая, и щебетала какъ птичка: „мужъ сейчасъ, со слѣдующимъ поѣздомъ будетъ“. Смотрѣла на часы. Ты не пріѣхалъ. Она заволновалась. Стала бѣгать по дому; намъ, старухамъ, за ней не поспѣть. Страшныя мысли ей приходили: говорила, что у тебя, можетъ быть, непріятности,

дуэль. Мы думали—она шутитъ. Потомъ, около трехъ часовъ, она сказала: „Я, тетушки, на бельведерчикъ взберусь, оттуда далеко видно, до самаго поѣзда!“ А мы, дуры, пустили ее. „Пойди, дѣтка...“ Пошла она и не вернулась живой. Нагнулась, перила низкія, головка, должно быть, закружилась, упала. Подняли ее дворникъ и лакей. Въ четыре часа дня, не приходя въ себя, и скончалась. Умерла, а мы, старухи, живы...

Семенъ Петровичъ дико расхохотался.

Онъ проболѣлъ долго; боялись воспаленія мозга, но онъ выздоровѣлъ. Гдѣ похоронили Варю, онъ узналъ только впослѣдствіи, а къ благодарному сообщенію тетушекъ о томъ, какъ помогалъ въ ихъ хлопотахъ привезенный имъ съ собой другъ, онъ отнесся вполнѣ равнодушно. И ко всему онъ сталъ странно безучастенъ. Это сперва приписали глубокому, скрываемому горю и жалѣли его, хвалили за тонкія, высокія чувства. Вскорѣ оказалось, что никакого горя онъ не испытывалъ. Онъ не былъ сумасшедшимъ, но ни одна струна ужъ не звучала въ его душѣ. Онъ заботился только умѣло, хотя преувеличенно, о своемъ здоровьѣ и о ростѣ своего матеріальнаго благосостоянія. Онъ сталъ крайне мнителенъ и скупъ; велъ дневникъ своего здоровья; всѣ свои вещи, кромѣ самыхъ необходимыхъ, продалъ. Свое полное презрѣніе къ человѣческимъ интересамъ онъ не скрывалъ; напротивъ, онъ какъ будто гордился имъ. Со свойственной ему наблюдательностью онъ замѣтилъ, что даже нищіе на улицѣ перестали просить у него. „Развѣ такъ, въ сумерки, ошибется какой-нибудь—смѣялся онъ самъ съ собой,—а то физіономисты они большіе“...

Своему пріятелю доктору, который совѣтовалъ ему лѣчиться или разсѣяться, онъ однажды сказалъ:

— Я—экспериментаторъ, у котораго бомба, сильная, прекрасная, смертоносная бомба лопнула въ его же рукахъ, взорвала его самого...

— Объясни, я не понимаю загадокъ,—сказалъ докторъ.

Семенъ Петровичъ улыбнулся непріятной, хитрой и невеселой улыбкой.

— Тѣло мое, я надѣюсь, проживетъ еще долго, а душа умерла...

И, разсмѣявшись, прибавилъ:

— Отъ несчастнаго случая. Но и безъ нея хорошо.

— Самовнушеніе, опасное самовнушеніе! — пробормоталъ докторъ.

Но охота помочь Семену Петровичу скоро пропала даже у самыхъ сердобольныхъ людей: до такой степени онъ опустился, сталъ тусклъ и неинтересенъ. Службу онъ бросилъ, прежнихъ знакомыхъ потерялъ. Когда они его встрѣчали случайно, они перестали его замѣчать. Онъ былъ сѣръ и грязенъ, но какими-то дѣлами занимался успѣшно и выказывалъ въ нихъ прежнюю логичность и быстроту соображенія. Онъ богатѣлъ и позвалъ жить къ себѣ бѣдную родственницу-вдову, съ подростающей дочерью. Тяжела имъ оказалась эта милость. Онъ никогда съ ними не говорилъ, только приказывалъ и допрашивалъ. И жили обѣ женщины въ опустѣвшей, тускло освѣщенной и скудно зимою протапливаемой квартирѣ, недоумѣвая и смутно жаждая его смерти.

Онъ умеръ отъ мнительности во время появившейся въ Петербургѣ эпидеміи, умеръ уродливо, съ отчаяніемъ и ропотомъ прощаясь съ жизнью. Онъ съ ненавистью глядѣлъ на окружавшихъ его здоровыхъ людей, соображая, что ни за какой выкупъ они не могутъ отдалить отъ него смерть, ни взять на себя его страданія.

Когда онъ сталъ бездыханенъ, неувядшая еще младшая родственница его долго вглядывалась въ незначительныя, застывшія черты его лица и сказала:

— Страшнѣе этого человѣка не было.

А набожная мать ея вздыхала и въ первый разъ въ жизни забыла при видѣ покойника шептать молитву.

Иванъ Странникъ.

ЕЩЕ ГОДЪ КАЗНЕЙ

I.

„Самое горячее мое пожеланіе— это прекращеніе смертныхъ казней, этого Божьяго бича, ниспосланнаго на Россію, до корней развращающаго не только настоящія, но и будущія поколѣнія".

А. Бабянскій.

(Изъ новогоднихъ пожеланій членовъ Думы.)

„Запросы Жизни" и „Право" подвели итогъ минувшему году числомъ казненныхъ. Конечно, сотни казненныхъ—не въ Китаѣ, а въ Россіи, не въ семнадцатомъ вѣкѣ, а въ двадцатомъ, — это такой фактъ, передъ которымъ все блѣднѣетъ. Конечно, шестьсотъ повѣшенныхъ въ теченіе года—такой итогъ, подведя который остается одно: поставить точку.

Можно ли спокойно учитывать шаги, сдѣланные русской государственностью и общественностью впередъ, по пути прогресса,—когда опять былъ повторенъ такой колоссальный шагъ назадъ? Можно ли, въ виду цифры въ шестьсотъ повѣшенныхъ, даже вспоминать о томъ, что безпрерывно работало представительное учрежденіе—Государственная Дума, что были даны шесть съ половиной милліоновъ рублей на народную школу, что былъ открытъ саратовскій университетъ, что велась борьба съ казнокрадами? Можно ли спорить о гражданственности—насаждалась ли она или не насаждалась? Можно ли, будучи убѣжденнымъ сторонникомъ насильственнаго разрушенія поземельной общины, учитывать блага перехода на отруба и хутора,

когда по народнымъ нравамъ ежедневно ударяли „закономѣрныя убійства“?

По подсчету г. Вентина („Запросы Жизни“), въ первые одиннадцать мѣсяцевъ 1909-го года было повѣшено 528 человѣкъ. По подсчету г. Могилянскаго („Право“), съ 1-го января по 20-е декабря—537. Но послѣдніе дни года ничѣмъ не отличались отъ остальныхъ. Такъ, въ Екатеринославѣ передъ Рождествомъ снова были повѣшены 6 человѣкъ. Всего же въ декабрѣ, по подсчету „Новой Руси“, было постановлено 80 смертныхъ приговоровъ и казнено 43 осужденныхъ. Слѣдовательно, круглая цифра въ 600 повѣшенныхъ отнюдь не является грубо преувеличенной. По сравненію же съ цифрой дѣйствительно казненныхъ въ 1909-мъ году можно съ увѣренностью сказать наоборотъ: она ниже дѣйствительной. Ибо всѣ приведенные подсчеты основаны на газетныхъ данныхъ. А насколько эти данныя неполны—уже оффиціально доказано. По первоначальнымъ свѣдѣніямъ считалось, что въ 1908-мъ году состоялся 1.741 смертный приговоръ. Впослѣдствіи министерство сообщило думской коммиссіи, что ихъ было 2.569...

Въ разгаръ политической борьбы—революціи съ старымъ укладомъ государственной жизни, затѣмъ „новаго“ строя съ революціей—„уравновѣшенные“ люди говорили: что значатъ тысяча, двѣ, три повѣшенныхъ или разстрѣлянныхъ, когда на другой чашѣ вѣсовъ лежатъ не только государственные интересы, а самое бытіе государства? „И въ то время ужасомъ вѣяло отъ этого оправданія казней, — отъ этого принесенія въ жертву минутному торжеству самыхъ дорогихъ интересовъ именно государственнаго бытія,—отъ этого самообмана,—отъ этого эпическаго спокойствія въ виду кровавой расправы.

Но въ то время была борьба, были обоюдные эксцессы. Въ то время казнившіе объявляли: „пусть революція первая прекратитъ терроръ“! И въ этомъ требованіи было обѣщаніе прекратить казни. Теперь революціи нѣтъ. Теперь остались отдѣльные террористическіе акты, какіе были постояннымъ явленіемъ и до революціоннаго взрыва. Теперь смертная казнь противопоставляется обычной уголовной преступности. Теперь откровенно казнятъ за то, за что въ Россіи не казнили полтораста лѣтъ.

Шестьсотъ повѣшенныхъ въ 1909-мъ году—итогъ, который предвидѣла первая Государственная Дума, единогласно вотировавшая отмѣну смертной казни навсегда и во всѣхъ случаяхъ ея законнаго и сверхзаконнаго примѣненія. Это то, къ чему мы должны были придти съ логической неизбѣжностью — и пришли. Но развѣ отъ этого легче?..

Въ сентябрѣ 1910-го года наши казни предстанутъ на международный судъ. Не на судъ формальнаго третейскаго трибунала,—нѣтъ,

на судъ науки и общественнаго мнѣнія, но на такой судъ, отъ котораго, въ области уголовныхъ репрессій и каръ, ни не-оффиціальная, ни оффиціальная Россія никогда не уклонялась.

Болѣе тридцати лѣтъ уже, періодически, черезъ каждыя пять лѣтъ собираются международные тюремные конгрессы. Конгрессы давно расширили свои задачи за предѣлы вопросовъ пенитенціаріи. Они интересуются всѣмъ, что̀ входитъ въ область уголовнаго законодательства и науки уголовнаго права. Здѣсь сходятся ученые всего европейско-американскаго міра съ представителями правительствъ, судьи — съ директорами тюремъ, адвокаты — съ государственными обвинителями, криминалисты-классики—съ послѣдователями школъ позитивно-антропологической и соціологической. По заранѣе установленной программѣ, на конгрессахъ дѣлается сводка фактическихъ данныхъ, а равно мнѣній и сужденій по вопросамъ, выдвигаемымъ на очередь примѣненіемъ въ различныхъ странахъ карательныхъ и предупредительныхъ мѣръ борьбы съ преступностью. Въ 1890 г. конгрессъ созывался въ Петербургѣ, въ 1895 г.—въ Парижѣ, затѣмъ въ Брюсселѣ и въ Будапештѣ. Нынѣ, въ 1910 г., созывается въ Вашингтонѣ.

И среди другихъ вопросовъ, внесенныхъ въ программу конгресса, поставленъ нашъ мучительный, роковой вопросъ о смертной казни. Составители программы рѣшили спросить „всѣ страны міра съ организованнымъ отправленіемъ правосудія“: „Какое значеніе имѣетъ смертная казнь въ различныхъ странахъ?“ Далѣе, общій вопросъ разбитъ на цѣлый рядъ частныхъ.

Нетрудно догадаться, что̀ именно побудило международную коммиссію поставить вопросъ о смертной казни. Казнь Ферреро не могла послужить поводомъ, ибо первоначальная редакція программы вашингтонскаго конгресса была разослана гораздо ранѣе. Еще въ апрѣльской книгѣ „Тюремнаго Вѣстника“ за 1909 г. она уже была напечатана въ русскомъ переводѣ. Но тысячи казненныхъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, у насъ, въ странѣ „съ организованнымъ отправленіемъ правосудія“—могли ли онѣ не остановить на себѣ мірового вниманія? Могли ли пройти безслѣдно для научной мысли Европы и Америки голосованіе французской палаты за сохраненіе смертной казни и вскорѣ затѣмъ послѣдовавшее гильотинированіе осужденнаго въ отвратительной обстановкѣ публичной казни?

Повидимому, были усилія, направленныя къ тому, чтобы вопросъ о смертной казни съ программы снять. Въ редакціи, разосланной весною, онъ стоялъ какъ вопросъ въ техническомъ смыслѣ слова, т.-е. ожидались не разрозненные отвѣты на него отдѣльныхъ представителей, докладчиковъ и ораторовъ, а общій отвѣтъ конгресса, въ видѣ вотированной резолюціи. Въ редакціи позднѣйшей онъ стоитъ какъ

анкета, которая будетъ предметомъ устныхъ сужденій только „если позволитъ время“. Такимъ образомъ, защитники смертной казни приговора конгресса не услышатъ—и въ этомъ отношеніи „вліянія“ возымѣли успѣхъ. Однако, предложеніе представить статистику и высказать мнѣніе о значеніи смертной казни осталось въ силѣ. И было бы странно предположить, что конгрессъ для сужденій по такому вопросу не найдетъ времени.

II.

Россія, въ лицѣ теоретиковъ права, а также составителей законодательныхъ предположеній, еще недавно гордилась передъ Западомъ, что на пути къ отмѣнѣ смертной казни она идетъ впереди и Франціи, и Англіи, и Германіи. Въ учебникахъ, въ изслѣдованіяхъ, въ мотивахъ къ новому уголовному уложенію особенно подчеркивались слѣдующія сопоставленія. По англійскимъ законамъ, число преступныхъ дѣяній, обложенныхъ смертью, доходило въ первой четверти XIX в. до 240. Во Франціи въ концѣ XVIII в. смертная казнь назначалась въ 119 случаяхъ и даже по code pénal 1810 г.—въ 39. А въ Россіи еще въ 1753 г. состоялось Высочайшее повелѣніе „всякія смертныя преступленія не натуральной, но политической смертью наказывать“. Не безъ чувства гордости приводилось и приводится, что въ 1845 г. были отвергнуты предположенія составителей уложенія о наказаніяхъ о распространеніи смертной казни на убійство родителей, въ виду манифеста 21 апрѣля 1826 г., въ которомъ говорилось: „не утверждать никакого, хотя бы и сообразнаго съ законоположеніями смертнаго приговора, если преступленіе не будетъ толикой важности, что сцѣлью онаго было нарушеніе общественнаго существованія, спокойствія государственнаго, безопасности престола и святости Величества“.

Правда, всѣ эти горделивыя сопоставленія и справки имѣли очень и очень условный характеръ. Вскорѣ послѣ указа императрицы Елизаветы Петровны были казнены сначала Мировичъ, затѣмъ—два участника московскаго бунта во время чумы, немного позже—участники пугачевскаго возстанія. Въ 1826 г. были казнены декабристы. Съ другой стороны, ранѣе другихъ государствъ сократившая примѣненіе смертной казни, Россія долѣе всѣхъ сохраняла наказанія изувѣчивающія—кнутъ, рваніе ноздрей, плети и шпицрутены въ количествѣ до шести тысячъ ударовъ, — т.-е. кары, приводившія къ тому же результату: къ смерти осужденнаго, только не на плахѣ, а въ тюремной больницѣ.

Но, во всякомъ случаѣ, въ до-конституціонной Россіи смертная казнь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо изъ главныхъ государствъ Европы (кромѣ Италіи), носила характеръ исключительнаго наказанія. По общему закону она назначалась лишь за государственныя и карантинныя преступленія. По спеціальнымъ законодательнымъ актамъ она могла быть назначаема за дѣянія обще-уголовныя, но назначалась рѣдко и то преимущественно на отдаленныхъ азіатскихъ окраинахъ. Первый годъ по введеніи конституціи далъ (по далеко неполнымъ газетнымъ свѣдѣніямъ) 628 казней. Четвертый, 1909-ый, послѣ двухъ лѣтъ, еще болѣе богатыхъ казнями—почти 600.

Этихъ цифръ уже ничѣмъ не прикрыть. Онѣ слишкомъ громко кричатъ, что въ Россіи общимъ закономъ стали исключительныя изъятія, а почти непримѣняемымъ изъятіемъ — общій законъ. Революціи нѣтъ. Смертная казнь назначалась въ 1909 г., въ громадномъ большинствѣ случаевъ, за дѣянія, ни прямой, ни косвенной связи съ политикой не имѣвшія.

Напомнимъ нѣсколько примѣровъ изъ самаго послѣдняго времени. Виновные въ убійствѣ, совершенномъ въ Старой Деревнѣ, въ Петербургѣ—повѣшены. Несовершеннолѣтніе Смирновъ и Дементьевъ совершили самый обычный по обстановкѣ грабежъ въ лавкѣ Апраксина рынка и убили мальчика Пѣтухова. Имъ былъ вынесенъ смертный приговоръ. Къ смерти былъ присужденъ Горюновъ, нанесшій смертельную рану въ Кронштадтѣ, въ трактирѣ, маркеру. Въ Курскѣ повѣшенъ отцеубійца и т. д., и т. д. Уголовное уложеніе опредѣляетъ смертную казнь только по четыремъ статьямъ. Ни одна изъ этихъ статей ни разу никѣмъ въ 1909 г. не была нарушена. А казнено 600 человѣкъ. Единственно дѣйствующій общій законъ, въ которомъ опредѣляется смертная казнь — уголовное уложеніе 1903 г.— категорически воспрещаетъ присуждать къ смерти несовершеннолѣтнихъ и лицъ старше 70-лѣтняго возраста. Теперь повѣшеніе несовершеннолѣтнихъ — заурядное явленіе. Въ Тифлисѣ былъ приговоренъ къ смерти старикъ 124 лѣтъ...

Частные вопросы, на которые разбитъ въ программѣ вашингтонскаго конгресса общій вопросъ о смертной казни, составлены въ томъ естественномъ предположеніи, что въ странахъ „съ организованнымъ отправленіемъ правосудія" смертная казнь есть, во-первыхъ, институтъ вымирающій; во-вторыхъ, что она сохранилась лишь за наиболѣе тяжкіе случаи предумышленнаго убійства; въ-третьихъ, что въ отношеніи присуждаемыхъ къ смертной казни широко практикуется смягченіе наказанія.

Намъ, русскимъ, предстоитъ отвѣтить, что у насъ первое, въ чемъ твердо реализовался „обновленный" строй — это возрожденіе висѣ-

лицы. Примѣненіе ея возможно за всѣ виды умышленнаго убійства, за изнасилованіе, за всѣ разновидности разбоя, грабежа, умышленнаго зажигательства или потопленія чужого имущества. Уложеніе о наказаніяхъ различаетъ семь формъ грабежа. Исключительный законъ, возведенный въ покрывающую уложеніе норму, одинаково допускаетъ смертную казнь какъ за грабежъ съ насиліемъ, во время пожара или другого несчастнаго случая, такъ равно за всякое открытое похищеніе, хотя бы двугривеннаго, безъ угрозъ или безъ насилія. По уложенію о наказаніяхъ есть болѣе десяти различно наказуемыхъ формъ умышленнаго зажигательства; наказанія измѣняются отъ высшихъ сроковъ каторги до ареста на семь дней и денежнаго взысканія не свыше ста рублей. По повсемѣстно и ежедневно примѣняемому исключительному закону, за всѣ формы поджога можетъ быть назначена смертная казнь. И это не бумажная возможность, а вполнѣ реальная: къ смерти былъ присужденъ крестьянинъ, который поджегъ стогъ сѣна. Когда объектомъ посягательства были чины войска или полиціи, или должностныя лица, перечень дѣяній, наказуемыхъ смертью, охватываетъ и не имѣвшее послѣдствій покушеніе на убійство, и нанесеніе увѣчій или тяжкихъ побоевъ, и нанесеніе ранъ, хотя бы легкихъ.

Не „обновленный“ строй, правда, создалъ исключительные законы, открывшіе возможность 600 казней въ годъ. Онъ ихъ унаслѣдовалъ. Но онъ ихъ использовалъ такъ, какъ ими никогда старый строй не пользовался. За время съ 1876-го по 1900-ый годъ за общія преступленія было казнено 337 человѣкъ; въ среднемъ въ годъ было 14 казней. За время съ 1866 по 1900 г. за государственныя преступленія казнено 107 чел., въ среднемъ въ годъ—по 3. Скажутъ: 600 казней въ 1909 г.—слѣдствіе революціи. Что̀ общаго—возразимъ—между революціей и злодѣйскимъ убійствомъ въ Старой Деревнѣ? Что̀ общаго между революціей и убійствомъ маркера въ Кронштадтѣ? Въ трактиръ зашелъ пьяный; маркеръ нечаянно задѣлъ его кіемъ; пьяный ударилъ маркера въ грудь трехграннымъ напильникомъ. Что̀ общаго между революціей и ограбленіями, которыя теперь уже и не симулируются даже политическими экспропріаціями? Впрочемъ, пожалуй, 600 казней въ 1909 г. дѣйствительно есть слѣдствіе революціи. Только не въ казненныхъ и не въ свойствѣ совершенныхъ ими дѣяній должно искать связь слѣдствія съ причиной...

Намъ, русскимъ, предстоитъ отвѣтить, что смертная казнь у насъ возродилась въ такихъ условіяхъ ея примѣненія, которыя заставляютъ задуматься, къ намъ ли обращены вопросы, адресованные къ странамъ „съ организованнымъ отправленіемъ правосудія“. Ироніей для насъ звучитъ вопросъ программы: „Dans combien de cas y a-t-il eu

commutation de sentence? Soit par le jury? Soit par le pouvoir compétent"? И едва-ли случайно главное тюремное управленіе передало этотъ вопросъ по-русски въ слѣдующемъ вольномъ переводѣ: „Въ какомъ числѣ случаевъ казнь была замѣнена пожизненнымъ заключеніемъ: 1) присяжными, 2) верховной или исполнительной властью"?

Да, у насъ все, что̀ связано съ смертной казнью, составляетъ компетенцію не закона, не монарха, именемъ котораго дѣйствуетъ судъ—а исполнительной власти. Въ вопросѣ жизни или смерти преступника поставлена эта власть и надъ судомъ, и надъ закономъ. Отъ ея усмотрѣнія зависитъ, чтобы отцеубійцѣ была назначена каторга, а открыто похитившему нѣсколько копеекъ—смертная казнь. И никто не вправѣ потребовать у нея отчета. Юстиціи, въ лицѣ военнаго суда, отведена механическая роль. О смягченіи кары судъ можетъ только просить, ходатайствовать. Даже кассаціонная повѣрка правильности судебнаго приговора зависитъ отъ исполнительной власти. Она можетъ повѣрки не допустить, каковы бы ни были процессуальныя нарушенія, какъ бы ошибочно ни былъ примѣненъ карательный законъ. Подсудность военному суду, исполненіе смертныхъ приговоровъ и смягченіе ихъ—все это отдано безапелляціонному усмотрѣнію мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ и командующихъ войсками въ военныхъ округахъ.

Что̀ скажутъ иностранные юристы, когда узнаютъ, что въ странѣ, которую они привыкли считать страною „съ организованнымъ отправленіемъ правосудія", попытка сократить казни была сдѣлана въ формѣ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ генералъ-губернаторамъ и начальникамъ губерній и областей? Мы привѣтствовали этотъ циркуляръ. Насъ, русскихъ, такъ измучили ежедневныя казни, что мы готовы все забыть, все привѣтствовать, только бы меньше вѣшали людей. Но вѣдь такой циркуляръ—завѣренный крахъ правового строя. Чтобы учредить новую должность полицейскаго надзирателя, чтобы построить прачешную при университетѣ, въ Россіи нужны законы, нужна сложная дѣятельность законодательныхъ палатъ и санкція монарха. А чтобы за дѣянія, за которыя вѣшали вчера и третьяго дня, не вѣшали сегодня и завтра — для этого довольно циркуляра. Это—дѣло административныхъ сношеній. Мало того: циркуляръ здѣсь—если не все, то нѣчто, а иниціатива законодательныхъ учрежденій—ничто. Что̀ скажутъ иностранцы, когда узнаютъ, что у насъ имѣлъ мѣсто такой случай: 16 человѣкъ были приговорены къ смертной казни; мѣстный командующій войсками замѣнилъ для всѣхъ казнь двухнедѣльнымъ арестомъ.

Намъ предстоитъ показать, что смертная казнь отдана въ Россіи личнымъ воззрѣніямъ и темпераменту административной власти.

Это раскроютъ цифры: въ Екатеринославѣ въ 1909-мъ году казнено 116 человѣкъ, въ Одессѣ — 31, въ Баку — 5, въ Петербургѣ — 3, во Владивостокѣ, во Владимірѣ, во Псковѣ—по одному. Такія колебанія немыслимо отнести на счетъ чего-либо другого. И что это такъ, о томъ громко свидѣтельствуетъ военный округъ, который теперь занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ по числу казней и въ которомъ, два года назадъ, при предшественникѣ нынѣшняго командующаго войсками, вовсе не было случаевъ приведенія въ исполненіе смертныхъ приговоровъ.

Наша статистика даетъ яркую иллюстрацію судебныхъ ошибокъ, казни невинно-осужденныхъ, запоздавшихъ распоряженій о пріостановленіи приговора, самоубійствъ и помѣшательства осужденныхъ и якобы оправдывающей казни быстроты репрессіи. Лунегову и его соучастникамъ смертная казнь была назначена за дѣяніе, совершенное почти за два года до осужденія. Они были повѣшены черезъ три мѣсяца послѣ осужденія. И это не единичный фактъ. Живые люди мѣсяцами, — каждый день, каждую ночь, — ложатся спать и встаютъ отъ сна съ мыслью, что вотъ за ними придутъ, позовутъ на свиданіе съ матерью, съ отцомъ, — и вмѣсто свиданія накинутъ петлю на шею...

Какъ относится къ возрожденію смертной казни общественное мнѣніе страны?—спрашиваетъ программа. Четыре и три года тому назадъ это отношеніе было у насъ безусловно опредѣленное. Первая Дума *единогласно* вотировала отмѣну смертной казни. А третья Дума похоронила вопросъ въ коммиссіи. На процессѣ несовершеннолѣтнихъ Смирнова и Дементьева обвинитель требовалъ смертнаго приговора не по формальнымъ основаніямъ, а потому, что „судъ обязанъ оградить общество отъ подобныхъ холодныхъ убійцъ“. Въ дни революціи деревенскія дѣти играли въ „забастовку“ и дрались. Теперь они играютъ въ военный судъ и вѣшаютъ. „Новое Время“ и „Гражданинъ“ возвели въ событіе появленіе книги И. А. Родіонова „Наше преступленіе“. А весь смыслъ книги исчерпывается двумя словами: вѣшать и сѣчь.

Въ толкахъ по поводу убійства въ Лештуковомъ переулкѣ или въ Старой Деревнѣ раздавалось требованіе висѣлицы. Общество начинаетъ становиться на скользкій путь „упрощенныхъ“ разсужденій: если вѣшаютъ за поджогъ стога сѣна или за открытое похищеніе рубля, то неужели не заслужилъ висѣлицы Гилевичъ?...

В. Кузьминъ-Караваевъ.

НОВАЯ КНИГА О МІРОВОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ

(Проф. А. А. Исаевъ, „Міровое хозяйство“.)

Недавно вышедшая книга проф. А. А. Исаева „Міровое Хозяйство“ заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе явленій, которыя лишь въ самое послѣднее время стали предметомъ научной разработки. Въ ней разсматриваются экономическія отношенія между народами, факторы, вліяющіе на развитіе этихъ отношеній, и значеніе мірового хозяйства для общественной жизни отдѣльныхъ странъ.

Основою экономическихъ отношеній между народами служатъ передвиженіе людей и передвиженіе вещей. Послѣднее распадается на передвиженіе товаровъ и передвиженіе капиталовъ. Разсмотрѣніе этихъ видовъ передвиженія занимаетъ значительную часть книги. Здѣсь читатель находитъ богатый цифровый матеріалъ и выясненіе соціальнаго значенія этого матеріала.

Англичане, нѣмцы, итальянцы, скандинавы—вотъ народы, дающіе наибольшее число эмигрирующихъ во всѣ части земного шара, особенно въ Америку. Различія въ размѣрахъ эмиграціи до XIX в. и въ послѣдующее время громадны. Еще въ началѣ названнаго вѣка изъ Европы ежегодно выселялись за море лишь немногія тысячи. Затѣмъ эмиграція возрастаетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ. Къ 1907 г. изъ одной Великобритании выселилось 17.600.000 человѣкъ. Въ XX-мъ вѣкѣ эмиграція продолжаетъ усиливаться. До 1900 г. въ Соединенные Штаты въѣзжало не больше 500.000 чел. въ годъ. Въ 1902-мъ году это число поднялось до 648.743, въ 1906 г.—до 1.100.735. Кромѣ Соединенныхъ Штатовъ, значительная эмиграція въ послѣднее время идетъ въ Мексику и въ Южную Америку (по преимуществу въ Аргентину и Бразилію), далѣе—въ Австралію и Африку. И если переселяющіеся въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки быстро подвергаются благотворному дѣйствію американскихъ учрежденій и нравовъ, ассимилируются и уже во второмъ поколѣніи мало чѣмъ отличаются отъ типа янки, то милліоны людей, передвигающихся изъ среды народовъ старой культуры въ территоріи съ слабо развитой гражданственностью или въ мѣстности, населенныя дикарями и полудикарями, заносятъ туда европейскую культуру и способствуютъ ея распространенію во всѣхъ частяхъ земного шара.

Вмѣстѣ съ передвиженіемъ европейцевъ въ малокультурныя области, въ послѣднихъ распространяются всѣ виды европейской техники, начинается разработка естественныхъ богатствъ и, какъ слѣдствіе, расширяется международная торговля. Въ 1830 г. міровой оборотъ по внѣшней торговлѣ составлялъ неполныхъ 4 милліарда рублей, а въ 1907 г. достигъ 65 милліардовъ. Здѣсь Великобританія, по прежнему, идетъ во главѣ. Германія занимаетъ второе мѣсто. Третье мѣсто принадлежитъ Соединеннымъ Штатамъ, четвертое—Франціи, пятое—Бельгіи, шестое—Россіи, седьмое—Швейцаріи. На эти семь государствъ приходится, по цѣнности, больше двухъ третей всего оборота міровой торговли. За послѣднее время въ международныхъ торговыхъ сношеніяхъ приняли живое участіе государства, которыя еще полвѣка назадъ почти или вовсе не выходили за предѣлы своей территоріи. Еще въ 70-хъ годахъ XIX-го вѣка Аргентина не появлялась на міровомъ рынкѣ, какъ страна вывоза; между тѣмъ въ 1906-мъ году цѣнность вывоза отсюда достигла 292 милліоновъ долларовъ. То же самое слѣдуетъ сказать объ Австраліи. Еще въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія ея внѣшняя торговля была ничтожна, а въ 1906 г. она представляла уже цифру въ 135 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Такое же развитіе торговыхъ оборотовъ мы видимъ въ Мексикѣ, Бразиліи, Чили и другихъ странахъ, куда двинулась европейская эмиграція людей и капиталовъ.

Внѣшняя торговля между народами старой культуры представляетъ собою явленіе давнишнее. Передвиженіе капиталовъ изъ одной страны въ другую есть характерный признакъ только послѣднихъ столѣтій и, особенно, нашего времени. Народныя хозяйства богатыхъ странъ являются кредиторами народныхъ хозяйствъ въ странахъ бѣдныхъ: таково общее положеніе, которымъ характеризуется движеніе капиталовъ изъ одного государства въ другое. Англія, Франція, Германія, Бельгія, Голландія, Соединенные Штаты—вотъ страны, которыя помѣщаютъ за границей особенно много своихъ сбереженій. Для конца 1908 года опредѣляли въ 3.050.000.000 ф. ст. сумму англійскихъ капиталовъ, помѣщенныхъ за предѣлами Соединеннаго Королевства. Сумма французскихъ капиталовъ за границей составляетъ 30 милліардовъ франковъ. Германія стала заимодавцемъ иноземныхъ народныхъ хозяйствъ только за послѣднее тридцатилѣтіе; германскіе капиталы, помѣщенные за границей, опредѣляются въ 26 милліардовъ марокъ. Благодаря разлитію капиталовъ изъ богатыхъ странъ по всему земному шару открылся доступъ къ народамъ, еще недавно отрѣшеннымъ отъ культурныхъ государствъ. Въ 1898 г. проложенъ путь изъ Египта въ Суданъ; сдѣлалось возможнымъ плаваніе вверхъ по Нилу до экватора, оживилась торговля въ направленіи къ Кордофану и Хартуму.

Упрочиваются сношенія европейскихъ народовъ съ Абиссиніей; двѣ желѣзныя дороги, построенныя въ ней, открываютъ для торговли площадь въ 1.500.000 квадратныхъ верстъ. Обширныя работы по орошенію, выполненныя въ Египтѣ подъ руководствомъ англичанъ, уже успѣли оживить эту страну. Франція строитъ желѣзную дорогу на западѣ Африки для соединенія судоходныхъ частей Сенегала и Нигера. Эта дорога расширитъ область міровой торговли почти на 2.000.000 квадратныхъ верстъ. Имѣетъ также большое значеніе усиленная постройка дорогъ во французской Гвинеѣ и на Мадагаскарѣ. Въ рельсовые пути Африки уже вложено до $1^1/_2$ милліарда рублей. Ожидаютъ огромныхъ выгодъ отъ багдадской дороги. Она приблизитъ къ міровому рынку площадь въ 1.500.000 квадратныхъ верстъ, съ населеніемъ въ 20 милліоновъ. Производительность этого края можетъ быть очень велика; полагаютъ, что онъ сдѣлается однимъ изъ главныхъ поставщиковъ пшеницы для мірового рынка; воздѣлываніе хлопчатой бумаги также можетъ достигнуть здѣсь большого развитія; утверждаютъ, что нефтяные запасы Вавилоніи во много разъ больше русскихъ. Багдадская дорога будетъ главнымъ путемъ для торговыхъ сношеній съ Индіей и приблизитъ послѣднюю къ Европѣ. Упомянемъ, наконецъ, о цѣломъ рядѣ желѣзнодорожныхъ проектовъ, касающихся Южной Америки, Китая и Сибири.

Давъ въ исторической перспективѣ картину передвиженія людей, товаровъ и капиталовъ, авторъ переходитъ къ важному какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи вопросу о вліяніи таможенной политики на міровое хозяйство. Въ нашъ сжатый очеркъ мы не можемъ вмѣстить богатое содержаніе главы, посвященной этому предмету. Всѣ разсужденія автора обоснованы здѣсь обильнымъ цифровымъ матеріаломъ, который, для пониманія аргументаціи, пришлось бы выписывать цѣлыми страницами. Мы приведемъ лишь нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ заключеній. Какъ протекціонисты, такъ и фритредеры—говоритъ авторъ „не скупятся на мрачныя пророчества, когда государство не отдаетъ предпочтенія той торговой политикѣ, которую они считаютъ разумною. Съ тѣмъ вмѣстѣ изъ обоихъ лагерей слышатся обѣщанія безпредѣльнаго благополучія, если внѣшняя торговля будетъ упорядочена согласно съ началами, которыя они защищаютъ. Можно привести множество фактовъ, которые свидѣтельствуютъ, что не оправдывались самыя разнообразныя предсказанія. Сошлемся, въ видѣ примѣра, на Соединенные Штаты. Съ тѣхъ поръ, какъ тамъ начало усиливаться таможенное покровительство, т.-е. почти отъ первыхъ годовъ XIX вѣка, слышались мрачныя предсказанія при малѣйшихъ попыткахъ уменьшить таможенные налоги. А между тѣмъ, за 15 лѣтъ, отъ 1845-го до 1861-го года, когда таможенныя заставы были

замѣтно понижены, сѣверо-американская республика далеко подвинулась въ развитіи всѣхъ отраслей народнаго труда. Та же страна даетъ случай сдѣлать наблюденія и противоположнаго характера. Когда усиливалось протекціонистское теченіе—во время междоусобной войны и въ послѣднемъ десятилѣтіи прошлаго вѣка—громкій хоръ изъ людей науки и общественныхъ дѣятелей подробно перечислялъ потери, которыя неизбѣжно понесетъ народное хозяйство. А перепись 1900-го года отмѣтила огромные успѣхи Соединенныхъ Штатовъ именно за послѣдніе годы прошлаго столѣтія, когда таможенныя подати были подняты на высоту, почти неизвѣстную раньше. Не то ли же самое видимъ въ Англіи? Англійскіе протекціонисты были удручены разными неудачами, которыя испытало народное хозяйство Соединеннаго Королевства въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго вѣка. Къ мрачной характеристикѣ присоединилось предсказаніе и дальнѣйшихъ ударовъ, которые поразятъ Англію. Но ожиданія не сбылись: 1905—1907 года отмѣчены крупными успѣхами Англіи на міровомъ рынкѣ. Мы наблюдаемъ то же и въ Германіи. Многіе выдающіеся люди заявили о неизбѣжности тяжелыхъ послѣдствій, къ которымъ приведетъ повышеніе налоговъ на продукты сельскаго хозяйства, состоявшееся въ 1902-мъ году. Въ то же время слышались голоса людей съ извѣстными именами, что спасеніе Германіи и состоитъ именно въ этомъ таможенномъ мѣропріятіи. Не сбылись опасенія однихъ и ожиданія другихъ. Эти налоги—такова была твердая увѣренность ихъ сторонниковъ—должны были уменьшить привозъ иноземнаго хлѣба въ Германію. Но предсказаніе оказалось невѣрнымъ: за 1901 г. въ Германію было ввезено нѣсколько болѣе 2.306.000 тоннъ пшеницы, за 1902-ой годъ — до 2.202.000 тоннъ; въ 1903 г., т.-е. немедленно по установленіи налога, привозъ уменьшился только до 2.125.000 тоннъ; въ 1904—1905 годахъ онъ былъ уже значительно выше, чѣмъ до введенія налога. Ввозъ овса и ячменя даетъ сходныя цифры: избытки по ввозу этихъ хлѣбовъ совершенно парализовали уменьшеніе привоза ржи. Не оправдались и самыя грустныя предсказанія противниковъ хлѣбнаго налога: онъ не уменьшилъ потребленія рабочихъ классовъ въ такой мѣрѣ, какъ ожидали. Потребленіе кофе, чаю, сахару, керосина, табаку, начиная отъ 1903 г., было не ниже или даже значительно выше, нежели въ послѣдніе годы предъ повышеніемъ налога. А именно на этихъ предметахъ, предметахъ не первой необходимости, и должно было произойти сокращеніе, разъ малоимущіе граждане не хотѣли уменьшить потребленіе хлѣба. Если связать таможенную политику съ нашей внѣшней торговлей за долгій періодъ, напримѣръ отъ конца 50-хъ годовъ, когда начала покровительства были поколеблены, то окажется, что перемѣны въ таможенныхъ ставкахъ не имѣли очень

большого вліянія. Оживленіе внѣшней торговли Россіи, сопутствовавшее пониженію таможенныхъ налоговъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, сказалось и за послѣднее пятилѣтіе прошлаго и первое—текущаго вѣка, при очень высокомъ таможенномъ обложеніи. Значитъ, и въ Россіи не оправдались ожиданія фритредеровъ и протекціонистовъ. Очень далеки отъ дѣйствительности надежды послѣднихъ, говорившихъ, чрезъ своего выразителя Менделѣева, что довольно какихъ-нибудь 20 лѣтъ, дабы Россія отпускала хлѣбъ не въ зернѣ, а только въ мукѣ. Теперь, по истеченіи 18 лѣтъ со времени предсказанія, количество пшеничной и ржаной муки, вывозимой отъ насъ за границу, не составляетъ и 10% количества этихъ хлѣбовъ, отпускаемыхъ въ зернѣ (за 1908-ой годъ эти хлѣба въ зернѣ составили до 114½ милліоновъ пудовъ, а въ мукѣ — только немногимъ больше 9 милліоновъ). Но обманулись въ своихъ предположеніяхъ и фритредеры, увѣрявшіе, что высокія таможенныя подати затормазятъ ростъ русской внѣшней торговли.

Таковы результаты наблюденій за послѣднее время. Если охватить общее развитіе народнаго хозяйства какой-либо страны за довольно долгій періодъ, то окажется, что шаблонныя мнѣнія людей, писавшихъ о таможенной политикѣ, особенно въ духѣ протекціонизма, совершенно ошибочны. Процвѣтаніе Соединеннаго Королевства, Бельгіи, Голландіи, Германіи за 70-ые года прошлаго вѣка служитъ вѣскимъ опроверженіемъ всего того, что было говорено о необходимости охранительныхъ таможенныхъ налоговъ. Россія, при сравненіи съ другими государствами, представляетъ примѣръ еще болѣе интересный. Какъ громко ни кричали русскіе люди и, въ особенности, съ 70-хъ годовъ XIX-го вѣка, о необходимости самыхъ высокихъ таможенныхъ налоговъ, какъ ни велики были старанія русскаго правительства удовлетворить всѣ запросы промышленниковъ, какъ высоко ни взвинчивались ставки русскихъ таможенныхъ податей, наша страна не могла выйти изъ состоянія крайней бѣдности и глубокаго невѣжества, безпримѣрнаго среди культурныхъ и даже полу-цивилизованныхъ народовъ.

Въ таможенныхъ пошлинахъ видятъ одну изъ мѣръ борьбы на міровомъ рынкѣ. Существуетъ цѣлый рядъ болѣе вѣрныхъ путей для соперничества за внѣшніе рынки. Разсмотрѣніе этихъ путей составляетъ содержаніе весьма интересныхъ главъ VI-ой и VII-ой, озаглавленныхъ: „Что облегчаетъ завоеванія на внѣшнемъ рынкѣ“ и „Основныя условія успѣховъ народа въ міровомъ хозяйствѣ“. Здѣсь, прежде всего, идетъ рѣчь о торговыхъ музеяхъ, возникшихъ, въ послѣднее время, въ Вѣнѣ, Брюсселѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Филадельфіи, съ цѣлью распространенія свѣдѣній о міровомъ рынкѣ; о правильной постановкѣ консульской дѣятельности; о значеніи разъѣзжихъ при-

казчиковъ; о промышленныхъ выставкахъ; объ устройствѣ страною собственныхъ кредитныхъ учрежденій за границей; о дифференціальныхъ желѣзнодорожныхъ тарифахъ; о значеніи въ міровой торговлѣ синдикатовъ и трестовъ. Все перечисленное здѣсь имѣетъ немалое значеніе въ завоеваніяхъ внѣшняго рынка. Но основное условіе успѣховъ въ міровомъ хозяйствѣ авторъ видитъ въ качествахъ населенія, въ среднемъ типѣ, который выработанъ исторіей народа. Англо-германцамъ принадлежитъ первое мѣсто въ мірѣ хозяйства: вотъ положеніе, которое нерѣдко встрѣчаемъ въ литературѣ. Съ этимъ народомъ, говорятъ намъ, можетъ соперничать только небольшая часть французовъ и итальянцевъ, а также восточно-азіатовъ. Всѣ остальные люди бѣлой и другихъ расъ стоятъ позади: у нихъ меньше охоты къ труду и меньше выносливости въ работѣ. Французы выдѣляются бережливостью. Это позволяетъ имъ увеличивать свое благосостояніе, но не столько развиваетъ производство, сколько способствуетъ образованію класса рентьеровъ. Романскіе народы болѣе трезвы, чѣмъ англо-германцы; но это не уравновѣшиваетъ относительно меньшаго напряженія рабочей силы. Сѣверо-американцы, германцы, англичане, бельгійцы, швейцарцы умѣютъ работать съ большимъ напряженіемъ и большою выносливостью. Далѣе авторъ, заходя въ глубь исторіи, выясняетъ, почему англо-германцы развили въ себѣ болѣе, чѣмъ другіе народы, волю, работоспособность, тѣлесную, умственную и нравственную силу. Англо-германцы послужили также основой величія Соединенныхъ Штатовъ Америки. Бо̀льшая часть первыхъ поселенцевъ въ Сѣверной Америкѣ были англичане и, притомъ, люди наиболѣе независимаго характера и твердой воли. Они создали въ своей новой родинѣ демократическія учрежденія, среди которыхъ воспитывались дальнѣйшія поколѣнія и прибывающіе новые поселенцы. Въ числѣ новыхъ поселенцевъ главную массу составляли англичане, нѣмцы и скандинавы. Природа, исторія и учрежденія выработали типъ американца, рѣзко отличающійся отъ населенія Европы. „Кто изучалъ лица въ Америкѣ, именно въ мѣстахъ, гдѣ собирается много людей — на улицѣ, въ читальнѣ, въ народномъ собраніи,—того поразитъ въ истомъ янки энергія, которою запечатлѣны черты лица, бодрое стремленіе впередъ въ быстрыхъ движеніяхъ, счастливая увѣренность въ успѣхѣ". Американцы отличаются чувствомъ собственнаго достоинства. Ихъ гордость усиливается сознаніемъ, что всѣ они равны, независимы, что они — хозяева земли, которая воздѣлана ихъ же трудами, что они имѣютъ доступъ къ самой широкой иниціативѣ, не стѣсненной никакимъ контролемъ. При такихъ свойствахъ американцевъ понятна умѣренность ихъ въ потребленіи спиртныхъ напитковъ. Годовое потребленіе безводнаго спирта на душу, за послѣднее время, составляло

16,1 литровъ во Франціи, 11,2 въ Германіи, 9,2 въ Англіи и только 6 литровъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Если напомнить объ отличномъ состояніи народныхъ школъ, о сравнительно короткомъ рабочемъ днѣ, оставляющемъ пролетарію довольно много досуга для самообразованія, о многочисленности и общедоступности просвѣтительныхъ учрежденій, о высокой платѣ за трудъ, то мы поймемъ, что американскій работникъ стоитъ гораздо выше своего европейскаго собрата. Онъ здоровъ и силенъ; онъ весело смотритъ на будущее, такъ какъ ему открыты всѣ дороги.

Изобразивъ пути расширенія внѣшнихъ рынковъ, авторъ разсматриваетъ, затѣмъ, вліяніе мірового хозяйства на хозяйства народныя. Здѣсь прежде всего выступаетъ на сцену возрастаніе раздѣленія занятій и, тѣмъ самымъ, увеличеніе взаимной хозяйственной зависимости между народами. По мѣрѣ развитія мірового хозяйства, народъ наилучшимъ образомъ приноровляетъ свой трудъ къ естественнымъ богатствамъ своей страны; но въ то же время рѣзко уменьшенный ввозъ сырья, нужнаго для фабрикъ страны, не только отражается неблагопріятно на промышленности, обрабатывающей данное сырье, но задѣваетъ и другія промышленныя страны, а равно и интересы многихъ потребителей. Нѣмецкій экономистъ Фойгтъ вычисляетъ, что $^2/_3$ людей, занятыхъ въ германской промышленности, вполнѣ или отчасти зависятъ въ своей работѣ отъ привознаго сырья; а въ половинѣ XIX-го столѣтія германское народное хозяйство стояло еще „на собственныхъ ногахъ". Не чѣмъ другимъ, какъ расширеніемъ мірового хозяйства, объясняется угнетенное состояніе въ странахъ старой культуры сельскихъ хозяевъ за послѣднюю четверть XIX-го вѣка. Именно оно заставило ихъ искать защиты въ повышеніи таможенныхъ пошлинъ на сельскохозяйственные продукты. Но, съ другой стороны, міровое хозяйство благопріятствуетъ смягченію кризисовъ, которые переживала бы страна, продолжай она оставаться въ изолированномъ или мало затронутомъ внѣшней торговлей положеніи. Возьмемъ, для примѣра, явленіе первостепенной важности—величину урожая. Если въ оборотѣ участвуютъ двадцать странъ, то вѣроятіе неурожая у всѣхъ ихъ несравненно меньшее, нежели при участіи въ оборотѣ двухъ - трехъ странъ. Разъяснивъ и подкрѣпивъ эти общія положенія цѣлымъ рядомъ иллюстрацій изъ хозяйственной жизни различныхъ государствъ, авторъ устанавливаетъ такой тезисъ: „по мѣрѣ развитія мірового хозяйства обнаруживается все болѣе могущественное дѣйствіе силъ, которыя способны смягчать рѣзкость экономическихъ кризисовъ". А міровое хозяйство далеко еще не закончило своего цикла развитія; можно сказать даже, что оно всколыхнуло пока лишь нѣкоторую часть земного шара. „Конечно,—говоритъ авторъ—Западная Европа изучена

хорошо и уже достигла довольно высокой культуры; но только при безнадежномъ легкомысліи можно было бы утверждать, что близко извѣстна и захвачена культурой Европейская Россія, то-есть большая часть Европы. Соединенные Штаты поднялись очень высоко, но и тамъ культура охватываетъ не всю страну, а, главнымъ образомъ, область на востокъ отъ 100-го меридіана. Пріобщимъ сюда островки высокой гражданственности въ Азіи, Австраліи, Канадѣ. Въ Африкѣ только маленькіе клочки затронуты цивилизаціей. Для дѣятельности человѣка остается еще необозримое поле, безконечно большее того, на которомъ люди уже господствуютъ. Предъ нами Бразилія и Аргентина, съ площадью, значительно большею всей Европы. Тамъ живутъ только 26 милліоновъ людей. Благопріятный климатъ и необычайное плодородіе почвы позволятъ этимъ двумъ странамъ кормить безъ труда 700 милліоновъ душъ. Присоединимъ сюда остальныя части Южной Америки и Мексику, щедро надѣленныя дарами природы,—и мы получимъ пространство, гдѣ могутъ свободно размѣститься 300 милліоновъ людей. Далѣе—безпредѣльная Канада. Ея населеніе не достигаетъ 6-ти милліоновъ. Условія для веденія сельскаго хозяйства такъ благопріятны, что, въ среднемъ, она собираетъ урожаи на 25% выше, чѣмъ Соединенные Штаты. Подъ пшеницу могутъ быть взяты, по крайней мѣрѣ, 28 милліоновъ гектаровъ—а они легко будутъ ежегодно давать до 250 милліоновъ четвертей, то-есть почти вдвое больше, чѣмъ нынѣшнее производство пшеницы въ Соединенныхъ Штатахъ. Затѣмъ—Австралія. Здѣсь всего 6 милліоновъ людей занимаютъ площадь, только немногимъ уступающую Европѣ. Не забудемъ Азіатской Россіи; и она имѣетъ только 26 милліоновъ жителей. Пусть тундры, унылая сѣверная тайга препятствуютъ правильному заселенію даже двухъ третей этой площади: остается еще цѣлая треть, то есть больше чѣмъ половина Европы. Эта площадь можетъ содержать не одну сотню милліоновъ людей.—Къ тому, что перечислено, примыкаетъ цѣлый рядъ областей въ Азіи, и, частію, въ Европейской Россіи“.

Профессоръ Исаевъ въ многихъ своихъ трудахъ проводилъ мысль, что капитализмъ уступитъ мѣсто соціалистическому строю. Эту мысль высказываетъ онъ и въ разсматриваемой нами книгѣ, заканчивая ее слѣдующимъ вопросомъ: „Что̀ связываетъ соціализмъ съ міровымъ хозяйствомъ“? Поставивъ такой вопросъ, авторъ отвѣчаетъ: „Все, что поднимаетъ культуру народа, приближаетъ его къ новому общественному укладу. Міровое хозяйство является необходимою формой движенія человѣчества впередъ, а потому и содѣйствуетъ наростанію элементовъ, которые облегчатъ осуществленіе соціализма. Вліяніе мірового хозяйства въ этомъ направленіи особенно важно потому, что

къ воспріятію началъ соціализма подготовляется гораздо болѣе широкая площадь, нежели то возможно при слабомъ развитіи международныхъ отношеній. Перемѣщеніе капиталовъ изъ богатыхъ странъ въ бѣдныя поднимаетъ ихъ благосостояніе. Ускоренный ростъ крупнаго производства и оттѣсненіе мелкихъ промысловъ у отсталыхъ народовъ, при содѣйствіи иностранныхъ капиталовъ, сокращаетъ рабочій день, даетъ пролетаріату большій досугъ, открываетъ большій доступъ къ самообразованію. Вслѣдствіе непрестаннаго общенія между народами и въ странахъ экономически мало развитыхъ чаще возникаютъ и легче прививаются тѣ формы союзной жизни, которыя воспитываютъ дѣловые навыки въ обширныхъ кругахъ: артели разныхъ видовъ и наименованій, профессіональные союзы. Выселенцы изъ культурныхъ странъ, вступая въ рабочій классъ государствъ низшей цивилизаціи, распространяютъ ученіе соціализма въ его рядахъ. Сближеніе многомилліонныхъ массъ на почвѣ развитыхъ хозяйственныхъ отношеній между народами не остается безъ вліянія и на политику. Пролетаріатъ отсталыхъ государствъ имѣетъ все чаще случай присматриваться къ политической дѣятельности рабочихъ классовъ у своихъ культурныхъ сосѣдей. Это облегчаетъ сложеніе сильныхъ партій для истинно демократической работы и въ обществахъ менѣе развитыхъ. И у нихъ скорѣе наступаетъ время, когда эти партіи становятся способны вліять на законодательство. Развитіе мірового хозяйства содѣйствуетъ дальнѣйшимъ завоеваніямъ капитализма, достиженію имъ наивысшаго процвѣтанія, а съ тѣмъ вмѣстѣ образованію условій, которыя облегчаютъ переходъ къ соціализму".

Въ разсматриваемой книгѣ приведено множество фактовъ, показывающихъ, какъ капиталы, накопленные въ Европѣ, оплодотворяютъ хозяйственную жизнь новыхъ странъ. Разумное пользованіе иностранными капиталами позволило быстро развить народное хозяйство Австраліи и доставило ей видное мѣсто на міровомъ рынкѣ. Сходна съ этимъ судьба Аргентины. Въ половинѣ 70-хъ годовъ здѣсь подъ пшеницей было всего 85.000 гектаровъ; но приливъ иноземныхъ капиталовъ и переселенцевъ довелъ площадь пшеничныхъ полей до 4 милліоновъ гектаровъ, и Буэносъ-Айресъ сталъ принимать участіе въ регулированіи міровыхъ цѣнъ на пшеницу. Съ конца 70-хъ годовъ до 1895-го года въ Аргентинѣ было помѣщено болѣе 463 милліоновъ долларовъ иностраннаго капитала. Въ 1893 г. тамъ было только 1.104 километра желѣзныхъ дорогъ, а въ 1906-мъ—больше 25.000 километровъ. Подобная характеристика примѣнима и ко многимъ другимъ странамъ. Укажемъ хотя бы на Мексику. Хотя это государство еще не достигло высокаго уровня гражданственности, но иностранные капиталы позволили положить тамъ основаніе металлургіи,

хлопчато-бумажному дѣлу, сахароваренному, шелковому. Безъ иностранныхъ капиталовъ эти страны и теперь находились бы въ полудикомъ состоянiи. Русская промышленность представляетъ также обширное поле для наблюденiй такого рода. Съ самаго начала XIX-го вѣка русское правительство старалось водворить чугуннoплавильное производство на югѣ Россiи. Попытки эти были безуспѣшны до начала 70-хъ годовъ, когда за дѣло взялся англичанинъ Юзъ, образовавъ въ Лондонѣ общество съ капиталомъ въ 300.000 фунтовъ стерлинговъ. Сходна съ этимъ и исторiя Кривого Рога. Дѣло стало на торную дорогу только въ 1880-мъ году, послѣ учрежденiя въ Парижѣ французскаго общества криворожскихъ рудъ, съ капиталомъ въ 5 миллiоновъ франковъ. По слѣдамъ этого общества направились французскiе и бельгiйскiе капиталисты и за короткое время развили металлургiю въ южной Россiи. Сооруженiе русской желѣзнодорожной сѣти стало возможнымъ только потому, что изъ-за границы непрерывно приливали капиталы для этой цѣли; въ русскомъ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ ихъ помѣщено больше 4 милліардовъ рублей. Можно уловить тѣсную связь между приливомъ иностранныхъ капиталовъ въ Россiю и тѣми новѣйшими успѣхами, которые сдѣлала русская промышленность.

Изъ сдѣланнаго нами бѣглаго очерка новой книги проф. Исаева видно, какихъ важныхъ вопросовъ экономической науки она касается и какой богатый фактическiй матерiалъ предлагаетъ читателю.

И. Иванюковъ.

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА въ 1909-мъ году.

Въ рядѣ крупныхъ трудовъ по отечественной исторiи, появившихся въ 1909 г., выдаются двѣ диссертацiи, принадлежащiя ученикамъ В. О. Ключевскаго. Книга М. М. Богословскаго посвящена интересному и важному вопросу о земскомъ самоуправленiи на русскомъ сѣверѣ въ XVII-мъ вѣкѣ. Вышедшая пока первая часть, снабженная прекрасной картой, знакомитъ съ географическими и соцiально-историческими условiями Поморья. Это изслѣдованiе, основанное на изученiи первоисточниковъ, написано языкомъ образнымъ и яркимъ. Диссертацiя А. А. Кизеветтера представляетъ чрезвычайно обстоятельный комментарiй къ городовому положенiю Екатерины II; особенно много потрудился авторъ надъ выясненiемъ генезиса реформы.

Пересмотру основныхъ вопросовъ древне-русской исторіи посвящена книга А. Е. Прѣснякова: „Княжое право въ древней Руси“. Авторъ ставитъ свое изслѣдованіе на сравнительно - историческую почву и, умѣло пользуясь западно-европейскими параллелями, удачно выясняетъ происхожденіе и развитіе соціально-правовыхъ институтовъ Кіевской Руси. Особенно цѣненъ этюдъ о дружинѣ. Спорнымъ является отрицаніе г. Прѣсняковымъ очередного порядка княжескаго владѣнія, установившагося послѣ смерти Ярослава; здѣсь критическія замѣчанія автора нерѣдко весьма остроумны, но въ общемъ, какъ и его экскурсы въ область славянскаго семейнаго права, они далеко не рѣшаютъ вопроса.

Друзья и соратники безвременно скончавшагося Н. П. Павлова-Сильванскаго предприняли изданіе собранія его сочиненій, въ трехъ томахъ. Пока вышли два тома, заключающіе въ себѣ извѣстный трудъ о происхожденіи русскаго дворянства („Государевы служилые люди“) и рядъ статей по исторіи XVIII—XIX в.в. Въ составъ третьяго тома войдетъ изслѣдованіе о боярщинѣ и общинѣ древней Руси, заключающее въ себѣ мотивировку съ такимъ блескомъ выдвинутой покойнымъ историкомъ теоріи русскаго феодализма. Нельзя не пожалѣть, что издатели не включили въ собраніе сочиненій давно уже вышедшей изъ продажи работы Павлова-Сильванскаго о проектахъ реформъ современниковъ Петра Великаго.

Восемнадцатому вѣку посвящена любопытная по собранному фактическому матеріалу книга г. Строева: „Бироновщина и кабинетъ министровъ“; въ оригинальномъ освѣщеніи выставлены авторомъ личность и дѣятельность Бирона. Резюмируя труды предшествующихъ изслѣдователей, проф. Ѳирсовъ въ небольшой книжкѣ дѣлаетъ попытку дать соціолого-психологическое истолкованіе Пугачевщины.

По исторіи общественнаго движенія XIX-го вѣка на первый планъ надо поставить капитальный трудъ В. И. Семевскаго объ идеологіи декабристовъ. Здѣсь данъ исчерпывающій обзоръ политическихъ и общественныхъ идей дѣятелей 14-го декабря 1825-го года. Весьма цѣнна группировка иностраннаго матеріала, освѣщающаго постановку многихъ вопросовъ въ программѣ декабристовъ. Перу В. И. Семевскаго принадлежитъ также интересная статья о Н. И. Тургеневѣ, помѣщенная въ первыхъ двухъ книжкахъ „Вѣстника Европы“ за 1909 г.

Весьма любопытна книга проф. Петрова: „Очерки политической поэзіи XIX вѣка“, знакомящая съ изображеніемъ Россіи Николаевской эпохи въ испанской литературѣ; особенно интересны соображенія автора относительно испанскихъ революціонеровъ и русскихъ декабристовъ. Въ отдѣльномъ изданіи вышла печатавшаяся ранѣе въ журналѣ „Минувшіе Годы“ работа г. Корнилова объ обще-

ственномъ движенiи при Александрѣ II. Она даетъ умѣло подобранный матерiалъ и ясно намѣчаетъ основные моменты эпохи. Нашему недалекому, но богатому событiями прошлому посвящена обильно иллюстрированная книга В. П. Обнинскаго: „Новый строй".

Въ двухъ обширнѣйшихъ книгахъ (каждая по 1.100 стр.) выпустилъ В. С. Иконниковъ второй томъ своего грандiознаго труда: „Опытъ русской исторiографiи". Этотъ трудъ, поражающiй своей эрудицiей, можетъ быть названъ энциклопедiей русской исторiи. Авторъ широко понимаетъ свою задачу и, не ограничиваясь одними сухими литературно-библiографическими указанiями, даетъ цѣлые историческiе очерки эпохъ и перiодовъ.

Изъ общихъ сочиненiй по русской исторiи отмѣтимъ продолженiе роскошно-иллюстрированнаго изданiя бр. Гранатъ: „Исторiя России въ XIX вѣкѣ". Изданiе это уже близится къ концу: изъ предположенныхъ 35 выпусковъ вышли въ свѣтъ 27. Какъ всякое коллективное предпрiятiе, настоящее изданiе на ряду съ болѣе удачными статьями заключаетъ и менѣе удачныя, но въ общемъ оно даетъ яркое освѣщенiе историческихъ судебъ России въ истекшемъ столѣтiи. Особенное вниманiе обращаютъ на себя оригинальныя статьи М. Н. Покровскаго и превосходный этюдъ К. А. Тимирязева по исторiи опытныхъ наукъ. О другомъ, прекрасно выполненномъ съ внѣшней стороны изданiи: „Москва въ ея прошломъ и настоящемъ" идетъ рѣчь ниже, въ литературномъ обозрѣнiи. Большое, еще не оконченное изданiе „Общественное движенiе въ Россiи въ началѣ XX вѣка", подъ редакцiей Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова, представляетъ богатый, умѣло и сравнительно объективно подобранный матерiалъ.

Торжественно отпразднованный въ 1909-мъ году юбилей полтавской побѣды не вызвалъ оживленiя въ научно-спецiальной литературѣ. Появились цѣлые вороха брошюръ, сборниковъ, листковъ и т. д., написанныхъ, большею частью, по восторженно-патрiотическому шаблону; единственное исключенiе представляетъ солидное четырехтомное изданiе Императорскаго Военно-историческаго Общества (два тома собранiя матерiаловъ и два тома изслѣдованiя).

Чрезвычайно интересно изданiе великаго князя Николая Михаиловича: „Императрица Елизавета Алексѣевна". Здѣсь въ красивой внѣшней оправѣ дана бiографiя супруги императора Александра I, построенная на историческомъ фонѣ и сообщающая много новыхъ, ранѣе недоступныхъ документальныхъ данныхъ.

Переходя къ обзору журналовъ, помѣщавшихъ статьи по русской исторiи, надо прежде всего указать на пустоту, образовавшуюся съ прекращенiемъ журналовъ „Былое" и „Минувшiе Годы". Эти журналы

давали много новаго и цѣннаго матеріала, освѣщали многія страницы нашей общественной исторіи. Единственнымъ напоминаніемъ о нихъ явился сборникъ „О минувшемъ“, давшій немало любопытнаго матеріала. Отдѣльныя интересныя воспоминанія и документальныя данныя встрѣчались на страницахъ „Русской Старины“ (особеннаго вниманія заслуживаютъ мемуары А. Ѳ. Кони) и „Русскаго Архива“. Меньше, въ этомъ отношеніи, давалъ „Историческій Вѣстникъ“. Въ историческомъ отдѣлѣ „Вѣстника Европы“, кромѣ упомянутаго выше труда В. И. Семевскаго, напечатаны статьи проф. Миллера, А. Ѳ. Кони, А. С. Пругавина, г. Кудряшова и др.; въ „Русской Мысли“ обращаютъ на себя вниманіе блестящая статья В. О. Ключевскаго о русскомъ обществѣ въ моментъ смерти Петра Великаго и первыя главы монографіи Корнилова о семьѣ Бакуниныхъ.

По археологіи и отечественнымъ древностямъ укажемъ на новыя изданія Императорской Археологической Коммиссіи, Императорскаго Петербургскаго Археологическаго Института (послѣдній выпускъ органа Института—„Вѣстника Археологіи и Исторіи“—посвященъ церковной старинѣ г. Костромы) и Московскаго Археологическаго Института. Послѣдній, недавно возникшій, выпустилъ цѣлую серію томовъ „Записокъ“, съ учеными трудами своихъ сочленовъ, историческими матеріалами (напр. проредактированными проф. А. Н. Филипповымъ журналами правительствующаго сената за 1737-ой годъ) и курсами своихъ лекторовъ; изъ этихъ курсовъ отмѣтимъ „Первобытную археологію“ В. А. Городцова, „Исторію русскаго искусства“ А. И. Успенскаго, „Введеніе въ нумизматику“ В. К. Трутовскаго, „Генеалогію“ Л. М. Савёлова и „Геральдику“ Ю. В. Арсеньева. Изъ изданій провинціальныхъ архивныхъ коммиссій заслуживаютъ особаго упоминанія изданные Владимірской коммиссіей „Труды III областного съѣзда во Владимірѣ“. По этнографіи и обычному праву Бѣлоруссіи, въ связи съ ея исторіей, немало интереснаго представляетъ первый томъ „Изслѣдованій и статей“ проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго.

На ряду съ изученіемъ отечественной исторіи русскіе изслѣдователи немало трудятся надъ разработкой вопросовъ всеобщей (преимущественно западно-европейской) исторіи. Нельзя не отмѣтить продуктивность этой работы. Многія основныя проблемы всеобщей исторіи получили новое освѣщеніе въ трудахъ русскихъ ученыхъ; достаточно назвать П. Г. Виноградова, Н. И. Карѣева, М. М. Ковалевскаго, И. В. Лучицкаго, М. И. Ростовцева, Б. А. Тураева.

Въ истекшемъ году М. М. Ковалевскій издалъ по-французски переработанную первую часть своего „Происхожденія современной демо-

кратіи"—La France économique et sociale à la veille de la Révolution [1]). На русскомъ языкѣ проф. Ковалевскій напечаталъ два тома „Соціологіи".

Проф. П. Г. Виноградовъ выпустилъ небольшой, изящно-изданный томикъ своихъ лекцій по исторіи римскаго права въ средніе вѣка (Roman Law in medieval Europe). Здѣсь сказались всѣ сильныя стороны нашего крупнѣйшаго медіевиста. Особенно цѣнны главы о рецепціи римскаго права во Франціи и Англіи. Нельзя не пожелать, чтобы этотъ трудъ какъ можно скорѣе былъ переведенъ на русскій языкъ. По иниціативѣ и подъ редакціей проф. Виноградова начали выходить труды его Оксфордскаго семинарія, подъ общимъ заглавіемъ: „Oxford Studies of social and economic history"; въ первомъ томѣ этого изданія помѣщена англійская переработка первыхъ главъ книги А. И. Савина объ англійской секуляризаціи.

Проф. Карѣевъ издалъ первую часть VI-го тома своей капитальной „Исторіи Западной Европы въ новое время" (см. „Литературное Обозрѣніе" въ ноябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы"). Гораздо ниже этого труда стоитъ курсъ исторіи XIX-го вѣка, составленный профессоромъ Ардашевымъ въ видѣ дополненія къ извѣстнымъ лекціямъ по всемірной исторіи покойнаго харьковскаго профессора Петрова.

Аграрной исторіи Англіи посвящена работа И. Н. Граната: „Къ вопросу объ обезземеленіи крестьянства въ Англіи". Разборъ ея данъ П. Г. Виноградовымъ (въ „Русской Мысли") и М. М. Ковалевскимъ (въ „Вѣстникѣ Европы").

О двухъ яркихъ новинкахъ истекшаго года—объ „Исторіи аѳинской демократіи" проф. В. П. Бузескула и о книгѣ Е. В. Тарле: „Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи"—мы уже высказывались на страницахъ „Вѣстника Европы" (№№ 3 и 8). Другой капитальный трудъ проф. Бузескула: „Введеніе въ исторію Греціи", вышелъ, съ дополненіями автора, въ чешскомъ переводѣ.

Г. Яковенко напечаталъ небольшое изслѣдованіе о византійскомъ иммунитетѣ (экскусіи). Авторъ, умѣло разобравшійся въ своемъ матеріалѣ, не использовалъ, къ сожалѣнію, сравнительно-историческихъ данныхъ и не вполнѣ точно выяснилъ генезисъ иммунитета. Между тѣмъ, изученіе феодализма все болѣе и болѣе становится на сравнительно-историческую почву; все собираются и группируются матеріалы для общей конструкціи сравнительной исторіи феодализма. Въ русской литературѣ истекшаго года этотъ вопросъ затронутъ диссертаціею г. Адонца „Арменія въ эпоху Юстиніана": гдѣ немало говорится о своеобразныхъ видахъ армянскаго феодализма.

[1]) Въ нѣмецкомъ переводѣ вышелъ трудъ М. М. Ковалевскаго: „Экономическій ростъ Западной Европы".

Изъ работъ по культурной исторіи укажемъ на обширный трудъ проф. В. И. Герье: „Блаженный Августинъ". Это—прекрасно написанный очеркъ жизни и дѣятельности подвижника и искателя „Божьяго царства", въ связи съ историческими событіями его времени. Г-жа Петрункевичъ выпустила объемистый трудъ о Кола ди-Ріенцо; мы предполагаемъ посвятить ему особую замѣтку. Для исторіи итальянской культуры и литературы XIV-го в. чрезвычайно важны первые два тома академическаго изданія сочиненій Александра Николаевича Веселовскаго. Въ первомъ томѣ помѣщено классическое изслѣдованіе: Вилла Альберти.

Проф. Э. Д. Гриммъ въ небольшой работѣ далъ яркій и оригинальный очеркъ политическихъ воззрѣній Ип. Тэна. Въ издаваемой фирмою Брокгаузъ-Ефронъ „Исторіи Европы по эпохамъ и странамъ" вышли книжки проф. Погодина по исторіи Сербіи, г. Лозинскаго по исторіи Бельгіи и Голландіи и г. Борецкаго-Бергфельда по исторіи Румыніи. Научно-популярный характеръ носятъ собранныя въ двухъ томахъ статьи (преимущественно по XVIII и XIX в.в.) Г. Е. Афанасьева. Интересъ для историка представляютъ и нѣкоторыя юридическія работы. Такъ, въ книгѣ П. И. Новгородцева „Кризисъ современнаго правосознанія" [1]) обращаетъ на себя вниманіе анализъ ученія Руссо и революціонныхъ доктринъ. Образная характеристика рецепціи римскаго права представлена въ блестящемъ этюдѣ проф. І. Покровскаго: „Естественно-правовыя теоріи въ исторіи гражданскаго права". Много оригинально скомбинированнаго матеріала по внѣшней политикѣ временъ „стараго порядка" и XIX-го вѣка даетъ изслѣдованіе С. А. Котляревскаго: „Правовое государство и внѣшняя политика".

Изъ журнальныхъ статей по всеобщей исторіи отмѣтимъ цѣнный этюдъ проф. П. Г. Виноградова: „Аристотель о возстановленіи нарушеннаго права" (въ журналѣ „Гермесъ"), работу г. Вульфіуса о религіозныхъ воззрѣніяхъ Вольтера (въ „Журн. Мин. Нар. Просв."), критическую статью С. А. Жебелева о Павзаніи (тамъ же), обстоятельную рецензію проф. Ардашева на книгу А. М. Ону (тамъ же), статью проф. И. В. Лучицкаго о раздѣлѣ общинныхъ земель въ Германіи XVIII-го вѣка („Вѣстникъ Европы").

По восточной археологіи выдается капитальное изданіе Московскаго Археологическаго Общества, заключающее въ себѣ редактированные М. В. Никольскимъ документы хозяйственной отчетности древнѣйшей эпохи Халдеи. Археологическая Коммиссія выпустила, подъ ред. Я. И. Смирнова, большой атласъ восточнаго серебра, найденнаго въ

[1]) Объ этой книгѣ подробно говоритъ М. М. Ковалевскій въ декабрьской книгѣ „Вѣстника Европы" (стр. 849—854).

предѣлахъ Россіи, но, къ сожалѣнію, этому атласу пока еще не сопутствуетъ соотвѣтствующее разъясненіе. Б. А. Тураевъ продолжалъ изданіе „Памятниковъ эѳіопской письменности“ (вышли VII и VIII выпуски). По классической археологіи, въ великолѣпномъ изданіи Русскаго Археол. Общества, вышелъ превосходный трудъ проф. М. И. Ростовцева: „Эллинистическо-римскій архитектурный пейзажъ“; это крайне детальное изслѣдованіе въ конечныхъ результатахъ открываетъ широкія культурно-историческія перспективы. Древностямъ черноморскаго побережья посвященъ блестящій этюдъ проф. фонъ-Штерна, читанный на берлинскомъ конгрессѣ историковъ: „Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres im Lichte archäologischer Forschung“ (въ журналѣ „Klio“) и сборникъ статей академика Латышева подъ общимъ заглавіемъ „Ποντικά“. Первый русскій курсъ по эпиграфикѣ даютъ лекціи проф. Новосадскаго; вышедшій первый томъ содержитъ историческій очеркъ эпиграфическихъ открытій. Въ заключеніе отмѣтимъ изданный графиней П. А. Уваровою цѣнный трудъ графа А. С. Уварова: „Символика древнехристіанскаго періода“ и академическое изданіе археологическаго обслѣдованія Македоніи академика Кондакова.

И. Бороздинъ.

НЕЗАСЛУЖЕННО ЗАБЫТЫЙ РАЗСКАЗЪ А. П. ЧЕХОВА.

Въ одномъ изъ писемъ къ А. Н. Плещееву, относящемся къ 1888 г., А. П. Чеховъ писалъ, между прочимъ: „Въ истекшій сезонъ я написалъ „Степь“, „Огни“, пьесу, два водевиля, массу мелкихъ разсказовъ, началъ романъ... И что же? Если промыть сто пудовъ этого песку, то получится (если не считать гонорара) пять золотниковъ золота—только“.

Этотъ милый, чисто чеховскій смѣшокъ—обычное явленіе въ письмахъ покойнаго писателя, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходится говорить о своихъ работахъ. Всегда онъ подтруниваетъ надъ своими „повѣстушками“: про одну изъ нихъ онъ выражается, что она „скучна, какъ статистика сольвычегодскаго уѣзда“, сообщаетъ, что „гуляючи, отмахалъ комедію“, увѣряетъ, что пьесы пишетъ „исключительно для вдовы, такъ какъ рано или поздно не миную общей участи и женюсь“ и т. под.

Съ такимъ же смѣшкомъ говоритъ онъ на каждомъ шагу и о томъ, что писать ему приходится „пуръ манже". „Чтобъ не остаться безъ гроша, спѣшу писать всякую чепуху". „Буду во всѣ лопатки стараться заработать какъ можно больше, чтобы опять провести лѣто ничего не дѣлая". „Не буду спѣшить со „Степью" и нацарапаю ради гонорара что-нибудь въ „Новое Время" и „Пет. Газету"."—Такія выраженія попадаются чуть не на каждомъ шагу въ его письмахъ именно этого періода. А между тѣмъ періодъ этотъ—въ частности и самый 1888-ой годъ—былъ, по всей видимости, временемъ несомнѣннаго перелома въ литературной дѣятельности А. П. Онъ старался создавать вещи болѣе крупныя по размѣрамъ и болѣе значительныя по содержанію, чѣмъ тѣ маленькіе разсказики, которые писалъ до тѣхъ поръ.

Именно въ это время въ письмахъ его постоянно проскальзываютъ указанія на то, что онъ работаетъ надъ романомъ (повидимому, изъ этого „романа" вышла или „Скучная Исторія", или же, можетъ быть, повѣсть „Дуэль"). Именно въ этомъ году появляются въ „Сѣверн. Вѣстникѣ" первые его большіе разсказы: весной напечатана была „Степь", въ іюньской книжкѣ—„Огни", въ одной изъ осеннихъ книжекъ—„Именины"; въ томъ же году закончена была первая его пьеса „Ивановъ". Словомъ, годъ былъ урожайный для А. П., работоспособность была проявлена имъ чрезвычайная, и имя автора начало пріобрѣтать популярность во всѣхъ кругахъ читающей публики.

Почти каждое произведеніе этого года заставляло говорить о себѣ. Больше всего толковъ вызвала пьеса „Ивановъ". Ее много и сердито критиковали, но у нея оказалось и много поклонниковъ, и на сценѣ она шла съ большимъ успѣхомъ. „Степь" тоже критиковали, и довольно строго, но съ большей доброжелательностью, и по поводу ея на автора возлагали большія надежды. Понравились и „Именины". Между прочимъ, въ письмѣ къ тому же А. Н. Плещееву, завѣдывавшему въ то время беллетристическимъ отдѣломъ „Сѣв. Вѣстника", самъ Чеховъ сообщалъ, что „актеры Малаго театра нарасхватъ читаютъ „Именины". Имъ нравится. Особенно женскому полу пришлось по вкусу".

Въ числѣ произведеній, написанныхъ въ этомъ году, Чеховъ упоминаетъ и про „Огни". Что это за разсказъ? Помнитъ ли его кто-нибудь изъ читателей? Помнятъ ли его героиню Кисочку? Помнятъ ли тѣ грустныя, истинно чеховскія думы, устремленныя въ тайны человѣческой жизни и вѣчныя загадки міра, которыми полонъ разсказъ? Знакомо ли, наконецъ, съ этимъ произведеніемъ новое поколѣніе читателей, изучающее Чехова уже не по журналамъ, гдѣ онъ впервые печатался, а по десятымъ и пятнадцатымъ изданіямъ

его сборниковъ, или по приложеніямъ къ „Нивѣ“? Это—большой вопросъ.

Дѣло въ томъ, что „Огни“, напечатанные въ іюньской книжкѣ „Сѣв. Вѣстника“—значитъ, въ пору лѣтнюю, глухую,—сколько помнится, почти не удостоились вниманія „большой критики“ *и такъ-таки и остались похороненными въ этомъ журналѣ. Ни разу* впослѣдствіи разсказъ этотъ не былъ переизданъ, ни отдѣльно, ни въ тѣхъ сборникахъ, которыми выходили тогда чеховскіе разсказы. Это странное забвеніе тяготѣетъ надъ разсказомъ и по сію пору. Ни въ выпущенныхъ г. Марксомъ томахъ собранія сочиненій А. П. Чехова нѣтъ этого разсказа, ни въ тѣхъ шестнадцати томикахъ, которые были приложены къ „Нивѣ“ въ 1903 г.

Мы не освѣдомлены, на комъ лежалъ трудъ редакціи сочиненій А. П. въ изданіи г. Маркса, и никакъ не можемъ понять, почему изъ такого изданія, въ которомъ нашлось мѣсто, напримѣръ, „Роману съ контрабасомъ“, исключенъ такой большой и серьезный разсказъ, какъ „Огни“ [1]). Приходится допустить, что и самъ авторъ не особенно заботился о томъ, чтобы напомнить читателямъ объ „Огняхъ“. Можетъ быть, именно въ нихъ онъ находилъ очень немного тѣхъ „золотниковъ золота“, о которыхъ съ такимъ юморомъ говорится у него въ приведенномъ выше отрывкѣ изъ письма къ Плещееву? Но совсѣмъ не цѣнить этого произведенія Чеховъ не могъ. Въ его письмахъ того времени имѣются указанія, свидѣтельствующія объ интересѣ его къ „Огнямъ“.

Какъ бы ни относился самъ авторъ къ „Огнямъ“ и по какому бы недоразумѣнію ни пропустили этотъ разсказъ гг. издатели сочиненій А. П., для насъ теперь вопросъ стоитъ иначе. Именно теперь, когда интересъ къ Чехову растетъ съ каждымъ годомъ, когда покойнаго писателя, не слишкомъ избалованнаго вниманіемъ и снисхожденіемъ критики при жизни, принялись старательно и любовно *изучать*, когда довольно-таки безплодные толки о его публицистическомъ credo отступаютъ на второй планъ передъ стремленіемъ проникнуть въ духъ его поэзіи и выяснить развитіе его творчества—такого смѣлаго, свободнаго, новаторскаго по своимъ пріемамъ,—теперь, когда производятся усердныя, хотя, къ сожалѣнію, не всегда умѣлыя раскопки въ „Осколкахъ“ и „Пет. Газетѣ“,—кажется совсѣмъ не лишнимъ вырвать изъ когтей забвенія и „Огни“. Этотъ разсказъ несомнѣнно отмѣченъ именно той утонченной чеховской вдумчивостью, тѣми специфическими настроеніями, которыя въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Че-

[1]) Точно также ни разу не былъ переизданъ и не вошелъ въ собраніе сочиненій другой разсказъ А. П.: „У знакомыхъ“, напечатанный, въ 1899 г., въ № 2 журн. „Cosmopolis“ (русскій отдѣлъ, ред. Ѳ. Д. Батюшкова).

хова окончательно покорили себѣ читающую публику. Важны „Огни" и для пониманія того переходнаго момента въ творчествѣ писателя, который, какъ намъ кажется, совпадаетъ какъ разъ съ временемъ появленія этого разсказа.

Разсказъ съ внѣшней стороны ведется по манерѣ, къ которой Чеховъ, въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ, прибѣгалъ сравнительно рѣдко. Пріятельская бесѣда случайно сошедшихся людей, съ повѣствованіемъ одного изъ нихъ въ центрѣ разсказа—эта манера, столь излюбленная у насъ Тургеневымъ въ его небольшихъ повѣстяхъ, а у французовъ Мопассаномъ въ его коротенькихъ новеллахъ,—встрѣчается у Чехова только въ его маленькой трилогіи: „Человѣкъ въ футлярѣ", „Крыжовникъ", „О любви"; отчасти такъ написана „Аріадна", можетъ быть еще два-три маленькихъ разсказа. Сюжетъ „Огней" заключенъ именно въ эту рамку.

Какъ-то поздно вечеромъ, авторъ, отъ лица котораго ведется разсказъ, возвращался верхомъ съ ярмарки къ помѣщику, у котораго гостилъ, и сбился съ дороги. Постучавшись въ первый попавшійся баракъ, онъ встрѣтилъ тамъ радушный пріемъ и познакомился съ его обитателями—инженеромъ и студентомъ, работавшими на постройкѣ желѣзной дороги. „Какъ это бываетъ съ людьми, чужими другъ другу, мы—разсказываетъ авторъ—познакомились, подружились и, сначала за чаемъ, потомъ за виномъ, чувствовали уже себя такъ, какъ будто были знакомы цѣлые годы. Черезъ какой-нибудь часъ я уже зналъ, кто они и какъ судьба занесла ихъ изъ столицы въ далекую степь, а они знали, кто я, чѣмъ занимаюсь и какъ мыслю".

Новые знакомые оказались очень мало похожими другъ на друга. Благодушный съ виду, не знающій отдыха на работѣ инженеръ Ананьевъ испыталъ на себѣ всю трудность и сложность жизненныхъ загадокъ и коллизій и хотѣлъ бы теперь убѣдить каждаго, какъ важно прислушиваться къ требованіямъ жизни, не полагаясь только на свое мышленіе. Его помощникъ, студентъ фонъ-Штенбергъ—у котораго не только въ психикѣ, но и въ наружности почти ничего не сохранилось отъ его предковъ, остзейскихъ бароновъ—наоборотъ, не вѣритъ, чтобъ изъ всей этой жизненной неразберихи можно было сдѣлать какіе-нибудь опредѣленные выводы. Онъ склоненъ, поэтому, гораздо больше философствовать о безцѣльности и ненужности жизни и, вообще, придерживается упрямо засѣвшаго въ немъ убѣжденія, что „никто ничего не знаетъ и ничего нельзя доказать". Инженера раздражаетъ направленіе мыслей его юнаго товарища, и, чтобы показать ему, къ какимъ тяжелымъ послѣдствіямъ это можетъ привести въ практикѣ жизни, онъ разсказываетъ одинъ эпизодъ изъ своей молодости. Этотъ эпизодъ и составляетъ главное содержаніе „Огней".

По окончаніи курса въ институтѣ, Ананьевъ, проѣздомъ на Кавказъ, попадаетъ на нѣсколько дней въ родной городъ. Конечно, скоро его тамъ начинаетъ одолѣвать скука, и онъ, по его выраженію, начинаетъ „сладострастничать мыслями о безцѣльной жизни и загробныхъ потемкахъ“, не забывая, однако, комбинировать эти свои высокія мысли съ самой низменной прозой—„отдавать должную дань бюстамъ и ножкамъ“. „Говоря по совѣсти, насколько я себя помню, отношенія мои къ женщинамъ тогда были самыя оскорбительныя. Я, сынъ благородныхъ родителей, христіанинъ, получившій высшее образованіе, по природѣ не злой и не глупый, не чувствовалъ ни малѣйшаго безпокойства, когда платилъ женщинамъ, какъ говорятъ нѣмцы, Blutgeld или когда провожалъ гимназистокъ оскорбительными взглядами... Кто знаетъ, что жизнь безцѣльна и смерть неизбѣжна, тотъ очень равнодушенъ къ борьбѣ съ природой и къ понятію о грѣхѣ: борись или не борись, все равно умрешь и сгніешь. Во-вторыхъ, наше мышленіе поселяетъ даже въ очень молодыхъ людяхъ такъ называемую разсудочность. Преобладаніе разсудка надъ сердцемъ у насъ подавляющее. Непосредственное чувство, вдохновеніе — все задушено мелочнымъ анализомъ. Гдѣ же разсудочность, тамъ холодность, а холодные люди—нечего грѣха таить—не знаютъ цѣломудрія. Эта добродѣтель знакома только тѣмъ, кто тепелъ, сердеченъ и способенъ любить... Въ-третьихъ, наше мышленіе, отрицая смыслъ жизни, тѣмъ самымъ отрицаетъ и смыслъ каждой отдѣльной личности. Понятно, что если я отрицаю личность какой-нибудь Натальи Степановны, то для меня рѣшительно все равно, оскорблена она или нѣтъ. Сегодня оскорбилъ ея человѣческое достоинство, заплатилъ ей Blutgeld, а завтра ужъ и не помнишь о ней“.

Наталья Степановна, или, попросту, Кисочка, дѣйствительно, становится жертвой легкомысленнаго отношенія Ананьева къ женщинамъ. Знакомъ онъ былъ съ Кисочкой когда-то давно, еще гимназистомъ, былъ влюбленъ въ нее по уши, вмѣстѣ съ большинствомъ своихъ сверстниковъ, питалъ къ ней чистое, трогательное чувство; но теперь, столкнувшись съ ней въ родномъ городѣ, онъ уже не можетъ смотрѣть на нее иначе, чѣмъ какъ не велѣно въ Евангеліи. Кисочка же, успѣвшая за это время выйти замужъ, пополнѣть и возмужать, искренно рада встрѣчѣ, восхищена успѣшной карьерой ея бывшаго поклонника. Въ ея глазахъ, когда она разговариваетъ съ нимъ, свѣтятся радость и доброжелательство. „Она любовалась мной, какъ старшая сестра, или учительница, а я глядѣлъ на ея милое лицо и думалъ:—хорошо бы сегодня сойтись съ ней“.

Старые пріятели погуляли вмѣстѣ, а потомъ Кисочка зазвала къ себѣ инженера пить чай.—„Я дома одна... Мужъ всегда въ городѣ

и возвращается только ночью, да и то не каждый день, и у меня, признаться, такая скука, что просто смерть". „Я—разсказываетъ Ананьевъ—шелъ за ней, любовался ея спиной и плечами. Мнѣ было пріятно, что она замужемъ... что ея мужа нѣтъ дома. Но въ то же время я чувствовалъ, что роману не быть". И, сидя за чайнымъ столомъ съ Кисочкой, Ананьевъ все болѣе и болѣе убѣждался, что онъ долженъ будетъ уйти отъ нея, какъ самъ выражался, „не солоно хлебавши",—такъ просто, чистосердечно и доброжелательно относилась къ нему Кисочка. Тѣмъ не менѣе, Ананьевъ попробовалъ на всякій случай перейти на фамильярный тонъ, попросилъ позволенія называть ее по старому „Кисочкой" и завелъ разговоръ о сплетняхъ, ходившихъ въ городѣ насчетъ мѣстныхъ барынь. Но Кисочка и тутъ не уловила никакихъ пошлыхъ замысловъ и отвѣчала просто и даже съ грустью, что мѣстнымъ интеллигентнымъ дѣвушкамъ, за неимѣніемъ въ городѣ порядочныхъ, развитыхъ людей, приходится выходить замужъ за „разныхъ маклеровъ да пиндосовъ", и впослѣдствіи, при встрѣчѣ съ настоящимъ человѣкомъ, онѣ, понятное дѣло, легко влюбляются и уходятъ отъ мужей. Словомъ, простота и искренность Кисочки такъ подѣйствовали на Ананьева, что подъ конецъ онъ и самъ поддался ея настроенію и дѣло бы на этомъ и кончилось. Ананьевъ простился съ Кисочкой и, прощаясь, почувствовалъ, что передъ нимъ стоитъ хорошій, доброжелательный, любящій, но уже замученный человѣкъ. И вдругъ все вышло иначе.

Выйдя отъ своей знакомой, Ананьевъ долго искалъ извозчика и, не дождавшись его, пошелъ обратно къ дачѣ, попалъ въ бесѣдку и задремалъ въ ней. Разбудили его шаги кого-то, приближавшагося по аллеѣ. Этотъ кто-то оказался Кисочкой. Оскорбленная вернувшимся мужемъ, она прибѣжала въ бесѣдку, громко плача и жалуясь на свою безысходную жизнь. Ананьевъ, конечно, долженъ былъ выдать свое присутствіе, началъ утѣшать Кисочку, и вскорѣ къ нему вернулись его прежнія мысли на ея счетъ. Провожая Кисочку до дома ея матери, онъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своей гостинницы, вдругъ бросился къ ней съ ласками и, не давъ опомниться, увлекъ къ себѣ. И Кисочка стала его возлюбленной.

„Женщины, когда любятъ, акклиматизируются и привыкаютъ къ людямъ быстро, какъ кошки. Побыла Кисочка у меня въ номерѣ часа полтора, а ужъ чувствовала себя въ немъ, какъ дома, и распоряжалась моимъ добромъ, какъ своимъ собственнымъ. Она укладывала въ чемоданъ мои вещи, журила меня за то, что я не вѣшаю на гвоздь свое новое дорогое пальто, а бросаю его на стулъ, какъ тряпку, и проч. То, что для меня составляло обыкновенный любовный экспромптъ, для нея было цѣлымъ переворотомъ въ жизни. Помню, мнѣ казалось,

что она сошла съ ума. Счастливая первый разъ въ жизни, помолодѣвшая лѣтъ на пять, съ вдохновеннымъ, восторженнымъ лицомъ, она то смѣялась, то плакала, не переставала мечтать вслухъ о томъ, какъ мы будемъ потомъ жить... Я же глядѣлъ на нее, слушалъ и чувствовалъ усталость и досаду. Меня немножко коробило отъ мысли, что порядочная, честная, страдающая женщина такъ легко, въ какіе-нибудь три-четыре часа, сдѣлалась любовницей перваго встрѣчнаго. Это ужъ мнѣ, какъ порядочному человѣку, видите ли, не нравилось. Къ тому же, теперь, когда я былъ сытъ, мнѣ было досадно на себя, что я сглупилъ и связался съ женщиной, которую поневолѣ придется обмануть, а я, не смотря на свою безпорядочность, терпѣть не могъ лгать".

На другой день Ананьевъ, всячески стараясь избѣжать встрѣчи съ Кисочкой, воровски пробрался на вокзалъ и уѣхалъ. Но, очутившись внѣ опасности, онъ вдругъ вспомнилъ серьезное лицо Кисочки, ея большіе озабоченные глаза, когда наканунѣ она крестила его, какъ родного, и какъ-то машинально все поглядывалъ на руку, которую она цѣловала. Образъ Кисочки не отходилъ отъ него въ вагонныхъ сумеркахъ, какъ ни старался онъ отогнать его отъ себя размышленіями на тему, что все равно всѣ умремъ и сгніемъ, что горе—ничто въ сравненіи со смертью и т. п. Кончилось тѣмъ, что онъ вернулся обратно и выплакалъ у Кисочки прощеніе. Послѣ этого случая Ананьевъ и сталъ относиться подозрительно къ разсудочности, находя, что она вноситъ всюду холодъ, скуку и односторонность. „Нормальное мое мышленіе—закончилъ онъ—началось только съ того времени, когда совѣсть погнала меня назадъ въ N и я, не мудрствуя лукаво, покаялся передъ Кисочкой, вымолилъ у нея, какъ мальчишка, прощеніе и поплакалъ вмѣстѣ съ нею".

Разсказъ Ананьева не поколебалъ, однако, упрямаго скептицизма его коллеги-студента.

— Словами можно доказать и опровергнуть все что угодно,— сказалъ онъ, выслушавъ разсказъ. — Я люблю слушать и читать, но вѣрить—покорнѣйше благодарю—я не умѣю и не хочу. Я повѣрю одному только Богу, а вамъ, хоть бы вы говорили мнѣ до второго пришествія и обольстили еще пятьсотъ Кисочекъ, я повѣрю развѣ только когда сойду съ ума.

Этотъ скептицизмъ какъ будто передался и автору „Огней".

„Многое было сказано ночью, но я не увозилъ съ собой ни одного рѣшеннаго вопроса, и отъ всего разговора теперь утромъ у меня въ памяти, какъ на фильтрѣ, оставались только огни и образъ Кисочки. Сѣвши на лошадь, я въ послѣдній разъ взглянулъ на студента и Ананьева, на истеричную собаку съ мутными, точно пьяными

глазами, на рабочихъ, мелькавшихъ въ утреннемъ туманѣ, на насыпь, на лошаденку, вытягивающую шею, и подумалъ: „Ничего не разберешь на этомъ свѣтѣ“.

„А когда я ударилъ по лошади и поскакалъ вдоль линіи, и когда, немного погодя, я видѣлъ передъ собою только безконечную угрюмую равнину и пасмурное холодное небо, припомнились мнѣ вопросы, которые рѣшались ночью. Я думалъ—а выжженная солнцемъ равнина, громадное небо, темнѣвшій вдали дубовый лѣсъ и туманная даль какъ будто говорили мнѣ: „Да, ничего не поймешь на этомъ свѣтѣ“.“

По поводу этихъ заключительныхъ строкъ „Огней“ автору пришлось вступить въ объясненія съ нѣкоторыми изъ своихъ друзей-читателей. Такъ напримѣръ, въ одномъ изъ писемъ къ И. Л. Щеглову Чеховъ старается отстоять это свое заключеніе. Значитъ, его и принимать надо за чистую монету, за дѣйствительное выраженіе тогдашнихъ—а можетъ быть и не только тогдашнихъ?—мыслей Чехова. Г. Щеглову онъ пишетъ, между прочимъ: „Относительно конца моихъ „Огней“ я позволю себѣ не согласиться съ вами. Не дѣло психолога понимать то, чего онъ не понимаетъ. Паче сего, не дѣло психолога дѣлать видъ, что онъ понимаетъ то, чего никто не понимаетъ. Мы не будемъ шарлатанить и станемъ заявлять прямо, что на этомъ свѣтѣ ничего не разберешь. Все знаютъ и все понимаютъ только дураки и шарлатаны“ (Письма А. П. Чехова, собр. Бочкаревымъ, стр. 179).

Письмо это помѣчено тѣмъ самымъ 88-мъ годомъ, который мы относимъ къ переломному періоду въ писательской дѣятельности А. П. Какъ бы ни относиться къ высказаннымъ въ этомъ разсказѣ сужденіямъ, къ этимъ, такъ сказать, отрицательнымъ обобщеніямъ, — въ нихъ, какъ и во всемъ тонѣ разсказа, несомнѣнно чувствуется уже та „чеховская дума“, то пытливое и вмѣстѣ грустное проникновеніе въ жизнь, въ людей, въ нашу таинственную связь съ природой, которое невольно передается вамъ послѣ прочтенія любого изъ „зрѣлыхъ“ произведеній Чехова. Не вдаваясь здѣсь въ изслѣдованіе, насколько эти мысли, по существу своему, нашли себѣ подтвержденіе и развитіе въ дальнѣйшихъ произведеніяхъ Чехова, мы напомнимъ только одно: размышленія о томъ, что никто не знаетъ настоящей правды, принадлежатъ къ числу излюбленнѣйшихъ мотивовъ поэтическо-мыслительской работы Чехова. Намъ вспоминаются, напримѣръ, заключительныя строки „Дуэли“: „Да, никто не знаетъ настоящей правды...—думалъ Лаевскій, съ тоской глядя на безпокойное темное море. — Лодку бросаетъ назадъ — она дѣлаетъ два шага впередъ и шагъ назадъ, но гребцы упрямы, машутъ неутомимо веслами и не боятся высокихъ волнъ. Лодка идетъ все впередъ и впередъ, вотъ ея ужъ и не видно, а пройдетъ съ пол-

часа, и гребцы ясно увидятъ пароходные огни, а черезъ часъ будутъ ужъ у пароходнаго трапа. Такъ и въ жизни... Въ поискахъ за правдой люди дѣлаютъ два шага впередъ, шагъ назадъ. Страданія, ошибки и скука жизни бросаютъ ихъ назадъ, но жажда правды и упрямая воля гонятъ впередъ и впередъ. И кто знаетъ: быть-можетъ, доплывутъ до настоящей правды"...

Въ самыхъ послѣднихъ произведеніяхъ Чехова—въ „Крыжовникѣ", въ „Невѣстѣ" и др.—эта надежда на возможность для человѣчества „доплыть до настоящей правды" высказывается уже съ большей страстностью, съ большей увѣренностью. „Есть высшій нравственный законъ: дѣлайте добро!"—восклицаетъ въ „Крыжовникѣ" ветеринарный врачъ.

Какъ видимъ, убѣжденіе, что „ничего не разберешь на этомъ свѣтѣ" получаетъ здѣсь чрезвычайно существенную оговорку. Во всякомъ случаѣ, мысль о жизненной путаницѣ уже не носитъ аморальнаго характера, а скорѣе, наоборотъ, ведетъ къ признанію въ жизни какого-то высшаго нравственнаго закона...

Мы не собираемся и не собирались разбирать міровоззрѣніе Чехова, ни, тѣмъ менѣе, выступать съ критикой и опроверженіемъ его. Намъ хотѣлось только показать—особенно въ виду утвержденія нѣкоторыхъ нынѣшнихъ критиковъ, что Чеховъ способенъ былъ мыслить только по обывательски [1]), — что, въ дѣйствительности, философская мысль Чехова работала всегда, по крайней мѣрѣ съ того момента, какъ изъ него сталъ складываться серьезный литературный дѣятель. И въ этомъ отношеніи „Огни" представляются намъ очень интереснымъ произведеніемъ. Въ нихъ мы имѣемъ свидѣтельство о первыхъ формулировкахъ того отношенія къ вопросамъ жизни, которое улавливается въ произведеніяхъ покойнаго писателя.

Но и помимо этого, почему Чеховскіе „Огни" должны оставаться во тьмѣ забвенія?..

Вик. Португаловъ.

[1]) Пространныя доказательства этого рискованнаго тезиса находимъ въ статьѣ г. М. Невѣдомскаго: „Безъ крыльевъ", помѣщенной въ „Юбилейномъ Чеховскомъ сборникѣ" (М., 1910).

МАРСЕЛЬ ТИНЭРЪ

Литература современной Франціи проникнута особой нервностью, характерной для эпохъ чрезвычайнаго напряженія культуры. Писатели—поэты и прозаики—помнятъ, главнымъ образомъ, о больныхъ и пресыщенно усталыхъ нервахъ культурнаго человѣчества и создаютъ нужную для нихъ духовную пищу; они стремятся или грубо поражать сенсаціонностью, или обострить творческую чуткость вкуса, создавая новыя ощущенія. Въ этомъ отношеніи достигнуто очень многое. Одно имя Анатоля Франса, стоящаго во главѣ современной художественной литературы Франціи, указываетъ на высоту современнаго французскаго творчества, подчиненнаго власти вкуса.

Но „права нервовъ", такъ полно признаваемыя теперь лучшими писателями Франціи, заставляютъ въ значительной степени забыть о томъ, что составляло основу художественнаго творчества у созидателей французскаго романа, начиная съ Бальзака и Стэндаля—о правахъ души. Ростъ души, требованія духа отъ жизни—эта основа внутренняго развитія человѣка чужда современной французской литературѣ въ ея лучшихъ представителяхъ. Существуютъ психологическій романъ и психологическая драма, но они почти исключительно построены на адюльтерѣ. О правахъ души въ романахъ такого рода нѣтъ и помина.

Чтобы говорить теперь о правахъ души, нужно отступить отъ идеаловъ нервнаго искусства и слѣдовать завѣтамъ Бальзака и его школы. Такъ и поступаетъ одна изъ самыхъ интересныхъ французскихъ романистокъ нашего времени, Марсель Тинэръ. Представители новѣйшаго, остро субъективнаго творчества часто превращаютъ романъ въ лирическую исповѣдь, содержаніе которой сводится къ эстетическимъ и къ чисто интеллектуальнымъ переживаніямъ. Марсель Тинэръ, напротивъ того, объективна: психологическія задачи преобладаютъ у нея надъ эстетически-эмоціональными. Вмѣстѣ съ тѣмъ ея произведенія не производятъ впечатлѣнія устарѣлости, слѣдованія старымъ образцамъ; психологія ея героевъ и героинь вполнѣ современна. Въ чисто художественномъ отношеніи она близка къ Анатолю Франсу; она часто изображаетъ новыя чувства на фонѣ историческихъ картинъ и тѣмъ самымъ соединяетъ объективность прежняго реалистическаго романа съ современной эстетической изощренностью.

Романы двухъ типовъ характеризуютъ творчество Марсель Тинэръ. Въ однихъ она изображаетъ ростъ женской души, которая отъ инстинктивной чувственности поднимается до преображенной духовной любви. Въ другихъ она возсоздаетъ душевныя драмы, основанныя на несовмѣстимости правъ жизни и правъ души. И тѣ, и другіе романы—чисто психологическіе; сознательная жизнь души, ищущей самоутвержденія, преобладаетъ въ нихъ надъ всякими другими мотивами. Повѣсти и романы Марсель Тинэръ изображаютъ не столько переживанія чувствъ, какъ результатъ этихъ переживаній для внутренняго сознанія. Духовный паѳосъ преобладаетъ у нея надъ лирикой чувствъ.

Къ „романамъ ищущей души" относится первая книга Марсель Тинэръ—романъ „Hellé", увѣнчанный академіей. Весьма часто академическіе лавры достаются во Франціи очень посредственнымъ произведеніямъ, авторы которыхъ отличаются скорѣе благонравіемъ, чѣмъ талантомъ. Но въ данномъ случаѣ увѣнчанная академіей повѣсть дѣйствительно цѣнное литературное произведеніе. Она изображаетъ переходъ героини отъ любви инстинктивной къ любви сознательной. Романъ написанъ въ формѣ самоанализа молодой дѣвушки, которая наблюдаетъ за своимъ внутреннимъ міромъ, отъ первыхъ проблесковъ сознанія до момента, когда созрѣвшая душа избираетъ вѣрный жизненный путь. Героиня романа, нарушая традиціи, самостоятельно развиваетъ свой духъ и устраиваетъ свою жизнь. Сознательное и внутренно свободное существо—довольно большая рѣдкость среди французскихъ дѣвушекъ: Марсель Тинэръ изображаетъ скорѣе исключеніе, чѣмъ типичное явленіе французской жизни. Ея героиня получила солидное образованіе, подъ руководствомъ отца. Благодаря этому, а также благодаря свободному общенію съ окружающими людьми, въ ней развивается чуткая душа, способная понять и осуществить свои права. Самый искусъ молодой дѣвушки Марсель Тинэръ изображаетъ въ видѣ дважды испытанной любви, причемъ вторая знаменуетъ зрѣлость духа. Этотъ пріемъ Марсель Тинэръ часто повторяетъ въ своихъ послѣдующихъ романахъ. Эллэ, героиня романа, сначала только дружна съ человѣкомъ глубокимъ и достойнымъ ея, но недостаточно блестящимъ, чтобы завоевать сразу ея любовь. Она переживаетъ увлеченіе красивымъ юношей, который ослѣпляетъ ее своими внѣшними качествами; но когда она, охваченная волной молодой страсти, становится его невѣстой и попадаетъ въ кругъ интересовъ, исчерпывающихъ его жизнь, она начинаетъ понимать, что ей, привыкшей къ свободѣ чувствъ и мыслей, совершенно чуждъ міръ условныхъ понятій и призрачныхъ цѣлей. Она убѣждается въ мелкомъ карьеризмѣ своего жениха, въ его желаніи сдѣлать ее орудіемъ своихъ успѣховъ въ свѣтѣ,—и раз-

стается съ нимъ. Въ ней усиливается привязанность къ прежнему другу, близкому ей по духу. Послѣ долгой провѣрки своихъ чувствъ къ нему, она становится его дѣятельнымъ товарищемъ, помощникомъ его въ общественной дѣятельности и выходитъ за него замужъ.

Марсель Тинэръ—не феминистка въ обычномъ смыслѣ слова. Она не ведетъ пропаганду политическихъ и гражданскихъ правъ женщины: она занята подготовленіемъ культурной почвы для разрѣшенія женскаго вопроса, занята мыслями о духовномъ развитіи женщины. „Эллэ" — примѣръ того, какъ Марсель Тинэръ понимаетъ вопросъ о развитіи женщины и подготовленіи ея къ истинному равноправію. Она создаетъ образъ дѣвушки, стоящей на высотѣ духовныхъ требованій времени. И если ея героиня отличается, и даже очень, отъ средней французской дѣвушки, то задача автора именно въ томъ, чтобы указать своимъ современницамъ путь къ совершенствованію.

По типу „Эллэ" написано нѣсколько другихъ повѣстей Марсель Тинэръ. Самая яркая изъ нихъ — „Мятежница" (La Rebelle). Построеніе то же самое: женщина съ чуткой душой любитъ сначала недостойнаго человѣка, а потомъ преображается, отвѣчая любви, способной поднять ея духъ. Но вмѣсто идеальной Эллэ, свободной и чистой въ своихъ побужденіяхъ, „мятежница" — реальный типъ современной французской женщины, со всей спутанностью ея житейскихъ отношеній, со всѣми ея превращеніями и паденіями. Въ этомъ романѣ Марсель Тинэръ отдаетъ дань пристрастію французскихъ романистовъ къ изображенію супружеской измѣны. Героиня, прежде чѣмъ душевно переродиться, измѣняетъ больному мужу съ очень легкомысленнымъ любовникомъ, и ребенокъ, носящій имя мужа, на самомъ дѣлѣ не его сынъ. При всей избитости сюжета, романъ Марсель Тинэръ выгодно отличается отъ множества другихъ тѣмъ, что паденіе героини, а потомъ ея нравственное возрожденіе, изображены не какъ житейская драма, а какъ трагедія совѣсти. Въ то время какъ обыкновенныя героини французскихъ романовъ заняты только скрываніемъ своихъ похожденій и болѣе всего боятся скомпрометировать свое положеніе въ свѣтѣ, героиня Марсель Тинэръ, Жозанна, переживаетъ всѣ осложненія своей жизни духовно. Всякое отклоненіе отъ требованій ея собственной совѣсти содѣйствуетъ ея духовному росту. Когда она измѣняетъ больному мужу, повинуясь голосу страсти, то мучительная внутренняя борьба укрѣпляетъ ея духъ, подготовляя побѣду въ грядущемъ. Постепенное разочарованіе въ ничтожномъ человѣкѣ, который подчинилъ ее своему чувственному капризу, становится для героини романа путемъ духовнаго самоутвержденія. Переживая свою внутреннюю драму, Жозанна вмѣстѣ съ тѣмъ становится писательницей, живетъ сознательной,

самостоятельной духовной жизнью. Встрѣча съ человѣкомъ, равнымъ ей по развитію и по душевной чуткости, только укрѣпляетъ ее на пути самобытнаго развитія, и союзъ ея съ нимъ является естественнымъ завершеніемъ ея душевныхъ страданій. Благополучная развязка драмы пріобрѣтаетъ, такимъ образомъ, идеалистическое значеніе.

Марсель Тинэръ считаетъ духовное перевоспитаніе современной женщины наиболѣе важнымъ условіемъ ея дальнѣйшей судьбы. Борьба за женскія права лишь тогда достигнетъ цѣли, когда женщина перестанетъ подчиняться традиціоннымъ нормамъ и будетъ сама сознательно создавать свою жизнь. Во французской дѣйствительности такія женщины, какихъ изображаетъ Марсель Тинэръ, встрѣчаются рѣдко. Но важно указать путь—и это дѣлаетъ Марсель Тинэръ. Ея героини знаютъ, въ чемъ состоятъ права ихъ души, и умѣютъ ихъ отстаивать.

Тему дважды пережитой любви и краткихъ чувственныхъ увлеченій Марсель Тинэръ разрабатываетъ, кромѣ названныхъ романовъ, и во многихъ другихъ. Такъ напр., въ „Oiseau d'orage“ кроткая Марта переживаетъ бурю страсти, когда въ тихую, мирную и нѣсколько однообразную жизнь ея врывается „птичка, загнанная бурей“,—когда ея мужъ, докторъ, приводитъ въ домъ молодого человѣка, упавшаго съ велосипеда во время грозы и сильно пострадавшаго отъ паденія. Съ его появленіемъ врывается ураганъ въ сѣрую жизнь Марты. Тайная любовная связь становится роковымъ послѣдствіемъ гостепріимства мужа Марты. У нея рождается дочь, отецъ которой—случайный гость, занесенный бурей. Но и тутъ душевная драма заканчивается торжествомъ сознательной любви. Марта разстается съ отцомъ своей дѣвочки и становится душевно еще ближе къ своему мужу, въ которомъ видитъ истиннаго друга. Законный отецъ ея дочери кажется ей дѣйствительнымъ отцомъ, и она навсегда возвращается къ нему.

Въ психологическомъ отношеніи интереснѣе романы второго типа, въ которыхъ Марсель Тинэръ, не стремясь создать новый типъ женщины, изображаетъ страданія душъ, не приспособленныхъ къ жизни. Если въ анализѣ женской души Марсель Тинэръ близка къ Бальзаку, то въ романахъ о нѣжныхъ, оскорбленныхъ душахъ она ближе къ Анатолю Франсу. Тонкая иронія Франса коренится, главнымъ образомъ, въ его сочувствіи всѣмъ оскорбленнымъ жизнью. И у Марсель Тинэръ всѣ симпатіи на сторонѣ нѣжныхъ и любящихъ, которымъ жизнь не даетъ проявить полноту своей души.

Лучшій изъ романовъ этого типа и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшее изъ всего, что написала до сихъ поръ Марсель Тинэръ — „Домъ Грѣха“ (Maison du Péché). Въ этомъ романѣ художественно изображено далекое прошлое въ его отношеніи къ современной дѣйствительности. Связь между чувствами предковъ и потомковъ напоминаетъ повѣсти

Франса, въ которыхъ минувшее и настоящее сливаются въ едино-вѣчное. Въ романѣ Марсель Тинэръ страсть предка къ легкомысленной красавицѣ-актрисѣ повторяется въ его далекомъ потомкѣ, ничуть на него не похожемъ по жизни и характеру. Онъ роковымъ образомъ переживаетъ душевную драму своего предка, въ стѣнахъ стариннаго павильона, выстроеннаго послѣднимъ для своей возлюбленной. Центръ романа — психологія юноши, воспитаннаго суровой матерью-католичкой, выросшаго въ культѣ монашеской чистоты и вдругъ захваченнаго грѣховной по его убѣжденію страстью. Борьба живого чувства съ мертвой рутиной, борьба страсти съ неотвергнутымъ идеаломъ цѣломудрія — и смерть, какъ результатъ торжества принциповъ надъ стихійнымъ чувствомъ, составляютъ содержаніе романа. Художественное изображеніе событій, сопровождающихъ рожденіе и развитіе любви въ чистомъ юношѣ, соединяется съ оригинальностью идейнаго замысла. Какъ въ своихъ романахъ о женщинахъ, Марсель Тинэръ и въ исторіи юноши возводитъ въ идеалъ внутреннее освобожденіе личности. Но для женщины она видитъ освобожденіе духа въ побѣдѣ надъ стихійно-чувственостью, а когда она подходитъ къ психологіи чистаго юноши, то, напротивъ того, возводитъ въ идеалъ стихійную сторону души и показываетъ пагубность разсудочнаго начала, пагубность вліянія чужой воли, хотя бы она признавалась правою. Въ „Домѣ Грѣха“ трагедія героя не въ томъ, что онъ, чистый и цѣломудренный, полюбилъ женщину, для которой законъ жизни — страсть. Душа юноши перерождается, вступивъ въ кругъ страсти — и это перерожденіе возвышаетъ его духъ, обогащаетъ его внутренній міръ. Для героинь Марсель Тинэръ страсть — паденіе или, въ лучшемъ случаѣ, искусъ, черезъ который онѣ проходятъ, чтобы возродиться въ духовной любви, оправданной близостью душъ. Ихъ спасеніе — въ привязанности къ человѣку съ идеальными стремленіями, къ человѣку, который ставитъ любовь выше страсти. Напротивъ того, въ „Домѣ Грѣха“ трагедія героя—въ томъ, что въ немъ одерживаетъ верхъ принципъ воздержанія, чувство нравственнаго и духовнаго долга. Въ романѣ дѣйствуютъ двѣ правды, изъ которыхъ одна — правда суровой католички-матери и ея сподвижника, благочестиваго аббата. Для нихъ все мірское—грѣхъ; они предпочитаютъ смерть юноши его гибели отъ мірского соблазна. Конечно, они по своему правы въ своей суровой, пелицемѣрной добродѣтели. Но есть другая правда—живого, любящаго сердца, и потому права молодая, страстная женщина, открывшая юношѣ радость земли. Отношеніе автора къ двумъ правдамъ, борющимся въ романѣ, таково, что все сочувствіе читателя на сторонѣ второй. Если требовательность матери и аббата не кажется

фарисейскою, то все же они слѣпо жестоки, и трагическая судьба юноши вызываетъ тѣмъ большее сочувствіе. Онъ подчиняется суровому долгу—и губитъ себя и свою подругу. Правда долга убиваетъ правду жизни — также какъ въ романахъ о женщинахъ правда духа спасаетъ жизнь и даетъ счастье. Это двойственное отношеніе къ правамъ души, смотря по тому, идетъ ли рѣчь о самоутвержденіи женщины или о самоутвержденіи мужчины—очень характерная черта въ творчествѣ Марсель Тинэръ. Менѣе всего это объясняется желаніемъ возвысить женщину и унизить мужчину, вообще какимъ-нибудь феминистскимъ мотивомъ. Смыслъ такого противоположенія—въ томъ, что Марсель Тинэръ возводитъ въ идеалъ духовно совершенную, гармоничную душу. Женщина олицетворяетъ для нея стихію страсти—и потому, для гармоничнаго развитія души, она должна найти духовный противовѣсъ; душа ея обновляется въ исканіи человѣка, сильнаго духомъ; всякая уступка стихійной страсти становится для нея паденіемъ. Мужчина, въ своей природной духовности, находитъ равновѣсіе душевныхъ силъ лишь тогда, когда его зажигаетъ страсть. Такое пониманіе женской и мужской психологіи скорѣе противорѣчитъ феминистскимъ теоріямъ и является въ значительной степени выводомъ изъ психологіи французской женщины, вѣками пріученной быть жрицей сладострастія. Русскіе романисты возводили женщину въ идеалъ духовности, искусство всѣхъ вѣковъ славитъ мадонну—а современная французская романистка отрицаетъ высшую духовность въ женщинѣ и лишь намѣчаетъ путь, которымъ женщина должна идти, чтобы утвердить въ себѣ права души.

Тема „Дома Грѣха" повторяется и въ другихъ повѣстяхъ Марсель Тинэръ. Въ „Любовной жизни Франсуа Барбазана" (Vie amoureuse de François Barbazan) тоже изображенъ чистый, нѣжный юноша, жаждущій идеальной любви, презирающій грубую чувственность, живущій мечтами и готовый отдать жизнь за краткій мигъ высшаго счастья. Его душа крѣпнетъ, когда онъ подпадаетъ подъ власть любви. Его судьба трагична, такъ какъ по гороскопу, поставленному въ день его рожденія, на его жизнь имѣютъ вліяніе Венера и Сатурнъ. Онъ гибнетъ, сраженный соперникомъ, котораго онъ вытѣснилъ изъ сердца молодой красавицы. Но любовь даетъ идеальному юношѣ духовную побѣду надъ окружающей обстановкой. Въ этомъ романѣ, очень художественномъ по выполненію, изображены бытъ и чувства людей конца XVII-го вѣка, жителей французскаго городка Тюлля, славившагося своими кружевницами, своимъ благочестіемъ и ученостью своихъ прелатовъ и высшаго буржуазнаго общества. На фонѣ этихъ мирныхъ историческихъ картинъ выступаетъ съ большой отчетливостью психологія людей близкихъ намъ по своимъ чувствамъ.

Пріемъ этотъ, введенный въ литературу Анатолемъ Франсомъ, очень умѣло использованъ въ романѣ.

Во многихъ другихъ повѣстяхъ Марсель Тинэръ столь же ярко изображаетъ разладъ между идеализмомъ избранныхъ натуръ и законами будничной дѣйствительности, окружающей ихъ. Въ повѣсти „Утѣшительница“ душевное благородство воплощено въ героѣ съ его роковой любовью, а жена его олицетворяетъ собой силу будничности, убивающей духъ [1]). Въ повѣсти „Мирамъ“ романтическая дружба героя и героини становится невозможной, потому что и въ немъ, и въ ней живетъ слишкомъ сильное воспоминаніе о минувшей, но не умирающей въ душѣ прежней любви. Ихъ совмѣстная прогулка за городъ, предпринятая для того, чтобы вмѣстѣ пріятно провести время, кончается печально: каждаго изъ нихъ охватываетъ воспоминаніе о такой же прогулкѣ съ горячо любимымъ человѣкомъ, скорбь о жизни безъ любви такъ мучительно охватываетъ души обоихъ, что они молча возвращаются и разстаются, отдаваясь памяти о былой радости. Права скорби въ этомъ разсказѣ оттѣнены очень нѣжно.

Итакъ, Марсель Тинэръ прежде всего идеалистка, для которой права души имѣютъ исключительно высокое значеніе. Нереальныя цѣнности—для нея единственно желанныя, даже когда онѣ приносятъ страданіе. Начавъ въ первомъ своемъ романѣ съ провозглашенія торжества духовной любви надъ чувственнымъ туманомъ, она доходитъ до предпочтенія скорби будничному благополучію.

Идейная углубленность соединяется у Марсель Тинэръ съ большими художественными достоинствами, съ умѣньемъ изображать природу и согласовать описанія съ психологіей дѣйствующихъ лицъ. Этимъ она примыкаетъ къ традиціямъ лучшей поры французскаго романа, къ Флоберу, у котораго всякое описаніе внѣшняго міра имѣетъ непосредственное отношеніе къ чувствамъ людей. „Интимный пейзажъ“, связывающій души людей съ природой, часто встрѣчается въ повѣстяхъ Марсель Тинэръ. Въ „Oiseau d'orage“ буря на морскомъ прибрежьѣ тѣсно сплетается съ ураганомъ страсти въ душѣ героини. Вся обстановка стараго замка въ „Домѣ Грѣха“ тоже тѣсно связана съ чувствами дѣйствующихъ лицъ. Все это придаетъ произведеніямъ Марсель Тинэръ художественную законченность, соотвѣтствующую столь интересному по своей самобытности внутреннему содержанію ея романовъ.

Зин. Венгерова.

[1]) Переводъ этой повѣсти напечатанъ въ двухъ первыхъ книжкахъ „Вѣстника Европы“ за 1910 г.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Хуторское хозяйство волочится за земской жизнью Россіи, какъ большой и крѣпко привязанный камень. Въ декабрѣ и въ началѣ января открывались и работали остальныя, нѣсколько запоздавшія противъ обычнаго порядка губернскія земскія собранія. И снова докладывалась извѣстная телеграмма премьеръ-министра, призывающая земства оказывать усиленную помощь насажденію хуторского и отрубного хозяйства въ Россіи. Снова губернаторы, открывая земскія собранія, говорили несвойственныя имъ агрономическія рѣчи, восхваляя правительственную хуторскую реформу и приглашая земства поставить агрономическую помощь хуторянамъ и отрубникамъ во главу земской дѣятельности. Снова земскимъ собраніямъ приходилось удѣлять значительное вниманіе казенной земельной реформѣ.

Чувствуется, впрочемъ, что даже нынѣшнія законопослушныя и преданныя правительству правыя земства начинаютъ какъ будто тяготиться и слегка раздражаться привязчивою, настойчивою петербургскою указующею опекой. Наиболѣе ярко и необычно проявилось это и въ п—скомъ земствѣ. Недавно встрѣтился мнѣ въ Петербургѣ прогрессивный дѣятель изъ этой губерніи.

— У насъ со столыпинской телеграммой—съ нѣкоторымъ удивленіемъ и маленькимъ злорадствомъ разсказывалъ онъ — любопытная вышла исторія. Телеграмма, вы знаете, была разослана уѣзднымъ и губернскимъ предводителямъ дворянства, а они докладывали ее земскимъ собраніямъ. Былъ составленъ агрономическій докладъ, въ которомъ агрономъ и прогрессивные члены управы постарались тонко и со всякими почтительными реверансами отклонить телеграмму министра, намекая, что земство обязано оказывать помощь всѣмъ земскимъ плательщикамъ, а не однимъ хуторянамъ и отрубникамъ. Какъ-то случайно и мелькомъ справились у губернскаго предводителя, когда онъ предполагаетъ доложить телеграмму: въ началѣ, въ рединѣ или въ концѣ сессіи? А нужно вамъ сказать, что предводитель у насъ не только правый: изъ правыхъ правѣйшій. „Какую телеграмму?—мрачно спрашиваетъ онъ.—Никакой телеграммы докладывать я не буду". — „Какъ же такъ?.. Позвольте-съ... А телеграмма министра?"—„Чего они насъ изъ Петербурга учатъ? Безъ нихъ не знаютъ?"—„Но какъ же?

Вѣдь телеграмма министра?..."—„А какое мнѣ дѣло? Мало ли я вздорныхъ телеграммъ получаю? Бросаю ихъ въ корзинку. Не буду докладывать". Такъ, знаете, и не доложилъ! Управа передѣлала свой докладъ примѣнительно къ уѣзднымъ собраніямъ, гдѣ хуторской вопросъ обсуждался въ связи съ министерской телеграммой.

— Вы чѣмъ же объясняете упорство вашего предводителя?

— А земско-дворянской гордостью. Сорокъ, дескать, лѣтъ работаемъ мы на мѣстахъ въ земствѣ, знаемъ, слава Богу, условія мѣстной жизни, а насъ изъ петербургскихъ канцелярій начинаютъ учить.

Наиболѣе правымъ земствомъ, по заслугамъ и по выдающимся представителямъ, безспорно слѣдуетъ признать курское. Любопытно, что и здѣсь хуторская реформа встрѣтила со стороны многихъ правыхъ дворянъ раздраженную воркотню. „Губернаторъ Гильхенъ,—сообщаютъ изъ Курска—указавшій передъ открытіемъ губернскаго собранія, что главной задачей его должны явиться мѣропріятія, направленныя къ развитію хуторского и отрубного владѣнія, устроилъ по тому же вопросу „частное совѣщаніе" въ своемъ домѣ. Въ совѣщаніе было приглашено все губернское собраніе. Послѣ этого совѣщанія собраніе посвятило, однако, цѣлыхъ два дня на обсужденіе этого вопроса. Характерна та смута и полная растерянность во взглядахъ, которая обнаружилась на собраніи нашего реакціоннѣйшаго изъ всѣхъ русскихъ земствъ. Самъ Марковъ 2-й, защищавшій новыя формы крестьянскаго землепользованія съ такимъ усердіемъ, что навлекъ на себя со стороны г. Шечкова упрекъ въ подслуживаніи премьеру Столыпину, сознался, что „хуторское хозяйство у насъ развивается крайне слабо, и крестьянъ, переселившихся на хутора, почти нѣтъ, да и не будетъ". Цѣлый рядъ гласныхъ высказывается за то, что хутора безъ воды невозможно устроить, а воды нѣтъ. Гласный Дмитріевъ разсказываетъ, что ему приходилось встрѣчать села, гдѣ колодцы запираются, и для того, чтобы достать ведро воды, надо искать старосту, у котораго хранится ключъ отъ колодца. Членъ Государственной Думы Шечковъ умоляетъ собраніе воздержаться отъ крупныхъ затратъ на хуторское хозяйство, потому что еще никто не доказалъ, что это хозяйство оправдаетъ возложенныя на него надежды. Телеграмма Столыпина есть не что иное, какъ желаніе устроить демонстрацію: вотъ-де, земства откликнулись! земства одобряютъ наши мѣропріятія!"

Впрочемъ, поговоривъ два дня, „реакціоннѣйшее" земство все же не рѣшилось пойти противъ желаній правительства и ассигновало изъ суммъ страхового капитала сто тысячъ рублей на выдачу премій переселяющимся на хутора и отруба.

При открытіи херсонскаго земскаго собранія весьма старательную

рѣчь сказалъ губернаторъ, камеръ-юнкеръ Бантышъ. „Предсѣдатель совѣта министровъ приглашалъ земства—внушалъ собранію начальникъ губерніи—принять участіе въ работахъ правительства по землеустройству крестьянъ. Само собою разумѣется, что нынѣ проводимыя реформы дадутъ то, что не было сдѣлано послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. И только теперь крестьянское сословіе заживетъ полнымъ ходомъ и станетъ на то положеніе, благодаря которому будетъ возможность развить русскую сельско-хозяйственную промышленность. У земства есть возможность посредствомъ устройства культурныхъ оазисовъ указать крестьянамъ на простую вещь—что изъ одного рубля можно сдѣлать два“. Однако, губернаторъ уклонился детально объяснить „простую вещь“, какъ изъ одного рубля дѣлать два рубля“. „Я не позволю себѣ давать вамъ—продолжалъ онъ—какихъ бы то ни было указаній въ этомъ отношеніи, даже схематическихъ. Во-первыхъ, эти мѣры настолько избиты, настолько извѣстны, что на этомъ не стоитъ останавливаться; во-вторыхъ, ваше компетентное мнѣніе въ этомъ отношеніи, навѣрное, сдѣлаетъ больше, чѣмъ тѣ даже схематическія указанія, какія я могъ бы дать вамъ“.

— Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, вы произносите передъ нами длинныя, поучающія рѣчи?—резонно могли бы сказать земскіе гласные въ отвѣтъ на гладкія, безсодержательныя фразы губернатора, еслибы было принято откровенно говорить правду въ глаза хотя бы такому некрупному начальству, какъ губернская администрація.

Но, разумѣется, рѣчь губернатора была выслушана въ почтительномъ молчаніи, и только потомъ, въ слѣдующія засѣданія, при обсужденіи агрономическихъ докладовъ, собраніе отвѣтило министру и губернатору практически и недвусмысленно: огромнымъ большинствомъ было отвергнуто предложеніе объ ассигнованіи 35.000 рублей на мѣры помощи крестьянамъ, вышедшимъ на хутора и отруба. „Рѣшилъ дѣло—сообщается въ газетахъ—правый членъ Государственнаго Совѣта и чрезвычайно вліятельный въ губерніи губернскій предводитель дворянства Н. Ф. Сухомлиновъ. „Не вижу причинъ—сказалъ онъ—увлекаться хуторскими хозяйствами въ ущербъ другимъ способамъ веденія хозяйства. Чрезвычайныя мѣры воспособленія и слишкомъ попечительное отношеніе обратятъ хуторскія хозяйства въ тепличныя растенія, которыя зачахнутъ, какъ только прекратится золотой дождь“.

Недружелюбно отнеслись къ хуторскому хозяйству и въ нижегородскомъ земствѣ. Но здѣсь отпоръ шелъ уже не отъ правыхъ, а отъ прогрессивныхъ земцевъ. Нижегородское земство принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ земствамъ, въ которыхъ сохранилась небольшая группа гласныхъ, открыто причисляющихъ себя къ партіи на-

родной свободы. Они-то, главнымъ образомъ, и высказывались въ нижегородскомъ губернскомъ земскомъ собраніи противъ казенной земельной реформы. „Гл. А. А. Савельевъ доказывалъ, что при общинномъ владѣніи земля обрабатывается лучше, такъ какъ каждый крестьянинъ не хочетъ отстать отъ сосѣда. Д. Н. Остафьевъ объяснялъ, что при существующемъ въ губерніи малоземельѣ (три десятины на дворъ) нельзя переходить на хутора, требующіе, по меньшей мѣрѣ, десяти десятинъ на дворъ. Д. Н. Шепелевъ заявляетъ, что ненавидитъ общину всѣми силами души, что на Руси было три бѣдствія: татарское иго, крѣпостное рабство и общинная зависимость. Д. Н. Остафьевъ объясняетъ эту ненависть: будучи земскимъ начальникомъ, Шепелевъ убѣдился, что община можетъ оказывать противодѣйствіе и земскимъ начальникамъ. Противъ закона 9-го ноября высказывается гл. Килевейнъ, хотя и не причисляетъ себя къ защитникамъ общины во что бы то ни стало. Собраніе, высказавшись принципіально за то, чтобы помощь оказывалась равномѣрно хуторянамъ и общинникамъ, ассигновало средства на образованіе фонда для выдачи премій лучшимъ хозяйствамъ единоличнаго владѣнія и капитала для оказанія кредита хуторянамъ“.

Въ видѣ дополнительнаго курьеза можно сообщить, что въ бессарабскомъ земскомъ собраніи самымъ горячимъ противникомъ хуторовъ оказался Митрофанъ Пуришкевичъ (отецъ извѣстнаго депутата третьей Думы), высказавшій свое глубочайшее убѣжденіе, что хутора—не болѣе, какъ воровскіе притоны, гдѣ укрываютъ конокрадовъ.

Правые земцы во многихъ мѣстахъ вообще почему-то настроены враждебно къ закону 9-го ноября. Поэтому казенная земельная реформа встрѣчаетъ болѣе или менѣе радушный пріемъ почти исключительно въ тѣхъ земствахъ, гдѣ преобладающее большинство составляютъ гласные октябристскаго оттѣнка. Но и въ октябристской средѣ встрѣчаются непріятныя для правительства исключенія. Такъ, напримѣръ, въ екатеринославскомъ земскомъ собраніи высказывался противъ прямолинейнаго увлеченія хуторскимъ переворотомъ видный лидеръ октябристовъ М. В. Родзянко (котораго два года тому назадъ намѣчали даже въ предсѣдатели третьей Государственной Думы). „Губернская земская управа — сообщаютъ екатеринославскія газеты — стала въ своемъ отвѣтѣ на телеграмму П. А. Столыпина на такую точку зрѣнія: не отказываясь отъ помощи хуторянамъ, она высказывается противъ оказыванія имъ предпочтительнаго вниманія. Особенно горячо защищалъ докладъ управы членъ Государственной Думы М. В. Родзянко. „Я сторонникъ хуторского хозяйства — говорилъ онъ, — но противъ насильнаго выселенія на хутора: невозможно, чтобы всѣ сразу перешли на хутора. Переходятъ силь-

нѣйшіе, и показательно то хозяйство, которое создано самолично, а не искусственно". Гласный Беккеръ находилъ, что предложеніе П. А. Столыпина идетъ въ разрѣзъ съ традиціями земства и колеблетъ установившійся принципъ одинаковаго распредѣленія земскихъ благъ. Собраніе большинствомъ 23-хъ голосовъ противъ 15-ти одобрило докладъ управы".

Рязанскій губернаторъ, открывая губернское земское собраніе, также призывалъ земство къ помощи хуторской реформѣ, но при этомъ не удержался отъ раздражительныхъ и даже грозящихъ нотокъ. „Просматривая отчеты уѣздныхъ земскихъ собраній, — говорилъ губернаторъ — я пришелъ къ печальному выводу, что постановленія собраній не соотвѣтствуютъ горячему призыву правительства. Изъ всѣхъ уѣздовъ только четыре сдѣлали ассигнованія для помощи хуторянамъ. Остальные же уѣзды ограничились рядомъ добрыхъ пожеланій или же испрашиваютъ ассигнованія у правительства. Въ настоящее время въ Рязанской губерніи есть 500 хуторовъ и 2.000 заявленій о выходѣ на хутора. Имъ нужна преимущественная помощь. Земскія же собранія дѣлаютъ постановленія о томъ, что земство должно помогать одинаково всѣмъ крестьянамъ—хуторянамъ и не-хуторянамъ. Это я долженъ буду—пригрозилъ губернаторъ—отмѣтить въ своихъ отчетахъ правительству".

Рязанскіе земцы, однако, не были подавлены суровой рѣчью начальства. „Гласный Леоновъ замѣтилъ, что на хуторянъ и такъ льется золотой дождь, а остальные крестьяне (большинство) забыты. Гласный Гальцовъ доказывалъ, что поощрительныя мѣры привлекутъ худшій элементъ, падкій до подачекъ. Гласный Родзевичъ спрашивалъ, откуда взять деньги на предпочтительную помощь хуторянамъ. Съ общины? Или, можетъ быть, изъ Америки пришлютъ корабль съ золотомъ? Собраніе, большинствомъ голосовъ 18-ти противъ 10-ти, приняло предложеніе Родзевича, гласившее: не представляется возможнымъ выдѣлять въ цѣляхъ агрономической помощи въ особо благопріятныя условія хуторянъ и лишать помощи общинныя хозяйства, каковыхъ, по сравненію съ хуторскими, пока еще неизмѣримо преобладающее количество".

Нотка сарказма и раздражительности во многихъ земствахъ показываетъ, что энергичный напоръ министерства и усердное краснорѣчіе губернаторовъ не особенно много пользы приносятъ хуторской реформѣ и даже служатъ ей ко вреду. Въ разгромленныхъ и укороченныхъ земствахъ все же сохранилась доля инстинктивнаго достоинства и привычнаго недовѣрія къ законодательной самоувѣренности петербургской бюрократіи.

Есть, конечно, и такія земства, которыя подчинились министер-

скому и губернаторскому воздѣйствію безъ всякаго замѣтнаго неудовольствія. Однако и въ этихъ случаяхъ подмѣчаются нѣкоторые посторонніе мотивы, мало желательные для министерства и близкіе земскому сердцу. Кромѣ осторожнаго желанія не сердить понапрасну всесильнаго столичнаго начальства—для чего нѣкоторыя земства дѣлали очень скромныя ассигновки на хуторское дѣло и писали въ докладахъ и постановленіяхъ почтительно-хвалебныя фразы по адресу правительства,—было еще большое и серьезное желаніе у многихъ земствъ заполучить въ свое распоряженіе, подъ предлогомъ помощи хуторянамъ, крупныя казенныя ассигновки. Такъ напримѣръ, черниговское губернское земское собраніе, послѣ горячей рѣчи губернатора, приглашавшаго собраніе отрѣшиться отъ „формальной, узкой точки зрѣнія бюджетной осторожности" и для широкой помощи хуторянамъ „откликнуться полнымъ размахомъ доброй воли", ограничилось ассигновкой 400 рублей для командированія агрономовъ, вмѣстѣ съ крестьянами, на осмотръ хуторскихъ хозяйствъ тамъ, гдѣ они привились. Остальныя постановленія собранія всѣ относятся къ области добрыхъ пожеланій и ходатайствъ о субсидіяхъ изъ казны. Управа въ своихъ объясненіяхъ указывала на дороговизну хуторскихъ хозяйствъ, не могущихъ служить образцами для крестьянской массы. „Псковское земское собраніе—сообщаютъ газеты — въ общемъ настроено къ хуторской политикѣ очень сочувственно, отчасти благодаря тому, что въ 1909-мъ году правительство ассигновало земству на нужды хуторского хозяйства 47.450 рублей, изъ коихъ 18.450 рублей—безвозвратно. Въ мартѣ былъ учрежденъ, подъ руководствомъ члена управы С. Г. Челищева, „хуторской отдѣлъ", въ засѣданіяхъ котораго участвовали и хуторскіе агрономы. Въ настоящее время, по свѣдѣніямъ управы, въ губерніи имѣются 3.923 хутора; въ 1910-мъ году, по разсчетамъ губернской землеустроительной коммиссіи, создано будетъ еще 5.000 новыхъ хуторовъ. Смѣта расходовъ на агрономическую помощь хоторянамъ на 1910-ый годъ исчислена управой въ 130.045 рублей, изъ коихъ 38.145 рублей правительство даетъ безвозвратно, а 91.000 рублей—въ ссуду". Такимъ образомъ, въ сущности все широкое, сравнительно съ другими губерніями, хуторское дѣло въ Псковской губерніи ведется исключительно на казенныя деньги. Одни земцы, очевидно, равнодушны: „не наши деньги, казенныя", а другимъ, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, интересно привлеченіе къ земскимъ рукамъ казенныхъ денегъ. Насколько успѣшно идетъ хуторское хозяйство—неизвѣстно. Рѣчь идетъ пока только о количествѣ новыхъ хуторскихъ хозяйствъ, а не объ ихъ качествѣ. Равнодушіе очень многихъ уѣздныхъ и губернскихъ гласныхъ къ помощи

хуторянамъ отмѣтилъ въ губернскомъ собраніи наиболѣе видный изъ псковскихъ земцевъ, С. И. Зубчаниновъ.

Въ Ярославской губерніи, по свѣдѣніямъ губернской управы, въ девяти уѣздахъ въ 1909-мъ году вышло на хутора 219 домохозяевъ, а на отруба—619. При обсужденіи разныхъ агрономическихъ мѣропріятій въ губернскомъ собраніи членъ управы Ошанинъ объявилъ, что приглашаемые агрономы будутъ, конечно, оказывать помощь и крестьянамъ-общинникамъ. „Зачѣмъ же тогда ярлыкъ агронома, пекущагося исключительно о хуторянахъ?"—не безъ наивности спросилъ гласный С. М. Леонтьевъ. Противъ „обособленія" хуторянъ отъ общинниковъ стали высказываться и другіе гласные—Карповъ, Ельчаниновъ, Лютеръ. Пришлось слегка просвѣтить наивныхъ гласныхъ. Губернскій агрономъ Дмитріевъ указалъ, что если гласные не признаютъ необходимости въ обособленіи мѣропріятій для помощи отрубникамъ и хуторянамъ, то правительство можетъ отказать въ денежныхъ ассигновкахъ земству. Такимъ образомъ ярославское земство нечаянно оказалось откровеннѣе другихъ земствъ.

Заканчивая обзоръ губернаторскихъ трудовъ на пользу отрубно-хуторской агрономіи, трудно воздержаться и не привести колоритную рѣчь новаго вятскаго губернатора, Камышанскаго. Питомецъ петербургскихъ судебныхъ канцелярій, „законникъ"-губернаторъ быстро сбросилъ съ себя прокурорскую мантію и оказался агрономомъ нисколько не хуже всѣхъ другихъ россійскихъ губернаторовъ, а можетъ быть и лучше. Этотъ примѣръ ярче другихъ показываетъ, какъ мощно вліяетъ центральное правительство на психику своихъ уѣздныхъ и губернскихъ исполнителей. А мы еще недавно съ недовѣріемъ смѣялись, какъ надъ забавнымъ анекдотомъ, когда намъ съ достовѣрностью разсказывали объ одномъ бравомъ, добромъ и усердномъ генералѣ, неожиданно получившемъ назначеніе по учебному вѣдомству. „Я вѣдь ничего не понимаю по ученой части,—покорно принимая назначеніе, съ милой улыбкой разсказывалъ строевикъ-генералъ—но если мнѣ прикажутъ даже быть архіереемъ, то не откажусь: привыкъ повиноваться". Мы слушали и смѣялись. А вотъ теперь безъ всякаго смѣха, серьезно, быстро и неслышно всѣ россійскіе губернаторы—военнаго, юридическаго и салоннаго воспитанія—всѣ поголовно сдѣлались агрономами. И никто на Руси не выражаетъ особеннаго удивленія такому чудесному превращенію... И конечно это не смѣшная, а жуткая вещь, если старый бюрократическій режимъ крѣпкимъ, мощнымъ гипнозомъ сковываетъ десятки, сотни тысячъ исполнителей и двигаетъ, какъ пѣшками, стройными рядами этой арміи...

„Община—поучалъ петербургскій „законникъ" Камышанскій вятскихъ земцевъ,—съ ея гнетомъ и рабствомъ, связала иниціативу, па-

рализовала волю и обратила крестьянина въ инертнаго человѣка, который отвыкъ думать, и потому не понимаетъ другой разбивки поля, кромѣ какъ на три клина. А это явило то слѣдствіе, что онъ не можетъ себѣ представить урожая ржи самъ-шестьдесятъ, вмѣсто самъ-другъ, а овса самъ-двѣсти, вмѣсто самъ-сто. Поэтому необходимо образцовое показательное хозяйство. Само правительство, по матеріальнымъ условіямъ, сдѣлать этого не можетъ, и притомъ оно взяло на себя задачу формальнаго раскрѣпощенія крестьянъ отъ общины. Земскимъ дѣятелямъ, поэтому, надо приложить здѣсь свою руку и показать крестьянину, что онъ съ той же нивы можетъ получить въ 5—10 разъ больше, чѣмъ получаетъ". Рѣчь эта—деликатно прибавляетъ корреспондентъ—привела въ немалое смущеніе лицъ, знакомыхъ съ землею. Вѣроятно, смущеніе ихъ похоже было на смущеніе толстовскихъ крестьянъ изъ „Плодовъ Просвѣщенія", когда Вово приставалъ къ нимъ съ небрежной и барской самоувѣренностью: „А вы мяту сѣйте. Три тысячи съ десятины получите. А, что?"

Знаменательно это мгновенное превращеніе прокурора, котораго въ Петербургѣ, вѣроятно, многіе не отказывались признавать за умнаго и знающаго въ своей области человѣка, въ губернатора типа самоувѣреннаго Вово, поучающаго, не вѣдая комизма своего положенія, заматорѣлыхъ сельскихъ хозяевъ, какъ получать овесъ самъ-сто—или на три тысячи рублей мяты съ десятины. Въ такомъ волшебствѣ превращенія умныхъ людей въ безпрекословныхъ исполнителей—главная сила правительства. И въ этомъ же его фатальная слабость. Отъ силы этой пользуются временными благами скоропреходящіе представители власти. Отъ фатальной слабости будетъ нести долгія, тяжкія послѣдствія вся Россія.

Однако, губернаторскія рѣчи, министерскія телеграммы и земскія постановленія — это только внѣшняя сторона отрубно-хуторского хозяйства. Хуторскихъ и отрубныхъ хозяйствъ уже насчитываютъ тысячи въ разныхъ губерніяхъ. Въ высокой степени интересно было бы знать, какъ налаживается жизнь у этихъ вольныхъ и невольныхъ отрубниковъ-хуторянъ. Къ сожалѣнію, провинціальная печать чрезвычайно мало бросаетъ свѣта въ эти новые, смутные уголки жизни. Конечно, новый бытъ еще не могъ прочно и опредѣленно сложиться. Но все же кое-что, вѣроятно, складывается. И за этимъ слѣдовало бы внимательно и добросовѣстно понаблюсти. Какъ-ни-какъ, жизнь этихъ новыхъ людей окажется для будущей жизни Россіи неизмѣримо значительнѣе, чѣмъ всѣ министерскія, губернаторскія и земскія рѣчи, полемическія стычки и сладкія мечтанія.

Провинціальная печать гораздо охотнѣе отмѣчаетъ изъ жизни отрубниковъ или хуторянъ не спокойныя подробности налаживанья

новой жизни, а, такъ сказать, полемическіе факты, подчеркивающіе опасность скороспѣшной казенной земельной реформы. Напримѣръ, корреспондентъ „Саратовскаго Листка" отмѣчаетъ слѣдующій, дѣйствительно любопытный фактъ. „До сихъ поръ—говоритъ корреспондентъ—въ печати сообщались случаи выхода крестьянъ изъ общины, что свидѣтельствовало о разложеніи общины. Но вотъ изъ разговора съ крестьяниномъ с. Бобылевки мнѣ пришлось впервые услышать объ обратномъ явленіи—о стремленіи отрубныхъ хозяевъ слиться съ обществомъ и создать прежній порядокъ общиннаго землепользованія. Землевладѣлецъ при селѣ Бобылевкѣ, Н. Н. Львовъ — разсказывалъ крестьянинъ—продалъ свою землю крестьянскому банку, а послѣдній, распредѣливъ ее на отрубные участки, перепродалъ крестьянамъ. Такихъ отрубныхъ хозяйствъ изъ крестьянъ с. Бобылевки набралось около 70-ти. Теперь эти отрубные хозяева заявили желаніе уступить въ пользу общества всѣ пріобрѣтенные ими въ личную собственность участки и затѣмъ пользоваться землею наравнѣ съ членами всего общества. Съ цѣлью совершить формальнымъ образомъ уступку отрубныхъ участковъ въ пользу общества послѣднее выбрало уполномоченныхъ для поѣздки въ Петербургъ, въ совѣтъ крестьянскаго банка. Бобылевцы надѣются, что въ ходатайствѣ ихъ предъ совѣтомъ банка приметъ участіе и бывшій землевладѣлецъ Н. Н. Львовъ, членъ Государственной Думы. Задатки, внесенные отрубными хозяевами, переносятся долгомъ на общество съ разсрочкою уплаты на нѣсколько лѣтъ. Слагавшійся вѣками общинный укладъ крестьянской жизни невольнымъ образомъ, вѣроятно, заставляетъ отдѣльныхъ лицъ, случайно превратившихся въ отрубныхъ хозяевъ, задумываться серьезно не только надъ личнымъ благополучіемъ, но и надъ благополучіемъ общественниковъ. Земля вѣдь одинаково всѣмъ крестьянамъ нужна—разсуждаютъ бобылевскіе отрубные хозяева и торопятъ уполномоченныхъ ѣхать скорѣе въ Питеръ".

Случаи попытокъ возвращенія отрубниковъ въ общину, хоть и не часто, но отмѣчались и раньше въ газетныхъ сообщеніяхъ. И суть тутъ, конечно, не въ однихъ альтруистическихъ чувствахъ отрубниковъ-крестьянъ (хотя почему бы не быть и альтруистическимъ чувствамъ въ крестьянской средѣ?). Гораздо важнѣе близость, однородность и взаимная связанность крестьянскихъ интересовъ. Когда отрубника, только что возмечтавшаго-было объ единоличномъ хуторскомъ благополучіи, начинаютъ гнать съ общественнаго выгона, когда ему бросаютъ дохлыхъ кошекъ въ новенькій колодецъ, когда ни съ того, ни съ сего вспыхиваетъ у него темной ночью ометъ или овинъ, когда кругомъ видитъ и слышитъ онъ недружелюбіе и мрачную угрозу, то невольно потянетъ его къ прежней, хоть и нероскошной, но спо-

койной и налаженной общинной жизни. Вѣковыя формы быта умѣютъ вѣдь отстаивать себя не только тихими, но и жестокими способами. И какъ бы къ этому ни относиться, но всякому реформатору нужно помнить объ этомъ, когда онъ заноситъ властную руку на разрушеніе быта. Одно дѣло вводить новыя формы быта на бумагѣ въ петербургской канцеляріи, и другое дѣло—выносить ихъ на собственныхъ плечахъ въ гущѣ крестьянской жизни. Не даромъ живая жизнь, всегда чувствуя огненную жажду къ оздоровляющимъ реформамъ, не устаетъ въ то же время непрерывно подсказывать: „Осторожность, мудрая внимательность къ вѣчно живой путаницѣ жизни, довѣріе къ самодѣятельности общества, уваженіе къ естественнымъ правамъ человѣка и къ его личному опыту и разуму"... И тѣмъ-то и плохъ законъ 9 ноября, что онъ съ поспѣшной и небрежной самоувѣренностью прошелъ мимо предостерегающихъ совѣтовъ живой жизни.

Одинъ нудный, мрачный, сѣрый годъ кончился. Начался такой же новый. Казалось бы, даже итоговъ никакихъ не стоило подводить. Однако, нѣкоторыя провинціальныя газеты попробовали дать итоги земской дѣятельности за прошлый годъ. И хотя крупныхъ, утѣшительныхъ результатовъ не удалось наскрести, однако маленькіе шаги впередъ какъ будто оказались. „Какъ ни сильны реакціонные элементы въ нашемъ земствѣ, — пишетъ екатеринославскій „Южный Край",—требованія живой дѣйствительности сильнѣе ихъ и диктуютъ имъ постановленія, чуждыя ихъ натурѣ. Таковы постановленія въ области культурно-экономическихъ вопросовъ. Еще недавно родные по духу братья настоящихъ хозяевъ земскаго дѣла съ какимъ-то остервенѣніемъ разрушали статистику, агрономію, санитарію и другія культурныя начинанія. Банкротство этой политики разрушенія, однако, скоро дало себя сильно чувствовать, и ее волей-неволей пришлось остановить. И мы сдѣлались свидѣтелями любопытной картины: разрушители, подъ давленіемъ жизни, стали поклоняться тому, что̀ они раньше сжигали, и превратились въ сторонниковъ широкихъ культурныхъ начинаній. Наблюдаемъ мы это и въ екатеринославскомъ земствѣ. Увеличены ассигновки на народное образованіе, санитарію, ветеринарію, агрономію, признана полезной работа статистиковъ, обращено вниманіе на сельско-хозяйственный мелкій кредитъ. Устраивается южно-русская областная выставка".

„Саратовскій Листокъ" также на примѣрѣ своего земства приходитъ къ выводу, что нынѣшнія земства волей-неволей принуждены если не бѣжать, то хоть ползти по стезѣ культурной работы. Принуждаетъ къ этому сама жизнь, въ видѣ неотступныхъ требованій на-

селенія. А сверхъ того туда же толкаетъ и вся прежняя, многолѣтняя постановка земства. „Нынѣшнему земству—говоритъ „Саратовскій Листокъ"—нужно лишь воплотить въ жизнь тѣ идеи и задачи, которыя назрѣли въ предшествующую исторію земства, были имъ разработаны и изучены. Новыхъ земскихъ идей нѣтъ—все, до мелочей, взято изъ прежняго, а если онѣ подчасъ окрашены другимъ цвѣтомъ, то это еще не значитъ, что мы имѣемъ дѣло съ чѣмъ-нибудь новымъ. Прежнее земство изучило и выяснило условія развитія сельскохозяйственной Россіи, выработало рядъ широкихъ мѣропріятій къ ея подъему и процвѣтанію, какъ общегосударственныхъ, такъ и чисто земскихъ, изслѣдовало заболѣваемость, смертность и санитарныя условія жизни населенія и положило прочное основаніе земской медицинской организаціи, намѣтивъ принципы и дальнѣйшій планъ ея развитія; оно же вполнѣ разработало вопросы народнаго образованія, до всеобщаго включительно и т. д., и т. д. Нынѣшній земскій дѣятель берется за все готовое, разработанное и заранѣе намѣченное. Нужна лишь способность простого работника выполнить указанное". Далѣе приводятся примѣры, какъ мѣстное земство, начавъ-было гоненіе на третій элементъ и на всѣ вообще культурныя организаціи, оставленныя предшественниками—прогрессивными земскими работниками, должно было пріостановиться и пойти сначала на примиреніе съ прежнимъ ходомъ земской работы, а затѣмъ и на невольное продолженіе налаженной земской дѣятельности. Главной побудительной причиной оказались просыпающіеся и расширяющіеся интересы населенія, которое требуетъ новыхъ школъ, лечебницъ, санитаріи, ветеринаріи и т. п.

Къ активу земской жизни прошлаго года нужно прибавить также обновленіе состава земскихъ гласныхъ на состоявшихся выборахъ. Въ нѣкоторыхъ земствахъ, какъ напримѣръ въ вятскомъ и уфимскомъ, выборы дали значительный уклонъ въ прогрессивную сторону. Въ другихъ земствахъ — напр. саратовскомъ, вологодскомъ, московскомъ, тверскомъ — выборы внесли небольшой поворотъ влѣво. Вездѣ въ общемъ получилось маленькое освѣженіе земскихъ собраній. Кое-гдѣ въ первый разъ вошли въ земскую работу значительныя группы крестьянъ, самостоятельно избранныхъ, а не назначенныхъ, какъ прежде, губернской администраціей. Все это дастъ, вѣроятно, въ текущемъ году нѣкоторое обновленіе земской работы, но весьма незначительное. Земства ждутъ иного обновленія; полнаго или, по крайней мѣрѣ, значительнаго. Но третья Дума не спѣшитъ съ земской реформой, какъ и вообще она ни съ чѣмъ не спѣшитъ.

А пока приходится подмѣчать и отмѣчать такіе земскіе „сдвиги", которые, по настоящему, заслуживали бы веселаго смѣха. Такъ на-

примѣръ, произошелъ характерный по нынѣшнимъ временамъ „сдвигъ" въ курскомъ земствѣ. Считается курское земство черносотеннымъ изъ черносотенныхъ. Но и тамъ гласные раздѣляются на крайне-правыхъ и просто-правыхъ. Такъ вотъ до сихъ поръ царили въ курскомъ земствѣ крайне-правые, а теперь побѣдили просто-правые. Своего рода сдвигъ налѣво и нѣкоторый прогрессъ въ земскомъ дѣлѣ! Конечно, плохо дѣло купца, когда онъ начинаетъ заботливо и въ серьезъ подсчитывать полушки и копейки; но что же подѣлаешь, если время такое нищенское надъ русскимъ земствомъ нависло!.. „За отказомъ отъ должности предсѣдателя управы М. Я. Говорухо-Отрока, избраннаго членомъ Государственнаго Совѣта,—разсказываетъ курскій корреспондентъ „Утра" — губернскому собранію предстояло избрать новаго предсѣдателя управы. Хотя все теперешнее курское губернское собраніе, за исключеніемъ 3—4 человѣкъ, сплошь состоитъ изъ правыхъ гласныхъ, тѣмъ не менѣе и въ его средѣ имѣется нѣкоторое подраздѣленіе на такъ сказать крайне-правыхъ, во главѣ съ гг. Марковымъ и Говорухо-Отрокомъ, и умѣренно-правыхъ. Вторые, т.-е. умѣренные, въ свою дѣятельность не вносятъ сознательно политическихъ мотивовъ и рѣшаютъ земскіе дѣла и вопросы, въ мѣру своего разумѣнія, по соображеніямъ хозяйственнымъ и вообще дѣловымъ. Между тѣмъ крайне-правые, во главѣ со своимъ лидеромъ Марковымъ 2-мъ, всюду видятъ крамолу и предательство и всякій, самый, казалось бы, невинный, съ политической точки зрѣнія, вопросъ усиленно оснащаютъ политикой, доходя до настоящаго изувѣрства. Эта изувѣрски-правая часть собранія вела въ предсѣдатели управы фатежскаго уѣзднаго предводителя дворянства Н. Н. Богданова, котораго горячо и дѣятельно поддерживали и Говорухо-Отрокъ, и Марковъ 2-й. И характерно, какъ признакъ нѣкотораго отрезвленія отъ реакціоннаго угара, что г. Богдановъ, вмѣстѣ со своими высокими покровителями, потерпѣлъ полное пораженіе. На должность предсѣдателя былъ избранъ болѣе чѣмъ двумя третями голосовъ К. А. Раппъ, кандидатъ умѣренно-правой, дѣловой части собранія. Конечно, г. Раппъ тоже правый, — признается корреспондентъ, — и даже членъ союза русскаго народа, но онъ не кликуша и не изувѣръ и по нѣкоторымъ вопросамъ способенъ стать за не-союзническую точку зрѣнія. Памятуя, что вещи оцѣниваются по сравненію, приходится признать, что побѣда г. Раппа есть отрадное явленіе курской жизни. Побѣда эта знаменательна, какъ показатель, что „нерушимая стѣна" диктатуры г. Маркова въ курскомъ земствѣ поколебалась, и въ собраніи обнаружилось замѣтное теченіе избавиться отъ назойливаго менторства этого непризнаннаго за предѣлами губерніи спасителя отечества".

Итакъ, судя по Курску, этому черносотенному термометру, реакція

слабѣетъ. Но черныя волны ея падаютъ такъ медленно и мало замѣтно, что вздохнуть полной грудью обыватель, очевидно, не скоро еще рѣшится.

Рядомъ съ микроскопическими положительными явленіями въ провинціальной жизни разыгрываются такія отрицательныя, по истинѣ ужасающія явленія, которыя способны огненной чертой мгновенно зачеркнуть самый упорный оптимизмъ. Провинціальныя и столичныя газеты не рѣшаются прикасаться къ этимъ явленіямъ, потому что за это грозитъ штрафъ, закрытіе газеты, судъ, тюрьма. И только при счастливой случайности рѣдкія изъ подобныхъ явленій проскальзываютъ на газетные столбцы. Благодаря такой случайности, „Русское Слово" сообщаетъ слѣдующій случай: „Преступленіе по должности — такъ мягко на языкѣ юристовъ квалифицируются тѣ дѣянія, за которыя на дняхъ въ одесской судебной палатѣ судили полицейскаго надзирателя Слѣпака, того самаго Слѣпака, благодаря которому едва не были казнены шестнадцать человѣкъ. Овидіопольскій полицейскій надзиратель—читаемъ въ обвинительномъ актѣ — въ апрѣлѣ 1908 г. прибылъ по дѣламъ службы въ нѣмецкую колонію Одесскаго уѣзда, гдѣ ему поручено было навести справки о ходѣ взысканія казенныхъ недоимокъ. Прибывъ на мѣсто, Слѣпакъ первымъ дѣломъ напился, затѣмъ потребовалъ себѣ „нѣмецкую бабу". Изъ колонистовъ никто, однако, не хотѣлъ исполнить волю „начальства". Тогда Слѣпакъ сталъ приставать съ предложеніями къ содержательницѣ трактира и другимъ женщинамъ. Потерпѣвъ всюду неудачу, безобразникъ обнажилъ шашку и принялся крушить посуду и избивать попадавшихся подъ руку поселянъ. Натѣшившись вволю, Слѣпакъ приказалъ немедленно закрыть трактиръ, а самъ отправился въ сельское правленіе за народомъ, по дорогѣ продолжая буйствовать и врываясь въ дома колонистовъ. На этотъ разъ Слѣпакъ искалъ „нѣмцевъ-революціонеровъ" и кстати избивалъ жителей. Нѣсколькихъ поселянъ Слѣпакъ арестовалъ и приказалъ заключить въ кордегардію. Колонисты подняли тревогу и, окруживъ правленіе, стали требовать освобожденія арестованныхъ. Въ концѣ концовъ, буйный надзиратель былъ избитъ и отправленъ въ больницу. На слѣдующій день началось дознаніе о „бунтѣ" нѣмцевъ-колонистовъ". Тотъ же Слѣпакъ лично опознавалъ бунтовщиковъ.—Эхъ вы, подлые германцы!—кричалъ онъ.—Вы пришли въ Россію бить русскихъ. Я вамъ покажу! Я васъ всѣхъ перестрѣляю и зарѣжу. Вѣшать васъ!—Въ результатѣ 16 человѣкъ были преданы военному суду, который приговорилъ ихъ къ повѣшенію. Впослѣдствіи, когда выяснились подробности „бунта", смертная казнь всѣмъ замѣнена... двухнедѣльнымъ арестомъ, а Слѣпакъ самъ попалъ на скамью

подсудимыхъ. На судѣ многочисленные свидѣтели вполнѣ подтвердили картину буйства пьянаго Слѣпака, нарисованную обвинительнымъ актомъ. Слѣпакъ приговоренъ палатой на восемь мѣсяцевъ въ тюрьму".

Счастливая случайность, что не успѣли и не поторопились повѣсить 16 человѣкъ. Счастливая случайность, что 16 человѣкъ спаслись отъ петли. Случайность! А показалось ли бы намъ случайностью, еслибы однимъ утромъ намъ пришлось прочитать въ событіяхъ дня въ газетѣ краткую строчку: „Въ такомъ-то городѣ повѣшено 16 человѣкъ"? Въ томъ-то и ужасъ, что это не показалось бы чудовищной случайностью. Подобныя строчки уже перестали намъ казаться случайностью. Сгустился вокругъ насъ новый кровавый, кошмарный „бытъ", и онъ уже дѣлается привычнымъ, мы въ него вживаемся. Главная суть—не въ томъ, что много или мало сейчасъ въ Россіи разныхъ большихъ и малыхъ Слѣпаковъ проявляютъ себя, а въ тѣхъ условіяхъ жизни, которыя даютъ вдохновеніе разгулу Слѣпаковъ, которыя не позволяютъ ни обществу, ни печати давать Слѣпакамъ немедленный законный отпоръ которыя создали такое легкое отношеніе къ человѣческой жизни, сдѣлавъ висѣлицу привычнымъ, ежедневнымъ явленіемъ. Главная суть — въ этомъ новомъ, черномъ, смрадномъ бытѣ, который глушитъ и мертвитъ душу націи... И пока въ этомъ бытѣ не произойдетъ значительной передвижки въ оздоровительную сторону, всѣ оптимистическіе подсчеты медленнаго прогресса жизни будутъ ничтожны, почти грѣховны. Потому что, какъ всегда и вездѣ, о главномъ-то и нельзя безнаказанно забывать...

И. Жилкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1910.

Продленіе дѣйствія чрезвычайной охраны. — Оцѣнка этой мѣры съ точки зрѣнія законопроекта объ исключительномъ положеніи.—Первый всероссійскій съѣздъ по борьбѣ съ пьянствомъ и отношеніе къ нему оффиціозной печати.—Докладъ Н. Н. Львова о національнзмѣ.—Надо ли воевать?—Странное письмо.

Дѣйствіе чрезвычайной охраны въ С.-Петербургѣ и с.-петербургской губерніи продолжено (въ восьмой разъ!) еще на полгода, до 8-го іюля или до изданія новаго закона объ исключительномъ положеніи, если онъ вступитъ въ силу раньше истеченія этого срока. Чрезвы-

чайная охрана является, такимъ образомъ, суррогатомъ исключительнаго положенія, пускаемымъ въ ходъ вмѣсто него, временно и условно. Отсюда, по видимому, слѣдовало бы заключить, что обстановка, вызывающая продолженіе чрезвычайной охраны, совершенно аналогична съ тою, которою оправдывалось бы объявленіе исключительнаго положенія. На самомъ дѣлѣ оказывается совсѣмъ не то. Еслибы законъ объ исключительномъ положеніи, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ проектированъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и думскою коммиссіею, дѣйствовалъ въ настоящее время, примѣненіе его къ Петербургу и петербургской губерніи было бы возможно только съ явнымъ нарушеніемъ его прямого смысла.

Въ редакціи министерства внутреннихъ дѣлъ статья 1-ая законопроекта объ исключительномъ положеніи изложена такъ: „во время войны или непосредственно передъ началомъ военныхъ дѣйствій, *а также въ случаѣ внутреннихъ волненій*, когда для обезпеченія государственнаго порядка или общественной безопасности обычныя полномочія органовъ управленія оказываются недостаточными, въ мѣстностяхъ, входящихъ въ районъ военныхъ дѣйствій, или имѣющихъ для военныхъ интересовъ особо важное значеніе, *или же охваченныхъ внутренними волненіями*, можетъ быть введено въ дѣйствіе исключительное положеніе". Въ редакціи, принятой думскою коммиссіею, подчеркнутыя нами мѣста получили слѣдующій видъ: 1) а также въ случаѣ развитія внутреннихъ волненій, *необычайной преступности, или же преступной пропаганды*; 2) или же охваченныхъ внутренними волненіями, *необычайной преступностью или преступной пропагандой*.

Ни подъ ту, ни подъ другую редакцію положеніе дѣлъ въ Петербургѣ и петербургской губерніи совершенно не подходитъ. Подъ именемъ *внутреннихъ волненій* можно понимать только движеніе, глубоко вкоренившееся въ широкихъ общественныхъ слояхъ, выражающееся бурно и рѣзко, переходящее или съ минуты на минуту грозящее перейти въ насильственное посягательство на существующій порядокъ. Нельзя считать волненіемъ то смутное безпокойство, которое овладѣваетъ обществомъ въ переходныя эпохи или подъ вліяніемъ неожиданныхъ, потрясающихъ событій; нельзя считать волненіемъ открытое, но сдержанное, спокойное выраженіе неудовольствія, въ какую бы форму оно ни облекалось; нельзя считать волненіемъ существованіе стремленій, враждебныхъ государственному или общественному строю, но не выходящихъ изъ сравнительно узкой сферы и ничѣмъ не проявляющихся въ обычномъ ходѣ народной жизни. Вѣдь если распространять понятіе о волненіяхъ дальше указанныхъ нами предѣловъ, то *исключительное* положеніе перестало бы быть таковымъ и сдѣлалось бы—въ странѣ, вышедшей изъ періода неразсуждающей

покорности и все парализующаго страха—чѣмъ-то непрерывно продолжающимся или безпрестанно возобновляемымъ. Ничего подобнаго, конечно, не имѣлось въ виду, когда издавался манифестъ 17-го октября, въ основные законы вводилась глава о правахъ россійскихъ подданныхъ и подготовлялся законопроектъ о неприкосновенности личности.

Что въ благоустроенномъ государствѣ широкая свобода, пользованіе которою немыслимо безъ борьбы, безъ столкновеній и „волненій“, вполнѣ совмѣстима съ истиннымъ порядкомъ, что правительство, вѣрно понимающее свои задачи, не нуждается въ чрезвычайныхъ полномочіяхъ даже тогда, когда возбуждены умы и распалены страсти—это доказываетъ вся исторія Западной Европы со второй половины XIX-го вѣка. Развѣ французское правительство прибѣгало къ какимъ-нибудь экстраординарнымъ мѣрамъ, когда дѣло Дрейфуса раздѣлило всю Францію на два враждебныхъ лагеря, или еще раньше, когда установленному порядку грозила серьезная опасность со стороны генерала Буланже? Развѣ въ Англіи могла возникнуть мысль объ особыхъ мѣрахъ предосторожности, когда достигла своего разгара послѣдняя выборная горячка? Развѣ въ германскихъ правительственныхъ сферахъ зарождается тревога, когда раздаются пламенныя рѣчи на соціалъ-демократическихъ съѣздахъ и къ нимъ жадно прислушиваются народныя массы? Развѣ въ Австріи, гдѣ столько горючихъ матеріаловъ, гдѣ политическій термометръ такъ часто поднимается до точки кипѣнія даже въ парламентскихъ залахъ, администрація чувствуетъ себя безоружной, когда имѣетъ въ своемъ распоряженіи только одни обыкновенные законы? Достаточнымъ поводомъ къ пріостановкѣ главныхъ гарантій политической свободы австрійская конституція признаетъ *внутренніе безпорядки*—и всетаки за послѣдніе бурные годы такая пріостановка была допущена только одинъ разъ (въ Прагѣ), и только на нѣсколько дней... Терминъ „внутреннія волненія“—какъ мы старались показать два года тому назадъ, разбирая правительственный законопроектъ объ исключительномъ положеніи [1]),—слишкомъ широкъ, шире чѣмъ терминъ: „внутренніе безпорядки“: послѣдній предполагаетъ *дѣйствительно происшедшее* нарушеніе порядка, первый обнимаетъ собою и *возможность* его нарушенія. И онъ, однако, имѣетъ указанныя нами границы, внѣ которыхъ примѣненіе его немыслимо безъ крайней натяжки.

Думская коммиссія не удовольствовалась неопредѣленнымъ выраженіемъ, на которомъ готово было остановиться министерство: оно прибавило къ „внутреннимъ волненіямъ“ еще развитіе *необычайной*

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“ 1908 г., № 2, стр. 789.

преступности или *преступной пропаганды*. И тѣмъ, и другимъ совершенно извращается понятіе объ исключительномъ положеніи. Необходимымъ его условіемъ служитъ, какъ признается и въ законопроектѣ, недостаточность обычныхъ полномочій власти для обезпеченія государственнаго порядка или общественной безопасности. Но развѣ особыми полномочіями можно предупредить развитіе „необычайной преступности", зависящей, напримѣръ, отъ безработицы, отъ повторяющихся неурожаевъ, отъ повышенія цѣнъ на жизненные припасы? Развѣ ими можно положить конецъ пропагандѣ, скрывающейся во мракѣ, неуловимой, неосязаемой и неискоренимой, пока не изсякъ питающій ее источникъ? Да и что разумѣть подъ именемъ *пропаганды*? Слишкомъ легко, особенно у насъ, подвести подъ это понятіе простое изложеніе доктрины, идущей въ разрѣзъ съ оффиціальною мудростью... Министерство внутреннихъ дѣлъ оказалось на этотъ разъ менѣе далекимъ отъ здраваго политическаго смысла, чѣмъ думская коммиссія, руководимая гг. Гололобовымъ и Замысловскимъ; оно съумѣло понять, что чрезвычайными мѣрами можно бороться противъ дѣйствій, а не противъ словъ, можно предотвратить или прекратить явное нарушеніе порядка, а не ростъ настроеній, повышающихъ преступность... До какой степени ошибочна точка зрѣнія, усвоенная коммиссіею—объ этомъ можно судить по слѣдующему мѣсту ея доклада: „Коммиссія имѣла въ виду, съ одной стороны, что чрезмѣрное, превышающее нормальную преступность количество въ извѣстной мѣстности такихъ преступленій, какъ убійства, разбои, грабежи, поджоги и т. п., способно весьма серьезно потрясти государственный организмъ, а съ другой—что особое развитіе преступной пропаганды представляется однимъ изъ тѣхъ явленій, которыя не менѣе, чѣмъ внутреннія волненія, даютъ основаніе опасаться наступленія серьезныхъ безпорядковъ, предупрежденіе которыхъ составляетъ такую же обязанность административной власти, какъ и борьба съ безпорядками, уже наступившими". Въ этой тяжеловѣсной, плохо построенной фразѣ недостаткамъ формы соотвѣтствуетъ несостоятельность содержанія. „Серьезно потрясти государственный организмъ" „способно" очень многое—напр. нищета, болѣзни, паденіе заработной платы, исчезновеніе старыхъ, привычныхъ промысловъ: но вѣдь не для всѣхъ же этихъ бѣдъ можетъ служить громоотводомъ обостреніе административныхъ полномочій. Вѣрить въ непогрѣшимость этого средства можно было въ тѣ времена, когда грубо сколоченная государственная машина приводилась въ движеніе грубыми руками, съ помощью грубо-первобытныхъ пріемовъ; но не того требуютъ теперь существенно измѣнившіяся задачи государственной власти. И не предвидѣніемъ „серьезныхъ безпорядковъ", не догадками о „возможности" волненій, какъ отдаленнаго результата

„преступной пропаганды", можно мотивировать обращеніе къ мѣрамъ, нарушающимъ нормальное теченіе общественной жизни. Оправданіемъ ихъ—или извиненіемъ—можетъ служить не будущая, а наступившая уже опасность, опасность серьезная, неотвратимая обычными средствами, которыми администрація вездѣ обладаетъ въ достаточномъ, а у насъ—въ болѣе чѣмъ достаточномъ размѣрѣ.

Мы нѣсколько удалились отъ нашей главной темы, потому что хотѣли освѣтить съ полною яркостью оффиціальный взглядъ на исключительное положеніе. До крайности широкъ просторъ, открываемый этимъ взглядомъ правительственному произволу; до крайности эластичны признаки, наличностью которыхъ законопроектъ — особенно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ думской коммиссіи, — обусловливаетъ объявленіе исключительнаго положенія. И всетаки этихъ признаковъ ни съ какимъ увеличительнымъ стекломъ нельзя отыскать въ настоящемъ положеніи Петербурга и петербургской губерніи. Въ самомъ дѣлѣ, происходило ли здѣсь, въ теченіе минувшаго полугодія, хоть что-нибудь похожее на *волненіе* въ какомъ угодно смыслѣ этого слова? Было ли допущено какое-либо коллективное нарушеніе тишины, спокойствія и порядка? Собирались ли гдѣ-нибудь возбужденныя, мятущіяся народныя массы для демонстрацій, хотя бы мирныхъ, для предъявленія требованій, хотя бы не революціонныхъ? Приходилось ли разгонять уличную толпу, хотя бы и безъ употребленія вооруженной силы? Замѣчались ли въ деревняхъ хотя бы малѣйшія вспышки аграрнаго движенія? Есть ли какія-либо указанія на „необычайную преступность", т.-е. на быстрый ростъ числа преступленій и, притомъ, именно такихъ, противъ которыхъ принято пускать въ ходъ экстраординарныя административныя мѣры? Увеличилась ли интенсивность или распространенность „преступной пропаганды"? Можно ли утверждать, что она глубже и легче прежняго проникаетъ въ умы населенія? На всѣ эти вопросы нельзя дать другого отвѣта, кромѣ безусловно отрицательнаго. Иными словами, еслибы теперь дѣйствовалъ законъ объ исключительномъ положеніи, изложенный вполнѣ согласно съ предначертаніями министерства внутреннихъ дѣлъ и думской коммиссіи, то для объявленія, въ Петербургѣ и петербургской губерніи, исключительнаго положенія нельзя было бы найти никакихъ *легальныхъ* основаній. Нѣтъ, слѣдовательно, оправданія и для оставленія въ силѣ чрезвычайной охраны.

Намъ могутъ возразить ссылкою съ одной стороны на событіе въ Астраханской улицѣ, съ другой—на массовые аресты, произведенные передъ 9-мъ января. Ни то, ни другое не колеблетъ нашего мнѣнія. Совершено ясно, что взрывъ, произведенный крестьяниномъ Петровымъ, не подходитъ ни подъ одну изъ рубрикъ, установляемыхъ дум-

скимъ законопроектомъ: какъ единоличное дѣйствіе, онъ не имѣетъ ничего общаго съ „внутренними волненіями"; какъ отдѣльный фактъ, онъ не свидѣтельствуетъ ни о ростѣ „необычайной преступности", ни о развитіи „преступной пропаганды". Преступленія въ родѣ того, которое совершено Петровымъ, возможны вездѣ и всегда; предупредить ихъ можно развѣ усиленіемъ надзора [1]) — для чего вовсе ненужно никакихъ охранъ,—а отнюдь не обостреніемъ репрессій. Что касается до арестовъ, связанныхъ съ годовщиной 9-го января, то здѣсь возможны два предположенія. Быть можетъ, арестованные заподозрѣны въ совершеніи дѣйствій, запрещенныхъ закономъ подъ страхомъ наказанія; въ такомъ случаѣ возбужденіе противъ нихъ уголовнаго преслѣдованія, съ принятіемъ тѣхъ или другихъ мѣръ пресѣченія, вполнѣ возможно и при отсутствіи охраны, какъ чрезвычайной, такъ и усиленной. Быть можетъ, вся ихъ вина заключается въ принадлежности къ нелегализованной партіи; въ такомъ случаѣ ограниченіе ихъ свободы, въ видѣ ли заключенія подъ стражу, въ видѣ ли административной высылки, представляется не только явно несправедливымъ, но и совершенно нецѣлесообразнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, неужели, послѣ столь продолжительнаго и всесторонняго опыта, возможно еще сомнѣніе въ томъ, что никакими запрещеніями, никакими карами нельзя искоренить ученіе, коренящееся въ историческомъ ходѣ событій и въ современномъ положеніи вещей, нельзя предупредить побѣды, одерживаемыя имъ надъ умомъ и волей? Соціалъ-демократическіе взгляды широко разлились по Россіи въ эпоху ничѣмъ не ограниченнаго всевластія администраціи. Тяжелыя послѣдствія влекла тогда за собою малѣйшая прикосновенность къ соціалъ-демократическимъ кружкамъ; недопустимымъ считалось простое сочувствіе ихъ стремленіямъ. И если, не смотря на все это, въ соціалъ-демократическую вѣру обращались все болѣе и болѣе многочисленныя группы рабочихъ, если ее исповѣдывало чуть не большинство учащейся молодежи, то гдѣ же основаніе думать, что распространеніе ея можно остановить теперь, когда все же имѣются на лицо кое-какіе проблески свободы, когда въ Государственной Думѣ открыто существуетъ соціалъ-демократическая фракція? Мотивировать продленіе дѣйствія чрезвычайной охраны или введеніе исключительнаго положенія раскрытіемъ тайныхъ соціалъ-демократическихъ организацій — тайныхъ только потому, что открытое ихъ устройство встрѣчаетъ непреодолимыя преграды,—значитъ откладывать на неопредѣленное время водвореніе законнаго порядка — единственнаго, при которомъ свободно дышится всѣмъ и

[1]) Собственно по отношенію къ дѣлу Петрова нельзя говорить и объ усиленіи надзора, такъ какъ полицейская власть видѣла въ Петровѣ своего агента.

каждому, единственнаго, при которомъ правильно развивается государственная и общественная жизнь.

Есть еще доводы за сохраненіе чрезвычайной охраны, обычно не высказываемые, но едва ли остающіеся безъ вліянія въ правительственныхъ сферахъ. Первый изъ нихъ—обусловливаемая чрезвычайной (и усиленной) охраной возможность произвольнаго расширенія круга дѣйствій военнаго суда и, слѣдовательно, области примѣненія смертной казни. Повторять всѣмъ извѣстные доводы противъ этой кары мы не станемъ; замѣтимъ только, что она, къ несчастію, не вовсе устранена въ Россіи и общимъ уголовнымъ законодательствомъ. Тѣ, въ чьихъ глазахъ смертная казнь—ничѣмъ не замѣнимое орудіе властвованія, могутъ успокоиться: въ настоящую минуту это орудіе не было бы вовсе изъято изъ ихъ рукъ, еслибы и былъ положенъ конецъ всякимъ охранамъ. Вопросъ сводится, собственно говоря, къ *размѣрамъ* примѣненія смертной казни. И съ этой точки зрѣнія уроки послѣднихъ четырехъ лѣтъ не оставляютъ мѣста для двухъ различныхъ толкованій. Вѣра въ устрашающее дѣйствіе смертной казни потрясена безповоротно. Тысячи людей погибли на висѣлицѣ — и всетаки она требуетъ все новыхъ и новыхъ жертвъ. Не прекращаются преступленія, виновники которыхъ не могутъ ожидать пощады. Все яснѣе становится безполезность гекатомбъ, почти безпримѣрно колоссальныхъ. Эшафотъ никогда и ни для чего не служилъ надежной опорой—и меньше всего удавалось построить на немъ прочное зданіе государственности именно тогда, когда онъ становился чѣмъ-то привычнымъ и какъ бы входилъ въ ежедневную практику управленія. И теперь уже нелегко загладить зло, причиненное длиннымъ рядомъ казней—но съ каждымъ днемъ эта трудность должна возрастать все больше и больше.

Другой доводъ въ пользу чрезвычайной охраны—та власть, которую она даетъ администраціи надъ періодической печатью. Еще недавно необходимость такой власти была въ глазахъ правительства чѣмъ-то въ родѣ догмата вѣры, непоколебимаго и ненарушимаго. Чтобы печать могла быть отвѣтственной только передъ судомъ, хотя бы достаточно благонадежнымъ, и только на основаніи закона, хотя бы достаточно суроваго—это казалось совершенно немыслимымъ. Въ свободѣ слова, сколько-нибудь реальной, т.-е. сколько-нибудь обезпеченной, усматривалась постоянная угроза государственному порядку. Нужны были потрясающія событія, чтобы зависимость печати отъ административнаго произвола исчезла изъ закона—но изъ жизни она исчезла лишь на нѣсколько короткихъ мгновеній. Ее возстановила практика, опираясь на положеніе объ охранѣ. Съ точки зрѣнія традиціоннаго страха передъ печатью особенно цѣнную службу сослужила и служитъ чрез-

вычайная охрана. Благодаря ей, генералъ-губернаторы и даже губернаторы оказались вооруженными такою „полнотою власти“, какой прежде не имѣлъ и министръ внутреннихъ дѣлъ. Понятно, что нелегко разстаться съ возможностью однимъ ударомъ раздавить врага; но вѣдь рано или поздно на это придется же рѣшиться, и едва ли благоразумно откладывать рѣшеніе до какого-то все не наступающаго момента — напримѣръ до „успокоенія“ страны. Почему печать въ короткіе „дни свободы“ оказалась, за немногими исключеніями, безусловно враждебною старому порядку вещей? Почему эта вражда принимала иногда острыя формы? Очевидно — потому, что слишкомъ долго подавлялась законная и естественная потребность въ искреннемъ, правдивомъ словѣ. Ошибочно думать, что невысказанное становится какъ бы несуществующимъ: оно не только сохраняетъ, но часто усиливаетъ свою власть надъ умами. Господство цензуры, не столько смягченное, сколько видоизмѣненное системой предостереженій и запрещеній, ничего, въ сущности, не предупреждало: оно только прикрывало быстрый ростъ стремленій, борьба съ которыми служила для него raison d'être. То же самое, съ еще бо̀льшимъ правомъ, слѣдуетъ сказать о стѣсненіяхъ, которымъ подвергается печать при дѣйствіи усиленной и чрезвычайной охраны—стѣсненіяхъ, мѣриломъ которыхъ должно служить не только количество дѣйствительно наложенныхъ взысканій, но и все умалчиваемое изъ опасенія произвольныхъ репрессій. Если въ настоящую минуту крайніе лѣвые взгляды почти не представлены въ ежедневной печати, то болѣе чѣмъ рискованно было бы заключать отсюда объ исчезновеніи или хотя бы ослабленіи ихъ въ дѣйствительности. Съ невозможностью открытаго ихъ заявленія тѣмъ менѣе можно примириться, чѣмъ необузданнѣе разгулъ, безпрепятственно свирѣпствующій на противоположномъ флангѣ нашей прессы. При прежнемъ порядкѣ нѣкоторая доля сдержанности, хотя бы наружной, была обязательна для самыхъ „благонамѣренныхъ“ органовъ печати; теперь ничто не мѣшаетъ имъ выступать „въ натурѣ“—и это, конечно, увеличиваетъ массу незамѣтныхъ только до поры до времени горючихъ матеріаловъ. И съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, необходимымъ условіемъ перехода къ нормальному теченію жизни является отмѣна всякихъ экстраординарныхъ охранъ. Нѣтъ исключительныхъ обстоятельствъ—не должно быть и исключительнаго положенія.

Новымъ доказательствомъ ненормальности переживаемыхъ нами условій послужили инциденты, которыми былъ такъ богатъ происходившій, въ концѣ декабря и началѣ января, первый всероссійскій

съѣздъ по борьбѣ съ пьянствомъ. Въ тѣ памятные годы, когда реакція, руками Д. С. Сипягина и В. К. Плеве, тщетно старалась остановить быстро развивавшееся освободительное движеніе, настроеніе общества находило смутный отголосокъ въ преніяхъ и резолюціяхъ различныхъ съѣздовъ, задача которыхъ не имѣла, по видимому, ничего общаго съ политикой. Тревожная мысль проглядывала всюду, глубокое чувство недовольства выражалось въ самыхъ неожиданныхъ формахъ, все равно, шла ли рѣчь о начальной школѣ, или о кустарной промышленности, или о противодѣйствіи эпидеміямъ, или о новыхъ задачахъ въ области естествознанія. Заставы на большихъ дорогахъ вынуждали искать окольныхъ тропинокъ. Само собою разумѣется, что запретный товаръ подвергался и здѣсь конфискаціи, въ формѣ угрозъ руководителямъ съѣзда или преждевременнаго прекращенія его занятій; но стоило только собраться еще какому-нибудь съѣзду— и опять повторялась та же исторія. Аналогичныя причины производятъ аналогичные результаты. Еслибы „свободы“ были у насъ теперь чѣмъ-то реальнымъ, обмѣнъ мыслей по вопросамъ, такъ или иначе касающимся политики, происходилъ бы на собраніяхъ, спеціально для того созванныхъ, въ засѣданіяхъ обществъ, на диспутахъ по поводу публичныхъ лекцій. Теперь всѣ эти пути закрыты или трудно доступны—и политика опять стучится во всѣ двери, проникаетъ черезъ всѣ окна. Меньше всего она могла остаться чуждою противоалкогольному съѣзду: слишкомъ велика роль, которую правительство могло бы сыграть въ борьбѣ съ пьянствомъ—и слишкомъ мала роль, которую оно въ ней играетъ на самомъ дѣлѣ. И сколько усилій ни было потрачено администраціей на снятіе съ очереди особенно „неудобныхъ“ докладовъ и на обузданіе особенно неудобныхъ докладчиковъ, сколько ни было устранено президіумомъ щекотливыхъ резолюцій, сколько ни было демонстративныхъ уходовъ со съѣзда—всетаки въ постановленіяхъ его ясно отразилось отрицательное отношеніе самыхъ разнообразныхъ общественныхъ элементовъ и къ самому принципу казенной продажи вина, и къ способу проведенія этого принципа. Достаточно напомнить, что, высказавшись за постепенное упраздненіе питейнаго дохода, съѣздъ призналъ, тѣмъ самымъ, необходимость „измѣненія всей финансовой политики государства и проведенія ряда соціально-экономическихъ мѣръ, клонящихся къ поднятію благосостоянія населенія“.

Странно было бы, въ виду сказаннаго выше, удивляться тѣмъ яростнымъ выходкамъ противъ съѣзда, какія не замедлили появиться въ оффиціозной и полу-оффиціозной печати. „Россія“ видитъ въ образѣ дѣйствій съѣзда одинъ изъ *подлоговъ*, обыкновенныхъ въ исторіи русскаго „прогрессизма“. Она иронически благодаритъ руководителей

съѣзда за откровенность, давшую возможность обратить на нихъ „самое серьезное вниманіе“ и заставившую „всесторонне заняться изученіемъ вопроса о тѣхъ кулисахъ, гдѣ разрабатываются планы подобныхъ съѣздовъ“. Эти слова имѣютъ, очевидно, двоякій смыслъ и двоякую цѣль: они какъ бы заранѣе оправдываютъ нѣкоторые возможные, хотя и непредвидѣнные результаты съѣзда — и вмѣстѣ съ тѣмъ содержатъ въ себѣ угрозу по адресу устроителей и участниковъ будущихъ съѣздовъ. Вѣдь не всѣмъ лестно обратить на себя то „серьезное вниманіе“, о которомъ говоритъ „Россія“ — вниманіе, направленное „за кулисы“ и слишкомъ легко могущее усмотрѣть за ними „то, чего не было“... „Ни въ какой мѣрѣ“ — читаемъ мы въ той же статьѣ „Россіи“, — „не стремясь препятствовать общественной самодѣятельности, власть, конечно, не потерпитъ, чтобы, подъ флагомъ общественнаго дѣла, создавалась школа революціонной агитаціи“. Нужно смотрѣть на вещи черезъ совсѣмъ особые очки, чтобы видѣть признаки „революціонной агитаціи“ въ борьбѣ противъ винной монополіи— и не видѣть стѣсненія „общественной самодѣятельности“ въ исторіи примѣненія закона 4-го марта 1906-го года...

„Частное изданіе“ старается соблюсти приличіе, возставая не противъ созыва съѣздовъ, а противъ ихъ „агитаціоннаго“ способа дѣйствій. „Новое Время“ менѣе щепетильно: оно думаетъ, что „либеральное (!?) наше правительство оказываетъ очень плохую услугу государственности, разрѣшая безъ серьезныхъ причинъ политическіе съѣзды... Что пріобрѣтаетъ правительство на политическихъ съѣздахъ? Ровно ничего. Оно только теряетъ на нихъ, и весьма существенно, что касается авторитета власти... Самая идея собирать всероссійскіе митинги для обсужденія чисто политическихъ вопросовъ — что она такое, какъ не засвидѣтельствованное банкротство власти“?—Поразительна, прежде всего, исходная точка этихъ разсужденій. Съѣзды разсматриваются исключительно подъ угломъ зрѣнія правительства, какъ будто бы ему принадлежала иниціатива ихъ созыва, какъ будто бы только оно можетъ извлечь изъ нихъ какую-либо пользу. Общество, въ глазахъ газеты — quantité négligeable; ни во что не ставится вся та сумма мыслей и чувствъ, которую съѣзды могутъ внести въ его среду. Старое ученіе объ „ограниченномъ умѣ подданныхъ“ не потеряло еще, какъ видно, своей силы; до сихъ поръ у насъ еще находятся люди, готовые вѣрить—или притворяться вѣрящими,—что правительство все знаетъ, все умѣетъ, все можетъ и что съ правительственнымъ престижемъ несовмѣстно не только *приглашеніе* къ свободному обмѣну мнѣній, но даже простое *разрѣшеніе* такого обмѣна. Логическій выводъ отсюда—полное отрицаніе какого бы то ни было народнаго представительства, полное преклоненіе передъ единовла-

стіемъ и самовластіемъ. И „Новое Время“ не останавливается передъ этимъ выводомъ; возражая противъ всякихъ коллегій, оно не исключаетъ изъ ихъ числа „довольно громкую коммиссію на Шпалерной улицѣ“... Подчеркнемъ, въ заключеніе, одну забавную черту въ аргументаціи „Новаго Времени“. Газетѣ не нравится, что противоалкогольный съѣздъ именовался „всероссійскимъ“. Она забываетъ, что отчасти ея руками созданъ „всероссійскій національный клубъ“. Намъ думается, что къ собранію людей, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ государства для обсужденія мѣръ противъ одного изъ самыхъ страшныхъ народныхъ бѣдствій, наименованіе „всероссійскимъ“ подходитъ гораздо больше, чѣмъ къ учрежденію, соединяющему пріятное съ полезнымъ, игру въ карты—съ докладами на специфически „государственныя“ и „патріотическія“ темы...

Съ особеннымъ злорадствомъ сторонники застоя и регресса отнеслись къ тому постановленію противоалкогольнаго съѣзда, которое послужило поводомъ къ выходу изъ него представителей православнаго духовенства (впрочемъ, не всѣхъ: въ послѣднемъ засѣданіи съѣзда іеромонахъ Павелъ выразилъ съѣзду благодарность за вниманіе къ его трудамъ по борьбѣ съ алкоголизмомъ путемъ религіознаго воздѣйствія въ школѣ). Теперь не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что это постановленіе вовсе не было вызвано принципіальною враждою большинства съѣзда къ религіи и церкви. Отвергнута была—какъ это видно, напримѣръ, изъ письма четырехъ участниковъ съѣзда, напечатаннаго въ № 12159 „Новаго Времени“,—неудачная редакція, дававшая поводъ думать, что съѣзду предлагается высказаться за современную постановку преподаванія Закона Божія [1]). Вмѣсто того, чтобы приписывать большинству съѣзда чуждую ему мысль, слѣдовало бы вспомнить, какъ мало даютъ народу „религіозно-нравственные устои“ *нынѣшней* начальной школы; нужно было увидѣть въ рѣшеніи съѣзда новое подтвержденіе давно извѣстнаго факта—и новое осужденіе тѣхъ теченій въ средѣ господствующей церкви, которыя, по выраженію одного изъ членовъ съѣзда, идутъ въ разрѣзъ съ „величайшими принципами христіанской религіи“.

Мы только что упомянули объ открытомъ въ Петербургѣ „всероссійскомъ національномъ клубѣ“. О немъ недавно шла рѣчь въ докладѣ, представленномъ Н. Н. Львовымъ въ соединенномъ засѣданіи общества славянской культуры и общества единенія народностей

---

[1]) Въ резолюціи шла рѣчь о борьбѣ съ пьянствомъ при посредствѣ школьнаго образованія, съ *усиленіемъ въ немъ религіозно-нравственныхъ устоевъ*. Большинствомъ 57 голосовъ противъ 40 рѣшено было исключить подчеркнутыя нами слова.

Россіи [1]). Высоко цѣня „истинный націонализмъ, ведущій къ духовному перерожденію и дающій народу огромную духовную мощь“, уважаемый ораторъ выразилъ убѣжденіе, что если мы не будемъ воспитывать въ себѣ здоровое національное чувство, то легко могутъ придти другіе и толкнуть народную массу на путь грубыхъ извращеній націонализма. Нѣчто подобное, по словамъ Н. Н. Львова, „уже и наблюдается въ настоящее время. Угрожающимъ симптомомъ является открытіе въ Петербургѣ націоналистическаго клуба, который долженъ стать вліятельнымъ факторомъ русской жизни. Въ него наперерывъ записываются вліятельные въ столицѣ люди, ядро его образуютъ члены Государственной Думы—націоналисты и умѣренно-правые, а въ провинціи записываются въ члены клуба губернаторы и цѣлыя губернскія правленія. Такимъ образомъ образуется аппаратъ для проведенія въ жизнь политики премьеръ-министра, который является главнымъ руководителемъ этого движенія. Лозунгомъ клуба является патріотизмъ оффиціальный, узкій націонализмъ, построенный на притѣсненіи и умаленіи всѣхъ населяющихъ государство народностей во славу народности господствующей. Движеніе грозитъ разжечь въ народныхъ массахъ ненавистническіе инстинкты и пламя племенной вражды“.

Вполнѣ раздѣляя отрицательное отношеніе Н. Н. Львова къ модному лженаціонализму и къ типичному его представителю—„всероссійскому національному клубу“, мы должны сдѣлать только двѣ оговорки. Движеніе, о которомъ говорилъ ораторъ, безспорно представляетъ серьезную опасность; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы опасно было все становящееся подъ его знамя. Много вреда принесли и приносятъ администраторы, мнящіе или провозглашающіе себя патріотами par excellence, депутаты, усиленно подчеркивающіе свой націонализмъ; но сумма этого вреда едва ли увеличится отъ соединенія ихъ въ гостепріимныхъ стѣнахъ новаго общественнаго собранія. Роль клубовъ бывала велика въ бурныя минуты народной жизни, пока и насколько они стояли на гребнѣ поднимавшейся волны, пока и насколько представляли собою наиболѣе боевой элементъ нароставшаго движенія. Въ болѣе спокойное время такіе клубы быстро теряли свое значеніе—и мѣсто ихъ оставалось вакантнымъ. Клубы, имѣвшіе задачей поддержаніе старины — или возвращеніе къ ней, — не играли никакой роли ни въ восходящемъ, ни въ нисходящемъ фазисѣ движенія: въ первомъ—потому что имъ недоставало энергіи и энтузіазма, въ послѣднемъ — потому что оказывались просто ненужными. Нигдѣ политическіе клубы не занимаютъ такое видное мѣсто, какъ въ исторіи Франціи—а между тѣмъ хоть сколько-нибудь замѣтную роль удалось

[1]) См. № 13 „Русскихъ Вѣдомостей“.

съиграть только одному французскому консервативному клубу: такъ называемому собранію улицы Пуатье, основанному въ 1849 г. Тьеромъ и другими корифеями легитимизма и орлеанизма. И стоитъ только приглядѣться поближе къ этой роли, чтобы увидѣть, что и она была болѣе кажущаяся, чѣмъ реальная. Она была порожденіемъ и выраженіемъ страха, овладѣвшаго, послѣ іюньскихъ дней, достаточными классами французскаго общества; а вліяніемъ—или видимостью вліянія—клубъ пользовался лишь до тѣхъ поръ, пока былъ, самъ того не замѣчая, орудіемъ въ рукахъ Людовика-Наполеона... Помимо указаній исторіи, ничего блестящаго не предвѣщаетъ „всероссійскому національному клубу“ и прошедшее его руководящихъ членовъ. Ни одинъ изъ нихъ не выдвинулся на первый планъ, не обнаружилъ качествъ крупнаго политическаго дѣятеля или государственнаго человѣка. Въ Государственной Думѣ обѣ группы, наиболѣе близкія къ клубу, сильны только своею численностью. Въ странѣ, не смотря на благопріятныя внѣшнія условія, имъ не удалось создать прочную, широко развѣтвленную партію, не удалось и пріобрѣсти популярность путемъ какихъ-либо общеполезныхъ начинаній. Въ печати, еще больше чѣмъ въ законодательныхъ собраніяхъ, представители ихъ идутъ рука объ руку съ сторонниками крайнихъ правыхъ взглядовъ. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, что въ клубной атмосферѣ ультра-національнализмъ станетъ чѣмъ-то инымъ, чѣмъ былъ до сихъ поръ, и пріобрѣтетъ недостающія ему силы. Къ тому же выводу приводитъ насъ, наконецъ, и примѣръ „русскаго собранія“, стоящаго нѣсколько правѣе національнаго клуба, но во многомъ родственнаго ему по духу. Существуя уже немало лѣтъ и находя поддержку въ вліятельныхъ сферахъ, оно не оказывало и не оказываетъ ни малѣйшаго воздѣйствія на ходъ событій. И это понятно: оно столь же бѣдно творческими идеями, какъ и выдающимися дарованіями...

Вторая наша оговорка касается самаго существа доклада Н. Н. Львова и совпадаетъ, отчасти, съ возраженіями, сдѣланными ему въ самомъ собраніи. Безспорно, существуетъ „здоровое національное чувство“, выражающееся съ одной стороны въ любви къ родинѣ, въ готовности служить ей самоотверженно и безкорыстно, съ другой—въ духовной близости ко всему лучшему, созданному народомъ. Но этого чувства „воспитывать“ нельзя: оно рождается и растетъ само собою, благодаря безчисленнымъ нитямъ, связывающимъ личность съ родственной ей средою. Можно стремиться къ устраненію всего того, что мѣшаетъ его развитію, но нельзя насаждать его поученіями—все равно, школьными или внѣ-школьными,—нельзя класть его во главу угла при образованіи обществъ, группъ, политическихъ партій. И всего меньше забота о воспитаніи національнаго чувства нужна

для національности господствующей, безъ того уже слишкомъ часто склонной къ преувеличенію своего значенія. Для нея гораздо полезнѣе напоминаніе о долгѣ, лежащемъ на ней по отношенію къ другимъ народностямъ, менѣе, чѣмъ она, пользующимся услугами государства. Какъ нельзя болѣе своевременнымъ и симпатичнымъ является, поэтому, учрежденіе „общества единенія народностей Россіи". Чѣмъ больше накопляется преградъ на пути къ такому единенію, тѣмъ важнѣе все способствующее ему, все направленное противъ „квасного патріотизма", противъ національной нетерпимости, противъ „маніи преслѣдованія", жертвами которой служатъ иновѣрцы и инородцы. Безъ внутренняго сближенія всѣхъ народностей, населяющихъ Россію— сближенія, возможнаго только на почвѣ взаимнаго пониманія и уваженія, — немыслимо прочное обновленіе русскаго государственнаго строя, немыслимо правильное развитіе народной жизни. Мы увѣрены, что въ этомъ отношеніи разногласіе между Н. Н. Львовымъ и его оппонентами имѣетъ чисто формальный характеръ. Послѣдніе, какъ видно изъ заключительныхъ словъ Б. И. Сыромятникова, не отрицаютъ цѣнности національныхъ началъ—а первый, настаивая на опасности, представляемой пропагандою лже-патріотизма, признаетъ, тѣмъ самымъ, всю важность мира и согласія между народностями, входящими въ составъ русскаго государства.

Въ послѣднее время въ нашей печати обсуждается, съ серьезной миной, вопросъ: надо ли воевать?—или даже прямо ставится формула: „надо воевать". Упражненія такого рода можно было бы оставить безъ вниманія, еслибы они не шли дальше столбцовъ „патріотическихъ" газетъ; но есть основаніе предполагать, что разговоры на ту же тему ведутся и въ военныхъ кружкахъ. И тамъ, по видимому, многіе объясняютъ неудачный исходъ послѣдней войны предшествовавшимъ ей продолжительнымъ миромъ; и тамъ, можетъ быть, расположены думать, что для побѣды надъ врагами „надо умѣть воевать, а чтобы умѣть воевать, надо долгое время учиться этому, а учиться можно только на поляхъ битвъ". Настроенная извѣстнымъ образомъ мысль легко поддается самымъ слабымъ аргументамъ, если только они льютъ воду на ея мельницу. А такихъ аргументовъ имѣется цѣлый ворохъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь, напримѣръ, ссылку на непобѣдимость древняго Рима, обусловленную непрерывно веденными войнами—но не встрѣчаемъ объясненія тому ряду пораженій, которыя были нанесены римлянамъ гораздо менѣе опытными въ военномъ дѣлѣ карѳагенскими войсками, подъ предводительствомъ Аннибала. Семилѣтняя война—говорятъ намъ—выработала (въ средѣ русской арміи) „героевъ вели-

кой суворовской школы, отразившихъ Наполеона и его полчища"; но при этомъ упускается изъ виду, что наличность такихъ героевъ не помѣшала печальному для насъ исходу сраженій при Аустерлицѣ и Фридландѣ. „Благополучное царствованіе Николая I-го, съ большими промежутками между войнами"—читаемъ мы дальше—„было первымъ условіемъ, разстроившимъ нашу армію". Итакъ, четырехъ войнъ (персидской, турецкой, польской и венгерской), на протяженіи двадцати лѣтъ, было слишкомъ мало, чтобы поддержать воинственный духъ арміи—слишкомъ мало, хотя во все это время не прекращались военныя дѣйствія на Кавказѣ, въ той же статьѣ признаваемыя „чудесной военной школой"? Но развѣ побѣдители въ восточной войнѣ 1854—55 гг. имѣли на своей сторонѣ болѣе свѣжій и всесторонній военный опытъ? Развѣ военныя прогулки французовъ въ Испанію (1823), въ Грецію (1829), въ Бельгію (1832), въ Марокко (1845), въ Римъ (1849) дали имъ больше знанія и навыковъ, чѣмъ русскимъ—четыре названныя нами войны, веденныя въ тотъ же періодъ времени? Развѣ постоянныя стычки съ арабами въ Алжиріи внесли въ активъ французскаго войска больше, чѣмъ столь же постоянныя стычки съ горцами на Кавказѣ—въ активъ русскихъ вооруженныхъ силъ? А англичане—гдѣ они послѣ Ватерлоо обучались практически военному дѣлу? Афганистанъ и Индія, между 1815 и 1854 гг., дали имъ, въ этомъ отношеніи, еще меньше, чѣмъ Алжирія—французамъ. Совершенно ясно, значитъ, что не превосходствомъ боевой практики объясняются побѣды англо-французовъ при Альмѣ, при Инкерманѣ, при Черной. И такихъ примѣровъ, когда менѣе опытный противникъ торжествовалъ надъ болѣе опытнымъ, можно указать еще немало. Пруссія, при Фридрихѣ-Вильгельмѣ I-мъ (1712—40), пользовалась глубокимъ миромъ; Австрія, въ то же самое время, воевала и съ Франціей, и съ Испаніей, и съ Сардиніей, и съ Турціей. И всетаки война за Силезію, вспыхнувшая вслѣдъ за воцареніемъ Фридриха II-го, принесла съ собою рядъ неудачъ не для Пруссіи, а для Австріи... Полвѣка спустя плохо обученныя, свѣже набранныя войска французской республики почти вездѣ брали верхъ надъ прусскими и австрійскими ветеранами. Въ 1866-мъ году преимущество опыта опять было на сторонѣ Австріи: она воевала въ 1848-49 гг. съ Венгріей и Піемонтомъ, въ 1859 г.—съ Франціей, а Пруссія, если не считать дешевыхъ побѣдъ надъ инсургентами въ Саксоніи и Баденѣ (1849) и небольшихъ схватокъ съ датчанами въ Голштиніи (1848), вела только одну серьезную войну—съ Даніей (1864), и вела ее въ союзѣ съ Австріей. Не „обученію на поляхъ битвъ" нужно приписать, слѣдовательно, побѣдоносное шествіе пруссаковъ по Богеміи, окончившееся Кениггрецемъ... Не оправдывается оспариваемое нами мнѣніе

и русско-японскою войною. Насъ хотятъ увѣрить, что сила японцевъ заключалась „въ только что передъ тѣмъ окончившемся столкновеніи ихъ съ Китаемъ: для нихъ война 1904-5 гг. была второю, для насъ первою“. На самомъ дѣлѣ побѣда надъ китайцами досталась японцамъ такъ легко, что мало могла ихъ приготовить къ столкновенію съ противникомъ несравненно болѣе опаснымъ. Между обѣими войнами прошло, притомъ, около девяти лѣтъ, въ теченіе которыхъ какъ японскія, такъ и русскія войска участвовали только въ подавленіи боксерскаго движенія. Почему, наконецъ, японцы остались побѣдителями въ *первой* для нихъ войнѣ, т.-е. въ китайской войнѣ 1894-95 гг.? Вѣдь преимущество опыта было въ то время на сторонѣ Китая... Но еслибы и можно было согласиться съ тѣмъ, что шансы побѣды прямо пропорціональны продолжительности предшествующихъ войнъ, быстро слѣдующихъ одна за другою, то этимъ не былъ бы еще доказанъ тезисъ: *надо воевать.* Слишкомъ дорого стоютъ въ настоящее время войны, слишкомъ мало приспособлена къ нимъ организація армій, слишкомъ тяжелые удары онѣ наносятъ народному благосостоянію, слишкомъ рѣзко противорѣчатъ настроенію народныхъ массъ, чтобы можно говорить серьезно объ „обученіи на поляхъ битвъ“ и видѣть въ войнѣ нормальное условіе народной жизни.

Странное, до извѣстной степени комическое впечатлѣніе производитъ письмо, съ которымъ предсѣдатель коммиссіи для систематизаціи финляндскихъ законовъ, г. Корево (состоявшій членомъ той смѣшанной русско-финляндской коммиссіи, о которой намъ пришлось говорить въ двухъ послѣднихъ обозрѣніяхъ), обратился къ „его превосходительству, господину профессору П. Лабанду“ [1]). Въ журналѣ, руководимомъ Лабандомъ, появился недавно нѣмецкій переводъ русскихъ основныхъ государственныхъ законовъ. Г. Корево усмотрѣлъ въ этомъ переводѣ ошибку, заключающуюся въ томъ, что слова: „особыя установленія“, употребленныя во 2-ой статьѣ основныхъ законовъ [2]), переведены на нѣмецкій языкъ словами: besondere Staatsbehörden. По мнѣнію г. Корево, единственной правильной передачей русскаго текста было бы выраженіе: besondere Behörden; о besondere Staatsbehörden можно было бы говорить только въ такомъ случаѣ,

[1]) Русскій переводъ этого письма напечатанъ г. Корево въ № 12161 „Новаго Времени“. Написанное 21-го октября прошлаго года, оно, до дня оглашенія его въ русской печати, оставалось безъ отвѣта.

[2]) Напоминаемъ полный текстъ 2-ой статьи: „великое княжество финляндское, составляя нераздѣльную часть государства россійскаго, въ внутреннихъ своихъ дѣлахъ управляется особыми установленіями на основаніи особаго законодательства“.

еслибы по-русски шла рѣчь объ особыхъ *государственныхъ* установленіяхъ. Опасной допущенную въ переводѣ ошибку г. Корево считаетъ потому, что она даетъ поводъ думать, „будто государственный характеръ Финляндіи положительно признается основными законами российской имперіи“.

Тревога г. Корево кажется намъ совершенно напрасной. Во-первыхъ, эпитетъ *государственный* вовсе не имѣетъ, самъ по себѣ, того смысла, какой придаетъ ему авторъ письма. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ статья третья основныхъ законовъ, въ которой подъ именемъ „государственныхъ“ объединены всѣ вообще правительственныя установленія, въ противоположность общественнымъ [1]), а не только тѣ, которыя имѣютъ спеціально „государственный характеръ“. Во-вторыхъ, если и проводить существенное различіе между выраженіями Behörden и Staatsbehörden, то въ данномъ случаѣ болѣе подходящимъ оказывается послѣднее, потому что къ числу „особыхъ установленій“, упоминаемыхъ въ ст. 2-ой, принадлежатъ не только обыкновенныя присутственныя мѣста (которыя по-нѣмецки всего правильнѣе назвать просто Behörden), но и такія учрежденія, какъ Сеймъ и Сенатъ, несомнѣнно имѣющія государственный характеръ и вполнѣ подходящія подъ выраженіе Staatsbehörden, какъ его понимаетъ г. Корево. Въ-третьихъ—и это, конечно, самое главное—значеніе ст. 2-ой, какъ уже было объяснено нами неоднократно, опредѣляется не столько отдѣльными ея словами, сколько включеніемъ ея въ число основныхъ государственныхъ законовъ. Вѣдь не говорится же въ нихъ ни о земскомъ, городскомъ, сословномъ само управленіи, ни объ особыхъ установленіяхъ и особыхъ законахъ, дѣйствующихъ въ различныхъ частяхъ имперіи. Исключеніе сдѣлано только для особыхъ установленій и особаго законодательства Финляндіи—и сдѣлано именно потому, что правовое положеніе ея совершенно своеобразно. Этого простого, яснаго факта не можетъ затемнить никакая игра словами, русскими или нѣмецкими, еслибы она велась и съ бо̀льшимъ искусствомъ, чѣмъ обнаруженное въ письмѣ г. Корево.

---

[1]) Русскій языкъ—сказано въ ст. 3-ей—„обязателенъ въ арміи, во флотѣ и во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ“. Никто не утверждаетъ, что это общее правило примѣнимо къ Финляндіи—чѣмъ, скажемъ мимоходомъ, еще разъ доказывается своеобразность ея юридическаго бытія.

ПОПЫТКИ РЕСТАВРАЦІИ РЕМЕСЛЕННЫХЪ ЦЕХОВЪ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Вопросами ремесленной промышленности до сихъ поръ у насъ мало интересовались. Законъ 15-го ноября 1906-го года о нормальномъ отдыхѣ въ торговыхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ, подошедшій вплотную ко многимъ больнымъ вопросамъ нашего ремесленнаго устройства, привлекъ къ себѣ нѣкоторое вниманіе, но оно вскорѣ потонуло въ массѣ болѣе жгучихъ и широкихъ политическихъ и соціально-политическихъ задачъ. Попадающіяся время отъ времени краткія извѣстія о конфликтахъ въ „смѣшанныхъ коммиссіяхъ“ по регулированію рабочаго дня въ ремесленныхъ заведеніяхъ, или о борьбѣ „вѣчно-цеховыхъ“ съ „временно-цеховыми“, проходятъ малозамѣченными, хотя читатели вѣроятно не могутъ не чувствовать, что здѣсь приподнимается завѣса надъ чрезвычайно интереснымъ, своеобразнымъ уголкомъ народнаго труда и народнаго быта. Между тѣмъ, даже независимо отъ непосредственныхъ практическихъ вопросовъ, связанныхъ съ закономъ 15-го ноября 1906-го года, организація ремесленной промышленности заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія съ точки зрѣнія общихъ проблемъ соціальной политики.

Исторія соціальнаго законодательства показываетъ, что распространеніе на мелкую промышленность общихъ нормъ, устанавливаемыхъ государствомъ для защиты трудящихся, сопряжено съ очень большими затрудненіями. Мелкая промышленность продолжаетъ повсюду ускользать отъ того контроля государственной власти и общественнаго мнѣнія, которому все болѣе и болѣе вынуждены подчиняться предпріятія крупной промышленности, и становится какъ бы убѣжищемъ для худшихъ формъ эксплоатаціи человѣческаго труда. При наличности этого общаго факта можетъ показаться заманчивой мысль объ использованіи, въ интересахъ соціальной реформы, спеціальныхъ ремесленныхъ организацій, ремесленныхъ цеховъ и корпорацій, въ реставраціи которыхъ масса ремесленниковъ видитъ чуть ли не главное средство спасенія для тѣснимаго крупной промышленностью ремесла. У насъ въ Россіи сохранились особое ремесленное сословіе, ремесленныя управы, цехи, весьма подробныя законодательныя нормы о мастерахъ, подмастерьяхъ, ремесленныхъ ученикахъ.

Могли ли бы эти наши учрежденія и постановленія послужить надежнымъ фундаментомъ для урегулированія отношеній между трудомъ и капиталомъ въ области мелкой промышленности? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно дать себѣ отчетъ, какое реальное значеніе въ современныхъ экономическихъ условіяхъ имѣетъ и можетъ имѣть наше ремесленное законодательство [1]).

Но въ настоящемъ очеркѣ мы не намѣрены касаться только что указанной темы. Мы хотимъ лишь дать небольшую справку изъ области ремесленнаго законодательства у нашихъ западныхъ сосѣдей. Въ Австріи и въ Германіи, послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій полнаго торжества принциповъ экономическаго либерализма, были сдѣланы, въ послѣднее время, попытки возстановить законодательнымъ путемъ кое-что изъ стараго цехового строя. Понятно, что защитники нашихъ архаическихъ ремесленныхъ законовъ—ибо и у самыхъ архаическихъ законовъ всегда и до конца находятся защитники—должны пользоваться и пользуются нѣмецкими экспериментами, какъ лишнимъ доводомъ въ пользу своей точки зрѣнія. Такъ напр., въ коммиссіи, учрежденной при министерствѣ финансовъ въ 1894 г., подъ предсѣдательствомъ С. А. Ольхина, для пересмотра законовъ объ устройствѣ и содержаніи промышленныхъ заведеній, большинство членовъ высказалось въ пользу установленія полной свободы открытія ремесленныхъ заведеній, что конечно было бы существеннымъ подрывомъ принциповъ дѣйствующаго ремесленнаго законодательства; меньшинство же коммиссіи упорно отстаивало принципъ обязательной приписки къ цехамъ, съ обязательными испытаніями, обязательными сроками обученія и т. д. И вотъ, въ числѣ аргументовъ меньшинства мы находимъ, между прочимъ, указаніе на то, что „въ государствахъ, сравнительно недавно упразднившихъ у себя ремесленные цехи, въ послѣднее время не только проявляется, но и осуществляется стремленіе какъ разъ противоположное“. Далѣе идутъ ссылки на Австрію и Германію. Приводимыя ниже краткія свѣдѣнія о попыткахъ реставраціи цеховъ въ двухъ сосѣднихъ имперіяхъ могутъ, поэтому, оказаться полезными и съ точки зрѣнія практическаго интереса къ нашимъ русскимъ вопросамъ въ данной области.

Изъ всѣхъ странъ европейско-американской культуры ремесленно-цеховыя учрежденія съ публичными правами существуютъ въ настоящее время, кромѣ Россіи, только въ Австріи и въ Германіи. Законодательная реставрація цеховъ была здѣсь результатомъ любо-

[1]) Краткая характеристика нашего ремесленнаго устройства дана авторомъ настоящей замѣтки въ статьѣ, напечатанной въ „Русской Мысли“, 1909 г., кн. VII.

пытнаго движенія, получившаго названіе „движенія среднихъ классовъ“ (Mittelstandsbewegung). Для идеологіи этого движенія характерны отрицательное отношеніе къ новѣйшей экономической эволюціи и въ особенности къ успѣхамъ крупнаго капитала, идеализація средневѣкового сословнаго уклада жизни и требованіе государственнаго вмѣшательства какъ во имя матеріальныхъ интересовъ мелкихъ промышленниковъ и торговцевъ, такъ и во имя моральныхъ цѣнностей, связанныхъ съ существованіемъ прочнаго слоя самостоятельныхъ трудовыхъ хозяйствъ. Въ Австріи „движеніе среднихъ классовъ“, поддерживаемое конфессіональными и консервативными политическими группами, добилось замѣчательныхъ результатовъ. Законъ 15-го марта 1883 г. удовлетворилъ два основныя требованія ремесленниковъ: объ обязательномъ „удостовѣреніи знанія ремесла“ (Befähigungsnachweis) и о принудительныхъ ремесленныхъ корпораціяхъ. Нормы закона распространяются на отрасли промышленности, имѣющія „ремесленный характеръ“; списокъ ихъ составляется министромъ торговли по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Распоряженіями 1883 и 1884 гг. къ такимъ отраслямъ отнесены 47 ремеслъ. Всѣ ремесленники, занятые въ этихъ отрасляхъ, состоятъ, въ силу закона, членами принудительныхъ товариществъ (Zwangsgenossenschaften), которымъ предоставлено, въ извѣстныхъ границахъ, нормировать условія труда ремесленныхъ учениковъ, продолжительность срока ученичества, условія испытаній для учениковъ, а также ограничивать число учениковъ, учреждать третейскіе суды для ремесленниковъ и ихъ рабочихъ, и т. д. Наиболѣе рѣзкимъ новшествомъ—или, пожалуй, наиболѣе рѣзкимъ архаизмомъ — является требованіе, въ силу котораго къ ремеслу допускаются только лица, представившія „удостовѣреніе о знаніи ремесла“. Удостовѣреніе въ знаніи ремесла совершается путемъ представленія свидѣтельства о томъ, что данное лицо состояло ремесленнымъ ученикомъ не менѣе двухъ лѣтъ и подмастерьемъ также не менѣе двухъ лѣтъ, или прошло соотвѣтствующій курсъ промышленнаго училища. Отъ дѣйствія закона были освобождены фабричныя заведенія (къ которымъ въ Австріи, на практикѣ, причисляются всѣ промышленныя предпріятія съ числомъ рабочихъ не менѣе 20), торговыя заведенія и домашняя промышленность.

Законъ 1883-го года далеко не оправдалъ тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагались. Учрежденныя въ силу закона ремесленныя корпораціи или ничѣмъ себя не проявляли, или работали вяло и безрезультатно, или занимались агитаціей въ пользу болѣе радикальныхъ законодательныхъ экспериментовъ. А поднявшіяся повсемѣстно жестокія пререканія о разграниченіи ремеслъ причинили массу затрудненій и самимъ ремесленникамъ, и правительственнымъ органамъ, и

ясно показали, въ какомъ непримиримомъ противорѣчіи институтъ „удостовѣренія о знаніи ремесла" стоитъ съ общимъ характеромъ современной экономической жизни. Когда маляры стали запрещать бѣдному слесарю или кузнецу самому покрывать краской сдѣланный имъ товаръ, или кондитеры стали требовать, чтобы булочники не продавали чайнаго печенья и сластей, то вѣдь отъ этой нелѣпой средневѣковщины пострадали прежде всего сами ремесленники. Болѣе сильные экономически предприниматели—всѣ имѣющіе не менѣе 20-ти рабочихъ или раздающіе работу на домъ—остались по закону свободными отъ всякихъ путъ и, слѣдовательно, конкуренція съ мелкимъ людомъ для нихъ еще болѣе облегчилась. О безплодности и вредѣ австрійскаго эксперимента имѣются довольно единодушныя свидѣтельства съ разныхъ сторонъ. Достаточно указать, что въ 1897 г. на засѣданіяхъ „Общества соціальной политики", посвященныхъ вопросу о ремеслѣ, не раздалось ни одного голоса въ пользу австрійской системы, хотя тамъ выступали видные защитники интересовъ и политики „среднихъ классовъ": однимъ изъ референтовъ былъ проф. Гице, очень горячо защищавшій въ принципѣ идею „удостовѣренія о знаніи ремесла", но не рѣшившійся оправдывать австрійское законодательство [1]. Проф. Филипповичъ, бывшій въ числѣ докладчиковъ, весьма яркими аргументами подтвердилъ свой рѣшительный выводъ о безплодности новой цеховой организаціи и о вредныхъ послѣдствіяхъ того радикальнаго ограниченія, которому австрійское законодательство попыталось подвергнуть принципъ свободы промышленности. Одинъ изъ ораторовъ, Фойхтъ, заявившій, что по отношенію къ австрійскому законодательству онъ въ общемъ подписывается подъ приговоромъ проф. Филипповича, попробовалъ-было отмѣтить въ дѣятельности австрійскихъ ремесленныхъ корпорацій одну свѣтлую сторону: онъ указалъ на стремленіе огромнаго большинства корпорацій ограничить количество ремесленныхъ учениковъ, въ чемъ можно усмотрѣть полезное противодѣйствіе чрезмѣрному переполненію ремесла. Но проф. Филипповичъ опровергнулъ и этотъ аргументъ указаніемъ на то, что обязательныя постановленія корпорацій, ограничивающія число ремесленныхъ учениковъ, отчасти безнаказанно нарушаются, отчасти обходятся очень простымъ способомъ: хозяева, вмѣсто учениковъ и учевицъ, берутъ къ себѣ дѣтей безъ всякаго ученическаго договора, въ качествѣ малолѣтнихъ рабочихъ и работницъ, чему корпораціи воспрепятствовать не могутъ, даже если хотѣли бы.

Къ интересамъ подмастерьевъ и ремесленныхъ учениковъ австрій-

---

[1]) См. „Schriften des Vereins für Socialpolitik", т. LXXVI.

скія ремесленныя корпораціи относились въ лучшемъ случаѣ равнодушно, о чемъ свидѣтельствуетъ какъ слабое развитіе спеціальныхъ учрежденій для подмастерьевъ, которыя по закону должны были быть образованы при корпораціяхъ (предписанное закономъ образованіе „подмастерскихъ собраній" черезъ десять лѣтъ, въ 1894 г., не было еще осуществлено въ 40% всѣхъ „товариществъ"), такъ и отзывы фабричныхъ инспекторовъ [1]).

Вѣра въ аттестаты на мастерство, въ спасительное „удостовѣреніе знанія ремесла" долгое время гипнотизировала умы ремесленниковъ и въ Германіи, гдѣ правительство оказалось менѣе податливымъ по отношенію къ „движенію среднихъ классовъ". Но германскіе ремесленники не могли не видѣть, что австрійское законодательство дало неутѣшительные результаты. Поэтому защитники обязательныхъ аттестатовъ на мастерство въ Германіи, вынужденные считаться съ печальнымъ опытомъ Австріи, дѣлали слѣдующія оговорки. Во-первыхъ, по ихъ мнѣнію, слѣдовало бы допустить въ проектируемомъ для Германіи законѣ гораздо болѣе либеральныя правила о переходѣ отъ ремесла къ ремеслу; во-вторыхъ, австрійская система въ сущности вовсе и не ввела того „удостовѣренія о знаніи ремесла", котораго добиваются ремесленники, ибо по австрійскому закону для допущенія къ ремеслу достаточно пробыть опредѣленное число лѣтъ въ ученикахъ и подмастерьяхъ, испытанія же вовсе не требуется и никакой обязательной провѣрки дѣйствительнаго знанія нѣтъ. Австрійская система лишена, поэтому, „идеальнаго, воспитательнаго момента"; она не побуждаетъ къ усовершенствованію въ ремеслѣ [2]). Однако, всѣ эти оговорки германскихъ идеологовъ „движенія среднихъ классовъ" не спасли безнадежнаго дѣла. Именно исторія домогательствъ германскихъ ремесленниковъ доказываетъ лучше всякихъ другихъ аргументовъ, что идея обязательныхъ аттестатовъ, обязательныхъ испытаній, вообще весь этотъ шумъ около „удостовѣренія знанія ремесла" — наивная и безплодная мечта, могущая принести только разочарованіе. Пятый конгрессъ германскихъ „ремесленныхъ и промышленныхъ камеръ" (на этихъ конгрессахъ ярче всего выражаются домогательства германскихъ ремесленниковъ) въ 1904 г. поручилъ спеціальной коммиссіи выработку законопроекта о введеніи обязательнаго „удостовѣренія о знаніи ремесла". Къ шестому конгрессу, собравшемуся въ 1905 г. въ Кельнѣ, проектъ былъ готовъ. Но ка-

---

[1]) См. Е. Дементьевъ, „Организація ремесленной промышленности въ западноевропейскомъ законодательствѣ", Спб., 1900, стр. XVI.

[2]) J. Wernicke, „Kapitalismus und Mittelstandspolitik", Іена, 1907, стр. 849.

ковъ же былъ результатъ многолѣтней агитаціи и усиленныхъ трудовъ спеціалистовъ! Въ выработанномъ законопроектѣ устанавливалось, что къ самостоятельному занятію ремесломъ допускаются только лица, выдержавшія испытаніе на званіе мастера; но при этомъ ремесленникъ, получившій званіе мастера по любой отрасли ремесла, получаетъ право безпрепятственно переходить къ занятію всякимъ другимъ ремесломъ. Авторы законопроекта, не желая повторять опыта Австріи, подчинились той истинѣ, что устанавливать принудительныя границы между отраслями промышленности въ наше время немыслимо. Однако, тѣмъ самымъ они расписались въ полной несостоятельности основной идеи проекта. Противникамъ законопроекта безъ труда удалось вскрыть неустранимое внутреннее противорѣчіе проектированнаго порядка, при которомъ свобода промысловъ отвергается якобы ради искорененія невѣжественныхъ, неумѣлыхъ и недобросовѣстныхъ элементовъ въ промышленности, и въ то же время любому мастеру-портному предоставляется право строить дома, а любому мастеру-сапожнику—печь пироги или чинить велосипеды. Послѣ оживленныхъ преній, во время которыхъ наиболѣе безпристрастные и просвѣщенные представители ремесленнаго класса горячо убѣждали своихъ товарищей отказаться отъ наслѣдія средневѣковыхъ предразсудковъ, конгрессъ ремесленниковъ въ Кельнѣ принялъ слѣдующую резолюцію: „конгрессъ отклоняетъ требованіе удостовѣренія въ знаніи для всѣхъ отраслей ремесла, какъ недостижимое при современныхъ условіяхъ". Такимъ образомъ потерпѣло фіаско въ средѣ самихъ ремесленниковъ то требованіе, которое можно считать главнымъ лозунгомъ антилиберальной агитаціи ремесленниковъ въ послѣднія десятилѣтія.

Что касается ремесленно-цеховой организаціи въ Германіи, то въ наиболѣе существенныхъ своихъ чертахъ она была введена сравнительно недавно, закономъ 26-го іюля 1897 г., и въ общемъ, по сравненію съ австрійской организаціей, гораздо меньше противорѣчитъ либеральнымъ принципамъ современной хозяйственной системы. Германскій законъ различаетъ свободные и принудительные цехи (Zwangsinnungen, freie Innungen). Принудительные цехи, къ которымъ обязательно принадлежатъ всѣ ремесленники данной отрасли въ данномъ округѣ, учреждаются въ томъ случаѣ, если за это выскажется большинство заинтересованныхъ ремесленниковъ. Надъ цехами поставлены ремесленныя камеры (Handwerkskammern), состоящія изъ выборныхъ представителей отъ цеховъ по всѣмъ отраслямъ ремесла или отъ другихъ профессіональныхъ организацій ремесленниковъ. Ремесленнымъ камерамъ предоставлено издавать обязательныя постановленія объ условіяхъ ремесленнаго ученичества и надзирать, при помощи спеціальныхъ уполномоченныхъ, за исполненіемъ этихъ постановленій.

Цехи также пользуются правомъ такого надзора, учреждаютъ ремесленныя больничныя кассы, посредническіе суды, выбираютъ членовъ въ цеховые испытательные комитеты, производящіе испытанія на званіе подмастерья. Для испытанія на званіе мастера учреждаются испытательныя коммиссіи при ремесленныхъ камерахъ, при чемъ предсѣдатель и всѣ члены этихъ послѣднихъ коммиссій назначаются мѣстною правительственною властью. Вообще правительственнымъ органамъ законъ 26 іюля 1897 г. предоставляетъ большія полномочія: такъ, правительственный коммиссаръ присутствуетъ, съ правомъ голоса и съ правомъ протеста, на всѣхъ засѣданіяхъ ремесленныхъ камеръ и существующихъ при нихъ учрежденій, и всѣ важнѣйшія постановленія камеръ утверждаются мѣстной администраціей [1]).

Доступъ къ ремеслу въ Германіи продолжаетъ оставаться свободнымъ для всѣхъ и каждаго, но право держанія учениковъ было подвергнуто существенному ограниченію уже по закону 1897 г., а въ 1908-мъ году прошелъ новый законъ, которымъ введено еще болѣе строгое ограниченіе. По закону 1897 г. для полученія права держать учениковъ требовалось либо выдержать экзаменъ на званіе подмастерья, послѣ извѣстнаго срока обученія, либо самостоятельно проработать въ данномъ ремеслѣ не менѣе 5-ти лѣтъ. Новый законъ (30 мая 1908 г.) поставилъ право держанія учениковъ въ зависимость отъ полученія званія мастера даннаго ремесла. Такимъ образомъ званіе мастера перестало быть только почетнымъ титуломъ и сопряжено отнынѣ съ немаловажной привилегіей (эта привилегія, которой давно добивались германскіе ремесленники, въ нѣмецкой публицистической литературѣ получила названіе „Kleiner Befähigungsnachweis“). На практикѣ, впрочемъ, всѣ подобныя ограниченія въ правѣ держанія учениковъ носятъ довольно-невинный характеръ, такъ какъ ничто не мѣшаетъ любому ремесленнику вмѣсто „ремесленныхъ учениковъ“ нанимать тѣхъ же дѣтей на общихъ основаніяхъ, безъ примѣненія спеціальныхъ нормъ объ ученическихъ контрактахъ.

Сравнительно скромныя отступленія отъ принципа свободы промышленности, допущенныя германскимъ законодательствомъ 1897 г., вызвали въ свое время весьма категорическое осужденіе со стороны видныхъ представителей германской науки. Полнаго единодушія по этому предмету, однако, не было. Проф. Бюхеръ отнесся къ закону 1897 г. совершенно отрицательно и призналъ безплодными всѣ попытки чего-нибудь добиться системою обязательныхъ экзаменовъ и дипломовъ, въ

[1]) Въ русскомъ переводѣ германскій законъ 1897 г. и австрійскій законъ 1883 г. (съ дополненіями 1885 г.) приведены въ вышеупомянутомъ изданіи Е. М. Дементьева. См. также статьи П. Фойхта (о германскомъ законодательствѣ) и Р. Шюллера (объ австрійскомъ) въ Архивѣ Брауна за 1897 г.

какой бы то ни было формѣ. Наоборотъ, проф. Шмоллеръ при изданіи закона высказалъ, что это — опытъ, который, по его мнѣнію, полезно было сдѣлать и о которомъ можно будетъ судить лишь по позднѣйшимъ результатамъ. Въ 1905 г., и затѣмъ дополнительно въ 1907 г., имперское министерство внутреннихъ дѣлъ, согласно пожеланію, высказанному рейхстагомъ, произвело изслѣдованіе о примѣненіи закона 26-го іюля 1897 г. [1]). Результаты изслѣдованія очень детально рисуютъ картину внѣшнихъ проявленій новой организаціи ремесла. Но этотъ добросовѣстно собранный цифровой матеріалъ, конечно, недостаточенъ для общей оцѣнки результатовъ закона. Авторъ статьи въ журналѣ Шмоллера, М. Вестфаль, старается извлечь изъ данныхъ изслѣдованія благопріятные для закона выводы. Однако и Вестфаль долженъ признать, что, напр., постановленія закона, относящіяся къ организаціи подмастерьевъ и имѣвшія цѣлью способствовать улучшенію отношеній между ремесленниками-хозяевами и ихъ подмастерьями, не принесли ожидаемыхъ результатовъ и почти вездѣ остались мертвой буквой. Съ авторомъ статьи, на основаніи приводимыхъ имъ подробныхъ свѣдѣній, можно согласиться только въ томъ, что въ общемъ законъ 1897 г. не остался бумажнымъ актомъ, что значительная часть его предписаній понемногу прививается къ жизни и облегчаетъ ремесленникамъ задачу профессіональной организаціи и классоваго объединенія.

Если въ Германіи сами ремесленники и законодательство обнаруживаютъ извѣстную умѣренность въ попыткахъ возсозданія ремесленныхъ корпорацій, то въ Австріи неудачные результаты прежнихъ опытовъ, повидимому, не пошли въ прокъ и не удержали отъ новыхъ экспериментовъ столь же радикальнаго характера. Въ 1906 г. заинтересованнымъ элементамъ удалось провести черезъ палаты законъ, которымъ введена обязательность испытаній на званіе ремесленнаго подмастерья, и — что особенно важно — принципъ „удостовѣренія о

[1]) Изслѣдованіе вышло подъ заглавіемъ: „Erhebung über die Wirkungen des Handwerkergesetzes“, Берлинъ, 1908. Сводка полученныхъ результатовъ дана въ статьѣ M. Westphal'я, „Die Organisation des Handwerks“, въ „Schmoller's Jahrbücher“, 1908, тетр. 3-я. За годъ до изданія закона 1897 г. въ Германіи насчитывалось 10.881 цехъ съ 331.364 членами (впрочемъ цифры эти не отличаются совершенной точностью; по другому разсчету число цеховъ равнялось только 8.398). Къ концу 1904 г. число цеховъ достигло 11.311, число членовъ — 488.700 человѣкъ, число подмастерьевъ, занятыхъ у цеховыхъ ремесленниковъ—691.569, число учениковъ—264.361. Изъ всего числа цеховъ было 3.164 „принудительныхъ“, съ 218.468 членами, и 6.365 „свободныхъ“, съ 292.982 членами. „Ремесленныхъ камеръ“ въ 1907 г. было 63; кромѣ того 8 промышленныхъ камеръ (Gewerbekammern) замѣняли собою въ нѣкоторыхъ городахъ ремесленныя камеры, обладая ихъ правами и компетенціей.

знаніи промысла" распространенъ на розничную торговлю. По новому австрійскому закону (Gesetz vom 5. Februar 1907, betreffend die Abänderung und Ergänzung der Gewerbeordnung), къ веденію розничной торговли „смѣшаннымъ товаромъ", безъ ограниченія опредѣленными видами товаровъ, а также къ торговлѣ бакалейными, колоніальными и москательными товарами должны впредь допускаться только лица, представившія свидѣтельство объ окончаніи ученической практики и о послѣдующей службѣ приказчиками въ теченіе не менѣе двухъ лѣтъ. Общій срокъ службы въ качествѣ ученика и въ качествѣ приказчика долженъ быть не менѣе пяти лѣтъ. Можно ли было ожидать въ наше время такого торжества политики реставраціи? И куда же приведетъ въ концѣ концовъ эта политика? Австрійское законодательство вынуждено заниматься самой мелочной, самой смѣшной регламентаціей торговаго промысла. Новый законъ ограничиваетъ не только право торговцевъ принимать отъ покупателей заказы на изготовленіе товара, но и такое, казалось бы, невинное право, какъ право „снимать мѣрку": въ магазинахъ готоваго платья и обуви снимать мѣрку теперь запрещено, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, — предусмотрительно оговаривается законодатель, — когда сниманіе мѣрки требуется для выбора подходящаго товара изъ имѣющагося въ магазинѣ запаса. И объ этомъ правѣ сниманія мѣрки спорили парламентскія коммиссіи, велись горячіе дебаты, и надъ соблюденіемъ всей этой смѣшной китайщины должны теперь надзирать полицейскія власти, налагать штрафы, принимать взаимные доносы конкурентовъ!..

Законодательные опыты Австріи и Германіи въ области регламентаціи ремесла были порождены въ значительной степени мотивами политическаго характера: цѣлью ихъ была поддержка интересовъ мелкихъ городскихъ промышленниковъ, которые усердно выставляли себя охранителями старыхъ завѣтовъ, старыхъ моральныхъ принциповъ и старой преданности престолу. Интересы наемныхъ силъ въ ремеслѣ, подмастерьевъ, вспомогательныхъ рабочихъ и учениковъ, были отодвинуты во всемъ этомъ движеніи на второй планъ, а отчасти и прямо принесены въ жертву интересамъ ремесленниковъ-хозяевъ: послѣдніе были освобождены отъ многихъ существенныхъ требованій фабричнаго законодательства, напр. въ области нормировки рабочаго времени. Ремесленники-хозяева, неудовлетворенные результатами сдѣланныхъ имъ законодательныхъ уступокъ, слишкомъ подавлены до сихъ поръ своими узко-классовыми и узко-профессіональными интересами, и слишкомъ еще дорожатъ своей устарѣлой мечтой о патріархальныхъ отношеніяхъ въ ремеслѣ, чтобы можно было ожидать отъ нихъ отзывчивой и дѣятельной помощи государству въ рѣшеніи рабочаго

вопроса. Ремесленные подмастерья сколько-нибудь активнаго участія въ жизни новыхъ ремесленныхъ корпорацій не принимаютъ и никакой пользы отъ нихъ не видятъ: они не желаютъ отдѣляться отъ общей массы рабочаго класса, и фактически всѣ интересы ихъ, матеріальные и идейные, входятъ въ русло общаго пролетарскаго движенія.

Нормированіе ремесленнаго ученичества составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ, поставленныхъ новымъ ремесленнымъ корпораціямъ. Ремесленники-хозяева удѣляютъ этому вопросу много вниманія, но преобладающей точкой зрѣнія у нихъ остается пока не забота объ интересахъ подростающаго поколѣнія, а стремленіе къ ограниченію конкуренціи внутри ремесла. Не подлежитъ сомнѣнію, что проблема ремесленнаго ученичества не можетъ быть разрѣшена самостоятельно, съ спеціально ремесленной точки зрѣнія: это—только часть общей проблемы профессіональнаго обученія и промысловаго ученичества, проблемы, стоящей передъ всѣми отраслями промышленной и торговой дѣятельности. Ремесленники-хозяева — по крайней мѣрѣ въ массѣ своей—не понимаютъ этой общности интересовъ всей промышленности въ дѣлѣ обученія подростающаго поколѣнія, и не поймутъ ея до тѣхъ поръ, пока жизнь окончательно не разобьетъ ихъ попытокъ отгородиться искусственными защитными нормами отъ конкуренціи крупной промышленности и большихъ магазиновъ, и вообще отъ сферы капиталистическаго хозяйства.

А. Рыкачевъ.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ

Послѣднія вещи Максима Горькаго — повѣсть „Лѣто“ и хроника „Городокъ Окуровъ“—не вызвали ни въ публикѣ, ни въ печати того напряженнаго интереса, тѣхъ горячихъ толковъ, какіе еще такъ недавно встрѣчали каждое новое произведеніе популярнаго писателя. И это равнодушіе понятно: ни „Лѣто“, ни „Городокъ Окуровъ“ не отмѣчены печатью того яркаго и своеобразнаго таланта, который нѣкогда столь быстро создалъ Горькому широкую извѣстность. Какъ будто отлетѣлъ отъ писателя его добрый геній, какъ будто изсякъ источникъ творческаго вдохновенія и художественной силы. Повторилось то, что случалось каждый разъ, какъ Горькому-художнику становился поперекъ дороги Горькій-пропагандистъ. А за послѣднее

время такое прискорбное недоразумѣніе выходитъ почти каждый разъ, какъ капрейскій изгнанникъ берется за перо. Въ прошломъ году неуклюжія попытки сочетать соціалъ-демократическую доктрину съ религіозными исканіями легли безвкусными кляксами на интересную во многихъ отношеніяхъ повѣсть „Исповѣдь“. Теперь тенденціозное и доктринерское заданіе заставило писателя выжать изъ себя двѣ совсѣмъ ужъ слабыя вещи.

Въ „Лѣтѣ“ Горькій захотѣлъ изобразить тотъ колоссальный сдвигъ, который совершается за послѣдніе годы въ нашей деревнѣ. Тема эта не по плечу Горькому по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, онъ никогда не зналъ и не понималъ хорошенько деревни. Его житейскій опытъ провелъ его мимо крестьянства. Ни по рожденію и воспитанію, ни по дальнѣйшей своей судьбѣ Горькій не имѣетъ ничего общаго съ мужицкой средой. Онъ знаетъ отлично бытъ и психику міра „отверженныхъ“ и лучше всего умѣетъ выражать свои личныя переживанія въ формахъ и образахъ, взятыхъ именно изъ этого міра. Знакомо ему отчасти и нечуждо его психическому складу мелкое мѣщанство. Органически чужда ему по существу интеллигентская среда; въ ней ему, какъ прославленному литератору, пришлось вращаться, но старанія овладѣть интересами, методами мышленія и формами выраженія, свойственными этой средѣ, внесли въ сознаніе Горькаго только сугубую сумятицу, заковали его вольную душу созерцателя и художника въ уродующія колодки чуждыхъ ей, недопонятыхъ категорій. Поэтому попытки Горькаго изобразить интеллигенцію приводили его всякій разъ къ неудовлетворительнымъ результатамъ: мало прибавили къ его славѣ „Дѣти солнца“, „Дачники“ и т. п. произведенія.

Точно также заранѣе были обречены на неудачу и экскурсы Горькаго въ область деревенскаго быта и мужицкой психологіи. Дѣло еще могло бы хоть отчасти быть подправленнымъ, еслибы, берясь за такую задачу, Горькій занялся предварительно пристальнымъ изученіемъ деревни, пожилъ бы въ ней, приглядѣлся бы къ крестьянской жизни. Но этой возможности не дано Горькому при настоящихъ условіяхъ. При сознательномъ и трезвомъ отношеніи къ своей работѣ писатель долженъ былъ бы учесть рѣшающее значеніе этого обстоятельства и понять, что невозможно изображать дѣйствительность, отъ которой не имѣется своихъ, живыхъ, непосредственныхъ впечатлѣній. Въ данномъ случаѣ такое рѣшеніе напрашивалось тѣмъ настойчивѣе, что Горькій задумалъ изобразить не деревню вообще, относительно которой онъ могъ еще разыскать кое-что въ своихъ воспоминаніяхъ, а то, что творится въ деревнѣ именно сейчасъ, подъ вліяніемъ закона 9-го ноября и распада общины. Говоря иными сло-

вами, Горькій взялся за художественное выясненіе тѣхъ процессовъ, которые начались уже послѣ того, какъ онъ покинулъ Россію, и которыхъ, слѣдовательно, ему уже абсолютно не приходилось наблюдать.

Такимъ образомъ, a priori ясно, что Горькій взялся за задачу даже и не рискованную, а прямо безнадежную, подсказанную не потребностью художника разобраться въ своихъ переживаніяхъ, а публицистическими, партійными интересами. Соціалъ-демократія, какъ извѣстно, возлагаетъ большія надежды на разрушеніе общины. Она ждетъ, что, благодаря этому разрушенію, огромная масса крестьянъ будетъ обезземелена, обратится въ пролетаріатъ, переродится психологически и усилитъ собою ряды рабочей партіи. Буржуазные, собственническіе инстинкты, питаемые близостью къ землѣ, отвели крестьянство въ 1905-мъ году отъ дѣла всероссійской революціи, и только тогда загорится надъ Россіей заря новой жизни, когда народится многочисленный классъ безземельныхъ, когда въ душѣ рабочаго окончательно потухнетъ тяга къ землѣ, лежащая сейчасъ у него въ крови.

Какія все это знакомыя теоретическія построенія! Правильны они или нѣтъ — не о томъ сейчасъ рѣчь: важно то, что для Горькаго они являются не плодомъ самостоятельнаго художественнаго анализа дѣйствительности, а извнѣ пришедшей схемой, которую онъ пытается заполнить конкретными образами, насилуя себя, выдумывая эти образы или выискивая ихъ въ газетахъ и въ разсказахъ тѣхъ, кто его теперь окружаетъ. Какъ Антей, оторванный отъ матери - земли, Горькій, отрѣшаясь отъ метода художественнаго творчества, теряетъ всякую силу и заполняетъ свои произведенія жалкимъ, ученическимъ пересказомъ того, чѣмъ набиты всякіе бездарные и безвкусные листки и брошюрки. Отдавшись въ духовное рабство своимъ источникамъ, Горькій принимаетъ сообщаемые ими тенденціозные анекдоты за истинную картину русской деревенской жизни и, жертва наивной вѣры, вправду думаетъ, что деревня въ самомъ дѣлѣ планомѣрно шествуетъ по пути, раскрываемому ей схемами пропагандистовъ соціалъ-демократіи.

Вотъ, напримѣръ, идеи, развиваемыя однимъ изъ героевъ „Лѣта", молодымъ парнемъ изъ захолустной деревни гдѣ-то на лѣсномъ сѣверовостокѣ Россіи: „Сожралъ мужичокъ Великую Революцію во Франціи", сожралъ революцію и у насъ. „Невозможно новую жизнь строить изъ гнилыхъ обломковъ, на старой этой нашей землѣ. Сказать вамъ думы мои не умѣю складно — скажу просто: человѣкъ долженъ быть освобожденъ отъ плѣна земли своей. Силу плѣна этого видѣлъ я—вотъ, погодите, разскажу о временахъ передъ первой Думой,—ну и поганые же дни были! До того исказились люди отъ жадности, такъ опьянѣли всѣ, — никто ничего не видитъ, ничего не хочетъ понять, одно кричатъ: земля, земли! Битъ былъ я за мои рѣчи въ тѣ дни,

хотя и самъ не понимаю теперь, что говорилъ, о чемъ? Видѣлъ одно: не туда повернулъ народъ силу свою—были же силы, были! Но увязли ноги по колѣна въ землѣ, и — все встало, разсѣялось, всосалось обратно въ нее“.

Кого не поразитъ несостоятельность этой нарочито нескладной тирады? Кто не пойметъ того нехитраго замысла, который толкнулъ писателя на невѣрный путь? Горькій хочетъ убѣдить читателя, что доктрина о вредоносности землевладѣнія въ сущности уже народилась въ несознанныхъ еще глубинахъ мужицкой души, что поэтому пропагандистъ, приходящій въ деревню съ этой доктриной, сразу и легко находитъ сочувствіе среди крестьянъ, ибо только даетъ сознательную и отчетливую формулировку тому, что уже трепещетъ въ жизни и ищетъ для себя словеснаго выраженія, лозунга. Наиболѣе сильныя мужицкія головы якобы пробуютъ даже выразить обуревающія ихъ соціалъ-демократическія настроенія, но, не будучи привычными къ логическому мышленію и къ высказыванію общихъ идей, не могутъ подняться надъ косноязычнымъ лепетомъ. Образчикомъ такого лепета и должна служить приведенная выше тирада Егора Досѣкина.

Но еслибы даже и правъ былъ Горькій, что среди крестьянъ начинаетъ нарождаться вражда къ землевладѣнію, то ужъ во всякомъ случаѣ она выразилась бы не въ такихъ искусственныхъ тирадахъ. Такимъ языкомъ крестьяне не говорятъ. Это не рѣчь человѣка, съ трудомъ нащупывающаго новую, непривычную для него мысль; это— слова лица, прекрасно знающаго нѣкоторую формулу, но притворяющагося, что онъ вотъ только сейчасъ до нея дорабатывается. Онъ очень хорошо „понимаетъ, что говоритъ, о чемъ“, и только прикидывается непонимающимъ. Привычная фраза изъ привычнаго катехизиса искусственно закутывается въ мнимо-народную рѣчь.

Въ пятидесятыхъ годахъ Чернышевскій ядовито издѣвался надъ неумѣлыми подражателями „Записокъ Охотника“ и „Антона Горемыки“, выдумывавшихъ лженародные разговоры. Сейчасъ Горькій, въ сущности, также точно выдумываетъ мужицкій языкъ, и художественное достоинство этой выдумки нимало не выигрываетъ отъ того, что современный авторъ руководится модой соціалъ-демократической, а не сентиментально-народнической.

Такимъ манернымъ, искусственнымъ языкомъ написана почти вся повѣсть, представляющая разсказъ пропагандиста изъ военныхъ писарей о томъ, какъ онъ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ велъ пропаганду въ деревенской глуши. Выдуманъ не только языкъ—выдумана и психологія деревни. Разсказъ дышитъ наивной вѣрой въ спасительность листковъ, брошюръ, книжечекъ, бесѣдъ въ землянкахъ, воспитывающихъ „сліяніе людей въ общезначимомъ для всѣхъ и для каждой

души необходимомъ". Это „сліяніе" совершается не только на почвѣ антиаграрнаго настроенія, сильно, будто бы, прогрессирующаго въ деревнѣ. „Общезначимыми и необходимыми", а вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма доступными для Горьковскихъ крестьянъ, оказываются и нѣкоторыя другія излюбленныя авторомъ идеи.

Выходитъ, напримѣръ, такъ, что мужикъ и баба очень легко идутъ на принципіальное оправданіе свободы половыхъ отношеній. „Коли баба свободна и по своей охотѣ къ парню идетъ,—почему это грѣхъ? Та же милостина—парню-то гдѣ взять? И лучше еще, а то дѣвку бы испортилъ"... Столь же просто додумывается деревенскій парень, пожившій въ городѣ, и до значенія произведеній искусства, какъ художественнаго обобщенія, но, конечно, выражаетъ и эту сложную идею нарочито „нескладно".

— Я видѣлъ и пьяныхъ, и лошадей, и дѣвицъ, конечно; только—это особая жизнь (на картинахъ), иначе окрашена она! Не умѣю я объяснить... Ну, вотъ, скажемъ, дѣвицу эту зовутъ Марья, а ту Дарья, Олена... А на картинѣ — она безъ имени, на всѣхъ похожа, и жизнь ея какъ будто оголена передъ тобою... Трудно это объяснить... — Да, невразумительно говоришь! — справедливо замѣчаетъ крестьянинъ-слушатель... А читателя разсужденіе Алеши Шипигусева коробитъ еще больше, чѣмъ умствованія Егора Досѣкина, ибо ясно, какъ Божій день, что „невразумительность" Алешиной рѣчи обусловлена желаніемъ автора втиснуть въ крестьянскій мозгъ идею, подхваченную изъ интеллигентскаго обихода, а отнюдь не услышанную дѣйствительно изъ устъ крестьянина.

— Такъ не годится,—замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ повѣсти Егоръ Досѣкинъ:—вѣрно то, что есть, а не то, чего тебѣ хочется, по добротѣ твоей души.

Къ сожалѣнію, Горькій недостаточно оцѣнилъ мудрость этого замѣчанія своего же собственнаго героя. Увѣровавъ самъ въ спасительность извѣстнаго круга идей, Горькій, „по добротѣ своей души", увѣровалъ и въ то, что значительная часть деревни уже вплотную подошла къ этимъ самымъ идеямъ, и не сегодня-завтра двинется сомкнутыми рядами по марксистскому пути къ новому Іерусалиму соціалъ-демократическаго переустройства жизни. Источники, которыми пользуется Горькій, поддерживаютъ его въ этомъ пріятномъ заблужденіи, и онъ слѣпо берется описывать „то, чего ему хочется", принимая это за „то, что есть". Въ результатѣ получается произведеніе, до нельзя слабое въ художественномъ отношеніи и совсѣмъ неубѣдительное и въ публицистическомъ смыслѣ.

Невольная отрѣзанность Горькаго отъ Россіи, недоступность для него живыхъ впечатлѣній отъ нашей дѣйствительности служатъ,

конечно, ближайшей, но отнюдь не единственной причиной полной неудовлетворительности его послѣднихъ произведеній. Горькій — не первый и, надо думать, не послѣдній художникъ, котораго злая судьба заставляетъ жить вдали отъ родины. Но вѣдь далеко не всѣ такіе изгнанники устраивали на чужбинѣ свой художественный талантъ. Бывало даже и совсѣмъ наоборотъ. Вспомните первыя строки Мицкевичевскаго „Пана Тадеуша“:

Литва, моя отчизна! Ты дорога, какъ здоровье:
Вѣрную тебѣ цѣну тотъ только узнаетъ,
Кто тебя утратилъ. Теперь лишь красу твою во всей прелести
Вижу и изображаю, ибо тоскую по тебѣ...

И далѣе развертываются изумительно яркія, художественно безупречныя, навѣки нетлѣнныя картины литовской природы, литовской жизни. Никогда, быть можетъ, геній Мицкевича не достигалъ такого законченнаго совершенства, какъ именно въ изгнаніи, въ разлукѣ съ родиной. Оторванный отъ нея, онъ еще горячѣе ее любилъ, еще ярче видѣлъ, хотя и въ воспоминаніяхъ, еще полнѣе возсоздавалъ, дорожа каждой мелочью. А развѣ не въ изгнаніи написана великимъ флорентинцемъ „Божественная Комедія“? А развѣ не въ Лондонѣ писалъ Герценъ безсмертныя „Былое и Думы“? И сколько еще есть аналогичныхъ примѣровъ... Если вспомнить такіе факты, то не придется объяснять паденіе таланта Горькаго одной физической оторванностью отъ Россіи. Должна быть еще и другая причина, лежащая глубоко въ самой индивидуальности писателя.

Въ 1856 г. Тургеневъ писалъ Л. Н. Толстому: „желаю вамъ... свободы, свободы духовной“. Въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ онъ подробнѣе объяснилъ, о какой свободѣ идетъ рѣчь: „Одного таланта недостаточно... Нужна правдивость, правдивость неумолимая въ отношеніи къ собственнымъ ощущеніямъ; нужна свобода, полная свобода воззрѣній и понятій — и, наконецъ, нужна образованность, нужно знаніе!.. Можетъ ли человѣкъ „схватывать“, „уловлять“ то, что его окружаетъ, если онъ связанъ внутри себя?.. Безъ свободы въ общечеловѣческомъ смыслѣ—въ отношеніи къ самому себѣ, къ своимъ предвзятымъ идеямъ и системамъ, даже къ своему народу, къ своей исторіи,—немыслимъ истинный художникъ; безъ этого воздуха дышать нельзя“.

Вотъ этой-то самой внутренней свободы, безъ которой художнику дышать нельзя, и не хватаетъ Горькому уже давно—съ тѣхъ поръ какъ онъ, вольный и жадный наблюдатель жизни, по своему тоскующій, чего-то своего ищущій, успокоился на опредѣленныхъ „идеяхъ и системахъ“, отдалъ себя въ рабство извѣстнымъ схемамъ и лозун-

гамъ. Въ одномъ изъ первыхъ его разсказовъ мудрый, старый цыганъ Макаръ Чудра говоритъ своему случайному ночному собесѣднику въ степи у костра:—А ты похаживай да посматривай, на мѣстѣ не засиживайся, иди своей дорогой,—авось и не загинешь, парень...

Не послушался Горькій вѣщаго цыгана, „засидѣлся на мѣстѣ", пошелъ не своей дорогой, — и слова Чудры сбываются: „гинетъ парень" на нашихъ глазахъ...

Такъ же тенденціозно, искусственно и вяло, какъ „Лѣто", написана и хроника „Городокъ Окуровъ", хотя тутъ авторъ ведетъ насъ въ лучше ему знакомую среду—обнищавшихъ мѣщанъ, приближающихся по жизни, вкусамъ и психическому складу къ золоторотцамъ. Все знакомыя фигуры мелькаютъ въ хроникѣ: буйный красавецъ-силачъ, кривой философъ съ загадочнымъ прошлымъ, чахоточный мечтатель-поэтъ, проститутки и т. д. Въ прежнее время эти типы выходили у Горькаго ярко и сочно, говорили бойкими и мѣткими афоризмами; въ ихъ мечтаніяхъ и тоскѣ чувствовалось что-то глубокое, общечеловѣческое. Теперь поблекли и краски, и языкъ, и психологія—и все по той же причинѣ: самоцѣнность художественнаго изображенія потеряла значеніе въ глазахъ Горькаго, на первый планъ выступило служеніе опредѣленной тенденціи, а конкретный образъ и беллетристическая форма низведены на степень пріема пропаганды.

Заданіе „хроники"—злободневное, публицистическое. Автору хочется изобразить новыя вѣянія среди мѣщанской голытьбы, тѣ процессы, которые забурлили въ ней подъ вліяніемъ грознаго періода освободительной борьбы. Надо показать, что и тутъ, на полудикихъ, некультурныхъ низахъ населенія начала зарождаться идея классоваго самосознанія и классовой борьбы, ненависть обездоленныхъ къ сытымъ, безправныхъ къ власть имущимъ. И опять-таки оставляя въ сторонѣ вопросъ объ объективной правильности такого толкованія фактовъ жизни, приходится констатировать, что теоретичность замысла лишила „хронику" Горькаго художественной правдивости, связи съ жизнью—и, слѣдовательно, всякой убѣдительности, силы воздѣйствовать на читателя въ духѣ тѣхъ самыхъ идей, которыя такъ дороги, повидимому, автору.

Ну, развѣ не насквозь искусственна такая, напримѣръ, рѣчь Тіунова, „бунтующаго" мѣщанъ:

— Мы всѣ—мѣщане. Будемъ, для понятности, говорить по азбучному, просто. Чему мы, примѣрно, соотвѣтствуемъ? По азбучному сказать: какое намъ мѣсто и дѣло отведено на землѣ государевой? Вопросъ. Купецъ ли, дворянинъ ли и даже мужикъ, самый низкій слой земного жителя—всѣ имѣютъ соотвѣтственность тому-другому дѣлу.

А наше дѣло—какое?.. Никто не можетъ объяснить, кто есть въ Россіи мѣщанинъ и какому дѣлу-мѣсту соотвѣтствуетъ!..

Никто никогда не слыхалъ, чтобы наши мѣщане выражались такимъ стилемъ, да и у самого Горькаго въ прежнее время, когда онъ писалъ, повинуясь своему таланту, а не публицистическимъ схемамъ, герои не знали такой дѣланной рѣчи. Ясно, что разсужденія Тіунова состряпаны по тому же рецепту, что и тирады мужиковъ изъ „Лѣта“: не просыпающееся мѣщанство говоритъ устами Тіунова, а чуждый мѣщанству интеллигентъ, поддѣлывающійся подъ народную якобы рѣчь, подъ народный якобы складъ мышленія. Фальшивая, приторная лже-народность, давно уже осужденная въ нашей литературѣ и сданная въ архивъ...

Нѣтъ, положительно, не за свое дѣло взялся Максимъ Горькій. Для того, чтобы содѣйствовать росту народнаго самосознанія въ области политической и соціальной мысли, надо имѣть серьезную подготовку, научную умственную выправку, особый навыкъ и особый темпераментъ. Горькій же въ этомъ отношеніи недалеко ушелъ отъ своего героя, бывшаго военнаго писаря въ „Лѣтѣ“, который разсказываетъ про себя: „у меня не было времени пристально заняться самообразованіемъ; я человѣкъ, образованный разгромомъ народнаго возстанія... Соціалистическія брошюры я началъ читать всего за годъ до переворота жизни и будущее понимаю, а въ настоящемъ—разбираюсь съ большимъ трудомъ, прошлое же русской земли—совсѣмъ темное дѣло для меня... До разгрома былъ знакомъ съ партійными людьми обѣихъ партій, а послѣ возстанія, когда всѣ разсѣялись и частью погибли, остался одинъ, потерявъ связи съ партіями и зная только нѣкоторыхъ сочувствующихъ дѣлу, такъ сказать любителей, а не артистовъ“.

На знакомствѣ съ „любителями“ да брошюрами далеко не уѣдешь, развѣ только доберешься до такой ереси, будто бы можно „понимать будущее“, будучи невѣждою въ прошломъ и особенно въ настоящемъ. Нелегкое это „дѣло объединенія людей“, и для осуществленія его мало одного только „непобѣдимаго влеченія сердца и ясно видимой невозможности жить старымъ, пагубнымъ для человѣка порядкомъ“. Нужна еще и серьезная работа на поприщѣ, соотвѣтствующемъ силамъ и дарованіямъ работника. Не только свѣта въ окошкѣ, что пропаганда по книжечкамъ и брошюркамъ да сочиненіе новыхъ книжечекъ и брошюрокъ. „Считаю себя рядовымъ дѣлателемъ жизни,—продолжаетъ герой „Лѣта“—какъ бы землекопомъ, который скромненько роетъ канаву подъ фундаментъ предположеннаго судьбою къ постройкѣ собора справедливаго разума и красоты духовной“. И не видитъ Горькій, что если и роетъ онъ что-нибудь своими послѣдними писа-

ніями, то только яму для своего таланта, для своего истиннаго назначенія въ общей экономіи русской жизни.

— Главное, малый, — учитъ „бунтарь“ Тіуновъ юношу-поэта изъ мѣщанъ — ты люби свою способность. Самъ ты для себя — вещь не важная, а способность твоя—это уже міру подарокъ!

Горькому тоже дана большая способность, дорогой подарокъ русскому міру — художественный талантъ. И пока Горькій любилъ эту способность, цѣнилъ ее и слѣдовалъ ея внушеніямъ, онъ дѣлалъ большое и нужное дѣло. Къ нему шли люди толпами, заслушивались его, подъ вліяніемъ его словъ расправлялись и распрямлялись сгорбившіяся или затекшія въ тяжкомъ снѣ души; бодрые, свѣжіе голоса откликались ему со всѣхъ сторонъ. Когда будущій историкъ оглянется на недавно прокатившуюся надъ нами волну общественнаго подъема и станетъ разыскивать элементы, подготовившіе и провозвѣстившіе ея появленіе, то среди нихъ онъ найдетъ мѣсто и для прежнихъ художественныхъ произведеній Максима Горькаго, сложившихся тогда, когда онъ не думалъ ни о какихъ партіяхъ, программахъ и пропагандахъ, а просто разсказывалъ то, что заполняло его душу.

Теперь наступила другая полоса. Потерялъ себя Горькій, отдалъ свою царственную „способность“ въ кабалу за чечевичную похлебку партійнаго работника — и захирѣла въ неволѣ она, вольнолюбивая, потеряла всю свою силу и власть надъ людьми. Пусть бы только оцѣнилъ Горькій хоть тотъ фактъ: какъ читали его лѣтъ пять тому назадъ, и какъ читаютъ теперь. Не въ публикѣ, не въ измѣнившихся обстоятельствахъ главная причина наступившаго равнодушія ко вчерашнему кумиру и любимцу, а въ немъ самомъ. Перестали волновать его писанія, потому что самъ онъ пересталъ волноваться, застылъ въ скорлупѣ сухого догматизма, и заслонила отъ него эта скорлупа вѣчно текущую, вѣчно творящую жизнь—учительницу и вдохновительницу...

Грустная это исторія, но Горькій — не первый русскій талантъ, попавшій въ злую яму непониманія своей истинной силы. Бѣдные культурою, мы еще и сами себя постоянно грабимъ, ибо у насъ склонны апплодировать, какъ чему-то возвышенному и прекрасному, когда люди рвутъ драгоцѣннѣйшія рукописи на пыжи или тащатъ Сикстинскую Мадонну на баррикаду. Намъ нѣтъ дѣла до того, что старый пергаментъ — плохой пыжъ, а картина — мнимое препятствіе для пушечнаго снаряда; намъ позорнымъ кажется заботиться о наукѣ и искусствѣ, когда кругомъ льются кровь и слезы. Мы еще плохо понимаемъ, что Пушкинъ сдѣлалъ для прогресса русской жизни не меньше, чѣмъ Пестель, и Достоевскій—больше, чѣмъ прокламація „Къ молодой Россіи“. А пока мы не поймемъ этой простой, основной

истины, жалкой наивностью будетъ звучать пророчество, которымъ Горькій сентиментально-патетически заканчиваетъ свое „Лѣто":

— Съ праздникомъ, великій русскій народъ! Съ воскресеніемъ близкимъ, милый!

Вотъ, еслибы Горькій нашелъ въ себѣ силу вырваться изъ той петли, которую самъ сейчасъ на себѣ затягиваетъ, еслибы онъ, съ прежней прямотой взглянувъ на русскую жизнь, увидалъ въ ней всетаки живые побѣги и раскрылъ ихъ передъ нами съ прежнимъ искреннимъ лиризмомъ и художественной убѣдительностью, — тогда мы повѣрили бы его оптимизму и бодрѣе зашагали бы черезъ злой туманъ современности на встрѣчу новому солнышку. Но когда писатель принимаетъ болотные огоньки своихъ доктринерскихъ миражей за восходъ дневного свѣтила, то намъ нечего дѣлать съ его призывными жестами, патетическими руладами и мнимымъ богатствомъ.

Время нынѣ трудное, тяжкое, и то, что дѣлаетъ теперь Горькій, ни въ какомъ смыслѣ не является подмогой въ разрѣшеніи очередныхъ задачъ.

С. Адріановъ.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ИНИЦІАТИВА ВЪ ИТАЛІИ

(Письмо изъ Рима.)

Для опредѣленія сравнительно отдаленнаго времени, въ Римѣ употребляется, между прочимъ, такое выраженіе:

— Это было, когда еще не начали строить Дворецъ Правосудія.

Palazzo Giustizia — огромный дворецъ на набережной Тибра, невдалекѣ отъ замка Святого Ангела. Постройка его начата двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ, и въ настоящее время онъ продолжаетъ благополучно достраиваться. Передъ его фасадомъ стоятъ мраморныя статуи великихъ юристовъ древняго и новаго времени, исполненныя современными скульпторами, но рискующія къ моменту окончанія постройки сдѣлаться античными. Дворецъ Правосудія интересенъ не одной необычайной медлительностью своего сооруженія, но также и тѣмъ, что въ его архитектурѣ и отдѣлкѣ чрезвычайно своеобразно скомбинированы всѣ стили всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ: немножко Греціи, немножко Рима, чуточка храма, большая доля казармъ, легкое напоминаніе жилого дома и больницы, слегка отдаетъ и Востокомъ. Надъ окнами прилѣплены головки не то Аѳины-Паллады, не то дру-

гого воинственнаго божества, римляне же непочтительно называютъ ихъ кабаньими головками. Со стороны Тибра имѣются фонтаны, которые, какъ говорятъ, врядъ ли смогутъ когда-нибудь дѣйствовать, а со стороны площади — памятникъ Кавуру, обращенный лицомъ къ зданію и задомъ къ публикѣ. Впрочемъ Кавуръ не виноватъ: онъ стоялъ въ той же точно позѣ и тогда, „когда еще не начали строить Дворецъ Правосудія".

Медлительность постройки Дворца Правосудія объясняютъ недостаткомъ средствъ. Дѣйствительно, ежедневно въ теченіе года проходя мимо этого замѣчательнаго монумента, я могъ убѣдиться, что постройкой его постоянно занятъ лишь одинъ рабочій, имѣющій еще нестарую жену и двухлѣтняго сына; несомнѣнно онъ приступилъ къ работамъ еще будучи мальчикомъ, быть можетъ въ надеждѣ обезпечить себѣ и старость. Однако газеты увѣряютъ, что къ всемірной выставкѣ 1911-го года Дворецъ Правосудія будетъ оконченъ. Какъ ни невѣроятенъ такой слухъ, но все же судьба бѣднаго рабочаго заставляетъ призадуматься надъ непрочностью человѣческихъ надеждъ.

Говорятъ также, что неторопливость сооруженія дворца, предназначеннаго для отправленія итальянскаго правосудія (старое зданіе не можетъ вмѣстить потребнаго количества судебныхъ присутствій и канцелярій), вполнѣ соотвѣтствуетъ быстротѣ итальянскаго гражданскаго и уголовнаго процесса. Мнѣ вспоминается, напримѣръ, такой случай. Года два тому назадъ въ большой, серьезной и очень распространенной миланской газетѣ „Corriere della Sera" была напечатана ночная телеграмма изъ Рима отъ собственнаго корреспондента; въ телеграммѣ говорилось о предстоящемъ назначеніи къ слушанію сенсаціоннаго дѣла нѣкоего Пьетро Пьетри, обвиняемаго въ предумышленномъ братоубійствѣ. Насколько помню теперь—обстоятельства дѣла таковы. 19-го сентября 1870-го года обитатели одного дома были встревожены выстрѣломъ въ одной изъ квартиръ. Явившись туда, они увидали трагическую сцену: на полу лежалъ залитый кровью восьмилѣтній мальчикъ Паоло Пьетри, а передъ нимъ, съ еще дымящимся отцовскимъ пистолетомъ въ рукахъ, стоялъ его десятилѣтній братъ Пьетро Пьетри. Родителей дома не было, мальчики играли одни, затѣмъ, повидимому, поссорились, и старшій убилъ младшаго. Пьетро Пьетри былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму, при чемъ онъ, согласно протоколу, „не сдѣлалъ попытки къ бѣгству и не выказалъ раскаянія". На другой день, какъ извѣстно, Гарибальди пробилъ брешь въ стѣнѣ Рима, и наступившій затѣмъ политическій переворотъ нѣсколько затянулъ слѣдствіе по дѣлу Пьетро Пьетри. Только пять лѣтъ спустя слѣдствіе пошло быстрѣе, хотя преступникъ, не отрицая вины, продолжалъ не обнаруживать раскаянія. Осмотръ квартиры, гдѣ случи-

лось убійство, не далъ никакихъ важныхъ данныхъ, за давностью времени, а осмотръ пистолета, приложеннаго къ дѣлу, навелъ слѣдователя на кое-какія немаловажныя мысли. Дѣло въ томъ, что курокъ пистолета оказался заржавленнымъ настолько, что лишь при страшномъ напряженіи мускуловъ можно было произвести выстрѣлъ. Отсюда слѣдователь справедливо заключилъ, что убійство совершено мальчикомъ въ состояніи запальчивости и раздраженія и не могло быть предумышленнымъ. Опросили сосѣдей, но разыскать всѣхъ ихъ удалось не сразу, и дѣло нѣсколько затянулось. Я не помню сейчасъ точныхъ датъ, но приблизительно къ 19-му сентября 1883-го года дѣло было слѣдствіемъ закончено. Преступникъ, которому исполнилось ровно 23 года, продолжалъ находиться въ предварительномъ заключеніи, не обнаруживая признаковъ раскаянія. Назначеніе дѣла къ слушанію затормозилось реформой уголовнаго процесса. Когда, спустя пять лѣтъ, дѣло было обращено къ дослѣдованію по новой методѣ, то выяснились новыя данныя чрезвычайной важности. При новомъ освидѣтельствованіи вещественныхъ доказательствъ оказалось, что пуля, извлеченная изъ трупа убитаго, носила ясные отпечатки зубовъ. Руководясь правилами научной полиціи, слѣдователь сравнилъ эти уличающіе слѣды съ нарочно сдѣланными восковыми слѣпками зубовъ преступника, которому исполнилось уже 29 лѣтъ; обнаружилось, что отпечатки не тождественны. Тогда было приступлено къ разысканію могилы несчастной жертвы, на что ушло немало времени. Тѣмъ временемъ слѣдователь по этому дѣлу (уже четвертый по счету) умеръ, новый же слѣдователь счелъ нужнымъ тщательно ознакомиться съ разросшимся въ нѣсколько томовъ дѣломъ и сдѣлать нѣкоторыя дополненія. Наконецъ, около 19 сентября 1895-го года, удалось разыскать могилу убитаго, — и не напрасно: зубы отрытаго скелета мальчика какъ разъ подходили къ отпечаткамъ на пулѣ. Прежнее обвиненіе Пьетро Пьетри въ убійствѣ брата въ запальчивости смѣнилось болѣе тяжкимъ. Слѣдователь пришелъ къ убѣжденію, что убійство было не только предумышленнымъ, но и сопровождалось звѣрскимъ истязаніемъ будущей жертвы: преступникъ угрозами заставлялъ восьмилѣтняго брата грызть ту пулю, которою онъ намѣревался его убить. Такимъ образомъ дѣло, почти уже законченное, вновь было обращено къ дослѣдованію, при чемъ рѣшено было тщательно допросить свидѣтелей, которые могли слышать крики истязуемой жертвы. Къ сожалѣнію большая часть свидѣтелей уже умерла, а двое оставшихся находились въ Америкѣ. Извѣстно, что допросъ свидѣтелей, живущихъ за границей, сопряженъ съ длинной перепиской, и не мудрено, что дѣло затянулось. Однако, благодаря энергіи слѣдователя (уже седьмого по счету), въ распорядительномъ засѣданіи римской судебной палаты

19 сентября 1908-го года постановлено было въ возможно ближайшій срокъ назначить къ слушанію дѣло по обвиненію Пьетро Пьетри— которому въ этотъ день исполнилось 48 лѣтъ и который находился въ предварительномъ заключеніи,—въ предумышленномъ и звѣрскомъ убійствѣ малолѣтняго брата Паоло Пьетри.

Если этотъ сенсаціонный процессъ похожъ на анекдотъ, то здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго: это и есть только анекдотъ. Но любопытно то, что этому повѣрила солиднѣйшая итальянская газета, помѣстившая ночную телеграмму своего корреспондента и излившая по поводу ея нѣсколько словъ гражданской скорби. Только черезъ два дня я прочелъ въ той же газетѣ опроверженіе, строкъ въ пять, напечатанное мельчайшимъ шрифтомъ и гласившее, что римскій корреспондентъ газеты былъ введенъ въ заблужденіе соотвѣтствующей замѣткой газеты „L'Italie", которая лишь для увеселенія читателей помѣстила эту безтактную и неостроумную шутку.

Однако мнѣ этотъ анекдотъ не кажется ни безтактнымъ, ни неостроумнымъ. Онъ хорошо характеризуетъ не только дѣятельность судебныхъ установленій, но и вообще темпъ итальянской правительственной машины. Канцелярщина и великое перепроизводство чиновниковъ, смѣна которыхъ совпадаетъ со смѣной каждаго министерства, тормозятъ жизнь страны, нуждающейся въ радикальныхъ и планомѣрныхъ реформахъ. По счастью на выручку этой огромной и непроизводительной машинѣ приходитъ общественная иниціатива и самодѣятельность. Нѣтъ области, гдѣ бы она не вытѣсняла своимъ энергичнымъ вмѣшательствомъ толчею государственныхъ предначертаній. Именно она, эта общественная самопомощь, и представляетъ ту сторону итальянской жизни, которая для насъ полна живого интереса, — тогда какъ у политиковъ и чиновниковъ, съ ихъ планами и методами, намъ учиться рѣшительно нечему.

Характернѣйшими чертами итальянской самодѣятельности являются скромность ея начинаній, прочность ея основъ, выдержанность развитія и увѣренность въ будущей огромной роли сегодняшняго маленькаго почина. Залогомъ же прочности ея служитъ столько же правительственная терпимость къ общественной иниціативѣ, сколько и широкая взаимопомощь самыхъ различныхъ по типу и задачамъ общественныхъ предпріятій.

Когда въ Италіи зарождается какое-нибудь новое начинаніе, его иниціаторы обычно начертываютъ колоссальную программу будущихъ преуспѣяній и очень умѣренную смѣту ближайшихъ задачъ. Въ ихъ программѣ-максимумъ неизмѣнно говорится и о величіи Италіи, и о всеобщемъ братствѣ, и о служеніи человѣчеству, и о вѣчныхъ идеалахъ общественной жизни, и о прочихъ высокихъ матеріяхъ. При

этомъ пріобрѣтается знамя, заказываются значки для членовъ, однимъ изъ которыхъ сочиняется и гимнъ новаго товарищества. Но этимъ смущаться не слѣдуетъ: это лишь обстановка. Наряду съ этимъ имѣется и программа-минимумъ, пункты которой находятся въ полномъ равновѣсіи съ кассовой наличностью и скромными силами участниковъ. Помпа нужна лишь для привлеченія къ новому дѣлу общественнаго вниманія и для удовлетворенія природной склонности итальянцевъ къ мишурѣ и побрякушкамъ. Но едва завертѣлись колесики новаго маленькаго механизма—вокругъ нихъ начинаетъ формироваться скромная, чисто-дѣловая обстановка, чуждая всякой помпы. Въ Италіи нѣтъ такихъ богачей, которые вкладывали бы въ культурное общественное начинаніе огромные капиталы. Съ двумя-тремя стами франковъ въ карманѣ здѣсь уже приступаютъ къ устройству библіотеки, элементарной школы, взаимовспомогательной кассы, трудового кооператива, а то и къ изданію газеты. Мнѣ, напримѣръ, пришлось однажды посѣтить редакцію еженедѣльной газеты, выходящей аккуратно уже пятый годъ; редакція эта помѣщалась въ столовой самого редактора-издателя, который былъ и ея дѣятельнымъ сотрудникомъ, отецъ котораго тутъ же складывалъ получаемые изъ типографіи номера и налѣплялъ ярлыки, а мать таскала газеты на почту; газета эта выходитъ и посейчасъ въ одномъ изъ сѣверныхъ городовъ и, слѣдовательно, кѣмъ-нибудь читается, кому-нибудь нужна. Кто знакомъ съ организаціей итальянскаго мелкаго кредита, тотъ знаетъ, что зачастую все счетоводство сельской кассы, вмѣстѣ съ наличными суммами, умѣщается если не въ жилетномъ карманѣ, то во всякомъ случаѣ въ одномъ ящикѣ письменнаго стола, а между тѣмъ—какую огромную роль играютъ эти кассы въ жизни страны!

Возвратимся ненадолго къ Дворцу Правосудія. Рядомъ съ нимъ есть маленькій пустырь, принадлежащій, кажется, городу. Съ одной стороны пустырь ограниченъ заборомъ частнаго владѣнія и стѣной дома, съ другой—оживленной улицей. Такихъ незастроенныхъ мѣстъ еще много въ новой части города, которая когда-то представляла изъ себя рядъ огородовъ и только въ послѣдніе года лихорадочно застраивается многоэтажными доходными домами. На этомъ пустырѣ мнѣ случилось мимоходомъ сдѣлать два любопытныхъ наблюденія; оба они касаются вопроса о силѣ общественной самопомощи и иниціативы, и оба я привожу не въ качествѣ примѣровъ, а лишь въ качествѣ аллегорій. Дѣло въ томъ, что черезъ этотъ небольшой пустырь обыватель сокращаетъ дорогу изъ новой части города къ его центру, и съ годами здѣсь протопталась не только пѣшеходная, но и проѣзжая дорога. Но вотъ строительной администраціи Дворца Правосудія зачѣмъ-то понадобилось прекратить проходъ и проѣздъ черезъ пу-

стырь, очевидно—въ виду предстоявшаго устройства мостовой около зданія. По этому случаю дорогу преградили глубокой канавой во всю ширину пустыря, хотя для будущей мостовой еще и камня не заготовили. Пока одинокій рабочій лѣниво доканчивалъ послѣднюю часть канавы, прохожіе, привыкшіе къ своему маршруту, потихоньку протаптывали дорожку черезъ канаву, сравнивая ея края и заваливая ногами ея глубину. Первую недѣлю обыватели спотыкались, вторую—переходили довольно свободно, третью—уже читали на ходу газеты. А къ концу мѣсяца получилась очень хорошая, утоптанная, широкая и ровная дорога, и я съ удовольствіемъ замѣтилъ проѣхавшаго по ней извозчика. Камни же для предполагавшейся мостовой все еще привезены не были. Впрочемъ и впослѣдствіи, когда было приступлено къ работамъ по замощенію дороги и устройству панели, обыватели продолжали выполнять свой обычный маршрутъ, при чемъ оказалось, что они никому не мѣшаютъ. Отсюда позвольте пока вывести такую мораль: „при извѣстной настойчивости общественному движенію удается легко сглаживать на своемъ пути административныя канавы, въ особенности если администрація лѣнива“. Желающіе могутъ вывести и еще нѣсколько подобныхъ сентенцій.

Другое наблюденіе болѣе характерно и менѣе аллегорично. Съ одного края примыкаетъ къ пустырю огромный домъ, обращенный къ нему боковой стороной, лишенной оконъ. Невдалекѣ отъ этой стѣны, на скудной зеленой травкѣ, частенько лежалъ итальянскій свободный гражданинъ среднихъ лѣтъ, въ затасканной фуфайкѣ рабочаго, въ штанахъ съ заплатами и съ трубкой въ зубахъ; былъ ли въ трубкѣ табакъ у этого бездомнаго римлянина—не знаю. Лежалъ онъ всегда въ той благодушной позѣ, которая наглядно поясняетъ выраженіе dolce far niente: руки въ карманахъ, шляпа подъ головой, одна нога согнута, другая подкинута къ небу, куда безмятежно устремленъ и взоръ. Въ особенно хорошія минуты онъ неизмѣнно напѣвалъ любимый куплетъ римской пѣсни:

„Есть чиновникъ цѣною во сто лиръ въ мѣсяцъ,
Жена его ходитъ въ атласномъ платьѣ,
А рога ему наставила еще въ родной деревнѣ“.

И вдругъ въ одинъ прекрасный, располагающій ко всякимъ начинаніямъ день этотъ гражданинъ рѣшилъ изъ бездомнаго превратиться въ домовладѣльца. Онъ раздобылъ гдѣ-то нѣсколько старыхъ досокъ и прилѣпилъ къ стѣнѣ дома нѣчто въ родѣ навѣса, подъ которымъ легко помѣщался одинъ человѣкъ; здѣсь я его видѣлъ однажды укрывшимся отъ дождя. Затѣмъ дня три онъ пропадалъ, пока не появился съ новой охапкой старыхъ досокъ и узелкомъ тряпья. И тогда

началась строительная горячка: въ короткое время были возведены двѣ стѣны, и навѣсъ превратился въ просторную будку въ стилѣ собачьей конуры. Кусокъ рванаго половика сдѣлалъ крышу почти непроницаемой для дождя, а нѣсколько тряпокъ положили основаніе будущей перинѣ. Владѣлецъ этой конуры уже не валялся болѣе на травѣ и не пѣлъ о чиновникѣ и его женѣ: онъ цѣлый день хлопоталъ надъ усовершенствованіемъ своего жилища, прилѣпляя новыя дощечки и устраивая нѣчто въ родѣ двери. Недѣлю спустя онъ уже приступилъ къ расширенію своей конуры, которая увеличилась почти вдвое. Спустя полмѣсяца я былъ пораженъ до крайности: домовладѣлецъ женился! Можетъ быть онъ былъ женатъ и раньше, не ручаюсь, но фактъ тотъ, что у дверей его палаццо суетилась хозяйка, раскладывая огонь подъ самой стѣной высокаго дома и ковыряя палочкой что-то съѣстное на оловянной тарелкѣ. Еще спустя нѣкоторое время я уже не удивился, увидавъ, что къ семьѣ прибавилась чумазая дѣвочка лѣтъ пяти, также помогавшая по хозяйству. Самъ глава семьи на этотъ разъ задумчиво осматривалъ свои владѣнія, рѣшая какую-то сложную архитектурную задачу. Очевидно, средствъ на расширеніе ставшаго тѣснымъ для троихъ дома еще не было. Но онъ еще разъ поразилъ меня, этотъ предпріимчивый гражданинъ! Я не удивился бы, увидавъ, что у него родилась еще дочь или что онъ выписалъ изъ деревни всю свою семью, не удивился бы, еслибы онъ рѣшилъ понемногу обратить городской пустырь въ цвѣтущій виноградникъ. Но онъ сдѣлалъ больше: на томъ, что онъ считалъ дверью своего сарайчика, онъ прилѣпилъ кусокъ картона съ лаконической надписью:

„Парикмахерская".

И какъ бы въ доказательство этого передъ дверью стояло нѣчто похожее на трехногій стулъ.

Съ этого момента я окончательно увѣровалъ въ итальянскую приспособляемость. Хотя я и не видалъ кліентовъ вновь открытой цирюльни, но съ минуты на минуту ожидалъ появленія передъ стуломъ большого венеціанскаго зеркала, а на крышѣ—пары улыбающихся дамскихъ бюстовъ съ модными прическами. Было совершенно ясно, что къ прежней вывѣскѣ вскорѣ присоединится маленькое объявленіе о томъ, что требуются подмастерья... И однако этого не случилось.

А случилось то, что однажды исчезло все — и вывѣска, и парикмахеръ, и его семья, и самая лачужка. На ея мѣстѣ осталось лишь нѣсколько обгорѣлыхъ головешекъ и кухонные отбросы. Что собственно произошло — для меня осталось загадкой. Возможно, что новоиспеченный парикмахеръ нечаянно сжегъ свое жилище до тла,— для этого не требовалось больше пяти минутъ. Возможно также, что хозяинъ высокаго дома, къ стѣнѣ котораго прилѣпилось это гнѣздо,

выгналъ его обитателя и разрушилъ столь любовно возведенную постройку. Возможно, наконецъ, что городская администрація потребовала у него уплаты аренды за квадратный аршинъ занятой земли или уплаты промысловыхъ сборовъ съ его заведенія. Наконецъ, почему не предположить, что хозяинъ парикмахерской разбогатѣлъ и рѣшилъ перемѣнить мѣстожительство и занятіе, открывъ художественную фотографію на главной улицѣ или взявъ подрядъ на окончательную отдѣлку внутреннихъ покоевъ Дворца Правосудія. Ибо за все время созиданія, расширенія и ремонта лачужки на пустырѣ, за весь этотъ законченный періодъ жизни ея обитателя — ко Дворцу Правосудія прибавилось не болѣе одной кабаньей головки.

Конечно и этотъ разсказъ не лишенъ соотвѣтствующей морали. Напримѣръ: „Зданіе государственное созидается болѣе медленно, нежели семейный очагъ“. Или, если благоденствіе парикмахера было нарушено вмѣшательствомъ сторонней законной силы: „Частная собственность священна и неприкосновенна“.

Но я, принимая во вниманіе итальянскую общественную психологію, предложилъ бы мораль другого рода, а именно: „У кого имѣется бритва, тотъ уже можетъ сдѣлаться предпринимателемъ“.

Мнѣ вотъ вспоминаются различныя россійскія предпріятія общественнаго характера. Рѣдко-рѣдко начинаются они при наличности одной бритвы; обычно наоборотъ—сначала копятся суммы, а потомъ уже сразу готовится что-нибудь грандіозное, и при этомъ первая забота иниціаторовъ — добиться крупной субсидіи отъ казны или города. Правда — велика разница между Италіей и Россіей, и методы этихъ странъ естественно должны быть различны. Правда и то, что у насъ, чтобы подать нищему двѣ копейки, нужно предварительно подать кому слѣдуетъ прошеніе на гербовой бумагѣ. Но все же у насъ наблюдается какая-то несмѣлость въ иниціативѣ и неувѣренность въ достаточности своихъ наличныхъ силъ. Итальянцы разсуждаютъ иначе. Они начинаютъ съ ничего плюсъ единица; черезъ нѣкоторое время нуль съ единицей образуютъ десять, о чемъ составляется подробнѣйшій отчетъ и посылается всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, кого только это можетъ интересовать. Тогда же назначается генеральный смотръ новорожденнаго учрежденія. Если смотръ сошелъ хорошо—нѣсколько учрежденій того же типа, но годами постарше, даютъ въ складчину маленькую субсидію, которая помогаетъ ихъ меньшому брату встать на ноги; вмѣстѣ съ тѣмъ этого меньшого брата записываютъ въ семью полноправнымъ членомъ. И вотъ, опираясь на старшихъ, онъ растетъ, пока самъ не пріобрѣтаетъ способность, выплативъ долги, помогать въ свою очередь родившимся позже. Потомъ мѣстныя ячейки образуютъ провинціальный союзъ. Потомъ провинціальные союзы

съѣзжаются и образуютъ національную федерацію. Это уже сила! Итальянскіе національные союзы и федераціи пользуются большими привилегіями. Такія организаціи, какъ кооперативный союзъ, какъ лига кассъ взаимнаго вспоможенія, какъ союзы учительскій, желѣзнодорожныхъ служащихъ, гражданскихъ чиновниковъ, типографовъ, металлурговъ и другіе профессіональные,—не только заставляютъ законодателей и общество считаться съ мнѣніями ихъ конгрессовъ, но при случаѣ диктуютъ правительству правила поведенія. Такія организаціи имѣютъ свои органы печати, своихъ депутатовъ, а иногда и депутатскія группы (напр. „Парламентская лига друзей коопераціи"); на ихъ очередные съѣзды считаютъ долгомъ являться министры соотвѣтствующихъ вѣдомствъ и слетаются корреспонденты со всей Италіи. И подобныхъ національныхъ федерацій въ Италіи очень много. И вотъ, лишь достигнувъ такого вліятельнаго и виднаго положенія, общественныя организаціи предъявляютъ муниципальнымъ органамъ и правительству требованія различныхъ привилегій, но отнюдь не начинаютъ съ этого. Характерно, напримѣръ, что только прочно укрѣпившіяся и развившія свои функціи общества обращаются къ властямъ за оффиціальной легализаціей; болѣе мелкія довольствуются фактомъ своего существованія, не чувствуя потребности въ законной санкціи. Это съ одной стороны чрезвычайно затрудняетъ учетъ общественныхъ силъ, но съ другой—облегчаетъ созиданіе мелкихъ общественныхъ единицъ, не обставляя ихъ рожденіе излишними формальностями. Конечно, причина такой легкости начинаній всякаго рода лежитъ въ признаніи полной свободы союзовъ, которою дѣйствительно пользуется Италія за послѣднія десять лѣтъ.

Обычай взаимопомощи и взаимоподдержки, о которомъ я только что говорилъ, не ограничивается узкими сферами профессіи или точными рамками задачъ, преслѣдуемыхъ данной зародившейся ячейкой. Такой узости итальянская общественность не признаетъ. Если народные банки и сберегательныя кассы съ особой охотой содѣйствуютъ учрежденію мелкаго народнаго кредита, то съ такою же готовностью они помогаютъ встать на ноги всякому хорошему начинанію, будь то библіотека, народный университетъ, производительный кооперативъ, потребительская лавка, общество постройки домовъ для рабочихъ и т. п. Зарождается, предположимъ, родительскій кружокъ или школьный кооперативъ—и тотчасъ мѣстная камера труда предоставляетъ ему свое помѣщеніе для собраній, книгопродавческій союзъ открываетъ ему кредитъ на учебники, взаимовспомогательное общество субсидируетъ его для образованія „фонда завтраковъ для школьниковъ" и т. д. Все это—мелочи: десятки, рѣдко сотни лиръ. Но изъ мелочей составляются суммы, нужныя на первое время, а главное—дорога под-

держка и увѣренность въ дальнѣйшемъ ея продолженіи. Такое, напримѣръ, общество, какъ знаменитая миланская Umanitaria, вполнѣ, такъ сказать, энциклопедично въ дѣлѣ товарищеской помощи начинаніямъ всякаго рода; нужно лишь, чтобы начинаніе это было гуманно, прогрессивно и жизненно—и въ помощи ему не бываетъ отказа. И можно сказать, что всякое общество, прочно вставшее на ноги, считаетъ дѣло помощи младшимъ собратьямъ своей священной обязанностью.

Такой обычай круговой поруки и тѣснаго товарищества—лучшая черта итальянской общественности. Именно она, а не механическое объединеніе областей, сплачиваетъ итальянскія народности въ единую націю, а всю Италію—въ единое королевство. Не будь этой объединяющей и дѣйственной силы—Италія была бы случайнымъ союзомъ областей, мертвымъ и лишеннымъ будущности, какимъ ее и сейчасъ еще считаютъ тѣ, кто внимательно слѣдитъ за ея парламентскими скандальчиками, не замѣчая повседневной общественной жизни. Вѣдь въ данномъ случаѣ передъ нами не одни предположенія, а реальное существованіе тѣсно переплетенной сѣти кружковъ, союзовъ, обществъ, лигъ, федерацій, какъ въ періодѣ зарожденія, такъ и въ періодѣ полнаго расцвѣта. И если припомнить, что все это создалось въ теченіе какихъ-нибудь десяти лѣтъ, что рѣдкая организація насчитываетъ возрастъ, восходящій за этапъ „миланской революціи", что два года, 1899—1900, слѣдовавшіе за этой революціей, были эпохой подавленія всякихъ начинаній и разрушенія всякихъ общественныхъ основъ, то успѣхъ нужно признать дѣйствительно колоссальнымъ. Я не привожу здѣсь цифръ, надѣясь попутно и постепенно дѣлать это въ будущихъ очеркахъ. Но, я думаю, достаточно упомянуть о свыше десяти тысячахъ кооперативовъ разнаго рода, при 32 милліонахъ населенія небольшой территоріи, чтобы показать, что Италія, въ извѣстномъ отношеніи—страна далеко не отсталая, и ея современная исторія не лишена поучительности.

Живучесть итальянскихъ общественныхъ начинаній и достигнутая ими въ короткое время степень расцвѣта заставляютъ надѣяться, что приближается вторая стадія ихъ развитія. Зародившись въ пору правительственнаго противодѣйствія, они сразу расцвѣли въ десятилѣтіе полной терпимости, укрѣпившись настолько, что теперь государство должно уже подумать о поощреніи ихъ. Объясняется это упроченіемъ въ сознаніи народа важности союзныхъ предпріятій, на которыхъ уже сейчасъ базируется повседневная жизнь. Не считаться съ этимъ правительство не можетъ, такъ какъ, при всей своей бездѣятельности, оно въ Италіи неизбѣжно демократично. Ни одинъ депутатъ, ни одинъ министръ не можетъ обойти вопроса о своемъ отношеніи къ кооперативному движенію и къ мелкому кредиту. Новое итальянское

министерство имѣетъ въ своихъ рядахъ такого крупнаго общественнаго дѣятеля, практика кооераціи, какъ министръ земледѣлія Луиджи Луццатти. И вотъ именно въ этой области, въ области сельскаго хозяйства, несомнѣнно—самой важной, и будетъ сдѣланъ починъ государственной помощи общественнымъ начинаніямъ,—если, конечно, кабинетъ Соннино продержится у власти. Но... passano gli uomini, restano i problemmi: люди проходятъ—задачи остаются, и рано или поздно время принудитъ разрѣшить ихъ такъ или иначе. Мы можемъ только отмѣтить, что данный моментъ для Италіи благопріятенъ. Отъ государственнаго такта и практическаго смысла власть имущихъ будетъ зависѣть использованіе уже достигнутыхъ отдѣльными общественными ячейками результатовъ въ цѣляхъ общегосударственной пользы. Поскольку государство дастъ общественнымъ группамъ матеріальную и моральную поддержку, оставивъ за ними свободу дѣйствій, постольку успѣхъ дѣла будетъ обезпеченъ; но поскольку оно захочетъ вмѣшаться въ ходъ развитія общественныхъ предпріятій, обставивъ формальностями ихъ зарожденіе, ихъ уставы, ихъ отчетность и т. д.,—постольку и матеріальная помощь окажется безплодной. Здѣсь легко возможна обычная ошибка центральной власти: стремленіе къ нивеллировкѣ и схематизированію общественныхъ починовъ, которымъ оно хочетъ покровительствовать. Однако, нужно надѣяться, что такой ошибки на этотъ разъ не произойдетъ. По проникшимъ въ газеты извѣстіямъ, первымъ дѣйствіемъ министра Луццатти будетъ учрежденіе государственнаго кредита въ помощь кооперативамъ и другимъ общественнымъ предпріятіямъ, въ формѣ Банка Труда. До сихъ поръ такая помощь давалась только въ формѣ случайныхъ и мелкихъ ассигновокъ, которыми правительство старалось успокоить парламентскую крайнюю лѣвую. Учрежденіе Банка Труда явится результатомъ не только давней проповѣди друзей экономическаго прогресса, но и зрѣлости и расцвѣта самаго движенія, общегосударственное значеніе котораго сознано, наконецъ, всѣми. Важное значеніе государственнаго кредита въ дѣлѣ развитія кооперативнаго движенія доказано хотя бы опытомъ Центральной Государственной Кооперативной Кассы, существующей въ Пруссіи съ 1895-го года.

Таковы надежды. Однако, какъ мнѣ много разъ уже приходилось говорить, итальянцы вовсе не склонны черезчуръ предаваться мечтамъ о помощи свыше: они полагаются болѣе на свои силы и предпочитаютъ, вставъ на ноги,—требовать, чѣмъ чувствуя слабость—просить. Въ этомъ, быть можетъ, и лежитъ залогъ прочности ихъ общественныхъ начинаній — и въ этомъ, во всякомъ случаѣ, причина самостоятельности этихъ послѣднихъ, такъ какъ всякая протекція свыше тѣмъ самымъ ограничиваетъ самостоятельность низовъ. Поэтому и

развитіе итальянской активной общественной самопомощи зависитъ не столько отъ того или другого отношенія правительства къ обществамъ, союзамъ, федераціямъ, съ ихъ безконечно разнообразными задачами, сколько отъ прогресса общественной культуры. Связь распространенія образованія съ развитіемъ активной общественной жизни можно наглядно показать на картѣ Итальянскаго королевства. Сѣверъ покрытъ сѣтью всевозможныхъ товарищескихъ предпріятій, средняя Италія сразу понижаетъ ихъ процентъ, югъ—имѣетъ лишь ихъ зародыши. И это настолько послѣдовательно, насколько послѣдовательно пониженіе грамотности съ сѣвера на югъ, отъ 83% въ Пьемонтѣ до 22% въ Калабріи. Поэтому-то передъ Италіей и стоитъ такъ грозно южный вопросъ или „вопросъ о морализаціи юга", какъ окрестили его во дни недавняго владычества Джолитти, извлекавшаго изъ „южной иммoральности" большія выгоды въ смыслѣ укрѣпленія своей власти. И потому же, говоря объ итальянской общественной иниціативѣ, приходится особо говорить о сѣверѣ, съ его благопріятными условіями и развитой общественностью—и о югѣ, гдѣ эта общественность лишь только зарождается и гдѣ ея успѣхи всецѣло зависятъ отъ общаго культурнаго развитія края.

Югъ—пасынокъ Италіи. На югъ и его населеніе сваливаются всѣ бѣды. На югѣ повсемѣстно и откровенно подкупаются избирательскіе голоса; на югѣ выдѣлываются фальшивыя монеты, и успѣшно конкурируютъ съ настоящими; на югѣ совершаются самыя кровавыя преступленія; на югѣ безраздѣльно господствуютъ попы и клерикалы; югъ ведетъ азартнѣйшую игру въ государственныя и частныя лоттереи; на югѣ происходятъ аграрныя движенія стихійнаго типа; на югѣ правосудіе отправляется нечестными чиновниками и во внутреннемъ управленіи царитъ произволъ; южныя коммуны не хотятъ строить школъ; на югѣ каморра и мафія; у южанъ менѣе развитъ черепъ; даже землетрясенія облюбовали югъ! Казалось бы, все это должно было пробудить къ югу особое вниманіе и сочувствіе. Казалось бы, общественные оздоровители должны были толпами переселяться въ этотъ обиженный судьбою край. Но въ дѣйствительности ничего подобнаго не наблюдается. До сихъ поръ немногочисленнымъ друзьямъ юга приходится тратить силы на доказательство того, что югъ, въ сущности, не виноватъ въ своей отсталости и въ своихъ бѣдахъ, а виноватъ въ нихъ скорѣе всего сѣверъ, на который исключительно направлены заботы правительства. Да и бо̀льшая иммoральность юга еще подъ сомнѣніемъ. Подкупы голосовъ имѣютъ мѣсто и на сѣверѣ, но только производятся болѣе тонко и „по-европейски", а не въ формѣ грубаго всовыванія въ руку соотвѣтствующихъ денежныхъ знаковъ. Въ параллель южнымъ кровавымъ драмамъ сѣверъ

даетъ образчики опять же тонкихъ европейскихъ мошенничествъ, и вся разница только въ томъ, что его бандиты болѣе „воспитаны" и носятъ цилиндры. Процвѣтаніе на югѣ banco-lotto компенсируется биржевой игрой на сѣверѣ. Что же касается до дурного управленія, вліянія клерикаловъ, отсутствія школъ, слабаго развитія общественныхъ начинаній, то можно ли винить въ этомъ само южное населеніе и объяснять это дефектами въ строеніи череповъ мѣстныхъ жителей? Правительство издавна практикуетъ переводъ съ сѣвера на югъ чиновниковъ какъ по дряхлости и неспособности, такъ и въ наказаніе за взяточничество и другія прорухи. То же правительство всячески покровительствуетъ азартной игрѣ, которою само и завѣдуетъ. Оно же оставляетъ безнаказанными самые яркіе образчики произвола и насилія мѣстныхъ властей, примѣрами которыхъ пестритъ мѣстная хроника. Съ другой стороны и „общество" ограничивается только одними словами негодованія, не желая шевельнуть пальцемъ для „морализаціи юга". Врачи, учителя, адвокаты, судьи, литераторы—всѣ они стремятся въ Пьемонтъ, Ломбардію, Тоскану, Римъ, гдѣ ихъ ждетъ заработокъ и возможность выдвинуться, сдѣлать карьеру, завоевать депутатское кресло, а можетъ быть и портфель министра. На югѣ же остаются лишь тѣ, кто не очень гонится за славой, предпочитая ловить рыбу въ мутной водѣ. И всетаки виноватымъ, почему-то, оказывается югъ, которому сѣверяне готовы поставить въ вину даже гибель Мессины и Реджіо.

И вотъ, очевидно, тотъ же принципъ самопомощи долженъ будетъ спасти и югъ, забытый не только правительствомъ, но и братьями-сѣверянами. Educhiamo noi stessi!—займемся сами своимъ воспитаніемъ!—таковъ новый лозунгъ передовыхъ элементовъ юга. Не скрывая отъ себя трудности предстоящей задачи, южане видятъ, что единственное средство—дѣйствовать самимъ, и дѣйствовать по тѣмъ же методамъ, какъ это практикуется въ общественныхъ начинаніяхъ сѣвера: сначала хоть что-нибудь маленькое и прочное, затѣмъ широкая реклама начатаго и призывъ къ братской помощи, наконецъ—движеніе въ пользу всевозможныхъ союзовъ и федерацій. Такимъ маленькимъ починомъ является, напримѣръ, организація народныхъ библіотекъ, начало которой положено на югѣ только въ истекшемъ году.

Объ организаціи народно-библіотечнаго дѣла въ Италіи мнѣ пришлось говорить въ другомъ мѣстѣ, въ одномъ изъ спеціальныхъ журналовъ. Здѣсь мнѣ хочется лишь указать, на какомъ невоздѣланномъ полѣ приходится сѣять просвѣщеніе южанамъ. Докладъ одного изъ подвижниковъ дѣла, прочитанный на первомъ національномъ римскомъ конгрессѣ народныхъ библіотекъ (въ 1908-мъ году), рисуетъ картину сицилійскаго быта, съ его „анальфабетизмомъ", суевѣріями и вѣ-

ками выработанными привычками. Докладчикъ указывалъ, что книга, если даже и дать ее населенію Сициліи, не сразу найдетъ себѣ читателей уже потому, что безграмотность достигаетъ здѣсь, особенно въ деревняхъ, 85, а то и 100%. Провинція Сиракузы, напримѣръ, представляетъ изъ себя обширное царство полной безграмотности. Но и тамъ, гдѣ есть зачатки грамотности, дѣло просвѣщенія находится въ рукахъ духовенства, не столько учащаго азбукѣ, сколько сѣющаго предразсудки и суевѣрія, главнымъ образомъ на религіозной почвѣ. Такъ напримѣръ, повсемѣстно въ Сициліи рожениц, по совѣту поповъ, немедленно послѣ родовъ таскаютъ въ церковь ради „облегченія послѣродового періода": дѣвочкамъ выжимаютъ груди, чтобы онѣ сдѣлались впослѣдствіи хорошими кормилицами; женщинамъ рекомендуется трижды прыгать крестъ-на-крестъ черезъ путанные мотки нитокъ—ради излѣченія мѣсячныхъ болей и т. п. Достаточно отмѣтить религіозно-половой характеръ подобныхъ суевѣрій, чтобы обнаружить вліяніе извращеннаго католичества, представляемаго развращеннымъ духовенствомъ. Относительно провинціи Катаніи, напримѣръ, это опредѣленно доказано. Нѣтъ недостатка и въ предразсудкахъ свѣтскаго характера, хотя бы изъ той же „медицинской" области: для излѣченія золотухи полагается съѣдать въ супѣ три головныхъ паразита; противъ болѣзней горла рекомендуется обертывать шею грязнымъ чулкомъ; кровотеченіе изъ носа останавливается вдыханіемъ угольной пыли и т. д. О дикихъ религіозныхъ процессіяхъ ради борьбы съ засухой, сопровождающихся воплями, вырываньемъ волосъ, самоистязаніемъ и проч., не приходится и говорить: это явленіе распространено не въ одной только Италіи. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ сицилійскихъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ въ Калтаниссеттѣ и Джирдженти, нѣтъ даже смысла учреждать библіотеки; скорѣе слѣдуетъ позаботиться объ аптекѣ и хотя бы захудаломъ врачѣ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ юга, гдѣ пользуется спросомъ хоть сколько-нибудь и хоть какая-нибудь книга, спросъ этотъ удовлетворяется почти исключительно „Цвѣточками св. Франциска", „Мадонной Печенаго Хлѣба" (Madonna del Pane Cotto), „Священными Гимнами" Манцони и тому подобной литературой, оставшейся отъ книгохранилищъ уничтоженныхъ теперь религіозныхъ корпорацій. Изрѣдка попадаются въ подобныхъ библіотекахъ свѣтскія книги Барилли, Фогаццаро и другихъ вѣрныхъ сыновъ церкви, но изъ современныхъ писателей нельзя встрѣтить ни Кардуччи, ни Ады Негри, ни Матильды Серао, ни Габріэля д'Аннунціо, ни Джованни Пасколи; все это запрещенный плодъ, все это сѣетъ невѣріе и ересь антиклерикализма! Подобно школамъ, немногочисленныя библіотеки находятся всецѣло въ завѣдываніи духовенства;

въ нѣкоторыхъ коммунахъ, какъ напримѣръ въ Ачиреале, нельзя даже брать книгъ изъ коммунальной библіотеки безъ предварительнаго одобренія каждой данной книги для каждаго даннаго лица соотвѣтствующимъ духовнымъ лицомъ. Окончательно и безповоротно преданы анаѳемѣ всѣ книги содержанія критическаго, труды по соціологіи и вообще сочиненія образовательныя. Въ результатѣ библіотеки посѣщаются почти исключительно молодыми священниками, пользующимися этимъ своеобразнымъ подборомъ литературы для сочиненія проповѣдей. Библіотекъ же народныхъ въ общепринятомъ смыслѣ въ Сициліи совершенно не существуетъ; докладчикъ упоминаетъ лишь объ одной „такъ называемой народной библіотекѣ“ (così detta biblioteca popolare), которая, *по слухамъ*, существуетъ въ провинціи Палермо и насчитываетъ до 2.875 томовъ. Помимо библіотекъ спросъ на книги удовлетворяется исключительно описаніями похожденій Ринальдо и Орланда, легендарныхъ героевъ временъ Карла Великаго. Тѣ, кто не умѣетъ читать, удовлетворяются наглядными лубочными изображеніями подвиговъ героевъ рыцарской эпохи, сказанія о которыхъ до сихъ поръ распѣваются на манеръ древнихъ рапсодій. Наконецъ, въ большомъ ходу сельскіе театрики, часто—подъ открытымъ небомъ, гдѣ разыгрываются кровавыя пьесы, поединки на короткихъ ножахъ, невѣроятныя страсти, мафіанскіе и каммористскіе подвиги и т. п. Собственно эти театрики и являются единственными школами для дѣтей, подростковъ и взрослыхъ—но только школами преступности.

При такихъ условіяхъ трудно ожидать развитія на югѣ, особенно въ островной Италіи, общественной самодѣятельности. И дѣйствительно, самопомощь темнаго и нищаго населенія проявляется здѣсь не организованно, а чисто стихійно, иногда—въ формѣ аграрныхъ вспышекъ, постоянно—въ формѣ массовой эмиграціи за океанъ. Есть провинціи, гдѣ годъ отъ году уменьшается абсолютная цифра населенія, относительное же уменьшеніе наблюдается на югѣ повсюду. Интересно, что большинство эмигрантовъ съ юга покидаетъ родину навсегда, переселяясь преимущественно въ Америку. Однако въ послѣднее время даже и въ этой отверженной и забытой половинѣ Итальянскаго королевства, наряду съ движеніемъ стихійнымъ, зачинается болѣе или менѣе планомѣрная общественная организація. При этомъ, какъ часто случается съ культурно отсталыми мѣстностями,—онѣ принимаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сразу сложныя общественныя формы, минуя стадіи подготовительныя. Укажу здѣсь хотя бы на общества коллективнаго найма и обработки земли (affitanze collettive), развивающіяся на крайнемъ югѣ. Общества эти чрезвычайно интересны и бываютъ двухъ типовъ. Одни изъ нихъ распредѣляютъ сня-

тыя въ аренду земли между своими членами такъ, что каждый является какъ бы собственникомъ своей парцеллы и самъ ее воздѣлываетъ; смыслъ коллективнаго найма въ данномъ случаѣ заключается лишь въ устраненіи съемщика-посредника (gabelotto), этой язвы итальянскаго земледѣлія, снимающаго сразу большіе участки земли для раздачи ихъ въ субъ-аренду съ лихвой. Другія общества распространяютъ принципъ коллективизма и на обработку, ставя себѣ цѣлью „коллективно снимать земли и культивировать ихъ, опредѣляя долю участія каждаго члена, который пожелаетъ извлечь выгоду изъ своего труда безъ посредника-эксплуататора и безъ обычной конкуренціи между земледѣльческими рабочими“ [1]). Общества этого типа стараются преслѣдовать также и цѣли просвѣтительныя, путемъ лекцій и конференцій по сельскому хозяйству, выписки и изданія брошюръ и проч., и поддерживаютъ тѣсное общеніе съ рабочими организаціями другихъ типовъ, преимущественно соціалистическими. Кромѣ этихъ обществъ крестьянско-пролетарскаго характера, на югѣ развиваются сельско-хозяйственные консорціи, съ задачами очень обширными и успѣшно осуществляемыми. Такими мѣрами само населеніе старается помочь себѣ, не дожидаясь, пока правительство приступитъ къ выполненію законодательныхъ предначертаній о сельскомъ хозяйствѣ на югѣ. Ибо и эти предначертанія, и слухи о близкомъ ихъ выполненіи имѣли уже мѣсто... „когда еще не начали строить Дворецъ Правосудія“.

Въ этомъ бѣгломъ очеркѣ итальянской общественной самодѣятельности на сѣверѣ и югѣ, которую я противополагаю бездѣятельности и слабости правительственныхъ центровъ, мнѣ пришлось коснуться лишь немногихъ примѣровъ той и другой, изобразивъ ихъ взаимоотношеніе болѣе или менѣе аллегорически. Но передъ нами встаетъ еще одинъ важный вопросъ: насколько самый составъ итальянскаго общества способенъ къ сознательной работѣ? Насколько здѣсь велико и сильно внутренней творческой силой ядро интеллигентовъ, или „интеллектуаловъ“, какъ здѣсь выражается большинство? Мы, русскіе, привыкли производить учетъ общественныхъ силъ главнымъ образомъ количествомъ и дѣеспособностью именно „интеллектуаловъ“, считая остальную „сознательную“ и „полусознательную“ массу за quantité négligeable. Но въ Италіи нельзя быть такимъ взыскательнымъ. Здѣсь нѣтъ нашей междусословной интеллигенціи, съ ея традиціями, ея самоотверженностью и ея неустойчивой психикой. Здѣсь очень мудрено найти такого беззавѣтнаго и аскетическаго подвижника, который согласился бы посвятить всю свою жизнь просвѣщенію какого-нибудь медвѣжьяго уголка, не ожидая въ награду даже некролога въ мѣст-

[1]) Изъ устава „Società agricola cooperativa di Monte San Giuliano“.

ной газетѣ. Здѣсь въ общественныхъ начинаніяхъ, наряду съ „интеллектуалами" и предпочтительно передъ ними, принимаютъ участіе элементы сознательные и полусознательные, и настоящіе „интеллектуалы" являются зачастую лишь обстановкой. Это, конечно, печально, но это искупается удивительно выгодными качествами итальянскаго темперамента. То, что у насъ дѣлаютъ ради подвига—здѣсь выполняютъ изъ любви къ суетливой дѣятельности и постоянному общенію, изъ соперничества между единицами, ячейками, коммунами, провинціями, сѣверомъ и югомъ. Отчасти это плохо, такъ какъ итальянецъ съ одинаковою охотой суетится около футъ-бол'наго мяча и около народной школы; но съ другой стороны лишь этотъ темпераментъ позволяетъ ему чувствовать себя героемъ и общественнымъ дѣятелемъ, разъ ему удалось пустить въ ходъ хотя бы одно маленькое колесико общественнаго механизма. И потому здѣсь нѣтъ „малыхъ дѣлъ" и не существуетъ презрительнаго выраженія „культурничество": всякое дѣяніе благо. Но, конечно, я былъ бы несправедливъ, не упомянувъ о роли крупныхъ интеллигентныхъ единицъ, которымъ принадлежитъ главная иниціатива въ общественныхъ начинаніяхъ. И въ Италіи они пользуются не меньшимъ почетомъ, чѣмъ у насъ, даже относительно бо́льшимъ, такъ какъ различіе въ политическихъ и партійныхъ убѣжденіяхъ рѣдко вызываетъ здѣсь несправедливое отношеніе къ инакомыслящимъ и приниженіе ихъ общественной роли. Я, напримѣръ, упоминалъ уже о Луиджи Луццати, принадлежавшемъ къ парламентской правой и вторично получившемъ министерскій портфель,—и я увѣренъ, что ни одинъ итальянскій соціалистъ не позволитъ себѣ умалить общественныхъ заслугъ этого большого человѣка, ни прежнихъ, ни позднѣйшихъ.

Дѣло въ томъ, что при общемъ низкомъ культурномъ уровнѣ итальянскаго населенія, при меньшемъ, сравнительно, имущественномъ неравенствѣ классовъ, при сравнительно высокомъ уровнѣ политической свободы, фактически осуществляемой, при наличности выработаннаго временемъ общаго отрицательно-равнодушнаго отношенія къ посуламъ палаты и правительства—въ демократической Италіи нѣтъ того контраста между классами образованными и народомъ, какой наблюдается у насъ, не говоря уже о томъ, что здѣсь доступъ къ народу свободенъ всякому, кому заблагоразсудится къ нему подойти съ цѣлью простого общенія или съ цѣлью просвѣтительной. И это отражается на характерѣ и развитіи общественныхъ начинаній, сводя къ минимуму процентъ предпріятій какъ мертворожденныхъ по причинѣ ихъ интеллигентской обособленности, такъ и погибшихъ въ силу недостатка въ интеллигентныхъ руководителяхъ. Союзъ общественный понимается здѣсь шире, и самое понятіе „общество" съ

теченіемъ времени все болѣе и болѣе приближается къ болѣе всеобъемлющему и болѣе цѣлостному понятію „народъ". Вотъ почему я уже не въ первый разъ утверждаю, что и у этой маленькой, бѣдной, некультурной, темной, хотя и полной солнечнаго свѣта страны — намъ все же есть чему поучиться.

Мих. Осоргинъ.

СОЦІАЛДЕМОКРАТИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ

(Письмо изъ Берлина.)

Сѣверо-восточная сторона Берлина. Величественное многоэтажное зданіе изъ краснаго кирпича; вокругъ да около—рабочій людъ, вдали— фигура шутцмана. Мы у дома профессіональныхъ союзовъ (Gewerkschaftshaus), центральнаго пункта берлинскаго рабочаго движенія. Въ этомъ зданіи, красѣ и гордости нѣмецкаго пролетаріата, помѣщаются многочисленныя бюро союзныхъ организацій, прекрасно отдѣланный ночлежный домъ, два ресторана, а также залы для рабочихъ собраній. Въ самомъ большомъ изъ нихъ сегодня засѣдаетъ *третій съѣздъ прусской соціалдемократіи.*

Ради торжественнаго случая зала декорирована краснымъ кумачомъ и зеленью. По обѣимъ сторонамъ президіума поставлены гипсовые бюсты Маркса и Лассаля. Художникъ, сдѣлавшій ихъ, обладаетъ, быть можетъ, горячимъ соціалистическимъ сердцемъ, но руки у него коварныя. Надъ президіумомъ красуется большая надпись, чернымъ по бѣлому: „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!" Это— дань интернаціонализму. На другой сторонѣ залы—знамя съ „національнымъ" изреченіемъ: „Ein Herz, ein Volk, ein Vaterland" (одно сердце, одинъ народъ, одно отечество). Интернаціонализмъ, какъ видите, не исключаетъ любви къ родинѣ. Истина не новая, но повторять ее никогда не мѣшаетъ.

Объемистый четыреугольникъ помѣщенія наполненъ делегатами и публикой. Мѣстъ для послѣдней мало и они не всѣ заняты. Не потому, что въ массѣ нѣтъ интереса къ съѣзду; причина тутъ другая. Входные билеты — платные: пятьдесятъ пфениговъ за каждое засѣданіе. Сумма небольшая, но для рабочаго значительная. Установлена она, повидимому, съ цѣлью избѣгнуть наплыва публики. Разсчетъ оказался вѣрнымъ; въ общемъ можно насчитать всего человѣкъ триста „постороннихъ". Среди нихъ нѣсколько женщинъ. Большинство мужчинъ—

рабочая молодежь, съ грубыми отъ работы руками, но съ одухотворенными лицами. Одѣты по-европейски: пиджаки, крахмаленные воротники, манжеты, черные и цвѣтные галстухи. Делегаты одѣты немного лучше. Нѣкоторые—въ сюртукахъ; делегатки—въ платьяхъ фасона „реформы" (Reformkleid). Тутъ и тамъ виднѣются золотыя украшенія: кольца, цѣпочки, браслетки.

Предсѣдательствуетъ членъ рейхстага *Паулъ Зингеръ*. Внушительная фигура, съ характерными бакенами, придающими убѣжденному соціалисту видъ коммерціи совѣтника. Зингеръ и въ самомъ дѣлѣ былъ когда-то коммерсантомъ, но много, много лѣтъ тому назадъ. Теперь онъ отдаетъ свои коммерческіе таланты на служеніе партіи, обладающей многомилліоннымъ хозяйствомъ, съ многомилліонными оборотами. Впрочемъ, не только таланты, но и свои, какъ поговариваютъ, значительные капиталы. Зингеръ—превосходный предсѣдатель и уже много лѣтъ избирается президентомъ не только на общегерманскихъ, но и на международныхъ соціалистическихъ съѣздахъ. Онъ славится также какъ хорошій знатокъ парламентскаго наказа. Въ началѣ каждой сессіи онъ выставляется въ кандидаты на постъ вицепрезидента рейхстага. Противники его, конечно, забаллотировываютъ.

Между делегатами виднѣются нѣсколько видныхъ соціалдемократическихъ дѣятелей и дѣятельницъ. Среди послѣднихъ особенно бросается въ глаза некрасивая, но умная фигура *Луизы Цитцъ*. Она—единственная женщина, находящаяся въ центральномъ комитетѣ партіи (Parteivorstand), и сидитъ теперь за столомъ, предоставленнымъ партійному правленію. Эта недавняя работница отличается повидимому незаурядной энергіей и покоряющимъ ораторскимъ даромъ. Слушаютъ ее чрезвычайно внимательно. Когда предсѣдатель говоритъ: „слово принадлежитъ товарищу Цитцъ", въ залѣ водворяется необыкновенная тишина, прерываемая потомъ только бурными апплодисментами и восклицаніями „браво". Я слышалъ ее не разъ на различныхъ собраніяхъ и съѣздахъ—и не разъ удивлялся не только ея ораторскимъ способностямъ, но и солиднымъ познаніямъ. Такихъ выдающихся работницъ въ нѣмецкой соціалдемократіи немного.—Рядомъ и насупротивъ Цитцъ расположились остальные члены Parteivorstand'а: *Пфанкухъ*, занимающій теперь мѣсто покойнаго секретаря партіи Игнаца Ауэра; депутатъ рейхстага *Молькенбуръ*, прекрасный знатокъ рабочаго законодательства; красавецъ *Эбертъ*, высокій, плотный „Веньяминъ" центральнаго комитета, *Германъ Мюллеръ*. Вдали, за столами делегатовъ виднѣется фигура прихрамывающаго Марата нѣмецкой соціалдемократіи, *Ледебура*, характерная, „рошфоровская" голова безпощаднаго остряка *Адольфа Гофмана*, пользующагося за свой бичующій сарказмъ искренней ненавистью всѣхъ добрыхъ реак-

ціонеровъ Пруссіи и Германіи, мефистофельски лукавые глазки партійнаго „министра финансовъ"—т.-е. кассира—*Герыша* и широкій лобъ адвоката *Гаазе*, памятнаго всѣмъ русскимъ по знаменитому „кенигсбергскому процессу", гдѣ онъ сыгралъ выдающуюся роль. Одно время въ залѣ мелькала также раскачивающаяся фигура *Эдуарда Бернштейна*, но недолго. *Бебеля* зато не видать было совсѣмъ. Онъ все еще несовсѣмъ здоровъ и долженъ беречь свои силы.

На ораторской трибунѣ—*Гуго Гейманъ*, благообразный и необыкновенно эластичный старичокъ. Хорошо сшитое платье, массивная золотая цѣпочка, изысканная рѣчь, изысканныя манеры. Гейманъ слыветъ богатымъ и щедрымъ дѣятелемъ въ области культурныхъ начинаній. Его матеріальной поддержкѣ приписываютъ существованіе прекрасно оборудованной рабочей библіотеки въ Берлинѣ, извѣстной не одному русскому ученому, изучавшему въ Германіи рабочій вопросъ. Въ 1908 г. онъ выбранъ, какъ соціалдемократъ, въ прусскій ландтагъ, и теперь небольшая соціалистическая фракція прусскаго парламента отрядила его для доклада съѣзду о своей одногодней дѣятельности. Говоритъ онъ гладко, безъ паѳоса, повышая голосъ только подъ конецъ своей обстоятельной рѣчи. Это пестрый калейдоскопъ цифръ и разнороднѣйшихъ фактовъ, служившихъ матеріаломъ законодательной работы ландтага. Въ общемъ Гейманъ говоритъ только о вопросахъ, не касаясь личностей, но въ заключительномъ аккордѣ своего монолога не можетъ удержаться отъ того, чтобы не пустить заостренной сарказмомъ стрѣлы противъ самого Вильгельма II. Онъ напоминаетъ своимъ слушателямъ о томъ торжествѣ, которое объяло всѣхъ противниковъ соціалдемократіи, когда въ 1907 г. послѣдняя потерпѣла пораженіе на выборахъ. Въ день или, вѣрнѣе, въ ночь выборовъ возликовавшая націоналистическая молодежь отправилась ко дворцу, гдѣ устроила императору вѣрноподданническую демонстрацію. Взволнованный монархъ державъ съ высоты второго этажа небольшую рѣчь. Онъ нашелъ возможнымъ процитировать пятистишіе изъ Клейстовской драмы: „Der Prinz von Homburg":

Was kümmert dich, ich bitte dich, die Regel
Nach der den Feind man schlägt,
Wenn er nur nieder vor dir
Mit allen seinen Fahnen sinkt.
Die Regel, die ihn schlägt, das ist die Höchste.

(Зачѣмъ заботиться тебѣ о правилѣ, по которому бьютъ врага, разъ онъ совсѣми своими знаменами падаетъ передъ тобой. Правило, которое побиваетъ его, и есть самое лучшее изъ всѣхъ правилъ.)

Торжествующее настроеніе, сказавшееся въ этой цитатѣ, быстро улетучилось—говоритъ Гейманъ; осталось только печальное похмѣлье,

eine jammervolle Katerstimmung. Соціалдемократія, которая въ ту ночь якобы была смята натискомъ противника, можетъ теперь съ спокойнымъ сердцемъ продолжить цитату изъ Клейста въ томъ мѣстѣ, гдѣ императоръ оборвалъ ее:

Die Kunst nur lernten wir, ihn zu besiegen
Und sind voll Lust, sie fürder noch zu üben.

(Мы научились искусству побѣждать врага и исполнены готовности и впредь пользоваться этимъ искусствомъ.)

Громкіе апплодисменты награждаютъ оратора, и онъ скромно удаляется съ трибуны, уступая мѣсто цѣлому ряду „дискутеровъ“.

Обычно въ такихъ случаяхъ „дискуссія“ сводится къ полемикѣ между разномыслящими и къ критикѣ парламентской фракціи. На этомъ съѣздѣ, гдѣ впервые присутствуютъ *первые* соціалистическіе депутаты прусскаго ландтага, привычная картина мѣняется. Вмѣсто полемическихъ наскоковъ, всѣ ораторы, безъ различія направленій, спѣшатъ выразить одобреніе небольшому передовому отряду товарищей, храбро выполнившему свою задачу среди многочисленнаго вражескаго стана. Кто знаетъ составъ прусскаго ландтага, тотъ понимаетъ, что работать въ немъ небольшой группѣ соціалистовъ—задача не легкая. Правда, прусскіе „зубры“ не настолько первобытны, какъ наши отечественные. Но все же: зубръ есть зубръ. И нужно было обладать не только соціалистическимъ міровоззрѣніемъ, но и солидной парламентской выучкой и личнымъ тактомъ, чтобы заставить выслушать себя въ прусской „бѣловѣжской пущѣ“. Это искусство и вызываетъ у всѣхъ чувство изумленія и наполняетъ делегатовъ благодарностью къ партійнымъ избранникамъ. Это чувство раздѣляютъ не только „ортодоксы“, но и „ревизіонисты“. Франкфуртскій „ревизіонистъ“ Кваркъ вноситъ резолюцію о выраженіи фракціи благодарности отъ имени партіи. Кваркъ полагаетъ, что прусская фракція подтвердила своей дѣятельностью совмѣстимость „принципіальной неуязвимости съ практической работой“ и тѣмъ оказала соціалдемократіи большія услуги. Хотя благодарственныя резолюціи являются новшествомъ на соціалдемократическихъ съѣздахъ, тѣмъ не менѣе предложеніе Кварка принимается съ большимъ воодушевленіемъ и единогласно.

Покончили съ фракціей—и на трибуну поднимается долговязая, колеблющаяся фигура слѣдующаго референта, также депутата ландтага, Пауля *Гирша*. Спеціалистъ коммунальнаго дѣла, издавшій цѣлый рядъ дѣльныхъ сочиненій по исторіи, теоріи и практикѣ этого вопроса, Гиршъ взялъ на себя докладъ о *коммунальной программѣ* прусской соціалдемократіи. Въ обстоятельной рѣчи, выслушанной съ большимъ вниманіемъ, ораторъ тщательно обосновалъ главнѣйшіе пункты много-

численныхъ требованій, съ которыми соціалисты должны обратиться къ общественнымъ учрежденіямъ и властямъ предержащимъ. Вопросы коммунальнаго обложенія и школьнаго дѣла чередуются съ проблемами коммунальнаго избирательнаго права. Все это унизывается фактами, цифрами, юридическими справками, за которыми неспеціалистамъ и услѣдить трудно. Наконецъ ораторъ резюмируетъ, замѣчая, что его двухчасовая рѣчь является въ сущности только введеніемъ къ дѣйствительному обоснованію программы. Слушатели сочувственно смѣются, но на продолженіи рѣчи не настаиваютъ.

Начинается обсужденіе доклада и вновь цѣлый рядъ „дискутеровъ" беретъ слово по очередному вопросу. На этотъ разъ дискутеры настроены менѣе панегирически и съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ оперируютъ критическимъ зондомъ надъ предложеннымъ имъ проектомъ. Одни находятъ его черезчуръ длиннымъ; другіе, наоборотъ, недовольны его краткостью. Во всѣхъ рѣчахъ сказывается, однако, недурное знакомство съ дѣломъ, могущее сдѣлать честь не только этимъ людямъ съ мозолистыми руками, но и завзятымъ спеціалистамъ, располагающимъ академическимъ образованіемъ. На помощь референту спѣшитъ придти самъ предсѣдатель, Зингеръ, также выдающійся знатокъ городского дѣла. Болѣе четверти вѣка онъ работаетъ въ берлинскомъ самоуправленіи, гдѣ къ его компетентному голосу прислушиваются не только друзья, но и противники. Зингеръ полемизируетъ особенно противъ тѣхъ ораторовъ, которые требуютъ большей детализаціи и безъ того обширнаго проекта, указывая, что въ программѣ могутъ быть выражены лишь принципіальныя основы, а не детали. Помощь Зингера остается не безъ результата: различныя предложенія, сводившіяся къ передачѣ проекта въ коммиссію, отклоняются. Проектъ Гирша принимается огромнымъ большинствомъ присутствующихъ.

Наступаетъ важнѣйшій моментъ съѣзда. Въ залѣ—многозначительное движеніе. Журналисты настораживаются, публика въ напряженномъ ожиданіи. Слово принадлежитъ докладчику по вопросу *о прусскомъ избирательномъ правѣ*, Генриху *Штребелю* (Heinrich Ströbel). Штребель выдвинулся за послѣдніе годы, какъ политическій редакторъ центральнаго органа партіи „Vorwärts", и еще болѣе какъ недурной ораторъ въ прусскомъ ландтагѣ. Высокаго роста, съ херувимообразнымъ лицомъ, съ высокимъ, кверху заостреннымъ лбомъ, нервной, мѣстами патетической рѣчью. Широкими штрихами онъ набрасываетъ печальный образъ дѣйствующаго избирательнаго права, дающаго въ результатѣ по истинѣ нелѣпую каррикатуру народнаго представительства. Затѣмъ ораторъ переходитъ къ вопросу о тактикѣ борьбы за достиженіе реформы избирательной системы. Тутъ дѣло не обходится безъ болѣе или менѣе ядовитой полемики противъ реви-

зіонистовъ, въ особенности противъ пришедшаго къ этому времени Бернштейна. Штребелю не нравится предложеніе Бернштейна, высказанное послѣднимъ въ „Sozialistische Monatshefte", по которому соціалъ-демократія должна вести свою кампанію такъ, чтобы не оттолкнуть отъ себя тѣ либерально-демократическіе элементы, которые также настаиваютъ на избирательной реформѣ. Ораторъ, конечно, ничего не имѣетъ противъ того, чтобы эти элементы были на сторонѣ соціалдемократіи, но полагаетъ, что соціалдемократія не должна идти навстрѣчу либераламъ; напротивъ, она должна открыть противъ нихъ безпощадную критическую борьбу. Вообще задача соціалдемократіи заключается въ агитаціи среди рабочихъ массъ, которая одна только и обѣщаетъ успѣхъ. Далѣе Штребель касается ряда внесенныхъ резолюцій, требующихъ примѣненія болѣе острыхъ средствъ борьбы, нежели тѣ, которыя примѣнялись до сихъ поръ. Онъ не противъ уличныхъ демонстрацій и политическихъ забастовокъ, но находитъ однако излишнимъ упоминать объ этомъ въ резолюціи. Достаточно ограничиться формулой, что соціалдемократія готова бороться „всѣми доступными ей средствами". „Всѣми доступными средствами"—значитъ, при случаѣ, и путемъ демонстрацій на улицѣ: такъ комментируетъ онъ свое предложеніе. Подъ шумъ апплодисментовъ Штребель заканчиваетъ словами: „историческая задача, стоящая передъ соціалдемократіей Пруссіи и Германіи, необыкновенно трудна. Однако эта задача такова, что мы не въ состояніи въ достаточной мѣрѣ отблагодарить за нее нашу судьбу. Не слѣдуетъ забывать, что въ этой борьбѣ, означающей борьбу за культуру и человѣческій прогрессъ, на нашу долю выпала руководящая роль. Борясь за *равное* право, мы боремся за право на самоопредѣленіе народа *(оживленное одобреніе)*. Требуя *равнаго* избирательнаго права, мы поднимаемъ женщину съ ея унизительнаго положенія рабыни до степени гражданки. Въ борьбѣ за равное избирательное право мы боремся не только за освобожденіе отъ *политическаго* рабства и безправія, но и за освобожденіе отъ всякаго *соціальнаго* гнета. Будемъ вести эту борьбу со страстною преданностью, со всей доступной намъ энергіей. Будемъ вести ее такъ, чтобы народная воля сказалась въ ней съ неотразимой силой; будемъ вести ее такъ, чтобы о прусскомъ народѣ можно было сказать:

„Vorwärts, fort und immerfort,
Preussen rief das stolze Wort!
Vorwärts!..."

Послѣ этой рѣчи присутствующихъ постигаетъ маленькое разочарованіе. Всѣ ожидали, что за рѣчью послѣдуютъ оживленные дебаты, въ которыхъ революціонная энергія рабочей массы скажется съ особой

силой. Ожидали также схватки между „ревизіонистами“ и „радикалами“. Но всѣ эти ожиданія оказались напрасными. По предложенію делегата изъ Киля, заявившаго, что „словъ“ было сказано достаточно, что нужно приступить къ „дѣлу“, дискуссія была отмѣнена. Послѣ этого резолюція докладчика была принята единогласно. Отмѣна дискуссіи вызвала въ провинціальной соціалдемократической прессѣ и въ ревизіонистскихъ „Sozialistische Monatschefte“ довольно рѣзкія нападки. Не встрѣчая отпора, нападки эти, однако, вскорѣ прекратились.

Послѣднимъ крупнымъ моментомъ съѣзда былъ докладъ Карла *Либкнехта* о прусскомъ *управленіи*. Послѣ судебнаго процесса, окончившагося присужденіемъ къ крѣпости на полтора года, Либкнехтъ сразу пріобрѣлъ большую популярность въ широкихъ рабочихъ массахъ. Повсюду стали раскупать его фотографическія карточки; рѣчи его стали слушать съ большимъ энтузіазмомъ. Вѣроятно эта популярность придаетъ оратору извѣстную самоувѣренность и онъ не останавливается передъ тѣмъ, чтобы заставить присутствующихъ шесть часовъ подрядъ выслушивать разсужденія его на предоставленную ему тему. Въ этой огромной рѣчи, сказанной съ свойственнымъ Либкнехту подъемомъ, досталось „по серьгамъ“ всѣмъ „сестрамъ“ прусскаго административнаго механизма. Онъ коснулся, между прочимъ, прусскаго права объ иностранцахъ (Fremdenrecht), или, вѣрнѣе, его отсутствія. Высылки, обыски, аресты иностранныхъ, особенно русскихъ подданныхъ, онъ называетъ позоромъ для Германіи. Не должна Германія терпѣть пребываніе на своей территоріи русскихъ шпіоновъ и провокаторовъ. Покончивъ съ критикой существующаго, ораторъ переходитъ къ тактической проблемѣ и выражаетъ сомнѣніе въ искренней поддержкѣ либераловъ. Соціалдемократія должна быть готова вести борьбу самостоятельно. Борьба должна вестись противъ бюрократіи, и притомъ не только на парламентской почвѣ. Въ виду грубо насильственнаго характера прусскаго государства, борьба за реформу управленія быстро превратится въ борьбу за государственную власть. Въ лицѣ прусскаго государства прусскій пролетаріатъ видитъ своего главнаго врага, противъ котораго нужно вести безпощадную борьбу всѣми возможными средствами. Противная сторона обращается съ нами также не особенно ласково. Такую компанію, какъ прусская бюрократія и прусскіе юнкера, нельзя побѣдить розовой водицей и смиренной проповѣдью. Мы не предлагаемъ возстанія — спѣшитъ прибавить ораторъ; у насъ имѣются другія средства для осуществленія нашей воли. Такимъ средствомъ является пропаганда, возбужденіе массъ. Разъ наша работа въ массахъ доведетъ настроеніе до точки кипѣнія, власть имущіе должны будутъ уступить, если не пожелаютъ чтобы народныя права были вырваны у нихъ силою.

Заключительный аккордъ. Слово принадлежитъ предсѣдателю. Взволнованнымъ голосомъ Зингеръ подводитъ итоги трехдневной работѣ съѣзда. Въ залѣ—торжественное, напряженное настроеніе. Предсѣдатель говоритъ: „рефератъ объ управленіи сильно посодѣйствуетъ агитаціонной дѣятельности партіи. Принятая нами коммунальная программа, правда, удовлетворяетъ не всѣхъ. Но программы составляются не навѣки. Центральнымъ пунктомъ нашихъ работъ былъ вопросъ объ избирательномъ правѣ. Избирательное право—альфа и омега нашей дѣятельности въ Пруссіи. Мы ясно сознаемъ, что борьба за реформу потребуетъ тяжелыхъ жертвъ. Мы знаемъ, что такая сила, какъ прусское юнкерство, какъ прусская реакція, не падаетъ отъ одного удара. Чрезмѣрныя надежды на быстрое достиженіе цѣли неумѣстны. Вредно, очень вредно недооцѣнивать силы противника *(возгласы: совершенно вѣрно!)*. Мы знаемъ, съ какими врагами имѣемъ дѣло. Знаемъ, что для нашихъ противниковъ рѣчь идетъ не только о политическомъ, но и объ *экономическомъ* могуществѣ. Далекіе отъ всякихъ иллюзій, мы, однако, идемъ на борьбу не съ малодушіемъ и отчаяніемъ въ груди. Какіе пути и средства мы изберемъ для нашей борьбы, объ этомъ мы скажемъ въ другой разъ. Волшебное слово, которое приведетъ насъ къ побѣдѣ, гласитъ: *организація* и *агитація!* На нашемъ знамени мы начертаемъ: *Да здравствуетъ всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право!* Съ этимъ знаменемъ мы обратимся къ тѣмъ, о которыхъ въ нашихъ пѣсняхъ поется:

Ihr ungezählten Millionen,
In Schacht und Feld, in Stadt und Land,
Die ihr um kargen Lohn müsst fronen
Und schaffen treu mit fleissiger Hand,
Noch seufzt ihr in des Elends Bann,
Vernehmt den Weckruf, schliesst euch an.
Aus Qual und Leid uns zu erheben,
Das ist das Ziel, das wir erstreben,
Das ist der Arbeit heil'ger Krieg.
Mit uns das Volk, mit uns der Sieg.

Бурные апплодисменты. Присутствующіе поднимаются съ мѣстъ и съ воодушевленіемъ затягиваютъ „рабочую марсельезу". Сотни голосовъ выводятъ:

Das freie Wahlrecht ist das Zeichen,
In dem wir siegen, nun wohlan!

Выше и выше поднимаются голоса. Восторженно и мощно раздается припѣвъ:

Nicht zählen wir den Feind,
Nicht die Gefahren all'

Der Bahn, der kühnen, folgen wir,
Die uns geführt Lassal'.

Кончили. „Съѣздъ закрытъ!"—раздается голосъ Зингера, и многоголовая толпа начинаетъ медленно расходиться.

Р. Стрѣльцовъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1910.

Парламентскіе выборы въ Англіи. — Прусскія и германскія дѣла. — Инцидентъ въ имперскомъ сеймѣ. — Нѣмецкіе ученые о финляндскомъ вопросѣ. — Греческій кризисъ.—Международно-манчжурскій проектъ.

Англійскіе парламентскіе выборы не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ; они не рѣшили великаго спора между демократіею и высшими классами, не поколебали положенія палаты лордовъ и не очистили почвы для широкихъ соціально-политическихъ реформъ. Роспускъ парламента состоялся 10 января (нов. ст.) для того, чтобы дать народу возможность высказаться по поводу отклоненія „народнаго бюджета" палатою лордовъ. Народъ высказался—значительнымъ увеличеніемъ силъ консервативной оппозиціи и соотвѣтственнымъ сокращеніемъ либеральной правительственной партіи. Въ моментъ роспуска числилось въ палатѣ общинъ 373 либерала и 168 уніонистовъ; къ составу либеральнаго большинства принадлежали еще 46 членовъ рабочей группы и 83 ирландскихъ націоналиста, такъ что министерская партія составляла крупную цифру—502, при общемъ числѣ 670 членовъ палаты. Послѣ выборовъ число либеральныхъ представителей сократилось до 273, а число уніонистовъ и консерваторовъ возрасло приблизительно до той же цифры; обѣ главныя группы почти сравнялись, и только голоса рабочей партіи (41) и ирландскихъ націоналистовъ (82) даютъ перевѣсъ либераламъ. Прежнее либеральное большинство убавилось на сто человѣкъ, а если не считать ирландцевъ, то оно опредѣляется скромною цифрою 314 противъ 272 голосовъ оппозиціи; вмѣстѣ съ ирландцами оно доходитъ до 396,—но надо имѣть въ виду, что при существующихъ обстоятельствахъ признается неудобнымъ опираться на ирландскіе голоса въ крупныхъ

внутреннихъ вопросахъ Великобританіи. Поддержка ирландскихъ автономистовъ можетъ имѣть только условный характеръ, и прочность ея будетъ зависѣть отъ тѣхъ уступокъ, которыя въ состояніи ей обѣщать либеральное правительство. Между тѣмъ нельзя предпринять ничего серьезнаго въ пользу Ирландіи, имѣя противъ себя почти половину всѣхъ англійскихъ избирателей. Съ другой стороны, не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо соціально-политическихъ реформахъ при помощи только небольшихъ группъ представителей рабочихъ и ирландцевъ.

Кабинетъ Асквита имѣетъ формальное право сохранить власть въ своихъ рукахъ, опираясь на существующее, хотя и значительно ослабленное, большинство; но онъ явится предъ парламентомъ уже не съ тѣмъ авторитетомъ, какимъ обладалъ передъ выборами, когда либеральная партія, безъ рабочихъ, почти въ два съ половиною раза превышала численность оппозиціи. Въ свою очередь, вождь уніонистовъ, Бальфуръ, располагая въ новой палатѣ общинъ внушительною арміею въ 272 сторонника, имѣетъ основаніе заговорить совершенно другимъ тономъ, чѣмъ прежде; онъ можетъ смѣло утверждать, что страна высказалась въ его пользу, увеличивъ руководимое имъ меньшинство въ парламентѣ на цѣлую сотню голосовъ.

Въ общемъ, оппозиція находится теперь въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ министерство и либеральная партія. По прямому смыслу вопроса, поставленнаго на разрѣшеніе избирателей, отвѣтъ полученъ неудовлетворительный, хотя и не прямо отрицательный. Этого отрицать нельзя. Правительство вынуждено будетъ пойти на уступки, и ему едва ли удастся отстоять бюджетъ Ллойда-Джорджа въ томъ видѣ какъ онъ былъ отвергнутъ палатою лордовъ. Реформа верхней палаты, съ отнятіемъ у нея права veto относительно извѣстныхъ категорій законопроектовъ, можетъ осуществиться только по добровольному взаимному соглашенію обѣихъ партій, т. е. съ согласія самихъ лордовъ. Такъ какъ министерство выступало съ довольно радикальными проектами и заявленіями, то на политику компромиссовъ разсчитывать трудно. Политическая жизнь страны попала въ какой-то тупикъ, и многіе предвидятъ уже необходимость новыхъ парламентскихъ выборовъ.

Въ чемъ же заключается причина неудачи, столь неожиданно постигшей реформаторскія начинанія либеральнаго кабинета? Казалось, что избиратели не могли сомнѣваться въ исключительномъ значеніи возбужденнаго кризиса для британской демократіи. Избирательное движеніе отличалось на этотъ разъ необычайною оживленностью и страстностью. Предстояло подготовить и устроить выборы 670 членовъ парламента въ необыкновенно короткій срокъ: полномочія прежней

палаты общинъ объявлены прекращенными съ 15-го января, а черезъ мѣсяцъ, 15 февраля, назначено собраться новому парламенту. Выборы могли начаться только съ 15-го января и закончились въ послѣднихъ числахъ того же мѣсяца; такимъ образомъ они продолжались менѣе двухъ недѣль. Для выборной агитаціи оставалось слишкомъ мало времени, но зато по интенсивности и энергіи употребленныхъ усилій эта кампанія напоминала самыя бурныя эпохи новѣйшей англійской исторіи. Министры, особенно Ллойдъ Джорджъ и Винстонъ Черчилль, произносили десятки рѣчей въ разныхъ мѣстахъ страны и иногда говорили по два или по три раза въ день; такое же неутомимое усердіе обнаруживали уніонисты и консерваторы, начиная съ Бальфура.

Глава кабинета Асквитъ кратко и ясно изложилъ сущность спора въ воззваніи къ избирателямъ своего округа, представителемъ котораго онъ неизмѣнно служилъ въ парламентѣ въ продолженіе почти цѣлой четверти вѣка. Дѣло въ томъ—сказано въ этомъ воззваніи,—что потребовались новыя колоссальныя средства на усиленіе военнаго флота и на законодательныя мѣры въ пользу рабочихъ и бѣдняковъ; правительство рѣшило добыть нужныя средства установленіемъ новыхъ налоговъ на предметы роскоши и на монополіи, не касаясь предметовъ необходимости и безъ ущерба для принципа свободы торговли. Выработанный въ этомъ духѣ бюджетъ надолго похоронилъ бы планы оппозиціи относительно тарифной реформы и встрѣтилъ, поэтому, рѣшительный отпоръ. Оппозиція побудила верхнюю палату отклонить финансовый билль, вопреки установившейся конституціонной практикѣ, не дозволяющей лордамъ вмѣшиваться въ финансовые вопросы, и это нарушеніе конституціи имѣло цѣлью „спасти отъ смертельнаго удара дѣло тарифной реформы". Отсюда, по словамъ Асквита, возникаетъ для народа обязанность высказаться, во-первыхъ, о системѣ свободы торговли, обезпечившей богатство и промышленное процвѣтаніе Англіи, и, во-вторыхъ, о правѣ невыборной верхней палаты контролировать народныхъ представителей. Дѣйствія палаты лордовъ подвергнуты Асквитомъ наиболѣе рѣзкой критикѣ. Противъ притязаній лордовъ настойчиво выступали и другіе министры; но, не смотря на все ядовитое остроуміе либеральныхъ ораторовъ, вопросъ о лордахъ не сдѣлался центромъ народнаго вниманія и не вызвалъ въ массѣ избирателей никакихъ героическихъ порывовъ.

Оппозиція съ самаго начала стояла на той точкѣ зрѣнія, что палата лордовъ не приписывала себѣ никакого самостоятельнаго права въ данномъ случаѣ, а только предоставила народу обсудить и рѣшить задачу, имѣющую великое значеніе для всей будущности Англіи. Бальфуръ и его единомышленники не останавливались вовсе на раз-

борѣ конституціонныхъ правъ и прегрѣшеній лордовъ; они хладнокровно обходили этотъ вопросъ, какъ чисто формальный и неинтересный, и направляли всю силу своихъ доводовъ въ пользу доказательства безусловной необходимости тарифной реформы. Главный проповѣдникъ протекціонизма, Джозефъ Чамберлэнъ, лишенный возможности, по болѣзни, активно участвовать въ политической дѣятельности, напечаталъ въ газетахъ воззваніе, въ которомъ подробно развивалъ свою любимую идею о спасительности покровительственныхъ пошлинъ. Онъ разсылалъ письма кандидатамъ и вліятельнымъ избирателямъ, поощрялъ и вдохновлялъ союзниковъ-консерваторовъ, обнадеживалъ колеблющихся и предсказывалъ неминуемое торжество праваго дѣла. По мнѣнію Чамберлэна, Англія рискуетъ потерять свое первенство въ міровой торговлѣ и свое могущество на моряхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свои колоніи, если она не оградитъ себя отъ иностранной конкуренціи надлежащими таможенными пошлинами. Всѣ другія государства усвоили покровительственную систему и при ея помощи достигли большихъ промышленныхъ успѣховъ; одна только Англія остается беззащитною противъ наплыва иноземныхъ товаровъ и довольствуется возвышеніемъ налоговъ съ самихъ англичанъ, вмѣсто того, чтобы привлекать къ уплатѣ пошлинъ иностранныхъ производителей. Различныя отрасли британской промышленности страдаютъ отъ упадка и неустойчивости цѣнъ вслѣдствіе свободнаго привоза заграничныхъ издѣлій и продуктовъ; введеніе разумной покровительственной системы сразу подниметъ общій уровень народнаго благосостоянія и повыситъ источники государственныхъ доходовъ, безъ чего немыслимо поддержаніе прежняго морского могущества Великобританіи. Оппозиціонные ораторы особенно часто и настойчиво указывали на опасности международнаго положенія, требующія чрезвычайныхъ финансовыхъ усилій и жертвъ, недоступныхъ, будто бы, для страны при нынѣшней системѣ свободной торговли. Бальфуръ затрагивалъ щекотливую тему о соперничествѣ Германіи и объ ея возможныхъ воинственныхъ планахъ противъ Англіи; онъ запугивалъ избирателей перспективою будущихъ великихъ кризисовъ, которые еще болѣе осложнились бы въ случаѣ принятія соціалистическаго бюджета Ллойда Джорджа.

Изъ либеральныхъ министровъ наибольшимъ успѣхомъ пользовался Ллойдъ-Джорджъ, какъ остроумный и находчивый ораторъ, рѣчи котораго повсюду привлекали массу слушателей. Любопытно описаніе его въѣзда въ городъ Гримзби, помѣщенное въ непріязненной ему газетѣ „Times“. Онъ прибылъ туда 14 января въ полночь и „былъ тепло привѣтствованъ приблизительно пятнадцатью тысячами человѣкъ; среди этой огромной толпы онъ едва могъ подвигаться впередъ въ автомобилѣ по направленію къ тому мѣсту, гдѣ ему предстояло

остановиться. Онъ былъ окруженъ почетной стражей съ факелами, а конная полиція съ трудомъ прочищала для него путь, при чемъ со стороны собравшихся не было никакихъ нарушеній порядка. Раздавались возгласы, чтобы онъ говорилъ рѣчь, но министръ отказался". На слѣдующій день Ллойдъ-Джорджъ говорилъ предъ аудиторіей въ восемь тысячъ человѣкъ; онъ былъ встрѣченъ на митингѣ „съ энтузіазмомъ". Въ своей рѣчи онъ въ смѣшномъ видѣ выставлялъ трусливыхъ людей, боящихся германскаго нашествія; его мѣткія замѣчанія вызывали „взрывы хохота", и оратору часто и долго рукоплескали. Между тѣмъ передъ зданіемъ, гдѣ происходилъ митингъ, его поджидала враждебная толпа, встрѣтившая его при выходѣ криками: „измѣнникъ"! „сторонникъ буровъ"! Настроеніе толпы было такое, что Ллойду-Джорджу пришлось вернуться внутрь зданія и пройти другимъ ходомъ, подъ защитою полиціи. Въ то время какъ демонстранты шумно искали его, онъ благополучно былъ проведенъ на мѣстную пожарную станцію и потомъ уѣхалъ на моторѣ. Этотъ непріятный инцидентъ, умышленно подстроенный мѣстными консервативными патріотами, не имѣлъ, очевидно, ничего общаго съ дѣйствительнымъ настроеніемъ обывателей и былъ только отдѣльнымъ, случайнымъ отступленіемъ отъ обычныхъ нравовъ и традицій англійской политической жизни. Борьба партій происходитъ въ Англіи при условіяхъ внѣшняго „джентльменства" и корректности, съ соблюденіемъ общепринятыхъ приличій, и потому странный эпизодъ въ Гримзби обратилъ на себя общее вниманіе въ западно-европейской печати. Нѣкоторые видѣли въ этомъ эпизодѣ характерный симптомъ, свидѣтельствующій объ упадкѣ популярности либеральныхъ вождей и о враждебномъ къ нимъ отношеніи народа; но подобное толкованіе лучше всего опровергается приведенными выдержками изъ отчета уніонистской „Times". На всѣхъ митингахъ, гдѣ появлялся Ллойдъ-Джорджъ, онъ встрѣчалъ тотъ же восторженный пріемъ, и нигдѣ не замѣчалось отрицательное отношеніе къ его идеямъ со стороны демократическихъ слоевъ населенія. То же самое слѣдуетъ сказать и о рѣчахъ неутомимаго обличителя лордовъ, министра торговли Винстона Черчилля, аристократа по происхожденію, но демократа по убѣжденіямъ.

Еслибы успѣхъ въ политикѣ зависѣлъ только отъ степени талантливости и остроумія ораторовъ и отъ логической силы и справедливости ихъ взглядовъ, то либеральная партія, вѣроятно, легко одержала бы верхъ надъ консервативною. Но англичане привыкли разсматривать и рѣшать свои политическіе вопросы не съ точки зрѣнія отвлеченной логики, а сообразно реальнымъ житейскимъ нуждамъ даннаго момента; они мало заботятся о примѣненіи общихъ теорій, не ищутъ стройной послѣдовательности и не хлопочутъ о внутренней

правдѣ и разумности учрежденій, а преслѣдуютъ только ближайшія практическія цѣли, допуская ломку установившагося порядка только въ случаяхъ крайней необходимости. Британскіе избиратели не могли увлечься страстными филиппиками противъ палаты лордовъ, такъ какъ не видѣли въ ея существованіи непосредственной для себя опасности. Налогъ на пиво и пивовареніе, проектированный въ бюджетѣ Ллойда-Джорджа, возбудилъ протесты въ значительной части населенія, такъ какъ онъ задѣваетъ многіе и крупные матеріальные интересы, хотя теоретически онъ, можетъ быть, и справедливѣе высокихъ таможенныхъ пошлинъ. Тарифная реформа несомнѣнно породила какія-то заманчивыя надежды въ умахъ избирателей и заняла уже опредѣленное мѣсто въ ряду практическихъ задачъ, стоящихъ на очереди въ Англіи. Либералы и ихъ союзники потерпѣли неудачу на выборахъ потому, что опирались на общіе принципы и интересы демократіи; уніонисты пріобрѣли новыя силы потому, что имѣли на своей сторонѣ разныя житейскія комбинаціи, неблагопріятныя для предпринятыхъ соціальныхъ реформъ. Въ дѣлѣ политическихъ преобразованій англичане держатся другого метода, чѣмъ французы; они мирятся даже съ явными абсурдами, унаслѣдованными отъ прошлаго, пока видятъ въ нихъ какую-нибудь практическую пользу. Этимъ и объясняется исходъ послѣднихъ англійскихъ выборовъ.

Въ одной изъ своихъ рѣчей Ллойдъ-Джорджъ совѣтовалъ англичанамъ не подражать пруссакамъ, съ ихъ властными аграріями, съ ихъ военщиной и протекціонизмомъ: многія неподходящія идеи и стремленія, по его словамъ, приходятъ изъ Германіи и грозятъ Англіи болѣе серьезнымъ германскимъ нашествіемъ, чѣмъ военное. Но это идейное германское нашествіе въ область практической политики не представляетъ большой опасности для англичанъ, такъ какъ оно абсолютно ничѣмъ не можетъ ихъ соблазнить. Въ Пруссіи дѣйствительно господствуютъ привилегированное землевладѣльческое юнкерство и военный классъ; тамъ политическая жизнь въ самомъ дѣлѣ находится въ застоѣ, и только закономѣрность правительственной практики, при свободѣ общественнаго мнѣнія и контроля, утѣшаетъ нѣмецкихъ искателей правды и сторонниковъ прогресса.

Сессія обѣихъ палатъ прусскаго сейма открылась 11 января въ королевскомъ дворцѣ, при обычной торжественной обстановкѣ. Имперскій канцлеръ и прусскій министръ-президентъ, Бетманъ-Голльвегъ, явился въ видѣ браваго драгунскаго майора, въ высокихъ сапогахъ со шпорами; драгуномъ былъ одѣтъ и президентъ палаты депутатовъ, фонъ-Крехеръ. Вильгельмъ II вступилъ въ тронную залу вслѣдъ за бле-

стящей военной свитой и въ сопровожденіи множества сановниковъ и царедворцевъ въ разукрашенныхъ мундирахъ. Встрѣченный традиціонными привѣтственными возгласами, онъ взялъ изъ рукъ канцлера текстъ тронной рѣчи и медленно прочелъ ее, остановившись съ удареніемъ только на одномъ параграфѣ, касающемся избирательной реформы. Въ этомъ параграфѣ сказано лишь, что „подготовительныя работы для реформы избирательнаго права близятся къ концу" и что соотвѣтственный проектъ „будетъ внесенъ на разсмотрѣніе палаты черезъ нѣсколько недѣль". Безцвѣтная рѣчь съ неопредѣленнымъ упоминаніемъ о реформѣ выслушана была безъ всякаго восторга; но гусаръ фонъ-Мантейфель, президентъ прусской палаты господъ, вмѣстѣ съ драгуномъ фонъ-Крехеромъ, президентомъ палаты депутатовъ, дали сигналъ къ обязательной восторженной манифестаціи въ честь монарха, и Вильгельмъ II, отвѣтивъ едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы, покинулъ залъ. Депутаты въ свою очередь покинули королевскій дворецъ и приступили къ исполненію своихъ обязанностей. Министръ-президентъ Бетманъ-Голльвегъ счелъ долгомъ произнести маленькую вступительную рѣчь, въ которой представился палатѣ въ своей новой должности и выразилъ надежду на сохраненіе добраго взаимнаго довѣрія и мирнаго сотрудничества между правительствомъ и парламентомъ. Министръ финансовъ фонъ-Рейнбабенъ сдѣлалъ подробный докладъ о бюджетѣ на 1910-ый годъ. Оказывается, что на этотъ годъ предвидится дефицитъ всего въ 92 милліона, тогда какъ въ прошломъ году онъ доходилъ до 165, а въ 1908-мъ—до 202 милліоновъ. Въ этомъ послѣдовательномъ уменьшеніи дефицитовъ можно видѣть признакъ нѣкотораго поворота къ лучшему. Скромный оптимизмъ соотвѣтствуетъ характеру и настроенію благонамѣреннаго большинства прусскаго сейма.

Живѣе и интереснѣе идутъ засѣданія имперскаго сейма, гдѣ рядомъ съ самодовольными аграріями и клерикалами дѣйствуютъ безпокойные и настойчивые соціалъ-демократы. При обсужденіи военнаго бюджета, въ засѣданіи 29 января, консервативный депутатъ фонъ-Ольденбургъ, говоря о необходимости поддержанія дисциплины въ войскахъ, сталъ сравнивать прошлое съ настоящимъ и пустился въ рискованныя утвержденія, которыя привели наконецъ къ крайне бурной сценѣ. Нынѣшнее офицерство, по мнѣнію фонъ-Ольденбурга, слишкомъ интересуется политикою и дѣятельностью законодательныхъ палатъ. „Когда я былъ офицеромъ,—продолжалъ ораторъ—мнѣ было рѣшительно все равно, что сказано въ газетѣ. Я заботился только о томъ, что говорили мои начальники и мой командиръ. Вся публика и весь рейхстагъ совершенно для меня не существовали. Теперь положеніе измѣнилось. Современное офицерство придаетъ рейхстагу

такое значеніе, какого прежде не замѣчалось. Между тѣмъ, по прусской традиціи, верховный вождь арміи, король прусскій и императоръ германскій, долженъ имѣть возможность обратиться къ любому лейтенанту и сказать: „возьмите десять человѣкъ и закройте рейхстагъ!“

При этихъ словахъ произошелъ въ палатѣ общій шумъ: одни протестовали, другіе почему-то апплодировали; почти всѣ лѣвые поднялись съ своихъ мѣстъ и тщетно требовали вмѣшательства предсѣдательствовавшаго вице-президента, принца фонъ-Гогенлоэ. Вслѣдствіе растерянности или по другой причинѣ предсѣдательствовавшій упорно не желалъ обратить вниманіе на изумительную выходку фонъ-Ольденбурга и далъ слово слѣдующему оратору, какъ будто ничего не случилось. Только депутатъ Шрадеръ, изъ партіи свободомыслящихъ, коснулся происшедшаго эпизода, и вслѣдъ затѣмъ Зингеръ далъ ему надлежащую оцѣнку, при чемъ потребовалъ у принца Гогенлоэ объясненій по поводу его страннаго молчанія. Депутатъ Шрадеръ отмѣтилъ оскорбительность заявленія фонъ-Ольденбурга не только для парламента, но и главнымъ образомъ для монарха. Всякій офицеръ знаетъ и долженъ знать, что онъ получаетъ свое жалованье отъ государства и присягаетъ королю не какъ отдѣльному лицу, а какъ главѣ государства; поэтому носитель верховной власти никогда не прикажетъ и не можетъ приказать подчиненному нарушить конституцію. По мнѣнію Зингера, слова фонъ-Ольденбурга заключали въ себѣ прямой призывъ къ ниспроверженію установленнаго конституціоннаго строя, и предсѣдатель обязанъ былъ оградить достоинство рейхстага отъ подобныхъ оскорбленій. Вице-президентъ принцъ Гогенлоэ пояснилъ, что онъ понялъ сказанное фонъ-Ольденбургомъ только въ видѣ примѣра или иллюстраціи той дисциплины, которая безпрекословно обязательна для каждаго прусскаго солдата; но, разумѣется, онъ, принцъ Гогенлоэ, тотчасъ остановилъ бы оратора, еслибы послѣдній серьезно высказалъ мысль о допустимости разгона парламента при помощи военной силы. Объясненіе вице-президента не могло удовлетворить оппозицію и возбудило новые протесты, особенно со стороны соціалъ-демократовъ. Заволновались и южно-германскіе представители, напомнившіе единомышленникамъ фонъ-Ольденбурга, что имперскій сеймъ есть обще-германское, а не спеціально-прусское учрежденіе, къ которому были бы примѣнимы прусскія понятія о военной дисциплинѣ. Соціалистъ Ледебуръ былъ призванъ къ порядку за свои настойчивые упреки по адресу принца Гогенлоэ, и въ засѣданіи 1-го февраля палата формально одобрила поведеніе своего вице-президента.

Въ этой странной исторіи бросается въ глаза цѣлый рядъ несообразностей. Депутатъ фонъ-Ольденбургъ сказалъ явную, рѣшительно

ничѣмъ не вызванную нелѣпость, предполагающую установленіе въ Пруссіи беззаконнаго азіатскаго режима, и въ парламентѣ нашлись консерваторы, которые этому рукоплескали. Придуманный Ольденбургомъ „примѣръ крайней дисциплины“ служитъ, напротивъ, образчикомъ тѣхъ опасныхъ извращеній, къ которымъ приводятъ неправильное пониманіе и черезчуръ прямолинейное примѣненіе военной дисциплины. Всѣмъ памятенъ анекдотическій фактъ, которымъ прославился на весь міръ „капитанъ изъ Кепеника“: неудачный сапожникъ Фойгтъ, сидѣвшій много лѣтъ въ тюрьмѣ за разныя кражи и мошенничества, облекся въ форму прусскаго капитана, остановилъ на улицѣ небольшой отрядъ солдатъ и повелъ его въ Кепеникъ, гдѣ занялъ ратушу, арестовалъ бургомистра и велѣлъ выдать себѣ деньги изъ городской кассы,—и все это продѣлалъ отъ имени короля, по секретному, будто бы, приказу, не встрѣтивъ ни въ комъ противодѣйствія или возраженія. Этотъ „капитанъ“ наглядно, хотя и въ маломъ видѣ, осуществилъ идеалъ фонъ-Ольденбурга. Если простой сапожникъ, будучи только переодѣтымъ, фальшивымъ прусскимъ офицеромъ, успѣшно расправился съ должностными лицами и обывателями культурнаго мѣстечка, взявъ подъ свою команду десятокъ случайно встрѣченныхъ солдатъ, то настоящему, подлинному лейтенанту уже не трудно было бы ворваться въ рейхстагъ въ сопровожденіи военнаго отряда, подъ предлогомъ королевскаго распоряженія. Но дать приказаніе лейтенанту можетъ и простой генералъ или полковникъ; какъ же долженъ поступить офицеръ, получивъ явно незаконный приказъ полковника или генерала? Обязанъ ли онъ будетъ взять роту солдатъ и занять помѣщеніе парламента, если ему это прикажетъ непосредственный начальникъ? Можно даже идти дальше и допустить, въ видѣ примѣра, что какой-нибудь свихнувшійся командиръ распорядится занять королевскій дворецъ, и при точномъ прямолинейномъ соблюденіи военной дисциплины подобный приказъ могъ бы быть исполненъ. Предположимъ, однако, что императоръ и король дѣйствительно пожелалъ бы испытать силу военной дисциплины и повелѣлъ бы простому лейтенанту взять десятокъ солдатъ и закрыть рейхстагъ. Лейтенантъ долженъ былъ бы прежде всего сообразить, что такое важное и отвѣтственное порученіе не могло быть серьезно дано офицеру низшаго ранга, и притомъ непосредственно монархомъ, помимо начальствующихъ лицъ; во всякомъ случаѣ, для избѣжанія возможной ошибки или недоразумѣнія, онъ вѣроятно счелъ бы долгомъ немедленно довести объ этомъ до свѣдѣнія военнаго министра. По здравому смыслу, никто не станетъ обращаться къ содѣйствію „любого лейтенанта“, задумавъ совершить государственный переворотъ; для такого дѣла—еслибы оно вообще имѣло какой-нибудь смыслъ — на-

шлись бы, вѣроятно, болѣе крупные соучастники и исполнители. Но дѣло именно въ томъ, что самое предпріятіе было бы совершенно безсмысленно, и трудно понять психологію такихъ „преданныхъ" монархистовъ, которые почему-то съ особымъ сладострастіемъ рисуютъ себѣ картины неограниченнаго господства военной силы и полнаго безправія народа. Произвольное и насильственное закрытіе германскаго имперскаго сейма прусскимъ „лейтенантомъ" означало бы, во-первыхъ, что союзная организація Германской имперіи потеряла свою силу въ прусскихъ рукахъ, и во-вторыхъ, что Пруссія перестала быть правовымъ государствомъ, что въ ней водворилось владычество ничѣмъ не сдерживаемаго беззаконія — оба предположенія одинаково фантастическія, обидныя для самихъ пруссаковъ.

Монархисты въ родѣ Ольденбурга воображаютъ, что общее безправіе будетъ имъ выгодно, такъ какъ за ними всегда остается близость къ источнику власти; но кто можетъ считать себя обезпеченнымъ въ чемъ бы то ни было, когда безправіе возведено въ общій руководящій принципъ? Если любой лейтенантъ можетъ уничтожить имперскую конституцію по мнимому или дѣйствительному приказу короля, то такой же лейтенантъ съ десяткомъ солдатъ можетъ занять помѣстье и домъ фонъ-Ольденбурга, по распоряженію какого-нибудь полковника или генерала, или даже по собственной волѣ, съ цѣлью провѣрить силу дисциплины среди своихъ солдатъ. Военная дисциплина, доведенная до абсурда, логически приводитъ къ самому худшему виду анархіи. Нечего и говорить, что проповѣдники и сторонники подобныхъ идей только компрометируютъ монархизмъ и вносятъ ядовитое разлагающее начало въ жизнь и организацію арміи, которая въ наше время, при существованіи всеобщей воинской повинности, представляетъ или должна представлять собою „вооруженный народъ".

Въ „Berliner Tageblatt" отъ 25 января напечатано интересное заявленіе о Финляндіи, подписанное именами лучшихъ и знаменитѣйшихъ представителей германской университетской науки. Многія изъ этихъ именъ пользуются широкою извѣстностью во всемъ образованномъ мірѣ и признаются авторитетными и въ Россіи по вопросамъ права и законодательства. Мы видимъ здѣсь подписи не только такихъ ученыхъ, какъ Эрнстъ Геккель, Вундтъ, Эрнстъ Махъ, не только историковъ и юристовъ, какъ Карлъ Лампрехтъ, Карлъ Биндингъ, Отто Гирке, фонъ-Баръ, Дельбрюкъ, но и такихъ спеціалистовъ по государственному праву, какъ Іеллинекъ. Эти „сливки" нѣмецкой научной мысли заступаются за культурную и политическую автономію Финляндіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Мѣры, принимаемыя въ послѣднее время русскимъ правительствомъ противъ великаго княжества Финляндіи, столь исключительны по характеру и значенію, что онѣ не могутъ не вызывать тягостнаго чувства изумленія въ каждомъ культурномъ и правовомъ государствѣ. Мы далеки отъ того, чтобы желать вмѣшиваться во внутреннюю политику Россіи. Но существующія между русскимъ правительствомъ и финляндскимъ народомъ разногласія затрагиваютъ также общіе интересы Европы и даже всѣхъ культурныхъ государствъ... Нижеподписавшіеся думаютъ выразить убѣжденіе самыхъ широкихъ круговъ нѣмецкаго общества, заявляя публично по поводу опасности, угрожающей нынѣ самостоятельности Финляндіи, что: 1) по единодушному почти мнѣнію самыхъ выдающихся ученыхъ юристовъ всѣхъ культурныхъ народовъ, императоръ Александръ I, при соединеніи Финляндіи съ Россіею въ 1809-мъ году, призналъ за Финляндіею положеніе государства, отличнаго отъ Россійской имперіи; разрушеніе или ограниченіе этой политической самостоятельности Финляндіи представляло бы нарушеніе торжественно данныхъ обѣщаній и упраздненіе правового порядка, признававшагося неприкосновеннымъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній; 2) что неизбѣжное при потерѣ политической самостоятельности паденіе своеобразной финляндской культуры было бы глубоко прискорбно, такъ какъ эта выработавшаяся собственными силами, при суровомъ трудѣ, культура образуетъ весьма цѣнную часть современной культурной жизни; и 3) что русское общество и особенно законные представители русскаго народа не могутъ начать внутреннюю перестройку политическаго быта своего отечества съ того, что приложатъ свою руку къ явному нарушенію конституціи и вмѣстѣ къ политическому и духовному уничтоженію дѣльнаго и всегда лойяльнаго народа".

Не касаясь финляндскаго вопроса по существу, мы остановимся на приведенномъ документѣ только съ точки зрѣнія международной политики. Для насъ важенъ этотъ документъ не по своимъ юридическимъ и этико-правовымъ мотивамъ (часть которыхъ, касающаяся условій присоединенія Финляндіи при Александрѣ I, пропущена нами, по общеизвѣстности ихъ);—онъ важенъ для насъ только какъ выраженіе опредѣленнаго западно-европейскаго взгляда на наши русскія дѣла. Когда авторитетные представители заграничнаго общественнаго мнѣнія высказываются объ одномъ изъ нашихъ больныхъ внутреннихъ вопросовъ, то мы можемъ отнестись къ этому двояко: мы можемъ предъявить „отводъ", отрицая право иностранцевъ „вмѣшиваться" въ наши домашніе счеты и судить о дѣйствіяхъ нашего правительства; или же мы можемъ заинтересоваться высказанными сужденіями и извлечь изъ нихъ полезные для себя выводы, чтобы не дать

укорениться въ Европѣ непріятнымъ и обиднымъ для насъ чувствамъ относительно Россіи. Нѣтъ ничего легче какъ отклонять чужіе отзывы подъ предлогомъ скрывающейся въ нихъ попытки вмѣшательства въ чужія дѣла; но корректно выраженное компетентное мнѣніе есть только мнѣніе, а не вмѣшательство. Для насъ далеко не безразлично, какъ смотрятъ на насъ могущественныя культурныя націи, съ которыми мы обязаны заботливо поддерживать хорошія и довѣрчивыя отношенія въ интересахъ международной безопасности Россіи.

Противъ германской оцѣнки русско-финляндскаго кризиса не трудно предъявить и другой отводъ, основанный на принципѣ: „врачу, исцѣлися самъ". Въ нашей печати уже указывалось на то, что прусскимъ и австрійскимъ ученымъ, будто бы, не подобаетъ возражать противъ нарушенія правъ Финляндіи, такъ какъ сами нѣмцы поступали и поступаютъ довольно безцеремонно съ чужими національностями—напр. съ поляками въ Познани, съ жителями Эльзаса и Лотарингіи, съ Босніей и Герцеговиной. Точное соблюденіе началъ права и справедливости вообще встрѣчается очень рѣдко въ политикѣ государствъ относительно подвластныхъ или болѣе слабыхъ народностей; сплошь и рядомъ нарушаются торжественныя обѣщанія и даже формальные договоры и обязательства, какъ это случилось, напр., съ нѣкоторыми постановленіями пражскаго мирнаго трактата 1866-го года относительно Шлезвига. Что для государства, въ его международныхъ и національныхъ отношеніяхъ, „сила выше права" — это, къ сожалѣнію, остается еще пока азбучною практическою истиною, которая всего менѣе можетъ быть оспариваема въ Пруссіи.

Но было бы слишкомъ наивно съ нашей стороны ссылаться на эти общеизвѣстные факты для доказательства внутренней несостоятельности германскаго профессорскаго протеста по финляндскому вопросу. Въ основѣ этого протеста лежитъ твердое сознаніе, что между финляндскою политикою Россіи, польскою политикою Пруссіи и боснійскою политикою Австро-Венгріи нельзя проводить никакой параллели. Превосходство нѣмецкой культуры, высокій уровень нѣмецкой науки и просвѣщенія, традиціонная добросовѣстность администраціи, достаточныя гарантіи свободы личной и общественной — все это отчасти вознаграждаетъ познанскихъ поляковъ за стѣсненія ихъ національныхъ правъ; польская народность въ Пруссіи фактически онѣмечивалась независимо отъ какихъ-либо искусственныхъ мѣръ, и этотъ процессъ онѣмеченія скорѣе задерживается, чѣмъ поощряется мѣропріятіями правительства. Австрійцы въ Босніи и Герцеговинѣ, насколько можно судить по описаніямъ путешественниковъ, являются всетаки насадителями европейской культуры; запущенныя и разоренныя

турецкія провинціи превратились въ благоустроенныя области, съ задатками правильнаго народнаго развитія и благосостоянія — и этой австрійской заслуги не отрицаютъ и славянскіе патріоты. И пруссаки въ Познани, и австрійцы на Балканахъ дѣйствуютъ, во-первыхъ, во имя реальной или предполагаемой пользы своихъ государствъ и націй, и, во-вторыхъ, во имя преимуществъ своей культуры, своего общественно-политическаго быта и своихъ административныхъ порядковъ. Если же мы спросимъ: во имя чего и съ чѣмъ явимся мы въ Финляндію?—то разумнаго отвѣта мы не получимъ. Наша финляндская политика не имѣетъ реальной, опредѣленной цѣли, полезной для государства. У насъ дѣло идетъ о томъ, чтобы лишить финляндцевъ автономіи, не предлагая имъ ничего взамѣнъ и безъ всякой пользы для Россіи. Нѣмецкіе ученые именно и протестуютъ противъ такого безпричиннаго посягательства на пріобрѣтенныя права и жизненные интересы финляндской народности. Съ этой стороны и слѣдуетъ разсматривать германское заявленіе.

Не въ одной Германіи раздаются враждебные намъ голоса по поводу непріятныхъ особенностей нашей внутренней политики. Въ частности, по финляндскому вопросу, дружественно расположенный къ намъ парижскій „Temps", еще до появленія германскаго протеста, высказывалъ, хотя и крайне дипломатично, неодобрительныя сужденія о русскихъ планахъ относительно Финляндіи. „Не принимая на себя разбирательства въ спорѣ, который насъ вовсе не касается, — говорится въ передовой статьѣ этой газеты отъ 11 января,—мы можемъ только замѣтить, что русскій планъ характеризуется духомъ націоналистской централизаціи, который не оправдывается никакимъ серьезнымъ рискомъ сепаратизма. Изъ всѣхъ русскихъ окраинъ Финляндія является не только самой культурною, но и самой дисциплинированною... Россія, кажется, можетъ быть сильною и цвѣтущею безъ нарушенія преимуществъ, которыми чрезвычайно дорожитъ Финляндія. Финляндцы, съ своей стороны, имѣютъ интересъ въ томъ, чтобы играть активную роль въ конституціонной жизни Россійской имперіи. При такихъ условіяхъ возможно справедливое соглашеніе. Остается желать, чтобы оно осуществилось". Отзывъ французскаго оффиціоза есть также своего рода симптомъ...

Въ Греціи давно уже тянется какой-то неопредѣленный политическій кризисъ, въ которомъ все болѣе видную роль играютъ представители арміи. Внутреннія дѣла страны находятся въ печальномъ состояніи; однако упадокъ народнаго хозяйства, слабость промышленности и торговли, скудость финансовыхъ средствъ и связанное съ

этимъ военное безсиліе не мѣшаютъ греческимъ патріотамъ мечтать о внѣшнихъ пріобрѣтеніяхъ и успѣхахъ при помощи иностранной дипломатіи. Неудача проекта присоединенія Крита нанесла сильный ударъ патріотическому чувству націи и вызвала броженіе, на почвѣ котораго создалось нѣчто въ родѣ военной или, вѣрнѣе, офицерской диктатуры. Отдѣльныя группы греческихъ офицеровъ соединили свои усилія для образованія „военной лиги", которая мало-по-малу присвоила себѣ руководящее вліяніе на правительство и на разрозненныя политическія партіи и группы, составляющія парламентъ. „Военная лига" ставитъ себѣ великія національныя цѣли, заявляетъ о необходимости возрожденія прошлаго величія Греціи, пропагандируетъ идею о созывѣ національнаго собранія, а пока устраиваетъ и распутываетъ правительственные кризисы, смѣщаетъ и назначаетъ министровъ, участвуетъ въ партійныхъ интригахъ и ведетъ секретные переговоры съ представителями Крита. По тѣмъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, какія доходятъ до насъ изъ Греціи, трудно составить себѣ ясное понятіе объ ея политическомъ положеніи; видно только одно, что оно не обѣщаетъ ничего хорошаго въ будущемъ.

Много шуму поднято было въ газетахъ за послѣднее время по поводу американскаго проекта „нейтрализаціи" манчжурскихъ желѣзныхъ дорогъ. Правительство Соединенныхъ Штатовъ находитъ, что нынѣшнее состояніе Манчжуріи не даетъ возможности надѣяться на мирное развитіе международной торговли въ Китаѣ и что провозглашенный державами принципъ „открытыхъ дверей" останется мертвой буквой вслѣдствіе разногласій между великими культурными націями; было бы, поэтому, въ высшей степени важно, чтобы главныя капиталистическія страны—Великобританія, Германія, Франція и Соединенные Штаты—условились совмѣстно стоять за равномѣрное соблюденіе ихъ торговыхъ интересовъ. Вѣрнѣйшимъ средствомъ для обезпеченія политическихъ правъ Китая въ Манчжуріи и для содѣйствія нормальному развитію восточныхъ провинцій представляется, по мнѣнію американскаго правительства, „изъятіе манчжурскихъ желѣзныхъ дорогъ изъ области восточной политики, съ передачей ихъ въ завѣдываніе безпристрастной хозяйственной администраціи и съ признаніемъ права собственности на нихъ за Китаемъ". Японія и Россія избавились бы отъ тяжелыхъ финансовыхъ обязательствъ, связанныхъ съ этими дорогами, и продолжали бы участвовать въ новой международной организаціи въ соотвѣтственныхъ доляхъ, вмѣстѣ съ Китаемъ и другими державами; необходимые капиталы были бы добыты путемъ международнаго займа. Другими словами, для „полной коммерческой ней-

трализаціи Манчжуріи“ предлагалось отдать ее въ распоряженіе крупнаго финансоваго синдиката, въ которомъ истинными хозяевами были бы иностранные капиталисты, преимущественно американскіе и англійскіе.

Этотъ оригинальный проектъ, предложенный вашингтонскимъ кабинетомъ на разсмотрѣніе заинтересованныхъ державъ, былъ всѣми признанъ несостоятельнымъ и неосуществимымъ—и послѣ возбужденной имъ полемики онъ сданъ въ архивъ; но мысль о выгодной продажѣ манчжурскихъ желѣзныхъ дорогъ не должна быть оставлена безъ вниманія—по крайней мѣрѣ со стороны Россіи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1910 г.

I.

— Куда мы идемъ? Настоящее и будущее русской интеллигенціи, литературы, театра и искусствъ. Сборникъ статей и отвѣтовъ. Москва, 1910. Цѣна 1 руб.

Побуждаемое разноголосицею о современномъ положеніи и задачахъ русской интеллигенціи, московское книгоиздательство „Заря“, дабы помочь заблудившимся въ лѣсу противорѣчій интеллигентамъ, затѣяло среди представителей науки, литературы, искусства и общественности анкету по вопросу: „Куда мы идемъ?“. Отозвалось человѣкъ сорокъ. Замѣтки ихъ и цѣлыя статьи составили сборникъ о нашемъ „настоящемъ и будущемъ“. Подобный сборникъ представлялъ бы интересъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы анкета дѣйствительно охватила достаточно широко и полно всѣ современныя литературно-общественныя группы и оттѣнки настроеній и взглядовъ. Между тѣмъ въ анкетѣ „Зари“ нѣтъ множества именъ, которыя невольно напрашиваются на мысль въ томъ или другомъ случаѣ: почти не представлено такъ называемое „богоискательство“ и „богостроительство“, хотя анкета ставитъ вопросъ также и объ этихъ теченіяхъ; „Вѣхи“—откликнулись въ лицѣ одного г. Изгоева; изъ модернистовъ есть Андрей Бѣлый, и нѣтъ ни г. Брюсова, ни г. Бальмонта; совершенно случайны имена дѣятелей науки и общественности. При такомъ со-

ставѣ книги многія страницы ея характеризуютъ не наше положеніе, а развѣ только самихъ авторовъ, раскрывая иногда съ не весьма выгодной для нихъ стороны склонность къ оригинальничанью и словеснымъ выкрутасамъ. Андрей Бѣлый, напр., нашелъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ „альфу и омегу русской литературы, апокалипсисъ русскаго народа“, и воздыхаетъ о томъ, что „настоящее наше темно, какъ и прошлое наше темно искони, искони“,—приходя къ выводу, что „признаніемъ Достоевскаго русская интеллигенція признала свою религіозную связь съ народомъ“. Словесное кружево А. Волынскаго, съ вычурнымъ заглавіемъ: „Богъ или боженька?“, приглашаетъ „думать единственно о томъ, чтобы путемъ внутренняго усилія интеллектуальнаго созерцанія найти ту единую правду, изъ которой органически растетъ цѣльная жизнь, духовно-космическая жизнь, не знающая никакихъ пропастей между духомъ и природою, между волею и Богомъ, между человѣкомъ и Богомъ“, и кончается елейно недоумѣннымъ: „можетъ ли вообще русская эмоціональность, съ ея почвенно-народными оттѣнками, съ вдохновенной (!?) безтолковщиной русской жизни, переродиться въ универсальную духовность царства Божьяго на землѣ? Богъ или боженька?“. Изъ двухъ беллетристовъ, дивящихъ „свой только муравейникъ“, одинъ вѣщаетъ: „собственно никакого момента въ русской литературѣ нѣтъ сейчасъ. Моментъ характеризуется геніями, а гдѣ у насъ геній? Полтора художника и сто одинъ рекламистъ“,—а другой обрушивается на библіографическій отдѣлъ толстыхъ журналовъ, въ пику имъ расхваливая редактора маленькаго журнала, который (редакторъ) „пропускалъ разсказы только людей съ большимъ дарованіемъ“. Сергѣй Маковскій, по его словамъ, глубоко убѣжденъ въ томъ, что „никогда еще Россія не переживала болѣе плодотворной эпохи. То, что многіе пренебрежительно называютъ кличкой модернизма—признакъ настоящаго роста нашего эстетическаго самосознанія“. Черезъ страничку г. П. Малянтовичъ столь же безапелляціонно возглашаетъ кладбищенское: „къ тайнѣ жизни современная литература не подходитъ... Я думаю, что у современной литературы будущаго нѣтъ“, а театральный дѣятель г. Мейерхольдъ на заданный себѣ вопросъ, „откуда же ждать новаго русскаго драматурга, единственнаго, кто сможетъ легко и просто вывести театръ изъ положенія кризиса на путь къ прочному оздоровленію“, изрекаетъ съ торжественною, но не вразумительною для непосвященнаго краткостью: „лишь изъ миѳотворчества“.

Мотивы, затронутые нѣкоторыми участниками сборника, заслуживаютъ, однако, вниманія. Въ общемъ должно признать, что настроеніе большинства участниковъ далеко отъ безвыходнаго пессимизма, какой сквозитъ въ сказочкѣ Ал. Ремизова, изображающей нашу жизнь какъ

совмѣщеніе грязной, грубой дѣйствительности и волшебно-прекрасной грезы поэтическаго творчества, съ жизнью ничѣмъ не связаннаго. Никто не отрицаетъ, что мы переживаемъ въ общественно-политическомъ отношеніи такъ называемую эпоху реакціи, но всѣ признаютъ, что внутренній процессъ національной жизни продолжается неуклонно. „Развитіе хозяйственности будетъ создавать прочные устои свободы, хотя бы той, что называется буржуазною... Въ настоящее время зрѣютъ новыя силы, которыя сознаютъ необходимость измѣненія, какъ общей, такъ и экономической политики, и въ концѣ концовъ новая струя должна будетъ пробиться въ нашу жизнь" (проф. И. Озеровъ). Лучшая статья сборника—„Замѣтки о современной литературѣ" А. Горнфельда—говоритъ о соціальной проблемѣ, какъ неизбѣжно выводящей насъ изъ тупика. „Соціальная проблема есть индивидуальный вопросъ, рѣшаемый коллективно. Это коллективное рѣшеніе, эта необходимость не только дѣйствовать, но и мыслить вмѣстѣ съ необозримыми народными массами, непосредственно ведетъ къ необходимости знать ихъ. Мы стоимъ передъ новой народной беллетристикой,—на этотъ разъ уже всенародной,—предъ новымъ погруженіемъ нашей литературы въ міръ собирательной души". По словамъ П. С. Когана, „литература—великій показатель. А она говоритъ намъ, что андреевскому пессимизму, бальмонтовскимъ грезамъ и соллогубовскимъ экстазамъ приходитъ конецъ. Они оттѣсняются новыми пѣснями. Ободряющимъ гимномъ звучитъ поэзія Куприна и другихъ реалистовъ для всѣхъ, въ комъ идеалъ свободнаго и прекраснаго человѣка будитъ не безуміе и отчаяніе, а жажду борьбы и дѣла". Исканіе синтеза началъ истины, красоты и справедливости представляется Ѳ. Д. Батюшкову „самымъ характернымъ симптомомъ современныхъ исканій русской мысли. Вѣра въ него является творческимъ началомъ новой жизни". Въ такихъ голосахъ чувствуется увѣренность, что колоссальное напряженіе умственныхъ силъ страны, создавшее міровую литературу и искусство, не можетъ безплодно разсѣяться, а должно наростать и множиться. Оно выведетъ страну, рано или поздно, изъ затяжного кризиса неосуществленной, на бумагѣ написанной свободы.

II.

— А. А. Измайловъ. Помраченіе божковъ и новые кумиры. Книга о новыхъ вѣяніяхъ въ литературѣ. М. 1910. Ц. 1 руб.

На книгу г. Измайлова наложила свою печать профессія автора, какъ газетнаго сотрудника, которому трудно избѣжать спѣшности и стремительности сужденій. По его словамъ, „литература есть лите-

ратура, политика есть политика", и авторъ будто бы „не понимаетъ" ихъ точекъ соприкосновенія; но мы думаемъ, что онъ не сталъ бы писать о литературѣ, напр., въ „Русскомъ Знамени". „Помимо узкаго міровоззрѣнія литературныхъ околодочныхъ"—говоритъ г. Измайловъ,— „есть великое и свѣтозарное царство красоты, которому нѣтъ никакого дѣла до дурныхъ городовыхъ и ложныхъ донесеній объ аграрныхъ безпорядкахъ"; но, конечно, авторъ очень хорошо знаетъ, что царство красоты не только при дурныхъ городовыхъ, но и вообще при городовыхъ не есть красота, и самъ высоко ставитъ Некрасова— третьимъ послѣ Пушкина и Лермонтова. „Модныя идеи нынѣшняго поэта—заявляетъ онъ въ качествѣ похвалы — не имѣютъ ничего общаго съ оскудѣвшими идейками старины... наперерывъ въ нѣсколько голосовъ поэты поютъ анаѳему городу, ненависть къ „комнатнымъ людямъ". Между тѣмъ, авторъ легко могъ бы вспомнить такую „старину", какъ Руссо, какъ Гейне, какъ Л. Толстой. Онъ торопится похоронить Надсона, какъ представителя стараго стиля въ искусствѣ. „Вотъ знаменіе времени. Давно потерявшій обаяніе у людей, пережившихъ молодость, онъ перестаетъ быть популярнымъ даже у молодежи"—а между тѣмъ новыя изданія Надсона идутъ своимъ чередомъ прежней полной струею въ массу читателей и даже стали предметомъ грандіозной контрафакціи. Авторъ очень дорожитъ своими указаніями на примѣры модернистскихъ пріемовъ у старыхъ писателей, забывая, что о символизмѣ Тургенева давно уже писалось другими, и т. д.

Но помимо ненужной, торопливой, хлесткой, типично газетной манеры, книга г. Измайлова представляетъ несомнѣнно живой интересъ. Сущность новаго литературнаго движенія авторъ видитъ въ торжествѣ школы Чехова, бѣгло опредѣляя ее въ слѣдующихъ терминахъ: „Она рѣзко психологична и любитъ символъ. Она окрашиваетъ все личнымъ авторскимъ настроеніемъ (импрессіонизмъ). Она глубоко лирична. Реальность обстановки—для нея воздухъ, безъ котораго она не можетъ дышать. Она предпочитаетъ острое психологическое мгновеніе длительному сроку... Психологія покрыла бытъ, и настроеніе вознеслось надъ фабулой... Со стороны формы новая школа усвоила легкость, воздушность, кружевность, какихъ не знала старина". Авторъ—за это новое въ искусствѣ, но никто усерднѣе его не ополчается на уродства новой литературной моды. Бо̀льшая часть книги г. Измайлова, получившаго извѣстность сначала въ качествѣ талантливаго пародиста нашихъ декадентовъ, посвящена бурной атакѣ противъ „творчества подъ барабанъ" (тенденціозной гражданской лирики), походу на „лавочку антикваріевъ" (нео-архаисты и стилизаторы въ родѣ Вяч. Иванова, Ауслендера и др.), на „торжествующаго Пріапа" (беллетристы-порнографы). Авторъ бичуетъ „литературныхъ шпаго-

глотателей и престидижигаторовъ", погоню ихъ за вычурно-оригинальнымъ, за фокусничествомъ слова, патологическую беллетристику Ѳедора Соллогуба, Андрея Бѣлаго и др. Во всемъ этомъ походѣ противъ вычуръ, условностей, экстравагантности сюжетовъ и формы авторъ тонко схватываетъ комическую сторону предмета и удачной цитатой иногда въ лоскъ кладетъ вывихнувшееся дарованіе, „подобное тому цыгану Антону изъ „Безприданницы" Островскаго, котораго вдругъ перегнуло на бокъ, совсѣмъ угломъ". Здѣсь, однако, и слабая сторона г. Измайлова: онъ ярче оцѣниваетъ то, что криво въ писателѣ, чѣмъ дѣйствительно прямое. Только въ послѣдней главѣ г. Измайловъ, послѣ безпощаднаго разноса крайностей новыхъ теченій, спохватывается, что „тотъ не увидѣлъ бы за деревьями лѣса, кто разсмотрѣлъ бы въ новыхъ вѣяніяхъ только однѣ аномаліи", и на примѣрѣ А. Блока и З. Гиппіусъ пытается показать въ творчествѣ модернистовъ настоящее художественное проникновеніе въ человѣческую душу и истинно поэтическую передачу ими—въ нѣкоторыхъ случаяхъ—сложныхъ, неясныхъ, интимныхъ ея настроеній.—Ч. В—скій.

III.

— В. Базаровъ. На два фронта. Спб., 1910. Ц. 2 р.

Въ статьяхъ и очеркахъ г. Базарова обсуждаются вопросы высшей философіи и психологіи, безъ прямой связи съ соціальными и политическими задачами настоящей эпохи. Авторъ рѣшительно возстаетъ, съ одной стороны, противъ своихъ единомышленниковъ по Марксу, виновныхъ въ безсознательномъ мистическомъ идеализмѣ, а съ другой—противъ откровенныхъ мистиковъ и религіозныхъ мечтателей, занятыхъ исканіемъ божественнаго начала въ природѣ и жизни. Къ первой группѣ онъ относитъ прежде всего Г. В. Плеханова, Вл. Ильина и г-жу Л. Ортодоксъ, а ко второй—гг. Вячеслава Иванова, Бердяева, Мережковскаго и Философова. Съ тѣми и другими онъ расправляется весьма обстоятельно и сурово, не щадя ни собственныхъ силъ, ни терпѣнія читателя.

Эта придирчивая, рѣзкая и утомительная полемика „на два фронта" едва ли способна заинтересовать даже людей, принимающихъ близко къ сердцу схоластическіе споры о „вещахъ въ себѣ". Г. Плеханову ставится въ вину высказанное имъ мнѣніе, что вѣра въ существованіе внѣшняго міра есть „необходимое предварительное условіе мышленія критическаго въ лучшемъ смыслѣ этого слова". Это не обмолвка, не случайное неловкое выраженіе,—замѣчаетъ г. Базаровъ—

а „дѣйствительно необходимое предварительное условіе того типа мышленія, одной изъ разновидностей котораго является догматическій матеріализмъ". Въ данномъ случаѣ г. Плехановъ „провелъ свою точку зрѣнія до конца, не захотѣлъ вилять и заметать слѣды, а просто ясно формулировалъ основную предпосылку своего міровоззрѣнія въ тѣхъ же самыхъ терминахъ, которые употребляютъ всѣ вѣрующіе люди". Авторъ поймалъ г. Плеханова на словѣ „вѣра": вѣрить не полагается сознательному матеріалисту. Конечно, и г. Базаровъ вѣритъ въ существованіе внѣшняго міра, но онъ выражаетъ эту вѣру въ формѣ положительнаго знанія. „Въ нашемъ познаніи—говоритъ онъ—вещи даны совершенно такъ же, какъ онѣ существуютъ въ дѣйствительности"; это онъ знаетъ доподлинно, и потому онъ не нуждается въ мистическомъ элементѣ вѣры. Въ свою очередь г. Вл. Ильинъ находитъ, что г. Базаровъ впалъ въ непозволительную ересь: его объясненіе есть какъ разъ „та основная нелѣпость, основная путаница и фальшь махизма, изъ которой вылѣзла вся остальная галиматья этой философіи и за которую лобзаютъ Маха съ Авенаріусомъ отъявленные реакціонеры и проповѣдники поповщины; „это идеалистическая ложь или увертка, ибо чувственное представленіе не есть существующая внѣ насъ дѣйствительность, а только образъ этой дѣйствительности". Впрочемъ, и книга Вл. Ильина, содержащая въ себѣ приведенный отзывъ, представляетъ, по свидѣтельству критикуемаго имъ автора, „нѣчто совершенно исключительное по своей сумбурности": „принципіально между его точкой зрѣнія и точкой зрѣнія любого мистика нѣтъ рѣшительно никакой разницы".

Г. Плехановъ считаетъ невозможнымъ допустить, чтобы явленія внѣшняго міра были только нашими субъективными представленіями, ибо въ такомъ случаѣ каждый изъ насъ признавалъ бы только себя реально существующимъ и долженъ былъ бы, въ качествѣ солипсиста, отвѣчать предъ своею совѣстью за всѣ совершающіяся въ мірѣ глупости. Вотъ убѣдительный примѣръ, пишетъ г. Плехановъ по поводу своей полемики съ Конрадомъ Шмидтомъ: „Еслибы не существовало Конрада Шмидта, какъ вещи въ себѣ, еслибы онъ былъ только явленіемъ, т.-е. представленіемъ, существующимъ лишь въ моемъ сознаніи, то я никогда не простилъ бы себѣ, что мое сознаніе породило доктора, столь неловкаго въ дѣлѣ философскаго мышленія. Но если моему представленію соотвѣтствуетъ дѣйствительный Конрадъ Шмидтъ, то я не отвѣчаю за его логическіе промахи, моя совѣсть спокойна, а это очень значитъ въ нашей юдоли плача". Возражая г. Плеханову, г. Базаровъ напоминаетъ ему, что „вѣдь въ мірѣ, кромѣ Шмидта, имѣются еще и Марксъ, и Гегель, и много другихъ великихъ людей, передъ которыми совершенно меркнутъ Шмидты. И едва ли совѣсть

особенно мучила бы Плеханова, еслибы ему пришлось принять на себя отвѣтственность за вселенную, какъ за порожденіе своего сознанія. Вѣдь въ исторіи религій не нашлось пока ни одного бога, который считалъ бы ниже своего достоинства взять на себя роль творца міра". Г. Базаровъ весьма резонно доказываетъ, что дѣло не въ отвѣтственности, а въ чемъ-то другомъ. „Признаніе другихъ людей только моими представленіями чревато гораздо болѣе крупными неудобствами; оно уничтожаетъ, напримѣръ, всякій смыслъ общественной дѣятельности". Можно идти еще дальше, какъ указывалъ и г. Плехановъ: если явленія внѣшняго міра суть только наши человѣческія представленія, то что было съ этимъ міромъ въ первобытную эпоху, когда вмѣсто людей существовали ихтіозавры? „Какъ обстояло тогда дѣло съ пространствомъ, временемъ и причинностью? Чьими субъективными формами были они въ то время? Субъективными формами ихтіозавровъ?" Такъ какъ на эти вопросы философія Канта не даетъ и „не можетъ дать отвѣта", то, по смѣлому заключенію г. Плеханова, „она должна быть отвергнута, какъ совершенно несогласная съ современной наукою". Г. Базаровъ же предпочитаетъ отвергнуть теорію самого г. Плеханова, оставивъ въ силѣ философію Канта. Для подтвержденія своего вывода онъ приводитъ цитаты изъ Маркса и Энгельса съ соотвѣтственными комментаріями, при чемъ оказывается, что матеріализмъ г. Плеханова есть „мертвая схоластика", не имѣющая ничего общаго съ истиннымъ марксизмомъ и „стоящая по ту сторону всякаго научнаго изслѣдованія". Мы не сомнѣваемся, конечно, что Г. В. Плехановъ съ своей стороны можетъ сказать то же самое о разсужденіяхъ г. Базарова и его единомышленниковъ.

Въ такомъ родѣ, въ силу „неисповѣдимыхъ путей Провидѣнія", какъ выражается г. Базаровъ, „въ настоящій моментъ, черезъ 25 лѣтъ послѣ смерти Маркса, черезъ 60 слишкомъ лѣтъ послѣ появленія его первыхъ философскихъ работъ, среди русскихъ марксистовъ кипитъ горячая полемика по вопросу: „исходитъ ли марксистская философія изъ непосредственно даннаго эмпирическаго міра, или же постулируетъ въ качествѣ отправного пункта нѣкую реальность, находящуюся за предѣлами возможнаго опыта" (стр. 69). Если самъ г. Базаровъ, обвиняющій Г. В. Плеханова въ скрытомъ мистицизмѣ, оправдываетъ эту полемику ссылкою на мистическіе пути Провидѣнія, то постороннему читателю эти горячіе споры о „вещахъ въ себѣ" могутъ, пожалуй, показаться никому ненужною и безплодною философскою канителью.

Болѣе содержательны полемическіе этюды г. Базарова о настоящихъ мистикахъ и декадентахъ, но и въ этихъ этюдахъ чрезмѣрное преобладаніе полемики отчасти затемняетъ и запутываетъ мысль

автора. Только какъ бы мимоходомъ, въ видѣ возраженія противъ чужихъ взглядовъ и теорій, высказываются положительныя идеи, составляющія сущность личной вѣры г. В. Базарова. „Сліяніе двухъ душъ, связанныхъ половой любовью,—читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ— есть лишь несовершенный, блѣдный прообразъ будущаго, слабый намекъ на то сліяніе всѣхъ человѣческихъ душъ, которое будетъ неизбѣжнымъ результатомъ коммунистическаго строя“ (стр. 149). „Исторія человѣчества развертывается діалектически. Это не безсмысленная пляска призрачныхъ масокъ, не безпорядочная игра случайныхъ, капризно противорѣчащихъ порывовъ, настроеній и взглядовъ, а упорный, послѣдовательный, непреоборимо-могучій процессъ роста человѣка. Въ дикихъ конвульсіяхъ соціальной борьбы, въ смѣнѣ бурныхъ періодовъ одушевленнаго натиска и разъѣденныхъ скептицизмомъ эпохъ относительнаго застоя и упадка, осуществляется это суровое восхожденіе ad astra. Здѣсь ничто не пропадаетъ даромъ. Даже эпохи явнаго гніенія и упадка, когда самая идея прогресса осмѣивается, какъ скучная и пошлая, когда взоры жадно устремляются назадъ— даже такія эпохи по „трансцендентальной ироніи“ исторіи оказываются обыкновенно орудіемъ поступательнаго движенія человѣчества. Онѣ даютъ удобреніе для будущихъ всходовъ прогресса“ (стр. 166). Исповѣдуя такую твердую вѣру въ безконечный „діалектическій“ прогрессъ человѣчества, г. Базаровъ могъ бы уже отнестись снисходительно къ невинной вѣрѣ Г. В. Плеханова въ существованіе внѣшняго міра и самого человѣчества. Какъ ни открещивается авторъ отъ всякой вѣры и мистики, онъ всетаки вѣритъ не хуже и не меньше другихъ — и содержаніе его вѣры едва ли отличается чѣмъ-нибудь существеннымъ отъ вѣры критикуемыхъ имъ представителей идейнаго соціализма.

Въ спорѣ противъ г. Мережковскаго и другихъ г. Базаровъ обнаруживаетъ бодрый, ничѣмъ не ограниченный оптимизмъ, свободный уже отъ всякихъ философскихъ примѣсей. Съ точки зрѣнія автора, надо только запастись терпѣніемъ, и мы непремѣнно когда-нибудь дождемся небывалаго еще благополучія и процвѣтанія. Чтобы обезпечить общее правильное развитіе и совершенствованіе, достаточно человѣку „быть просто самимъ собою, найти свое призваніе, ту область, въ которой онъ способенъ творить самостоятельно, т.-е. наслаждаться независимо отъ всякихъ извнѣ установленныхъ и внутренно-санкціонированныхъ святынь“ (стр. 209). Роль исключительныхъ личностей въ умственномъ и соціально-политическомъ движеніи человѣчества есть только нелѣпый предразсудокъ; обыкновенные люди толпы самостоятельно участвуютъ въ общемъ прогрессѣ, не нуждаясь въ помощи авторитетныхъ руководителей. „И чѣмъ легче средніе люди находятъ

свое призваніе, чѣмъ энергичнѣе кипитъ ихъ культурная работа, тѣмъ значительнѣе прозрѣнія геніальныхъ умовъ. Безъ этого массоваго коллективнаго творчества культурныхъ цѣнностей гигантскія синтетическія дарованія генія были бы пусты, какъ Кантовскія „категоріи" за предѣлами эмпирическаго міра,—геній могъ бы создать не великую систему, а въ лучшемъ случаѣ чудовищную фантасмагорію" (тамъ же). Словомъ, въ концѣ концовъ, все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ.—Л. Слонимскій.

IV.

— Рождественскій, Т. С. Памятники старообрядческой поэзіи. Москва, 1909 г.

„Падаютъ подъ ударами дровосѣка вѣковые лѣса, непроницаемой стѣной защищавшіе отъ внѣшнихъ вліяній скиты и поселки старообрядцевъ; высыхаютъ и распахиваются болота, по которымъ „Божьими стезями" пробирались когда-то чернецы и черницы, ища спасенія отъ суетнаго міра. Исчезли съ лица земли или присоединены къ православію многіе старообрядческіе монастыри, измѣнился въ значительной степени и весь укладъ жизни старообрядческаго міра". Такъ пишетъ Т. С. Рождественскій въ предисловіи къ своей книгѣ. И вмѣстѣ съ измѣненіемъ „уклада жизни" „лира старообрядчества постепенно смолкаетъ". Наступаетъ время безпристрастнаго изученія всего литературнаго наслѣдства, оставленнаго старообрядцами за 2½ вѣка ихъ самостоятельной жизни, борьбы и творчества. Т. С. Рождественскому пришла счастливая мысль собрать, по возможности, воедино какъ уже опубликованное въ области старообрядческой поэзіи, такъ и то, что̀ нужно еще извлечь изъ рукописей. Трудъ г. Рождественскаго можно признать почти исчерпывающимъ въ той его части, гдѣ собрано раньше напечатанное въ различныхъ мѣстныхъ изданіяхъ, газетахъ, книгахъ и пр. Нельзя сказать того же про архивные матеріалы. Какъ видно изъ примѣчаній къ различнымъ стихамъ, Т. С. Рождественскій пользовался только собраніемъ рукописей Загоскина въ московскомъ археологическомъ институтѣ. Въ другихъ книгохранилищахъ, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, сохраняется досел много еще неопубликованнаго матеріала по старообрядческой поэзіи. Къ сожалѣнію, этотъ матеріалъ, — особенно находящійся за строго оберегаемыми китайскими стѣнами коллекціонеровъ,—мало доступенъ изслѣдователю.

Составитель сборника раздѣлилъ свой трудъ на пять отдѣловъ. Въ первый отдѣлъ вошли произведенія на тему: „Наступленіе царства

антихриста и гибель истинной вѣры". Сюда же относятся стихи, восхваляющіе пустынножительство, и, наконецъ, призывы къ смерти, какъ общей избавительницѣ отъ земного зла. Во второмъ отдѣлѣ помѣщены „стихи съ преобладающимъ историческимъ содержаніемъ", въ третьемъ—„стихи сатирическаго характера". Содержаніе четвертаго отдѣла исчерпывается стихами, темой для которыхъ служатъ разсказы изъ св. исторіи и разныя нравоучительныя мысли. Въ пятомъ отдѣлѣ помѣщены „страннические паспорта".

Къ книгѣ приложены двѣ статьи г. Рождественскаго. Одна посвящена изслѣдованію отношеній старообрядческаго міра къ „новшествамъ въ области государственныхъ установленій, общественной и бытовой жизни"; другая выясняетъ „мысль о наступленіи на землѣ царства антихриста и выводы изъ нея въ старообрядческой поэзіи". Много интереснаго сообщается въ обѣихъ этихъ статьяхъ. Къ сожалѣнію, авторъ слишкомъ мало затронулъ общественно-политическое бытіе старообрядцевъ. Выдвигая на первое мѣсто элементы психологическіе, авторъ не выясняетъ, какимъ образомъ могло создаться различіе въ психологіи, напримѣръ, у крестьянъ одной и той же деревни—православныхъ и старообрядцевъ? Перенесеніе центра тяжести всего старообрядческаго движенія на борьбу за обрядъ, за соблюденіе „чистоты вѣры"—едва ли правильно. Причины столь длительнаго, упорнаго, захватившаго огромныя массы общественно-политическаго движенія коренились въ самыхъ основахъ бытія извѣстной группы населенія. Эта сторона вопроса совершенно не затронута Т. С. Рождественскимъ, хотя для выясненія ея многое даютъ собранные имъ самимъ матеріалы. Нельзя не пожалѣть и о томъ, что не отмѣчена степень распространенности того или иного стиха какъ среди различныхъ толковъ старообрядчества, такъ и у сектантовъ. Такія отмѣтки были бы очень важны для правильнаго пониманія жизни и творчества какъ тѣхъ, такъ и другихъ.

Къ книгѣ Т. С. Рождественскаго приложено восемь таблицъ, на которыхъ изображены нѣкоторыя церковно-богослужебныя принадлежности и обряды въ до-Никоновскій періодъ и со временъ патріарха Никона, карикатуры (миніатюры) на модныя платья, введенныя въ обиходъ при Петрѣ I-мъ, типы старообрядцевъ стараго времени, планы Выгорѣцкаго общежительства, а также птицы Сиринъ и Алконостъ, съ картины, найденной въ старообрядческой моленной въ селѣ Красный Логъ (Воронежскаго уѣзда).

Владиміръ Бончъ-Бруевичъ.

V.

— Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Вып. 1 и 2. Москва, 1909.

Въ обращеніи къ читателямъ, предпосланномъ первому выпуску, редакція такъ формулируетъ задачу изданія: „его главная цѣль — освѣтить наиболѣе яркіе моменты развитія самаго города Москвы съ первыхъ ея временъ и до нашихъ дней, учесть ея культурный вкладъ въ жизнь Россіи, уловить ея „особый отпечатокъ". Оно дастъ обзоръ быта Москвы — политическаго и религіознаго, умственнаго и общественнаго, экономическаго и художественнаго. Обзоръ будетъ научнымъ по содержанію и популярнымъ, доступнымъ для широкихъ круговъ читателей по изложенію".

Появленіе изданія, ставящаго себѣ такую задачу, несомнѣнно отвѣчаетъ назрѣвшей потребности. Москвѣ и ея значенію въ прошломъ и настоящемъ посвящено въ русской литературѣ немало работъ, но наличный историческій матеріалъ частію еще совсѣмъ не подвергся научной разработкѣ, частію использованъ далеко не въ надлежащей степени и не надлежащимъ образомъ. Особенно не посчастливилось ближайшему къ нашему времени періоду исторіи Москвы — XVIII и XIX в. Выдающіяся во всѣхъ отношеніяхъ монографіи И. Е. Забѣлина можно назвать единственными въ своемъ родѣ.

Задача, которую ставитъ себѣ редакція „Москвы въ ея прошломъ и настоящемъ", является, такимъ образомъ, далеко не легкой: выполненіе ея предполагаетъ не только тщательный пересмотръ литературы, но и работу по источникамъ. Въ пользу новаго изданія говорятъ имена его сотрудниковъ: среди нихъ мы находимъ такія ученыя силы, какъ акад. А. Н. Веселовскій, профессора Д. Н. Анучинъ, А. К. Бороздинъ, М. К. Любавскій, А. А. Мануиловъ, С. А. Муромцевъ, С. Ѳ. Платоновъ и М. Н. Сперанскій, приватъ-доценты М. М. Богословскій, Н. В. Давыдовъ, А. А. Кизеветтеръ и П. Н. Сакулинъ, М. О. Гершензонъ, В. В. Каллашъ, П. С. Коганъ, С. П. Мельгуновъ, В. Г. Михайловскій. Два появившіеся выпуска посвящены исторіи Москвы по XVII в. включительно. Первый выпускъ открывается двумя статьями, принадлежащими перу проф. Д. Н. Анучина: „Геологическое прошлое и географическое настоящее Москвы" и „Доисторическое прошлое Москвы". Въ статьѣ: „Сказанія о началѣ Москвы" г. Успенскій подвергаетъ тщательному анализу первыя лѣтописныя извѣстія о Москвѣ и легенды, книжнаго и народнаго происхожденія, о ея возникновеніи. Въ слѣдующихъ статьяхъ перваго и

второго выпусковъ выдвигается на первый планъ исторія московскаго княжества и московскаго государства, изображается историческая обстановка, въ которой росъ и развивался стольный городъ. Въ небольшомъ, выдающемся по живости изложенія очеркѣ проф. М. К. Любавскій выясняетъ причины политическаго возвышенія московскаго удѣла, признавая главнѣйшею изъ нихъ отливъ населенія изъ разоренныхъ татарами восточныхъ областей суздальской земли въ западную ея половину. Въ сравнительно обширномъ очеркѣ „Москва-городъ и Москва-народъ въ XIV и XV вв.“, которымъ заканчивается первый выпускъ, г. Князьковъ излагаетъ главнымъ образомъ внѣшнюю исторію московскаго великаго княжества, касаясь попутно культурной жизни Москвы. Въ составъ второго выпуска вошли статьи: „Внѣшняя политика и ростъ территоріи московскаго государства въ XVI вѣкѣ“, В. И. Пичета, „Московскіе гуманисты и обскуранты XVI вѣка“, проф. М. В. Довнара-Запольскаго, „Смута начала XVII вѣка и ея московскія отраженія“, П. Г. Васенка, и „Московскіе земскіе соборы“, проф. С. Ѳ. Платонова. Среди этихъ статей первое мѣсто, по научнымъ достоинствамъ и изяществу изложенія, занимаетъ работа проф. Платонова, еще не законченная. Въ появившейся части ея устанавливается генетическая связь земскихъ соборовъ съ восходящими къ XV в. совѣщаніями „властей“ (освященнаго собора) и боярской думы, превратившимися постепенно въ соборы вслѣдствіе привлеченія къ нимъ земскихъ представителей. Изображенію исторической обстановки, въ которой суждено было развиваться народному представительству, посвященъ очеркъ П. Г. Васенка, основанный главнымъ образомъ на изслѣдованіи проф. Платонова: „Очерки по исторіи смуты въ московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.“. Проф. Довнаръ-Запольскій разсматриваетъ различныя проявленія общественной мысли XVI в. въ сферѣ церковныхъ вопросовъ и въ публицистикѣ, стараясь свести ихъ къ двумъ главнымъ теченіямъ, которыя онъ характеризуетъ какъ гуманизмъ и обскурантизмъ.

В. Нечаевъ.

VI.

— А. И. Чупровъ. Рѣчи и статьи. Томъ III. Москва, 1909, и приложеніе къ этому тому: Указатель печатныхъ трудовъ А. И. Чупрова (1867—1908 гг.).

Покойнымъ проф. А. И. Чупровымъ, кромѣ ряда крупныхъ работъ, доставившихъ ему видное мѣсто въ русской экономической и статистической наукѣ, была написана масса сравнительно мелкихъ статей, появившихся въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, часто безъ его под-

писи (напр. въ видѣ передовыхъ статей). Поэтому послѣ его смерти выдвинулась настоятельная задача точнѣе установить его литературное наслѣдіе и издать наиболѣе важное и цѣнное. Эту задачу и преслѣдуетъ указанное выше изданіе, третій — и послѣдній — томъ котораго недавно вышелъ. Благодаря энергіи, съ которой инціаторы изданія взялись за дѣло, уже теперь, когда не прошло и двухъ лѣтъ со смерти А. И. Чупрова (26 февраля 1910 г.—вторая годовщина ея), передъ нами это изданіе лежитъ въ законченномъ видѣ.

Появленіе первыхъ двухъ томовъ было своевременно отмѣчено на страницахъ „Вѣстника Европы“ (см. апрѣльскую и іюньскую книжки 1909-го года). Предметомъ настоящей замѣтки является третій томъ, появившійся въ серединѣ истекшаго декабря. Изъ всѣхъ томовъ этотъ послѣдній представляетъ, быть можетъ, особенный интересъ, такъ какъ въ него вошли статьи, посвященныя желѣзнымъ дорогамъ, т.-е. вопросу, надъ которымъ А. И. больше всего потрудился и въ которомъ лежалъ главный центръ его научныхъ работъ. Эти статьи занимаютъ около 300 страницъ, бо̀льшую половину тома, и распадаются на 7 отдѣловъ. Въ первый отдѣлъ вошла интересная статья историческаго содержанія, написанная по поводу наступившаго 15-го апрѣля 1886 г. пятидесятилѣтняго юбилея желѣзныхъ дорогъ въ Россіи; отдѣлъ III-й посвященъ Сибирской жел. дорогѣ, IV-ый — налогу на желѣзнодорожную перевозку грузовъ и пассажировъ, VI-ой—пассажирскому движенію; въ отдѣлъ VII-ой вошли „статьи по разнымъ вопросамъ“ желѣзнодорожнаго дѣла. Но наиболѣе важное значеніе имѣютъ отдѣлы II-ой и V-ый, изъ которыхъ первый посвященъ системамъ желѣзнодорожной постройки и эксплуатаціи, а второй—вопросу о желѣзнодорожныхъ тарифахъ. Вошедшія въ эти отдѣлы статьи свидѣтельствуютъ о томъ, съ какимъ вниманіемъ А. И. слѣдилъ за всѣми перипетіями въ развитіи нашего желѣзнодорожнаго дѣла въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, высказываясь по поводу всѣхъ важнѣйшихъ событій въ этой области. При этомъ А. И. выступаетъ сторонникомъ энергичнаго вмѣшательства государственной власти въ хозяйство частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ и въ тарифное дѣло, а вмѣстѣ съ тѣмъ и убѣжденнымъ защитникомъ выкупа частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну.

Въ виду глубокихъ знаній, коими покойный А. И. обладалъ въ сложныхъ вопросахъ русскаго желѣзнодорожнаго хозяйства, мы рекомендуемъ всѣ посвященныя этому вопросу статьи особому вниманію читателя.

Вторая половина третьяго тома заключаетъ въ себѣ статьи по торговой политикѣ (преим. внѣшней) и „на разныя темы“: въ послѣднюю рубрику вошли статьи по довольно разнообразнымъ вопро-

самъ — о кризисѣ въ русской промышленности, объ охранѣ труда, о переселенческомъ и продовольственномъ дѣлѣ, о передвиженіи рабочихъ на заработки, о призрѣніи бѣдныхъ, о народномъ здравіи и о квартирномъ вопросѣ.

Въ началѣ тома помѣщена статья А. Ѳ. Кони: „Изъ воспоминаній объ А. И. Чупровѣ“: она предназначалась первоначально для I-го тома, но по случайнымъ причинамъ не могла быть закончена ко времени выхода его, почему и была включена въ настоящій третій томъ.

Въ законченное нынѣ изданіе „Рѣчей и статей“ А. И. Чупрова вошли далеко не всѣ относящіяся сюда работы покойнаго, но только тѣ изъ нихъ, которыя издатели признали наиболѣе важными и интересными. Поэтому весьма существеннымъ дополненіемъ къ тремъ томамъ является изданный въ видѣ приложенія къ третьему тому библіографическій указатель *всѣхъ* печатныхъ трудовъ А. И. Чупрова. Эта весьма обстоятельная работа, исполненная С. В. Сперанскимъ, охватываетъ всю болѣе чѣмъ сорокалѣтнюю литературную дѣятельность покойнаго и заключаетъ въ себѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми дополнительными справками (напр. о рецензіяхъ на важнѣйшія сочиненія А. И. Чупрова), названія всѣхъ печатныхъ произведеній А. И., распредѣленныхъ по ихъ содержанію на 32 отдѣла: разнообразіе послѣднихъ является краснорѣчивымъ доказательствомъ широты умственнаго кругозора и писательской дѣятельности покойнаго. Въ особенности указатель будетъ цѣненъ для всѣхъ тѣхъ, кто занимается русскими желѣзными дорогами и ихъ исторіей.

Въ заключеніе мы хотѣли бы подчеркнуть прекрасную внѣшность изданія, при которой цѣна его—7 р. 50 к. за почти 2.000 страницъ, съ двумя превосходными портретами—должна быть признана весьма невысокой.—В. Э.

VII.

— Б. Д. Бруцкусъ. Землеустройство и разселеніе въ Россіи и за границей. Спб., 1909.

Въ свое время въ нашемъ журналѣ рецензировалась книга г. Билимовича: „Землеустроительныя задачи и землеустроительное законодательство въ Россіи“. Теперь передъ нами второй трудъ на тему о землеустройствѣ, значительно отличающійся отъ перваго и по объему, и по характеру, и по объективизму отношеній къ различнымъ формамъ крестьянскаго землевладѣнія въ Россіи. Въ довольно большой работѣ г. Билимовича подвергаются разсмотрѣнію, при свѣтѣ опыта Западной Европы, новѣйшія мѣры нашего правительства по

землеустройству. Небольшая книжка г. Брудкуса имѣетъ задачей установленіе принципіальныхъ основъ для переустройства землевладѣнія.

Потребность въ такомъ переустройствѣ назрѣваетъ по мѣрѣ сознанія тѣхъ стѣсненій индивидуальной хозяйственной дѣятельности, имѣющей въ виду производство продуктовъ для рынка, которыя были результатомъ землеустройства, выработаннаго длиннымъ историческимъ процессомъ на фонѣ натуральнаго хозяйства и деревенскаго типа населенія. „Старый аграрный строй деревень не соотвѣтствовалъ современнымъ хозяйственнымъ условіямъ, главнымъ образомъ, слѣдующими своими особенностями: принудительнымъ сѣвооборотомъ (обусловливаемымъ, прибавимъ, отсутствіемъ свободнаго доступа къ каждому участку поля и общею пастьбою скота на поляхъ, не находящихся подъ посѣвами), значительными площадями экстенсивно эксплуатируемыхъ общихъ пользованій, мелкополосицей и отдаленностью усадьбы отъ пашни“. Идеальное съ агро-технической точки зрѣнія положеніе земельнаго участка — отдѣльный отрубъ возможно правильной формы, съ усадьбой въ центрѣ. Этотъ идеалъ стремятся осуществить при колонизаціи свободныхъ, обширныхъ, сравнительно ровныхъ и однообразныхъ пространствъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и въ Канадѣ, приготовляя участки для земледѣльцевъ въ условіяхъ мѣнового зернового хозяйства и широкаго примѣненія сберегающихъ трудъ машинъ. Отдѣльные отрубные участки въ этихъ случаяхъ значительно превышаютъ обычную площадь крестьянскаго хозяйства въ Европѣ и равняются 60—120 десятинамъ. При агро-техническихъ реформахъ землевладѣнія въ старыхъ и культурныхъ странахъ приходится считаться не только со сложившимися отношеніями и съ привычкой къ деревенской жизни, но и съ разнообразіемъ рельефа мѣстности, качества почвы, величины конкретныхъ владѣній и значительнымъ развитіемъ малоземелья. Идеальное рѣшеніе вопроса о землеустройствѣ путемъ разселенія земледѣльцевъ по отрубамъ является цѣлесообразнымъ, главнымъ образомъ, для тѣхъ хозяйствъ, которыя очень дорожатъ экономіей труда. Тамъ же, „гдѣ крестьянское хозяйство страдаетъ отъ малоземелья, гдѣ рабочія руки не находятъ себѣ достаточнаго примѣненія при землѣ, тамъ расходы на разселеніе не могутъ окупиться, тамъ цѣлесообразнѣе ограничиться частичными поправками въ существующемъ аграрномъ строѣ“. И дѣйствительно, хуторское разселеніе крестьянъ получило въ Западной Европѣ широкое распространеніе въ странахъ крупнаго крестьянскаго землевладѣнія (въ скандинавскихъ государствахъ, въ Познани). Въ другихъ мѣстностяхъ Западной Европы далеко не вездѣ наблюдается даже простое складываніе мелкихъ полосъ въ болѣе крупные участки, и дѣло ограничивалось по преимуществу проведеніемъ до-

рогъ, отмѣной общей пастьбы на пару и раздѣломъ (да и то неполнымъ) общихъ угодій. Хозяйство въ такихъ мѣстностяхъ, однако, по интенсивности нисколько не уступаетъ земледѣлію на отрубахъ.

„Послѣ всего вышесказаннаго мы имѣемъ достаточно данныхъ, чтобы опредѣлить истинное значеніе землеустройства для русскаго крестьянскаго хозяйства и чтобы критически отнестись къ пріемамъ правительственнаго землеустройства"—говоритъ Б. Д. Бруцкусъ. И кто приметъ во вниманіе разнообразіе хотя бы только естественныхъ условій и водоснабженія, не говоря о бытовыхъ формахъ, въ различныхъ районахъ Россіи и широкое распространеніе въ ней малоземельнаго крестьянства, тотъ, конечно, не допуститъ мысли, чтобы цѣлесообразное устройство землевладѣнія на всемъ обширномъ пространствѣ нашего отечества могло быть достигнуто примѣненіемъ одной его формы. Но правительство, какъ извѣстно, повсюду настойчиво вводитъ хутора и отрубы, и этимъ иллюстрируетъ истинные мотивы своей землеустроительной политики, преслѣдующей не столько агрикультурныя, сколько политическія задачи". Но когда землеустройство предпринимается по совершенно постороннимъ соображеніямъ, не имѣющимъ ближайшаго отношенія къ культурнымъ задачамъ крестьянскаго хозяйства, то ломка хозяйства, его сопровождающая, можетъ кончиться ничѣмъ".

VIII.

И. Г. Тайновъ. Золотое обращеніе и центральные банки главнѣйшихъ государствъ. Спб., 1910.

Задача этого труда — дать „научно-практическое", какъ выражается авторъ, и общедоступное (насколько возможно по сложности предмета) изложеніе золотого обращенія и дѣятельности эмиссіонныхъ банковъ въ различныхъ государствахъ. „Еслибы каждое государство существовало замкнутою внутренней жизнью, не имѣя сношеній съ заграницей — роль денегъ могли бы выполнять какія угодно орудія, коль скоро эти орудія удобны въ роли денегъ". При широкомъ же развитіи международныхъ коммерческихъ сношеній участвующія въ нихъ государства естественно стремятся достигнуть въ этомъ отношеніи извѣстнаго объединенія, что и было немаловажнымъ факторомъ перехода цивилизованныхъ обществъ на золотую валюту. Золото получило тогда весьма важное значеніе въ хозяйственной жизни народовъ, и между различными государствами возникла за него борьба, главнымъ орудіемъ которой служитъ успѣш-

ная торгово-промышленная дѣятельность. Золото, такимъ образомъ, постоянно переливаетъ изъ одного государства въ другое. Констатированіе условій, законовъ и формъ этого движенія составляетъ наиболѣе сложную сторону при изученіи денежнаго обращенія, имѣющую, однако, большую важность и для государственныхъ учрежденій, и для частныхъ лицъ, участвующихъ въ заграничныхъ сдѣлкахъ. Кромѣ изложенія денежнаго обращенія и эмиссіонной дѣятельности банковъ въ отдѣльныхъ государствахъ, авторъ разсматриваемаго труда обратилъ, поэтому, вниманіе и на обращеніе золота между государствами. Изложеніе автора имѣетъ описательный, даже практическій характеръ, и почти не касается теоретической стороны трактуемыхъ вопросовъ. Въ книгѣ г. Тайнова приведены, между прочимъ, статистическія свѣдѣнія объ эмиссіонныхъ операціяхъ, золотыхъ запасахъ и счетахъ главнѣйшихъ центральныхъ банковъ Европы въ новѣйшее время.

IX.

— Л. Б. Кафенгаузъ. Синдикаты въ русской желѣзной промышленности. Москва, 1910.

Настоящая книга, вышедшая изъ семинарія при юридическомъ факультетѣ московскаго университета, составляетъ первый выпускъ ряда студенческихъ работъ о дѣятельности русскихъ синдикатовъ, производимыхъ подъ руководствомъ І. М. Гольдштейна, извѣстнаго своими сочиненіями о синдикатахъ вообще. Тема этихъ работъ очень интересна и злободневна, а литературныя извѣстія о русскихъ синдикатахъ очень отрывочны. Автору разсматриваемаго труда предстояло, поэтому, не только обрабатывать, но и собирать матеріалы, часть которыхъ in extenso помѣщена въ самой книгѣ. Въ изложеніи данныхъ о синдикальномъ движеніи въ желѣзной промышленности заключается главный интересъ разсматриваемаго труда, потому что *изслѣдованіе* даннаго предмета, въ истинномъ смыслѣ этого слова, пока преждевременно, по причинѣ недостаточнаго числа данныхъ и сравнительной молодости движенія. Первыя попытки организаціи синдикатовъ въ желѣзной промышленности относятся къ срединѣ 80-хъ годовъ, когда рѣзко обнаружилось перепроизводство нѣкоторыхъ желѣзныхъ издѣлій; но многія организаціи скоро распадались, а о дѣйствовавшихъ успѣшно, какъ негласныхъ, трудно собрать сколько-нибудь обстоятельныя данныя. Новый періодъ синдикальнаго движенія открывается въ текущемъ десятилѣтіи, на почвѣ кризиса, постигшаго нашу промышленность послѣ быстраго ея подъема въ

девяностыхъ годахъ. Идея борьбы съ кризисомъ путемъ синдикальныхъ организацій становится „прямо модной“; извѣстные автору 19 синдикатовъ „охватываютъ, за исключеніемъ обыкновеннаго чугуна, всѣ отрасли этой промышленности“. Въ составъ этихъ синдикатовъ входятъ около ста заводовъ; но такъ какъ послѣдніе не спеціализировались на производствѣ отдѣльныхъ видовъ желѣзныхъ продуктовъ, и объединительное движеніе у насъ, какъ и въ германской промышленности, первоначально пошло „по пути синдицированія отдѣльныхъ видовъ чугуна, желѣза и т. п.“, то одинъ и тотъ же заводъ состоитъ членомъ нѣсколькихъ синдикатовъ, соотвѣтственно числу приготовляемыхъ имъ категорій издѣлій. Существующіе синдикаты имѣютъ задачей лишь регулированіе производства, принимаютъ и распредѣляютъ заказы между заводами, но не входятъ во внутренніе ихъ распорядки. Въ самое послѣднее время возникла мысль о металлургическомъ трёстѣ, т.-е. „о полномъ сліяніи всѣхъ объединяющихъ предпріятій въ одно“. Это было естественнымъ результатомъ „той эволюціи, которую продѣлала русская металлургія за послѣднее десятилѣтіе. Начавъ съ организаціи синдикатовъ съ преимущественной цѣлью повышенія цѣнъ, желѣзные заводы скоро достигли предѣла, дальше котораго повышеніе цѣнъ при данной конъюнктурѣ и имѣющихся организаціяхъ не могло идти. Для повышенія прибыли оставался одинъ путь: сокращеніе въ широкихъ размѣрахъ издержекъ производства, путемъ сліянія отдѣльныхъ предпріятій въ трёстъ“. Какую силу можетъ получить—при нашемъ въ сущности ничтожномъ производствѣ желѣзныхъ издѣлій — металлургическій трёстъ, можно судить по тому, что девять желающихъ слиться въ первую голову южныхъ заводовъ производятъ 82% всего количества приготовляемыхъ издѣлій на югѣ Россіи и 45% всего производства Россіи. Не мудрено, что при первыхъ извѣстіяхъ о замыслѣ южныхъ заводчиковъ забили тревогу и потребители желѣза, и производители районовъ, находящихся въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ.

X.

— Географическій Словарь Россіи. Подъ редакціей Д. И. Рихтера. Изданіе І. Лурье. Вып. 1 и 2. Спб., 1909.

Настоящее изданіе отличается отъ другихъ словарей, съ такимъ успѣхомъ распространяющихся въ Россіи (Брокгауза и Ефрона, товар. Гранатъ, Мейера и др.), въ томъ отношеніи, что оно является чистымъ справочникомъ, заключая сухія и краткія свѣдѣнія относительно ста

тысячъ географическихъ названій Россіи. Потребность въ такомъ справочникѣ испытываетъ всякій читатель книгъ и газетъ, касающихся нашего отечества, такъ какъ въ литературѣ приходится постоянно встрѣчаться съ собственными именами поселеній, рѣкъ, мелкихъ народностей и т. п., о которыхъ читатель не имѣетъ почти никакихъ свѣдѣній. Въ словарѣ Д. И. Рихтера помѣщаются, между прочимъ, всѣ поселенія, имѣющія не менѣе 500 жителей, и другія, интересныя въ какомъ-либо отношеніи. Минимальныя свѣдѣнія о предметѣ—указаніе на соотвѣтствующую губернію и уѣздъ и число жителей по переписи 1897 г., если рѣчь идетъ о поселеніи. Бѣглый просмотръ вышедшихъ выпусковъ показываетъ, однако, что программа изданія не вполнѣ выдержана: указаніе, напр., на существованіе таможни или на грузовой оборотъ желѣзнодорожныхъ станцій не всегда соблюдается. Редакція, впрочемъ, и сама предвидитъ возможность пропусковъ, совершенно естественныхъ въ такомъ большомъ и сложномъ дѣлѣ, и они, конечно, не ослабляетъ важнаго значенія предпріятія, затѣяннаго гг. Рихтеромъ и Лурье.—В. В.

Въ теченіе января мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Авенаріусъ, В. П.—А. С. Пушкинъ. Біографическій очеркъ. Спб., 1910 г. Цѣна 15 коп.

——— Молодость Н. И. Пирогова. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

——— Н. В. Гоголь. Спб., 1910 г. Цѣна 10 коп.

——— Первый русскій изобрѣтатель И. П. Кулибинъ. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

Д'Аннунціо, Габріэле. — Собраніе соч. Т. I. „Джованни Эпископо", „Сонъ въ весеннее утро" и „Сонъ осенняго заката". Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

——— Собраніе сочиненій. Томъ IV. Торжество смерти. Пер. Е. Бернштейна. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Ардовъ, Т. (В. Тардовъ).—Отраженія личности. Критическіе опыты. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Ашлей Берси. Мѣстное и центральное управленіе. Пер. съ англ. подъ ред. В. Ѳ. Дерюжинскаго. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р.

Бине, Альфредъ. — Душа и тѣло. Пер. С. А. Лопашева. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Боголѣповъ, М. И.—Государственный долгъ. Спб., 1910 г. Цѣна 3 р.

Бородинъ, Д. К.—Алкоголизмъ и самоубійство. Спб., 1910 г. Цѣна 15 коп.

——— Кабакъ и его прошлое. Спб., 1910 г. Цѣна 70 коп.

——— Профессоръ А. Форель по вопросу о борьбѣ съ пьянствомъ. Спб., 1910 г. Цѣна 25 коп.

——— Пьянство среди дѣтей. Спб., 1910 г. Цѣна 85 коп.

——— С. А. Рачинскій о пьянствѣ. Спб., 1910 г. Цѣна 20 коп.

Бородинъ, Д. Н.—Всероссійскій съѣздъ дѣятелей по борьбѣ съ пьянствомъ. Спб., 1909 г. Цѣна 50 коп.

——— Готенборгская система продажи спиртныхъ напитковъ. Спб., 1910 г.

Булдѣевъ, Александръ.—Потерянный Эдемъ. Стихи. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Вартонянъ, В.—Л. Н. Толстой и Леонидъ Андреевъ. Баку, 1910 г. Цѣна 20 коп.

Велскій, Аркадій.—Записки педагога. Со вступительнымъ письмомъ проф. П. Ф. Лесгафта. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р.

Веретенниковъ, В. И.—Исторія тайной канцеляріи Петровскаго времени. Харьковъ, 1910 г. Цѣна 2 р.

Вурмъ Э., и Адлеръ, В.—Алкоголизмъ и рабочіе. Двѣ рѣчи. Пер. съ нѣм. К. Михайловой. Спб., 1910 г. Цѣна 20 коп.

Германсонъ, Р. Ф.—По вопросу о положеніи Финляндіи. Въ поясненіе и защиту. Гельсингфорсъ, 1909 г. Цѣна 1 р.—3 марки.

Голицынъ, Б., князь. — Объ общихъ директивахъ для правильной постановки дѣла воздухоплаванія въ Россіи. Спб., 1910 г.

Горнфельдъ, А. Г.—На Западѣ. Литературныя бесѣды. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Городецкій, Сергѣй.—Собраніе стиховъ. Т. I. Ярь. Изд. 2-ое. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Грабеньскій, Влад. — Исторія польскаго народа. Разрѣшенный авторомъ переводъ подъ ред. Н. Ястребова. Спб., 1910 г. Цѣна (?).

Григорьевъ Г., *Знаменскій* П., *Кавунъ* И. — Практическія занятія по физикѣ для учащихся въ средней школѣ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Даневская, С. — Открытіе Америки. Изд. 7-ое, подъ ред. Н. А. Рубакина. Москва, 1910 г. Цѣна 60 коп.

Дельвигъ Б. Н., баронъ. — Киргизскій народный судъ въ связи съ правовымъ положеніемъ инородцевъ Степного края. Уральскъ. 1909 г.

Еллинекъ, Георгъ.—Правительство и парламентъ въ Германіи. Пер. подъ ред. и съ предисловіемъ А. А. Рождественскаго. Москва, 1910 г. Цѣна 35 коп.

Елпатьевскій, С.—За границей. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Ермоловъ, А. С.—Наши неурожаи и продовольственный вопросъ. Часть I. Продовольственное дѣло въ прошломъ и настоящемъ. Часть II. Итоги прошлаго и задачи будущаго. Спб., 1909 г. Цѣна за двѣ части 4 р.

Журавлевъ, Борисъ.—Хозяева (повѣсть). Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 60 коп.

Зайдель, Л. Д.—Выходцы изъ черты осѣдлости. Сборникъ разсказовъ. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

Зиновьевъ, Н. А.—На современныя темы. V. Министерскій проектъ реформы мѣстнаго управленія. Спб., 1909 г. Цѣна 40 коп.

Зниковецъ, А.—Логика Космоса (Высшая наука). Часть первая. Введеніе. Москва, 1910 г. Цѣна 25 коп.

Золотаревъ, С. А.—Очерки по исторіи педагогики на Западѣ и въ Россіи. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Изгоевъ, А. С.—Русское общество и революція. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Клодъ, Ж., *Оствальдъ*, В.—Электричество и его примѣненіе, въ общедоступномъ изложеніи. Перев. Т. П. Кравецъ. Редакція и обработка А. А. Эйхенвальда. Выпускъ 4—5. Москва, 1910 г.

Корелинъ, М. С. — Очерки итальянскаго возрожденія. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Кузьминъ, М.—Первая книга разсказовъ. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Лазаревскій, Борисъ.—Семья. Разсказы. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Лебедевъ, Амфіанъ, проф. — Вѣроисповѣдное положеніе армянъ въ Россіи до времени Екатерины II (включительно). Москва, 1909 г.

Лермонтовъ, М. Ю.—Демонъ. Поэма. Съ рисунками М. А. Врубеля, А. М. Васнецова, В. Д. Полѣнова, Л. О. Пастернака и В. А. Сѣрова. Москва, 1910 г. Цѣна 50 коп.

Малиновскій, І., проф. — Начальная страница изъ исторіи русской интеллигенціи (Отвѣтъ авторамъ „Вѣхъ“). Томскъ, 1909 г.

Макіавелли, Никколо.—Князь (Il principe). Пер. съ итал. С. М. Роговина. Москва, 1910 г. Цѣна 60 коп.

Мачинскій, В.—О человѣческой культурѣ. Эскизъ соціологіи. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Мордовцевъ, Д. Л.—Полное собраніе сочиненій. Наканунѣ воли. Т. XXXXIV. Цѣна 1 р. 50 коп. Т. XXXXV. Цѣна 1 р. 25 коп.

——— Полное собраніе сочиненій. Политическія движенія русскаго народа. Историческія изслѣдованія и статьи. Т. I и II. Спб., 1910 г. Цѣна каждаго тома 1 р. 25 коп.

Мстиславовъ, С. — Не для толпы. Сцены и расказы. Т. I. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Новомбергскій, Н.—Слово и Дѣло Государевы (Матеріалы). Т. II. Томскъ, 1909 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Палантъ, Ж.—Очерки соціологіи. Пер. Э. В. Струве, подъ ред. и съ предисловіемъ проф. А. С. Ященко. Москва, 1910 г. Цѣна 85 коп.

Пережитое.—Сборникъ, посвященный общественной и культурной исторіи евреевъ въ Россіи. Т. II. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Полянскій, К. Н.—Коалиція рабочихъ и предприпимателей съ точки зрѣнія уголовнаго права. Москва, 1909 г. Цѣна 3 р.

Пѣшехоновъ, А. В. — На очередныя темы. 1904 — 1909 гг. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Рогачевъ, Б. — Фр. Ницше. Схематизированная интерпретація его философіи. Парижъ, 1909 г. Цѣна 3 р.

Рузеръ, Л. –Воздухоплаваніе, его исторія, успѣхи и будущее. Популярнонаучное изложеніе. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Сазеракъ-де-Форжъ. — Человѣкъ сталъ летать! Прошлое, настоящее и будущее авіаціи. Пер. съ франц. В. Керженцева. Спб., 1910 г. Цѣна 65 коп.

Салитанъ, С.—Чернышевскій, Мальтусъ и Плехановъ. Къ вопросу о законѣ народонаселенія. Спб., 1910 г. Цѣна 25 коп.

Семеновъ, Вл.—Цѣна крови. Продолженіе „Расплаты“ и „Боя при Цусимѣ“. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Серафимовичъ, А.—Разсказы. Т. IV. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Сидоровъ, В. И. — „Поэтъ Пушкинъ“. Драма въ 4 дѣйст. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

Сологубъ, Ѳедоръ. — Собраніе сочиненій. Т. I. Стихи. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

——— Собраніе сочиненій. Томъ III. Разсказы. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Твердохлѣбовъ, В. — Обложеніе городскихъ недвижимостей на Западѣ. Часть II. Мѣстное обложеніе. Одесса, 1909 г.

Тетмайеръ, Казимиръ.—Панна Мэри. Пер. В. Высоцкаго. Изд. 2. Москва, 1909 г. Цѣна 1 р.

Тосениновъ, Г. В.—Рябовъ на войнѣ. Владивостокъ, 1910 г. Цѣна 10 коп.

Треневъ, Д. К.—О русской иконописи. Москва, 1910 г. Цѣна 50 коп.

Феттеръ, В., проф.—Современное міросозерцаніе. Пер. Г. Ѳ. Львовича Спб., 1910 г. Цѣна 80 коп.

Фридманъ, Морисъ.—Что такое въ дѣйствительности сыскное агентство Пинкертона? Пер. съ англ. Н. Бревновой. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Чириковъ, Евгеній.—Въ царствѣ сказокъ. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р.

Чупровъ, А. И.—Рѣчи и статьи. Томъ III. Москва, 1909 г. Цѣна за три тома, съ приложеніемъ „Указателя печатныхъ трудовъ А. И. Чупрова", 7 р. 50 коп.

Швабъ, Марсель.—Книга Монэль. Пер. К. Бальмонта и Елены Ц. Спб., 1909 г. Цѣна 50 коп.

Эрмансъ, Викторъ.—Разсказы. Т. I. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

— Вегетаріанское Обозрѣніе. № 1—10. Кишиневъ, 1910 г.

— Вопросъ о нѣдрахъ и развитіе горной промышленности съ 1808 по 1908 г. Изд. 2-ое, измѣненное и дополненное. Составилъ членъ горнаго совѣта кн. Абамелекъ-Лазаревъ. Спб., 1910 г.

— Врачебная помощь фабрично-заводскимъ рабочимъ въ 1907 г. Составлено и разработано фабричнымъ ревизоромъ Е. М. Дементьевымъ. Спб., 1909 г.

— Всеобщее обученіе въ земскихъ губерніяхъ. Казенныя пособія и земскія ассигновки. Составилъ П. И. Чижевскій. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

— Календарь „Хуторянина". Полтава, 1910 г. Цѣна 20 коп.

— Киргизское хозяйство въ Акмолинской области. Томъ I. Кокчетавскій уѣздъ. Повторное изслѣдованіе 1907 года. Спб., 1909 г.

— Книга для чтенія по исторіи новаго времени. Т. I. Изд. Исторической коммиссіи учебнаго отдѣла О. Р. Т. З. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р. 75 коп.

— Къ новымъ далямъ. Современная лирика. Составила Л. Д. Свербеева. Спб., 1909 г. Цѣна 90 коп.

— Леченіе алкоголизма въ амбулаторіяхъ Спб. городского попечительства о народной трезвости. 1903—1909 гг. Спб., 1910 г.

— Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Роскошно-иллюстрированное изданіе, посвященное памяти историка Москвы И. Е. Забѣлина. Москва, 1910 годъ. Выпуски I и II.

— Народный календарь. Годъ IV. Изд. „Обществ. Пользы". Спб., 1910 г. Цѣна 20 коп.

— Николай Александровичъ Ярошенко (1846—1898). Его жизнь и произведенія. 48 фототипій съ его картинъ и портретъ художника. Текстъ Н. В. Некрасова. Фототипіи К. А. Фишера. Москва, 1908 г.

— Отрывочный календарь. Изд. „Обществ. Пользы". Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

— Отчетъ о дѣятельности Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому и историко филологическому отдѣленіямъ за 1909 г., составленный и. о. непремѣннаго секретаря академикомъ кн. Б. Б. Голицынымъ. Спб., 1909 г.

— Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за 1909 г., составленный академикомъ Н. П. Кондаковымъ. Спб., 1909 г.

— Отчетъ о первыхъ краткосрочныхъ курсахъ гимнастики въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Кавказскаго учебнаго округа. Тифлисъ, 1909 г.

— „Посредника" изданія. № 11. Е. Свѣшникова. Францискъ Ассизскій. № 169. Гюи де-Мопасапъ. Месть. Ф. Коппе. Сидѣлка. № 227. Побѣдители бури. № 274. И. Старининъ. Дядя Ѳаддей. № 344. В. Б. Пойдемъ за нимъ! Сборникъ. № 408. И. Горбуновъ-Посадовъ. Рохъ и его собака. Сборникъ разсказовъ. № 486. Подъ выстрѣлами. Калѣка. № 739. Б. Гринченко. Сестрица Галя. Пер. съ украинскаго И. Горбунова-Посадова. № 751. О безсмертіи. Мысли разныхъ писателей. Собралъ Л. Н. Толстой. № 752. О смерти. Мысли разныхъ писателей. Собралъ Л. Н. Толстой. № 753. Безубойное питаніе или вегетаріанство. Мысли разныхъ писателей. Собралъ Л. Н. Толстой. № 748. Б. Гринченко. Отецъ и дочка. № 749. С. Семеновъ. „Подпасокъ". № 750. Н. Селезневъ. Бѣлая береза. № 754. О добрѣ и добротѣ. Мысли разныхъ писателей. Собралъ Л. Н. Толстой. № 755. Объ истинной любви. Мысли разныхъ писателей. Собралъ Л. Н. Толстой. № 765. Л. Н. Толстой. Неизбѣжный переворотъ. № 762. Изреченія Магомета, не вошедшія въ Коранъ. Избраны Л. Н. Толстымъ. Пер. съ англ. С. Д. Николаева. № 148. М. Брюсъ. Какъ ухаживаютъ птицы за своими птенцами. № 164. Джекъ—пожарная собака. Повѣсть Л. Весельгоффъ. Съ англ. пер. П. А. Буланже. Красное Солнышко. Первая книга для чтенія дома и въ школѣ. Составилъ И. Горбуновъ-Посадовъ. Что есть въ землѣ и какія бываютъ земли. Бесѣда проф. П. А. Костычева. О жизни растеній. Бесѣда проф. П. А. Костычева. О разведеніи хлѣбовъ. Бесѣда проф. П. А. Костычева. *Борьба съ пьянствомъ* (алкоголизмомъ). Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. V. Народное здоровье и разрушеніе его водкой, виномъ и пивомъ. Сост. д-ръ Фокъ. Вып. II. Какъ дѣйствуютъ спиртные напитки на человѣка. Сост. д-ръ Гауле. Вып. III. Спиртные напитки, какъ причина преступленій. Сост. Отто Лангъ. Вып. IV. Спиртные напитки, какъ причина сумасшествія. Сост. А. Форель. Вып. V. Къ молодежи. Рѣчь проф. Крепелина. Вып. VI. Къ студенчеству. Рѣчь проф. Фореля. Вып. VII. Алкоголизмъ и вырожденіе. Проф. Г. Бунге. Вып. VIII. Чѣмъ помочь великому горю. Сост. д-ръ Алексѣевъ. Вып. IX. Пора стать трезвыми. Борьба съ алкоголизмомъ проф. Г. Бунге. Вып. X. Берегитесь спиртныхъ напитковъ. Двадцать бесѣдъ Бодрилара. № 608. Л. Н. Толстой. Для чего люди одурманиваются? № 287. Л. Н. Толстой. Богу или мамонѣ? № 74. Грѣхъ и безуміе пьянства. Сборникъ поученій изъ твореній Св. Отцовъ. № 359. Вино—ядъ. № 25. Первый винокуръ. Сказка Л. Н. Толстого. № 731. Праздникъ просвѣщенія. Л. Н. Толстого. *Листки:* Я не врагъ себѣ. Богу или мамонѣ. Пора опомниться. Что должна знать каждая мать о спирныхъ напиткахъ. Фабричные гуляютъ. Перестанемъ пить вино и угощать имъ.

— Скоморошьи и бабьи пѣсни. Изданы М. Багринымъ. Спб., 1910 г.

— Сборникъ т-ва „Знаніе" за 1909 годъ. Книжки XXVII и XXVIII. Спб., 1909 г. Цѣна каждой книжки 1 р.

— Стенографическій отчетъ Портъ-Артурскаго процесса. Подъ ред. К. И. Ксидо и М. К. Соколовскаго. Вып. VI. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

— Указатель книгъ по исторіи и общественнымъ вопросамъ. Подъ ред. Н. А. Гредескула, С. Ф. Знаменскаго и С. А. Князькова. Изд. Подвижного Музея учебныхъ пособій. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р. 60 коп.

— Чеховская библіотека. Собраніе писемъ А. П. Чехова, подъ редакціей и съ комментаріями Вл. Брендеръ. Вступительная статья Ю. Айхенвальде. Томъ I. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

— Что разсказывала мама. Разсказы для младшаго возраста. Съ англійскаго передѣлала В. М. Величкина. Спб., 1910 г. Цѣна 70 коп.

— Ялтинская санаторія Общества русскихъ врачей въ Спб. въ память Императора Александра III. Спб., 1909 г.

— Бобчевъ, Стефанъ С. История на старобългарското право (Лекции и изслѣдования). София, 1910 година. Цѣна 7 лев.

— Bornhak, von, Conrad. Russland und Finland. Ein Beitrag zu der Lehre von den Staatenverbindungen. Zweite Auflage. Leipzig, 1909.

— Chirvanzadé. „L'artiste". Traduit de l'arménien par Serge d'Hérminy. Paris, 1909. Prix 1 fr.

— Haus-und Familien-Kalender des St. Petersburger Herold pro 1910. Спб., 1910 г.

— Стояновъ, Димитръ Хр. Положението на женитѣ при позаконното наслѣдование споредъ най-старото римско право. Срѣдецъ, 1909 г.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

1 февраля 1910.

Очередныя и неочередныя дѣла въ Государственной Думѣ.—Безпримѣрное использованіе права запросовъ.—Первые шаги обновленнаго состава петербургской городской думы.—Походъ на адвокатуру: дѣло Гиллерсона; дѣло прис. пов. Патека; обвиненіе, предъявленное харьковскому совѣту присяжныхъ повѣренныхъ. — Розыскъ покойнаго Н. К. Михайловскаго.—Изъ губернаторскихъ циркуляровъ.—Итоги „всемѣрной" борьбы съ печатью.

На рубежѣ минувшаго и наступившаго годовъ общественное вниманіе снова было приковано къ вопросу о смертной казни. Множество разъ испытавшая „цѣну" вопроса по „охранной" таксѣ, „свободная" печать, несмотря на рискъ, подвела ближайшій итогъ казней и сопоставила его съ тѣмъ, что не требуетъ даже вывода. Газеты снова были полны фактами, отъ которыхъ вѣетъ средневѣковыми ужасами. Приговоренный къ смерти „неизвѣстный" облилъ керосиномъ голову, платье, постель—и сгорѣлъ. Другой, идя на висѣлицу, лишился разсудка... Минувшій годъ закончился почти шестьюстами приведенными въ исполненіе смертными приговорами. Наступившій—начался тоже казнями. А Государственная Дума, въ первомъ же засѣданіи въ новомъ году, снова и снова умыла руки. Голосованіемъ 20 января она сказала, что не желаетъ вынимать изъ-подъ сукна законопроектъ, кото-

рый еще въ маѣ 1908-го года былъ внесенъ трудовой группой. Устами г. Шубинскаго она объявила, что ей некогда заниматься вопросомъ о смертной казни, ибо у нея есть другія, болѣе неотложныя дѣла.

Трудовая группа подсчитала, что за время, пока законопроектъ остается въ Думѣ безъ движенія, казнено 1.368 человѣкъ. Далѣе группа въ своемъ заявленіи писала: „Цѣлое поколѣніе выростаетъ въ атмосферѣ полнаго пренебреженія къ человѣческой жизни, и народная душа развращается при видѣ ничѣмъ не оправдываемаго ежедневнаго пролитія крови"... „Это растлѣвающее дѣйствіе смертной казни тѣмъ ужаснѣе, что самое примѣненіе ея въ Россіи не обставлено гарантіями правильнаго суда и слѣдствія, и уже извѣстенъ рядъ случаевъ роковыхъ ошибокъ, когда казнены были невинныя лица"... [1]) „Власти стремятся создать для смертной казни какой-то ореолъ неприкосновенности и дѣлаютъ самый вопросъ объ ея отмѣнѣ предметомъ, недоступнымъ для обсужденія; всякая попытка общества выразить свое отношеніе къ этому наболѣвшему вопросу безпощадно пресѣкается репрессивными мѣрами администраціи".

И болѣе чѣмъ скромна была просьба трудовиковъ: назначить судебной коммиссіи двухнедѣльный срокъ для изготовленія и представленія въ Думу доклада по законопроекту. Предсѣдатель судебной коммиссіи, г. Шубинскій, на это сказалъ, что проектъ уже разработанъ и *можетъ* быть представленъ на обсужденіе въ самый короткій срокъ". Но, добавилъ онъ, „есть очередные доклады, которые отодвинутъ этотъ вопросъ". А потому онъ предложилъ „не связывать коммиссію срокомъ".

Откровенность всегда и во всемъ хороша, даже когда она цинична. И слова г. Шубинскаго, какъ равно голосованіе большинства Думы, лучше поступка А. И. Гучкова, дипломатично ушедшаго изъ залы передъ голосованіемъ. Большинство третьей Думы не скрыло, какъ широка и глубока пропасть между нимъ и тѣмъ народомъ, представительствомъ котораго оно въ первое время послѣ закона 3 іюня себя не называло, а теперь уже начало называть. По убѣжденію большинства Государственной Думы, вопросъ о смертной казни—въ странѣ, гдѣ на каждый день приходится болѣе одной висѣлицы,—для законодательнаго учрежденія не очередной. Онъ „можетъ" быть поставленъ

---

[1]) Къ хроникѣ судебныхъ ошибокъ послѣдніе дни прибавили новый примѣръ. Въ Москвѣ военно-окружный судъ слушалъ вторично, въ порядкѣ возобновленія, дѣло Абренина, Сутягина, Стехина и Очагова, обвинявшихся въ разбойномъ нападеніи на церковь въ с. Никольскомъ, Звенигородскаго уѣзда. Признавъ обвиненіе недоказаннымъ, судъ всѣхъ подсудимыхъ оправдалъ. При первомъ слушаніи подсудимые были приговорены къ смертной казни. По счастью, вслѣдствіе ходатайства защиты, казнь была тогда замѣнена двадцатилѣтней каторгой.

на обсужденіе, но долженъ уступить во времени очереднымъ докладамъ и вопросамъ—той вермишели изъ проектовъ о сношеніи суда съ тяжущимися черезъ почту и объ учрежденіи новыхъ должностей разсыльныхъ, которыми третья Дума даритъ такъ щедро. Подобно тому, какъ цифры казнимыхъ уже поглотили ихъ имена, „успѣшность“ дѣятельности Думы тоже уже стала оцѣниваться цифрами: числомъ проектовъ, переданныхъ въ коммиссіи, разработанныхъ для внесенія въ собранія Думы и прошедшихъ черезъ собранія. И большинство Думы не желаетъ отличать вопроса о смертной казни отъ „очередныхъ“, цифровыхъ вопросовъ. Когда шла рѣчь о возвышеніи наказаній за конокрадство, она не задумалась нарушить очередь. А когда ей говорятъ о 1.368 казненныхъ, она прячется за „очередные доклады“.

Послѣ заслуженной отповѣди со стороны г. Булата, г. Шубинскій вынужденъ былъ до конца снять маску. Вторично взойдя на каѳедру, онъ (какъ передаетъ референтъ „Рѣчи“) не отрицалъ важности обсужденія вопроса о смертной казни, но не потому признавалъ обсужденіе важнымъ, что казни стали повседневнымъ фактомъ, а потому, что „оно обнажитъ всю несостоятельность мышленія той группы, которая рвется доказать то, что противно естественному порядку вещей“. „Спѣшить — закончилъ октябристскій лидеръ — съ обнаженіемъ недоумія этой группы у Думы нѣтъ никакихъ основаній; пусть сидятъ въ томъ же недоуміи“.

Какъ юристъ, въ свое время сдававшій экзаменъ по уголовному праву, г. Шубинскій самъ, конечно, не будетъ спорить, что его острословіе о несостоятельности мышленія и о недоуміи той группы членовъ Думы, которая борется противъ смертной казни, было смѣшнымъ полемическимъ выпадомъ припертаго къ стѣнѣ оратора. Ибо сколь ни велико его самомнѣніе, едва ли онъ дѣйствительно относитъ на счетъ „несостоятельности мышленія“ все то, что писалось и пишется противъ смертной казни представителями міровой науки. Онъ не можетъ не знать, что съ научной точки зрѣнія болѣе правильно относить на счетъ несостоятельности мышленія его аргументъ: признаніе сотенъ ежегодныхъ казней „естественнымъ порядокъ вещей“. Но не въ этомъ дѣло. Дѣло въ томъ, что руководящій Думою октябризмъ почитаетъ борьбу противъ смертной казни „противною естественному порядку вещей“.

Характерно отнеслось къ думскому инциденту 20 января „Новое Время“. Г. Пиленко счелъ достаточнымъ отмѣтить его буквально слѣдующими строками: „Въ концѣ засѣданія обсуждалось предложеніе трудовой группы о томъ, чтобы судебной коммиссіи поручено было въ двухнедѣльный срокъ представить свое заключеніе объ отмѣнѣ

смертной казни. Послѣ рѣчи Булата, предложеніе было отвергнуто 114 голосами противъ 113". А другой референтъ газеты, г. Суходревъ, охваченный страхомъ при мысли, что предложеніе трудовиковъ было отвергнуто большинствомъ только одного голоса, тутъ же помѣстилъ воззваніе къ правымъ о „болѣе усердномъ" посѣщеніи думскихъ засѣданій. Съ какою цѣлью трудовики внесли заявленіе, и именно въ первый день занятій,—пишетъ г. Суходревъ,—„ясно". Что̀ ему ясно—онъ не сказалъ. Да, отвѣтимъ на этотъ циническій кивокъ, до боли ясно, съ какою цѣлью они внесли заявленіе. Они знали и знаютъ, что въ день обсужденія въ Думѣ ихъ законопроекта по существу правые, предводительствуемые Марковыми, Крупенскими и Шубинскими, приложатъ всѣ усилія, чтобы проектъ отвергнуть. Но можно ли молчать? Можно ли молчать, когда высшее проявленіе противоестественнаго порядка вещей съ каждымъ днемъ приближается къ порядку обычному и потому выдаваемому за естественный? Можно ли, хотя бы безъ надежды на прямой успѣхъ, не стучать въ стѣну, когда за этой стѣной лѣсъ висѣлицъ?..

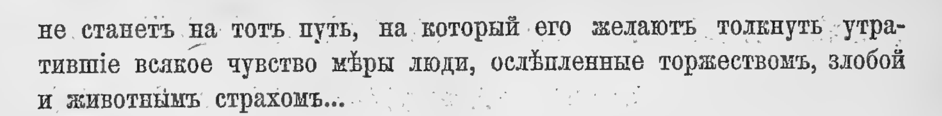

Начало и конецъ каждой новой сессіи третьей Думы всегда воскрешаютъ въ памяти все то, что̀ предшествовало манифесту 17 октября, и невольно наводятъ мысль на сопоставленія и вопросы: кто могъ ожидать, могла ли самая пылкая фантазія предвидѣть, возможно ли было предугадать? Дѣйствительно, кому могло придти въ голову, что Дума съ законодательными правами, рожденная освободительнымъ движеніемъ, будетъ открещиваться отъ завѣтовъ движенія и смотрѣть на него, какъ на матеріалъ для карательнаго розыска? Чье воображеніе могло рисовать, что законодательная, а не законосовѣщательная Дума, черезъ четыре года, будетъ измѣрять продуктивность своей работы цифрами пропущенной черезъ сложную машину законодательной вермишели? Кто могъ думать, что съ наибольшей бережностью Дума будетъ относиться къ огражденію ненарушимости ею самою правъ исполнительной власти? Но пережитое и видѣнное еще не все. Готовится нѣчто вовсе безпримѣрное, чего ни одинъ медіумъ не въ силахъ былъ бы предсказать. Готовятся использовать право запросовъ, т.-е. право надзора за закономѣрностью дѣйствій министерства, въ цѣляхъ привлеченія къ суду собственнаго сочлена за участіе въ освободительномъ движеніи. Вполнѣ оформлено предложеніе спросить министра внутреннихъ дѣлъ, почему онъ считаетъ данную форму участія непреступною.

Этотъ членъ Думы—П. Н. Милюковъ. О немъ думская коммиссія, какъ съ полными подробностями передаетъ „Новое Время", желаетъ

съ запросомъ обратиться къ П. А Столыпину. Обстоятельства, при которыхъ 49 правыхъ членовъ Думы внесли запросъ первоначально, вѣроятно еще не забыты. При обсужденіи дѣла Азефа П. А. Столыпинъ назвалъ нѣсколько фамилій лицъ, бывшихъ, по его свѣдѣніямъ, въ Парижѣ, въ 1904 г., на конгрессѣ, въ которомъ кромѣ нихъ принимали участіе эмигранты-революціонеры. Среди другихъ, была названа и фамилія г. Милюкова. Крайніе правые немедленно составили запросъ. Дума передала запросъ въ коммиссію. Теперь, по словамъ „освѣдомленнаго“ „Новаго Времени“, коммиссія, въ составъ которой входятъ представители всѣхъ фракцій и гдѣ большинство принадлежитъ націоналистско-октябристскому центру, признала запросъ подлежащимъ принятію и въ своемъ докладѣ пошла даже далѣе первыхъ иниціаторовъ. Сообщеніе „Новаго Времени“ о томъ, что авторство напечатаннаго доклада принадлежитъ коммиссіи, было, правда, опровергнуто. По свѣдѣніямъ „Новой Руси“, онъ принадлежитъ единолично г. Крупенскому. Если и такъ, то, въ виду усиливающагося съ каждымъ днемъ вліянія въ Думѣ г. Крупенскаго, фактъ заслуживаетъ не меньшаго вниманія. Во всякомъ случаѣ, весьма существенно слѣдующее. Иниціаторы запроса не квалифицировали „дѣянія“ П. Н. Милюкова никакой опредѣленной статьей уголовнаго уложенія. Коммиссія же— или пока одинъ г. Крупенскій—выставили статью 100-ую, въ которой говорится о виновности „въ насильственномъ посягательствѣ на измѣненіе въ Россіи или въ какой-либо ея части установленнаго законами основными образа правленія“. Иниціаторы въ основу запроса клали слова П. А. Столыпина и „имѣющіяся свѣдѣнія“. Коммиссія— или г. Крупенскій—выводитъ составъ преступленія, караемаго смертью, изъ слѣдующихъ объясненій самого П. Н. Милюкова: „Впервые на парижскомъ конгрессѣ русское общественное движеніе, въ лицѣ всѣхъ тогда дѣйствующихъ партій, объединилось около одной политической задачи. Въ первый разъ все русское движеніе согласилось признать своей задачей то, что считала таковой наиболѣе умѣренная часть русскаго активно-борющагося общества, именно — измѣненіе формъ стараго политическаго строя, паденіе абсолютизма и самодержавія“.

Мы не будемъ сейчасъ входить въ юридическій анализъ приведенныхъ соображеній. Съ краской стыда намъ придется, можетъ быть, еще разъ писать о запросѣ, когда онъ будетъ обсуждаться, когда будетъ въ Думѣ новый „большой“ день съ криками и со скандаломъ. Пока ограничимся фактическимъ изложеніемъ, которое достаточно краснорѣчиво и безъ анализа. Швы бѣлыхъ нитокъ достаточно ясно сами себя показываютъ. Мы всетаки надѣемся, что запросъ останется актомъ внутрипарламентской партійной борьбы и что правительство

не станетъ на тотъ путь, на который его желаютъ толкнуть утратившіе всякое чувство мѣры люди, ослѣпленные торжествомъ, злобой и животнымъ страхомъ...

Первые шаги обновленнаго состава петербургской городской думы въ точности оправдали предположенія, которыя дѣлала печать на основаніи результатовъ избирательной кампаніи. Стародумцы сохранили за собою большинство и, поскольку дѣятельность думы успѣла коснуться выборовъ на исполнительныя должности, они ясно показали, что не имѣютъ никакого желанія идти на уступки меньшинству. Но въ то же время, даже на первыхъ порахъ, они уже засвидѣтельствовали свою пассивность въ отношеніи дѣловыхъ вопросовъ. На всѣхъ засѣданіяхъ, на которыхъ выборовъ не производилось, наличное большинство принадлежало обновленцамъ. Обновленцы же выступали въ качествѣ главныхъ ораторовъ, и пока не было ни одного спорнаго случая,—правда, по вопросамъ второстепеннаго значенія, — по которому имъ не удалось бы добиться побѣды.

Общее численное соотношеніе силъ окончательно установилось при выборѣ предсѣдателя городской думы. Присутствовало 153 гласныхъ—количество, по словамъ давнихъ гласныхъ, небывалое. Кандидатъ стародумцевъ, г. Унковскій, получилъ 89 шаровъ противъ 64; кандидатъ обновленцевъ, г. Шубинъ-Поздѣевъ—68 шаровъ противъ 85. Слѣдовательно, стародумцамъ принадлежитъ 85 строго партійныхъ голосовъ, обновленцамъ — 64. Это соотношеніе навѣрное удержится при выборахъ городского головы (предварительная баллотировка записками предрѣшила избраніе г. Глазунова), товарища его и членовъ управы. Составъ исполнительныхъ органовъ городского самоуправленія будетъ, такимъ образомъ, сплошь стародумскій. А приводить въ исполненіе имъ придется, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, рѣшенія, подсказанныя оппозиціей. Неизбѣжныя тренія будутъ неустранимы. И на веденіи городского хозяйства они, конечно, отразятся. Но, всетаки, будетъ роковой ошибкой, если обновленцы, потерпѣвъ пораженіе при выборѣ должностныхъ лицъ, опустятъ руки, какъ сдѣлали ихъ предшественники въ 1904-мъ году. Пока-что, ясно чувствуется, что главари стародумцевъ учитываютъ численную и внутреннюю силу оппозиціи. Г. Унковскій ведетъ засѣданія совсѣмъ не такъ, какъ ихъ велъ въ минувшіе два года. Управа обнаруживаетъ по каждому поводу предупредительную готовность идти на встрѣчу желаніямъ меньшинства. При обсужденіи дѣлъ, гласные-стародумцы старательно избѣгаютъ конфликтовъ.

Изъ разсмотрѣнныхъ въ январѣ дѣлъ принципіальное значеніе имѣло одно: объ обжалованіи опредѣленія особаго по дѣламъ города

присутствія по предмету устройства коллектора для отвода сточныхъ водъ. Справедливость требуетъ сказать, что въ отношеніи этого дѣла опасенія вызывали не столько стародумцы, сколько пестрый составъ обновленцевъ. Дума прежняго состава 1-го іюля прошлаго года единогласно отклонила предложеніе правительственной санитарно-исполнительной коммиссіи о немедленномъ сооруженіи коллектора, а юридически вопросъ сводился къ отмѣнѣ этого именно постановленія. Слѣдовательно, стародумцы, отказавшись отъ обжалованія, росписались бы въ несостоятельности собственнаго своего рѣшенія. Для многихъ же обновленцевъ это былъ вопросъ новый и къ тому же—вопросъ высшей политики, въ которомъ заинтересованы правящія сферы. Сооруженіе коллектора распоряженіемъ санитарно-исполнительной коммиссіи, но за счетъ города, было со стороны правительства первымъ примѣненіемъ того принципа принудительности, на которомъ построенъ стомилліонный проектъ оздоровленія Петербурга, внесенный министромъ внутреннихъ дѣлъ въ законодательныя учрежденія. По спискамъ обновленцевъ въ гласные Думы прошло немало чиновниковъ, засвидѣтельствовавшихъ ранѣе свой карьеризмъ. Прошли также видные сотрудники „Новаго Времени", гдѣ систематически велась и ведется кампанія въ пользу экспропріаціи изъ компетенціи думы—за городской, однако, счетъ—устройства канализаціи и переустройства водоснабженія. Естественно, поэтому, было опасаться, что въ лагерѣ обновленцевъ дѣло вызоветъ расколъ.

Опасенія не оправдались. Раскола не произошло. Но одинъ гласный, считавшійся обновленцемъ, отъ всей думы откололся. Г. Пестржецкій, въ длинной и довольно-таки нескладной рѣчи, пытался склонить думу отказаться отъ обжалованія. Ссылаясь на примѣръ Самары, онъ доказывалъ, что городъ долженъ безропотно подчиниться грозящему изъятію изъ городской кассы 500 тыс. рублей на коллекторъ, который, по единогласному мнѣнію думы, не только „не дастъ гарантіи оздоровленія Невы", но „можетъ усилить ея загрязненіе". О томъ, что сооруженіе коллектора уже вызвало обвалъ церкви и рядъ уличныхъ проваловъ, г. Пестржецкій благоразумно умолчалъ. Въ результатѣ, его рѣчь только подчеркнула общественное значеніе вопроса, единодушіе городской думы и ея готовность на дальнѣйшую борьбу за основы самоуправленія противъ бюрократическаго самомнѣнія, такъ блестяще иллюстрированнаго провалами. За это можно сказать г. Пестржецкому спасибо. Но едва ли онъ услышитъ спасибо оттуда, откуда желалъ услышать.

Изъ мелкихъ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ въ одномъ изъ первыхъ засѣданій, любопытно отмѣтить дѣло по предложенію бывшаго гласнаго В. М. Володимірова о привлеченіи къ отвѣтственности члена управы

по назначенію (тоже бывшаго), г. Бруевича. Кое-кто изъ петербуржцевъ можетъ-быть помнитъ, какъ пять лѣтъ тому назадъ внезапно склонился на бокъ только что выстроенный хозяйственнымъ распоряженіемъ г. Бруевича пѣшеходный мостъ черезъ Мойку противъ Фонарнаго переулка. Тогда же гласнымъ Володиміровымъ было внесено его предложеніе, тогда же оно было передано въ управу, тогда же—21 марта 1905 г.—управою былъ составленъ докладъ. И только 20 января 1910 г. дѣло поступило на разсмотрѣніе думы. Мало того: докладчикъ, г. Демкинъ, изложилъ дѣло буквально на основаніи печатнаго доклада, какъ будто со времени его составленія прошло не пять лѣтъ, а пять дней. Управа, въ 1905 г., „за выраженною г. Бруевичемъ готовностью принять на свой счетъ расходы" по устройству моста, предлагала претензіи къ нему не предъявлять. Г. Демкинъ, въ 1910 г., повторилъ это самое предложеніе, ни звукомъ не обмолвившись, привелъ ли г. Бруевичъ въ теченіе пяти лѣтъ заявленную имъ готовность въ исполненіе. Понадобились вопросы—и не одинъ,—чтобы дума узнала, что г. Бруевичъ дальше словесной готовности не пошелъ. Гласный М. П. Федоровъ по поводу такого пріема спусканія залежавшихся дѣлъ остроумно замѣтилъ, что ему кажется, будто со времени выбытія изъ думы 1 января 1907 г. онъ все время спалъ, а теперь проснулся и видитъ, что и дѣла, и дума тоже какъ будто спали. Дума нашла, вопреки мнѣнію управы, что, на основаніи заявленной пять лѣтъ назадъ готовности заплатить деньги, нельзя отказываться отъ требованія уплаты, и постановила взыскать причиненные г. Бруевичемъ городу убытки судебнымъ порядкомъ.

При разсмотрѣніи того же дѣла обнаружился другой, еще болѣе любопытный фактъ. Кромѣ пѣшеходнаго моста черезъ Мойку, тогда строились такіе же мосты черезъ Фонтанку и Екатерининскій каналъ. И исполнителемъ хозяйственныхъ распоряженій члена управы по назначенію, г. Бруевича, былъ гласный думы г. Кондратьевъ.

---

14 января уголовный кассаціонный департаментъ сената сказалъ послѣднее слово по дѣлу прис. пов. Гиллерсона. Жалоба защиты отвергнута, и приговоръ виленской судебной палаты оставленъ въ силѣ. Послѣдствія рѣшенія сената пока не поддаются еще полному учету. Во всякомъ случаѣ, для защиты и для принципа равенства сторонъ въ уголовномъ процессѣ наступаютъ новыя, „послѣ-конституціонныя" времена. Въ 1878 г., проектъ графа Палена о подчиненіи адвокатуры въ дисциплинарномъ отношеніи дискреціонной власти министра юстиціи былъ отвергнутъ старымъ Государственнымъ Совѣтомъ. Даже въ восьмидесятыхъ годахъ не удалось „обуздать" защиту:

сенатъ, по извѣстному дѣлу Мельницкихъ, отказался послѣдовать по пути, который ему рекомендовалъ оберъ-прокуроръ (Н. А. Неклюдовъ).

Теперь, при обновленномъ строѣ, условія измѣнились. Начальникъ главнаго тюремнаго управленія, какъ извѣстно, отмѣнилъ циркуляромъ ст. 569 устава угол. судопр., которая всѣмъ защитникамъ даетъ право объясняться наединѣ съ подсудимыми, содержащимися подъ стражей, ни звукомъ не намекая на пожизненное лишеніе этого права защитниковъ, хотя бы изобличенныхъ въ передачѣ арестованнымъ, напр., газетъ. Министръ юстиціи откровенно объявилъ Государственной Думѣ: во-первыхъ, что ему „было извѣстно о циркулярѣ, который послѣдовалъ 18 января 1908 г. со стороны начальника главнаго тюремнаго управленія“; во-вторыхъ, что, признавая этотъ циркуляръ „вполнѣ закономѣрнымъ“, онъ „не только не могъ, но и не долженъ былъ принимать никакихъ мѣръ ни къ его отмѣнѣ, ни къ тому, чтобы подчиненныя министерству юстиціи должностныя лица противодѣйствовали исполненію этого циркуляра“. Какъ навѣрное еще не забыто, И. Г. Щегловитовъ, къ удовольствію юристовъ типа г. Тимошкина, предлагалъ Думѣ, для возстановленія силы явно нарушеннаго закона, намѣтить такую новую законодательную норму: „на время пребыванія защитника въ тюрьмѣ, власть тюремнаго начальства отъ наблюденія за тюрьмой устраняется“.

При положеніи, созданномъ рѣшеніемъ по дѣлу А. И. Гиллерсона, соотношеніе между обвиненіемъ и защитой рѣзко измѣняется. На это вѣрно указывалъ проф. М. П. Чубинскій въ засѣданіи петербургскаго юридическаго общества, посвященномъ вопросу о свободѣ судебнаго слова. Обязанности обвинителя отнынѣ переплетаются съ обязанностями цензора или доносителя. А доносители, по словамъ приведеннаго проф. Чубинскимъ стараго опредѣленія, отличаются „честолюбіемъ, неразборчивостью въ средствахъ и подлой душой“—такова ужъ эта несчастная профессія. Еще болѣе измѣняется соотношеніе между предсѣдателемъ и сторонами. Единому руководителю процесса—предсѣдателю—предстоитъ дѣлить свою власть съ обвинителемъ... Доводы, которые развивалъ въ сенатѣ защитникъ А. И. Гиллерсона, О. О. Грузенбергъ, для сената прошли безслѣдно: судебный хроникеръ „Рѣчи“ сообщаетъ, что подробно мотивированная резолюція, „напечатанная, на машинкѣ, на нѣсколькихъ страницахъ большого формата“, была вынесена черезъ полчаса.

Если у кого было малѣйшее сомнѣніе, что суть дѣла Гиллерсона—въ политикѣ, а не въ юриспруденціи, то восторженныя статьи, по поводу рѣшенія Сената, „Россіи“ и родственныхъ ей изданій до конца это сомнѣніе устранили. Г. А. Ст—нъ, заявивъ, что „юридическія тонкости“ ему чужды, „по здравому смыслу“ выражалъ удивленіе, что

неужели, если состоялось рѣшеніе сената по департаменту, то въ засѣданіи отдѣленія должно ему слѣдовать... На другой день, 15 января, въ сенатѣ же произошелъ слѣдующій любопытный инцидентъ. По назначенному къ слушанію дѣлу долженъ былъ выступать А. И. Гиллерсонъ. Товарищъ оберъ-прокуроръ предъявилъ отводъ. Онъ заявилъ, что Гиллерсонъ „не имѣетъ права выступать въ качествѣ повѣреннаго, какъ осужденный по статьѣ, влекущей за собой лишеніе правъ въ случаѣ наложенія наказанія въ полной мѣрѣ“ („Рѣчь“ отъ 16 января). Товарищу оберъ-прокурора понадобилось напомнить, что вопросъ о правѣ выступать по судебнымъ дѣламъ присяжныхъ повѣренныхъ, осужденныхъ по 129 ст. уг. ул., уже восходилъ на разрѣшеніе сената и рѣшенъ имъ въ положительномъ смыслѣ. Отводъ уваженъ не былъ.

Дѣло прис. повѣр. Патека, по внѣшнему остову—точное повтореніе дѣла Гиллерсона. Г. Патекъ по извѣстному дѣлу о нападеніи на станцію Безданы выступалъ въ качествѣ защитника подсудимаго Свирскаго—и въ результатѣ, за произнесенную рѣчь, не будучи ни прерванъ, ни остановленъ предсѣдателемъ военнаго суда, онъ привлеченъ къ отвѣтственности, правда, не къ уголовной, а только къ дисциплинарной. Но имѣетъ дѣло г. Патека и существенныя особенности. Во-первыхъ, рѣчь была имъ сказана въ *закрытомъ* судебномъ засѣданіи. Во-вторыхъ, иниціаторомъ обвиненія оказался даже не прокуроръ, участвовавшій въ процессѣ, а какой-то доброволецъ изъ „публики“. По крайней мѣрѣ, военный прокуроръ не требовалъ занесенія словъ г. Патека въ протоколъ, и предложеніе о привлеченіи къ отвѣтственности послѣдовало отъ прокурора варшавской судебной палаты безъ всякой ссылки на источникъ дошедшихъ до него свѣдѣній. Въ-третьихъ, въ рѣчи и тѣни не было намека ни на „народоправство“, ни на что-либо подобное и вообще „призывающее“.

Инкриминировано г. Патеку слѣдующее мѣсто его рѣчи: „Вашъ судейскій опытъ — сказалъ онъ, обращаясь къ военнымъ судьямъ, — подскажетъ вамъ, что въ такомъ сложномъ и запутанномъ дѣлѣ, какъ настоящее, и при такомъ хаотическомъ матеріалѣ, какъ настоящій, легко возможно совершить ошибку, непоправимую съ точки зрѣнія права. Матеріалъ, представленный вамъ, не можетъ позволить вамъ произнести смертный приговоръ, а успокоеніе, въ настоящее время господствующее въ вашемъ государствѣ, не побуждаетъ васъ къ этому“ („Русское Слово“, № 14). Рекомендуемъ задать вопросъ любому законовѣду: гдѣ сокрыто въ цитированныхъ словахъ „преступленіе“? Съ увѣренностью можно сказать, что не только законовѣды не разгадаютъ загадки, но и изъ опытныхъ „сотрудниковъ“ департамента полиціи, изощрившихся на чтеніи въ сердцахъ, немного найдется такихъ, которые не спасуютъ передъ вопросомъ. Составъ „преступленія“,

какъ оказывается, заключенъ въ послѣдней фразѣ, и именно въ словѣ „*вашемъ*". Еслибы г. Патекъ сказалъ „въ *нашемъ* государствѣ", а не „въ вашемъ", это не соотвѣтствовало бы грамматическому построенію рѣчи, цѣликомъ представлявшей обращеніе, но за то ему не грозила бы дисциплинарная отвѣтственность... Пока попытка подчиненія адвокатскаго слова добровольческой цензурѣ изъ публики успѣха не имѣла. Виленскій окружный судъ и судебная палата постановили г. Патека отвѣтственности не подвергать. Но возможна кассація. Чѣмъ кончится походъ на адвокатуру въ лицѣ г. Патека—неизвѣстно.

Также неизвѣстно, чѣмъ кончится походъ, начатый противъ харьковскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. Мѣстная судебная палата привлекла совѣтъ къ дисциплинарной отвѣтственности по слѣдующему поводу. Въ палатѣ разсматривалось уголовное дѣло нѣкоей Сметаничъ. Между прокуроромъ и защитникомъ, присяжнымъ повѣреннымъ Н. С. Каринскимъ, возникло пререканіе о существенности показанія неявившагося свидѣтеля. Когда г. Каринскій представлялъ суду свои объясненія, предсѣдательствовавшій его прервалъ, заявивъ, что прокуроръ не обязанъ указывать предметъ показаній свидѣтелей Продолжая заявленіе, прис. повѣр. Каринскій произнесъ: „я держусь противоположнаго мнѣнія"; въ этотъ моментъ предсѣдательствующій повышеннымъ тономъ рѣзко перебилъ защитника повелительнымъ восклицаніемъ: „Защита, довольно!" Вслѣдъ за этимъ палата удалилась для совѣщанія по вопросу о слушаніи дѣла и постановила: дѣло слушаніемъ отложить („Право" 1909 г., № 49).

Г. Каринскій обратился въ совѣтъ съ просьбой разсмотрѣть его дѣйствія. Совѣтъ просьбу исполнилъ и опредѣлилъ: „признать, что присяжный повѣренный Н. С. Каринскій, выступавшій въ засѣданіи особаго присутствія харьковской судебной палаты въ качествѣ защитника Сметаничъ, при защитѣ послѣдней ни въ чемъ не нарушилъ обязанностей своего званія". Общее собраніе департаментовъ палаты опредѣленіе совѣта отмѣнило и возбудило противъ совѣта дисциплинарное производство, найдя, что совѣтъ вопреки закону принялъ къ своему разсмотрѣнію дѣло по заявленію г. Каринскаго.

Не вдаваясь подробно въ существо возбужденнаго противъ харьковскаго совѣта обвиненія, скажемъ только, что совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ имѣетъ отнюдь не однѣ юридическія функціи. Онъ есть учрежденіе, вѣдающее вопросы адвокатской этики, и съ этой точки зрѣнія, само собою разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о лишеніи его права разсматривать дѣла по собственнымъ заявленіямъ членовъ присяжной адвокатуры. Съ формальной стороны характерна справка, которую привелъ харьковскій совѣтъ въ своемъ объясненіи („Право", № 52). Справка заимствована изъ объяснитель-

ной записки къ проекту новой редакціи учрежд. судебн. устан. изд. 1900-го года. Тамъ говорится буквально слѣдующее: „совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ является нынѣ отвѣтственнымъ единственно лишь передъ общимъ собраніемъ сихъ повѣренныхъ, коему онъ долженъ представлять отчетъ о своей дѣятельности за истекшій срокъ его полномочій и которое затѣмъ избираетъ членовъ совѣта на новый срокъ“. И находя такую постановку отвѣтственности недостаточной, коммисія министерства юстиціи предположила распространить правила судебныхъ уставовъ о надзорѣ за судебными установленіями и объ отвѣтственности должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства и на совѣты присяжныхъ повѣренныхъ. „Такимъ образомъ,—говорится въ объясненіи—еще только предполагалось замѣнить нынѣшній порядокъ отвѣтственности членовъ совѣта передъ общимъ собраніемъ присяжныхъ повѣренныхъ другимъ порядкомъ отвѣтственности, внеся для этого новыя нормы въ учрежденіе судебныхъ установленій“. До конституціи предполагалось: послѣ конституціи и возвѣщенной законности „новыя нормы“ вводятся—если не циркуляромъ, то разъясненіемъ, если не разъясненіемъ, то толкованіемъ и пониманіемъ...

Два интересныхъ образчика отношенія власти къ литературѣ. Первый образчикъ—чинимый черезъ адресный столъ розыскъ выбывшаго „неизвѣстно куда“ изъ Петербурга редактора „Русскаго Богатства“, полковника Николая Константиновича Михайловскаго. Второй—циркуляръ земскимъ начальникамъ вятскаго губернатора г. Камышанскаго. О розыскѣ покойнаго Н. К. Михайловскаго разсказалъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 10) А. В. Пѣшехоновъ. Покойника ищетъ исполняющій обязанности судебнаго слѣдователя „кандидатъ по политикѣ“ (по мѣткому выраженію сторожа въ судѣ, которому А. В. Пѣшехоновъ показалъ повѣстку). „Кандидатъ по политикѣ“ спрашивалъ о мѣстѣ жительства Н. К. Михайловскаго у В. Г. Короленко. Спрашивалъ, у А. В. Пѣшехонова, предварительно справившись, существуетъ ли Пѣшехоновъ въ дѣйствительности, или эта фамилія—псевдонимъ. Когда А. В. Пѣшехоновъ отвѣтилъ, что Михайловскій умеръ еще въ 1904-мъ году, „кандидатъ по политикѣ“ замѣтилъ:—„Вотъ тоже и Короленко показалъ, но не могу же я положиться на слова какого-то Короленка, когда у меня имѣются оффиціальныя свѣдѣнія“... Въ концѣ концовъ, исполняющій обязанности судебнаго слѣдователя прислалъ въ контору „Русскаго Богатства“ слѣдующій, заслуживающій воспроизведенія, запросъ: „Состоялъ ли въ 1906-мъ году отвѣтственнымъ редакторомъ-издателемъ „Русскаго Богатства“ дворянинъ Николай Константиновичъ Михайловскій и, въ утвердительномъ случаѣ,

гдѣ имѣетъ въ настоящее время названный Михайловскій свое мѣстожительство, дѣйствительно ли онъ происходитъ изъ дворянскаго сословія и въ какой именно губерніи онъ приписанъ, и если Н. К. Михайловскій состоитъ или состоялъ на государственной службѣ, то въ какомъ именно учрежденіи, произведенъ ли онъ въ чинъ, и въ семъ послѣднемъ случаѣ, какой именно".

„Бѣдная русская литература!—заканчиваетъ разсказъ г. Пѣшехоновъ:—даже судей образованныхъ для тебя не оказалось"... Но „кандидатъ по политикѣ" не одинокъ въ своемъ невѣжествѣ. Знать, кто такой былъ Н. К. Михайловскій, не относить В. Г. Короленка къ „какимъ-то", не смѣшивать Михайловскаго съ Шеллеромъ—все это стоитъ за предѣлами его служебныхъ обязанностей. И, какъ службистъ, онъ былъ правъ. Онъ показалъ А. В. Пѣшехонову оправдывающій его документъ, который ему прислало учрежденіе, по долгу службы обязанное кое-что знать въ области литературы. „Онъ мнѣ показалъ—пишетъ А. В. Пѣшехоновъ—помѣченное 1908-мъ годомъ отношеніе петербургскаго комитета по дѣламъ печати, который сообщаетъ, что отвѣтственными редакторами „Русскаго Богатства" въ 1906 году были Н. К. Михайловскій и В. Г. Короленко, каковыхъ, по мнѣнію комитета, и слѣдуетъ привлечь къ отвѣтственности". Впрочемъ, и въ области своихъ служебныхъ обязанностей „кандидатъ по политикѣ" оказался на одинаковой высотѣ. На замѣчаніе А. В. Пѣшехонова о неправильности привлеченія В. Г. Короленка, онъ отвѣтилъ:— „Ну, это пусть ужъ обвиняемый оправдывается и доказываетъ"...

Предметъ напечатаннаго въ „Рѣчи" (№ 2) циркуляра г. Камышанскаго—оповѣщеніе земскихъ начальниковъ Вятской губерніи о томъ, чтобы они поддержали „новое, весьма полезное изданіе", путемъ „личнаго участія", во-первыхъ, и путемъ „настойчивой" рекомендаціи „къ выпискѣ его волостными правленіями"—во-вторыхъ. Это изданіе—газета „Голосъ Вятки", въ которой, пишетъ губернаторъ, „кромѣ жизни и нуждъ мѣстнаго края, будутъ помѣщаться всѣ важнѣйшія распоряженія мои и подвѣдомственныхъ мнѣ учрежденій". Заключается циркуляръ фразой, сдѣлавшейся обычной въ обращеніяхъ губернаторовъ къ земскимъ начальникамъ: „къ означенному присовокупляю, что дѣятельность ваша по указанному въ настоящемъ письмѣ предмету будетъ для меня отвѣтомъ на вопросъ объ авторитетѣ, которымъ вы, въ качествѣ земскаго начальника, пользуетесь среди мѣстнаго крестьянскаго населенія".

Прежде всего объ этой фразѣ. Она краснорѣчивѣе всякихъ рѣчей и убѣдительнѣе всякихъ статей „за" и „противъ" реформы мѣстнаго суда. Она до конца объясняетъ, почему крайніе правые въ Думѣ готовы на все—вплоть до блока съ соціалъ-демократами и до вотиро-

ванія противъ имущественнаго ценза для мировыхъ судей,—только бы удержать институтъ земскихъ начальниковъ. Она покрываетъ всѣ разсужденія кн. Мещерскаго въ „Гражданинѣ", гдѣ за проектъ реформы мѣстнаго суда каждую недѣлю И. Г. Щегловитова называютъ кадетомъ. Она раскрываетъ загадку, почему кн. Мещерскій не переложилъ гнѣва на милость даже послѣ того, какъ министръ юстиціи высказался по финансовымъ соображеніямъ (!) въ пользу сохраненія жандармскихъ дознаній, очевидно полагая, что жандармскіе офицеры служатъ безъ жалованья и что потому дознанія по политическимъ дѣламъ нынѣ производятся безъ расходовъ для казны. Дѣйствительно, какіе бы мировые судьи ни замѣнили земскихъ начальниковъ, подобныя властныя предупрежденія въ подкрѣпленіе требованія властной поддержки „весьма полезнаго изданія" станутъ, если не невозможными, то очень затруднительными. Конечно, это не хуже сторонниковъ института земскихъ начальниковъ сознаютъ его противники, соглашающіеся на многія уступки, только бы добиться его упраздненія.

Литературные свои взгляды г. Камышанскій изложилъ въ такъ называемой на канцелярскомъ языкѣ исторической части циркуляра. Онъ признаетъ за повременной печатью „особо важное значеніе", но въ то же время обращаетъ вниманіе „на крайній вредъ для населенія тенденціозной печати". Тенденціозная печать, по его мнѣнію— та, которая освѣщаетъ „внутреннія событія политической жизни въ превратномъ видѣ". А „превратный видъ"—тотъ, который не соотвѣтствуетъ „ни задачамъ правительства, ни благу самого населенія", чего г. Камышанскій не различаетъ. Отсюда — разъ задачи правительства и благо населенія суть понятія всегда совпадающія,— естественный выводъ: населеніе должно исключительно читать „Губернскія Вѣдомости", или „Россію", или — населеніе Вятской губерніи — „Голосъ Вятки". И „всемѣрное" содѣйствіе этому г. Камышанскій обосновываетъ, — по крайней мѣрѣ для себя и для подвѣдомственныхъ ему земскихъ начальниковъ,—состояніемъ на государственной службѣ и полученіемъ содержанія на счетъ казны. „Состоящія на государственной службѣ лица, получающія содержаніе на счетъ казны,— пишетъ онъ,—по долгу службы обязаны не только не закрывать глаза на такое явленіе, какъ распространеніе среди населенія вреднаго органа печати, но всемѣрно предоставляемыми имъ на это закономъ средствами бороться съ ними"...

И борьба противъ печати ведется. Ведется на два фронта. Въ сторону читающихъ — воздѣйствіемъ на волостныя правленія, запрещеніемъ въ Одессѣ продавать „Рѣчь", отдачей желѣзнодорожныхъ кіосковъ „истинно-русскимъ" черносотенцамъ. Въ сторону пишущихъ— штрафами, крѣпостью, тюрьмой, конфискаціей и телефонными запре-

тами, возродившими въ „охранномъ“ порядкѣ пресловутую 144-ю статью цензурнаго устава. Насколько въ эту сторону „всемѣрно“ велась и ведется борьба въ Вяткѣ—знаетъ несчастная „Вятская Рѣчь“. По всей Россіи, какъ докладывалъ въ литературномъ обществѣ гр. П. М. Толстой, за три послѣдніе года было 1.259 случаевъ привлеченія редакторовъ къ суду, 462 редактора были приговорены къ крѣпости, 264 органа періодической печати пріостановлены судомъ, а 812—администраціей. За 10 мѣсяцевъ 1909-го года было наложено 155 штрафовъ, на общую сумму свыше 70.000 рублей.

А печать, отличающая измѣнчивыя и преходящія задачи и виды правительства отъ благъ населенія, — печать, смѣющая имѣть свое сужденіе о „внутреннихъ событіяхъ политической жизни“, все жива и жива!.. И какъ ни „всемѣрны“ заботы подмѣнить печать „совершенно частными изданіями“ или изданіями реакціонными по доброй волѣ, подогрѣтой казенными объявленіями и другими воспособленіями—такія изданія остаются внѣ печати и внѣ литературы. Князь Мещерскій праздновалъ пятидесятилѣтній юбилей. Его привѣтствовали бывшіе и нынѣшніе министры, личные знакомые, писчебумажная фабрика. А печать представляли редакторъ „Гражданина“, редакторъ „Колокола“, редакторъ-издательница дѣтскаго журнала „Свѣтлый Лучъ“, бывшая сотрудница „Гражданина“ г-жа Уманецъ, редакціи „Полтавскаго Вѣстника“ и „Дружескихъ рѣчей“. Даже А. С. Суворинъ прислалъ телеграмму лично отъ себя, а не отъ своего органа. И бѣдный юбиляръ такъ былъ растроганъ этими привѣтствіями „печати“, что въ тотъ же день отблагодарилъ въ „Дневникѣ“ г-жу Уманецъ рекламой „Свѣтлаго Луча“. „Очень, очень рекомендую—записалъ онъ въ „Дневникѣ“—этотъ, начинающій свой трудный путь, прекрасный журналъ для всякой семьи, ищущей столь рѣдкое теперь чистое чтеніе. Онъ очень интересно издается, и цѣна его доступна многимъ—всего 6 р. въ годъ за 12 книжекъ“... Одновременно чествовался день пятидесятилѣтія рожденія покойнаго А. П. Чехова. Ни одинъ органъ печати не прошелъ чествованіе молчаніемъ, и вся Россія запомнила этотъ памятный для литературы день. Это былъ ея день—литературы и печати...

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

ИЗВѢЩЕНІЕ

О прісканіи занятій и мѣстъ бывшимъ депутатамъ 1-ой и 2-ой Думы.

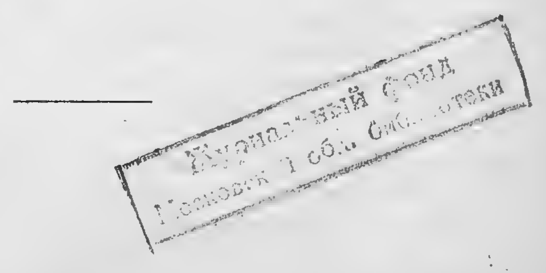
Принимая во вниманіе, что многіе изъ бывшихъ депутатовъ 1-ой и 2-ой Государственной Думы оказались лишенными ихъ обычнаго заработка и въ прісканіи таковаго на мѣстѣ своего жительства они часто встрѣчаютъ затрудненія, *группа* лицъ изъ бывшихъ членовъ 1-ой Думы рѣшила организовать дѣло по прісканію занятій и мѣстъ оставшимся безъ подходящаго заработка своимъ товарищамъ. Въ этихъ видахъ она предполагаетъ сосредоточить у себя свѣдѣнія о предложеніи ими труда и о спросѣ на тотъ трудъ, который они предлагаютъ.

Разсчитывая въ этомъ трудномъ дѣлѣ на поддержку широкихъ слоевъ русскаго общества, *группа* проситъ оказать ей содѣйствіе въ прісканіи подходящихъ мѣстъ и занятій (по профессіямъ, начиная отъ простого рабочаго, кончая интеллигентнымъ трудомъ разныхъ категорій) тѣмъ изъ бывшихъ депутатовъ, о коихъ у *группы* уже имѣются свѣдѣнія, а также сообщать ей свѣдѣнія о возможныхъ открывающихся мѣстахъ и спросѣ на трудъ. Только путемъ широкаго ознакомленія съ ея задачами и при помощи лицъ, сочувствующихъ этому дѣлу, *группа* надѣется выполнить весьма трудную задачу, которую она себѣ поставила.

Отвѣты, съ указаніемъ характера мѣстъ и условій, а также запросы по данному предмету можно адресовать въ редакцію *для группы.*

Группа Членовъ 1-ой Государственной Думы.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ВТОРАЯ.—ФЕВРАЛЬ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1910** годъ
на большую ежедневную газету

ГОЛОСЪ ЮГА

(6-й годъ изданія).

„Голосъ Юга“ получаетъ, кромѣ агентскихъ телеграммъ, также телеграммы отъ собственныхъ корреспондентовъ изъ Петербурга, Москвы и другихъ крупныхъ городовъ.

Отчеты о засѣданіяхъ Государственной Думы передаются собственными думскими корреспондентами — членами Государственной Думы.

Въ 1909-мъ году помѣщались отчеты членовъ Думы П. Герасимова, Н. Некрасова и А. Шингарева.

Въ **„Голосѣ Юга“** помѣщаются статьи по политическимъ и общественнымъ вопросамъ извѣстныхъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей.

„Голосъ Юга“ имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ Берлинѣ, Парижѣ и другихъ европейскихъ центрахъ.

Во всѣхъ крупныхъ городскихъ и сельскихъ поселеніяхъ нашего района **„Голосъ Юга“** имѣетъ корреспондентовъ, доставляющихъ свѣдѣнія по почтѣ и телеграфу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой.			Безъ доставки.		
На годъ . . .	**8** р.	— к.	На годъ . . .	**7** р.	— к.
„ полгода . .	**4** „	**25** „	„ полгода . .	**3** „	**75** „
„ 3 мѣсяца .	**2** „	**25** „	„ 3 мѣсяца .	**2** „	**10** „
„ 1 „ .	— „	**75** „	„ 1 „ .	— „	**70** „

Учителя земскіе и городскіе служащіе въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ и сельскіе священники платятъ въ годъ **6** р. **50** к. съ пересылкой.

Годовымъ подписчикамъ допускается разсрочка—при подпискѣ **3** р., 1-го апрѣля **3** р. и 1-го сентября—**2** р.

Контора помѣщается въ городѣ Елисаветградѣ, на углу Дворцовой и Ивановской улицы, въ домѣ Музыканскаго. Открыта съ 8 ч. утра до 7 ч. вечера.

Редакторъ-издатель *Д. С. Горшковъ.*

НА 1910 Г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА БОЛЬШУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЭКОНОМИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

ГОЛОСЪ МОСКВЫ.

Четвертый годъ изданія.

Взявъ своимъ лозунгомъ независимость и поставивъ главною цѣлью широкую и полную освѣдомленность, редакція „ГОЛОСА МОСКВЫ“ привлекла для ближайшаго участія въ газетѣ выдающихся ученыхъ и спеціалистовъ по всѣмъ отраслямъ знанія и образовала обширную сѣть своихъ корреспондентовъ.

Свѣдѣнія о текущей жизни Петербурга и о дѣятельности всѣхъ государственныхъ учрежденій получаются ежедневно по телефону.

Подробнѣйшія свѣдѣнія о московской жизни.

Газета внимательно слѣдитъ за ходомъ развитія торгово-промышленнаго дѣла въ Россіи. Ежедневно—обширная хроника, обзоры и руководящія статьи по вопросамъ этой области.

Въ каждомъ номерѣ газеты — сатирическіе и юмористическіе фельетоны на злобу дня.

Широкое мѣсто отводится вопросамъ искусства и художественной литературѣ.

Безплатныя иллюстрированныя приложенія.

Подписная цѣна:

на 12 мѣс.	9 р.	— к.	на 6 мѣс.	4 р.	75 к.
„ 11 „	8 „	50 „	„ 5 „	4 „	— „
„ 10 „	7 „	75 „	„ 4 „	3 „	25 „
„ 9 „	7 „	— „	„ 3 „	2 „	50 „
„ 8 „	6 „	25 „	„ 2 „	1 „	80 „
„ 7 „	5 „	50 „	„ 1 „	— „	90 „

Льготная подписка для лицъ духовнаго званія, военныхъ, учителей и студентовъ.

на 12 мѣс.	6 р.	— к.	на 6 мѣс.	3 р.	— к.
„ 11 „	5 „	50 „	„ 5 „	2 „	50 „
„ 10 „	5 „	— „	„ 4 „	2 „	— „
„ 9 „	4 „	50 „	„ 3 „	1 „	50 „
„ 8 „	4 „	— „	„ 2 „	1 „	10 „
„ 7 „	3 „	50 „	„ 1 „	— „	60 „

ВЫПИСЫВАЮЩІЕ ЗА-ГРАНИЦУ ПЛАТЯТЪ ВДВОЕ.

Отвѣтств. редакторъ: *П. И. Смирновъ.*

Издатель: „Московское Товарищество для изданія книгъ и газетъ“.

